

**Министерство обороны Российской Федерации
Российская академия ракетных и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи**

**Война и оружие
Новые исследования и материалы**

**Труды Третьей международной
научно-практической конференции**

16–18 мая 2012 года

Часть II

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2012**

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции
«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,
С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,
В.И. Кобякова, начальник военно-научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,
Ю.В. Утянский, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Третьей международной
научно-практической конференции

В трех частях

Часть 2

Информационная поддержка

Военно-исторический
XVIII **ФОФОРУМ** XIX
<http://www.reenactor.ru>

© ВИМАИВиВС, 2012
© Коллектив авторов, 2012

ISBN 978-5-7937-0769-5

С.Н. Ковалев (Санкт-Петербург)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АВСТРИИ И РОССИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПОХОДА РУССКОГО ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО КОРПУСА НА РЕЙН

РЕЧЬ Посполитая ¹, потерпевшая неудачу в войнах со Швецией и Турцией, была исключена из большой европейской политики ². Только победы России в Северной войне способствовали сохранению ее независимости ³. Но для Восточной Европы Польша по-прежнему оставалась важным фактором международной политики ⁴.

Отряды шляхты нападали на приграничные русские деревни, уводили крестьян, угоняли скот, жгли поля и дома. В Белоруссии и по берегам Днепра, в землях, признанных по Вечному миру между Россией и Речью Посполитой 1686 г. нейтральным барьером ⁵, шляхтой захватывались хутора, на дорогах устраивались заставы, собирались пошрины с русских подданных ⁶.

В Речи Посполитой сохранялось крепостничество, имевшее во многих воеводствах формы рабства или раннефеодальной эксплуатации, а недворянское население было лишено каких-либо гражданских прав. Социальный гнет усугублялся национальным и религиозным неравенством. Государственной религией был католицизм, а относящиеся к другим христианским конфессиям «диссиденты» (лютеране немецкоязычных областей, православные Литвы, Белоруссии и Украины) не имели гражданских прав, что подтверждалось кровавой расправой 1724 г. в Торне ⁷ и гонениями в Гродно и Минске ⁸.

Всевластие родовитого и произвол мелкого дворянства, слабость государственных институтов делали Польшу беспокойным соседом.

Российский двор по этим причинам хотел видеть в Варшаве короля, который был бы другом России и мог бы ограничить

произвол шляхты и воевод на русских рубежах⁹. Для Австрии польский вопрос с конца XVII в. увязывался с проблемой поддержания единства империи и гарантий прав религиозных меньшинств¹⁰.

Россия и Австрия имели сходные оценки ситуации в Речи Посполитой и были заинтересованы в сотрудничестве и развитии мирных отношений с ней. При этом ни Россия, ни Австрия не стремились к разделу Речи Посполитой и территориальным приращениям за ее счет.

Но выборы нового польского короля после смерти Августа Сильного стали поводом к войне, охватившей почти всю Европу, и завершили мирный период развития континента. Следует отметить, что решение о переходе к военным методам для решения вопросов о поддержании стабильности в Речи Посполитой было вынужденным. Оно было вызвано тем, что переходное правительство Речи Посполитой мирные инициативы оставило без ответа, опираясь на тайный франко-польско-баварский союз, призванный дестабилизировать обстановку в целях достижения бурбонского господства в Европе¹¹.

К апрелю 1735 г. российские войска в Польше выполнили задачу по разгрому вооруженных групп сторонников Лещинского. На польский Сейм была возложена задача примирения сторон. Российские войска, оставаясь в Польше, завершали усмирение противоборствующих законному избраннику, Августу III, шляхетских отрядов.

Но в то время Бурбонский блок (Франция, Испания, Сардиния), обладая перевесом в Италии и на Рейне, мог нанести поражение Австрии, и в результате ситуация могла привести к потере достигнутых результатов в Речи Посполитой. Тем более, что поражение Австрии могло не только оставить Россию без поддержки в случае нападения турок. Необходимо было заставить Францию пойти на мир на условиях признания королем Польши Августа III. Достижение этой цели было возможно только при оказании военной помощи Австрии со стороны России, которая становилась все более необходимой.

Представляется целесообразным более подробно остановиться на практических аспектах военного сотрудничества Австрии и России на примере похода русской армии на Рейн в 1735 г.

5 февраля 1735 г. австрийская сторона, ссылаясь на положения союзного договора 1726 г., заверяя, что Австрия поможет России

в случае турецкого нападения, потребовала подготовить и направить вспомогательный корпус на Рейн¹².

9 марта императрица Анна Ивановна дала указ президенту Военной коллегии и главнокомандующему Польским корпусом Миниху подготовить и направить восемь наиболее готовых пехотных полков под командованием генерала Ласси «к шлезецким границам», указав, что корпус переходит в подчинение и действует по приказам Карла IV и принца Евгения Савойского¹³.

26 марта Миниху был послан указ выделить «еще 5000 человек в Краковском воеводстве» для прикрытия австрийской границы со стороны Польши и для помощи в случае вторжения в Богемию курфюрста Баварии подготовить 15 тыс. солдат¹⁴.

Этим же указом были определены права, обязанности, правовой статус и подчиненность командира и личного состава русского вспомогательного корпуса, порядок их обеспечения. Командир вспомогательного корпуса подчинялся лично главнокомандующему австрийской армией и обладал правом голоса на военном совете, отвечал за состояние дисциплины в войсках. Солдаты и офицеры вспомогательного корпуса несли ответственность за проступки по российским законам и уставам и имели право свободного отправления религиозных обрядов. Полки корпуса не должны были разделяться при ведении боевых действий на мелкие отряды и выполнять задачи более других союзных войск, марши не должны были продолжаться более двух дней подряд (на третий день полагалась дневка). Лечение раненых и больных, предоставление подвод и зимних квартир, довольствие российских войск всем необходимым (провиант, фураж, боеприпасы, обмундирование и др.) возлагались на принимающую, австрийскую, сторону¹⁵. Денежное довольствие офицерам и солдатам корпуса должно было выплачиваться из денег, вырученных от продажи в Бреслау 3000 украинских быков, а также из данцигской контрибуции (1 млн. талеров)¹⁶.

11 марта командующим корпусом был назначен генерал-аншеф П.П. Ласси¹⁷. 14 апреля Ласси прибыл в штаб Миниха в Варшаве и получил приказ о сборе 8 пехотных полков у Конецполя близ силезской границы¹⁸. 17 апреля на совещании стороны обсудили детали подготовки к походу. Миних потребовал скорейшего принятия австрийской стороной корпуса, снабжения его из магазинов в Силезии, назначения почтовых маршрутов для переписки с Веной

и Петербургом, а также определения мест для складов оружия, содержания больных, сбора рекрутов. Для решения этих вопросов назначался специальный имперский комиссар. Миних объявил, что каждый полк, состоящий из двух батальонов, будет иметь 1660 солдат при двух 3-фунтовых пушках с запасом пороха, ядер и формами для литья пуль¹⁹.

24 апреля Миних, обратившись к Анне Ивановне, просил назначить корпусу, отправляющемуся на Рейн, полуторное жалование, а также выдавать войскам, кроме провианта, пива, вина, уксуса, дров, свечей и постелей «согласно уставу»²⁰. Было принято решение оставить в полках по 4 патронных ящика, а остальное имущество и лишние лошадей передать в находящиеся в Речи Посполитой полки и команды²¹.

3 мая Миних доложил Анне Ивановне о ходе подготовки вспомогательных войск. Первый корпус из 8 пехотных полков собирался у Пинчова, получая оружие из Саксонии, а обмундирование из Силезии. Заместителем Ласси был назначен генерал-лейтенант Дж. Кейт²². Т.к. на границах Краковского воеводства мятежников не было, то Миних приказал подготовить второй корпус из 3 пехотных и 8 драгунских полков (15 867 человек), для привлечения его к военным действиям по требованию австрийской стороны²³.

15 мая Миних сообщил австрийскому послу в Варшаве Вратиславу, что 13 384 солдата генерал-аншефа Ласси начнут поход из Конецполя 10 июня, а 1 июля за ними последуют 15 770 солдат генерала Урусова. Подряды на мундиры и палатки для этих войск были заключены в Бреслау. Это было вызвано тем, что указанное имущество и обмундирование, еще зимой отправленные из России, в распутицу застряли в Литве и не были доставлены²⁴. Всего из Бреслау для российских полков было получено 6449 драгунских синих и 1874 пехотных зеленых кафтана, 7429 камзолов, 7207 епанчей, 8000 шляп, 13 470 штанов-кюлотов и нижних портов²⁵.

Следует отметить, что формирование второго вспомогательного корпуса было оправданным решением. Весной 1735 г. враждебность баварского курфюрста Карла Альбрехта II стала особенно явной. Его посол в Вене заявил, что на границах Обер-Пфальца собрана 15-тыс. баварская армия, которая не даст русским пройти на Рейн²⁶. Усиление военной помощи, по мнению русских дипломатов, должно было повлиять на изменение позиции курфюрста²⁷.

Но австрийский двор был озабочен медленной подготовкой вспомогательных войск к походу и большими расходами по их содержанию – до 1 млн. флоринов в течение пяти месяцев²⁸. 22 мая Карл VI, обеспокоенный возникшими проблемами, направил указы послам в Варшаве и Петербурге договориться о поставке украинских быков на мясо для нового российского корпуса и принять меры к ускорению марша, чтоб хотя бы два с половиной месяца эти полки могли участвовать в кампании²⁹. Посол в Петербурге Оштин просил о немедленной отправке 5-тыс. отряда на Рейн³⁰. Миниху был послан указ о немедленном выступлении 8 пехотных полков, в то время как 5-тыс. отряд полковника Девица оставался прикрывать границу Силезии от польских набегов. Также российская сторона обязывалась для отражения неприятельских действий курфюрста Баварского направить в Богемию еще 15-тыс. контингент³¹. Русский кабинет министров к тому времени уже знал о том, что мундиры и провиант заготовлены в Силезии и отправлены в Тарновиц (месту сбора корпуса Ласси), а на следующие 10–15 тыс. будут готовы в течение двух месяцев³².

14 июня 1735 г. Ласси сообщил: войска, получившие новые мундиры и пополненные из Великолуцкого и Углицкого полков, 8–9 июня перешли силезскую границу и тремя группами двинулись к Рейну. Авангардная колонна российского корпуса достигла 14 июня г. Оппельн, а колонны Кейта и Бахметева – Троппау и Вундерберга³³. С австрийской стороны к корпусу были присланы австрийские комиссары: в колонну Ласси – генерал-фельдмаршал Вильчек (посол в Варшаве), а в колонну Кейта – генерал-фельдмаршал Хасслинген³⁴. С этими комиссарами, а также с депутатами Силезии Поченски фон Тенчином и Виденбауэром и депутатом Богемии Логдманом фон Ауэном генерал-аншеф Ласси, обер-аудитор Шольтен и обер-провиантмейстер Головин заключили соглашение о маршруте движения корпуса, темпах марша и о порядке снабжения солдат всем необходимым из имперских магазинов (складов) в Силезии, Моравии и Богемии. Кроме того, солдаты могли покупать на деньги из жалованья различные продукты у населения³⁵.

На 14 июня 1735 г. вспомогательный корпус насчитывал вместе с больными и арестованными 12 954 пехотинца, 124 артиллериста, 37 драгун Санкт-Петербургского полка «для конвою и посылок», 14 инженеров, 13 комиссариатских чиновников и служителей и

66 человек штаба корпуса (при трех генералах); кроме того, в полках было 936 подъемных и артиллерийских лошадей. Несмотря на пополнение, в корпусе недоставало до штата еще 359 солдат и офицеров и 432 лошади³⁶. На вооружении корпуса находилось 16 трехфунтовых полковых пушек, 198 эспантонов и 17 протазанов, 36 патронных и 8 гранатных ящиков (всего 3097 гранат, 211 842 картечных заряда, 471 091 фузейный и 8293 пистолетных патрона), 169 пар пистолетов, 11 311 фузей со штыками, 11 948 шпаг и 136 алебард³⁷. К походу в корпусе были получены 5000 новых саксонских фузей, которыми были вооружены четыре полка³⁸.

26 июня колонна Ласси (Архангелогородский, Киевский, Копорский и Псковский полки) вступила в Кёниггрец, а колонна Кейта в Дашиц (2-й Московский, Воронежский, Новгородский и Троицкий полки). Сбор корпуса намечался в Пильзене 8 июля. Поход проходил благополучно, солдатам в день выдавалось по фунту мяса и два фунта хлеба (австрийский фунт равен 0,5 кг) или при отсутствии запасов по 14 крейцеров (примерно 14 копеек) для закупки продуктов у населения. Ласси отмечал, что «как люди, таки и лошади ... довольствуются без нужды». Но обувь была «от всегдашних походов едва не без остатка изношена»³⁹, в полках недоставало 8257 пар башмаков, 7328 пар сапог, а штиблет имелось всего 2920⁴⁰. Поэтому по прибытии в Прагу Ласси заказал 6 тыс. пар башмаков по 78 копеек за пару. Это существенно облегчило последующий марш.

Другой проблемой корпуса стала высокая заболеваемость солдат. Одной из главных причин такого явления было строгое соблюдение православных постов в российских полках, когда солдаты, воздерживаясь от мяса, изнемогали во время длительных маршей (15–22,5 км)⁴¹. На 25 июня в корпусе было 310 «легких» и 190 лежачих больных, которых везли на фурах⁴². 4 июля 1735 г. Ласси и Кейт при посредничестве фельдмаршала Вильчека заключили соглашение с пражским оберст-бургграфом фон Шафтготом и оберкригс-комиссаром В. Логдманом фон Ауэном о размещении больных для излечения в городах Мисс, Гейд и Пильзен⁴³.

В преддверии выступления русских войск на Рейн Версальский двор начал кампанию по дискредитации России, рассчитывая поднять против русского корпуса население германских земель. Но листовки о «нашествии русских варваров, угрожающих свободе немцев», напугали только самих французов. С весны 1735 г. во

французских войсках ходили слухи о походе на Рейн 37 тыс. русских солдат и до 6 тыс. казаков и калмыков. После вступления российских солдат в австрийские владения эта пропаганда потерпела крах. Местное население радушно встречало их, а в Праге 8 июля горожане устроили пир в честь русского корпуса.

8–16 июля в Пильзене собрались все колонны вспомогательного корпуса. После отдыха они вышли в поход через Обер-Пфальц, который находился во владении курфюрста Баварии Карла-Альбрехта, придерживавшегося французской ориентации. После заявлений баварцев о намерении не допустить прохода русских полков, союзники были вынуждены принять экстренные меры. В Пфальце находилось до 15 тыс. баварских войск, но австрийцы были готовы обеспечить безопасный проход русских войск⁴⁴. Сам курфюрст объявил, что может сохранить нейтралитет и пропустить войска Ласси, если они будут идти отдельными полковыми колоннами⁴⁵. Рассчитывали в Мюнхене и на то, что французской армии удастся овладеть Майнцем и прорваться за Рейн⁴⁶.

Но в Вене требование о проходе отдельными колоннами по 1000 солдат было отвергнуто. 19 июня принц Евгений приказал генерал-фельдмаршал-лейтенанту Хоэнцоллерну с четырьмя полками кирасир и войсками епископа Бамбергского идти к г. Вальдсэггу⁴⁷ и действовать по приказам Вильчека для прикрытия российских войск. К 8 июля австрийские 2 драгунских и 4 кирасирских полка заняли позиции от озера Боден-Зее до Ульма, блокировав баварские владения с запада и с юга⁴⁸.

7 июля имперский канцлер Зинцендорф объявил Ланчинскому, что баварский курфюрст согласился пропустить российские войска; в Обер-Пфальце он оставил не более 6000 солдат⁴⁹. 11 июля баварский придворный военный советник и комиссар Кирхнер заключил соглашение с Вильчеком о свободном проходе российских войск и о снабжении их из баварских магазинов⁵⁰.

Поход через Обер-Пфальц и Зульцбах был совершен без дневков за 4 дня (пройдено 10,5 миль), и 26 июля полки прибыли в Помол-Шпрунг, где баварские власти предоставили фураж для лошадей и по 34 подводы на полк для больных и имущества⁵¹. Инцидентов с баварской стороны не было⁵².

После прибытия на Рейн всех русских войск, для обеспечения обороны Рейна 21 июля генерал-фельдмаршал Вюртембергский предложил разместить полки Ласси до подхода остальных сил

в наиболее уязвимом месте – у Оффенбурга. Эта идея была принята принцем Евгением Савойским, поскольку к тому времени стало ясно, что французские солдаты боятся прибытия русских. Поэтому принц решил использовать русский вспомогательный корпус более как психологическое оружие.

15–16 августа вспомогательный корпус прибыл в Ладебург у р. Неккар и расположился от Ладебурга до Хайделберга, имея справа четыре кирасирских полка Хоэнцоллерна, а справа – датский вспомогательный корпус⁵³. В строю находились: 12 661 пехотинец и 88 артиллеристов, а также 30 конных гренадер⁵⁴. Прибытие русских полков сказалось на общей обстановке. Бавария была вынуждена прислать Австрии контингент вспомогательных войск⁵⁵; французская армия прекратила попытки форсировать Рейн и только стремилась добиться успеха у Майнца и Кобленца⁵⁶.

24 сентября принц Савойский отдал распоряжения о размещении корпуса Ласси на зимних квартирах⁵⁷. Но через неделю корпус Ласси успел принять участие в перестрелке с французскими частями близ Филиппсбурга⁵⁸.

20 октября Ласси получил письмо от герцога Вюртембергского о прекращении военных действий против французов⁵⁹. Также неожиданно, 21 октября в Санкт-Петербурге получили извещение о заключении австро-французского перемирия на Рейне и в Италии⁶⁰. 17 февраля 1736 г. Анна Ивановна подписала указ о возвращении в Россию полков вспомогательного корпуса⁶¹.

Другой корпус, собиравшийся на силезских границах, так и не был отправлен – надвигалась война с турками⁶².

Как отмечают большинство исследователей, решающее влияние на поворот Версаля к миру оказал поход российского корпуса на Рейн. Присутствие в Германии российских войск способствовало не только мирному урегулированию европейского конфликта, но изменило мнение в Европе в пользу России. Тем самым российское правительство смогло обеспечить завоеванный в Речи Посполитой трон для Августа III и обеспечить спокойствие на границах с Польшей.

¹ Rzeczpospolita (польск.) – Республика Польско-Литовская.

- ² Oesterreich und die Osmanen. Prinz Eugen und seine Zeit. Wien, 1988. S. 66.
- ³ Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига, 2010. С. 88.
- ⁴ Территории Польши занимали в тот период «срединное положение» между владениями Швеции, России, Турции и Священной Римской империей.
- ⁵ «Вечный мир», заключенный Россией и Польшей в 1686 г., утверждал присоединение Левобережной Украины с Киевом к России. См.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: В 3 т. Т. 1. 860–1917 гг. М., 2002. С. 78.
- ⁶ Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862. С. 84–85.
- ⁷ Об этом писал прусский уполномоченный по поддержанию социального мира в 1920 г.: в 1724 г. в Торуне немецкому бургомистру и 9 жителям города отрубили головы // Niespork В. Polska polityka narodowościowa lat międzywojennych. Ślonsk. 08. 2000.
- ⁸ Нелипович С.Г. Указ. соч. С. 89. Церковный историк архиепископ Филарет Черниговский писал: «Трудно изобразить все жестокости, какие позволяли себе делать против православия. Не оставалось позорного имени, которым не клеймили бы публично православных. Теперь веру их называли уже не только холопской верой, но верой арианской, собачьей. Украина и Белоруссия назывались “странами неверных”... Православных священников привязывали к столбам, били плетью, сажали в тюрьмы, морили голодом, травили собаками, рубили им саблями пальцы, ломали руки и ноги...» Цит. по: Русак В.С. История Российской церкви от основания до наших дней. Джорданвилль, 1993. 580 с.
- ⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. Т. 1. С. 151.
- ¹⁰ Нелипович С.Г. Указ. соч. С. 89.
- ¹¹ Архив внешней политики России Историко-дипломатического департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВП РИ). Ф. 32. Оп. 1. 1733 г. Д. 5. Л. 73.
- ¹² Там же. Д. 6. Л. 157–160.
- ¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 14. Л. 29–30.
- ¹⁴ Там же. Д. 7. Л. 29–30.
- ¹⁵ Там же. Л. 5–8об. одному солдату полагалось на месяц 2 четверика ржаной муки, гарнец крупы, а в день 1 фунт мяса. Четверик = 26,24 л, гарнец = приблизительно 3,3 л, русский фунт = 409,5 г.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 7. Л. 51, 61.
- ¹⁷ Там же. Л. 26.
- ¹⁸ Там же. Д. 9. Л. 23.
- ¹⁹ Там же. Л. 51–52 об.
- ²⁰ Там же. Л. 55об. Пива по уставу полагался 1 гарнец в день, а вина или водки – 2 чарки (250 г).
- ²¹ Там же. Д. 14. Л. 34–35. В пехотных полках Польского корпуса был двойной штат патронных ящиков – по восемь.
- ²² Там же. Л. 57–57 об.
- ²³ Там же. Л. 58, 60 об.
- ²⁴ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1735 г. Д. 10. Л. 336–337.
- ²⁵ Feldzuege des Prinzen Eugen von Savoyen. Bd. 20. Wien, 1891. S. 118.

²⁶ Ibid. S. 120.

²⁷ 17 мая Ланчинский писал ко двору: «Баварский курфюрст при своей немалой артиллерии в размышлении находится от восьми полков Вашего Императорского Величества ауксилиарного войска, которые чрез Богемию к Рену маршировать имеют. Оное размышление и приумножится, когда имеющуюся здесь из Варшавы ведомость получит, что еще вящее число Вашего Императорского Величества войск здешнему двору на помощь определяется». Приводится по: АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1735 г. Д. 8. Л. 155.

²⁸ Feldzuege des Prinzen Eugen von Savoyen. Bd. 20. Beilage S. 35–36. Флорин, или имперский гелден = 60 копеек золотом.

²⁹ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1735 г. Д. 10. Л. 329–329 об.

³⁰ Там же. Л. 286.

³¹ Там же. Л. 343–344.

³² Там же. Д. 9. Л. 91.

³³ Там же. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 17. Л. 1–2.

³⁴ Feldzuege des Prinzen Eugen von Savoyen. Bd. 20. S. 119.

³⁵ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 17. Л. 54–66.

³⁶ Там же. Л. 67–70.

³⁷ Там же. Л. 17 об.–39.

³⁸ Там же. Л. 78 об.

³⁹ Там же. Л. 95–96.

⁴⁰ Там же. Л. 19 об.–20, 97 об.

⁴¹ Feldzuege des Prinzen Eugen von Savoyen. Bd. 20. S. 120.

⁴² РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 17. Л. 95 об.

⁴³ Там же. Л. 100–100 об.

⁴⁴ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1735 г. Д. 8. Л. 228–229.

⁴⁵ Arneth A. von. Prinz Eugen von Savoyen. Wien, 1864. Bd. 3. S. 468.

⁴⁶ Нелипович С.Г. Указ. соч. С. 159.

⁴⁷ Епископство Бамберг.

⁴⁸ Feldzuege des Prinzen Eugen von Savoyen. Bd. 20. S. 121.

⁴⁹ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1735 г. Д. 8. Л. 240–241.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 17. Л. 130–131.

⁵¹ Там же. Л. 143.

⁵² Там же. Л. 143 об.

⁵³ Там же. Л. 152.

⁵⁴ Там же. Л. 153–155, 157.

⁵⁵ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1735 г. Д. 8. Л. 286 об.–287.

⁵⁶ Нелипович. С.Г. Указ. соч. С. 161.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 17. Л. 175.

⁵⁸ Там же. Ф. 846. Оп. 16. Д. 16128. С. 179.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1735 г. Д. 17. Л. 211.

⁶⁰ АВП РИ. Ф. 32. Оп. 1. 1735 г. Д. 10а. Л. 61 об.

⁶¹ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736 г. Д. 11. Л. 3–4 об.

⁶² Там же. Оп. 1. 1735 г. Д. 7. Л. 147–148.

А.Ф. Коновалов (Санкт-Петербург)

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
ВЫПУСКНИКОВ КАДЕТСКИХ
КОРПУСОВ – УЧАСТНИКОВ И ГЕРОЕВ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА**

2012 ГОД объявлен президентом Российской Федерации Годом истории России. Согласно указу президента, это делается «в целях привлечения внимания общества к российской истории и роли России в мировом историческом процессе»¹. Президент России считает, что празднование в 2012 г. многих исторических дат послужит консолидации российского общества: исполняется 1150 лет русской государственности² – венчанию на княжение Рюрика в 862 г. в Ладоге, а затем в Великом Новгороде; будет отмечаться 400-летие изгнания польских интервентов из Москвы ополчением под руководством Минина и Пожарского; 280-летие с момента открытия Первого (Корпус кадетов шляхетных (дворянских) детей (1732–1743), Сухопутный шляхетный кадетский корпус (1743–1766)) кадетского корпуса (1732–1918); 150-летие со дня рождения Петра Столыпина; 200-летие победы России в Отечественной войне 1812 г.³

Эта победа занимает центральное место в нашей истории и является объединяющим фактором, который раскрывает другие важные исторические события в жизни русской нации. Отечественная война 1812 г. имеет свою историю и особенности подготовки к ней.

Одним из центров сохранения памяти о войне является Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) – старейший военный научно-исследовательский и культурно-исторический комплекс России, который берет свое начало (август 1703) с рождением северной столицы – Санкт-Петербурга.

За более чем 300-летнюю историю ВИМАИВиВС прошел ряд этапов в развитии, превратился в многофункциональный комплекс и располагает сегодня многими ценными коллекциями. Одним из значительных приобретений Военно-исторического музея в конце XX в. стал переезд сюда в 1991 г. Мемориального дома-музея М.И. Голенищева-Кутузова из Бунцлау (Болеславец, Польша) с передачей штата и фондов в ВИМАИВиВС⁴. В 1992 г. к 180-летию Отечественной войны 1812 г. в ВИМАИВиВС была открыта новая экспозиция, посвященная жизни и деятельности великого полководца России.

200-летие победы в Отечественной войне 1812 г. – знаменательная дата, она исторически объединяет эту тему в стенах Военно-исторического музея с общей экспозицией и позволяет взглянуть на нее с новых точек зрения, привлекая и используя богатейшие возможности музея. Весьма существенную роль в этом историческом противоборстве, итог которого повлиял на судьбы народов мира, сыграли и выпускники Пажеского и кадетских корпусов России. Раскрытию этих вопросов мы и посвящаем данную работу.

Одним из основных исследователей темы традиций кадетского образования и воспитания является Н.А. Милешина⁵. Она показала последовательность этапов историографии создания кадетских корпусов и их содержание.

Дореволюционная историография (1732–1917) исследуемой проблемы, отмечает Н.А. Милешина, получает развитие параллельно с процессом становления кадетского образования в России, начало которому было положено в 1732 г. Первоначально изучение проблемы дворянского образования ограничивается педагогическими трактатами преподавателей кадетских корпусов И.И. Бецкого, Н.А. Добролюбова, Д.И. Менделеева, Н.И. Пирогова и др. Первые попытки анализа деятельности кадетских корпусов предприняты во второй половине XIX в.

Основное внимание дореволюционных исследователей было сосредоточено на истории конкретных военно-учебных заведений (далее – вузов), отчетах о праздновании юбилейных дат кадетских корпусов, о чем свидетельствуют работы Н.П. Жерве, Н.Л. Ломана, П.В. Петрова, Ф.В. Грекова, В.А. Висковатова и др. В целом эти исследования носили преимущественно описательный, бессистемный характер.

В историографии советского периода (1917–1991) в рамках критического отношения к традициям «класса эксплуататоров» господствующим стало утверждение, что в дворянских кадетских корпусах «помещичьи и купеческие сынки учились искусству угнетения народных масс». Только в 40-х гг. XX в. в связи с открытием суворовских военных училищ возобновилось изучение истории кадетских корпусов дореволюционной России. Б.М. Кончаков охарактеризовал подбор, подготовку и распределение педагогических кадров в кадетских корпусах. С. Гурьев, М.Н. Жесткова, Н.И. Алпатов проанализировали воспитательную работу в кадетских корпусах с середины XVIII в. до 1917 г. Особое внимание в этих работах, отмечает Н.А. Милешина, обращалось на то, что с одной стороны в кадетских корпусах готовили защитников престола, с другой – офицеров, носителей прогрессивных идей в российском обществе.

В современной историографии (1991–2010) в работах С.В. Волкова, А.А. Галушко, А.А. Колесникова, Н.А. Машкина выявляются особенности внутренней структуры вузов разного типа, даются социальные характеристики их воспитанников. В работах В.В. Чернакова⁶, В.Н. Бенды⁷ и других дан анализ учебно-воспитательного процесса в кадетских корпусах в XVIII – начале XIX вв.

История русской военной школы насчитывает более трех веков. Необходимость раннего обучения ратному мастерству в полной мере осознал царь Петр I. С его именем связано появление первых военных школ. Первым заведением подобного типа принято считать школу при бомбардирской роте Преображенского полка, образованную после возвращения русского царя из первой зарубежной поездки в 1699 г. За ней последовала Навигацкая школа в Москве (январь 1701). Последняя оказалась универсальной и самой большой: в ней было до пятисот учеников. Она положила начало светскому, военному и военно-морскому образованию в России.

Вскоре, вслед за Москвой, военные школы стали открываться и в новой, северной столице. К концу правления Петра (1725) в России существовало уже полтора десятка школ, где учились дворянские дети. Эту тему изучали многие военные и гражданские историки и педагоги. На наш взгляд, наиболее полно и последовательно она исследована в работе В.Н. Бенды⁸.

Преемники Петра Великого продолжили начатое дело. В 1732 г. во время правления Анны Иоанновны (племянницы императора

Петра I) в Петербурге открыл свои двери первый в России Корпус кадетов шляхетных (дворянских) детей. Своим появлением он обязан сподвижнику Петра Ягужинскому, который, будучи посланником в Пруссии, тщательно изучил тамошний опыт военного обучения юношей. Первым директором корпуса стал граф Миних.

Вслед за этим корпусом в XVIII в. в северной столице были образованы еще несколько учебных заведений для дворян: Морской кадетский корпус (1752), Пажеский корпус (1759), получивший статус военно-учебного заведения в 1802 г., Артиллерийский и инженерный кадетский корпус (1762), Шкловское благородное училище (1778), послужившее впоследствии основой для 1-го Московского кадетского корпуса. Они в общей сложности подготовили около 7 тысяч офицеров. Из их стен вышли многие известные выпускники. Среди них фельдмаршалы П. Румянцев, А. Прозоровский, М. Каменский, И. Паскевич, герои Отечественной войны 1812 г. генерал-фельдмаршал М. Голенищев-Кутузов, генералы Я. Кульнев, Д. Дохтуров, А. Сеславин, П. Коновницын и многие другие.

Развернутая историко-хронологическая характеристика создания в России первых и последующих кадетских корпусов в XVIII – начале XIX вв. дана весьма содержательно в последнее пятнадцатилетие. Она представлена в работах известных ученых В.М. Крылова⁹, В.М. Меньшова¹⁰, В.А. Гурковского¹¹, Б.П. Сыченкова¹², И.Н. Лощилова¹³, В.В. Семичева (в соавторстве с В.М. Крыловым)¹⁴. Если последние две работы, хотя и небольшие по объему, имеют комплексный подход в изложении темы, носят в основном ознакомительный характер и рассчитаны на нынешних воспитанников кадетских образовательных учреждений, то другие названные работы – довольно фундаментальные по глубине изложения заявленной темы, но они носят в основном описательный характер. В них указаны даты открытия и места размещения первых и последующих кадетских корпусов в XVIII – начале XIX вв. В этих работах показано пристальное внимание со стороны императоров от Петра I до Александра I и членов императорской фамилии к новым учебным заведениям, представлены главные и основные директора кадетских корпусов, учебно-воспитательные цели и основные задачи этих вузов, руководящие документы, учебные планы и программы обучения, набор и выпуск из них, численность и социальный состав воспитанников, даны распорядок дня и его последующие ви-

доизменения, история становления и развития учебно-воспитательного процесса, его проблемы и особенности в том или ином учебном заведении, показана организация учебного и внеучебного времени, налаженность быта, досуга и их особенности в первых и вновь создаваемых вузах той поры.

Однако исследований создания системы кадетского воспитания, кроме как в работах В.В. Чернакова и В.Н. Бенды, практически не проводилось. «Необходимость организации воспитательной работы в военно-учебных заведениях XVIII в. в России была очевидна и определялась субъективными и объективными факторами»¹⁵.

Патриотическое воспитание в конце XVIII – начале XIX вв. имело свою историю и особенности. Исследование военно-воспитательной системы указанного периода начинается с изучения форм и методов воспитательной деятельности, применяемых на тот момент в русской армии, в частности присяги, ритуала ее принятия.

Особое внимание уделялось поддержанию порядка и дисциплины, одного из решающих условий боеспособности войск и победы в бою. А для военных учебных заведений это залог успешного выполнения учебной программы, и в конечном счете – обучения и воспитания офицерских кадров, обладающих всеми необходимыми знаниями и умениями, не только способных руководить, но и владеющих приемами и навыками воспитания в соответствии с задачами, обозначенными нами выше.

Пристальное внимание состоянию порядка и дисциплины в армии и в вузах России стало уделяться с момента воцарения на престоле императрицы Елизаветы Петровны. Толчком к этому послужил тот факт, что после смерти Петра I в 30–40 гг. XVIII в. в системе воспитания русской армии начали преобладать негативные тенденции. Уставы и инструкции, составленные Остерманом, Бироном и другими временщиками, извратили воспитательную систему, сложившуюся к тому времени: солдат перестал быть государственным человеком; в армию отдавали за провинности, как в тюрьму; солдат не приводили к присяге; офицеры не занимались их обучением и воспитанием, как прежде. Тенденции усиления мер принуждения возобладали над воспитанием патриотизма, а среди воспитательных средств на первый план вышло физическое наказание, особенно за нерадивость и непонятливость. Все это негативно сказалось на общем состоянии дисциплины и правопорядка не только в армии, но и в учебных заведениях.

«Полнота и глубина воспитательного процесса в кадетских корпусах, – замечает В.В. Чернаков, – во многом определялась состоянием охвата кадет вниманием и заботой их руководителей.

Педагоги, как и их воспитанники, жили в разные эпохи. По-разному складывались их судьбы, но всех их роднило чувство любви к своей Родине, воедино связывала честь, готовность до конца выполнить свой воинский долг. Интересно, что для успешного достижения этой основной цели требовалось, чтобы все доступные им воспитательные средства, все способы непосредственного воздействия наставников на их питомцев, как и вся обстановка жизни последних, своевременно возбуждали и твердо упрочивали в каждом из них живой интерес к военному делу и к славе родного оружия»¹⁶.

Проследим тенденции и особенности воспитательной работы на примерах ряда ведущих руководителей 1-го (Сухопутного шляхетного) кадетского корпуса.

Первым главным директором корпуса был назначен граф Б.К. Миних, который пробыл в этой должности десять лет (с 1732 по 1741). Как главный директор, он считал необходимым вникать во все стороны воспитания кадет. Прежде всего он требовал от офицеров – воспитателей – привития подопечным аккуратности и опрятности в ношении формы одежды. Однажды после посещения корпуса он указал директору корпуса на то, что «у кадет плохие прически, мундиры и камзолы в пятнах, кадеты ходят без галстуков, используя вместо них шелковые платки». Он потребовал от офицеров корпуса навести порядок.

Заметный след в истории Сухопутного шляхетного кадетского корпуса оставил князь Б.Г. Юсупов. Он был назначен на должность главного директора СШКК 19 февраля 1750 г. Он детально вникал во все вопросы управления корпусом. Князь Б.Г. Юсупов «...удалил неспособных чиновников, улучшил содержание кадет, ввел лучший порядок в преподавании наук, приказал при ротах вести списки оштрафованных воспитанников, знал отличившихся по наукам и поведению»¹⁷. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) сохранился одобренный Юсуповым проект об изменении методики преподавания в классах корпуса: предполагалось составить список книг и авторов пособий; была изменена очередность преподавания предметов: география, а затем история, арифметика прежде геометрии. Особое значение придавалось

преподаванию «нравственных наук» и повторению пройденного материала¹⁸. Перед преподавателями ставилась задача подготовить офицера, не только владеющего военным искусством, но и знакомого со всеми достижениями научной мысли.

Одним из основных организаторов воспитательного процесса в кадетских корпусах стал И.И. Бецкой. Под влиянием французских энциклопедистов и идей Жан-Жака Руссо, отмечает В.А. Гурковский, у Екатерины II возникло желание создать такие учебные заведения, в стенах которых дети с самого раннего возраста всецело передавались бы в руки особо избранных воспитателей и учителей, вне влияния семьи и общества. Идеи Екатерины II проводил в жизнь тайный советник, затем генерал-поручик Бецкой, являющийся генеральным директором Сухопутного кадетского корпуса с 1766 по 1773 г. Он стал автором нового устава кадетского корпуса, который был утвержден Екатериной II 20 января 1767 г. Она подчиняет кадетский корпус лично себе и наименовывает его Императорским сухопутным кадетским корпусом. Бецкой благоволил просвещенным деятелям, отличающимся напористостью, ловкостью при достижении целей, и в то же время без должного уважения относился к офицерам, способным, по его мнению, лишь сражаться на поле брани¹⁹.

Разработанные Бецким «твердые правила, по которым было назначено принимать, воспитывать и обучать юношество благородное», требовали, чтобы «воспитание в кадетском корпусе было практическим, паче нежели теоретическим, а учиться юношеству больше от смотрения и слышания, нежели от твержения уроков». Как было записано в уставе, воспитание в кадетском корпусе «имеет целью: а) сделать человека здоровым и способным сносить воинские труды и б) украсить сердце и разум делами и науками, потребными гражданскому судье и воину». «Надо взрастить младенца, – было сказано в приложении к уставу, – здорового, гибкого и крепкого, вкоренить в душе его спокойствие, твердость и неустрашимость»²⁰.

По мысли И.И. Бецкого, внутренний порядок в заведении должен способствовать тому, чтобы кадеты приучались к самостоятельному труду, уходу за собой, а игры на свежем воздухе должны были способствовать их возмужанию и выработке силы и выносливости.

В конце XVIII в. в корпусе укоренился культ изящной словесности. Гомер, Расин, Вольтер – вот тот уровень, к которому должны

были тянуться кадеты. Педагоги всемерно развивали у кадет способность вести диалоги с известными иностранцами, в основном, естественно, с французами. Отрывая мальчиков от семей, их отрывали и от родного языка, и от родной почвы. Среди «будущих консулов и сенаторов» свободно владевший русской литературной речью был редким исключением.

Историк В.О. Ключевский, оценивая значение создания 1-го кадетского корпуса и первые годы его существования, в своем «Курсе русской истории» писал: «Общественное образование свило себе гнездо там, где всего менее можно было ожидать его – в специальных военно-учебных заведениях. В начале царствования Елизаветы их было два – Шляхетный сухопутный кадетский корпус и Морской корпус... В начале царствования Екатерины II был издан новый Устав СШКК. В этом Уставе любопытная программа обучения. Науки разделялись на “руководящие к познанию предметы, предпочтительно нужные гражданскому званию, и на полезные и художественные”. Перемена в программе дворянского образования изменила программу и казенных школ, которые вынуждены были приноравливаться к вкусам и потребностям дворянского общества»²¹.

В конце XVIII в. Сухопутный шляхетный кадетский корпус представлял собой во многих отношениях пример проведения в жизнь идей эпохи Просвещения. К этому времени он в соответствии с желанием Екатерины II стал «рассадником новой породы людей».

По мнению многих исследователей, значительный вклад в дело воспитания кадет Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса внес генерал-адъютант граф Ф.Е. Ангальт, назначенный генеральным директором корпуса в 1786 г. Он проявил себя храбрым и мужественным офицером, замечательным педагогом, отличался высокими духовными качествами, преклонялся перед Францией. Считалось, что граф вывел корпус на такую высоту, на какой могли быть только лучшие образовательные заведения всей Европы²².

Генрих Шторх, оценивая значение корпуса для России, отмечал: «Широкая задача этого учреждения естественно разветвляется в четырех направлениях: физическом, моральном, научном и военном образовании. Стремящаяся ко всяким усовершенствованиям, могучая Российская Империя достигает этой цели посредством

обширного учебно-воспитательного заведения, содержащего такое количество молодых людей из высших общественных классов»²³.

Нового генерального директора корпуса генерал-поручика Михаила Илларионовича Кутузова, выпускника 2-го кадетского корпуса, пришедшего на смену скончавшемуся в 1794 г. Ангальту, кадеты встретили в штыки. Намеченные им реформы в области программы обучения не понравились кадетам. На смену либеральным порядкам в корпус пришла воинская дисциплина, регулярные занятия строевой и инженерной подготовкой, фортификацией и другими военными дисциплинами. Назначение М.И. Кутузова не было случайным. Его методы обучения и воспитания войск в период, когда он командовал Бугским егерским полком, прославили его и создали ему славу незаурядного военного педагога. Его «Примечания о военной службе вообще и о егерской особенно», напечатанные в 1786 г., выдвинули его в число первых кандидатов на пост директора кадетского корпуса. Кутузов был последователем П.А. Румянцева и А.В. Суворова, наиболее ярких представителей русской военной школы XVIII в.²⁴

Кутузов привнес в жизнь Сухопутного кадетского корпуса новый дух. Даже в гренадерской роте воспитанники все больше стали ассоциировать понятие личной чести не со стремительной карьерой, а со служением Отечеству. Воинская организация кадетской жизни, введенная Кутузовым, преобразила ее. Современники отмечали, что Кутузову «корпус обязан учреждением строгой дисциплины, сообразной с воинскими правилами». Соблюдение крепкой воинской дисциплины, основанной на субординации, служило в глазах М.И. Кутузов одним из главных залогов нравственного воспитания.

В 1794–1797 гг. М.И. Кутузов – главный директор СШКК (по выражению Екатерины II, «рассадника воинских людей») – провел реорганизацию и установил строгий режим, усилил практическую направленность обучения, ввел преподавание тактики (сам читал этот курс, а также курс военной истории). В 1795–1796 гг. одновременно командовал сухопутными войсками в Финляндии²⁵.

«Характерно, что великий русский полководец М.И. Кутузов также считал преподавателя центральной фигурой в деле обучения и воспитания будущих офицеров, без которых совершенного офицера никогда произвести не можно»²⁶. Отсюда и отношение к воспитателям и педагогам. Сюда набирали, как правило, людей

с университетским или педагогическим образованием, имеющих определенный жизненный, служебный и педагогический опыт. По мнению одного из столпов русской военной педагогики конца XVIII в. И.И. Бецкого, без хороших воспитателей тщетны все предписания²⁷.

Именно поэтому в кадетских корпусах прошлого центральное место в системе воспитательной работы отводилось субъектам воспитания, а именно: воспитателям, преподавателям, церковнослужителям, врачам и работникам административно-хозяйственной части. Роль каждого из субъектов в воспитательном процессе дифференцировалась исходя из их функциональных обязанностей и подчинялась принципу комплексного подхода в воспитании²⁸.

Основной упор в кадетских корпусах делался не только на военное, но прежде всего на умственное и нравственное воспитание кадет. В каждом корпусе имелась хорошая библиотека, посещать которую считалось правилом хорошего тона.

Совершенствование военной техники, а также тактики боевых действий войск и увеличение их численности, сложные педагогические проблемы, связанные с военным обучением подрастающего поколения, а также надвигающаяся угроза вторжения в Россию шведов, турок, а позже и французов (1812) диктовали необходимость реформирования системы военного образования. Первые попытки разделить военно-учебные заведения на учреждения профессионального военного обучения и общеобразовательные с элементами военной подготовки были предприняты в начале XIX в.

В начале XIX в. в развитии системы кадетских корпусов произошли значительные изменения. К существовавшим столичным кадетским корпусам была добавлена сеть губернских военных училищ в качестве подготовительных военно-учебных заведений. Эта идея легла в основу «Плана военного воспитания», утвержденного Александром I в 1805 г. Огромную роль в создании этих училищ сыграло местное дворянство.

До начала XIX в. государственного органа по управлению военным образованием в России не было. В определенной степени это объяснялось малочисленностью военно-учебных заведений. Впервые вопрос о централизованном руководстве ими возник в самом начале царствования Александра I, в мае 1802 г., при обсуждении проекта создания новых министерств. Первоначально

предполагалось подчинить вузы Министерству народного просвещения, но вскоре эта идея была отвергнута. В 1802 г. при Военном министерстве под председательством великого князя Константина Павловича начала функционировать комиссия из специалистов для разработки уставов, штатов, инструкций, программ для корпусов и военных училищ. В 1805 г. было принято решение возложить управление кадетскими корпусами и военными училищами на Совет из директоров столичных кадетских корпусов и других лиц по указанию императора. Совет намеревался реализовать это решение посредством периодических инспекторских проверок.

В мае 1805 г. Совет представил императору проект устава и штатов губернских военных училищ. Однако дальнейшая деятельность Совета не внесла в жизнь кадетских корпусов каких-либо заметных изменений. В архивах имеются документы о работе Совета только за 1805–1809 гг. В последующие годы Совет существовал лишь номинально ²⁹.

Воспитательная работа в конце XVIII – начале XIX вв., отмечает В.В. Чернаков, строилась на трех основополагающих принципах: самодержавие, православие и народность. Исходя из этого она осуществлялась по трем основным направлениям: церковно-религиозное воспитание, выполняющее идеологическую роль; воинское воспитание, ставившее своей целью привитие пажам и кадетам необходимых русскому офицеру военно-боевых качеств; духовно-нравственное воспитание, направленное на развитие духовных и физических сил воспитанников ³⁰.

В работах В.В. Чернакова и других авторов дан анализ и обобщающие характеристики, и исторические аспекты характера учебно-воспитательного процесса в кадетских корпусах в XVIII – начале XIX вв. Остановимся кратко на создании элементов системы воспитания в кадетских корпусах: подготовка и изменение военной формы одежды, экипировки, разработка элементов символики, геральдики, фалеристики и вексиллографии для кадетских корпусов, изменение наименований кадетских корпусов; организация проведения классных и внеклассных занятий, комплексный подход, а также формы и методы их проведения; разделение учебных предметов на функциональные и вспомогательные, утилитарные и неутилитарные; отношение к вере, создание домовых церквей и храмов, библиотек, рекреационных зал и первых музеев

в кадетских корпусах (в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе при Екатерине II и в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе)³¹. Строительство манежей для обучения пажей и кадет верховой езде, фехтовальных и спортивных залов, тиров для стрельбы из огнестрельного оружия, кружковая работа, создание в СШКК (1749), а позже и в других кадетских корпусах театров, обучение пажей и кадет игре на музыкальных инструментах, создание корпусных оркестров, издание кадетских сборников. Изучение кадетами сложившихся государственных и воинских ритуалов и участие в них, разработка и внедрение кадетских традиций. Рассказ о месте и роли ведущих педагогов и офицеров-воспитателей в учебно-воспитательном процессе, а также выпускников в деле – на полях сражений и в мирное время.

Итак, «главнейшие средства к заведению офицеров со сведениями суть»:

- хорошее, общее и единообразное воспитание благородного юношества,
- просвещенное начальство,
- употребление при всякой войне сколь возможно более офицеров,
- производство за отличие в науках.

В последние годы историей кадетских корпусов активно занимаются и зарубежные авторы, в основном из числа воспитанников российских кадетских корпусов за рубежом³².

Однако систематизированного исследования кадетского образования и воспитания не проводилось. В одной из последних своих статей И. Андрушкевич делает акцент на методологический взгляд и историческое значение воспитания, идее целостности и комплексности воспитания, возникновении кадетских корпусов, содержательной характеристике наилучшего воспитания, теме воспитания в кадетской печати.

Как отмечает И. Андрушкевич, граф А.А. Коновницын, прямой потомок героя Бородинского сражения, тогда определил: «Все наше национально-патриотическое воспитание основывалось, в конечном итоге, на христианских заповедях как их проповедует православная церковь, на любви к отечеству, на уважении к родителям и старшим, на высокой нравственности и на высочайшем понятии чести. Ничего лучше придумать нельзя. А посему и выдумывать ничего иного не надо»³³.

Остановимся на содержании «наилучшего воспитания». Его можно свести, по словам И. Андрушкевича, в пять групп, в пять «столпов» правильной педагогики: 1) вера и верования, 2) заветы и традиции, 3) инструментальные концепции (научные теории), 4) нравы и манеры, 5) символы и ритуалы. На наш взгляд, это довольно интересный подход к структуре и истории патриотического воспитания³⁴.

«Традиции нельзя ввести вдруг и сразу. Они, чтобы стать нравственным мерилom жизни, закрепляются в том или ином человеческом общежитии через отбор национальным нравом, обычаями, заветами предков, и этот процесс закрепления требует довольно длительного времени. Так что если мы говорим о традициях кадетских корпусов, – отмечал А.Б. Иордан, – то нам придется вспомнить историю их становления в России, а она в нашем отечестве длилась более двух веков»³⁵.

Таким образом, современная Россия обладает богатым педагогическим опытом в области национально-патриотического воспитания молодежи. Больше того, кроме самого педагогического опыта, Россия обладает также и исключительно выразительным подтверждением правильности этого опыта и всей его методологии. Ведь преобладающая часть творцов великой русской культуры, в первую очередь, великой русской литературы и великой русской музыки, была продуктом этой русской целостной системы воспитания³⁶.

Приведенный далеко не полный перечень указанных работ показывает историю формирования системы патриотического воспитания в Пажеском корпусе и кадетских корпусах Российской империи за период XVIII – начала XIX вв. Анализ этих работ показывает, что они дают нам общую картину тех или других сторон патриотического воспитания, его развития и состояния накануне Отечественной войны 1812 г.

В целом мы можем сделать вывод, что накануне Отечественной войны 1812 г. патриотическое воспитание в кадетских корпусах представляло собой довольно развитую, хотя может быть и не во всем совершенную систему. Однако отметим, что в эти годы выпускники кадетских корпусов составляли ядро офицерского корпуса русской армии. Именно благодаря полученному в Пажеском и кадетских корпусах патриотическому воспитанию оно стало фундаментом убежденности и обученности их выпускников. Они

обеспечили основу высокого боевого духа офицерского и рядового состава в эти непростые, переломные для русского общества годы.

В конце XVIII – начале XIX вв. в мире ощутимо пахло порохом, Россия участвовала во многих войнах. Во многих из них принимал непосредственное участие А.В. Суворов.

Суворов вошел в мировую историю как выдающийся полководец и военный мыслитель, один из образованнейших людей своего времени, обладавший обширными познаниями не только в военной, но и в других областях знаний. Пройдя все ступени военной карьеры, приняв участие в более чем 60-ти сложных баталиях и не потерпев в них ни одного поражения, он оставил огромное военно-теоретическое и практическое наследие, обогатил все области военного дела новыми выводами и положениями. Отбросив устаревшие принципы кордонной стратегии и линейной тактики, Суворов разработал и применил в полководческой практике более совершенные способы и формы ведения вооруженной борьбы, которые намного опередили свою эпоху и обеспечили русскому военному искусству ведущее место в Европе.

Стратегия Суворова отличалась активностью и решительностью. Главной целью военных действий ставилось уничтожение армии противника в открытых полевых сражениях³⁷. Основным способом стратегических действий считалось наступление. «Истинное правило военного искусства, – учил Суворов, – прямо напасть на противника с самой чувствительной для него стороны, а не сходить, робко пробираясь окольными дорогами ... дело может решено только прямым смелым наступлением». Отдавая предпочтение наступлению, Суворов считал возможным в отдельных случаях прибегать к обороне и даже к отступлению в интересах сохранения войск от удара превосходящего противника. Большое значение Суворов придавал массированию сил и средств на важнейших направлениях (принцип Эпоминонда)³⁸. Суворов был не только крупнейшим стратегом, но и непревзойденным тактиком.

Суворов создал передовую систему воспитания и обучения войск. В ее основе лежало убеждение, что человек является решающим фактором победы. Он был врагом бесцельной и бессмысленной муштры, стремился пробудить в солдатах чувство национального самосознания и любовь к Родине, приучить их к смелым, инициативным и искусным действиям в самых разнообразных условиях

боевой обстановки. Главное внимание обращалось на обучение войск тому, что нужно на войне. Суворов требовал от подчиненных ясного понимания существа стоящих перед ними задач: о плане действий сообщалось унтер-офицерам и солдатам, так как «каждый воин должен понимать свой маневр»³⁹.

Полководческая деятельность Суворова оставила глубокий след в истории русской армии. Последователь Петра Великого и ученик П.А. Румянцева, выпускника СШКК, А.В. Суворов воспитал плеяду замечательных русских полководцев и военачальников, среди которых наиболее выдающимися были М.И. Голенищев-Кутузов и П.И. Багратион.

Военно-педагогические взгляды А.В. Суворова нашли свое отражение в «Полковом учреждении» (1764–1765), «Науке побеждать» (1795–1796)⁴⁰. И хотя эти, педагогические по своей сути, произведения А.В. Суворова, ставшие всемирно известной военной классикой, первоначально были восприняты довольно прохладно в сановных кругах, однако позже они заняли достойное место в библиотеке Главного штаба Императорской армии, в Императорской академии Генерального штаба, в Императорской Михайловской артиллерийской академии и, конечно, в библиотеках императорских кадетских корпусов, а также в библиотеке Артиллерийского музея (благодаря заботам его начальника и военного ученого генерал-лейтенанта Н.Е. Бранденбурга), встали в ряд с работами многих зарубежных авторов. Они стали популярными, ими все более активно стали интересоваться не только преподаватели военной истории и тактики, но и воспитанники военно-учебных заведений.

Темой Отечественной войны 1812 г. занимались многие исследователи. Один из ведущих исследователей участия кадет в этой исторической эпопее – В.М. Крылов, директор ВИМАИВиВС⁴¹. В своей фундаментальной работе помимо истории создания кадетских корпусов в России он показал место и роль выпускников кадетских корпусов в этой войне, назвал десятки имен офицеров и генералов, проявивших себя героически, показал портретный ряд достославных кадет, воспитанников «рыцарской академии», сиятельных пажей, георгиевских кавалеров, офицерские династии, говорил о значении боевого духа русского солдата, провел глубокий анализ послужных списков участников войны и ее последствий.

Накануне Отечественной войны 1812 г. подготовку офицерских кадров русской армии, отмечает Валерий Михайлович, осуществляли 1-й и 2-й кадетские корпуса, Дворянский полк при 2-м кадетском корпусе, Пажеский корпус, Смоленский (Гродненский) кадетский корпус, Императорский Военно-сиротский дом и частично Горный кадетский корпус. Попадали в армию, т. е. в сухопутные войска, и воспитанники Морского кадетского корпуса, однако основная масса его выпускников направлялась на флот ⁴².

Перед началом Отечественной войны 1812 г. окончилась Русско-турецкая война 1806–1812 гг. В этой войне, как и во многих других войнах данного периода, сражались многие военачальники, ставшие впоследствии участниками войны с Наполеоном.

Отечественная война 1812 г. – одна из самых ярких и показательных войн по защите Отечества – явила миру имена блистательных офицеров и генералов, многие из которых были воспитанниками кадетских корпусов.

Один из виднейших представителей российской кадетской школы – М.И. Кутузов. Получив прекрасное домашнее воспитание, 12-летний Михаил в 1759 г. был зачислен в Петербургскую объединенную Артиллерийскую и Инженерную школу (впоследствии ставшую 2-м кадетским корпусом), которую он окончил с отличием и был оставлен в ней преподавателем математики. Став офицером, служил командиром роты в Астраханском пехотном полку, которым командовал А.В. Суворов.

В 1812 г. под началом своего учителя М.И. Кутузова с французами воевали многие бывшие кадеты, среди них: командир Нарвского пехотного полка генерал-майор А.В. Богдановский, командир Киевского гренадерского полка полковник А.А. Писарев, шеф 40-го Егерского полка полковник Ф.В. Сазонов, генерал-майор Я.А. Потемкин, 28-летний командир гвардейской бригады генерал-майор М.Е. Храповицкий, генерал-майор А.К. Ридигер и многие другие.

По данным Д.Г. Целорунго, воспитанники кадетских корпусов и приравненных к ним военно-учебных заведений закрытого типа в 1812 г. составили 28 % офицерского корпуса русской армии ⁴³. Они являлись ядром офицерского корпуса. Многие из них дослужились до генеральских званий, занимали высокие командные посты в армии, отечественной артиллерии и инженерных войсках и приняли участие в боевых действиях против наполеоновской

Франции в Отечественной войне 1812 г., Заграничных походах 1813 и 1814 гг.

С 1812 г. в домовых церквях при военно-учебных заведениях появляются черные мраморные доски с фамилиями выпускников Пажеского и кадетских корпусов, погибших во время боевых действий или умерших от ран. Эта традиция поддерживалась вплоть до Русско-японской войны 1904–1905 гг. Пажи и кадеты с достоинством выдержали эти испытания. Они не могли поступить иначе потому, что с первых дней своего рождения они всей душой были преданы царю, идеалам чести и воинского долга, потому что они – рыцари России.

В 1994 г. членами возрожденного «Кружка ревнителей памяти 1812 г.» совместно с Государственным историческим музеем и редакцией «Российского архива» проведена объемная и трудоемкая работа по анализу формулярных списков 549 генералов русской армии, участвовавших в войне 1812–1814 гг., и выявлении воспитанников пажеского и кадетских корпусов по данным, приведенным В.М. Безотосным⁴⁴.

В 1996 г. теми же авторами на основе новейших данных исторической науки и всех выявленных архивных материалов издан «Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг.», включающий биографии 550 генералов⁴⁵.

Не всем досталась такая громкая слава. Имена иных упорно замалчивали. Именно так поступили с выдающимся русским патриотом-славяноведом, человеком исключительных дарований и интереснейшей судьбы, Александром Семеновичем Шишковым. Однако обращение к его биографии, которую крайне трудно было найти в доступных источниках, способно удивить кого угодно. Еще бы! Морской боевой офицер, участник нескольких походов и войны со Швецией 1788–1790 гг., дослужившийся до высокого звания адмирал! Государственный секретарь, президент Российской академии наук, министр народного просвещения, писатель, поэт, переводчик, неутомимый исследователь и ревнитель родного языка, «славянофил в первом поколении».

В 1799 г. А.С. Шишков назначается историографом, или летописцем, флота, а в 1805 г. переходит руководить Адмиралтейским департаментом. С 9 апреля 1812 г. он назначается государственным секретарем вместо Сперанского, а с 31 июля того же

года – еще и членом Комитета по образованию Земского ополчения.

Во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии адмирал А.С. Шишков неотлучно находился при государе, как статс-секретарь и составитель множества текущих документов – приказов по армиям, рескриптов, обращений к населению и т. п. Их следует признать памятниками ораторского искусства 1812 г.

«Нынешний день, ознаменованный Полтавскою победою, да послужит вам примером! Память победоносных предков наших да возбудит к славнейшим подвигам!» – говорилось в приказе Александра I по армиям от 27 июня 1812 г.⁴⁶ «Да встретит он (неприятель. – *Авт.*) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина» – было сказано в манифесте от 6 июля 1812 г.⁴⁷ Эти вдохновенные обращения А.С. Шишкова вселяли мужество, воодушевляли на ратные подвиги. По свидетельству С.Т. Аксакова, «... писанные им (Шишковым. – *Авт.*) манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отразилось в сердцах русских людей»⁴⁸. Проза А.С. Шишкова оказала влияние на русскую литературу 1812–1814 гг., сказалась в творчестве А.С. Пушкина. Именно Шишкову посвящены строки из пушкинского «Второго послания к цензору» 1824 г.: «Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, Он славен славою двенадцатого года»⁴⁹.

В 1813 г. Шишков сопровождал армию в заграничном походе.

Таким образом, итоги Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг. показали, что боевой дух участников и героев войны, взращенный в первую очередь на основе системы обучения и воспитания выпускников Пажеского корпуса и кадетских корпусов России, а также патриотического настроения широких слоев общества, на протяжении этих лет был высоким.

В заключение отметим, что мы кратко проследили историю становления и развития системы патриотического воспитания, ее особенности и влияние на боевой дух выпускников Пажеского и кадетских корпусов России – участников и героев Отечественной войны 1812 г.

Эта война, всколыхнувшая лучшие силы народа, дала мощный толчок росту общественного сознания в России. Она оказала влияние на развитие всего общества. Успехи и победа были закономерны и неизбежны благодаря:

– качественной подготовке и высокому уровню оперативно-тактического мышления высшего командного состава армии, применением его на практике в ходе боевых действий;

– широкому использованию участниками войны передового опыта П.А. Румянцева, А.В. Суворова и М.И. Кутузова, а также их учеников и боевых соратников, полученного в ходе ведения боевых действий армией и флотом России в предшествующих войнах XVIII – начала XIX вв.;

– качественной подготовке офицерского состава, в основе которого были выпускники Пажеского и Морского кадетского корпусов, а также 1-го и 2-го кадетских корпусов, которые отметили к началу войны свое 80- и 100-летие;

– широкому использованию офицерским корпусом в ходе войны передовых методов, приемов и форм ведения боевых действий, взятых из книг А.В. Суворова «Наука побеждать» и М.И. Кутузова «Примечания о военной службе вообще и о егерской особенно», главные идеи которых нашли свое отражение в боевом уставе и наставлениях войскам;

– широкому использованию командованием в битвах под Смоленском, Москвой, д. Тарутино, при Малоярославце, на реке Березина и в других районах наряду с регулярными войсками партизанских отрядов;

– высокому боевому духу всего народа России, осознавшего себя единым и ставшего на защиту Отечества, благодаря чему война переросла в Отечественную войну.

Пажи и кадеты, с детства воспринявшие идеи западной цивилизации и достижения русской культуры, прошедшие подготовительную общую, затем специальную военную и высшую школу, послужившие и принявшие участие в боевых действиях в ряде войн, были готовы к плодотворной деятельности на любом поприще. В стенах Пажеского и кадетских корпусов выпускникам были даны основы нравственных представлений и политических воззрений. Поэтому именно они определяли в основном судьбу династии Романовых не только до периода Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., а также до начала

революционных событий XX в., несмотря на все исторические перипетии и катаклизмы.

Какова социально-нравственная роль и историческое значение патриотического воспитания, его влияния на боевой дух выпускников Пажеского и кадетских корпусов России – участников и героев Отечественной войны 1812 г.? Патриотическое воспитание являлось нравственным компасом для офицеров и солдат 200 лет назад, в годы Отечественной войны 1812 г. Оно не утратило своих позиций и являлось нравственным ориентиром для народов СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Оно остается верным азимутом и сегодня для нынешних защитников Отечества, в начале XXI в., и состоит в прямой связи с их образованием и воспитанием, но на существенно более высокой ступени развития общества. Система военно-патриотического воспитания России доказала свою историческую жизнеспособность в содружестве с боевым духом воинов и подтвердила нравственную основу российской государственности.

Надеемся, что данная работа станет своего рода историческим фоном для открывшейся в ВИМАИВиВС накануне нашей конференции обновленной тематической выставки о жизни и деятельности генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова (к 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 г.), одного из знаменитых выпускников Артиллерийской и инженерной школы и одного из выдающихся сынов России.

¹ Год российской истории. Указ президента РФ Д. Медведева от 10.01.2012. <http://www.kremlin.ru/acts/14238>

² Повесть временных лет // Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 35–172.

³ О праздновании 200-летия Победы России в Отечественной войне 1812 года / Указ президента РФ от 28.12. 2007. № 1755.

⁴ Крылов В.М. Письмо Председателю комиссии по подготовке к празднованию 200-летия Победы России в Отечественной войне 1812 года.

⁵ Милешина Н.А. М.: Изд-во МГОУ. Кадетское образование в России: исторические традиции и современные перспективы. Вестник № 3. М.: Изд-во МГОУ. 2010. С. 54–57. Или: [vestnik-mgou.ru /index.php?optio](http://vestnik-mgou.ru/index.php?optio)

⁶ Чернаков В.В. Историко-педагогические аспекты создания и развития системы кадетских корпусов в России как неперемкнутого условия совершенствования довузовского военного образования молодежи. СПб., 2002. 144 с.

⁷ Бенда В.Н. Роль первого директора Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса // Война и оружие. Новые исследования и материалы.

Межд. науч.-практ. конф. 12–14 мая 2010 г. Ч. I. СПб.: ВИМАИВиВС, 2010. С. 58–75.

⁸ Бенда В.Н. Создание и развитие системы подготовки военных кадров в России в конце XVII – первой половине XVIII вв. (монография). СПб., 2008. 206 с.

⁹ Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998. 672 с.

¹⁰ Меньшов В.М. Российские кадеты. Т. 1. Кн. 1, 2 / СПб.: Береста, 2003. С. 24–83.

¹¹ Гурковский В.А. Кадетские корпуса Российской империи. В 2 т. Т. 1. М.: Белый берег, 2005. С. 10–230.

¹² Сыченков Б.П. Юные боги войны. Краткая история средних военно-учебных заведений Советского Союза. М.: Голос-Пресс, 2006. С. 9.

¹³ Лошилов И.Н. Памятка российского кадета. СПб., 2001. С. 53.

¹⁴ Крылов В.М., Семичев В.В. Звание скромное и гордое кадет. Исторические и культурные традиции кадетских корпусов России. СПб.: Петербург, XXI век, 2004. 160 с.

¹⁵ Бенда В.Н. Особенности воспитательного процесса в военно-учебных заведениях России XVIII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Вторая межд. научн.-практ. конф. 18–20 мая 2011 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. Ч. I. С. 28–41.

¹⁶ Цит. по: Филиппов Э.М. Кадетские корпуса в России: прошлое и современность. СПб.: Знание, 1998. С. 9.

¹⁷ Цит по: Бенда В.Н. Особенности воспитательного процесса... С. 33.

¹⁸ Там же. С. 34.

¹⁹ Гурковский В.А. Указ. соч. С. 78–79.

²⁰ Там же. С. 79.

²¹ Там же. С. 80–82.

²² Там же. С. 82.

²³ Там же. С. 83.

²⁴ Там же. С. 84.

²⁵ Там же. С. 85.

²⁶ Чернаков В.В. Указ. соч. С. 65.

²⁷ Там же. С. 65.

²⁸ Там же. С. 65–66.

²⁹ Гурковский В.А. Указ. соч. С. 56.

³⁰ Чернаков В.В. Указ. соч. С. 66.

³¹ Антонов А. Музей 1-го кадетского корпуса. Историческая справка о помещении музея и прилегающих к нему бывших покоев светлейшего князя А.Д. Меншикова. СПб., 1909; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/35. Д. 3. Л. 6 об.–8 об.

³² Андрушкевич И. Исторический долг // Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. 1996. № 50; Ермаков А.М. Возрождение кадетских корпусов и кадетского духа // Там же. 1998. № 57; Скворцов М. Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. Там же. 2001. № 66.

³³ Андрушкевич И. Воспитание русской военной молодежи – ruscadet.ru/education/cosertio. Статья написана на основании двух докладов И. Андрушкевича на эту тему: на Первом Общекадетском съезде в России 4.09.1998 г., в Артиллерийском музее, в Санкт-Петербурге и 6.09.1998 г. на открытии съезда в Москве.

³⁴ Там же.

³⁵ Иордан А.Б. Честь родного погона. Книга о традициях в Российских кадетских корпусах. М., 2003. С. 33.

³⁶ Андрушкевич И. Воспитание русской военной молодежи. 1998.

³⁷ Большая Советская Энциклопедия. Т. 25. М., 1976. С. 26–28.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Суворов А.В. Полковое учреждение. М., 1949. Обнаружено в 1938 г. сотрудником Арт. музея полковником Воробьевым И.Т., документ был составлен как дополнение к руководящим документам для офицеров и унтер-офицеров Суздальского полка, которым Суворов командовал с 1763 по 1768 гг. См.: Антальский М. Наука побеждать. Творение прославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса русских армий, князя Италийского, графа Суворова-Рымнического, с письмами, открывающими наиболее в нем величайшие свойства его души и таковые же знания военного искусства. СПб., 1806.

⁴¹ Крылов В.М. Указ. соч. С. 167–667; Лошилов И. Петербург – кадетская столица. СПб., 2003. С. 78–230.

⁴² Крылов В.М. Указ. соч. С. 169.

⁴³ Там же. С. 169–170.

⁴⁴ Там же. С. 174.

⁴⁵ Там же. С. 175.

⁴⁶ Московские ведомости. 1812. № 55. С. 1442.

⁴⁷ Там же. № 57. С. 1481.

⁴⁸ Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 4-х тт. М., 1955. Т. 2. С. 306–307.

⁴⁹ Пушкин А.С. ПСС. В 10-ти тт. М., 1974. Т. 1. С. 260.

В.В. Коровин (Курск)

КУРСКИЙ КРАЙ И КУРЯНЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

ОТМЕЧАЕМЫЙ в текущем году 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. порождает новую волну исследовательского интереса к делам давно минувших дней. Отсутствие в региональных архивах источников, необходимых для углубленного изучения темы участия местного населения в событиях военной истории начала XIX в., затрудняет работу историка. Вместе с тем, наличие краеведческих публикаций столетней давности и возможность обращения к документальным материалам, хранящимся в федеральных архивах, позволяет уточнить и конкретизировать различные аспекты участия курян в защите Отечества.

Одним из первых к теме участия земляков в Отечественной войне 1812 г. обратился известный курский педагог, краевед и общественный деятель А.А. Танков. В 1912 г. «Курский сборник» опубликовал его статью «Год священной памяти»¹. По словам самого автора, он постарался, «не повторяя сообщенных уже в печати фактов, передать несколько новых, извлеченных из архивных источников сведений по истории Курского края, всецело относящихся к Отечественной войне и имеющих интерес, в особенности в виду исполнившегося столетнего юбилея со времени Двенадцатого Года»².

Поскольку Курский край в период наполеоновского нашествия оказался тыловым, основной формой участия курян в военных событиях стало оказание материальной помощи действующей армии, хотя, конечно, уроженцы губернии пришли и на службу в ее ряды. По сведениям А.А. Танкова, курское дворянство делало значительные пожертвования «на устройство, поддержку и содействие народному ополчению, призванному в помощь Русским армиям».

Пожертвования курских дворян на нужды армии и ополчение производились через архиепископа Курского Феокиста, который пользовался уважением дворянства и вел переписку со многими высокопоставленными лицами. В ноябре 1812 г. обер-прокурор Святейшего Синода князь А.Н. Голицын прислал архиепископу Феокисту письмо следующего содержания: «Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Государь мой и Архипастырь! Под руководством Государыни Императрицы Елизаветы Алексевны Высочайше поручено Обер-Шенку Головину, Обер-Гофмаршалу графу Толстому, государственному секретарю Шишкову и мне делать приглашения к денежным пожертвованиям в пользу потерпевших от вторжения врага в Отечество наше. Помогать ближнему есть долг и удовольствие христианина; уделять от избытков своих тем, которые нуждаются в необходимом, сего требует справедливость; длиться с несчастными и немногим есть совершенство добродетели.

Я уверен, что Ваше Преосвященство исполнены чувством сей истины, и потому не осмеливаюсь с моей стороны прибавлять убеждений. Ограничиваюсь исполнением возложенной на меня обязанности. Приглашаю Вас, яко Архипастыря, сделать приглашение к пожертвованиям благородному дворянскому сословию, купеческому сословию, паству Вашу составляющим, так как Вам более известно расположение их душ и самые способы к вспомоществованию ближним. Таковые добровольные пожертвования может каждый благотворитель сам прислать в С-Петербург ко мне или на имя одной из вышесказанных особ, потому что каждому из нас для записи пожертвований выдана шнуrowая книга»³.

Сделав со своей стороны крупные денежные пожертвования, архиепископ Феокист отправил письма помещикам управляемой им епархии, имеющим достаточные средства и отличающимся стремлением к благотворительности. В них он призывал дворян проявить чувство патриотизма. Например, в архиве Курской духовной консистории сохранялось послание обоянскому помещику генерал-майору П.В. Ильинскому: «Вы когда-то изволили сказать мне о намерении Вашем построить при Обоянском мужском монастыре богадельню. Теперь открывается благопристойнейший случай и возможность к изъявлению благотворений Ваших в пользу бедствующих соотчичей, проливавших кровь свою за спасение

Православной России. На сей важный, душеспасительный предмет пожертвуйте, благодетель мой!»⁴

Письма подобного содержания были направлены белгородскому помещику И.И. Хорвату, одному из богатейших помещиков Фатежского уезда А.Н. Спешневу, помещикам Суджанского и других уездов губернии. Все представители Курского дворянства, к которым обращался архиепископ, прислали свои пожертвования. Так, белгородский помещик Хорват направил 500 р., львовский помещик Л.А. Изъединов прислал 500 р. с выражением «сыновних своих чувств», путивльский помещик Черепов прислал 1000 р. Из Харькова помещицей Харьковской губернии, владевшей поместьями и в Грайворонском уезде Курской губернии, Донец-Захаржевской было прислано 500 р.

Из Курска дворянин Переверзев препроводил 250 р. с письмом, отражающим настроения местного дворянства: «В настоящее время, видя многих из знакомых моих и незнакомых дворян и других сословий соотечественников, подвергшихся несчастной участи, сопряженной с защитой Отечества, я облегчал с удовольствием сердца по силам моим угнетающую их бедность, давая одним деньги, другим одеяние, а некоторым пристанище...»⁵

Многие курские дворяне жертвовали денежные суммы, как это следует из архивных документов духовной консистории, своему приходскому духовенству, вместе с купечеством и представителями других сословий. Главные благочинные Курской губернии уведомляли архиепископа о том, что в их благочестиях все сословия участвовали в общей патриотической подписке. Например, в Белгороде в течение двух месяцев после начала подписки было пожертвовано 713 р.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) отложились документы, указывающие на то, что осенью 1812 г. Курская губерния должна была стать одним из центральных узлов снабжения действующей армии. Так, в письме М.И. Кутузова, направленном 21 ноября на имя военного министра А.И. Горчакова, отмечалось: «Во время пребывания армии в районе Смоленска и Москвы и при настоящем движении ее для преследования бегущего неприятеля, продовольствие людям и лошадям доставлялось и доставляется наиболее из добровольного пожертвования дворянских сословий и вообще жителей: Тульской, Калужской, Тверской, частично Орловской и других ближайших

к расположению армии внутренних российских губерний. Теперь, когда армия удаляется от пределов сих губерний, и когда потому доставление из оных продовольствия делается не только затруднительным, но и вовсе почти невозможным, я изыскивал способы, коими бы можно обеспечить содержание армий в оных местностях, куда отсель по обстоятельствам должно будет иметь направление. Похоже, по всем соображениям ближайшим и сподручнейшим, иметь готовый запас провианта, овса и для порции людям вина в Курской и в обеих малороссийских – Черниговской и Полтавской губерниях. Определяя меру сего запаса, я полагаю необходимым, чтобы во всех оных губерниях собрано было с каждой ревизской платящей подати души: сухарей по одному пуду, круп и овса по шести гарнцов, а вина, непосредственно с тех лиц, кои пользуются правом винокурения, в каждой губернии по семидесяти пяти тысяч ведер. А потому, возложить исполнение сего моего Положения на особенное попечение господ гражданских губернаторов и предводителей дворянства Курской, Черниговской и Полтавской губерний, сообщил настоящее тамошним господам гражданским губернаторам, дабы они каждой поверенной ему губернии учинили как наискорее зависящее на сей предмет с их стороны распоряжение, с тем, чтобы коль скоро потребуетсЯ доставление назначенных в сбор сухарей, круп, овса и вина к армии, на сие продовольствие, было всё то в своевременной готовности.

На первый раз пункты своза провианта, овса и вина назначены мною по уездным городам и в других, по собственному господ гражданских губернаторов усмотрению, удобных для складки и центральных по уездам местностям, а куда от толь далее должно будет доставляться, о сем по данному от меня предписанию будет уведомлять губернаторов главноуправляющий по части продовольствия армии господин сенатор Ланской»⁶. Но уже в письме к военному министру, датированном 1 декабря 1812 г., М.И. Кутузов сообщил: «Подвигаясь ныне с армией к Литве, я нашел необходимым назначить подобный сбор в этой же самой мере и на таком же основании с Волынской губернии»⁷.

В ноябре 1812 г., по указанию М.И. Кутузова, с Курской губернии потребовалось собрать подводы и погонщиков для перевозки из города Трубчевска Орловской губернии заготовленных для армии запасов. 7 ноября собрание, состоявшее из губернского и уездных предводителей дворянства, постановило для выполнения этого

поручения избрать ответственными чиновниками тимского помещика Д.Н. Дятлова, льговского помещика майора В.И. Тютчева и фатежского – Н.А. Спешнева.

После этого состоялись уездные дворянские собрания, определившие наряд на подводы, лошадей и погонщиков, которые необходимо было представить помещикам каждого уезда. В конце ноября установленное количество подвод, возчиков и лошадей было собрано. 30 ноября Д.Н. Дятлов уведомил губернского предводителя дворянства о предстоящем отправлении обоза для выполнения указанного задания. Всего от Курской губернии было выставлено 12 076 подвод.

На выполнение операции по перевозке продовольствия и фуража из Трубчевска потребовалось два месяца. Вскоре перед курским обозом была поставлена новая задача. О ней гражданский губернатор А.И. Нелидов известил губернского предводителя дворянства П.А. Гасвицкого: «Из уведомлений Вам господ уездных предводителей дворянства, производящих отправление провiantа и фуража в Минск, известно Вам, что отправление последних транспортов оканчивается. В связи с чем, прошу Вас как наипоспешнее распорядиться транспортированием и отправлением подвод, нужных для поднятия и доставления в назначенные пункты выпеченных из муки Трубчевских запасов сухарей, коих половина возложена... на Курскую губернию. Всех же сухарей, долженствующих подняться на подводах сей губернии, приготовлено 200 944 пуда 23 фунта 13 золотников, по каковому числу поднятия тяжести, должно быть произведено и отправление нужных для того подвод»⁸.

В соответствии с требованием главнокомандующего, курское дворянство выполнило перевозку сухарей из города Севска Орловской губернии в местечко Новую Белицу (пригород Гомеля) Могилевской губернии, пользуясь выделенными для этой цели обозами, под наблюдением избранных дворянских чиновников. Эта операция была завершена в августе 1813 г.

В целом, от дворянства Курской губернии для приобретения 1500 голов волов и фур требовалось собрать 150 000 р. Курянами было собрано 177 469 р., из которых израсходовано – 165 656, а 11 813 р. было передано в Курский Приказ Общественного Призрения. Те из помещиков, кто не мог явиться на собрание лично, в письмах изъявляли желание жертвовать «то, что по времени признавалось

необходимым». Так, например, помещица Фекла фон-Линденер писала: «По причине слабости здоровья в собрании быть не могу, но, желая исполнить в защиту Отечества с верою в душе моей, прошу вас уверить благородное общество, не откажусь от того, что оно положит». Помещик Суковкин писал: «Всякое положение, поставленное в собрании господами дворянами, я с искренним моим усердием приемлю, дабы я мог показать самим делом, что я есть верный сын Отечества»⁹.

В Курске и губернии шел набор рекрутов из всех сословий. В фондах РГВИА сохранилось предписание М.И. Кутузова М.Б. Барклаю-де-Толли от 19 сентября 1812 г., в котором он приказывал приведенных из Курска под командованием прапорщика Курского гарнизона Сысоева 235 новобранцев направить в Нижний Новгород в «состав формируемых там войск»¹⁰.

Курское дворянство оказывало помощь землякам, пожелавшим поступить на службу в действующую армию, но нуждавшимся в материальных средствах. Все уездные дворянские собрания приняли соответствующие решения в августе 1812 г. Например, рыльский уездный предводитель писал губернскому предводителю дворянства: «Рыльское благородное сословие в своем собрании для вспомоществования изъявившим желание дворянам поступить в армейские полки, на защиту Отечества, не имеющим средств на проезд их и содержание, согласилось дать с каждой души 10 коп. из собственных своих доходов».

После оставления Наполеоном Москвы и бегства остатков французской армии из России, ввиду продолжения похода русских войск за границы империи, формировались новые военные части для службы внутри государства. Для этих частей необходимы были офицеры, в связи с чем в конце 1812 – начале 1813 гг. дворянам, не занятым службой, предлагалось поступить во вновь формируемые войска.

По предписанию, поступившему из столицы, курскому губернатору поручалось призывать дворян к записи в части 3-го округа внутреннего ополчения. А.И. Нелидов обратился за содействием к губернскому предводителю дворянства. П.А. Гасвицкий, в свою очередь, передал просьбу губернатора уездным предводителям, после чего от дворян стали поступать отзывы на предложение вступить в ополчение и вновь формируемые полки. В Щигровском уезде изъявили желание поступить на службу 179 человек, в их числе

полковники Александр Рахманов и Петр Скрышлев, премьер-майор Александр Ханьков, капитан флота Петр Монахов, другие военные и гражданские чиновники, юнкера, унтер-офицеры, капралы. Многие из них просили материальной помощи со стороны дворянства. Поступавшим на службу выделялась лошадь и денежное пособие в 50 р. из собранного дворянами капитала.

Всего за период Отечественной войны куряне собрали пожертвований для армии почти 2 млн. р. (по всей России было собрано 57 млн.). Основная сумма пожертвований приходится на 1812 г. – 43 044 р. 24 к. В 1813 г. было собрано 1796 р., а в 1814 г. – 10 814 р. 87 к. Куряне жертвовали золото, серебро, деньги, драгоценные вещи¹¹.

Куряне Никита Сибилев и Стефан Дружинин передали армии перевязочные материалы, полушубки, продовольствие. Указание о сборе овчины для нужд армии было дано еще в сентябре 1812 г. в письме графа А.А. Аракчеева военному министру А.И. Горчакову: «На случай, ежели армия должна будет продолжать военные действия в зимнее время, нужно снабдить солдат овчинными шубами, а потому заготовление овчины предполагается сделать в губерниях Воронежской, Курской, Екатеринославской, Харьковской и Тамбовской...»¹² М.И. Кутузов в письме от 3 ноября 1812 г. лично ходатайствовал перед военным министром о том, чтобы курский городской голова В.А. Гладков и мещанин Н.И. Сибилев получили награды за помощь, оказанную армии: «Градские главы... особенно курской, доставляют к армии в значающем числе необходимо нужные для рядовых ныне при армии употребляемые полушубки и к пользованию раненых корпию, ...оказывают всевозможную готовность во всех отношениях с пожертвованием собственности умерять разного рода недостатки армии. Я в приятной долг вмению означенных глав и курского мещанина Никиту Сибилева, употребляемого к доставлению полушубков и корпии и находящегося большею частию при армии от общества для извещения их о всех потребностях, поруча покровительству вашего сиятельства, покорнейше просить в награду ревности их исходатайствовать им у его императорского величества пожалования медальми, для сословия их установленными»¹³. В.А. Гладкову была вручена золотая медаль на андреевской ленте с надписью «За усердие», а Н.И. Сибилев получил серебряную медаль.

Мужество и героизм проявили куряне и на полях сражений. Рядовые представлялись только к личной благодарности царя, объявлявшейся перед строем. В наградном списке отмечались рядовые Евсей Кучма, Семен Климов, Яков Белоусов, Сергей Григорьев, Иван Коваленко, Козьма Фомин, которые «были ранены пулями, но поле побоища не оставили».

Отвагой в боях с противником отличились солдаты Курского внутреннего гарнизона. Федор Кузьмич Чапыгин (из дворян д. Ольховатой Обоянского уезда Курской губернии) участвовал во многих боях с начала войны, вплоть до вступления наших войск в пределы Польши и Пруссии. Крепостной графа Головкина из села Долгие Буды Обоянского уезда Софрон Калашников был участником таких решающих сражений, как Бородинское, у села Тарутина, у Малоярославца. Он был тяжело ранен, но после выздоровления вернулся в армию, участвовал в заграничных походах ¹⁴.

Архивные документы хранят память о подвигах на полях сражений представителей курского дворянства. Приведем имена отдельных героев. Подполковник Волынского пехотного полка Николай Андреевич Курносов, во время сражения, командуя батальонами, подавал пример личной храбрости и тем содействовал успешному отражению неприятеля. Был ранен в правую ногу пулей. Награжден за Бородино орденом Святой Анны 2 класса ¹⁵. Подпоручик Ширванского пехотного полка Антон Тимофеевич Терлецкий. Принимал участие в сражениях Смоленском, Бородинском, при Малоярославце, Красном ¹⁶. Корнет Орденского Кирасирского полка Александр Онуфриевич Решетинский «26 августа при атаке на неприятельскую кавалерию, командуя взводом, отличил себя храбростью», за что был награжден золотой шпагой ¹⁷.

Прапорщик Федор Алексеевич Бурнашев во время Бородинского сражения использовался в качестве адъютанта, посылался в самые опасные места, ранен в руку. Рапорт о награждении его знаком отличия Военного ордена был подан генерал-лейтенантом Д.В. Голицыным начальнику Главного штаба П.М. Волконскому 21 мая 1813 г. ¹⁸ Капитан гвардейской легкой роты Алексей Александрович Вельяминов отличился при Бородине. Командуя ротой, получил ранение в ногу. Награжден орденом Святого Владимира 4-й степени ¹⁹.

Поручик Лейб-Гренадерского полка Иона Андреевич Щекин тоже отличился при Бородине: «При самой сильной канонаде

посылался неоднократно с разными поручениями к стрелкам, кои исполнял с поспешностью и мужеством, презирая все опасности». Награжден орденом Святой Анны 4 класса²⁰.

Командир Черниговского пехотного полка подполковник Иван Михайлович Ушаков отличился в сражении при Бородине. Его полк захватил укрепленную высоту, ранее оставленную войсками Багратиона, за что офицер был представлен к ордену Святого Георгия 4 степени. Полковник Ушаков получил тяжелые ранения ядром в ногу и пулевое в челюсть. Он был доставлен в госпиталь, где ему отняли ногу ниже колена...²¹

Современные краеведческие издания, посвященные истории отдельных районов Курской области, содержат имена многих земляков, отличившихся в Отечественной войне 1812 г.²² К сожалению, авторы подобных работ не раскрывают источники приводимой информации, в связи с чем снижается ее научная ценность. Тем не менее, краеведческий материал о героизме представителей разных поколений курян в деле защиты Отечества является уникальным средством патриотического воспитания молодежи. Проводимый же в регионе комплекс мероприятий, посвященных 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 г., в подготовке которых принимают участие музейные работники, архивисты, ученые, позволит восполнить пробелы и внести необходимые уточнения в военную историю края.

¹ Танков А.А. «Год священной памяти» (Из истории Курского края во время Отечественной войны) // Курский сборник. Вып. VII. Курск, 1912. С. 1–24.

² Танков А.А. Указ. соч. С. 12.

³ Цит. по: Танков. Указ. соч. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 3451. Л. 1–2.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Танков А.А. Указ. соч. С. 7.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ РГВИА. Ф. 103. Оп. 3. Д. 25. Л. 29.

¹¹ М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. IV. Ч. II. М., 1955. С. 696.

¹² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2738. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 13.

¹⁴ ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 967. Л. 232 об.–233, 247 об.–248, 250 об.–251.

¹⁵ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Д. 13. Л. 383 об.–384.

¹⁶ Там же. Ф. 14414. Оп. 2. Д. 65. Л. 87–88.

¹⁷ Там же. Ф. 29. Оп. 153г. Д. 13. Л. 287 об.–288.

¹⁸ Там же. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 2. Ч. 2. Л. 308–308 об.; Ф. 14414. Оп. 2. Д. 64. Л. 205–206.

¹⁹ Там же. Ф. 29. Оп. 153г. Д. 13. Л. 270 об.–271; Ф. 103. Оп. 208а. Д. 46. Л. 91 об.; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 16.

²⁰ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Д. 13. Л. 337 об.–338.

²¹ Св. 1. Д. 1. Ч. 4. Л. 37.

²² См., напр.: Немцев Н.А. Земля кшенская. Очерки по истории Советского района Курской области. Курск, 2003. С. 16–17; Бирюков А.Ю. Фатежский край: Прошлое и настоящее (историко-краеведческий сборник). Фатеж, 2007. С. 18–23.

Э.Л. Коршунов, А.И. Рупасов (Санкт-Петербург)

ВОЙНА ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО 1741–1748 ГОДОВ И РОССИЯ

РАСКЛАД сил противоборствующих сторон к началу войны за австрийское наследство будет необъясним без учета изменений в европейской ситуации, постепенно складывавшихся на протяжении предшествовавшего ей десятилетия. Когда в 1730 г. стало очевидным, что старшая дочь австрийского императора Карла VI Мария Терезия станет женой герцога лотарингского Франца Стефана, это означало, что окруженная почти со всех сторон французскими владениями и неоднократно оккупировавшаяся ранее Францией Лотарингия приобретает гарантию от поглощения себя Францией. Неизбежным следствием этого династического брака стало резкое охлаждение франко-австрийских отношений. Война за польское наследство продемонстрировала, что противоречия между Парижем и Петербургом непримиримы. Во Франции как один из способов ослабления позиций России рассматривалась поддержка шведского реваншизма. Противоречия между быстро крепнувшей Пруссией и Швецией делали первую возможной союзницей России. В свою очередь, Австрия постепенно утрачивала в течение 1730-х гг. свое значение союзницы для России.

Следует учитывать, что империя Карла VI была крайне уязвима для политического шантажа и очень зависима от наличия союзников. Расширение империи в конце XVII – начале XVIII вв. влекло за собой ее стратегическую уязвимость. По договору от 15 ноября 1715 г. с Голландской республикой императору было запрещено обменивать полученные им испанские Нидерланды. Эта буферная зона между Голландией и Францией должна была защищаться Голландией и Австрией совместно. Из 30–35 тыс. солдат Австрия

должна была предоставлять три пятых. В большинстве т. н. крепостей барьера (в семи) должны были находиться голландские гарнизоны, тогда как австрийский гарнизон должен был находиться только в Дендермонде. Итальянские владения Австрийской империи имели для венского двора исключительное геополитическое значение. Кроме того, они являлись одним из основных источников пополнения имперской казны. Однако как итальянские владения, так и другие составляющие империю княжества и королевства обладали столь существенными правами и привилегиями, только способствовавшими усилению местного сепаратизма, что в габсбургской монархии следует видеть не современное государство, а коллекцию корон и титулов.

Эту коллекцию корон в Вене попытались консолидировать при помощи Прагматической санкции, гарантировавшей признание за дочерью императора Карла VI – Марией Терезией – прав на трон после кончины отца. Учет местных привилегий новых территориальных присоединений де факто противодействовал консолидации. Например, герцогство Тосканское, принадлежавшее зятю императора Карла VI – мужу Марии Терезии, во время войны за австрийское наследство объявило о своем нейтралитете (правда, предоставило Вене заем из доходов герцогства). Исключительными автономными правами обладало королевство Венгрия. Иными словами, габсбургский абсолютизм неизменно наталкивался в империи в силу объективных и субъективных причин на более или менее гибкое сопротивление входивших в империю территорий. В силу этого, любая атака извне подрывала устойчивость империи, делала для венского двора поиск союзников настоящей и постоянной задачей.

После болезненных утрат в результате неудачных войн в Италии и на Балканах 1734–1735 и 1738–1739 гг. Австрийская империя сократилась с 750 тыс. кв. км до 574 тыс., но оставалась крупнее Франции. Неудачная война с Турцией, завершившаяся миром 1740 г., была ударом не только по престижу императора Карла VI, но и ударом по русско-австрийскому союзу, хотя стороны и возобновили в 1739 г. союз 1726 года. Финансы империи бесконечными войнами были предельно истощены. Война 1736–1739 гг. с Турцией обошлась венскому двору в 145 млн флоринов (для примера – война за польское наследство стоила 73 млн). С 1700 по 1740 гг. военные расходы империи превысили астрономическую цифру

в 1,3 млрд флоринов. Отсутствие централизованной, единой системы налогообложения для всех входящих в империю территорий, зависимость Вены от решений региональных сеймов по вопросам налогообложения крайне осложняли финансирование военного бюджета. Дело доходило до закладывания коронных ценностей и церковного серебра, прибегали к иностранным займам. Прямой государственный долг составил в 1740 г. 46 млн флоринов, а т. н. скрытый долг – около 54 млн флоринов (всего, таким образом, 100 млн флоринов).

К началу войны за австрийское наследство имперская армия была поражена несколькими серьезными болезнями – коррупцией, nepotизмом, дефицитом квалифицированных офицерских кадров. Реальная численность полков разительно отличалась от штатной. Война с Турцией продемонстрировала отсутствие опытных кадров на высших военных должностях. Скончавшийся в 1736 г. принц Евгений Савойский не оставил после себя какой-либо «школы». Рядовой состав армии пополнялся с трудом рекрутами – бесконечные войны и эпидемии значительно сокращали базу для пополнения, рост населения не мог компенсировать сокращение этой базы. К моменту смерти императора Карла VI в 1740 г. реальная численность армии составляла около 80 000 человек (тогда как на бумаге числилось 141,8 тыс.). К концу 1730-х гг. в австрийской армии было 52 пехотных (44 немецких, 3 венгерских, 2 итальянских, 3 бельгийских) и 40 кавалерийских (18 кирасирских, 14 драгунских, 8 гусарских) полков. Численность войск делала затруднительной оборону разбросанных по Европе владений, особенно в том случае, если противников оказывалось несколько.

16 декабря 1740 г. между Россией и Пруссией был заключен на 20 лет союзный оборонительный договор. Переговоры о нем были начаты еще в августе при императрице Анне Иоанновне, но подписан был уже после ее смерти от лица Иоанна VI. Стороны обязывались оказывать друг другу военную помощь. Однако делались существенные оговорки. В случае войны России с Турцией, Крымским ханством или Персией Россия свободна от своих обязательств. В случае возникновения войны на западных границах Пруссии русский корпус не будет участвовать в военных действиях далее р. Везер. Военная помощь должна была быть оказана по истечении не более 3 месяцев. Размеры помощи оговаривались в статье 5-й: 4000 кавалерии и 8000 пехоты с 20 или 25 полевыми или полковыми

пушками и 2 гаубицами, бригада инженеров и понтон. Жалованье вспомогательный корпус должен был получать от своей стороны, а его снабжение и предоставление квартир относилось к обязанностям той стороны, которой оказывалась помощь. Договор предусматривал возможность увеличения в случае необходимости вспомогательного корпуса. Если Пруссии вместо вспомогательного корпуса потребовались бы военные корабли на Балтике, то об этом следовало договариваться отдельно. В «сепаратном артикуле» стороны договаривались осуществлять давление на польские власти в вопросах предоставления равноправия в религиозных делах с католиками православных и лютеран. Кроме того, стороны договаривались о совместном противодействии любым попыткам превращения Польши в наследственное и самодержавное королевство. Россия заявляла о своем невмешательстве в решение судьбы герцогств Юлих и Берг, на которые претендовала Пруссия.

Пруссия была традиционным врагом Австрии. Камнем преткновения были именно герцогства Юлих и Берг. В 1739 г. Франция обязалась поддержать притязания Пруссии на герцогство Берг. Уже в декабре 1740 г., через месяц после смерти австрийского императора прусские войска вторглись в Силезию. Силезия являлась для Австрии той базой, которая позволяла оказывать давление на Саксонию и Бранденбург. Аннексия Силезии предоставляла Пруссии выгодные стратегические преимущества в отношении Австрии. Пруссия воспользовалась тем, что смерть российской императрицы Анны в октябре 1740 г. позволяла надеяться, что Россия перестанет быть традиционным союзником Австрии. В Силезии имелось всего 7000 австрийских солдат, которым пришлось противостоять 27 000 солдат прусской армии, перешедшей границу. В январе 1741 г. прусские войска заняли столицу Силезии Бреслау. Только к марту 1741 г. австрийским властям удалось сосредоточить в Моравии 16-тыс. армию под командованием фельдмаршала Нейпперга, целью которой было нанесение удара по наступающим прусским частям. Но уже в апреле Нейпперг потерпел поражение под Моллвитцем.

Перед самым вторжением в Силезию прусский король предложил Австрии в обмен на уступку небольшой части Силезии оказать финансовую поддержку для избрания супруга Марии Терезии императором, учитывая, что Вене придется столкнуться

с притязаниями на императорский трон со стороны баварского курфюрста Карла Альберта. Бавария не обладала достаточными финансовыми и военными ресурсами, чтобы без внешней поддержки ее монарх мог претендовать на императорский трон. Эту поддержку ему поспешила оказать Франция. В июне 1741 г. Пруссия и Франция заключили союз, целью которого было оказание поддержки Карлу Альберту. В июле баварская армия в 10 000 солдат оккупировала княжество-епископство Пассау. Сословный сейм Верхней Австрии принес присягу Карлу Альберту как эрцгерцогу австрийскому. Ранее – в мае – к союзникам Баварии добавилась Испания. Война превратилась в общеевропейскую. Традиционный союзник Австрии Англия на этот раз довольствовалась выделением субсидии в 300 000 фунтов.

В сентябре сильный обсервационный французский корпус был расквартирован в Вестфалии, чтобы защитить прирейнские владения Пруссии от возможного удара со стороны Голландии, а также чтобы служить угрозой для Ганновера, т. е. для Англии. В последнем случае нажим на Англию оказался достаточным, чтобы Ганновер отказался от поддержки Вены и подписал с Францией договор о нейтралитете, а Георг II, как курфюрст Ганновера, обязался голосовать за избрание императором Карла Альберта. В сентябре к врагам Марии Терезии присоединилась Саксония, которая не добилась от Вены территориальных уступок в Богемии. Договор с Карлом Альбертом предусматривал фактический раздел Австрии между Баварией и Саксонией: к первой отходили Богемия, Тироль и Верхняя Австрия, к Саксонии отходили Моравия (ее статус повышался до королевства), Верхняя Силезия и часть Нижней Австрии. После захвата Праги Карл Альберт провозгласил себя в декабре 1741 г. королем Богемии. В январе 1742 г. он был избран императором под именем Карл VII.

В свою очередь летом 1741 г. Мария Терезия была коронована как королева венгерская. Венгерская знать и сословия в этот критический для Вены период оказали ей серьезную поддержку. Вене благодаря этому удалось собрать примерно 35-тыс. армию. Венскому двору также удалось ослабить давление Пруссии благодаря посредничеству Англии: по секретному соглашению в Клейншнеллендорфе (9.10.1741) был положен конец Первой Силезской войне. Нижняя Силезия вместе с оставшейся в австрийских руках крепостью Нейссе переходила к Пруссии. Это высвободило

20-тыс. армию Нейпберга и позволило перебросить ее в Пильзен, где был расквартирован 10-тыс. австрийский корпус.

Нападение Фридриха II на Силезию было болезненно воспринято в Петербурге. Российские власти догадывались, что прусский король причастен к тому, что в 1741 г. Швеция начала войну с Россией, т. к. это отвлекало Петербург от вовлечения в австрийские дела. Известно, что в июне 1741 г. прусский король в ультимативном тоне потребовал от французского посланника, чтобы Франция поторопила Швецию с началом войны, т. к. в противном случае он откажется от своих обязательств перед Парижем. Когда в сентябре 1741 г. русский посланник в Берлине напомнил королю об его обязательстве направить вспомогательный корпус, т. к. Швеция напала на Россию, Фридрих, сославшись на войну с Австрией, отказался это делать, при этом он также отказался предпринимать какие-либо меры к тому, чтобы воспрепятствовать шведской торговле на Балтике.

В январе 1742 г. корпус австрийского фельдмаршала Кевенхюллера (21 000 солдат) предпринял контрнаступление в Верхней Австрии и захватил занятый баварцами Линц, а затем Мюнхен и большую часть Баварии. Карлу VII пришлось перенести свою резиденцию во Франкфурт. К этому времени прусский король решил отказаться от соглашения с Марией Терезией и принять предложение Баварии и Саксонии о разделе Австрии. В конце 1741 г. прусская армия, усиленная французскими и саксонскими войсками, начала продвижение в Моравии в направлении Олмюцта. Для отражения прусского наступления Вене удалось собрать 30-тыс. армию под командованием принца Карла Лотарингского. К апрелю 1742 г. ему удалось очистить Моравию от пруссаков и обратить основное внимание на освобождение Богемии. Реализовать эту цель ему не удалось. Тем не менее, благодаря усилиям английской дипломатии 28 июля 1742 г. в Берлине был подписан мирный договор, по которому большая часть Силезии (около 35 000 кв. км и около 1 млн населения) отходила к Пруссии, у Австрии оставалось около 5000 кв. км. В конце июля был подписан и мирный договор с Саксонией на основе статус-кво. Австрия получила свободу рук, чтобы сосредоточиться на освобождении Богемии от франко-баварской оккупации.

Ситуация для Австрии стала постепенно изменяться к лучшему после того, как в начале 1742 г. в отставку был отправлен глава английского кабинета Роберт Уолпол. Эта отставка означала отказ

Англии от проводившейся политики изоляционизма в отношении европейской политики. Это немедленно повлекло более активное вовлечение Лондона в войну за австрийское наследство. В первой половине 1742 г. 16-тыс. английская армия высадилась в австрийских Нидерландах. Вскоре она была усилена таким же количеством ганноверских и гессенских частей. Вместе с 15 000 австрийских солдат они должны были противостоять здесь французам. В следующем году Голландская республика направила свой вспомогательный корпус – 20 000 солдат. Таким образом, начала свое существование т. н. Прагматическая армия. Изменения в политике Англии сказались и на развитии ситуации в Средиземноморье. Летом 1742 г. к Неаполю подошла английская эскадра, что вынудило короля Карла отозвать свои войска из испанского экспедиционного корпуса (тот насчитывал 26 000 чел.). Хотя испанское наступление на север Италии было продолжено, однако в начале февраля 1743 г. испанцы были остановлены у Кампосанто австро-пьемонтскими войсками и отступили к Римини. В сентябре венский двор под давлением Лондона был вынужден пойти на заключение соглашения с королем Сардинии и Пьемонта Карлом Эммануэлем: к Турину отошли территории к западу от Лаго Маджоре и Тичино, а также к югу от реки По и Пьяченцы. Уступленные территории имели важное стратегическое значение и, безусловно, усиливали влияние в регионе Ломбардии, Пьемонта и Сардинии. Однако секретной статьей соглашения предусматривалось полное изгнание Бурбонов из Италии. При таком исходе Сицилия досталась бы Сардинии – Пьемонту, а Неаполь, т. е. вся южная Италия, за исключением Папского государства, отошла бы к Австрии. В последующем Бавария могла быть обменена на Неаполь или Тоскану. 45 000 пьемонтских и 30 000 австрийских солдат должны были выполнить этот план. Лондон обещал Пьемонту военную эскадру в Средиземном море и 200 000 фунтов стерлингов (впрочем, эта сумма должна была быть изъята из предоставленной Австрии английским парламентом в 1742 г. суммы в 0,5 млн фунтов). Ответом на это соглашение было обязательство Франции (октябрь 1743) серьезно поддержать испанские амбиции в северной Италии. Дон Филипп получил бы Милан, Парму и Пьяченцу, а Испании были бы возвращены Гибралтар и Минорка.

В 1742 г. благодаря согласованным усилиям австрийских оккупационных войск в Баварии и армии Карла Лотарингского, окружавшей Прагу, удалось предотвратить прорыв французского

обсервационного корпуса в Вестфалии к Праге. Однако в октябре 1742 г. баварской армии удалось снова занять Баварию. В декабре французским частям удалось вырваться из Праги и по снегу и горам отступить к Эгеру. В мае 1743 г. Мария Терезия была коронована в Праге королевой Богемии. С конца 1742 г. ее соперник император Карл VII обратился к поискам мира. Однако его запросы были велики: он настаивал на расширении границ Баварии за счет габсбургских владений. В конце лета 1743 г. австрийским войскам удалось снова занять Баварию.

27 июня 1743 г. Прагматическая армия под командованием короля Георга II нанесла поражение французской армии у Деттингена. Однако развивать наступление английский король не пожелал, и в начале осени армия была снова отведена на зимние квартиры в австрийские Нидерланды, хотя сосредоточенная в верховьях Рейна 45-тыс. армия Карла Лотарингского была готова развивать наступление на Эльзас и Лотарингию.

Неоднократно быстро менявшаяся военная ситуация, усугублявшаяся тем, что у венского двора фактически до 1742 г. не было реальных союзников, затрудняла принятие решений в Петербурге. Только после изменения позиции Англии и Голландии, перешедших от скромного субсидирования Австрии к активным военным действиям, Россия стала действовать более энергично, но ограничиваясь в основном демонстрациями у границ Восточной Пруссии и дипломатическими мерами. Настойчивость Англии – основного противника Франции, которая неизменно на протяжении нескольких десятилетий проводила открыто антироссийскую политику, в конце концов, побудила российскую сторону в конце зимы 1747 г. направить в Голландию корпус В.Н. Репнина (23 пехотных полка, 4 драгунские роты и команда чугуевских казаков – 36 тыс. чел., 5115 лошадей). Поход субсидировался Англией. В силу объективных причин продвижение корпуса шло медленно, а поскольку к лету 1748 г. ход мирных переговоров в Аахене делал возможным завершение многолетней войны, Англия настояла в конце июля 1748 г. на прекращении дальнейшего продвижения корпуса под угрозой прекращения финансирования. Хотя корпус так и не принял никакого участия в военных действиях, однако само его появление в центре Европы способствовало изменению общей военно-политической ситуации и восстановлению баланса сил в Европе.

С.А. Кочуков (Саратов)

ПРОЕКТЫ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ ПРОТИВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ: НЕИЗВЕСТНЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ (1870-е ГОДЫ)

ОДНОЙ из наиболее важных и интересных проблем в изучении Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. является планирование боевых действий на Балканском полуострове в 60–70-х гг. XIX в. Данная тема нашла отражение в опубликованных исторических источниках ¹, а также в отечественной историографии ². В настоящей статье предпринята попытка, используя новые архивные материалы, проследить историю составления планов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В отечественной историографии из одного исследования в другое переключиваются лишь два варианта планирования балканского конфликта – план сотрудника военно-ученого комитета Главного штаба полковника Н.Д. Артамонова, а также план генерала Н.Н. Обручева ³. Объясняется это в первую очередь тем, что в исторической науке утвердилось в корне неверное понимание ситуации, которая сложилась в русском общественном сознании незадолго до боевых действий. Конечно, в России доминировала панславистская точка зрения, согласно которой Россия на Балканах выполняла и выполняет свою историческую миссию. Князь В.П. Мещерский, публицист и издатель газеты «Гражданин», впервые обратился к балканской проблеме еще в 1876 г., после Апрельского восстания. Вообще это событие наделало много шума в русском обществе. В первую очередь откликнулась печать. И хотя практически все периодические издания выражали полное сочувствие восставшим, необходимо отметить разницу в оценке этого события. К примеру, такие петербургские газеты, как «Русский мир», «Голос», «Новое время», изображали восстание как результат заранее подготовленных действий, хотя и отмечали, что

движение началось преждевременно и это послужило причиной его неудачи.

В своей работе «Правда о Сербии» Мещерский утверждал, что война с Турцией «...Божьей милостью война за идею»⁴. Диаметрально противоположные мнения Мещерский категорически не воспринимал: «Людам, сомневающимся в том, что движение умов в пользу славян истинно народное, я бы посоветовал прочитать хотя бы частицу писем, получаемых И.С. Аксаковым как председателем Славянского комитета из разных концов и от разных лиц России. Именно в Москве, средоточии русской жизни, возможно, это сочувствие в том виде, в каком оно проявляется»⁵. В доказательство своему утверждению, что он не одинок, Владимир Петрович приводил значительное число высказываний представителей русского общества о предстоящей войне: «Купец пишет из своей лавочки на Нижегородской ярмарке: “Да когда же, Бога ради, мы вступимся за братьев посильнее да подействительнее”. Там другой купец пишет из глуши Сибири: “Да нельзя ли всем верноподданым сказать царю, что мы готовы до последнего идти за веру, царя и отечество, куда и на кого царь велит”. Тут священник дальнего прихода пишет: “Посылаю деньги и пожелания всех прихожан, чтобы Бог услышал наши молитвы – и повел нас в избавление братьев от гнета, скорби и печали”. Здесь студент пишет: “Посылаю, что могу, пока сам не приеду в Сербию”»⁶. Кроме того, представители российской общественности Н.И. Пирогов, Д.И. Иловайский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и другие считали, что в обязательном порядке необходимо вести войну до победного конца. Россия может, как это не раз было, пойти на какие-то закулисные переговоры не только с Турцией, но и с Англией, Пруссией или Австрией. В результате будет довольствоваться малым, и ни о каком освобождении братских народов не может идти речь.

Но помимо резких высказываний в отношении балканского вопроса наблюдались позиции, которые предлагали решать проблему чрезвычайно осторожно. Данная точка зрения утвердилась не только в обществе, но и в многочисленных планах и проектах будущей войны.

Большинство подобных планов находятся в Государственном архиве Российской Федерации в личном фонде Н.П. Игнатьева⁷, а также в фонде Московского славянского благотворительного комитета⁸. Условно подобные планы можно разделить на две группы:

1. Планы войны, составленные государственными или военными деятелями, в силу обстоятельств не получившие продолжения;

2. Планы предстоящей кампании анонимных авторов. Эти планы могут показаться на сегодняшний день смешными или даже абсурдными, но на момент 60–70-х гг. XIX в. они были интересны и отражали настроения определенной части русского общества.

К первой группе планов с уверенностью можно отнести наработки гр. Н.П. Игнатьева⁹ и полковника Генерального штаба Д.А. Скалона¹⁰. В 1867 г. Николай Павлович Игнатьев составил «Записку о целесообразности мирного урегулирования русско-турецких отношений». Данный документ был адресован императору Александру II, но в личном фонде царя он мною не был обнаружен, таким образом сохранился только черновик данной записки. Документ написан на французском языке, но имеет приложенный к нему перевод. На момент составления данной записки гр. Игнатьев находился послом в Турции, в результате чего был осведомлен о событиях на Балканском полуострове. Николай Павлович рассматривал будущее военное столкновение в первую очередь через призму деятельности дипломата. Наиболее серьезно повлияла на позицию русского посла прошедшая Крымская война 1853–1856 гг. Последствия ее нельзя было недооценивать. В первую очередь, отсутствие сильного флота на Черном море делает военные мероприятия малоперспективными. В официальном плане войны, составленном Н.Н. Обручевым, говорилось: «...и без флота они (боевые действия. – С. К.) могут иметь самый решительный характер»¹¹.

Да, безусловно, Турция являлась соперником для большинства европейских государств, в том числе для Англии, Пруссии и Австрии, но ликвидация Турецкого султаната и чрезвычайное укрепление России на Балканах и в районе черноморских проливов не нравилось европейским державам еще больше. Что же касается Франции, то последняя всегда придерживалась протурецкой ориентации, и что в случае войны с Турцией она будет помогать султанату, не было ни для кого тайной.

Гр. Игнатьев подчеркивал, что время для войны выбрано было неудачно, так как общественное мнение в балканском регионе еще не готово к открытым выступлениям¹². Предупреждал Николай Павлович также и от затяжной войны. С одной стороны, длительное ведение боевых действий – дело достаточно дорогое в финансовом отношении. С другой стороны, отмечал гр. Игнатьев:

«Необходимы большие усилия с нашей стороны и война может затянуться надолго, если с самого начала не будет блистательного и решительного успеха. Две, три победы несомненно уронят дух турецкой армии... Но во всяком случае нынешнее настроение общества совершенно иное как в России, так и в Европе, а Турция не в сравнении более подготовлена»¹³.

Наконец Игнатъев делает смелое предположение, что если Россия и одержит победу над Турцией, то «...первый выстрел на Дунае вызовет множество политических комбинаций и различных притязаний на турецкое наследство и возбудит дремлющие силы, как на Востоке, так и на Западе...»¹⁴. Подобное мнение Николая Петровича Игнатъева не является случайностью. Дело в том, что официальный Петербург был крайне консервативен в своих воззрениях и очень осторожно относился к любому веянию свободы на Балканах, хотя вроде бы это способствовало ослаблению его геополитического соперника – Турции. В свое время в России не вняли призывам эллинов помочь их восстанию против Турции. То же самое повторилось в канун Апрельского восстания в Болгарии 1876 г. А позднее, с большим подозрением относясь к болгарским либералам, царское правительство поддержало государственный переворот болгарского князя Баттенберга, отменившего либеральную конституцию и установившего самодержавное правление. В связи с этим в одном из донесений русского посольства из Софии в Петербург констатировалось, что Россия не оправдала ожидания болгар, ее «беспрестанная перемена взглядов ... переход от Тырновской конституции к едва замаскированному деспотизму ... поколебали наш нравственный кредит».

Большие проблемы у России возникали в связи с острыми противоречиями между самими балканскими государствами. Каждое из них стремилось заручиться поддержкой одной из великих держав, в том числе и России. Соответственно, интересы великих держав и балканских государств причудливо переплетались, создавая сложные международные проблемы, которые не раз могли были привести к войне не только на Балканах, но и в других частях Европы. Для России «славянское братство» становилось порою тяжелым бременем. Дело в том, что «братья», случалось, меняли про-российскую ориентацию на союз с той или иной европейской державой. Таким образом, по мнению русского посла в Турции, России необходимо заручиться не только поддержкой великих держав

Европы, но и чрезвычайно грамотно обозначить время проведения боевых операций на Балканском полуострове.

В отличие от гр. Н.П. Игнатьева Д.А. Скалон старался рассмотреть конфликт между Россией и Турцией с позиций военного специалиста. В своей записке «Наши военные задачи в Азиатской Турции»¹⁵ полковник Генерального штаба фактически не рассматривает возможность войны с европейской Турцией. Что же касается азиатского театра военных действий, то данное направление разбирает чрезвычайно досконально и выявляет несколько серьезных моментов, на которых необходимо заострить внимание во время ведения кампании.

Д.А. Скалон видит главную проблему Русской армии в первую очередь в отсутствии доктрины. Причиной этого послужил тот факт, что для России главной ареной войны с Турцией являлся Балканский полуостров, а не Азия. Удары по турецким войскам на Кавказе носили вспомогательный характер¹⁶, это очевидно. Однако В.А. Золотарев в своей монографии «Противоборство империй» отмечает: «Русское командование войскам Кавказской армии ставило активную наступательную задачу. Наступлением в глубь Малой Азии они должны были отвлечь на себя значительную часть турецких войск и тем самым способствовать успеху Дунайской армии на Балканском театре, где, безусловно, решалась судьба всей предстоящей кампании»¹⁷. Автор монографии, по всей видимости, не знакомый с запиской Скалона, отмечал: «И действительно, уяснили ли мы себе выполнение наших задач на Востоке? Чего хотим мы? Уничтожим ли мы Турцию? Завоеем ли мы Малую Азию?»¹⁸ Именно отсутствие стратегического плана в данном регионе приводило к полумерам. Это в определенной степени подтверждает военный корреспондент Г.К. Градовский: «Уже два года эта часть Малой Азии, составляющая продолжение нашей Армении, завоевана была русской кровью; два раза значительная часть местного населения встречала радушно русские войска и русскую власть; но два раза надежды их были обмануты: и после 1828 года, и после войны 1853–1856 годов они снова подпадали под деспотизм турецкого владычества, вымещавшего свои военные неудачи на всех, кто только расположен к России. Будет ли обмануто это население и в третий раз? Одно довольно видное лицо из армянского духовенства высказало свой упрек, что и русская печать, и русское правительство забыли, будто бы, что христиане существуют и в Малой

Азии, что христиане эти не менее славян угнетаются и гораздо более их мечтают о присоединении к России»¹⁹. В каком-то смысле идеи Скалона переплетаются с мнением Игнатьева. Полковник Генерального штаба, например, считал, что вести наступательные боевые действия, на чем настаивает часть русского общества, немыслимо. «Русские войска, – по мнению Скалона, – будут блокированы, и эта опасность действительна при отсутствии у нас морских сил»²⁰. Выход один: два одновременно мощных удара, как по европейской, так и по азиатской Турции.

Планы предстоящей войны с Турцией, условно отнесенные к второй группе, являлись анонимными или же были подписаны вымышленными именами и фамилиями. Примером подобного прожекта служит письмо, за подписью «Русский», адресованное гр. Игнатьеву²¹. Данный документ датируется апрелем 1877 г., по всей видимости, за несколько дней до начала военных столкновений с Турцией. Авторство записки определить не представляется возможным, вероятнее всего это один из бывших добровольцев-волонтеров, который участвовал в Сербо-турецкой войне 1876 г. и в силу обстоятельств остался на территории Балканского полуострова. По своему характеру разбираемая записка – нечто среднее между планом и призывом или воззванием. Начинается документ торжественно: «Генерал! Далеко от родины один из ваших соотечественников давно уже с непрерывным вниманием следит за вашими политическими победами и промахами... Начали, вы генерал, хорошо, великолепно! Но кажется желаете кончить дурно!»²². Дальше аноним предостерегает гр. Игнатьева от пассивных действий на фронте, а также заявляет, что необходимо превратить Черное море – в море Русское²³, как это было во времена Киевской Руси. Основная идея писавшего эту «Записку» – не просто победа над Турцией, а ее выдворение с европейского континента. Более того, автор дает Николаю Павловичу Игнатьеву совет, какой должна быть форма правления на освобожденных территориях – только конституционная монархия. «Русский» пишет: «...воздвигнете на их месте (на месте Турции. – С. К.) конституционную монархию, умоляйте нашего государя дать также России конституцию – и тогда беспремерное, великое и славное царствование императора Александра II будет вечно сиять на страницах истории отечества»²⁴.

Еще один документ подобного характера – «Записка о неизбежности распада Турецкой империи»²⁵. Подписан этот исторический

источник «Николаем Карповичем», имя и фамилия, безусловно, выдуманы. Автор этой записки по всей видимости хорошо знаком с военной историей, так как проводит исторические параллели русско-турецких войн с Отечественной войной 1812 г. и считает, что одним из главных недостатков турецкой военной машины является ее разноплеменный состав. Действительно в турецкой армии служили не только этнические турки, но и представители других национальностей, которые волею судеб оказались на стороне «азиатских орд». Именно последним были чужды интересы Турции на Балканах. В этих условиях Россия должна и обязана выполнить свою историческую миссию – освободить славянские народы от иноземного ига.

Какие же доводы приводит автор «Записки»?

1. В Турции уже нет никакой администрации. Несколько чиновников, которые сменяются регулярно через два-три месяца. То есть налицо чехарда кадров.

2. Отсутствие прогрессивных общественных сил.

3. Мусульманская часть населения Малой Азии обременена непосильными налогами и истощена донельзя рекрутскими наборами.

4. Финансы империи вконец расстроены, а фискальные сборы оседают в карманах чиновников.

5. Армейские недостатки – 91 батальон, который числится лишь на бумаге, не сможет быть поставлен под ружье, остальная часть вооруженных сил укомплектована лишь на $\frac{2}{3}$ ²⁶.

Наконец «Николай Карпович» считает, что турецкая армия, так же как и наполеоновская, столкнется с повальным дезертирством, которое равносильно боевым потерям: 10–12 тыс. чел. в две недели²⁷. Политическая цель войны автором «Записки» определялась как «полное бесповоротное решение восточного вопроса» – безусловное уничтожение владычества Оттоманской империи на Балканском полуострове.

Как видно, различных планов предстоящей войны было значительное количество. Если отбросить панславистские и шапкозакидательские настроения некоторых из них, то подобные наработки были бы весьма полезны во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также, возможно, уберегли бы русскую армию от Шипкинской и Баязетской трагедий.

¹ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. Вып. 4; Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1898–1911. Вып. 1–97; Газенкамф М.А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908; Паренсов П.Д. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. СПб., 1901–1905. Ч. 1–5.

² Война 1877 и 1878 гг. / Под ред. С.П. Зыкова. СПб., 1879–1880. Вып. 1–6; Гейсман П. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. СПб., 1906; Зайончковский А.М. Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева в сражениях под Ловчей, Плевной и Шейново. СПб., 1893; Колюбакин Б.М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. СПб., 1906; Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. СПб., 1885; Пузыревский А.К. Русская армия перед войной 1877–1878 гг. СПб., 1887; Симанский П.Н. Война 1877–1878 гг. Падение Плевны. СПб., 1903; Коленковский А., Боголепский В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1939; Фортунатов П.К. Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950; Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970; Хевролина В.М. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское революционное народничество // Славянская историография и археография. М., 1969; Гурбанов М.С. Неугасимое пламя советско-болгарской дружбы. Кишинев, 1960; Конобеев В.Д. Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. М., 1953; Виноградов В.Н. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978; Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956; Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977; Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз восточного кризиса. М., 2005.

³ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 67–75; Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1977. С. 54–59.

⁴ Мещерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же. С. 20–21.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ.) Ф. 730. Оп. 1. 5268 ед. хр.

⁸ См.: Там же. Ф. 1750. Оп. 1.

⁹ Там же. Ф. 730. Оп. 1. Д. 562.

¹⁰ Там же. Д. 643.

¹¹ Барбасов А.П. Новые факты о планировании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Военно-исторический журнал. 1976. № 2. С. 44.

¹² ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 562. Л. 2.

¹³ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁴ Там же. Л. 4 об.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 643.

¹⁶ См.: Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазийском театре, с планами и схемами. СПб., 1903–1904. Т. 1. Вып. 1.

¹⁷ Золотарев В.А. Указ. соч. С. 45.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 643. Л. 1.

Проекты военной кампании против Османской империи: неизвестные архивные документы

¹⁹ Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. Очерки очевидца. СПб., 1878. С. 28.

²⁰ ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 643. Л. 2 об.

²¹ Там же. Д. 684. Л. 2.

²² Там же. Л. 1.

²³ Там же. Л. 1 об.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Д. 710.

²⁶ Там же. Л. 1 об.–2.

²⁷ Там же. Л. 2.

А.Р. Круглова (Санкт-Петербург)

НОВАЯ АТРИБУЦИЯ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКОВОГО ЗНАМЕНИ

О Б АРТИЛЛЕРИЙСКОМ полковом знамени, хранящемся в фондах ВИМАИВиВС¹, вышло уже несколько публикаций, не говоря уже о трудах, в которых оно в той или иной мере описывается или упоминается. Особенный интерес среди этих работ представляют материалы Л.К. Маковской, исследовавшей историю участия артиллерийской регалии в торжественных праздничных церемониях перед Зимним дворцом и введшей в научный оборот большое количество архивных документов². Однако прежние публикации содержат неполную информацию в атрибуции знамени – дата его создания по-прежнему остается под вопросом. Целью данного исследования является уточнение этой важной характеристики памятника.

Относительно года появления знамени в литературе есть разногласия. Полемика по данному вопросу содержится в статьях П.Д. Львовского³ и Л.К. Маковской⁴. Она сводится к указанию косвенных свидетельств, которые, по мнению исследователей, позволяют им датировать памятник либо 1745 г.⁵, либо 1757-м⁶. При этом одни опираются на атрибуцию Н.Е. Бранденбурга⁷, который, по всей видимости, основывался на записи в «Шнуровой книге» достопамятных вещей при Петербургском арсенале, начатой в 1841 г., где есть запись о «Штандарте артиллерийском 1745 года»⁸, а другие – на труд А.В. Висковатова⁹, сделавшего, очевидно, свои выводы из указания в штатах полевой артиллерии 1757 г. иметь каждому из двух сформированных в том же году артиллерийских полков (прежде полк был один) по своему полковому знамени¹⁰. Это последнее предположение как будто подкрепляется

приказом генерал-фельдцейхмейстера тех лет графа П.И. Шувалова изготовить знамя для второго артиллерийского полка на основании упомянутого штата¹¹, но, во-первых, это был не приказ, а предположение, поданное в Канцелярию Главной артиллерии и фортификации (КГАиФ) на «резолуцию»¹², а во-вторых, ни письменных, ни вещественных доказательств факта создания такого знамени нет. Не может служить таким доказательством и ордер КГАиФ от 11 декабря 1757 г. подполковнику Мартынову, в котором приказывается «с состоящего при первом артиллерийском полку знамени, литавры завесы и с каляски латавренной снять рисунок и представить немедленно, показав притом ис какой материи и цвету знамени, також кисти и протчия... украшены и сколько каких материалов потребно, смету подать при репорте»¹³. Переписка П.И. Шувалова в 1754 г. по поводу закупки «белых штофов», якобы подтверждающая датировку знамени 1757 г., не имеет отношения к его построению¹⁴.

Ничем прямо не подтверждается и датировка 1745 годом. Н.Е. Бранденбург мог, вероятно, основываться, помимо записи в «Шнуровых книгах», на документах 1745–1746 гг. об «исправлении артиллерии» к предполагавшемуся походу русских войск на помощь Австрии (никаких ссылок в его работе об артиллерийском знамени нет). Н.Е. Бранденбург знал о том, что в конце 1745 г. генерал-фельдцейхмейстер князь Репнин делал смотр артиллерии и обратил внимание на вензель на дротике знамени, указав изготовить вместо вензеля Петра I другой, золоченый вензель Елизаветы Петровны. Может быть, это и дало повод Н.Е. Бранденбургу предположить, что шитое знамя было изготовлено тогда же. Л.К. Маковская, просмотрев протоколы присутствия КГАиФ за 1730–1745 гг., нашла только упоминания об интересующем нас памятнике в документах 1745–1746 гг., без указания на его недавнее изготовление¹⁵. Мы решились еще раз просмотреть эти документы за 1737–1746 гг., начиная от времени изготовления чертежа артиллерийского знамени с вензелем Анны Иоанновны на лафете¹⁶, в надежде что-нибудь найти, но ничего определенного о создании знамени в 1745 г. также обнаружить не удалось. Однако эти поиски все же имели результат.

Во-первых, была выявлена ведомость «полевой и осадной материальной части артиллерии в Киеве и Польше в компанию 1740 г.» от 16 мая того же года, в которой полковое знамя значится как

«новое, шитое золотом и серебром и разными шелками по белой камке...»¹⁷. Во-вторых, просмотр указанных документов позволил отметить, что появлению нового знамени предшествовали в течение нескольких лет рапорты о материальной части артиллерии, в которых указывалось на плачевное состояние артиллерийского знамени и обосновывалась необходимость построения нового ¹⁸, в то время как указаний на ветхость знамени с 1700 по 1745 гг. не встречается. И наконец, имея сведения о появлении нового шитого знамени в артиллерии в 1740 г. и учитывая новые определения сроков службы для знамен, продленные учрежденной в 1730 г. Особой Войсковой комиссией до 10 лет ¹⁹ (позднее это было закреплено в книге штатов 1757 г. ²⁰), мы можем утверждать, что новое артиллерийское знамя не могло быть построено в 1745 г. И скорее всего (тут уже можно почти слово в слово цитировать Л.К. Маковскую), так как на практике «артиллерийские знамена служили значительно дольше положенного срока, до полного их износа», что объясняется «достаточно устойчивой эмблематикой ²¹ изображения» на нем ²², знамя «к окончанию срока его службы должно было находиться в хорошем состоянии»²³. Следовательно, необходимости шить новое знамя не было вплоть до 1757 г., когда был сформирован второй артиллерийский полк и понадобилось такое же знамя для него. Знамя для второго полка так и не было изготовлено, поэтому на торжественные церемонии в начале 1760-х гг. артиллеристы вывозили одно полковое знамя, а после отмены знамен в артиллерии в 1763 г. эта «достопамятная» регалия, к концу века уже обветшавшая, была сдана в Санкт-Петербургский арсенал 22 декабря 1797 г.: «Знамен Российских...Артиллерийское с копьём, на шнуру древки две золотыя кисти и с красным суконным простым чехлом, в дырах и в местах изорванное, обложенное, кроме древки, золотою и серебряною бахрамою и в некоторых местах повырвано, к нему ж дротик медной, вызолоченной, резной. На нем вырезан орел двуглавоу 1. Яблоко медное вызолоченное резное и в круг онаго обручъ серебрянной 1»²⁴.

Кроме свидетельств письменных источников, в нашем случае следует также принять во внимание и внешний вид, художественно-стилистические особенности знамени как произведения декоративно-прикладного искусства. Знамя вышито шелками, золотом и серебром, битью и канителью, с применением разнообразных швов, характерных для золотного шитья XVII в. Использование этой ар-

хаичной для XVIII в. техники в изображении новоевропейской эмблематики делает памятник чрезвычайно интересным и дорогостоящим, редким произведением прикладного искусства. В этом смысле ближайшим аналогом артиллерийскому знамени является полковое знамя лейб-гвардии Преображенского полка 1742 г., хранящееся в экспозиции Музея Гвардии Государственного Эрмитажа. Сходство материалов и техники исполнения обоих памятников указывает на то, что после появления артиллерийского знамени в 1739–1740 гг. новое знамя уже не изготовлялось, и в любом случае, знамя, хранящееся в фондах ВИМАИВиВС, было создано в конце царствования Анны Иоанновны, в 1739–1740 гг.

¹ Инв. № 9/6431; размер 223x200 см.

² Маковская Л.К. Уникальные памятники военной истории // Музей военной истории и боевой славы: Сборник статей и материалов, посвященных 240-летию музея. Вып. 7. СПб., 1996. С. 282–301.

³ Львовский П.Д. Знамена Отечественной артиллерии: Исторический очерк // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 2. Л., 1958. С. 241–287.

⁴ Маковская Л.К. Уникальные памятники военной истории. С. 282–301.

⁵ Там же. С. 294–295, 301, прим. 68–70.

⁶ Львовский П.Д. Знамена Отечественной артиллерии: Исторический очерк. С. 247, 281, прим. 63.

⁷ Бранденбург Н.Е. Об артиллерийском знамени в XVIII столетии // Артиллерийский журнал. 1885. № 4. С. 225–229; Он же. Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1883. Ч. 2. С. 180, кат. № 577.

⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 9. Л. 100 об.

⁹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. 3. Изд. 2-е. СПб., 1899. С. 80, 83, 140 и рис. 382.

¹⁰ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. Книга штатов. СПб., 1830. С. 293, 331.

¹¹ Львовский П.Д. Знамена Отечественной артиллерии: Исторический очерк. С. 247, 281, прим. 63.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 983. Л. 496 об. – По старому шифру, указанному П.Д. Львовским (см. предыдущую ссылку), обнаруживается только этот документ.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Полк. Отд. Д. 635. Л. 700, 704, 716 об.

¹⁴ Там же. Оп. ШГФ. Д. 1886. Л. 1, 6, 6 об. Об этом см. также: Круглова А.Р., Смоленчук Е.В. Еще раз об артиллерийском знамени 1745 года // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. IX. СПб., 2010. С. 388–389, прим. 10.

¹⁵ См.: Маковская Л.К. Уникальные памятники военной истории. С. 294, 301, прим. 68, 69.

¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 223. – Как теперь представляется очевидным, чертеж этот не был проектом нового знамени, а был точным чертежом ветхого действующего боевого знамени, участвовавшего после починки в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. В ведомости 1735 г. с подробным описанием заслуженной регалии перечислены детали изображений на ней: «Пушка на станке и на колесах, капьярмус, древко шуфельное, ядер пятнадцать, картечь одна...» (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборн. Д. 2911. Л. 288). Эти детали есть и на чертеже знамени, правда, ядер там 10 и есть вторая пирамида из 6 бомб, 3 связки картечи, но разница в изображениях, вероятно, происходила от поновлений красками, которые могли легко скрыть отдельные детали предыдущего рисунка. О том, что на том знамени, как и на чертеже, были «латынские литеры», т. е. девиз, знаем из других документов (Там же. Л. 78).

¹⁷ Там же. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 369. Л. 16 об. См. также об этом: Круглова А.Р., Смоленчук Е.В. Еще раз об артиллерийском знамени 1745 года. С. 378–379.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборн. Д. 2910. Л. 773; Д. 2911. Л. 45 об., 151 об.; Д. 2912. Л. 553 об.

¹⁹ Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия Русской Армии. Т. 2. 1725–1801 гг. СПб., 1899. С. 19–20.

²⁰ ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. Книга штатов. СПб., 1830. С. 293, 331.

²¹ Об эмблематике артиллерийского знамени см.: Круглова А.Р. Складывание эмблематики артиллерийского знамени в начале XVIII века. // Консервация, реставрация и реконструкция памятников военной истории. Вып. 7. СПб., 2011. С. 190–199.

²² И, конечно, экономией средств.

²³ Маковская Л.К. Уникальные памятники военной истории. С. 295.

²⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арс. отд. Д. 1290. Л. 11, 12, 15.

А.С. Кручинин (Москва)

**«ОЗЕРНЫЙ ФРОНТ» (ПАРТИЗАНСКИЕ
ОПЕРАЦИИ ПОДПОЛКОВНИКА
С.Н. БУЛАК-БАЛАХОВИЧА
В ФЕВРАЛЕ – АПРЕЛЕ 1919 ГОДА)**

1. СЕВЕРНЫЙ корпус после отступления от Пскова. Потерпев 25 ноября 1918 г. поражение в попытках отстоять Псков во время наступления Красной армии, немногочисленные и чрезвычайно бедно экипированные части Отдельного Псковского корпуса Северной армии были принуждены к отступлению на Изборск – Печоры и далее в пределы Лифляндской губернии. Перед командованием корпуса теперь вставала необходимость решать, какое из «самоопределяющихся» государственных новообразований – Латвия или Эстония – будет предпочтительнее в качестве союзника и базы для переформирования и дальнейших действий, и вопрос этот сразу же вызвал разногласия между командующим корпусом полковником Г.Г. фон Нефом и начальником штаба ротмистром (окончил в 1917 г. курсы 2-й очереди Академии Генерального штаба) В.Г. фон Розенбергом, в конечном счете приведшие к отставке последнего и, по-видимому, затронувшие и строевое офицерство корпуса.

4 декабря 1918 г. Розенберг передал приказание входившему в состав корпуса Особому отряду ротмистра С.Н. Булак-Балаховича (вскоре Балахович был произведен полковником Нефом в подполковники «за удачное отступление от Пскова и за сохранение своего отряда при выполнении этой тяжелой операции»¹) «до прибытия эстонских частей прикрывать переброску корпуса в новый район формирования Феллин – Валк»², однако, в предвидении скорого падения Валка, считал целесообразным не сворачивание

фронта на север, к Феллину и границе Эстляндской губернии, а переброску всего корпуса через Ригу к Митаве с переносом линии снабжения на порт Либаву, где ожидалось появление союзников-англичан. Неф, в свою очередь, 6 декабря заключил с эстонским правительством договор, согласно которому корпус (Северная армия) получал базу «в предоставленном районе Эстонии», довольствие в счет «долга организующегося Правительства России», переходил в оперативное подчинение эстонскому главному командованию (с сохранением самостоятельности в вопросах внутренней жизни) и ограничивал свою численность 3500 человек (при действительной численности, согласно сведениям генерала А.П. Родзянко от середины декабря, в 4500 человек, в том числе 1500 офицеров)³. Пойдя на такое соглашение, Неф одновременно фактически отказался от сотрудничества с представителями «городских дум и земских собраний» Псковской губернии и от формирования кадров будущего русского гражданского управления⁴, несмотря на то что в качестве цели операций корпуса, именуемого теперь Северным, намечалась именно Псковщина.

По-видимому, о договоре не было сообщено даже ротмистру Розенбергу, в течение полумесяца продолжавшему настаивать на переброске корпуса в Митаву, лишь 21 декабря сделавшему вывод об отказе командующего от такого решения и подавшему вследствие этого в отставку⁵. Еще менее информированными должны были быть командиры отдельных частей и отрядов, которые подчас уже склонялись к принятию решений на свой страх и риск. Один из участников событий записал в дневнике: «10 декабря утром на ст[анции] Юрьев видели младшего Балаховича (брата командира Особого отряда. – А. К.) и младшего Пермикина. Последний заявил, что у них был совет в составе Балаховича 1-го, Пермикина 1-го и капитана Микоша, на котором они решили, что будут действовать совершенно самостоятельно, пробиваясь по направлению к Риге»⁶. На окончательное же решение повлияли, вероятно, не столько распоряжения командующего, сколько непосредственное совещание «между Балаховичем и представителями зарождавшейся Эстонской армии» в корчме Лива («на Верроском шоссе, в 30–40 верстах от Юрьева») около того же дня 10 декабря⁷.

Генерал П.Н. Симанский впоследствии резко критиковал идею базирования Северного корпуса на Эстляндскую губернию:

«Отходя на Ревель, армия попадала в тупик... [...] Отходя на Ригу, она приобретала возможность базироваться на широком просторе и Латвии, и Литвы, иметь за собою те Курляндские формирования, которые повели потом такую успешную борьбу с большевиками, и пользоваться для сношений с внешним миром такими портами, как Рига, Виндава и незамерзающая зимой Либава» (генерал прямо обвинял полковника Нефа в некомпетентности: «Человек с кругозором баталионного командира принял на себя разрешение задачи высокого стратегического и политического значения», – и даже намекал на личную заинтересованность командующего: «Родственник баронов Каульбарс[ов], он принадлежал к дворянам-помещикам бывшей Эстляндской губернии») ⁸. Рискованность положения, в котором очутились русские войска, осознавалась и Балаховичем, говорившим, что «в нашем распоряжении оставался маленький клочок суши и безграничное пространство незамерзшего моря»⁹. Тем не менее и в такой ситуации оставалось одно – сопротивляться наступающему противнику.

2. Расстановка сил и образование «Озерного фронта». На рубеже 1918/1919 гг. советское наступление в пределы бывших Прибалтийских губерний было возложено на 7-ю и Западную армии, причем последняя, имевшая чрезвычайно протяженный фронт и обширные задачи, 27 декабря выделила из своего состава и передала в 7-ю армию «армейскую группу Латвии», 4 января преобразованную в отдельную «армию Советской Латвии». Против сосредотачивавшихся русских и эстонских войск действовали 6-я и 2-я Новгородская стрелковые дивизии (нарвско-ревельское и псковско-валкское операционные направления, соответственно) 7-й армии, для усиления которых перебрасывалась из-под Вятки 10-я стрелковая дивизия ¹⁰. «Армия Латвии», представлявшая собою, по советской же оценке, «группки вооруженных людей [...] без организации, без дисциплины, без малейшей боевой выдержки», в свою очередь выделила «валкскую группу», частично перемешавшуюся с войсками 7-й армии в ходе январских боев.

Несмотря на критические отзывы о красных латышах, их «эстонский участок фронта» насчитывал около 17,5 тыс. штыков, что безусловно не позволяет сбросить такую силу со счета. Численность же двух дивизий 7-й армии к началу «операций против белой Эстонии», согласно советским данным, составляла около 12 тыс. штыков, равномерно распределенных по обоим направлениям ¹¹, причем

именно она и являлась главной угрозой, первоначально развив столь успешное наступление, что советский картограф впоследствии, ничтоже сумняшеся, «завоевал» «к концу февраля 1919 года» всю Эстляндию, включая Ревель¹². Ближе к истине советские же сведения, по которым на рубеже 1918/1919 г. линия фронта здесь проходила через Тапс, Юрьев, Валк, а к концу января красные были отброшены за Нарву, на восточный берег Чудского и Псковского озер и к линии Псков, Изборск, Мариенбург¹³, хотя линии, проведенные по указанным географическим пунктам, и соответствуют действительности лишь условно. Так или иначе, с конца января 1919 г. действительно можно говорить об образовании «Озерного фронта», как назвал его участник событий, офицер Волынского полка Е.И. Шимановский.

«Озерный фронт – это тот район, где главным образом подвигался подполковник Булак-Балахович, – писал он в 1919 г. – Но я не стану рассказывать о его героической деятельности: дерзкое вторжение на о[стров] Периссар, быстрый набег на пресловутую базу Раскопель, последний знаменитый налет на Гдов и без того хорошо известны и старому, и малому. Дела “бабки” довольно полно переданы печатью – его имя гремит даже на страницах большевистских газет. Рассказывать о подвигах блестящего кавалериста Балаховича – значит повторять давно всем знакомые вещи»¹⁴. Однако то что было «хорошо известно» в те месяцы в Петрограде и на Псковщине, сегодня требует специального изучения, тем более что восстановление подлинной картины действий «бабки Балаховича» и его «сынков» на берегах Чудского и Теплого озер представляет немалый интерес.

Структуру русского отряда, оперировавшего на «Озерном фронте», к началу этих операций, по-видимому, приходится считать не до конца оформленной. 8 февраля в официальном документе подполковник Балахович именовался «начальником партизанского отряда своего имени»¹⁵, хотя еще 20 декабря приказом по корпусу был образован отряд под его командованием в составе собственно «балаховского» партизанского отряда, Георгиевского отряда (бывший «Отряд внешней охраны города Пскова») капитана Л.И. Микоши и Талабского отряда ротмистра Б.С. Пермикина¹⁶. Это, кстати, изобличает по меньшей мере некорректность формулировки воспоминаний Пермикина, который утверждал, что после отступления от Пскова «из всех отрядов ко мне присоединился только

дивизион Балаховича»¹⁷: в действительности «присоединился», войдя в подчинение, как раз Пермикин к Балаховичу.

Впрочем, командование корпуса (фон Нефа сменил полковник А.Ф. Дзерожинский), должно быть, и вправду предпочитало ограничить деятельность партизанского «батъки», направив для переформирования войск и руководства ими генерала Родзянко, вследствие чего Балаховичу пришлось вернуться к своим партизанам. Интересно, что часть бывших приближенных Балаховича, составивших нечто вроде импровизированного штаба, предпочла в этих условиях сделать ставку не на своего бывшего «батъку», а на вновь назначенного Родзянко, аттестуя его (конечно, за глаза) весьма нелепно: «Этот дурак в роли начальника нужен нам как марка» («Последующий их разговор, – свидетельствует очевидец, – откровенно обрисовал стремление сперва устроить генерала в Отряд, а затем, “убрав” полк[овника] Дзерожинского, сделать командующим Сев[ерным] Корпусом, забрав таким образом и его самого, и всю власть в свои руки») ¹⁸. С не устоявшимся окончательно командованием и незначительными силами (199 офицеров, 1008 штыков и сабель, 4 трехдюймовых орудия, 11 пулеметов – по состоянию на первую декаду февраля ¹⁹) отряд и выдвинулся на «Озерный фронт».

3. Занятие острова Порка. «Балахович партизанил тогда на берегах большого Чудского озера, отделяющего Эстонию от России, – пишет современный белорусский историк. – Его “сынки” сменили коней на корабли и, подобно корсарам, атаковали [остров] Перисар, другие острова и Раскопельский залив, где укрывалась большевицкая Чудская флотилия. Наибольшим достижением Балаховича в это время стал неожиданный захват города Гдова...»²⁰ Однако, сколь бы эффектной ни представлялась картина «балаховских корсаров», рассказ о действиях на «Озерном фронте» следует начать с констатации прозаического факта, что в действительности поверхность Чудского, Псковского и соединяющего их Теплого («озера-пролива», или «Мехикормского пролива») озер с декабря была скована льдом, не просто позволяющим передвижение «аки посуху», но и выдерживающим значительный вес. Собственно, этим и была обусловлена возможность наиболее успешных балаховских набегов.

Официозная «Краткая записка о возникновении Северного Корпуса и дальнейшей его боевой деятельности», изданная в августе 1919 г., приписывает действиям в этом районе едва ли

не тренировочный характер: «Перед нашим наступлением в продолжение нескольких месяцев (приблизительно с Января) мы все время сколачивали отдельные сотни и практиковали их в мелких стычках и поисках, дававших часто значительные трофеи как людьми, так и военным вооружением и имуществом. [...] Захват острова Перрисар, набег на дер[евню] Раскопель, поиски за железную дорогу и уничтожение мостов на железной дороге Нарва – Псков и, наконец, лихой набег с ничтожными силами на г[ород] Гдов, захват его и благополучное возвращение с громадной добычей [–] вот итоги тогдашней нашей деятельности. За все эти поиски много было разбито красных, забрано много трофеев, а главное, люди сплывались, привыкли к боевой обстановке, самостоятельности и частной инициативе, т. е. ко всем необходимым данным для солдата и офицера во время боевых действий»²¹. На самом деле тренировка войск была, конечно, далеко не первоочередной целью, которую преследовали набеги этой группы, получившей наименование «Псковский отряд». Речь шла о том, чтобы не допустить возвращения противника на западный берег озер, захватить и удерживать оперативную инициативу, навязывать красным свою волю. Для этого требовалась база, которой и стал остров Порка (он же Перрисар, Пери-Сари, совр. эст. Пийрисаар, также Желачек или Межа по названиям располагавшихся на острове населенных пунктов) в южной части Чудского озера, у горловины «Мехикормского пролива».

Согласно советским данным, гарнизон острова составляли 30 красноармейцев 84-го стрелкового полка (10-я дивизия) и 21 матрос-балтиец при трех пулеметах и двух 37-мм траншейных орудиях²². Этот отряд (командир Перекотов, военком Григорьев), хотя и незначительный по силам, мог все же оказывать эффективное сопротивление столь же немногочисленным русским частям, хотя сам факт боя за Порку и ставился порою под сомнение. Так, штабс-капитан К.С. Лейман, служивший тогда в штабе Псковского отряда, с недоверием цитировал полученную в штабе телефонограмму Балаховича: «Под сильным и стремительным натиском отряда Перрисар пал. Комиссары ликвидированы. Трофеи выясняются. Прикрываясь густым туманом, противник отошел на восточный берег»²³, – однако и сам в изложении событий не избежал значительных неточностей.

Прежде всего, остров был взят не с первого штурма, о чем умалчивает даже Пермикин, командовавший непосредственно выделенным

для этого Талабским отрядом. Попытка проникнуть на Порку и закрепиться там была предпринята практически сразу же по выходе объединенного отряда Балаховича (Родзянко еще не вступил в командование) к побережью озер: 30 января, согласно донесению с острова командиру 84-го полка, «около часу дня к острову подступили белые, верховых 13 и пехоты около 72, с двумя пулеметами и автоматическим ружьем. Отряд белых напал с 3 сторон и занял ввиду отсутствия связи дер[евню] Желачек в южной части острова. После нашего наступления белые бежали и скрылись по направлению к юго-западу»²⁴. Оказанное сопротивление защитников острова заставило при подготовке следующей попытки вызвать на позицию двухорудийную батарею капитана Д. Смирнова, только накануне вечером после утомительного перехода прибывшую в этот район²⁵ (отметим уверенность в себе балаховских артиллеристов: при малейших недолетах трехдюймовые снаряды разбили бы лед близ острова, что, естественно, сорвало бы всю операцию).

Около 10 часов утра 9 февраля с Порки было получено донесение, «что белые наступают с юга на остров». Советский отряд, усиленный к тому времени до 120 человек, по-видимому, на этот раз даже не принял боя и начал отход по льду на восточный берег, причем продолжавшие преследование талабцы Пермикина, угрожая флангу красных, вынудили их отходить не по кратчайшему пути, а значительно (не менее чем на десять верст) уклоняясь к северу²⁶. Талабцы передвигались на санях – «необходима была быстрота, чтобы не нести потерь», как вспоминал Пермикин²⁷, и произведенное ими впечатление было настолько сильным, что артиллерийского огня не понадобилось, а оценка сил противника красными командирами оказалась совершенно фантастической: «белых на остров прибыло около 1800 чел[овек] при 4 орудиях и 17 пулеметах, есть и кавалерия»²⁸. Расправа с «комиссарами», о чем сообщал Балахович, если и имела место, то лишь в отношении жителей острова, из которых сторонники Советской власти, должно быть, действительно поплатились за это жизнью; бежавший красный отряд потерь не имел.

Современники склонны были объяснять неустойчивость красных их изначальным нежеланием ввязываться в новый бой за Порку: «Остров занимало 150 красноармейцев и 20 матросов, и ввиду того, что первые вынесли резолюцию об отступлении без боя, Пирисар [...] был взят Талабским отрядом почти без выстрела»²⁹.

Советские источники о подобном умалчивают, а утверждение Леймана, что остров «на самом деле с вечера еще был оставлен красными, ограбившими жителей и уведшими скот»³⁰, не выдерживает элементарной проверки документами. Как бы то ни было, в руках русских войск оказывался удобный исходный пункт для дальнейших наступательных действий.

4. «Пресловутая база Раскопель». Вступивший в командование Псковским отрядом генерал Родзянко вскоре принял решение о переносе боевых действий на восточное побережье озер. До этого заслуживающим внимания был, пожалуй, лишь поиск талабцев на берегу Теплого озера, который едва не стоил жизни Пермикину, получившему ранение в голову (и испытывавшему мучительные последствия этого до последних лет жизни) и с 19 февраля по 10 апреля лечившемуся в Ревеле³¹. Ответная попытка наступления была предпринята красными на первой неделе марта и представляла значительную угрозу: «...большевики перебрались по льду из д[еревни] Пнево к м[ызе?] Мехикорм, вторглись в самый Мехикорм и отсюда, как муравьи, расползлись по западному побережью пролива»³², и лишь после нескольких дней упорных боев были отброшены обратно партизанами Балаховича при поддержке переведенной с Порки части Талабского отряда (вызванный на подмогу из Юрьева Волынский полк подполковника Д.Р. Ветренко подошел фактически к шапочному разбору³³). Однако и аналогичное предприятие Псковского отряда также завершилось неудачей.

В своих воспоминаниях Родзянко деликатно называет эту операцию «набегом»³⁴, быть может невольно пытаясь замаскировать ее откровенно авантюрный характер. В самом деле, переводить на вражеский берег (без возможности предварительно произвести тщательную разведку) все наличные силы (балаховцев, талабцев, георгиевцев и волынцев), оставив за спиной равнину замерзшего озера, было в случае неудачи чревато самыми тяжелыми последствиями, тем более что из эстонских войск на западном берегу находился лишь формирующийся батальон Береговой обороны Чудского озера³⁵. Если бы противнику удалось отбросить наступающих и двинуться самому вперед на их плечах, это вывело бы его в тыл удерживавшей Печорский фронт эстонской группировке, а может быть, и на незащищенный Юрьев. Если же Родзянко действительно ставил задачу взятия Гдова³⁶, – его план окончательно теряет черты реальности.

После первоначального успеха ранним утром 11 марта, вольницы подполковника Ветренко, хотя и нанесли урон красным и обогатились трофеями и пленными, все же принуждены были под давлением противника с потерями отступить на исходные позиции. Поддержки соседей Ветренко не получил: «Балахович и талабцы, приступив к выполнению задачи, натываются в пути на непроходимые ледяные трещины и потому принуждены вернуться»³⁷. Родзянко публично возложил вину за неуспех на «бабку», и, быть может, желание подтвердить свою партизанскую репутацию и подтолкнуло честолюбивого Балаховича предпринять набег на базу Чудской флотилии красных в бухте Раскопель.

Гарнизон базы состоял из 100 краснофлотцев при 8 лицах начальствующего состава, с восемью пулеметами и двумя 75-мм орудиями (очевидно, на вооруженном пароходе «Ольга»); охрана обеспечивалась двумя пулеметными заставами и наблюдением с 8-саженной (17 м) вышки на мысе Раскопель³⁸. Партизаны, очевидно, неплохо провели разведку, потому что Балахович, выступив с Порки, сделал большой крюк, пройдя по льду вне зоны видимости с вышки, и утром 16 марта перешел на твердую землю севернее бухты, где застав не было. Для набега он собрал отряд в 300 человек³⁹, вдобавок к своим партизанам вызвав добровольцев из других частей (возможно, талабцев и георгиевцев), помимо иных соображений прельщенных и ожиданием военной добычи (поговаривали, впрочем, что при дележе партизаны несправедливо обходились с «чужаками»)⁴⁰.

Заняв деревню Рудницу, партизаны позволили себе сделать остановку и выпить чаю; выход из деревни был запрещен, но, похоже, и без этого крестьяне не горели желанием оповещать базу о появлении противника. О характере же несения службы на базе красноречиво свидетельствует составленный позже начальником флотилии А.Н. Афанасьевым расчет сил, в котором особенно впечатляют сведения о местонахождении командного состава:

- «1) Начальник флотилии (отсутствовал в Петрограде, болен).
- 2) Комиссар (отсутствовал, находился в Петрограде с докладом у тов[арища] Вахрамеева и был у меня).
- 3) Казначей (по случаю праздничного дня был отпущен Начальником базы в деревню к семье).
- 4) Отрядный механик (тоже в деревне Залахтове в семье, откуда и был взят в плен)».

Всего же на базе из сотни краснофлотцев, за вычетом застав численностью в 16 и 19 человек и восьмерых на постах, в строю к моменту набега оставалось ...29 человек ⁴¹.

Около 10 часов утра ближайший к базе дозор увидел балаховских разведчиков, с которыми вступил в разговор (по советскому отчету – «задержал» их), после чего немедленно «с разных сторон стала надвигаться неприятельская цепь»⁴². «Находящиеся на базе [на] радио-станции не могли сразу присоединиться и встать по местам по тревоге ввиду внезапного появления противника на самой базе, – свидетельствует начальник флотилии. – Взятые в плен 5 [человек] машин[ной] команды и 1 моторист были захвачены в мастерской, не успев встать на место по тревоге»⁴³. Попытался оказать сопротивление лишь начальник базы Самович, который был ранен и вместе с семью или восемью краснофлотцами взят в плен; при этом у него отобрали секретный радиотелеграфный код, и штаб армии лишь через четыре дня смог добиться, какой именно из кодов был утрачен ⁴⁴. Основная часть краснофлотцев разбежалась по окрестностям.

Пушки, не успевшие сделать ни одного выстрела, оказались в руках партизан, которые открыли бесцельный огонь, продолжавшийся несколько часов. Подняв достаточный переполох, расстреляв часть артиллерийских огнеприпасов и сняв оружейные замки, балаховцы около 15 часов двинулись обратно, увозя с собою богатую добычу (4 пулемета, 18 ящиков винтовочных патронов, 3 автомобиля, 4 лошади, радиотелеграфное и телефонное имущество и др.) ⁴⁵. Захвачен был и денежный ящик, и в нем – более 63 тыс. рублей, причем командование базы впоследствии заявило, что из них 21 тыс. составляли «собственные командные деньги», и просило возместить их краснофлотцам ⁴⁶. А уполномоченный РВСР по снабжению флота И.И. Вахрамеев раздраженно писал 25 марта в Морской Генеральный штаб: «Начудфлот (начальник Чудской флотилии. – А. К.) обратился с требованием об отпуске по всем частям казенного имущества взамен похищенного при налете белых на базу 16 марта. Требования Чудфлота все время поступают в беспорядке, причем всегда ссылка на белых. Полагал бы необходимым принять меры, чтобы посылаемое не попадало при налетах в руки неприятеля, иначе не представляется возможным и целесообразным снабжать флотилию имуществом, которое она не в состоянии охранить»⁴⁷.

5. Взятие Гдова: тактические таланты и оперативная бессмыслица. Успех партизан, благополучно вернувшихся из Раскопели на исходные позиции, способствовал увеличению авторитета их предводителя, но одновременно и создавал ему новых завистников и недоброжелателей, так что следующая успешная операция Балаховича – переход по льду и взятие Гдова 5 апреля – быстро обросла самыми фантастическими слухами.

Пермикин, чьи воспоминания вообще демонстрируют преувеличенную подозрительность их автора, утверждал, будто набег на Гдов был следствием ...«плана советского агента»: за отступлением партизан из города и возвращением большевиков последовали «неизбежные репрессии [против] приветствующего Балаховича гдовского населения»⁴⁸, что якобы и составляло подлинную цель набега. Не менее фантастична и версия, рассказанная Лейманом: «...Сражение в самом Гдове было инсценировано, т. к. сопротивление было разыграно по ранее намеченному плану лазутчиками “бабки” и многими жителями Гдова»⁴⁹ (поводом для таких слухов могло стать отсутствие серьезного сопротивления и переход многих красноармейцев к Балаховичу). Интересно, что измену в своих рядах искали и гдовские большевики, еще до налета партизан подозревая ...военкома базы Раскопель: «Комиссар базы продает, а кто виноват в том, что комиссар базы продает»⁵⁰.

Обстоятельства балаховской операции были изложены на следующий день в телеграмме в Петроградский губком РКП (б): «Гдовский комитет партии сообщает, что 5 апреля утром совершен набег белогвардейских банд на Гдов. Нам пришлось отступить. Резервный полк частью разбежался, частью перешел на сторону белых. [...] В городе есть убитые и повешенные коммунисты. Весь партийный комитет разграблен, кроме того разграблено положительно все военное имущество и продовольствие. Все увезено. Казначейство разграблено. Посодействуйте нам...»⁵¹ Однако интересны не столько эти подробности, сколько сама оперативная идея, во исполнение которой Балахович ходил на Гдов и беспрепятственно вернулся.

Идея принадлежала генералу Родзянко, который сам возглавил наступление основных сил Псковского отряда (волынцы и талабцы) по западному берегу Теплого, а затем и Псковского озер, – наступление, к 6 апреля, казалось, выведшее русскую пехоту и эстонских союзников на исходный рубеж для броска на Псков: «Из [е-ревни] Вишняково, занятой волынцами, в бинокль, а при ясной

погоде и простым глазом уже видны колоколни Псковских церквей. Туда, ко Пскову, рвутся сердца русских воинов, но так нехстати начинается весенняя распутица, все дороги покрываются непролазной грязью, – волей-неволей приходится остановиться», – свидетельствует Шимановский⁵² (в ближайшие недели весеннее потепление сделало невозможными и дальнейшие действия на льду озер). При этом чрезвычайно странным выглядит направление балаховских партизан, согласно приказу Родзянко, на Гдов⁵³ – отстоявший от рубежа наибольшего продвижения волынцев примерно на 95 верст по прямой линии!

Таким образом Родзянко, сам кавалерист, командовавший в мировую войну полком и бригадой, оставил без кавалерии свои основные силы, – и в результате пехота вынуждена была с горечью констатировать: «За отсутствием конницы у нас ускользнули богатые трофеи – батареи и обозы»⁵⁴. Это слишком похоже на полную бездарность старшего начальника – или на желание любой ценой отодвинуть удачливого партизанского «батюку» подальше от участка, где Родзянко ожидал главного успеха – освобождения Пскова. А после того как наступление здесь замерло, генерал охладел к этому операционному направлению и перевел все свои части под Нарву (одновременно переместив Балаховича на бутафорскую должность «инспектора кавалерии»), с легкостью подарив псковское направление и, как вскоре выяснилось, сам Псков эстонцам. И в дальнейшем скрытая борьба генерала Родзянко против полковника, а затем генерала Булак-Балаховича не прекращалась, в конце концов принесла успех первому, но крайне негативно сказавшись на судьбе Северо-Западной армии и, пожалуй, не позволив в полной мере реализоваться партизанским талантам Балаховича, столь ярко продемонстрированным им на «Озерном фронте».

¹ Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной Армии. М.: Издательство «Икар», 2000. С. 29.

² Авалов П.М. [Бермондт П.Р.]. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт; Гамбург: Издательство и типография И.И. Аугустина, 1925. С. 508 (приложение № 5).

³ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 177–179 (приложения № 5 и 6).

⁴ Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ). Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 16. Л. 11–12.

⁵ Авалов П.М. [Бермондт П.Р.]. Указ. соч. С. 515–516 (приложения № 18–20).

⁶ Цит. по: Симанский П.Н. Развязка событий у Нарвы // Варшавская Речь. Варшава, 1919. № 104 (183), 22 ноября. С. 2.

⁷ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 11. Л. 5.

⁸ Симанский П.Н. Указ. соч. С. 2.

⁹ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 11. Л. 6 об.

¹⁰ Надежный Д.Н. На подступах к Петрограду летом 1919 года. [М.]: Государственное издательство; Отдел военной литературы, [1929]. С. 9.

¹¹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2: 1919–1920 гг. 2-е изд., уточненное. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 99, 102, 104, 109.

¹² Общая стратегическая обстановка на всех фронтах Гражданской войны в период германской революции и результаты боевых действий на всех фронтах к концу февраля 1919 года: [Карта] // Там же. Вкл. между с. 288/289.

¹³ Атлас схем к труду Н. Какурина «Стратегический очерк гражданской войны». С. 9 (схема № 7). Приложение к: Какурин Н.Е. Стратегический очерк гражданской войны. М.; Л.: Государственное военное издательство, 1926.

¹⁴ Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.

¹⁵ Страницы Белой борьбы на Северо-Западе России, 1919 г.: Новые документы // Михайлов День 1-й: Журнал Исторической России. Ямбург, 2005. С. 233.

¹⁶ Саммалсоо П. Боевые действия частей Северного корпуса в районе Чудского и Псковского озер в феврале – апреле 1919 года // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Псков: [Издательство Центра народного творчества], 2004. С. 18.

¹⁷ Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной: Из записок, 1912–1959 гг. М.: «Посев», 2011. С. 53.

¹⁸ ДРЗ. Ф. 39. Оп. 2. Д. 22. Л. 2 об. (в данном архивном деле находятся рукописный и машинописный экземпляры с отдельной нумерацией листов; мы всюду цитируем рукописный вариант, как более полный).

¹⁹ Саммалсоо П. Указ. соч. С. 27.

²⁰ Латышонак А. Жаўнеры БНР. Беласток; Вільня, 2009. С. 256.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

²² [Лукин В.К.]. Чудская озерная военная флотилия, 1918–1919 гг. // Гражданская война: Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. 2: Северо-Запад. Ч. 2: Озерные и речные флотилии. Л., 1926. С. 140.

²³ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 22. Л. 4 об.

²⁴ Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.

²⁵ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 11. Л. 9 об.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 2. Лл. 133, 134, 138.

²⁷ Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 55.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 2. Л. 137.

²⁹ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 11. Л. 9 об.

³⁰ Там же. Д. 22. Л. 4 об.

³¹ Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 55.

³² ГА РФ. Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

³³ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 29.

³⁴ Там же. С. 30.

³⁵ Саммалсоо П. Указ. соч. С. 26–27.

³⁶ Там же. С. 28.

- ³⁷ ГА РФ. Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
- ³⁸ Лютов А. Налет Балаховича на базу Раскопель // Военный Вестник: Военно-политический еженедельник. М., 1928. № 10, 10 марта. С. 28.
- ³⁹ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 34.
- ⁴⁰ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 22. Л. 5.
- ⁴¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 2. Л. 416.
- ⁴² [Лукин В.К.]. Указ. соч. С. 141.
- ⁴³ РГА ВМФ. Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 2. Л. 416 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 243 и об.
- ⁴⁵ [Лукин В.К.]. Указ. соч. С. 142.
- ⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 2. Л. 415.
- ⁴⁷ Там же. Л. 408. В документе ошибочно – «...возможным и нецелесообразным...».
- ⁴⁸ Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 56.
- ⁴⁹ ДРЗ. Архив. Ф. 39. Оп. 2. Д. 22. Л. 4 об.
- ⁵⁰ Цит. по: Корнатовский Н.А. Борьба за красный Петроград (1919). Л.: издательство «Красной Газеты», 1929. С. 94.
- ⁵¹ Цит. по: там же. С. 94–95.
- ⁵² ГА РФ. Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.
- ⁵³ Родзянко А.П. Указ. соч. С. 37.
- ⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-6462. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

*В.Г. Крюков (Москва), В.А. Чернухин
(Санкт-Петербург)*

**«ПОДТВЕРДИТЬ ОТ МЕНЯ
ВО ВСЕХ РОТАХ...»: К 200-ЛЕТИЮ
ГИБЕЛИ В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А.И. КУТАЙСОВА**

ОН ЖИЛ в бурное время, когда слава Наполеона гремела по всей Европе. Много лет знаменитый французский император-полководец не проигрывал ни одного сражения. Для многих молодых офицеров, в том числе и русских, Бонапарт стал кумиром, а потому драться против такого именитого неприятеля считалось большой честью. Александру Кутайсову, 22-летнему генерал-майору, предстояло впервые встретиться с войсками Наполеона на территории союзной Пруссии в кампании 1806–1807 гг. Здесь 14 декабря 1806 г. в бою под Гольмином состоялось его боевое крещение. В составе корпуса генерала от инфантерии графа Ф.Ф. Буксгевдена ему предстояло командовать артиллерией. Искусно распоряжаясь ею, Кутайсов сумел подавить вражеские батареи и завоевать огневое превосходство над противником. Он показал умение управлять огнем и быстро ориентироваться в обстановке на поле боя.

Под Прейсиш-Эйлау (ныне г. Багратионовск Калининградской обл.) 27 января 1807 г. Кутайсов возглавлял артиллерию правого фланга армии под командованием Л.Л. Беннигсена. Позже историки назовут это сражение одной из самых кровопролитных битв того времени.

... Гренадеры французского маршала Даву, сомкнувшись в плотные колонны, взяв ружья с примкнутыми штыками «на руку», ринулись в атаку на левый фланг русских войск. Ни Наполеон, ни его генералы не знали, что как раз в эти минуты 80-тысячная русская армия осталась без командующего. Генерал Беннигсен заблудился,

**А.И. Кутайсов. Граф,
генерал-майор, начальник
артиллерии русской армии
в Бородинской битве**

пытаясь пробиться к своему левому флангу. Наступила критическая минута – казалось, еще одно усилие французских солдат – и русские полки дрогнут. И вдруг, неожиданно для всех – мощный залп картечью почти в упор буквально смел первые ряды стройного боевого порядка наполеоновских полков. Это был результат боевой работы артиллерии А.И. Кутайсова, переброшенной с правого фланга на направление главного удара противника.

А рядом с батареями стоял, подавая команды, сам генерал. Порывистый, резкий, подчас безрассудно храбрый, он с раннего утра выжидал случая броситься в бой. Да, он был очень молод, и ему хотелось

славы – настоящей, добытой в бою, такой, чтобы имя Кутайсова узнала Россия. И Прейсиш-Эйлау стал для Кутайсова звездным часом. Враг был остановлен и начал отходить, положение русских войск было спасено. А грудь героя-артиллериста украсил орден Святого Георгия 3-й степени. Это было показателем весьма высокой оценки его заслуг – ведь ордена 4-й степени Кутайсов не имел.

А кампания 1807 г. продолжалась. Были бои у Ломитена (24 мая), Гейльсберга (29 мая), под Фридландом (2 июня). И везде своей храбростью и распорядительностью Александр Иванович доказывал, что, несмотря на молодость, генеральский чин он заслужил по праву. И заслуги его отца, в свое время весьма влиятельного человека в Российской империи, совершенно ни при чем...

Судьба Ивана Павловича Кутайсова действительно была необычной. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. будущий русский граф, тогда 11-летний турецкий мальчик, попал в плен при взятии крепости Бендеры 16 сентября 1770 г. Расторопный и смысленный мальчишка вскоре оказался в Петербурге и был подарен Императрицей Екатериной II своему сыну, Великому князю Павлу Петровичу, будущему Императору Павлу I. При крещении

в православие мальчик получил имя Иван, отчество – в честь крестного отца, наследника русского престола – Павлович, а фамилию – Кутайсов, по месту своего рождения – городу Кутая (Кютахья). Вскоре юноша был отправлен за границу, где в Париже и Берлине выучился на лекаря и парикмахера, а по возвращении в Россию сделался камердинером и брাদобреем Великого князя Павла Петровича, получив придворный чин фурьера.

С восшествием Павла на престол карьера Ивана Кутайсова резко пошла в гору. Он стал обер-штальмейстером Двора, бароном, а затем графом, кавалером орденов Св. Александра Невского, Андрея Первозванного, Большого креста ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Впрочем, карьера графа длилась недолго. Своего благодетеля, Императора Павла, в роковую ночь 11 марта 1801 г. Кутайсов предал. Новый Император, Александр, этого графу не простил. Через пять дней после убийства Павла он был отставлен от службы, путешествовал, а затем, в 1834 г., тихо окончил свои дни в подмосковных имениях, на 75-м году жизни.

Своему сыну, родившемуся 30 августа 1784 г., в день памяти Св. Александра Невского и получившего потом имя Александр, отец прочил военную карьеру.

Юный Кутайсов шел обычным для представителей своего сословия путем. 6 января 1793 г. он был зачислен вице-вахмистром в лейб-гвардии Конный полк, а в декабре того же года производится в вахмистры. 1 января 1796 г. Александра перевели сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк, и в тот же день перевели в Великолуцкий пехотный полк с чином капитана армии. А ровно через 10 месяцев он назначается обер-провиантмейстером в штаб генерал-поручика М.И. Голенищева-Кутузова, командовавшего тогда войсками на русско-финляндской границе.

Когда Александру исполнилось 15 лет – возраст начала фактической службы в армии молодых дворян – 26 января 1799 г. – он был произведен в полковники с назначением в лейб-гвардии Артиллерийский батальон. Не без оснований некоторые авторы полагают, что перевод Кутайсова в артиллерию был предпринят не без влияния дяди юного Александра, известного уже в те годы полковника Д.П. Резвого, впоследствии генерала и автора ряда учебников по артиллерии. Служба Александра в батальоне началась с должности адъютанта Инспектора всей артиллерии и командира батальона генерал-лейтенанта графа А.А. Аракчеева. В период опалы

последнего (1799–1803) Кутайсов оставался в прежней должности у нового инспектора артиллерии генерала А.И. Корсакова.

В июне 1803 г. Кутайсов переводится во 2-й артиллерийский полк, шефом которого был Д.П. Резвой. В 1806 г. Александр Иванович производится в генерал-майоры, а вскоре он участвует в кампании 1806–1807 гг., с чего и началось наше повествование о нем...

После окончания кампании Кутайсов получил длительный отпуск для учебы за границей – в Вене, Париже, Берлине. Молодой генерал жадно тянулся к знаниям, прежде всего в военной области. Но прежде всего он изучал все новое, что имело отношение к его любимому роду войск – артиллерии. Вернувшись в Петербург, активно включился в работу «Комиссии по составлению военных уставов и положений» под руководством военного министра генерала от инфантерии М.Б. Барклая-де-Толли. Результатом деятельности комиссии стало издание накануне Отечественной войны 1812 г. «Учреждения для управления большой действующей армией», утвержденное Александром I. Его ценность заключалась в том, что оно регламентировало основы, принципы и задачи управления войсками действующей армии, задачи и обязанности должностных лиц, в том числе и связанные с Полевым артиллерийским управлением.

В январе – феврале 1812 г. Кутайсов исполнял обязанности Инспектора всей артиллерии, проведя заметную работу по совершенствованию боевой подготовки артиллеристов. На практике, в боевой обстановке он убеждался в ее недостатках, связанных с тем, что основу тактического обучения артиллерийских частей и подразделений составляли сложные перестроения артиллерийских подразделений на виду у противника, выравнивание орудий при выезде на огневую позицию в ущерб скорости развертывания, расположение этих орудий на равных, узких интервалах и строго по прямой линии, не считаясь с местностью, и т. п. Офицеры и солдаты при таком методе обучения превращались в автоматы, способные лишь к однообразному исполнению команд. Никаких знаний, кроме механического запоминания положений уставов, от них не требовалось.

Не удивительно, что войска, воспитанные и обученные в таком духе, зачастую терпели поражение. В этих условиях военное ведомство было вынуждено пойти на возрождение румянцевских и суворовских принципов обучения и воспитания войск.

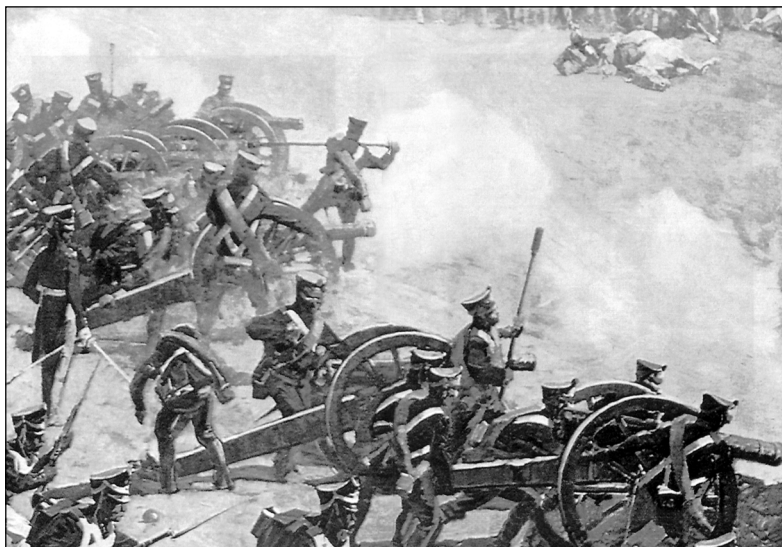
По указанию Артиллерийской экспедиции Военной коллегии артиллерийские начальники, имевшие боевой опыт, стали доводить до подчиненных в устной и письменной форме указания по тактическому применению артиллерии, которые служили руководством для обучения личного состава артиллерии. Наиболее ценными из подобного рода указаний были «Общие правила для артиллерии в полевом сражении», написанные в начале 1812 г. начальником артиллерии 1-й Западной армии генерал-майором А.И. Кутайсовым.

В своем труде он обобщил боевой опыт предшествующих войн и кратко изложил наиболее передовые принципы применения артиллерии, соответствующие новым формам ведения боя. Основные требования «Общих правил» относились прежде всего к маневру артиллерии на поле боя, к осуществлению массирования огня по важнейшим целям и объектам, к созданию сильного артиллерийского резерва, преимущественно из конной артиллерии, в распоряжении пехотного начальника и к организации тесного взаимодействия с другими родами войск.

«Общие правила» сыграли большую роль в боевой выучке артиллеристов, которые, будучи обучены в духе требований этих правил, показали высокое боевое мастерство на полях сражений Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг.

С прибытием М.И. Кутузова к действующей армии А.И. Кутайсов назначается начальником артиллерии русской армии. До этого были трудные месяцы отступления под натиском превосходящих сил противника, жестокие бои за Витебск, кровопролитное и упорное сражение за Смоленск...

Накануне Бородинского сражения А.И. Кутайсов целый день на огневых позициях, лично проверяет расположение батарей, их инженерное оборудование, организует снабжение боеприпасами. А вечером 25 августа 1812 г. во все артиллерийские подразделения был доставлен его знаменитый приказ: «Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем ... господам офицерам, что отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом

**Русская артиллерия в Бородинском сражении.
Фрагмент панорамы. Ф.А. Рубо. 1912 г.**

будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий...»

По форме и содержанию приказ необычный. Согласно рескрипту Александра I, данному Кутузову накануне сражения, Император запрещал награждать артиллерийских офицеров, потерявших свои орудия в боевой обстановке. Ведь еще со времен Императора Павла, отменившего в русской артиллерии знамена, для артиллеристов потеря орудий считалась таким же позором, как в пехоте или кавалерии потеря знамени или штандарта. Суть приказа Кутайсова и александровского рескрипта совершенно противоположны. Ведь для сохранения орудий в бою артиллерия практически должна была бездействовать... В сложившейся обстановке издание Кутайсовым его приказа, идущего вразрез с волей Государя, уже само по себе было подвигом.

Главные события 26 августа (7 сентября) 1812 г. развернулись на левом фланге и в центре русской позиции. Здесь, на участке шириной около 2 км, Наполеон сосредоточил 45 тыс. солдат и 400 орудий. Около 6 часов утра загремела канонада, начались атаки французов на флешу левого фланга, названные впоследствии Багратионовыми. Завязалось ожесточенное сражение.

Геройски действовали артиллеристы: 236 орудий, располагавшихся на этом участке, создали плотную стену огня. Французы гибли сотнями, но упорно рвались вперед. Многие орудия стреляли по ним картечью в упор, а потом прислуга бросалась врукопашную. По воспоминаниям участника битвы Ф.Н. Глинки, день 26 августа стал днем русской артиллерии. «Русские пушкарки, – пишет он, – были примерно верны своему долгу. Брали редуты, ложились на пушки и не отдавали их без себя. Часто, лишась одной руки, канонир отмахивался другою».

Кутайсова видят везде – объезжающего батарею, руководящего огнем. Он то в центре позиции, то на левом фланге, то на командном пункте Кутузова. Именно здесь перед полуднем он присоединяется к генералу А.П. Ермолову, направленному Кутузовым на левый фланг. Оттуда, взяв три конно-артиллерийские роты – на батарею Раевского (Курганную высоту), захваченную французами. Кутайсов возглавляет атаку пехоты на склоны высоты, где погибают артиллеристы 26-й артиллерийской бригады подполковника Г.М. Шульмана. Через двадцать минут высота отбита... Но Александр Иванович Кутайсов из этой атаки не вернулся. Удалось отыскать лишь его коня под окровавленным седлом... Обстоятельства гибели героя-артиллериста неизвестны до сих пор.

«...Если не одержан полный успех, на какой, по своим соображениям, мог я надеяться, тому причиной была смерть Кутайсова...» – так оценил эту потерю М.И. Кутузов.

Одной из характерных черт А.И. Кутайсова был его пламенный патриотизм. Через всю свою короткую жизнь он пронес горячую любовь к Родине, стремление беззаветно защищать ее от врагов, способствовать ее славе и могуществу. Особенно ярко эти качества проявились в период Отечественной войны 1812 г. А.И. Кутайсов жил и погиб как истинный сын своего Отечества, сложив голову за его свободу и независимость.

Отмечая 200-летие Отечественной войны 1812 г., воины Ракетных войск и артиллерии Вооруженных Сил Российской Федерации воздают дань уважения и памяти героям этой войны, в том числе выдающемуся артиллерийскому военачальнику и патриоту своей Родины – Александру Ивановичу Кутайсову.

- Бобенко Г.И. Легенды и были Бородинского поля. СПб., 2002.
- Глинка В.М., Помарнацкий А. В. Военная галерея Зимнего Дворца: К юбилею Отечественной войны 1812 года. Л., 1963.
- Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. М.: Наука, 1988.
- Земцов В.Н. Битва при Москве-реке: Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999.
- История отечественной артиллерии. Т. 1: Артиллерия русской армии эпохи феодализма: Кн. 3: Артиллерия русской армии в период разложения феодализма: Конец XVIII – первая половина XIX в. М., 1962.
- Кавалеры Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия I и II степеней: 1769–1916 / Авт.-сост. Ф.А. Талберг, Н.И. Подгорная. Рига: [1993].
- Львовский П.Д. Знамена отечественной артиллерии: Исторический очерк // Сборник исследований и материалов Артиллерийского Исторического музея. Вып. II: К 40-й годовщине Советских Вооруженных Сил. Л., 1958. С. 241–287.
- Митенев А.А. Гатчинские истории: Дома, люди, судьбы. Гатчина, 2011.
- Отечественная артиллерия: 600 лет / Под ред. Маршала артиллерии Г.Е. Передельского. М.: Воениздат, 1986.
- Прочко И.С. История развития артиллерии: С древнейших времен и до конца XIX века. СПб.: Полигон, 1994.
- Публичные лекции, читанные генерал-майором Ратчем г. офицерам Гвардейской артиллерии в 1861 году // Артиллерийский журнал. 1861. № 10. С. 739–833, 1861. № 11. С. 835–862.
- Смирнов А.А. Генерал Александр Кутайсов. М.: Рейтар, 2002.
- Шиканов В.Н. Первая Польская кампания 1806–1807. М., 2002.
- Шокарев Ю.В. Артиллерия. М.: АСТ, Астрель, 2001.

Л.В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

**СЛУЖБА П.П. ЛАССИ
В ПОСЛЕПОЛТАВСКИЙ ПЕРИОД
СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1709–1718)**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ многих военачальников русской армии второго-третьего звена времен Северной войны до сих пор изучена очень мало. Особенно это касается иностранцев, среди которых и Петр Петрович Ласси, закончивший войну в чине генерал-поручика. Обязанности бригадира он фактически исполнял с 1709 г., но только его десанты на шведские берега в 1719 и 1721 гг. регулярно упоминались в исторической литературе. Большинство сведений за период 1709–1718 гг., приводимых в биографических статьях о нем, взяты из напечатанного в шестом томе Сочинений принца де Линя перевода Журнала графа Петра де Ласси (далее Журнал). В Журнале имеются неточности и общие фразы, но он все же является лучшей основой для биографии Ласси времен Северной войны. Весь указанный период Петр Петрович прослужил в дивизии князя А.И. Репнина, что позволяет заполнить ряд пробелов сведениями о действиях дивизии, приведенными в «Истории Свейской войны».

После Полтавской битвы, в которой полковник Лесли, он же Петр Петрович Ласси, командовал бригадой из своего Гренадерского и Киевского пехотного полков в дивизии генерала Репнина ¹, русская армия перешла в Решетиловку. Оттуда 15 июля большая ее часть под командованием фельдмаршала Шереметева выступила в Лифляндию для осады Риги и прочих городов. Дивизия князя Репнина была в ее составе. В середине сентября она прибыла в Дисну, пехота погрузилась на корабли и 27 сентября двинулась вниз по р. Двине, и в конце октября прибыла под Ригу. Блокада города на зимнее время была поручена Репнину со сводным корпусом под

командой одного генерал-майора и одного бригадира. Солдаты и офицеры проводили под Ригой по месяцу, а остальное время отдыхали с армией в Курляндии – дивизия Репнина стояла в Новой Рижке ².

В марте 1710 г. военные действия активизировались: 11-го под Ригу прибыл Шереметев, а к 22-му в построенные ниже города батареи была поставлена прибывшая из Смоленска артиллерия. «И в помянутые батареи командрованы люди под командою полковника Лесии (которой тогда команду имел за бригадира), а имянно с левую сторону вниз Двины, где он полковник Лесии с 1000 человеки, поставлено 11 пушек 18- и 12-фунтовых, на острове с маеором 300 человек – поставлено 10 пушек 8- и 6-фунтовых, с правую сторону вниз Двины 500 человек под командою полковника Феникбира – поставлено 11 пушек 18- и 12-фунтовых. Итого в 3-х батареях людей было 1800 человек, пушек 32.

Тогда, ради возбранения с моря от Динаменде-шанец к Риге курсу и пресечения корреспонденции с Ригою ж от Динаменде-шанец, и чтоб неприятель на батареи действия какова не учинил, под команду помянутого ж полковника Лесии командрован Киевского пехотного полку подполковник Клячковской в 700 человеках гранодиров и салдат в легких лотках, и к ним придано на лотках же для розъезду и в гребцы 300 человек, для обережения батарей и фарватера (или водяного ходу), донских казаков»³. Подполковника Клячковского с людьми 13 апреля из команды Ласси отозвали, а 29-го дивизия Репнина была поставлена выше Риги.

Когда 29 мая было решено захватить рижские предместья, возглавить атаку поручили бригадиру Штафу и Ласси с отрядами по 1100 солдат и 100 grenадер с тремя полковыми пушками. Атака началась 30 мая в 10 часов вечера: «Полковник Лесий с левой стороны при форштате в близости пост свой укрепил же. А в форштат вступить было небезопасно, ибо окола вода глубокая и один дам, где вход сажени в три, и чаяли тут быть минам, и к тому даму начата делать линия. От команды ево, Леслиевы, салдат убито 2, ранен 1». На следующий день он получил приказ в 11 часов вечера перейти дамбу, «и ввечеру оной полковник Лесии с обнаженными шпаги чрез учиненной дам в форштат вступил, отчего неприятель, також оставя форштат, побег свой в город учинил. При том занятии ранен легко порутчик 1». В тот же день был сделан шанец, а 1 июня начато устройство апрошей, которое было закончено

4-го под сильным артиллерийским огнем, от которого выгорело много окрестных строений⁴.

Сам Ласси запомнил эти события так: «Я командовал атакой рижского форштата и силой взял палисад. Я заставил врагов отступить из предместья, где они находились, при этом в сражении у меня было ранено 15 grenадер и один лейтенант. На следующую ночь мы начали прорывать траншеи к самой крепости, и во время этих работ я потерял 40 человек убитыми и ранеными... Во время капитуляции я был вторым депутатом с нашей стороны и первым со своим полком вошел в крепость, комендантом которой был назначен»⁵. Когда 30 июня в лагерь к Шереметеву прибыла из Риги делегация для составления капитуляции, «полковник от grenадеров за брегадира Лессии» и бригадир Чириков были определены к ней «депутатами для трактованья», что, видимо, означает переводчиками. При отсутствии упоминания других таких депутатов можно сделать вывод, что именно они занимались переводом всех аккордных пунктов и возражений на них и окончательного текста капитуляции до 3 июля.

«А в 4 день в 8-м часу пополудни депутаты были призваны, и при них генерал-фельдмаршал стороны царского величества капитуляцию своею рукою подписал и, запечатав, отдал нашим брегадиру Чирикову, да при нем полковнику Лессии, которые были к той капитуляции определены.

И того ж часа с шведским полковником Буденброком брегадир Чириков и полковник Лессий с заключенною капитуляциею поехали в Ригу. И по прибытии их к Санкт-Порту (или Песочным воротам) встретил их шведской генерал-маэор Клот с офицеры и, приняв их в город, приехали прежде в замок, где губернатор граф Штромберг жил. Которой, приняв их к себе, довольно разговаривал и показывал места, какие ему тягости от бомб были, и потом укрепленную капитуляцию брегадир Чириков ему, губернатору, вручил, которую он, губернатор, в скором времени подписал своею рукою и, запечатав рижскою печатью, брегадиру Чирикову паки назад отдал.

И потом брегадир Чириков послал к пехотным полкам (которые приготовлены в город иттить) маэора Рейнгарта, дабы он им о том объявил и чтоб они приступили к воротам ближе. А потом и сам он, брегадир Чириков, с полковником Лессий и шведским полковником Буденброком выехали и, приехав, капитуляцию за

подписанием руки его, губернаторской, генералу-фельтмаршалу подал». В 6-м часу пополудни русские полки дивизии Репнина торжественно вступили в город, и первыми, вслед за князем, шли гренадеры⁶. То что Ласси был назначен комендантом рижской цитадели (или крепости), косвенно подтверждает строка из Книги Марсовой, вычеркнутая из Гистории: когда 12 июля Шереметев торжественно въезжал в Ригу, у ворот его «встречали из города будущей на команде генерал-поручик Остен, полковник Лессии»⁷. Аникита Иванович Репнин был назначен генерал-губернатором Риги, а его дивизия расположилась в городе на отдых.

В начале января 1711 г. фельдмаршал Шереметев получил приказ Петра выступать из Лифляндии с 22 полками через Польшу к валашским границам. 5 февраля он отдал приказ о порядке следования армии из Риги, в т. ч. «дивизии князя Репнина Гренадерского полка полковник Лесий с сего полку с 200 ч. гренадер и с Бутырским батальоном». Но выступить Ласси смог только на следующий день, т. к. не успели управиться с лошадьми⁸. 24 февраля дивизия генерала Репнина прибыла к Минску и встала на квартиры в его окрестностях. 7 марта «полк Киевский, батальон Ингерманландский и гренадер 200 ч. пошли к Слуцку под командою полковника Лесии»⁹. 13 марта к находившимся в Слуцке войскам прибыл Петр I и пробыл до 18-го, а 21 марта «фельдмаршал из Слуцка пошел сего числа поутру, також и полковник Лесий»¹⁰. 24 марта Гренадерский и Бутырский полки дивизии Репнина переправились на плотках через Припять под дер. Вилчею и пошли через Корец на Полонное, откуда 13 мая Репнин выступил к Бреславлю, а от него 30-го к Днестру. 12 июня дивизия Репнина пришла в лагерь на Днестре, 17-го закончилась переправа, и до 22-го она стояла у г. Сороки. Отсюда начался собственно Прутский поход, дивизии Вейда и Репнина шли в дневном переходе позади Петра и соединились с ними 8 июля, после первых столкновений с турками¹¹.

После заключения мира армия пошла обратно: дивизия Репнина 23 июля переправилась через Прут по понтонному мосту у Степановца и 27-го вместе с фельдмаршалом пришла к Могилеву, где перешла Днестр 1 августа. Здесь Шереметев смог наконец воздать Ласси по заслугам: «Когда форштат ришской отоковали, тогда в той команде были брегадир Штаф, полковник Леси, которым обещано повышение чинов через милость вашего царского величества, а оные себя в действе изрядно предъявили. Того ради всепокорно

прошу Штафу быть генерал-майором, Леси – бригадиром» – докладывал он императору¹². Указ о производстве Петр подписал 3 августа. На следующий день армия выступила к Киеву через Польшу, где, согласно Журналу, на Ласси были возложены обязанности приготовить для армии надлежащие квартиры, продовольствие и фураж¹³. Из Киева дивизия Репнина была направлена в Смоленск, где расположилась на зиму.

В кампанию 1712 г. дивизии Репнина предстояло действовать в Померании. 25 февраля она покинула Смоленск и 14 марта пришла в Минск, где стояла до 17-го. Поход проходил «с великою трудностию» не только из-за дорог, но и сложностей с продовольствием¹⁴. 21 марта А.И. Репнин писал Петру по дороге к Гродно: «...по указу вашего величества марширую и впредь буду марш иметь по возможности, нигде не задерживаться. Токмо опасен, дабы обыватели литовские провиантом не задержали, понеже вельми противятся, давать не хотят... и многожды писал до господина гетмана Поцея, дабы показал к вашему царскому величеству охотную службу и учинил способ. А ныне ради лутчаго способу писал к нему и послал брегодира Лесия уговорить, дабы провианту велел выдать, чтоб людем вашего величества не понести нужду...»¹⁵ В Гродно полки провели около месяца и пошли к Торну, куда стали прибывать в половине мая.

Ласси об этом походе записал следующее: «В Торне я получил приказ командования с 3000 пехотинцев и 1000 драгун выступить против Гразенского, поляка, бывшего партизаном шведского короля, который сжег один из наших складов провизии и представлял таким образом серьезную опасность для других складов. Однако по мере нашего приближения он со своим отрядом ретировался в Силезию. Я присоединился с моим корпусом к князю Репнину в Познани, откуда армия выступила в марш через Бранденбург к Штеттину в Померании, находившемся в осаде»¹⁶. Подтверждение этой истории находим у С.М. Соловьева: «Вступив в Польшу, Грудинский разослал универсалы против русских и короля Августа и направлялся к Познани с целью захватить стоявшие там русские обозы и сжечь магазин. Это сильно встревожило в Варшаве князя Григория Долгорукого, потому что обозов и драгунских лошадей было много у Познани, а людей мало; он немедленно отделил от войск князя Репнина и отправил к Познани три тысячи пехоты и один полк драгунский»¹⁷.

В Познани князь Репнин с дивизией стоял до 27 июня, когда выступил к бременбургской границе, а 3 июля сообщал из Шверина, что 7-го вступит в Пруссию, которую предполагает пройти за 4 дня¹⁸. Под Штеттином дивизия пробыла недолго и в конце августа – начале сентября была передислоцирована под Штральзунд. 12 сентября последовало производство Ласси в генерал-майоры – «за успешное обеспечение запасов в Познани»¹⁹. Но, возможно, у Петра была и другая причина вновь повысить Петра Петровича в чине спустя всего 13 месяцев. В это время велась активная подготовка десантной операции по захвату о. Рюген. В «первой линии» русско-саксонского десанта предполагалось высадить 2400 человек русской пехоты под командованием генерал-лейтенанта Боура и генерал-майора Лесли. Последний указан составителями примечаний к «Письмам и бумагам» Петра I состоящим на датской службе, но по нашему убеждению, это именно П.П. Ласси²⁰. К тому же Петр посещал лагерь дивизии генерала Репнина 19 сентября, за три дня до начала посадки войск на суда²¹. В ноябре, когда армия Стенбока ушла в Мекленбург и расположилась между Висмаром и Ростоком, Ласси «было приказано с тремя полками занять проход возле маленького городка Лесцин (Leszcyń) в 3 лье от Ростока»²².

1713 год начался для русской армии победой под Фридрихштадтом. Д.Ф. Масловский указывает, что Петр Петрович участвовал в сражении «под непосредственным начальством Петра I»²³, однако в Журнале Ласси упоминаний об этом нет. В «Строевой и полевой службе» Масловский приводит чертеж, определенный им как план боя под Фридрихштадтом от 29 января 1713 г., где в числе командующих центром пехоты назван «ген.-майор Леси»²⁴. Упоминание об участии дивизии Репнина в сражении есть только в Книге Марсовой – после взятия первых перекопов Петр «послал указ генералу князю Репнину, дабы он с достальною пехотою на сигурс поспешал, которой по тому указу и учинил»²⁵. Если непосредственно в сражении Петр Петрович и не участвовал, то точно находился в главной армии, что подтверждает сообщение Г.И. Головкина о победе под Фридрихштадтом от 3 февраля: «И вчерашнего же дня отправлено 3 полка пехоты нашей з генерал-майором Лесли для занятия у неприятелей посту, отсюда в полумиле, в село Витворт»²⁶.

Последовавшая затем осада Теннингена описана в Журнале так: «Два суверена со своими армиями и саксонцы выступили против

врага, нанесли ему несколько поражений, после которых тот вынужден был укрыться в крепости Теннинген, после чего союзные войска осадили это место. Я получил командование над русским корпусом, состоявшим из 13 батальонов во главе с датским генералом Сальцом. Траншеи были открыты 3 мая, а 16 числа того же месяца генерал Штейнбок оставил город, сдавшись в плен со всем оставшимся гарнизоном. Военные трофеи, включая артиллерию, были распределены между русскими, датскими и саксонскими войсками, при этом я отвечал за их распределение»²⁷. Это интересное дополнение к тексту «Гистории», особенно к фразе «Арматуры от фелтъмаршала графа Штейнбока взято и разделено между тремя высокими союзники северными» и последующему ее перечню²⁸. Взятие Штеттина также проходило при непосредственном участии Петра Петровича. После начала осадных работ «генералы-маеоры Лесий и Штаф» понедельно имели «дежур в шанцах» с 2100–2500 человек с переменою людей²⁹.

«После осады русская армия прошла через Бранденбург и Польшу в Россию. Я прибыл в феврале 1714 с четырьмя полками в Смоленск, где провел остаток зимы. В течение лета армия располагалась лагерем у Юнфор-гоф, в одном лье от Риги в Ливонии, а на зиму распущена по квартирам по деревням. 8 ноября я прибыл в мое поместье Лезер, где провел остаток зимы с женой и семьей»³⁰. Уточнить факты, приведенные в Журнале Ласси, позволяют письма князя А.И. Репнина к Петру I за 1714 г.: «Сего Генваря 24 дня я с тремя полками, также и генерал-маиор Лесий с тремя-ж полками, прибыл в Смоленск и из Смоленска полки по квартирам распущу»³¹. 6 февраля Петр, будучи в Риге, послал «указ к генералу князю Репнину в Смоленск, чтоб он отправил ко Пскову от своего корпуса 7 полков и велел оным разложитца от Лук до Пскова и во Пскове»³². Репнин 17-го отвечал из Смоленска, что полки «будут отправлены под команду бригадира Трейдена, – понеже при мне остается генерал-маиор Лесий один»³³. Зиму 1714–1715 гг. полки дивизии Репнина провели на зимних квартирах в Ливонии и Эстляндии³⁴.

Про службу Ласси в 1715 г. Масловский пишет: «Командуя 2 полками гвардии и Астраханским, находился в Либаве, “для содержания оногo места от неприятеля”, а в 1716, вместе с этими полками, на галерах, доставлен в Висмар»³⁵. Однако эта информация, перешедшая и в Военную энциклопедию, не находит подтверждения.

Нам представляется, что в данном случае Дмитрий Федорович соединил два последовательных, но разных, события. 1 мая 1715 г. Петр послал Репнину указ, «чтоб он от Риги с тремя полками пехотными вступил в Курляндию и разложился по морскому берегу для того, что имели тогда ведомость, якобы флот неприятельской будет иметь транспорт в Курляндию»³⁶, и именно ими, согласно Журналу, командовал Ласси. 20 июля генералу Репнину был отправлен другой приказ – следовать со всеми полками его дивизии к Ковно и оттуда вдоль прусской границы к Торуня, а их место в Курляндии Петр повелел занять гвардии. Это совпадает с Журналом Ласси: «19 июля я получил приказ идти через Самогитию, через польскую Пруссию и через Польшу в Померанию, а отменяющий его приказ настиг меня в Бирнбауме в Польше»³⁷. В октябре, в связи с увеличением активности конфедератов в Польше, Шереметев остановил Репнина с шестью полками в Торуня, а генерал-майора Штафа с четырьмя на правом берегу Вислы. Ласси же со своими тремя полками был далеко впереди – Бирнбаум (польский Мендзыхуд) находится значительно западнее Познани. В середине декабря Шереметеву был отдан указ расположить войска на квартиры в Польше от Вислы до самой бранденбургской границы³⁸.

«1716. Я отправился с 5 полками в Польшу через польскую Пруссию, через Кульм, Эльбинг, прошел рядом с Данцигом, через Штеттин к Висмару, куда я прибыл 31 марта, и усилил 5 полками, находившимися под моим началом, датские, прусские и ганноверские войска, державшие этот город в блокаде. Через несколько дней после моего прибытия город капитулировал и сдался союзникам»³⁹. Висмар капитулировал 7 (18) апреля, и если сведения из Журнала верны, то история с недопуском российских войск в город и протестами Репнина приобретает совсем другой характер⁴⁰. Прибывшие вскоре остальные русские войска расположились в Мекленбургском герцогстве на отдых – Ласси до конца июня стоял в маленьком городке Кревниц (Crevnitz), а затем перешел в Барнсдорф, в одном лье от Ростока (вероятно Бродерсторф (Broderstorf) в 8 км от Ростока), где армия собиралась в ожидании транспортов до Копенгагена⁴¹. Очередь Ласси грузиться на суда наступила 2 сентября, в тот же день они отплыли в Копенгаген, куда прибыли в 10 часов утра 3 сентября, высадку завершили 5-го. Поскольку десант в Швецию не состоялся, русская армия со 2 по 12 октября была отправлена обратно в Мекленбургское герцогство, где расположилась на зиму⁴².

Нараставшие противоречия между союзниками не позволили армии спокойно перезимовать, и уже в январе 1717 г. фельдмаршал Шереметев получил повеление оставить «в Мекленбургии с генералом Вейдом и с генерал-майором Лессием и бригадиром Лефортом 20 баталионов и два полка гвардии, а с достальными всеми полками выступить к польским границам»⁴³. Однако спокойно отдыхать у оставшихся все равно не получилось. Питер Генри Брюс, бывший в то время адъютантом генерала Вейде, описал в своих мемуарах весьма примечательный эпизод пребывания наших войск в Мекленбурге. В какой-то момент там распространилось известие, что под Гамбургом формируется армия из имперских войск, с намерением выгнать российские войска из герцогства. В этой связи наша армия оставила квартиры и встала лагерем у Гадебуша, под командой генерал-лейтенанта Ласси, генерал-майора Шлипенбаха и бригадира Лефорта. Генерал Вейде был в это время в Гистроу и послал Брюса выяснить, сколько войск собралось в лагере неприятеля. Брюс не нашел никакого лагеря и обратился за сведениями к русскому резиденту в Гамбурге. Но услышал не о войсках, формируемых против нас, а о том, что русская армия собирается вторгнуться в Ганновер, откуда уже началось бегство состоятельных людей в Гамбург и другие безопасные места. Это произошло вследствие образования нашего лагеря в Гадебуше. Когда Брюс вернулся в Гистроу и доложил ситуацию, то был немедленно отправлен в лагерь с приказом войскам немедленно разойтись по квартирам⁴⁴.

В конце июня генерал Вейде получил из Парижа приказ оставить по прошению герцога мекленбургского у него три или четыре баталиона, а самому с корпусом своим следовать в Польшу к Висле на соединение к фельдмаршалу Шереметеву⁴⁵. Брюс пишет, что войска выступили 1 июля, 13-го соединились в Нойбранденбурге и через Штеттин и Ландсберг пошли в польский Шверин, куда прибыли 25-го и отдыхали до 7 августа⁴⁶. В примечаниях к Гистории также значится, что в конце августа «генерал-маэор Лесий с 8-ю полками прибыли к полскому Шверину и по управлению в правянте и в подводах будут и они маршировать ко Гданску»⁴⁷.

5 февраля 1718 г., после долгого и трудного марша, Ласси с отрядом из четырех полков прибыл в польскую Ливонию, где разместился на квартирах; сам он расположился в деревне Ликсна⁴⁸. А 10 февраля князь Репнин получил предписание «разложился

в польском владении до указа, так далеко от российских границ, когда указ о выходе получит, чтоб в неделю или дней в пять мог выгнать вон в российские границы», что он и сделал, расположив полки от реки Винда от местечка Окмян на Янышки, на Биржу и до Друи⁴⁹. Однако из-за «скудости в пропитании» солдат Репнин был вынужден постепенно рассредоточить людей дальше в сторону Курляндии⁵⁰.

«20 мая 1718 полки, находившиеся в Литве и части польской Ливонии, были посланы к Данцигу, по приказу князя Репнина, дабы заставить этот город соблюдать соглашение, которое он ранее заключил с Императором»⁵¹. Главной задачей Репнина, по-видимому, было добиться выплаты городом обещанной денежной компенсации. Он расположил полки в «Гданском Вердене (которое по-польски называютца Жулавы) и протчих местах, к тому городу принадлежащих», сам остановился в Гданьске и оставался там до января 1719 г., пока не получил последние деньги⁵². 28 января генерал-майор П.П. Ласси оставил свою квартиру в Праусте вблизи Данцига и с тремя полками прибыл 24 апреля в Ригу, откуда тут же был вызван в Петербург для командования частью галерного флота, отправлявшегося разорять берега Швеции⁵³.

¹ Кудзеевич Л.В. Фельдмаршал П.П. Ласси – участник Полтавской битвы // Полтавская битва и ее международное значение. Тезисы докладов юбилейной межд. науч. конф. 17–20 ноября 2009 года. М., 2009. С. 56–58.

² История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 181–183.

³ Там же. С. 184–185.

⁴ Там же. С. 188–189.

⁵ De Ligne, Prince Charles-Josrph. Melanges militaires, litteraires et sentimentaires. T. VI. Viene, 1796. С. 30–31.

⁶ История... Вып. 1. С. 192, 194, 349, 350.

⁷ Там же. С. 195.

⁸ Военно-походный журнал графа Б.П. Шереметева 1711–1712 гг. СПб., 1898. С. 4–5 (Далее – Журнал Шереметева).

⁹ Там же. С. 8, 12–13.

¹⁰ История... Вып. 1. С. 366; Журнал Шереметева. С. 16.

¹¹ История... Вып. 1. С. 367–370; Журнал Шереметева. С. 51–52.

¹² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 2. М., 1964. С. 48.

¹³ De Ligne. Op. cit. P. 31.

¹⁴ Письма и бумаги... Т. 12. Вып. 2. М., 1975. С. 411–412.

¹⁵ Там же. Вып. 1. С. 376–377.

- ¹⁶ De Ligne. Op. cit. P. 32.
- ¹⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. XVI. Гл. 2. – <http://magister.msk.ru/library/history/solov/solv16p2.htm>
- ¹⁸ Письма и бумаги... Т. 12. Вып. 2. М., 1975. С. 445.
- ¹⁹ Масловский Д.Ф. Ласси / Энциклопедия военных и морских наук. Т. 6. СПб., 1889. С. 50.
- ²⁰ Письма и бумаги... Т. 12. Вып. 2. М., 1975. С. 416.
- ²¹ Гистория... Вып. 1. С. 187.
- ²² De Ligne. Op. cit. P. 32.
- ²³ Масловский Д.Ф. Указ. соч.
- ²⁴ Масловский Д.Ф. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883. Чертеж 14.
- ²⁵ Книга Марсова. СПб., 1766. С. 150–151.
- ²⁶ Письма и бумаги... Т. 13. Вып. 1. М., 2003. С. 228–229.
- ²⁷ De Ligne. Op. cit. P. 33–34.
- ²⁸ Гистория... Вып. 1. С. 397.
- ²⁹ Гистория... Вып. 2. С. 206.
- ³⁰ De Ligne. Op. cit. P. 34.
- ³¹ Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (Документы гос. архива). СПб., 1893. С. 277.
- ³² Гистория... Вып. 1. С. 413.
- ³³ Мышлаевский А.З. Указ. соч. С. 277.
- ³⁴ Гистория... Вып. 2. С. 479.
- ³⁵ Масловский Д. Ф. Ласси.
- ³⁶ Гистория... Вып. 1. С. 434.
- ³⁷ Там же. С. 436; De Ligne. Op. cit. P. 34.
- ³⁸ Гистория... Вып. 1. С. 440, 441.
- ³⁹ De Ligne. Op. cit. P. 35.
- ⁴⁰ Гистория... Вып. 1. С. 443; Вып. 2. С. 484.
- ⁴¹ De Ligne. Op. cit., P. 35.
- ⁴² Ibidem. P. 35–36; Гистория... Вып. 1. С. 458, 462.
- ⁴³ Голиков. Деяния Петра Великого. Т. VI. М., 1838. С. 183.
- ⁴⁴ Bruce P.H. Memories of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the servises of Prussia, Russia, and Great Britain... Dublin, 1783. P. 199.
- ⁴⁵ Гистория... Вып. 2. С. 494.
- ⁴⁶ Bruce P.H. Op. cit. P. 203, 204.
- ⁴⁷ Гистория... Вып. 2. С. 497.
- ⁴⁸ De Ligne. Op. cit. P. 36.
- ⁴⁹ Гистория... Вып. 2. С. 504–505.
- ⁵⁰ Там же. С. 506.
- ⁵¹ De Ligne. Op. cit. P. 36.
- ⁵² Гистория... Вып. 1. С. 473, 475, 476; Вып. 2. С. 514, 517.
- ⁵³ De Ligne. Op. cit. P. 36–37.

Н.Л. Курсанина (Киев, Украина)

ПОПЫТКИ ВВЕДЕНИЯ РАССЫПНОГО СТРОЯ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СТРЕЛКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕХОТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКАЗОВ 1818 ГОДА)

ИСТОРИЯ армии пишется от войны к войне – военные события и описываются легче, и в плане подбора материалов куда доступнее, чем промежуточные периоды. Особенно редко удается найти документы, рассказывающие о послевоенном устройстве армии. Среди всех документов, находящихся в Национальном военно-историческом музее Украины особое место занимают приказы Главнокомандующего 1-й русской армии генерал-фельдмаршала князя Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, датирующиеся 1818 г. Приказы подписаны начальником Главного штаба 1-й армии генерал-лейтенантом бароном Иваном Ивановичем Дибичем.

Приказы по армии – один из ценнейших документальных источников, в котором отображаются все веяния и тенденции военной жизни. По приказам можно отследить отношения между военными и гражданскими, между солдатами и офицерами, внутри офицерского сообщества. То, что не выносится в армии наружу, становится достоянием историка, в руки которого попадают данные приказы.

Военная кампания 1812 г. показала русской армии недостаток тактики линейного сомкнутого строя, и генерал-фельдмаршал Барклай-де-Толли понимает это одним из первых. Передовые мысли в изменении тактики пехотных полков вызвали яростные споры среди сторонников «танцмейстерской науки» и боевых офицеров, ясно понимающих, что сомкнутый строй уже устарел ¹. Подобная

тактика – совмещение старых линейных колонн и нового рассыпного строя – уже применялась в Австрии экс-герцогом Карлом в 1806 г. (а чуть позже и в Пруссии) и была достаточно аргументирована в военной литературе Герхардом Иоанном Шарнхорстом² в 1797 г.³ В русской армии она была также опробована П.А. Румянцевым в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг., но только для егерских подразделений и спешенной конницы⁴.

После победы в Отечественной войне 1812 г. и походов русской армии в Европу кажется, что пришло время по-новому посмотреть на устройство армии, оценить боевой опыт и выразить его в новых методах военного искусства. Однако «Двенадцатый год» оказался снова втиснут в рамки «Гатчины»⁵.

В 1816 г. в России издается новый «Пехотный устав», в котором основное место занято плацпарадной муштрой и ружейными приемами и ни одного слова не говорится об атаке и действиях пехоты в боевых условиях⁶. Также ни единого слова об атаке нет и в «Правилах полкового учения для пехоты», изданных в 1818 г.⁷ Оба эти «муштровых» устава, переполненные множеством мелких подробностей, в значительной степени отражают желание военного министра графа А.А. Аракчеева «выровнять носки» всей русской армии.

Несмотря на столь откровенное противодействие военного министра и поддерживающих его «балетмейстеров», Главным штабом 1-й армии разрабатываются «Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты» 1818 г. (рис. 1). В «Правилах» обобщался боевой опыт Отечественной войны 1812 г., были сформулированы основные правила ведения боя егерями в одиночку или небольшими группами, определен круг задач, решаемых егерями, и даны рекомендации по маскировке, экипировке и обучению егерских частей. В частности, там говорилось о необходимости обучить солдат правильно судить об удаленности предметов. Для этого при обучении стрелка нужно «показывать ему какое-либо дерево, дом, ограду или другой видный предмет, спрашивая, в каком он полагает его расстоянии; потом приказывать считать шаги до этого предмета и таким образом узнавать свою ошибку...» Егерь должен был приобрести «твердый навык хорошо зарядить, верно прицелиться и метко стрелять во всяком положении, стоя на коленях, сидя и лежа, а равно и на походе». О маскировке там же говорилось: «Неровности поверхности земной и множество

возвышенных на земле предметов почти везде представляют защиту раздробленным частям или одиночным людям». В связи с этим указывалось на необходимость обращать внимание каждого егеря «на выгоды, представляемые местоположением, и способы оным воспользоваться: как он, например, имея впереди бугорок, может лечь позади оногo на земле или стать на колени и как ему в таком положении может быть удобнее зарядить ружье, верно прицелиться и выстрелить; каким образом при наступлении в лесу должен он подкрадываться

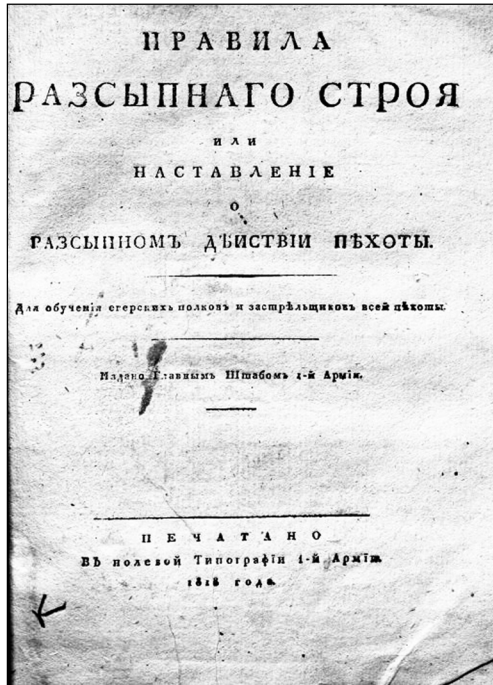

Рис. 1. Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты. Обложка

ся от дерева до дерева к неприятелю, беспрестанно вредить оному и выигрывать место, или же при отступлении через лес останавливаться позади каждого дерева и, прикрывая себя, защищать место и товарища своего; как он должен залечь во рву, за оградю или плетнем и как во всяком подобном местоположении может действовать с пользою оружием своим». На основе § 6–8 этой директивы в каждом полку должны быть сформированы роты «застрельщиков» и стрелковые взводы, которые должны быть обучены рассыпному строю, «пользованию месторасположением» (т. е. умению работы на местности) и «искусству цельной стрельбы»⁸.

В русской армии только егерские полки вели стрелковый бой; остальная пехота совсем не имела одиночной подготовки для рассыпного строя⁹. Егерские корпуса были в достаточной степени вооружены новейшими нарезными ружьями и умели «справно»

вести прицельный огонь. Об этом можно судить по одному эпизоду Отечественной войны 1812 г.: 19 августа недалеко от Смоленска на правом берегу Днепра неизвестный унтер-офицер егерского полка сумел задержать колонну французской армии, ведя снайперский огонь из леса. Для того чтобы устранить угрозу, французам пришлось ждать подхода артиллерии. Это событие зафиксировал в своих дневниках сопровождающий французскую армию художник Х.В. Фабер дю Фор: «Среди вражеских стрелков, засевших в садах на правом берегу Днепра, один в особенности выделялся своей отвагой и стойкостью. Поместившийся как раз против нас, на самом берегу за ивами, и которого мы не могли заставить молчать ни сосредоточенным против него ружейным огнем, ни даже действием одного специально против него назначенного орудия, разбившего все деревья, из-за которых он действовал, он все не унимался и замолчал только к ночи. А когда на другой день по переходе на правый берег мы заглянули из любопытства на эту достопамятную позицию русского стрелка, то в груди искалеченных и расщепленных деревьев увидели распростертого ниц и убитого ядром нашего противника унтер-офицера егерского полка, мужественно павшего здесь на своем посту»¹⁰.

Но понимание того, что прицельная стрельба только егерских подразделений не может принести победу в войне, ставит генерал-фельдмаршала перед необходимостью изменить всю систему подготовки пехотных полков в 1818 г. Буквально через три месяца после издания «Правил рассыпного строя» в приказе № 66 от 13 апреля 1818 г. по 1-й армии (рис. 2) ясно говорится: «Не менее того, требование о удержании прямой линии в цепи и ровных интервалах в парах есть фальшиво».

Но самое главное в этом приказе – это формирование в линейных пехотных и гренадерских полках 1-й армии из каждого взвода по 12 человек из «самых расторопных рядовых» для обучения «цельной стрельбе». В отличие от егерей и карабинеров, «цельные» стрелки не становятся отдельными войсками, а действуют в составе своего полка. Выбранных солдат формируют в роты и для их обучения выделяют офицеров «по возможности таковыми, которые сами в последней войне были в стрелках»¹¹.

К стрелкам, в отличие от «маршевых» рот, не предъявлялись требования по выправке, а в основу обучения ставилось «...непременное правило, что при обучении стрельбе в цель не должно обращать

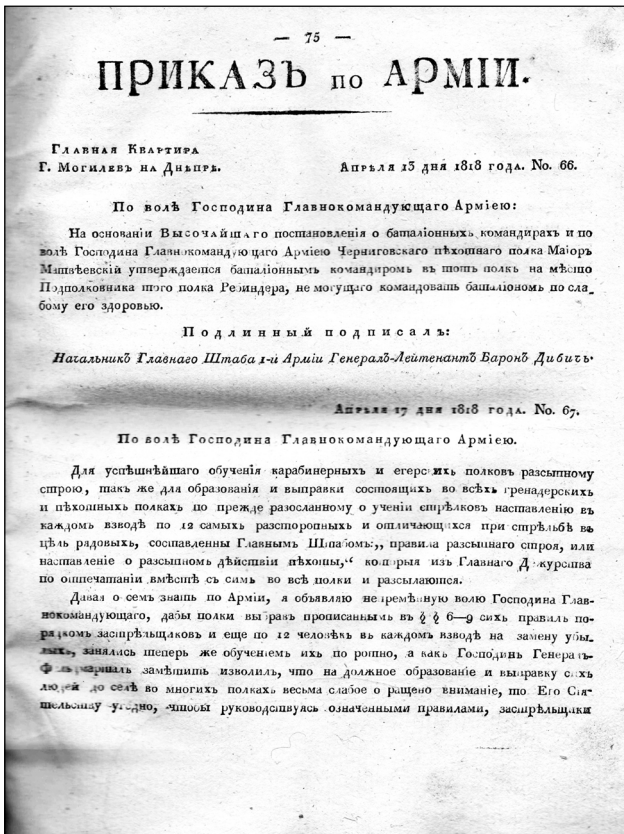

Рис. 2. Приказ № 66 от 13 апреля 1818 г. по 1-й армии. С. 1

внимание на фигуру человека, но единственно наблюдать, за верною прикладкою и прицеливанием правого глаза, замечая всегда неправильное направление выстрела; для чего с начала учить (стрелять) в большой щит. Нарочное приказание кривлять фигуру столь же вредно для цельной стрельбы, как и непременно требование правильной фигуры, а надобно чтобы всякой при стрельбе в цель держался как ему удобнее»¹² (рис. 3). Что же говорить о новшестве такого приказа, если за пятнадцать лет до этого фельдмаршал Мёллендорф¹³ издает в Берлине приказ, которым он прямо запрещает солдатам целиться во время стрельбы – солдаты должны были «держатъ голову прямо, стрелять горизонтально, перед собой»¹⁴.

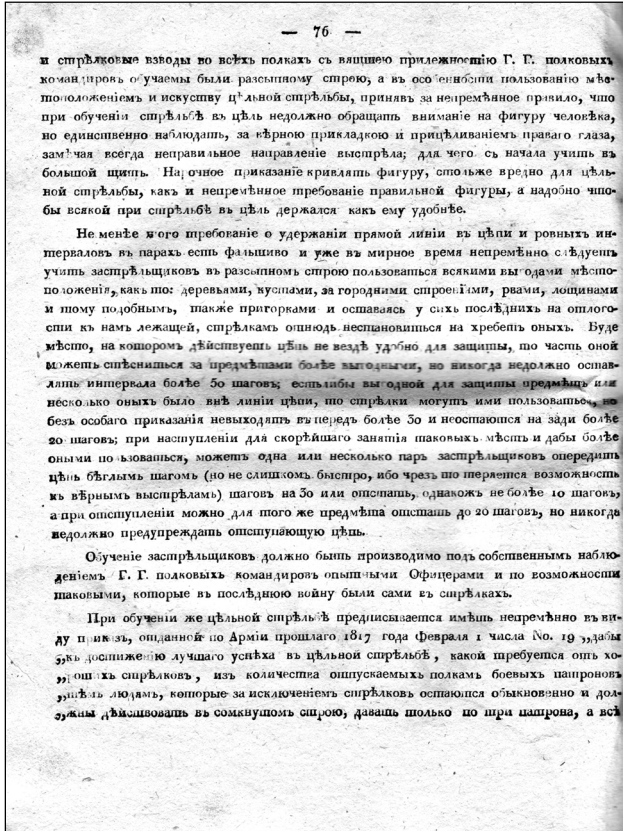

Рис. 3. Приказ № 66 от 13 апреля 1818 г. по 1-й армии. С. 2

Буквально через пять дней после издания приказа № 66 генерал-фельдмаршал, чувствуя, что его нововведениям может быть оказано противодействие, издает приказ № 68 от 18 апреля, в котором четко и недвусмысленно говорит: «Строжайше подтвердить по Армии, чтобы в обучении людей вообще, а особливо в ружейных приемах наблюденно было совершенное единообразие на четком основании военного устава и отданных в дополнение оног печатных приказов Высочайших, главного Штаба Его Величества и отданных по 1-й Армии, а в рассыпном строю правила рассыпного строя или наставленіе о рассыпном действии застрельщиков всей пехоты, разосланных во все полки из Главного Дежурства Армии,

ПРИКАЗЫ по АРМИИ.

Главная Квартира
Г. Могилевъ на Днѣпрѣ.

Апрѣля 18 дня 1818 года. № 68.

По волю Господина Главнoкомандующаго Арміею:

Дѣло до свѣдѣнія Господина Главнoкомандующаго Арміею Генералъ-Фельдмаршала, что въ вѣкопoрыхъ полкахъ вопреки заповѣдей оупданныхъ по Арміи приказамъ, дѣлаются съ мoлoвозволю многія перемѣны противъ изданныхъ правилъ, какъ въ линейномъ ученіи, оруженыхъ приемахъ, шкѣ и въ разсыномъ строѣ и въ семь послѣднемъ употребляются даже сигналы совсѣмъ различныя съ исполненныхъ Его Сіятельствомъ. Относя сие къ невниманію и небреженію командировъ шкѣхъ полковъ, гдѣ оное, случено, Господина Главнoкомандующій приказать изволить строжайше подтвердить по Арміи, чтобы въ обученіи людей вообще, а особливо въ оруженыхъ приемахъ наблюденно было совершенное единообразіе на точномъ основаніи военного искусства и оупданныхъ въ дополненіе оного печатныхъ приказовъ Высочайшихъ, Главнаго Штаба ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и оупданныхъ по 1-й Арміи, а въ разсыномъ строѣ правила разсынаго строя или наступленіе о разсыномъ дѣйствиіи застрѣльничьихъ войскъ, разсынаго строя, разсынаго во вѣхъ полкахъ изъ Главнаго Дежурнаго Арміи, и въ оупданныхъ оныхъ ни подъ какимъ предлогомъ ни чего не дѣлать безъ особеннаго на то приказанія Его Сіятельства, а когда и за симъ оудшеіи дѣйствиіи при будущемъ смотре войскъ замечена будетъ въ обученіи людей въ чемъ-либо противу изданныхъ правилъ разница, то виновные подвергнуть себя строжайшему взысканію.

Въ случаѣ естлибы въ предѣ кто по особенной волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА былъ присланъ въ копорой-либо корпусъ для обученія, снѣвъ показывать правила, различныя введеннымъ въ Арміи, то принявъ оныя, въ то же время донести Господину Главнoкомандующему прямо отъ полковъ.

Подлинный подписалъ

Наталихъ Главнаго Штаба 1-й Арміи Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Дибичъ,
Апрѣля 19 дня 1818 года. № 69.

По волю Господина Главнoкомандующаго Арміею.

те. На основаніи Высочайшаго повелѣнія объявленнаго въ приказѣ Начальника Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Адъютанта Кнзя Волковскаго 7 Октябрю прошлаго 1817 года, по волю Г. Главнoкомандующаго Арміею назначаются:

Рис. 4. Приказ № 68 от 18 апреля 1818 г. по 1-й армии

и в отмену оныхъ ни подъ какимъ предлогомъ ничего не делать безъ особеннаго на то приказанія Его Сіятельства, а когда и за симъ подтвержденіемъ при будущемъ смотре войскъ замечена будетъ в обученіи людей в чем-либо противу изданныхъ правилъ разница, то виновные подвергнутъ себя строжайшему взысканію. В случаѣ если бы впредѣ кто по особенной волѣ Государя Императора былъ присланъ в который-либо корпусъ для обученія, стал показывать правила, различные введеннымъ в Арміи, то, принявъ оныя, в то же время донести Господину Главнoкомандующему прямо отъ полковъ»¹⁵ (рис. 4).

Требование к застрельщикамъ использовать рельефъ местности для перемещения во время атаки, которое получило популярность

во время Отечественной войны¹⁶, становится главным во время учебы застрельщиков и егерей.

В приказе четко расписывается, как надо использовать местность: «...в рассыпном строю пользоваться всякими выгодами местоположения, как то: деревьями, кустами, за городними стояниями, рвами, лощинами и тому подобным, также пригорками и оставаясь у сих последних на отлогости к ним лежащей, стрелкам отнюдь не становится на хребет оных»¹⁷.

Нельзя не восхититься мужеством князя Барклая-де-Толли, который понимал, что своими приказами по армии он вступает в открытую конфронтацию со всей военной системой.

Был еще один фактор, очень сильно влияющий на обучение прицельной стрельбе – это вооружение солдат. Масса совершенно различных образцов ружей, отличающихся между собой по калибру, весу, длине ствола и отделке русского и иностранного производства, составляли вооружение войск¹⁸. Многие из этих ружей были устаревшими, а многие не могли вести прицельную стрельбу по мишеням. Решение данного вопроса было вполне логично – выбрать из всех ружей лучшие и отдать стрелкам для совершенствования в искусстве прицельной стрельбы: приказ № 94 от 19 мая 1818 г. гласил: «На опыте доказано, что солдатские ружья не все вообще одинаковы в верности выстрелов, но одно против другого выгоднее и способнее, однако ж за всем тем в некоторых полках недовольно обращают на сие внимание; от чего стрелки застрельщики и выбранные на пополнение последних рядовые имеют ружья наравне с прочими безо всякого разбора, что самое и делает немалое затруднение в доведении оных до совершенства в искусстве цельной стрельбы, а потому, согласно приказанию Его Сиятельства Господина Главнокомандующего, поставляю в непременную обязанность Г.Г. (господ) полковых командиров гренадерских, карабинерных, пехотных и егерских полков, сделать под личным их надзором практическое свидетельство, и те, которые окажутся преимущественно способными для цельных выстрелов, раздать стрелкам гренадерских и карабинерных рот, всем вообще застрельщикам, также и назначенным на пополнение последних рядовым. Каковое правило сортировки ружей должно быть наблюдаемо навсегда, и в случае ежели бы у некоторых стрелков или застрельщиков от употребления ружья несколько изменились в исправности, в отношении цельности выстрела, то должно оные тотчас обменять на другие,

более годные; ибо стрелок для достижения совершенства в искусстве цельной стрельбы, необходимо должен быть снабжен и способным для сего оружием, преимущественно перед прочими»¹⁹.

В этом приказе есть два нюанса: во-первых – это осуществление отбора, для которого требуется сделать практическое освидетельствование всех, находящихся на вооружении 1-й армии ружей; а во-вторых – обмен пришедших в неисправность ружей на новые, или более годные, а значит, надо было иметь запас или списки этих ружей. Если учитывать, что для каждого вида войск был принят соответствующий род огнестрельного оружия²⁰, то станет понятным тот объем работы, который должен был быть выполнен для вооружения стрелков.

В период с 1805 до 1817 гг. было принято несколько образцов огнестрельного оружия: ружье винтовальное унтер-офицерское обр. 1805 г., егерский штуцер обр. 1805 г., пехотное ружье обр. 1808 г., кирасирское, драгунское, гусарское ружье обр. 1809 г. и ружье гусарское и конно-егерское обр. 1817 г. – это те ружья, которые были «новыми»²¹. Таким образом, на вооружении русской армии в первой половине XIX столетия стояли три вида нарезного оружия: винтовальное унтер-офицерское, егерский штуцер и кавалерийский штуцер и восемь видов гладкого: пехотное, егерское, кирасирское, драгунское, гусарское, конно-егерское ружье, мушкетон и пистолет²².

Все они были кремневыми, заряжающимися с дула. Для заряжания ружья необходимо было поставить курок на предохранительный взвод, полка должна быть открыта; «скусить патрон», т. е. оторвать зубами донце гильзы так, чтобы не рассыпать пороха и не замочить его слюной; отсыпать из гильзы немного пороха на желобок полки; зажать патрон двумя пальцами, закрыть полку, поставить ружье прикладом на землю и высыпать остальной порох в ствол, при этом следует патрон осторожно размять пальцами, чтобы в нем не осталось пороха; вставить в ствол пулю так, чтобы скомканная бумага была поверх пули. Шомполом надо было дослать пулю к пороху, слегка прибивая ее несильными ударами, чтобы не раздробить пороховых зерен. После того шомпол вытаскивали, и курок взводили на боевой взвод. Заряжание нарезных кремневых ружей происходило подобным же способом с небольшой разницей в том, что пулю клали на кусочек просаленной тряпки и вжимали в ствол ударами деревянной колотушки, а дальше уже досылали

к заряду ударами шомпола²³. Все это требовало времени – от одной до полутора-двух минут. В это время стрелок был открыт для неприятельского огня, поэтому требование к использованию прикрытия на местности во время заряжания – деревьями, оградами, строениями – было достаточно целесообразно.

Не менее важным аспектом для точной стрельбы было обеспечение патронами. В 1808 г. для всех гладкоствольных ружей был установлен один калибр – 7 линий (17,7 мм), а нарезные: винтовальное унтер-офицерское, егерский и кавалерийский штуцер – имели калибр 6,5 линий (16,5 мм)²⁴. В то же время полки сами заготавливали себе необходимое количество патронов, в соответствии с имевшимся у них оружием²⁵. Таким образом, разница в калибрах не играла существенной роли при снабжении стрелков патронами, но даже эта проблема была поднята князем Барклаем-де-Толли в приказах по армии: в приказе № 66 от 15 августа 1818 г. идет отсылка к более раннему приказу № 19 от 1 февраля 1817 г.: «При обучении же цельной стрельбе предписывается иметь непременно в виду приказ, отданный по Армии прошлого 1817 года февраля 1 числа № 19 “дабы к достижению лучшего успеха в цельной стрельбе, какой требуется от хороших стрелков, их количества отпускаемых полкам боевых патронов тем людям, которые за исключением стрелков остаются обыкновенно и должны действовать в сомкнутом строю, давать только по три патрона, а все прочие боевые патроны употреблять для учения одних только настоящих стрелков”, в числе которых разумеются и застрельщики»²⁶.

По времени приказа № 19 от 1 февраля 1817 г. становится понятно, что замысел и реализация подготовки «настоящих стрелков» – не сиюминутная прихоть генерал-фельдмаршала Барклая-де-Толли, а серьезная, длительная, хорошо продуманная работа, включающая в себя и вооружение, и снабжение стрелков патронами, и подготовку самих стрелков, и обучение их использованию прикрытий для ведения прицельного огня. А главное – подготовка серьезной теоретической базы для дальнейшего развития в виде «Правил для рассыпного строя», которые однозначно признавали, что преимущество пехоты заключается не во множестве выстрелов, а в меткости.

В этих «Правилах» еще раз подтверждена важность меткой стрельбы: «Многие полагают еще и ныне, что пуля вредит неприятелю только случайно. Мнение сие действительно оправдывается,

однако ж только в тех случаях, где неучи действуют ружьем; когда же ружье в руках настоящего стрелка, мастера ремесла своего, то и успех стрельбы не будет зависеть от случайности»²⁷.

Именно выбор лучших, талантливых, умеющих мыслить и самостоятельно принимать решение, работать в отрыве от коллектива поставил во главу угла генерал-фельдмаршал Барклай-де-Толли. Именно на них сделал свой упор в дальнейшей военной тактике: «При таком способе сражаться действие каждого стрелка представится в виде частной или личной драки: ибо подробности действия, например, выгоднейших средств к нанесению вреда сопернику своему, избрание места к закрытию и защиты своей и проч. зависят совершенно от собственной воли и понятий стрелка».

В эпоху рекрутского набора и марширующих колонн понятие индивидуализма в тактике неприемлемо. В первую очередь из-за социально-экономических причин: умеющий думать боец становится опасным для системы. А во вторую очередь – на то, чтобы такого бойца подготовить, требуется немало средств и времени, начиная от обеспечения его наилучшим вооружением и кончая индивидуальными занятиями, которые должны проводить офицеры. Значит и офицеры должны быть на высоком уровне подготовки и уметь самостоятельно принимать решения. Вопрос даже не в стрелках, а выше – офицерский состав Российской армии после 1816 г. стал массово уходить со службы, предпочитая помещичий халат и фрак канцеляриста фрунтовой муштре, усиливающейся с каждым годом²⁸. Вопросы о вложении сил и денег в новое направление – снайперскую подготовку – никто не хотел поднимать.

И в-третьих – Россия не имела достаточной материальной базы и такого оружия, которое позволило бы реализовать в полной мере тактику стрелка-мастера – снайпера. Только с появлением массового нарезного оружия в конце XIX в. начались изменения в сторону преимущества тактики прицельного огня. Своего апофеоза снайперская стрельба достигла уже с появлением бездымного пороха и магазинных винтовок.

После смерти генерал-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, случившейся на пике его нововведений 25 мая 1818 г., новых инициаторов, способных разработать и внедрить методики подготовки снайперов, не было. «Правила рассыпного строя» были в полной противоположности с духом времени и поэтому явились гласом вопиющего в пустыне, мертвой буквой²⁹. В большинстве

полков эти тонкие книжки остались неразрезанными – рассыпной строй на смотрах не спрашивался, а значит, его не стоило учить.

Таким образом, 1818 год стал первым и последним годом, когда все тактические новшества рассыпного строя и индивидуальной подготовки стрелков были введены в 1-й русской армии, и в этом же году о них забыли, предпочтя и дальше идти по накатанной колее сомкнутого строя, идущего в атаку как на параде – чеканя шаг в фрунтовой стойке.

Приказы по 1-й армии – неоспоримый документ, который показывает, что генерал-фельдмаршал князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли не только понимал суть перемен, которые необходимо было сделать русской армии в тактике линейного боя, но и пытался их реализовать в своей армии. Рассыпной строй стали применять намного позже – во второй половине XIX в., с появлением капсульного нарезного ружья, позволяющего вести прицельный огонь на дальние дистанции. Индивидуальная стрелковая подготовка пехоты тоже долгое время оставалась только в теории – для ее реализации надо было вооружить всю пехоту нарезным оружием с достаточной кучностью и прицельной дальностью. Это все требовало перемен не только в армии, но и во всей социальной системе общества, к которым в первой половине XIX в. оно было еще не готово.

¹ Кресновский А.А. История русской армии. В 2-х т. Т. 2. М.: «Голос», 1993. С. 15.

² Герхард Йоганн Давид фон Шарнхорст (нем. Gerhard Johann David von Scharnhorst, 12 ноября 1755, Борденау – 28 июня 1813, Прага) – прусский генерал и военный реформатор.

³ Дельбрюк Г. Всеобщая история военного искусства. М.: Эксмо, 2008. С. 812.

⁴ Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. 1969–1978. С. 73.

⁵ Кресновский А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 11.

⁶ История русской армии, 1812–1864 гг. СПб.: «Издательство «Полигон», 2003. С. 340.

⁷ Там же. С. 340.

⁸ Рязанов О.Е. История снайперского искусства. М.: «Витязь-Братишка», 2004. С. 10.

⁹ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 812.

¹⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства. М., 1938.

- ¹¹ Национальный военно-исторический музей Украины. ОФ. № 2996. Сборник приказов за 1818 г по 1-й Армии. С. 76.
- ¹² Там же.
- ¹³ Вихард Иоахим Генрих фон Мёллендорф (1724–1816) – прусский генерал-фельдмаршал, губернатор Берлина, главнокомандующий прусской армией.
- ¹⁴ Дельбрюк Г. Всеобщая история военного искусства. С. 812.
- ¹⁵ Национальный военно-исторический музей Украины. ОФ. № 2996. Сборник приказов за 1818 г по 1-й Армии. С. 78.
- ¹⁶ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. История развития со времен возникновения до середины XX века. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 1995. С. 129.
- ¹⁷ Национальный военно-исторический музей Украины. ОФ. № 2996. Сборник приказов за 1818 г. по 1-й Армии. С. 75.
- ¹⁸ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX ст. СПб.: «Т-во Художественной печати», 1911. С. 6–7.
- ¹⁹ Национальный военно-исторический музей Украины. ОФ. № 2996. Сборник приказов за 1818 г. по 1-й Армии С. 103.
- ²⁰ Федоров В.Г. Указ. соч. С. 9.
- ²¹ Срок служебной пригодности оружия был назначен 40-летний, и оружие, хотя и старого образца, но годное к службе, продолжало оставаться рядом с вновь вводимыми образцами. – См.: Федоров В.Г. Указ. соч. С. 12.
- ²² Там же. С. 24.
- ²³ Маркевич В.Е. Указ. соч. С. 128.
- ²⁴ Там же. С. 127.
- ²⁵ Федоров В.Г. Указ. соч. С. 20.
- ²⁶ Национальный военно-исторический музей Украины. ОФ. № 2996. Сборник приказов за 1818 г. по 1-й Армии. С. 76–77.
- ²⁷ История русской армии, 1812–1864 гг. С. 342.
- ²⁸ Кресновский А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 14.
- ²⁹ Там же. С. 15.

С.А. Лазарев (Санкт-Петербург)

АВТОМАТ КАЛАШНИКОВА – НОВЫЙ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ СИМВОЛ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖОМ

ПРИНЯТЫЙ на вооружение в 1949 г. автомат М.Т. Калашникова АК-47 завоевал популярность не только в вооруженных силах многих зарубежных стран, но и стал использоваться там как геральдический символ.

Надо вспомнить, что до 1955 г. АК-47 был секретным оружием (рис. 1, 1а)¹. Как видно из иллюстрации, описание автомата было рассекречено в соответствии с приказом Министерства обороны СССР № 031 от 19 февраля 1955 г. С этого времени изображение АК-47 стало появляться на плакатах, поздравительных открытках, посвященных 23 февраля, Дню Военно-морского флота и т. д. Кроме того, с выходом на экраны страны кинофильма «Максим Перепелица» АК-47 стал «сниматься» в кинематографе.

В середине 1990-х гг., после распада Советского Союза, с отменой государственной символики СССР и в период становления символики Российской Федерации, повсеместно в Вооруженных силах, Министерстве внутренних дел, других силовых структурах страны начался процесс «знакотворчества».

Первыми в этот процесс «включились» силовые структуры. Одним из первых вариантов нарукавного знака для спецподразделений МВД стал нарукавный знак 6-го отряда специального назначения (ОСН) «Витязь» (рис. 2), сформированного 1 июля 1991 г. (Наименование «Витязь» было присвоено в 1994 г.). Основа знака выполнена из черной хлопчатобумажной ткани размером 7,5x8,5 см. В центре помещено изображение кулака, сжимающего автомат Калашникова (АКМС) на фоне красной пятиконечной звезды. Все изображения на знаке выполнены пленкой ПВХ

желтого цвета, звезда – аппликацией из красной шелковой ткани. Изображение автомата Калашникова хоть и стилизованное, но зато хорошо узнаваемое. Встречается такой же знак, но изготовленный из сукна красного цвета.

Спустя некоторое время для 8-го ОСН «Русь»², сформированного 1 августа 1994 г., также был изготовлен нарукавный знак (рис. 3). Основа знака выполнена из черного дублированного сукна размером 8,0х9,5 см. В центре помещено изображение кулака, сжимающего автомат Калашникова (АКМС) на фоне варяжского щита со скошенными плечами. На красном поле щита изображение прыгающей пантеры – знака отдельной дивизии особого назначения внутренних войск МВД России (В прошлом дивизия им. Ф.Э. Дзержинского)³. Все изображения на знаке выполнены

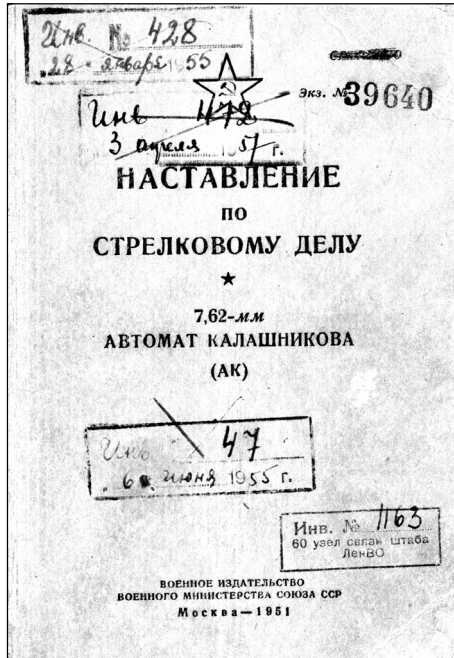

Рис. 1

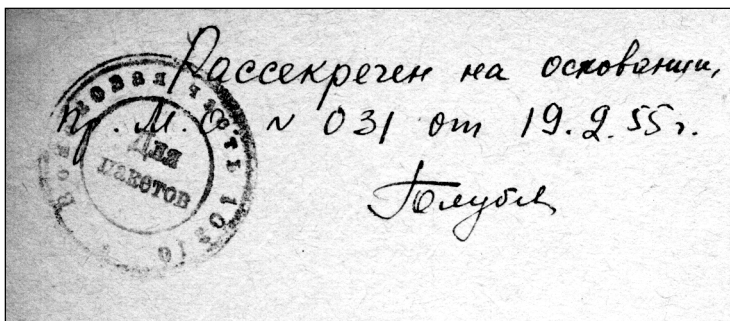

Рис. 1а

Рис. 2

Рис. 3

пленкой ПВХ желтого цвета (кроме пантеры – она белого цвета), внутренняя часть щита – из красного сукна.

В 1996 г. на предприятии ТОО «Лентрейд» были представлены проектные разработки нарукавных знаков для военнослужащих подразделений специального назначения внутренних войск МВД РФ (рис. 4) и эмблемы на головной убор для офицеров и прапорщиков и для сержантов и солдат. Авторами вариантов этих знаков были полковник В.Б. Звездкин и лейтенант М.Ю. Шпаченко. Наручный знак состоит из двух частей: основной – общей для всех подразделений – и дополнительной – дуговой нашивки с названием подразделения: «Витязь», «Русь» и «Росич» (в данном случае – «Витязь»). Размеры знаков: основного – 7,5х9,5 см; дополнительного – 2,5х11,0 см.

К этому времени уже шла разработка официальной государственной символики не только для РФ, но и для различных министерств и ведомств. Поэтому на этом знаке мы видим типичное для всех знаков спецподразделений изображение кулака, сжимающего стилизованный автомат Калашникова, поверх которого помещен двуглавый орел (без короны). На груди у орла щиток, в центре которого помещена аббревиатура «СН» (специальное

Рис. 4

Рис. 4а

Рис. 5

назначение). Кроме того, вся композиция помещена на венок из стилизованных лавровых листьев. Все изображения на знаке выполнены пленкой ПВХ желтого цвета (кроме кулака – он раскрашен краской белого цвета), внутренняя часть щита – аппликация из хлопчатобумажной ткани крапового цвета (рис. 4а). Всего было изготовлено семь комплектов знаков, но шесть основных знаков без аппликации крапового цвета и лишь один с аппликацией.

В 1997 г. художник Е.В. Ткаченко (ТОО «Лентрейд») несколько видоизменила нарукавный знак для спецназа внутренних войск МВД России, заменив щиток с аббревиатурой «СН» на груди орла красным, треугольным, вытянутым книзу щитом со штоком, восходящим к короне; в поле щита – всадник, поражающий копьем дракона. Кроме того, изображение орла было увенчано двумя малыми коронами и – над ними – одной большой, соединенными лентами. Но этот вариант нарукавного знака так и остался на бумаге (рис. 5).

В 1999 г. для 6-го ОСН «Витязь» был разработан еще один вариант знака (рис. 6). Этот знак уже имел форму варяжского щита, изготовлялся из ткани черного цвета, все изображения вышивались цветным шелком, сюжет знака был более

Рис. 6

сложным, по сравнению с предыдущими знаками, однако основная композиция – изображение кулака, сжимающего автомат Калашникова (АК-74 С), осталась прежней.

Говоря о нарукавных знаках для спецподразделений внутренних войск, надо отметить, что каждое подразделение изготавливало свои нарукавные знаки. Это подразделение специального назначения (ПСН) «Аллигатор», 22-й бригады оперативного назначения⁴, группа специального назначения (ГСН) «Мангуст»⁵, ПСН «Медведь» 5-го полка оперативного назначения⁶, ГСН «Лев» 46-го полка оперативного назначения⁷, ГСН «Скорпион»⁸ и ГСН «Тайфун» 47-го полка оперативного назначения⁹, 15 ОСН «Скиф»¹⁰, Военная комендатура г. Грозного¹¹, ГСН «Росомаха»¹² и др. Надо отметить, что все эти нарукавные знаки не были регламентированы никакими нормативными актами.

Помимо силовых структур, стилизованное изображение автомата Калашникова стало использоваться в нарукавных знаках в ВС России. Так, на нарукавном знаке «505 отдельный учебный мотострелковый батальон» (рис. 7) помимо эмблемы Вооруженных сил РФ и развевающегося трехцветного флага помещено перекрещенное изображение автоматов Калашникова (АК-74С). Сам знак выполнен в виде круга из красного дублированного сукна диаметром 9,0 см, покрытие – пластизол.

На нарукавном знаке «Россия. Мотострелковые войска» (рис. 8) также помещено стилизованное изображение автоматов Калашникова, наложенное на венок зеленого цвета. Знак, как и положено

Рис. 7

Рис. 8

для нарукавных знаков ВС РФ, выполнен в виде круга из черного дублированного сукна диаметром 8,3 см, покрытие – пласти- золь. Часто встречаются подоб- ного рода нарукавные знаки, вы- шитые цветным шелком.

Практически все нарукавные знаки МО РФ (указанные в ста- тье) не проходили соответствующей геральдической экспертизы.

Использовалось изображение автомата Калашникова и для Фе- деральной пограничной службы. Так, на нарукавном знаке Алакур- ттинского пограничного отряда

Арктического регионального управления¹³ (рис. 9), на фоне погра- ничной символики помещено переkreшенное изображение авто- матов Калашникова.

Изображение автомата Калашникова пришло и в символику зарубежных стран. Так например, в период подъема национально- освободительного движения в африканских странах, после дли- тельной и упорной борьбы 25 июня 1975 г. была провозглашена Народная Республика Мозамбик. Одной из составных частей гер- ба и флага республики стало изоб- ражение автомата Калашникова

Рис. 10

Рис. 9

и флага республики стало изоб- ражение автомата Калашникова (рис. 10)¹⁴.

Изображение автомата Ка- лашникова используется в нару- кавных знаках современных мо- тострелковых частей воору- женных сил Туркменской респу- блики. Этот нарукавный знак «TÜRKMENISTAN/ MOTO- ATYJYLYK/ GOŞUNLARY» представлен на рис. 11.

Кроме того, изображение автомата Калашникова встре- чается в нарукавных знаках

Рис. 11

Рис. 12

Республики Беларусь (рис. 12). Нарукавный знак для личного состава 339 мотострелкового гвардейского Белостокского полка, расквартированного на территории Белоруссии, был изготовлен в середине 1990-х гг. Знак можно использовать как «справочник» по изучению наградной системы Советского Союза: кроме изображения АК-47, здесь ордена Красного Знамени, Кутузова, Суворова и Александра Невского и большое количество гвардейских лент.

Рис. 13

На нарукавных знаках Войска Польского имеются стилизованные изображения автомата Калашникова. Так, на нарукавном знаке бригады территориальной обороны г. Катовице (KATOWICE) Войска Польского (1986 г.)¹⁵ имеется стилизованное изображение двух автоматов (рис. 13).

Таким образом, можно говорить о том, что начиная с последней четверти XX столетия изображение автомата Калашникова

стало новым геральдическим символом не только в России, но и в зарубежных странах.

¹ Наставление по стрелковому делу. 7,62-мм автомат Калашникова (АК). М.: Военное издательство Военного Министерства СССР, 1951. 136 с.

² Нашивки силовых структур России. Серия «Шеврон». Вып. № 4. М., «Сержант», 1999. С. 36.

³ Приказ МВД РФ № 155 от 12 мая 1994 г.

⁴ Нашивки силовых структур России. Серия «Шеврон». Вып. № 4. С. 38.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Советская военная энциклопедия. В 8 т. / А.А. Гречко [и др.]. Т. 5. М.: Воениздат, 1978. С. 357.

¹⁵ ВИМАИВиВС, 2-й исторический фонд, инв. № 12/9550.

Н.В. Ласкова (Ростов-на-Дону)

**АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ВОЕННЫЕ
ДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ
И КРАХ ШОТЛАНДСКОЙ КОЛОНИИ
РОЗМАРИН (1628–1629)**

В XVII СТОЛЕТИИ внешняя политика многих европейских стран была тесно связана с их колониальными предприятиями. Особое место в истории колониальных войн раннего Нового времени занимает англо-французское соперничество в Северной Америке. Начало этому «кровопролитному 150-летнему конфликту»¹ положили состоявшиеся весной и осенью 1613 г. рейды английского капитана Сэмюэла Арголла против французских поселений в Акадии² (так французы называли территории полуострова Новая Шотландия, современной канадской провинции Нью-Брансуик и ряд близлежащих островов в Атлантическом океане). В дальнейшем, начиная с 20-х гг. XVII в. и вплоть до Парижского мира 1763 г., в результате которого Канада окончательно перешла под власть Великобритании, британцы и французы неоднократно становились участниками вооруженных столкновений в своей борьбе за господство в Северной Америке.

Примечательно, что в начальный период этого длительного соперничества наряду с уроженцами Англии активную роль в нем играли шотландцы, вставшие с 1621 г. на путь создания своей колониальной империи. В историографии же их нередко отождествляют с англичанами, не разделяя шотландские и английские колониальные поселения. Между тем на рубеже 20-х – 30-х гг. XVII в., то есть в начальный период столкновения колониальных интересов Британии и Франции, ареной вооруженной борьбы в Америке оказались земли и прибрежные воды Новой Шотландии. В сентябре

1621 г. король Англии и Шотландии Джеймс I Стюарт утвердил создание шотландской колонии Nova Scotia на территории, включавшей область французской Акадии³. И с этого времени для британцев вместо «бывшей» французской Акадии существовала только Новая Шотландия. И в освещении событий так называемого «англо-французского» колониального соперничества в отмеченный период необходимо также иметь в виду победы и поражения шотландских колонистов.

Пока еще слабоизученная кратковременная история существования и падения шотландской колонии на территории острова Кейп-Бретон (сейчас является частью так называемых Приморских провинций Канады) в 1629 г. свидетельствует о том, что шотландские подданные занявшего в 1625 г. английский трон Чарльза I Стюарта играли заметную роль в отстаивании колониальных интересов британской короны в Северной Америке. Более того, изначальный замысел создания этого шотландского поселения предполагал не столько извлечение коммерческой выгоды, сколько создание форпоста для обеспечения дополнительной защиты британского господства в стратегически и экономически важном прибрежном регионе – в направлении от Ньюфаундленда к недавно основанной Новой Англии. При этом возникновение летом 1629 г. шотландского форта на острове Кейп-Бретон, вызвавшее вооруженное столкновение с французской стороной и последующее разбирательство уже на дипломатическом уровне, было прямым следствием военного конфликта, зародившегося в Европе в 1627 г.

Часто англо-французскую войну 1627–1629 гг. называют «гугенотской», поскольку центральным ее событием стала осада цитадели французских протестантов – крепости Ля-Рошель. Однако именно с этой военной кампанией связано начало вооруженной борьбы между британцами и французами за господство на североамериканском континенте. Начавшаяся в Европе «религиозная» война продолжилась как «колониальная» в Америке. И даже подписание англо-французского мирного договора в Сузе в апреле 1629 г. не прекратило разгоревшееся за океаном противостояние, в котором чаще всего проигравшей стороной оказывались французы. Исключением стал захват и уничтожение шотландского форта Розмарин французской экспедицией во главе с капитаном Шарлем Даниэлем.

Развертывание англо-французского военного конфликта сопровождалось двумя важными для колониальной политики обоих государств событиями.

В апреле 1627 г. во Франции по инициативе «великого магистра и суперинтенданта навигации и торговли Франции» кардинала Ришелье для отстаивания французских интересов в Америке была сформирована «Компания 100 участников». Эта организация с капиталом в 300 тыс. ливров получила монопольные права на торговлю и политический контроль в североамериканских владениях Франции. При этом компаньонам вменялось в обязанность в течение 15 лет переселить туда не менее 4 тыс. колонистов⁴. Несмотря на начавшуюся войну с Англией, «Компания 100 участников» активно готовила к отправке флотилию, которой надлежало доставить провиант и дополнительное вооружение для укрепления самого крупного французского форпоста в Америке – Квебека.

В Англии в том же 1627 г. была сформирована «Лондонская компания торговцев», рассматривавшая канадскую территорию в заливе Св. Лаврентия как область своей коммерческой деятельности. Влиятельными членами этой компании стали представители семейства Кёрков – Джарвис Кёрк и пять его сыновей. Сам Джарвис был протестантом и происходил из старинного английского рода в графстве Дербишир. Переселившись во французский Дьепп, он женился на француженке-протестантке, и на их сыновей с детства влияла жизненная среда этого портового города. Братья Кёрки стали профессиональными моряками. Глава семьи Джарвис Кёрк хорошо разбирался в колониальной торговле и активно продавал пушнину на европейских рынках⁵. В 1627 г. старший из братьев Дэвид Кёрк побывал в Канаде⁶ и имел возможность убедиться, что об устойчивости и надежности позиций французских поселенцев, обосновавшихся в долине реки Св. Лаврентия, говорить не приходится. Кроме того, деятельность новой «Компании 100 участников», оттеснившей от прибыльной меховой торговли многих предпринимателей из Руана и Дьеппа, вызывала недовольство последних. В условиях начавшейся войны с Англией Кёрки усмотрели возможность изгнания французов из Канады. Уверенности в достижении этой цели придавало то обстоятельство, что нуждавшийся в дополнительной военно-морской силе британский король Чарльз I с самого начала войны раздавал своим подданным каперские свидетельства (letters of marque), позволяющие им на

«законных» основаниях уничтожать французские корабли где бы то ни было. В итоге Кёрки, войдя в состав «Лондонской компании» и заручившись подписанными Чарльзом I Стюартом каперскими свидетельствами, санкционировавшими захват французских судов и уничтожение французских поселений в Новой Шотландии и Канаде, в марте 1628 г. на трех кораблях отправились к заливу Св. Лаврентия⁷. Возглавлял эту экспедицию, состоявшую из 200 человек, Дэвид Кёрк, который следовал на самом большом корабле «Абигаль» водоизмещением 300 т. Его братья – Луис и Томас⁸ – были капитанами на «Элизабет» и «Милосердии»⁹. В Англии уже было известно о том, что «Компания 100 участников» снарядила корабли для отправки провизии, вооружения и строительного материала в Квебек. Уничтожение этой флотилии было первоочередной задачей Кёрков.

Благополучно прибыв к Ньюфаундленду в начале июля, англичане проследовали к устью реки Св. Лаврентия. В ожидании флотилии, отправленной «Компанией 100 участников», они осуществили захват нескольких небольших французских рыболовецких и китобойных судов, а также корабля, следовавшего в Квебек с грузом для миссионеров-иезуитов. Разрушив до основания поселение и животноводческое хозяйство на мысе Турмант, Кёрки нанесли французским колонистам невосполнимый тяжелый урон. Квебек продолжал зависеть от поставок продовольствия из метрополии, и в качестве дополнительной поддержки колонистов наместник Новой Франции и губернатор Квебека Сэмюэл Шамплен основал на Турманте своего рода животноводческий центр, развитие которого контролировал лично¹⁰. 9 июля от сумевшего чудом спастись главы поселения, господина Фошера, Шамплен узнал о том, что его «экономическая фактория» уничтожена прибывшими в залив Св. Лаврентия англичанами и что корабли Кёрков стоят на якоре в теперь уже бывшей французской бухте в Тадоуссаке¹¹. Вскоре глава Квебека получил официальное письменное предложение Д. Кёрка сдать крепость. В послании, подписанном 8 июля 1628 г. и доставленном прибывшими на небольшой шлюпке французами из числа взятых в плен, Кёрк доводил до сведения Шамплена, что официально уполномочен королем Великобритании «овладеть территорией Канады и Акадии». При этом, перечисляя уже захваченные на побережье французские поселения и корабли, он явно блефовал, указывая на то, что в его распоряжении имеются целых

восемнадцать кораблей. Предлагая решить вопрос без кровопролития, командир английской эскадры подчеркивал, что «намерен остаться в заливе Св. Лаврентия до конца сезона, чтобы ни один корабль с провиантом не смог достигнуть Квебека»¹². Шамплен отказался сдать форт, жители которого теперь ожидали нападения со дня на день. Однако через 9 дней после получения предложения о капитуляции в Квебек добрался курьер Тьерри Дездемес, который сообщил Шамплёну о прибытии французской флотилии с колонистами и провиантом к полуострову Гаспе, а также о намерении французского адмирала сразиться с англичанами. Одновременно молодой человек рассказал, что пробираясь к Квебеку, он сам слышал звуки канонады, и скорее всего бой уже идет¹³.

Французская экспедиция, снаряженная «Компанией 100 участников», состояла из четырех конвойных и более десятка рыболовецких судов. К ним также присоединился корабль, зафрахтованный иезуитом Филибертом Нойротом¹⁴. Загруженная провиантом, домашними животными, строительным материалом, а также семьями колонистов, флотилия вышла из Дьеппа 28 апреля 1628 г. Руководство «Компании» не поскупилось, затратив на экипировку более 164 тыс. ливров и обеспечив каравану защиту в виде 150 артиллерийских орудий¹⁵. Возглавлял следовавшие в Новую Францию для оказания помощи Квебеку корабли один из акционеров – адмирал Клод Рокемон де Бризон. По прибытии в Большую Ньюфаундлендскую банку рыболовецкие суда остались у побережья Ньюфаундленда, а остальные направились к Квебеку. Однако остановившись у полуострова Гаспе, Рокемон узнал от индейцев, что в бухте Тадоуссак стоят на якоре вооруженные английские корабли. Поскольку палубы французских судов были максимально загружены провиантом и колонистами, а большая часть орудий находилась в трюмах и не была готова к бою, Рокемон всеми силами пытался избежать столкновения, считая своей основной задачей доставку груза в Квебек¹⁶.

В свою очередь Дэвид Кёрк, по-видимому, усомнившись в уязвимости Квебека, предпочел отложить атаку. Зная, что французская колония целиком зависит от поставок продовольствия и товаров из метрополии, он терпеливо ожидал прибытия флотилии из Франции, намереваясь не допустить корабли с провиантом и боеприпасами в форт и таким образом, взяв измором голодающих квебекцев, рано или поздно, вынудить их сдаться. Сражение,

о котором вел речь Тьерри Дездемес, действительно состоялось 18 июля и длилось более 10 часов. Французы и англичане осуществили 1200 пушечных залпов. В итоге Дэвид Кёрк взял корабль Рокемона на абордаж, и раненный в ногу адмирал признал поражение. Перед началом битвы корабль иезуита Филиберта Нойрота успел скрыться и направился обратно во Францию. Оставшиеся же галеоны после захвата флагманского корабля тоже сложили оружие¹⁷. У Ньюфаундленда добычей англичан стали также французские рыболовецкие суда. В Англию Кёрки возвращались с богатыми трофеями¹⁸ и пленными, в числе которых кроме Рокемона было немало влиятельных французов. Братьев встречали с почестями, достойными победителей. Известный лондонский автор Мартин Паркер сочинил в их честь балладу, которая звучала на улицах английской столицы¹⁹. Во Франции же с печалью и возмущением восприняли весть о разгроме флотилии Рокемона. Братья Кёрки были публично объявлены предателями и врагами Франции, а изображавшие их чучела сожжены на Гревской площади под ликование толпы парижан²⁰.

К весне 1629 г. повторилась ситуация годичной давности. В Англии готовилась к рейду в залив Св. Лаврентия теперь уже англо-шотландская экспедиция с целью уничтожения всех французских поселений и, в первую очередь, захвата Квебека, а также создания жизнеспособных шотландских поселений в Новой Шотландии. Финансировали экспедицию участники созданной зимой 1628–1629 гг. Англо-Шотландской компании, получившей монополию на ведение торговли и создание колоний в районе залива и реки Св. Лаврентия. Ее представители были уполномочены «захватывать французские и испанские корабли и разрушать все французские поселения в пределах указанной территории»²¹. В состав влиятельных членов данного объединения входили владелец Новой Шотландии сэр Уильям Александер, его старший сын Уильям и уже ставшие знаменитыми и порядком разбогатевшие члены «Лондонской компании торговцев» братья Кёрки. Таким образом, санкционировавший создание Англо-Шотландской компании Чарльз I Стюарт, с одной стороны, продемонстрировал лояльность в отношении всех своих поданных, объединив интересы представителей обоих королевств в сфере колониальной и коммерческой деятельности, с другой – учитывая столкновение этих интересов с претензиями французских предпринимателей, использовал возможность

распространить войну с Францией на Северную Америку. Такая политика позволила британскому монарху выступить и в качестве защитника интересов уже существовавших колоний. Война с Францией давала о себе знать поселенцам и рыбакам, страдавшим от бесчинств французских каперов в районе Большой Ньюфаундлендской банки. В августе 1628 г. глава ньюфаундлендской колонии Фэррилэнд лорд Балтимор сообщал герцогу Бэкингему об агрессивности французов и просил о помощи²². Весной 1629 г. к отплытию в Северную Америку готовились целых две небольшие флотилии. Первая, во главе с братьями Кёрками, должна была окончательно изгнать французов с территории Канады и захватить Квебек. Целью второй, возглавляемой шотландцем сэром Уильямом Александером-младшим, было создание как минимум двух шотландских поселений на территории Новой Шотландии (Акадии)²³.

Во Франции в начале весны 1629 г. тоже готовили эскадру для отправки в Америку. Оправившись от удара, «Компания 100 участников» снаряжала суда, которые должны были помочь Квебеку и изгнать англичан из зоны залива и реки Св. Лаврентия. Согласно распоряжению Ришелье шести военным кораблям надлежало сопровождать этот рейс²⁴.

Однако когда флотилия уже была готова выйти в море, произошло событие, с которым должны были считаться организаторы морских экспедиций в Новый Свет. 24 апреля Англия и Франция вышли из состояния войны, подписав мирный договор в Сузе²⁵.

Тем не менее, дальнейшее развитие событий показало, что и англичане и французы не только не отказались от своих намерений в отношении колониальных владений, но, по сути, игнорируя Сузский договор, продолжили англо-французскую войну в Америке.

Флотилия из шести каперских судов и трех пинасов, возглавляемая Дэвидом Кёрком и его братьями, прибыв к острову Гаспе в середине июня, захватывала французские рыболовецкие барки, и 21 июля вынудила к сдаче Квебек, голодающие жители которого так и не дождались помощи из Франции. Некоторым объяснением агрессии Кёрков может служить тот факт, что экспедиция вышла из английского порта Грейвзэнд 25 марта, то есть еще до заключения англо-французского перемирия. Однако, не исключено, что Кёрки вполне могли узнать об этом от рыбаков в заливе Св. Лаврентия, где в течение месяца занимались торговлей с индейцами, прежде чем взять Квебек²⁶.

Вторая британская флотилия, возглавляемая Уильямом Александером-младшим, отправилась в море с восточного побережья Кента в день Св. Троицы 24 мая 1629 г., зная о перемирии в Сузе²⁷. При этом на одном из кораблей следовал шотландец Джеймс Стюарт, четвертый лорд Охилтри²⁸, который был уполномочен создать и возглавить англо-шотландское поселение на острове Кейп-Бретон в Новой Шотландии. И если Уильям Александер и его люди, полностью сосредоточившиеся в августе 1629 г. на создании вблизи бывшего французского форпоста Порт Ройяля шотландского поселения Чарльзфорт²⁹, не вступали в столкновения с иностранцами, то этого нельзя сказать в отношении лорда Охилтри.

Высаженные У. Александером на Кейп-Бретоне в начале июля 60 колонистов, возглавляемых лордом Охилтри, возвели укрепленный форт Розмарин (Rosemarine)³⁰ вблизи места, где столетие спустя французы построят крепость Луисбург. К сожалению, не сохранилось свидетельств того, насколько успешной была хозяйственная деятельность этих переселенцев, однако можно с уверенностью утверждать, что характерной чертой нарождавшейся шотландской колонии была ее ярко выраженная военизированная направленность. В конкурентной борьбе за территории в Новом Свете о политических установках, действовавших в Европе, предпочитали забывать. Сразу же по прибытии к острову шотландцы захватили французское рыболовецкое судно с грузом трески и моллюсков, вооружение которого использовали для защиты собственного форта³¹. Считая остров законными владениями английской короны, в июле-августе Охилтри осуществлял регулярное патрулирование вод в окрестностях Кейп-Брейтона. При этом глава шотландской колонии демонстрировал иностранным шкиперам документ, предписывавший ведение торговли и рыбного промысла в этих местах только при условии выплаты ему 10 % налога. В противном случае, ссылаясь на имеющиеся у него полномочия, предоставленные британским монархом, лорд Охилтри конфисковывал улов, а иногда и весь корабль, ведущий «незаконный» промысел без лицензии, выданной правительством Чарльза I³².

Установленный шотландцем порядок был нарушен с появлением у берегов острова 28 августа одного из французских кораблей, снаряженных «Компанией 100 участников» для помощи Квебеку. Капитан судна Шарль Даниэль, узнав от индейцев и рыбаков о капитуляции главного французского форта, вынужден был признать,

что его намерениям предотвратить сдачу Квебека посредством оповещения Шамплена о заключении англо-французского мира, уже не суждено сбыться. В сложившейся ситуации информация французских рыбаков о нахождении поблизости шотландского поселения и, особенно, их жалобы на действия Охилтри побудили Даниэля «остановить узурпатора» и пресечь «вымогательство в отношении подданных французского короля»³³. Новой целью капитана стал Розмарин. Вернувшись во Францию, в декабре 1629 г. Даниэль составил подробное описание стремительной атаки шотландского форта и обстоятельств ареста лорда Охилтри. Не ограничившись разрушением поселения, командир французов заставил пленных британцев, используя их же строительный материал, строить новый французский форт Св. Анны в расположенной неподалеку одноименной бухте. Оставив там гарнизон из 40 человек с боеприпасами и снаряжением, 5 ноября Даниэль отбыл на родину, «захватив с собой пленных мужчин, женщин и детей». Большую часть британцев французы высадили близ английского порта Фэлмот, но лорда Охилтри и еще 17 человек увезли для разбирательства дела во Францию³⁴.

Свою версию случившегося изложил и Джеймс Стюарт, четвертый лорд Охилтри. Выступая перед Судом Адмиралтейства Дьешпа, а также в своих жалобах и прошениях, обращенных к британскому монарху, шотландец называл действия Шарля Даниэля не иначе, как «варварски и вероломным захватом»³⁵. Он неоднократно подчеркивал, что французы, зная о заключении англо-французского мира, вели себя как враги в отношении подданных британского короля. Охилтри утверждал, что 10 сентября капитан Даниэль в сопровождении шестидесяти человек и нескольких туземцев, прибыв к острову на шести шлюпах, первым делом захватил две небольшие лодки с рыбаками, которые ловили рыбу для колонистов Розмарина. Несчастных оставили на безлюдном острове без пищи, воды и крова. Затем французы двинулись к форту и вели себя столь «дерзко», что поселенцы приняли их за местных враждебно настроенных дикарей. Когда ситуация прояснилась и обе стороны признали, что им известно об уже установленном мире между Францией и Англией, незваные гости заявили, что «пришли с миром, как друзья», услышав в ответ «добро пожаловать в форт». С горечью и возмущением Охилтри сообщал, что после такого дружелюбного приглашения французы «вероломно напали на

нас, разоружили и изгнали людей из форта, оставив стариков, детей и женщин без крова, пищи и одежды на холодном ветру...» Шотландец рассказывал, что при возведении французского форта Св. Анны с пленными британцами обращались как с рабами и «после двух месяцев издевательств людей погрузили на французский корабль, где пятьдесят человек заперли в небольшом холодном трюме... Находясь в тесном и грязном помещении, они голодали. У кормящих женщин пропало молоко, многие, не пережив этого ужаса, умерли, и были выброшены в море». Итогом такого свидетельства стало требование Охилтри компенсировать ему ущерб, нанесенный действиями капитана Шарля Даниэля, суммой в 20 000 ф. ст.

Британские дипломаты приложили немало усилий для освобождения и возвращения на родину Джеймса Стюарта, четвертого лорда Охилтри. Судя по перенесенным пленными лишениям и действительно жестоким действиям в отношении шотландца и его людей, французская сторона рассматривала Охилтри скорее как пирата, нежели военнопленного. Во Франции действия капитана Даниэля воспринимались как определенная компенсация за захват англичанами Квебека. Сам же Шарль Даниэль объяснял свои поступки тем, что «был уполномочен кардиналом вернуть Франции все колонии, располагавшиеся между 40° и 60° с.ш.»³⁶ В итоге все материальные претензии, выдвинутые Охилтри, остались без ответа.

Благодаря опубликованному в 1630 г. в Руане отчету капитана Даниэля и сохранившимся в государственном архиве Великобритании петициям лорда Охилтри и сопровождавшего его капитана Констанса Феррара³⁷, у современного исследователя есть редкая возможность сравнить, насколько по-разному оценивали одни и те же события представители французской и британской сторон. У каждого была своя правда. И все же, при сопоставлении информации об обстоятельствах захвата шотландского форта, можно заключить, что у лорда Охилтри было достаточно оснований жаловаться на действия французских офицеров. По сути, принятые с миром в недавно возведенном, а потому вряд ли представлявшем собой серьезную преграду форте, 60 вооруженных людей изначально знали, что большая часть их соперников – это гражданские лица. Так что не представляется возможным согласиться с американским историком Фрэнсисом Паркманом, оценившим деяния Шарля Даниэля как «выдающийся подвиг»³⁸.

Что касается Джеймса Стюарта, четвертого лорда Охилтри, то история его недолгой, но насыщенной бурными событиями колонизаторской деятельности пока еще недостаточно отражена даже в зарубежных исторических исследованиях. Между тем события, связанные с пребыванием этого шотландского лорда в Новой Шотландии и его изгнанием оттуда, могут служить ярким примером того, как признаваемые в Европе условия мирного договора совершенно игнорировались представителями разных наций, когда их колониальные интересы сталкивались за океаном.

¹ Thornton J. Ancient Pemaquid: an historical review // Collection of the Main Historical Society. Vol. 5. Portland, 1857. P. 179.

² Ласкова Н.В. Англо-французский вооруженный конфликт в Акадии (1613 г.) в истории возникновения Новой Шотландии // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Вторая международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 г. Ч. I. СПб., ВИМАИВиВС, 2011. С. 517–527.

³ Carta Domini Willelmi Alexandri equities Domini et Baroniae Novae Scotiae in America. 10 Septembris 1621 // Royal letters, charters, and tracts, relating to the colonization of New Scotland, and the institution of the order of knight baronets of Nova Scotia. 1621–1638 / Ed. by D. Laing. Edinburgh, 1867.

⁴ Fiske J. New France and New England. Boston and N.Y., 1904. P. 83; Раерсон С.Б. Основание Канады. Канада с древнейших времен до 1815 года. Пер. с англ. А.И. Кононцева. М., 1963. С. 59.

⁵ Kirke H. The First English conquest of Canada. London, 1908. P. 33–36; Insh G. Scottish colonial schemes, 1620–1686. Glasgow, 1922. P. 74–75; Boshier J. French Ports and North America before 1627: the view from La Rochelle // URL: <http://www.pdfio.com/k-393343.html> (дата обр. 12.01.2012).

⁶ Calendar of State Papers. Colonial series. America and West Indies 1574–1660. Ed. by W.N. Sainsbury. London, 1860. P. 106.

⁷ Moir J. Kirke // Dictionary of Canadian Biography (DCB) Ed. by G.W. Brown, F.G. Halpenny, D.M. Hayne Vol. I: 1000 to 1700. Repr. with corr. Toronto, 1979. P. 405.

⁸ В фундаментальном исследовании Ю. Г. Акимова «От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в 1613–1713 гг.» СПб., 2005, братья Дэвида Кёрка ошибочно названы его «дядьями». См. с. 135.

⁹ Biggar H., Wrong G. The early trading companies of New France. A contribution to the history of commerce and discovery in North America. Toronto, 1901. P. 139.

¹⁰ Dionne N. The Makers of Canada. Champlain. Toronto, 1909. P. 172.

¹¹ Slafter E. Vouages of Samuel de Champlain. Vol. I. Boston, 1880. P. 163.

¹² The works of Samuel de Champlain in six volumes. Ed. by H.P. Biggar. Vol. V. Toronto, 1933. P. 279–282.

¹³ Slafter E. Op. cit. P. 166.

¹⁴ Встречается разная информация о численном составе экспедиции – от 4 до 22 кораблей. – См. Акимов Ю.Г. От межколонизальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в 1613–1713 гг. СПб., 2005. С. 134; Moir J. Kirke. Op. cit. P. 405; Were the Kirke brother heroes, or pirates, or both? // Quebec Heritage News. September 2004 Vol. 2, № 12. P. 16; Biggar H., Wrong G. Op. cit. P. 137–138; Kirke H. Op. cit. P. 71.

По-видимому, авторы, указывающие на наличие 4 кораблей, сообщают только о конвойных судах, упуская из виду остальные практиковавшие рыбный промысел у берегов Ньюфаундленда барки, которые, как отмечал канадский исследователь Генри Биггар, «воспользовались случаем проследовать к месту назначения под прикрытием французских пушек». – См.: Biggar H., Wrong G. Op. cit. P. 138.

¹⁵ Dionne N. Op. cit. P. 172; Kirke H. Op. cit. P. 71.

¹⁶ Kirke H. Op. cit. P. 76.

¹⁷ Trudel M. Roquemont de Brison, Claude //DCB. P. 579; Dionne N. Op. cit. P. 173.

¹⁸ Трофеи Дэвида Кёрка составили 138 пушек и от 14 до 22 (по разным подсчетам) французских кораблей. – См.: Biggar H., Wrong G. Op. cit. P. 141; Slafter E. Op. cit. P.165; Kirke H. Op. cit. P. 77–78; Rogers Ch. Memorials of the Earl of Stirling and of the house of Alexander. Vol. I. Edinburgh, 1877. P. 101.

¹⁹ В Канадской национальной библиотеке хранится единственная копия баллады «Englands Honour Revived by the valiant exploiters of Captain Kirke, and his adherents, who with three Ships, vis. the Abigale Admirall, the Charitie vice Admirall, and the Elizabeth the reare Admirall: did many admirable exploiters...» [London]: Printed for M. Trundle, Widdow, n.d. [ca. October 1628.] // URL: http://www.geocities.com/weallcamefromsomewhere/david_kirke.html (дата обр. 15.01.2012).

²⁰ Kirke H. Op. cit. P. 79; Moir J. Kirke. Op. cit. P. 405; Were the Kirke brother... P. 16.

²¹ Calendar of State Papers... P. 96. № 2; Royal letters, charters, and tracts... P. 47; Insh G. Op. cit. P. 77–78.

²² Cell G. Newfoundland Discovered: English Attempts At Colonisation, 1610–1630. London, 1982. P. 279.

²³ Biggar H., Wrong G. Op. cit. P. 143.

²⁴ Calendar of State Papers... P. 96. № 3; Акимов Ю.Г. Указ. соч. С. 137.

²⁵ Treaty between Great Britain and France signed at Susa and London, April 14/24 1629 // European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies to 1648. Ed. by Frances Gardiner Davenport The lawbook Exchanhe, New Jersey, 2004. P. 300–304.

²⁶ Kingsford W. The History of Canada. Vol. 1. Toronto, 1887. P. 95; The works of Samuel de Champlain in six volumes. Ed. by H.P. Biggar. Vol. VI. Toronto, 1936. P. 66; Акимов Ю.Г. Указ. соч. С. 135.

²⁷ A Relation of the Vouage and plantation of the Scotts Colony in New Scotland under the conduct of Sir William Alexander Yonger 1629 // Griffiths N., Reid J. New Evidence on New Scotland, 1629 // The William and Mary Quarterly. 3rd Ser., Vol. 49, № 3. P. 500.

²⁸ Ю.Г. Акимов – автор, пожалуй, единственного в отечественной историографии исследования, упоминающего об экспедиции Александра, явно ошибается, называя Джеймса Стюарта пятым лордом и включая его в состав экспедиции Кёрков. – См.: Акимов Ю.Г. Указ. соч. С. 135. См. Fergusson C. Stewart James of Killeith, fourth Lord Ochiltree // DCB. P. 613–614; Insh G. Op. cit. P. 105.

²⁹ Griffiths N., Reid J. *Op. cit.* P. 493, 496, 505; Reid J., Baker E. *Essays on Northeastern North America, Seventeenth and Eighteenth Centuries.* Toronto, 2008. P. 29.

³⁰ Встречаются разные варианты наименования форта – Rosemar, Розмер. – См.: Fergusson C. *Op. cit.* P. 613; Nicholls A. «The purpos is honorabill, and may conduce to the good of our service»: Lord Ochiltree and the Cape Breton Colony, 1629–1631 // *Acadiensis*, XXXIV, 2 (Spring 2005). P. 116; Акимов Ю.Г. Указ. соч. С. 136. В данной статье используется название, упоминаемое в документальном свидетельстве участника событий – A Relation of the Vouage... P. 502.

³¹ Narrative of the voyage made by Captain Daniel of Dieppe to New France in the present year, 1629 // *The works of Samuel de Champlain in six volumes.* Ed. by H.P. Biggar. Vol. VI. Toronto: The Champlain Society, 1936. P. 156–157.

³² *Ibid.* P. 157; Nicholls A. *Op. cit.* P. 119.

³³ Narrative of the voyage made by Captain Daniel of Dieppe... P. 157.

³⁴ *Ibid.* P. 158–161.

³⁵ The Barbarous and peraidious carriage off the Frenche towards the Lord Wchiltrie in the Ile off Cap Britanie proved in the Court off Admiralty off Deepe // Brown R. *A History of the Island of cape Breton with some account of the discovery and settlement of Canada, Nova Scotia, and Newfoundland.* London, 1869. P. 78–82; memorial of Lord Ochiltre to the King // *Calendar of State Papers...* P. 105. № 46.

³⁶ Insh G. *Op. cit.* P. 110; *Calendar of State Papers...* P. 105.

³⁷ См. репринт. изд. *Voyage a la Nouvelle France du Capitane Charles Daniel de Dieppe, 1629: Precede d'une introduction et suivi d'appendices et de notes.* Rouen, 1831; *Calendar of State Papers...* P. 104–105. № 41, 46.

³⁸ Parkman F. *Pioneers of France in the New World.* Boston, 1895. P. 443.

С.С. Лебедева (Санкт-Петербург)

ГЕРОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА НА ВОЕННОМ И СОЦИАЛЬНОМ ПОПРИЩЕ

ГЕРОЙ войны 1812 г. Максим Константинович Крыжановский родился на Украине в Полтавской губернии в 1777 г. в семье, относящейся к древнему русскому дворянству.

Род Крыжановских вел свое происхождение из города Овруча на Украине. Представители этого рода избежали отступничества в период наступления католицизма, как и многие их земляки, остались в православной вере, в то время как некоторые богатые и знатные фамилии поддались искушению латинской пропаганды и приняли католицизм. В описи Овручского замка на 1545 г., в соответствии с результатами комиссии, которая была «наряжена» Сигизмундом Августом для проверки состояния всех «украинских земель», было указано: «Вощичьщину держать землянка тамошняя именем Крыжановская на дети свои» (1). После утверждения Люблинской унии (1596) число приверженцев православия в юго-западной России уменьшилось. И хотя воцарившийся на престоле Ян Казимир в 1649 г. дал присягу не предоставлять ни одного места в сенате, ни одной должности не католикам, а последующие короли запрещали прикладывать государственную печать к актам, принадлежащим лицам не католического вероисповедания, многие из православных родов не отступили от своей веры. В Юго-Западном крае была упразднена православная иерархия и почти на восемьдесят лет общество лишилось деятельности православных епископов (1).

Под таким гнетом католицизма для сохранения своей идентичности, крепости православной веры и твердости духа нужно было обладать исключительной волей. В трактате, заключенном между

Россией и Польшей в 1776 г., было установлено, что шляхетские православные роды должны пользоваться такими же правами, как и роды католические. После смерти Екатерины II и до занятия престола Императором Николаем I проблема поддержки православных родов на юго-западе Украины носила формальный характер и не облегчала организацию жизни православного населения и ее иерархов.

Несмотря на все сложности, древнее русское дворянство, приверженное православию в течение многих веков, несло в себе коренные черты православного происхождения, хранило обряды и бытовые особенности организации жизни семьи. Для православных дворян Овруча, которые принадлежали к древним дворянским родам южной России, было характерно поддерживать православное звание, особенно благодаря помощи Киево-Печерской лавры, которая покровительствовала овручским дворянам и способствовала сохранению православия в сложных исторических условиях Правобережной Украины. Неудивительно, что овручские дворяне стремились обучаться в Киевской академии, а затем и преподавать в ней. Род овручских Крыжановских был тесно связан с Киевской духовной академией, ее культурой и традициями.

Отец Максима Константиновича – Константин Крыжановский, как и некоторые его родственники, был связан с Киевской духовной академией с детства, считался одним из ее лучших выпускников, а затем и профессоров. Сразу после окончания академии он был направлен в университеты Западной Европы. Содержание обучения в академии постоянно расширяло свои горизонты, вводились программы естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. К. Крыжановский, младший товарищ Симона Тодорского, «подобно ему совершивший учебное путешествие за границей», «говорил на французском языке, как на своем отечественном, и аудитория его была всегда полна молодых людей, видевших в изучении этого предмета существенную пользу» (2). В воспоминаниях современников отмечалось, что молодой профессор, европейски образованный, пользовался большим авторитетом среди воспитанников Академии, которые проявляли особое внимание к французскому языку и особое усердие при овладении им. Знание французского языка открывало перед будущими выпускниками большие возможности. В эти же годы К. Крыжановский преподавал немецкий и древнееврейский языки.

Во второй половине XVIII в. Константин Крыжановский считается ярким писателем, переводчиком и толкователем духовных текстов, что отмечается в справочном словаре о русских писателях XVIII в. гр. Геннади (3).

Несмотря на весьма ограниченные материальные средства, Крыжановский имел богатую библиотеку. Когда в академии в 1770 г. случился пожар и сгорела значительная часть фонда библиотеки, он пополнился сотней книг из библиотеки Крыжановского.

В атмосфере тяги к знаниям, науке, духовной практике воспитывался в своей семье Максим Константинович.

Дворянский статус Крыжановского был подтвержден Павлом I в январе 1801 г., когда православные дворяне, жившие на территории Правобережной Украины, были внесены в общий гербовник Всероссийской империи за заслуги в области культуры, образования, военные достижения (4).

К. Крыжановский, в связи с указанием Екатерины II укреплять государственную и военную службу молодыми людьми из образованных дворянских семей, посылает своего 16-летнего сына Максима на военную службу. Его первые шаги связаны с морскими батальонами, и уже в 1797 г. он становится подпоручиком, а поручиком в 1800 г. (5) За период службы во флоте он участвовал в одиннадцати шестимесячных кампаниях на кораблях «Двенадцать апостолов» и «Европа» у великобританских и голландских берегов. Как отмечается в статье газеты «Северная пчела» за 1839 г., он легко переносил все трудности и опасности морского плавания, посвящая свободное время наукам и изучению английского языка, часто заменяя переводчика (6). Когда из морских батальонов были сформированы морские полки, он служил сначала во втором, а затем в первом полку. Некоторое время был адъютантом, затем произведен в майоры, был командиром батальона Императорской милиции в 1807 г. За отличное выполнение служебных обязанностей был произведен в подполковники в 1808 г. и в полковники в 1809 г.

Сложные условия жизни, необходимость постоянно отстаивать свои православные идеалы и принципы, чувство ответственности и долга перед родиной и близкими сформировали целеустремленный, требовательный к себе характер, жажду неутомимой деятельности, постоянное совершенствование личности в каждодневных трудах.

Под руководством Цесаревича Константина Павловича им был создан гвардейский экипаж, за доведение которого до отличного устройства по фронтовой части Максим Константинович был награжден орденом св. Владимира 4 ст. В том же году Крыжановский успешно образовал строевую часть в 1 учебном экипаже, а затем в ноябре 1811 г. переформировал свой батальон в трехбатальонный полк, названный лейб-гвардии Финляндским (7).

Совместная работа с Цесаревичем, который особенно любил заниматься Финляндской гвардией, как своим созданием, сделала его известным Государю, что имело большое влияние на дальнейшую его службу.

В начале 1812 г. гвардия получила задание идти в поход, 2 марта полк направился в Вильну, где была главная квартира Государя Императора. С открытием военных действий полк участвовал в отступательном движении Первой западной армии к Дриссе, оттуда к Смоленску и потом к Бородину.

В день Бородинской битвы, 26 августа, Крыжановский получил приказание идти на левое крыло, к деревне Семеновской. Построив полк в колонны, Крыжановский перевел его за семеновский овраг и под градом ядер занял указанное место.

В это время французская гвардия атаковала полк. 2-й батальон, подпустив на близкое расстояние неприятеля, дал по нему залп; французские кирасиры смешались. Много французов из уцелевших от пуль было переколото штыками, а остальные взяты в плен и обезоруженные поставлены в середину каре. Вскоре были вызваны от Финляндского полка стрелки и почти до ночи перестреливались с французской цепью. Это было первое дело молодого полка.

Крыжановский получил орден св. Георгия 4 кл. и был контужен ядром в правое плечо. В сражении под Тарутиным, 6 октября, он с Финляндским полком находился в резерве, под Малоярославцем. 12 октября, вместе с другими войсками, полк стоял на новой Калужской дороге для поддержания сражавшихся в городе войск. Под руководством Крыжановского 30 октября разбили наголову тысячный отряд, отставший от главной французской армии.

В сражении при Красном, 5 ноября, Крыжановский стоял в авангарде колонны Торماسова. Здесь русские кирасиры атаковали французов, но неудачно. Тогда финляндцы с лейб-гвардейским Егерским полком ударили в штыки и опрокинули неприятеля к Доброму. В этот момент Финляндский полк ворвался в селение, захватив

350 пленных, 8 пушек, весь обоз маршала Даву и его маршальский жезл, ныне хранящийся в Санкт-Петербурге. Крыжановскому был пожалован орден св. Владимира 3 ст.

После разгрома французов под Красным Финляндский полк поступил в авангард генерала Ермолова и в скором времени занял Вильну. За 1812 год полку пожалованы, по ходатайству Кутузова, георгиевские знамена, с надписью «за отличие при сражении и изгнании неприятеля из пределов России», которые существовали в полку как памятник его подвигов, совершенных под командою Крыжановского.

В 1813 г., за люценское сражение, Крыжановский удостоен чина генерал-майора и прусского ордена «За заслуги». Затем он участвовал в сражениях под Бауценом, Дрезденом и Лейпцигом. В первый день лейпцигской битвы Государь Император, видя необходимость в удержании селений Ауэнгейма и Госсу, сам направил Финляндский полк в бой. Подойдя к Госсу, Крыжановский остановил полк и под пулями и картечью построил в три боевые колонны. Затем поставил второй батальон перед прудом селения, послал третий батальон в обход Госсы с одной стороны, а сам повел первый батальон в обход с другой. Вскоре командир 3-го батальона, полковник Жерве, первым перелез через ограду селения, солдаты бросились за ним. Со своей стороны туда же ринулся и Крыжановский. Свидетель этого подвига, Император Александр, поручил благодарить Крыжановского и его полк Цесаревичу Константину Павловичу, который сказал: «Славно, финляндцы! Государь вас видит и приказал благодарить».

Раненный на приступе тремя пулями в обе ноги, Крыжановский не оставлял поля битвы и не переставал распоряжаться, останавливая кровотечения перевязками. Вслед за тем он получил в грудь очень сильную контузию ядром, так что в продолжение нескольких минут опухоль груди и прилив крови затрудняли дыхание. Смерть была бы неизбежна, но новая пуля, пробившая насквозь правое плечо, спасла ему жизнь, потому что обильно струившаяся кровь облегчила дыхание. В совершенном изнеможении он был вынесен с поля битвы. По дороге его встретил Государь. Осведомившись о ранах, он спросил: «Каково идет дело?» Крыжановский, собравшись с силами, отвечал: «Мы очистили от неприятеля опасное дефиле и взяли штыками самые важные укрепленные места. Теперь остается немного, чтобы занять всю Госсу. Неприятель

был гораздо сильнее нас и сражался отчаянно, но совершенное поражение его, надеюсь, уже близко; в противном же, несчастном случае, смею уверить Ваше Величество, что ни одного офицера и одного солдата моего полка не увидите живого и здорового» (7). Тут же Государь пожаловал Крыжановскому аннинскую ленту, а Финляндскому полку – серебряные трубы. Этим окончилась боевая служба Максима Константиновича.

По возвращении из Парижа Император Александр пожаловал ему в 1816 г. аренду на 12 лет, а в следующем году назначил казначеем капитула Императорских орденов, с зачислением в лейб-гвардейский Финляндский полк.

22 августа 1826 г., в день коронавания Императора Николая Павловича, Крыжановский был произведен в генерал-лейтенанты, а при преобразовании в 1832 г. Военного министерства назначен членом генерал-аудиториата; 1 июля 1836 г. – директором Чесменской военной богадельни.

Сослуживцами и людьми, хорошо знавшими Максима Константиновича, всегда высоко оценивались его «точное исполнение обязанностей, истинное усердие, неутомимая деятельность и строгая справедливость». Заботы его о приведении «в совершенство Чесменской Военной Богадельни, о довольстве и спокойствии содержаемых в ней израненных, составляли одно из приятнейших его занятий, и потому более, что он успел довести заведение сие до того совершенства, которого требовало от него человеколюбивая воля Отца Государя» («Северная пчела»).

9 июля 1836 г. Крыжановский назначен членом комитета Военного министерства, учрежденного 18 августа 1814 г. В следующем году, 2 июня, состоялось назначение его комендантом Санкт-Петербургской крепости, а через пять дней членом Военного совета, с оставлением в двух предыдущих должностях, в которых он находился до самой смерти, последовавшей 6 мая 1839 г.

Современниками отмечается, что в домашней жизни он отличался приветливостью и особенной добротой характера и был любим всеми, кто знал его по службе и частным связям. М.К. Крыжановский был женат на Марии Алексеевне, урожденной Перовской, внучке К.А. Разумовского и сестре известного талантливого писателя Алексея Алексеевича Перовского, вошедшего в литературу под псевдонимом Антон Погорельский. В конце 20-х – начале 30-х гг. Мария Алексеевна неоднократно выезжает с мужем, страдавшим

от ран, для его лечения за границу, в чем ей материально помогают братья Алексей Алексеевич и Василий Алексеевич, оренбургский генерал-губернатор (8).

Мария Алексеевна занималась благотворительной деятельностью, за что ей в 1837 г. Императором был пожалован орден св. Екатерины (6).

Максим Константинович умер на 63 году от рождения, от нервной горячки, полученной им при первом переезде через Неву с донесением к Государю о вскрытии реки. Похоронен в ограде Петропавловского собора и положен в гроб в мундире, «крепко пришитом к нему, как он говорил, неприятельскими пулями и ядрами» сформированного им Финляндского полка.

Имел все российские ордена до св. Александра Невского с алмазными знаками включительно; медаль за 1812 г. и знак отличия беспорочной службы (7).

Портрет М.К. Крыжановского находится «в числе изображений героев Отечественной войны, собранных по воле заботящегося о славе их Государя и помещены в Военной Зале Зимнего Дворца».

-
1. Архив юго-западного края, издаваемый временной комиссией. Ч. IV. Акты о происхождении шляхетских родов в юго-западной России. Киев, 1867.
 2. Аскоченский В.И. Киев с его древнейшим училищем и Академией. Ч. II. Киев, 1856.
 3. Справочный словарь о русских писателях и ученых. Гр. Геннади. Берлин, 1880.
 4. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи, сост. гр. А. Бобринский. Ч. II. СПб., 1890. С. 595.
 5. Русский биографический словарь. Т. 9. СПб., 1990. С. 467.
 6. Северная пчела. 1839. № 186. С. 743–744.
 7. Затворницкий Н.М. Столетие Военного министерства. Память о членах Военного совета. Портреты и биографические очерки (1802–1902). СПб.: Типография его Императорского Величества, 1907. С. 171–174.
 8. РГИА. Ф. 1021. Оп. 2. Д. 43.

С.А. Литина (Ижевск)

ВОЙНА И ТЕХНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ИЖЕВСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В КОНЦЕ XIX – начале XX вв. войны являлись одним из факторов модернизации, так как они приводили не только к разрушающим последствиям, но и давали толчок созидующим процессам внутри конфликтующих государств. В период военных действий с увеличением государственного заказа на предметы вооружения, как правило, существующее производство значительно расширилось, усиливалась топливно-сырьевая база, внедрялись новые технологии.

Изучение истории военной промышленности России в годы Первой мировой войны имеет давнюю традицию. В 1920-е гг. появились работы Е.З. Барсукова, А.А. Маниковского, в которых была дана характеристика состояния военной промышленности накануне и в период Первой мировой войны и приведены основные сведения об изготовлении вооружения на российских заводах, о закупках его за рубежом и о снабжении им действующей армии ¹. Сведения, приведенные Маниковским, базируются на подлинных документах, поскольку он в мае 1915 – феврале 1917 гг. был начальником Главного артиллерийского управления (ГАУ), и, бесспорно, вызывают доверие. С некоторыми положениями его труда можно не соглашаться, но в целом это серьезное исследование.

Содержательным трудом о развитии военной промышленности в 1900–1917 гг. остаются «Очерки по истории военной промышленности» В.С. Михайлова, изданные в 1928 г. для служебного пользования. В «Очерках» сосредоточены богатые и систематические сведения. Долгое время книга Михайлова была практически недоступной, и только в 2007 г. «Очерки» были переизданы ².

Важное значение имеют работы Я.М. Букшпана и Г.И. Шигалина, которые дали относительно объективную характеристику постановки производства оружия³. Недостатком этих публикаций является то, что провал материально-технического снабжения армии авторы объясняли отдельными ошибками и промахами царского правительства, а не всей социально-политической структурой России того времени.

Огромное значение для изучения военных усилий России в годы Первой мировой войны имеет труд генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, написанный и опубликованный им в эмиграции в 1939 г., но ставший доступным российскому читателю только в XXI в. Автор приходит к выводу, что довоенных представлений о войне как общественном явлении недостаточно для успешного руководства обществом и армией⁴. Впервые Н.Н. Головин провел анализ социологических и социально-психологических причин проблем, с которыми пришлось столкнуться военной промышленности России в годы Первой мировой войны.

Характеристике военно-экономического потенциала России в период империализма посвящена работа Л.Г. Бескровного⁵.

Современное состояние литературы по истории военной промышленности определяется существованием многих значительных работ, в которых предмет освещен с разных сторон на основании серьезных архивных изысканий. Сохраняют свое значение исследование А.Л. Сидорова «Экономическое положение России в годы Первой мировой войны», ряд статей В.И. Бовыкина, И.Ф. Гиндина и др. На рубеже XX–XXI вв. появились новые диссертационные исследования, посвященные изучению отдельных предприятий военной промышленности России, военной промышленности отдельных регионов⁶.

Место военного производства в системе государственных органов России и роль, которую оно играло в экономической и политической жизни страны, отражены в сборнике документов «Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917)» под редакцией Р.Ш. Ганелина, выпущенном в 2004 г.⁷

Вопросы развития оружейного производства в Удмуртии, эволюция освоения и выпуска основных видов, образцов и типов вооружения и военной техники в XIX–XXI вв. рассматривались в монографии Н.А. Родионова⁸. Им было показано значение Ижевских оружейного и сталелитейного заводов как одного из крупных

промышленно-оружейных центров России, его место в поддержке и упрочении национальной безопасности.

Круг источников по истории Ижевского оружейного завода в годы Первой мировой войны достаточно широк. Выявленные документы отложились в архивных фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС), Государственном архиве Кировской области (ГАКО), Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР). Территориальная и ведомственная разбросанность обширных фондов источников и материалов по Ижевским оружейному и сталелитейному заводам затрудняет поиск информации о деятельности заводов, изменении структуры производства в условиях Первой мировой войны. В составе комплекса архивных источников можно выделить документы органов государственной власти, отразившие деятельность государственных структур по совершенствованию Ижевских заводов, фактическое состояние военного производства и его мобилизационную готовность, выпуск военной продукции, особенности и трудности работы заводов в годы Первой мировой войны.

Срочное увеличение выпуска оружия, боеприпасов и военного снаряжения для военной промышленности стало насущной необходимостью. Ижевский оружейный завод был единственным заводом в России, выпускавшим все три вида винтовки С.И. Мосина: пехотную, драгунскую и казачью. Руководство Ижевских заводов с самого начала войны принимало меры к увеличению выпуска винтовок для армии. Приобретенное перед войной оборудование и имеющиеся производственные площади уже не могли обеспечить требуемого армией количества винтовок, поэтому заводы срочно закупали станочное и силовое оборудование, расширяя часть цехов и мастерских.

Для увеличения энергетической мощности в 1914 г. Ижевский оружейный завод должен был получить заказанные до войны в Германии три паротурбиногенератора, но в связи с войной их получение, почти готовых, стало невозможным⁹. Поэтому для Ижевского завода взамен ранее заказанных паротурбиногенераторов были приобретены шесть дизельных двигателей на сумму 71 460 р.¹⁰

Для устройства силовой станции Хозяйственным комитетом Ижевских заводов в начале 1914 г. были заказаны четыре паровых

котла «Стерлинг». 30 октября было приобретено два котла «Стерлинг» в фирме Л.Ф. Пло в Москве на общую сумму 39 600 р.¹¹, топливом для которых служили дрова¹².

В целях обеспечения заводов оборудованием по решению Хозяйственного комитета Ижевских заводов от 29 июля 1914 г. в Нижний Новгород, Москву и Петербург «для выбора на месте подходящих станков»¹³ были командированы подполковник С.И. Грасс и оружейный мастер В.Н. Копьев. В результате Ижевский оружейный завод приобрел несколько станков, в том числе токарный станок американского завода «Leblond Зуа» для обработки шрапнелей – у Путиловского завода¹⁴.

Ижевский оружейный завод частично обеспечивал себя станками собственного изготовления¹⁵. В 1914 г. ему пришлось изготовить своими силами шесть горизонтально-шарошечных станков с подъемной рамой по типу «Прадель и Эрно» стоимостью по 5000 р. каждый¹⁶.

В 1914 г. по ведомости о требуемом оборудовании для Ижевского оружейного завода, для доведения объема производства трехлинейных винтовок до 200 тыс. шт. и 60 млн. обойм в год, требовалось закупить 318 станков на общую сумму 438 609 р.¹⁷ В письме начальнику Технических Артиллерийских заведений А.А. Якимову от 8 ноября 1914 г. в ответ на его запрос о возможности расширения производства стволов и ствольных коробок¹⁸ начальник Ижевских заводов А.А. Певцов сообщал, что в данное время выпуск ствольных коробок доведен до 1300 шт. в сутки при максимальном использовании имеющегося оборудования. Для увеличения выпуска стволов и коробок до 1700 шт. в сутки он предлагал увеличить количество станков, занятых на обработке стволов и коробок, на 110 шт. и занять ими вторую половину каменного корпуса очистки стали. Сверлильные и часть токарных станков были взяты из числа 110 старых, подлежащих ремонту; 20 новых токарных станков были заказаны в фирме «Машины, орудия и двигатели». Ложевая мастерская переносилась на горный склад, и в ее здании в течение четырех месяцев должны были установить три недавно полученных 60-сильных дизельных двигателя.

Реорганизационные меры в 1913 – первой половине 1914 гг. и дополнительные кредиты правительства в начале Первой мировой войны привели к увеличению объемов производства стрелкового оружия к концу 1914 г. в 3-4 раза (свыше 20 тыс. шт. винтовок

в месяц)¹⁹. В 1914 г. Ижевским оружейным заводом было изготовлено продукции на сумму 8 511 828 р.²⁰

В начале 1915 г. ежемесячная потребность фронта в винтовках определялась в 200 000 шт. В октябре 1914 г. производство винтовок достигло 30 000 шт. в месяц, а в апреле 1915 г. – 40 000. В январе – феврале генерал А.А. Маниковский проводил инспекцию оружейных заводов и в своем рапорте от 6 февраля 1915 г. председателю Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, написанном в Ижевске, настаивал на немедленном «без потери одного дня» проведении экстренных мероприятий по расширению завода, «иначе Ижевский завод, – писал он, – являющийся “маткой” для всех остальных заводов, не сдвинется сам с мертвой точки и по-прежнему будет тормозить и Тулу и Сестрорецк»²¹. К рапорту был приложен перечень экстренных мероприятий для Ижевских заводов, необходимых для изготовления 100 000 винтовок ежемесячно на всех заводах.

Предложенные А.А. Маниковским мероприятия в основном сводились к расширению и перестройке заводского арсенала, столярно-ложевой мастерской, строительству баков для масла, усилению механизмами молотовой мастерской и заготовке 500 000 ложевых болванок и 500 000 кирпичей. Затраты на эти мероприятия должны были составить 426 тыс. р. и 300 тыс. р. авансов на заготовку ложевых болванок²². При этом требовалось обеспечить нормальную работу по изготовлению оружия.

В связи с военным временем и с целью ускорения выпуска боеприпасов приказом по Ижевским оружейному и сталелитейному заводам от 22 декабря 1914 г. была разрешена сдача готовых снарядов на льготных условиях без испытания стрельбой²³.

Планы мероприятий по всем оружейным заводам для увеличения выпуска винтовок до 1 000 000 шт. в год были разработаны к концу февраля 1915 г., и лишь в начале апреля Военный совет утвердил и отпустил необходимые средства. Общая сумма расходов по переустройству заводов составила 11 683 тыс. р., из них Ижевским заводам – 5273 тыс. р., Тульскому заводу – 3410 тыс. р., Сестрорецкому – 600 тыс. р.²⁴ Кроме того, 2400 тыс. р. требовалось для заготовки черновых стволов в частной промышленности²⁵.

Для трех оружейных заводов до 1 ноября 1915 г. были заказаны станки: в России – 402, за границей – 2481²⁶. 15 крупнейших уральских заводов, в число которых входили и Ижевские оружейный и

сталелите́льный заводы, приобрели более 7 тыс. станков и машин²⁷. Всего Ижевскими заводами было заказано 1078 станков, не считая заказанных Главным артиллерийским управлением²⁸.

После решения Военного совета начались работы по расширению завода, которые проводились в 1915–1916 гг. Покупка и доставка тысячи станков из-за границы затянулась до 1917 г. В июле 1915 г. для мастерской очистки стали было заказано пневматическое оборудование в Конторе Атлас-Дизель в Москве. Приводный воздушный компрессор, резервуар, аккумулятор, зубильные молотки и прочую необходимую арматуру общей стоимостью 5945 р. необходимо было доставить до пристани Гольяны или ст. Чепца в двухнедельный срок²⁹. Для увеличения ежедневного выхода стволов до 3500 штук в Товариществе Механического завода Столь и К-о для сверлильно-токарной мастерской Ижевского завода было заказано 15 станков по цене 1275 р. за каждый – для первой обточка стволов – и 17 станков по цене 1320 р. за каждый – для второй токарки стволов³⁰. По распоряжению Митавской комиссии были реквизированы на частных предприятиях и отправлены на Ижевские заводы разные станки и механизмы³¹.

Ижевскими заводами был заключен договор с фирмой А.Л. Самельсон на поставку универсально-фрезерного станка типа «Штандарт» шведского производства стоимостью 2500 крон³². У московского товарищества «Машины, орудия и двигатели» заводы приобрели три комплекта приспособлений для радиального шлифования – по цене 130 долларов за комплект – и одно приспособление для шлифования плоскостей – за 65 долларов³³.

Всего в 1915 г. Ижевский оружейный завод получил 250 приобретенных и 51 реквизируемый, а сталелите́льный завод – 76 новых и 7 реквизируемых станков³⁴.

Значительному повышению выпуска военной продукции казенными заводами в этот период способствовало получение ими оборудования эвакуированных из западных районов России предприятий. Так, в конце 1915 г. на Ижевские заводы были перевезены отделение инструментальной стали и часть напильного производства рижского завода «Саламандра».

В связи с переустройством Ижевских заводов в 1914 г. во время строительного сезона настолько сильно ощущался недостаток кирпича, что окончание некоторых построек пришлось отложить. В строительный сезон 1915 г. потребность в кирпиче, по подсчетам

Хозяйственного комитета, составляла более 3 млн. шт.³⁵ Для более полного удовлетворения потребностей в кирпиче, в пределах от 500 до 600 тыс. шт., руководство Ижевских заводов организовало выработку кирпича зимой 1914–1915 гг., для чего потребовались незначительные строительные работы³⁶. Старую, подлежащую перестройке печь приспособили под теплое помещение для мятья глины. Устроили три подвижных железных шалаша для разведения костров, в которых обогревали глину при копании.

В 1915 г. ввиду невозможности дальнейшего расширения существующего кирпичного завода из-за ограниченности площади было принято решение построить новый кирпичный завод «на Нагорном берегу заводского пруда за Колтоминским складом, где были проведены изыскания посредством бурения, откопки ям и приготовления из грунта пробного кирпича»³⁷. Расчетная годовая производительность нового кирпичного завода с ручной формовкой определялась в 1 000 000 кирпичей. Для нового кирпичного производства предполагалось построить один барак для 50-ти рабочих и один дом «для помещения сторожа, мастера и конторы, воспользовавшись для этого разбираемыми зданиями бывшей молотовой мастерской и будки против нее... Место предполагаемого нового кирпичного завода покрыто лесом толщиной до 5 вершков бревно. Расчистка должна дать материал для столбов, слег, стропил, ригелей и брусьев для сараев, крыша же при современном недостатке досок и перегруженности лесопилки может быть покрыта железом по горбинкам»³⁸. В 1916 г. был проложен рельсовый путь рудничного типа длиной около 65 сажень для вагонеток от печей к берегу пруда – для доставки готового кирпича на завод баржей³⁹. Для нового кирпичного завода было заказано оборудование и оснастка: у Товарищества Шторрер и К-о в Петрограде – камнедробилка от 5 до 7 куб. м в час⁴⁰; у Н.И. Березина – 20 чугунных форм для ручных станков⁴¹; у В. Фидлера в Риге – глиномялка с конным приводом и один резательный станок с орошением⁴². Было запланировано приобрести 4 глиномешалки, но начальник нового Колтоминского кирпичного завода полковник Сорочинский настаивал на необходимости иметь шесть глиномешалок для нужной производительности и просил изготовить их в механической мастерской завода⁴³.

В 1915 г. для расширения всех имеющихся построек на оружейном заводе недоставало площади около 1000 кв. саж. Поэтому был

приобретен участок с обывательскими усадьбами, прилегающий к западной части заводской ограды от Казанской улицы до Плотинного и Баранова переулков. На этом участке планировалась постройка новой инструментальной мастерской в два этажа общей площадью около 1500 кв. саж. Поверочная, пристрелочная мастерские и тир, построенные в расчете на изготовление 200 тыс. винтовок в год, для производительности 1800 винтовок в сутки оказались крайне недостаточны. Поэтому было принято решение построить инструментальную и расширить поверочную мастерские, каменный полутеплый склад для ящиков, пристроить бетонный тир на шесть бойниц. Здания необходимо было оборудовать отоплением и вентиляцией, электрическим освещением.

Резкое увеличение производства винтовок и снарядов требовало увеличения энергообеспеченности заводов. В течение второй половины 1914 г. были куплены 3 дизельных двигателя по 40 л.с. и 3 двигателя по 60 л.с. Были отремонтированы 100-сильная паровая машина в механической мастерской, 12-сильный локомобиль. Были приобретены 2 локомобили: один из них – для ложевой мастерской в здании арсенала. В 1915 г. в помощь заводской электростанции «ЦЭС» были введены в строй два дизельных турбогенератора мощностью по 400 кВт⁴⁴. В этот же период на заводе устанавливаются несколько паровых машин с небольшими котельными для них.

В январе 1915 г. на Ижевском оружейном заводе была организована спешная работа по сборке и исправлению присланных забракованных винтовок и пристрелка их была «обставлена так, чтобы можно было ее производить и вечером при электрическом свете»⁴⁵.

В начале 1915 г. на заводе освоили технологию переделки учебных винтовок, имевшихся на складах Ижевского арсенала в большом количестве, в боевые⁴⁶. Во многом благодаря ценным советам знаменитого изобретателя стрелкового оружия – В.Г. Федорова – значительной модернизации была подвергнута сама модель трехлинейной винтовки системы С.И. Мосина: существенно упрощена конструкция затвора, что сразу усилило боевые качества винтовки; приняты дополнительные меры к защите казенной части ствола от нежелательных внешних воздействий, конструкция курка приобрела более удобную форму⁴⁷. В своих записках с фронта В.Г. Федоров неоднократно высказывал желание запустить в производство на Ижевском оружейном заводе единый образец трехлинейной винтовки взамен производившихся трех, что значительно

бы удешевило и увеличило объемы выпускаемого на предприятии стрелкового оружия⁴⁸.

С ростом выпуска винтовок значительно усложнилась заготовка ложевых болванок, так как высокие требования к древесине затрудняли выбор годного материала, вели к большим отходам древесины и к росту цены на ложевые болванки. В марте 1915 г. генерал-майор Шульга предложил делать ложу составной, что упрощало изготовление заготовок ложи, при этом уменьшались отходы древесины. Это предложение было одобрено ГАУ, которое разрешило изготовление составных лож⁴⁹.

В середине 1915 г. на заводе была модернизирована технология изготовления нарезов в канале ствола выпускавшихся трехлинейных винтовок, что существенно сократило время их производства⁵⁰.

За 1915 г. выпуск оружия Ижевскими заводами значительно вырос. Всего в 1915 г. было изготовлено 306 529 и исправлено 65 936 винтовок. Кроме винтовок и патронных обойм оружейный завод освоил выпуск деталей и узлов пулемета «Максим», 3-дюймовых снарядов, щитов 3-дюймовых пушек, запасных штыков, кинжалов «Бебут».

Ввиду острой потребности русской армии в стрелковом оружии руководитель ГАУ А.А. Маниковский и председатель Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части великий князь Сергей Михайлович обязали оружейные заводы выдавать еженедельно сведения о количестве изготовленных стволов и винтовок в Главное артиллерийское управление и начальнику канцелярии Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части с тем, чтобы отслеживать динамику производства оружия. Примером могут служить сведения о количестве стволов и винтовок, изготовленных Ижевскими заводами в марте – июне 1915 г.

В январе 1916 г. Ижевский оружейный завод получил наряд военного ведомства на изготовление 30 млн. патронных обойм, в феврале – 1000 пулеметных станков и 2000 щитов к ним, 47 тыс. шт. кинжалов «Бебут», в марте – апреле – еще 20 тыс. кинжалов и 6 млн. шт. патронов, в июле – 360 шт. щитов к трехдюймовым горным пушкам со сроком исполнения 3 месяца, в августе – 12 млн. патронов⁵¹.

Для дальнейшего развития производительности Ижевских оружейного и сталелитейного заводов Военный совет положением

от 13 февраля 1916 г. разрешил производить «новые строительные работы, приспособление существующих зданий, механические работы и пр.» на сумму 11 173 032 р.⁵² Планом работ по расширению Ижевских заводов на эти средства предусматривались расширение зданий инструментальной и поверочной мастерской, бетонного тира, покупка 150 станков, оборудование мастерских приводами, подъемниками, системами отопления и вентиляции, противопожарное оснащение оружейного завода. Планировалось строительство железобетонного здания коробочной мастерской, закалочной мастерской для стволов, здания пороховой пробы и оснащение их оборудованием. 1 239 893 р. предусматривалось использовать для приобретения одного турбогенератора мощностью 2000 кВт, устройства передачи электроэнергии, оснащения трансформаторных подстанций, электрогенераторов и вентиляторов.

В 1916 г. продолжалась модернизация цехового оборудования казенных заводов за счет прибытия заказанных в 1914–1915 гг. за границей станков. Однако доставка оборудования из-за границы происходила с большим опозданием. Причины заключались в хроническом невыполнении фирмами-поставщиками своих обязательств, трудностями морских перевозок в условиях войны, в недостатке железнодорожных вагонов для перевозки контейнеров с оборудованием из морских портов. Значительная часть оборудования была задержана на таможенных постах в связи с несвоевременной оплатой пошлин и заказов, потоплена неприятелем в море, утеряна в транспортной неразберихе.

В 1916 г. Хозяйственным комитетом Ижевского завода у Всероссийского Земского и Городского союзов были приобретены 30 станков для первой обточке ружейных стволов, эти станки находились ранее в Егорьевском Техническом, Касимовском училищах, Томском Технологическом институте – по 10 в каждом⁵³. В этом же году от конторы Милляр получили измерительный инструмент, от Тульского оружейного завода – 730 слесарных, 20 машинных, 7 центрующих и 60 эксцентриковых тисков. В русском обществе «Всеобщей компании электричества» в Москве был заказан один паротурбогенератор мощностью в 2000 кВт⁵⁴. Ижевскими заводами в 1916 г. в различных фирмах и товариществах были заказаны крупносортовый и среднесортовый прокатный станы с фундаментными плитками, козловые передвижные краны в 15 и 8 т, маятниковая пила, привод и прокатный мотор в 326 л.с.,

35 электродвигателей, прокатные вальцы, 27 вагонеток для ложевого сушила, одна разливная электрическая тележка с ковшом емкостью в 20 т, 250 шт. электрических лампочек⁵⁵. В мае 1916 г. в Русском электрическом акционерном обществе «Динамо» приобрели английский прессшпан по цене 48 р. за пуд.

В мае 1916 г. механику Ижевских заводов прапорщику Битенбиндеру был выдан наряд на работы по переустройству и приспособлению здания бывшего пивоваренного завода Ижевского Товарищества «под пилозубную мастерскую Ижевских заводов, силовую станцию, микрофотографию и другие надобности»⁵⁶.

Летом 1916 г. была завершена постройка бетонного тира на шесть бойниц, вместо ранее существовавшего деревянного, который сгнил и стал опасен⁵⁷. В новом тире пристрелка ружей производилась на 100 шагов при длине здания в 200 шагов.

Всего к концу 1916 г. на Ижевские заводы поступило 645 станков, которые были смонтированы и установлены в существующих и вновь построенных заводских мастерских⁵⁸.

К 1917 г. Ижевский оружейный завод увеличил выпуск винтовок по сравнению с 1914 г. примерно в 6 раз. Удельный вес производства новых винтовок Ижевским оружейным заводом за годы войны в общероссийском масштабе составил 43 %, а исправленных – 61 %.

Ход производства нового и исправления оружия Ижевским оружейным заводом в 1914–1917 гг. показаны в табл. 1.

Табл. 1

**Выпуск новых и исправленных винтовок
Ижевским оружейным заводом за 1914–1917 гг. (шт.)**

Винтовки	Период, год				
	1914	1915	1916	1917	Всего за 1914–1917
Новые	82 121	306 529	504 871	505 863	1 399 384
Исправленные	97 897	65 936	9900	4200	177 933
Всего	180 018	372 465	514 771	510 063	1 577 317

Таблица составлена по данным: Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 76.

В годы войны Ижевские заводы кроме винтовок выпускали ствольные заготовки для винтовок и пулеметов, а также снаряды. За годы войны Ижевскими заводами произведено свыше 100 000 пудов колючей проволоки. Кроме того, за годы войны Ижевский завод изготовил большое количество снарядов, в основном 3-дюймовых. Выпуск снарядов по годам приведен в табл. 2.

Табл. 2

**Выпуск снарядов Ижевским оружейным заводом
за 1914–1917 гг.**

Годы	1914	1915	1916	1917	Всего за 1914–1917
Количество, шт.	558 300	25 800	18 550	488 450	1 091 100
Доля в уральском производстве, %	37,3	1,6	0,8	16,5	13

Таблица составлена по данным: Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. 2. М., 1948. С.105–325; Залесский С.А. Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы первой мировой войны // Исторические записки М., 1959. № 65. С. 117–118.

Таким образом, в годы Первой мировой войны военное ведомство заботилось о завершении переустройства Ижевского оружейного завода. Для обеспечения последнего новыми станками и оборудованием были сделаны крупные заказы в Англии и Америке. Но покупка и доставка оборудования из-за границы затянулась по различным причинам до начала 1917 г.

В годы Первой мировой войны произошла техническая реконструкция Ижевского оружейного завода: расширение существующих площадей, обновление станочного парка, внедрение новых технологий в производство.

Около половины всего стрелкового оружия, выпущенного в России в годы Первой мировой войны, – 48 % (по другим данным – 43 %) – было изготовлено на Ижевском оружейном заводе. По остальным группам изделий удельный вес был еще выше,

по винтовочным стволам он составил 52 %, по исправленным винтовкам – 61 %, по пулеметным стволам – 79 %. Всего за этот период ижевские оружейники выпустили полтора миллиона винтовок.

¹ Барсуков Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М.-Л., 1926; Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937.

² Генерал В.С. Михайлов (1875–1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности. М., 2007.

³ Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.-Л., 1929; Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956.

⁴ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. С. 4.

⁵ Бескровный Л.Г. Армия и флот в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

⁶ Жук А.В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): Автореф. дис...к.и.н. Екатеринбург, 2000; Шумкин Г.Н. Военное производство на Урале в конце XIX – начале XX в. (1891 – июль 1914 г.): Автореф. дис...к.и.н. Екатеринбург, 2002.

⁷ Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917). Сб. док. / Под ред. Р.Ш. Ганелина. М., 2004.

⁸ Родионов Н.А. История оружейного производства в Удмуртии (XIX–XXI вв.). Ижевск, 2009.

⁹ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4520. Л. 230–230 об.

¹⁰ Там же. Л. 402–402 об.

¹¹ Там же. Д. 4544. Л. 255–256.

¹² Там же. Д. 4520. Л. 255–256.

¹³ Там же. Д. 4544. Л. 27–28 об.; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 60. Д. 32. Л. 92–93.

¹⁴ Там же. Л. 123–123 об.

¹⁵ Там же. Д. 4572. Л. 135.

¹⁶ Там же. Д. 4540. Л. 17–20 об.

¹⁷ Там же. Л. 17–20.

¹⁸ Там же. Д. 4520. Л. 312–312 об.

¹⁹ Там же. Д. 4544. Л. 357–357 об.; Сухов В.А. Казенные оружейные заводы России в эпоху империализма (1900–1917 гг.): Дис...к.и.н. Тула, 1978. С. 80.

²⁰ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 958. Л. 48–49.

²¹ РГВИА. Ф. 29. Оп. 3. Д. 84. Л. 37.

²² Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 428.

²³ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4541. Л. 227–227 об.

²⁴ Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 428.

²⁵ Там же. С. 428.

²⁶ Там же. С. 24.

²⁷ Гаврилов Д.В. Модернизационный взлет Урала в конце XIX – XX вв. // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 74.

- ²⁸ ЦГА. УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4557. Л. 400–400 об.
²⁹ Там же. Л. 8–9.
³⁰ Там же. Д. 4549. Л. 25–25 об.
³¹ Там же. Л. 32–33.
³² Там же. Л. 40–41.
³³ Там же. Л. 38–39.
³⁴ Там же. Д. 4557. Л. 400.
³⁵ Там же. Д. 4544. Л. 403.
³⁶ Там же. Л. 403 об.
³⁷ Там же. Д. 4556. Л. 238.
³⁸ Там же. Л. 239.
³⁹ Там же. Л. 253.
⁴⁰ Там же. Л. 236–237.
⁴¹ Там же. Л. 239.
⁴² Там же. Л. 234–235 об.
⁴³ Там же. Д. 4557. Л. 459–460.
⁴⁴ От крицы до плазмы. История развития Ижевского завода за 240 лет. Ижевск, 2000. С. 118.
⁴⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 60. Д. 32. Л. 192–193.
⁴⁶ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4559. Л. 13–13 об.
⁴⁷ Там же. Л. 17–18 об.
⁴⁸ Там же. Л. 18 об.
⁴⁹ Там же. Л. 38–39 об.
⁵⁰ Там же. Л. 59–60.
⁵¹ Там же. Д. 4572. Л. 13, 16, 17–17 об., 22–22 об., 26–26 об., 38–39 об., 74, 82–82 об., 97, 125, 133–133 об., 143, 166–166 об.
⁵² Там же. Л. 47–49 об.
⁵³ Там же. Д. 4566. Л. 201.
⁵⁴ Там же. Д. 4578.
⁵⁵ Там же. Д. 4557. Л. 415–416 об.
⁵⁶ Там же. Л. 397 об.
⁵⁷ Там же. Д. 4578. Л. 73.
⁵⁸ Там же. Д. 4563. Л. 19, 23, 38, 45 об., 46 об., 57 об., 65 об., 73, 74 об.

Т.С. Литвин (Полтава, Украина)

МАЛОРОССИЙСКАЯ КАЗАЦКАЯ КАВАЛЕРИЯ В ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЕ 1853–1856 ГОДОВ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ очерк включает в себя материалы двух докладов, подготовленных для международной научно-практической конференции «Альминские чтения» (Автономная Республика Крым) в 2010–2011 гг. Следует отметить, что по сути единственной на сегодняшний день научной публикацией по данной теме продолжает оставаться краткий очерк И.Ф. Павловского, напечатанный в одном из выпусков «Трудов Полтавской ученой архивной комиссии» за 1910 г. Документальной базой нашего исследования являются ранее не публиковавшиеся материалы канцелярии полтавского гражданского губернатора и материалы «Полтавских Губернских ведомостей».

Собственно говоря, предмет нашего очерка относится к обширному кругу вопросов, касающихся регионального аспекта Крымской войны и по сути являющихся частью одного из локальных измерений этого поистине глобального события. Исходя из диспропорции между состоянием разработки указанной проблемы и богатейшей базой источников, следует отметить перспективность ее научного изучения.

В годы Восточной войны наряду с формированием в Полтавской губернии дружин государственного подвижного ополчения, царское правительство также инициировало создание в Малороссии казачьих полков легкой кавалерии. Такая мера не была случайной и имела вполне логичное обоснование, заключавшееся в причинах социально-экономического и культурного характера.

Хотя Екатерина II в 1764 г. окончательно ликвидировала

гетманское правление, в 1781 г. – казачье административно-территориальное, а в 1783 г. – военное устройство в Малороссии, тем не менее, казачество как сословие было сохранено. Окончательное закрепощение крестьян на Левобережной Украине в 1783 г. не затронуло казаков. Они сохранили личную свободу, могли родниться с дворянами и представителями других свободных сословий, имели право на образование.

Если, к примеру, государственные крестьяне были только землепользователями, то казаки были землевладельцами, то есть владели правом полного распоряжения земельной собственностью. Казаки были освобождены от различного рода поборов, но, как и крестьяне, были податным сословием и несли воинскую повинность. Размер налогов и повинностей казаков, однако, определялся не земельной собственностью, а имущественным состоянием (прибылью из промыслов). Таким образом, социально-экономический и культурный статус казачьего сословия проводил строгую грань между ними и государственными крестьянами, не говоря уже о крепостных.

Казаки составляли довольно значительную часть населения Малороссии. Так, по ревизии 1816 г. в Малороссии насчитывалось около 1 000 000 душ казачьего сословия, из которых мужского пола – 450 365 душ, а казачье землевладение оценено в 60 миллионов рублей. Накануне Крымской войны в 1851 г. казаки составляли 43,08 % мужского населения Малороссии. Непосредственно перед созданием малороссийского казачьего ополчения в 1855 г. в Полтавской губернии насчитывалось 346 973 казачьих дворов ¹.

В XIX в. царское правительство четырежды прибегало к созданию казачьих полков легкой кавалерии в Полтавской и Черниговской губерниях: в Отечественную войну 1812 г., при подавлении польского мятежа в 1831 г., на заключительном этапе Восточной войны в 1855 г. и при подавлении польского мятежа в 1863 г. Особенность последних трех случаев состояла в том, что малороссийское казачье ополчение не успели непосредственно задействовать в боевых действиях.

Решение о создании малороссийских конно-казачьих полков в Крымскую войну было принято в феврале 1855 г., а 7-го мая обнародованы императорский указ и положение по этому поводу. «Общество г. Полтавы, всегда одушевляемое патриотическими чувствами, проникнуто и теперь, на равне со всеми Русскими, самым теплым сочувствием к подвигам храбрых войск наших, защитников

православия и народной чести», – подобные торжественные заявления можно было встретить на страницах «Полтавских Губернских ведомостей» в годы войны ².

Формирование полков и вопросы, касающиеся обмундирования, амуниции, некоторых элементов вооружения, закупки лошадей и заготовки фуража, приготовления фур, а также частично денежного жалования и продовольственного снабжения, были возложены на специально созданные губернские комитеты по созданию казачьего конного ополчения.

В данные комитеты делегировались представители местных органов царской администрации и самоуправления, главным образом из канцелярий полтавского и черниговского гражданских губернаторов, губернских и уездных дворянских собраний, губернских палат государственных имуществ, губернского и уездных казначейств ^{*}.

В июне в Полтаве собрались представители губернского дворянства по поводу обсуждения вопроса о создании малороссийских конно-казачьих полков ³. На совещании 3 июня 1855 г. было решено создать четыре таких полка. В ближайшее время был рассмотрен вопрос по поводу обеспечения полков провиантом и лошадьми. В связи с неурожаем предыдущих и текущего годов было решено установить твердые цены на провиант и фураж. Четверть овса согласно этим расценкам стоила 2 р. 50 к., пуд сена – 25 к., пуд соломы – 6 к., четверть муки ржаной – 3 р. 60 к., ячных круп – 4 р. ⁴

6 июня 1855 г. из Орудийного отделения Артиллерийского департамента Военного министерства на имя полтавского гражданского губернатора, действительного статского советника в звании камергера и кавалера Александра Павловича Волкова (рис. 1) пришел запрос от 24 мая того же года. Запрос касался доставления сведений о городах губернии, избранных в качестве сборных пунктов малороссийских конно-казачьих полков «для своевременного снабжения сих полков саблями, пистолетами, боевыми и учебными припасами»⁵.

^{*} Так, например, от Полтавской палаты государственных имуществ в комитет были делегированы помощник бухгалтера Сулимовский, канцелярский служащий Кошельник, а после окончания сдачи крестьян в рекруты управляющий палатой обещал прислать и писарей (Государственный архив Полтавской области (ГАПО). Ф. 83. Оп. 4, д. 1, л. 4.).

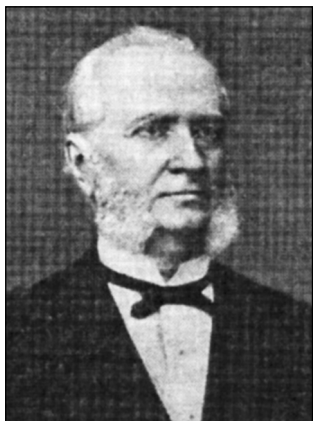

Рис. 1. Гражданский губернатор А.П. Волков

Еще на совещании 4 июня рассматривался вопрос о создании пунктов сбора казаков и лошадей. Представители губернского дворянства доказывали нецелесообразность устройства лишь четырех сборных пунктов. По их мнению, это «требуется много времени и представляет большие затруднения как в доставлении козаков и лошадей на сборные пункты из отдаленных уездов». Поэтому «весьма бы было полезно прием [...] назначить во всех уездах», причем не в собственно уездном городе, «а в значительнейшем каком либо местечке или селении уезда»⁶.

Действенное участие в создании полков принимали также канцелярия генерал-губернатора Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний, казачьи общества, земские суды, врачебные управы, а также градские и земские полиции, Кременчугская комиссариатская комиссия и Полтавский внутренний гарнизонный батальон.

Генерал-губернатор Сергей Александрович Кокоскин (рис. 2) при создании конно-казацких полков использовал опыт предыдущих созывов казацкого ополчения. Первоначально он планировал создать, как и в 1831 г., 8 полков – пять в Полтавской и три в Черниговской губернии. Впоследствии было решено создать в Полтавской губернии четыре, а в Черниговской три полка (в Чернигове и Новгород-Северском).

По утвержденному штату конно-казацкий полк насчитывал

Рис. 2. Малороссийский генерал-губернатор С.А. Кокоскин

1165 человек, из них 1055 казаков и 110 полковых урядников. В организационном отношении полк состоял из семи сотен **. Комплексы вооружения казаков включал в себя пик, пистолет и саблю. Всего на полк требовалось 1004 сабли и пистолета и 890 пик, а также 1029 строевых и 46 подъемных лошадей.

Пунктами набора казаков в полки были Полтава, уездные города Гадяч, Хорол, Прилуки, Пирятин, Ромны, Лохвица, а также селение Карловка Константиноградского уезда и селение Остапье Хорольского уезда. Сборные пункты и штабы полков находились в четырех городах губернии ⁷.

Штаб 1-го полка находился в Полтаве, там же находилась его первая сотня; остальные были расквартированы в близлежащих селениях. Командиром полка был назначен дворянин Екатеринославской губернии, действительный статский советник барон Франк.

Штаб 2-го полка первоначально находился в уездном городе Гадяче, позже был перенесен в местечко Опошня Зеньковского уезда, там же находилось несколько сотен, остальные – соответственно, в близлежащих селениях. Командующим полка был назначен адъютант военного министра граф Григорий Сергеевич Строганов, богатейший помещик Подольской и Херсонской губерний, известный меценат.

Штаб 3-го полка и первая его сотня находились в уездном городе Лубны, командующим полка был подполковник Ланге.

Штаб 4-го полка под командованием Кобелякского уездного судьи Малеваного находился в местечке Новые Санжары этого же

** В редких публикациях по данной теме можно встретить другие данные о штатной численности и организационном делении малороссийских казачьих полков в годы Крымской войны. Так, А. Лисниченко и Н. Шило в статье «Малороссийские казаки в войнах XIX века», ссылаясь на 1-й том «Исторического очерка деятельности военного управления в России в 1855–1880» (СПб., 1879) указывают, что «полк состоял из 6 сотен, в каждом полку полагалось иметь 27 офицеров, в том числе полкового командира, утверждаемого высочайшей властью, 58 старших и младших урядников, 56 приказных и 875 казаков». Приведенные нами данные взяты из материалов канцелярии полтавского гражданского губернатора, касающихся формирования казачьих полков (ГАПО, ф. 83, оп. 4), в частности приказа № 1 Главнозаведующего малороссийскими конными казачьими полками, генерал-губернатора Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний, генерал-адъютанта С.А. Кокошкина, от 1 июля 1855 г.

уезда; полк был расквартирован в этом населенном пункте в полном составе.

Офицерские кадры казачьих полков в значительной степени набирались из гражданских чинов^{***}, а также из отставных нижних чинов регулярной кавалерии. 5 апреля 1855 г. вышел приказ военного министра за № 77 о вступлении в ряды ополчения отставных нижних чинов в связи с тем, «что вступление сих старослуживших чинов в ополчение может принести существенную пользу новому войску»^{****}. Об этом сообщил командир Полтавского внутреннего гарнизонного батальона подполковник Бабаев в своем рапорте полтавскому гражданскому губернатору Волкову, полученному 29 мая 1855 г.⁸

По материалам дела № 2 канцелярии гражданского губернатора (ф. 83, оп. 4) известно, что на службу в казацье ополчение вступили: жители деревни Мачухи Полтавского уезда унтер-офицер армейской кавалерии уланского полка Яков Калашник, фельдфебель кирасирского полка принца Петра Ольденбургского Григорий Гуржий, житель хутора Ступачи Хорольского уезда (по другим документам дела, проживал в Полтаве) вахмистр бригады пограничной стражи Александр Васецкий.

По донесению начальника штаба резервной кавалерии в Кременчуге в губернский комитет о формировании малороссийских конно-казацких полков от 23 марта 1856 г. известно, что состоявший на службе в 4-м полку вахмистр Васецкий был награжден серебряной медалью «За усердие» на аннинской ленте^{*****}.⁹

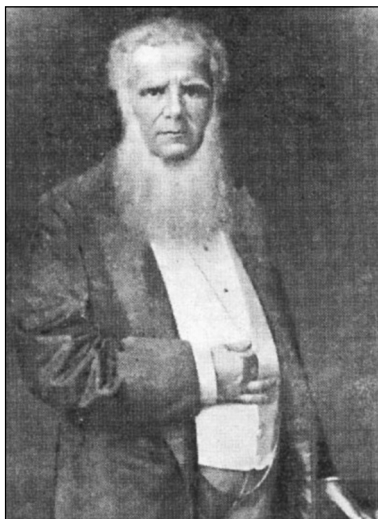
Вызвался в ополчение и 67-летний ветеран подполковник Александр Мамбелин. Он пребывал на службе с 1805 г., имел немало ранений, а в 1818 г. вышел в отставку. Конечно же, исходя из обстоятельств, Кокошкину пришлось корректно отказать старому воину и патриоту¹⁰.

Среди записавшихся в казацкое ополчение известных представителей малороссийского дворянства: кременчугский уездный предводитель Остроградский, уже упомянутые граф Строганов и барон

^{***} В их числе губернские секретари, коллежские регистраторы, служившие в магистратах, уездных судах, казенных палатах и прочее.

^{****} Это решение было принято также в виду отсутствия такого указания в высочайше утвержденном Положении о государственном подвижном ополчении.

^{*****} Сведения о получении наград офицерами ополчения приведены в очерке далее.

**Рис. 3. Губернский
предводитель дворянства
Л.В. Кочубей**

Франк, а также секретарь дипломатической миссии в Мюнхене Кочубей (не путать с губернским предводителем Л.В. Кочубеем (рис. 3), также принимавшим деятельное участие в создании полков казацкой кавалерии).

Намного хуже дело обстояло с офицерскими кадрами, набранными из гражданских чиновников. Во время смотров полков генерал-губернатор Кокошкин не раз отмечал плохой уровень их подготовки. Так, к примеру, Кокошкин нашел неудовлетворительным состояние подготовки офицеров 1-го малороссийского полка барона Франка: «Дурно ездят, не умеют салютовать и плохо знают свое дело». Лучше

дело обстояло со 2-м полком Строганова, где по словам Кокошкина «в полку его и люди имели воинский вид»¹¹.

Для обучения военному строю была составлена особая инструкция, утвержденная 21 февраля 1855 г. При полковых штабах были устроены учебные команды, в Полтаве создана школа трубачей для обучения военным сигналам. Для обучения казаков были выделены кадры из кавалерийских бригад Умани, Чугуева и Вознесенска¹². В число тактических навыков, которыми должны были овладеть казаки, входили:

- правильная стойка;
- повороты;
- маршировка;
- зарядание пистолетов;
- стрельба в цель;
- приемы пикой;
- удар и оборона саблей;
- конная езда и содержание лошади в предписанном порядке¹³.

Согласно «Описанию обмундирования малороссийских конных казацких полков», подписанному 7 мая 1855 г. военным

министром, генерал-адъютантом князем Долгоруковым, казаки носили:

- полукафтан из темно-зеленого сукна с красной вышивкой на воротнике и обшлагах; на погонах из красного сукна имелся номер полка из сукна желтого цвета; у урядников – серебряные галуны на воротнике;

- шинель солдатского покроа из темно-зеленого сукна;

- чимарку из черного сукна с черной шерстяной подкладкой, имевшую для застегивания слева четыре желтые пуговицы с гербом Полтавской губернии, справа – четыре петли из золотого шнура, на плечах погоны для эполет, золотые с красными суконными выпушками;

- кушак из красного кумача;

- шаровары из темно-зеленого сукна;

- смушковую шапку с красным сукном и ремненным подбородником;

- фуражку из темно-зеленого сукна;

- перчатки из того же сукна;

- сапоги без шпор¹⁴.

Следовательно, для пошива обмундирования требовалось сукно темно-зеленое, серое фабрикантское, красное канцелярское, желтое, холст подкладочный, равентух и сапожный товар. Первоначально предполагалось закупить все необходимое в Кременчугской комиссариатской комиссии и Полтавском внутреннем гарнизонном батальоне. Но вследствие дороговизны из оных учреждений были получены лишь образцы материалов, а само обмундирование было пошито частными лицами по более низкой цене.

Так, пошив мундира взял на себя полтавский 3-й гильдии купец Симон Соломонович Бернер, древка для пик изготовил крестьянин Ежов, комиссионер Войска Донского Андрей Иванович Леонов и казак Иван Степанович Черников согласились поставить конскую упряжь, портупей, патронташи и прочие вещи, кременчугский 3-й гильдии купеческий сын Абрам Люберский и полтавский мещанин Гершко Стрельцов пошили смушковые кивера^{*****}.

***** Евреи, как и колонисты, не призывались в ополчение, но не освобождались от сборов на его содержание, этим и объясняется то, что вещи необходимые для снаряжения полков они отпускали по более низкой, чем государственная, цене (см. § 5 Положения о государственном подвижном ополчении, от 29 января 1855 г.).

К примеру, если кременчугская комиссариатская комиссия потребовала за аршин темно-зеленого холста 94 к., а серого – 82 к., то купец Бернер поставил указанные товары по цене 82 к. и 72 к. за аршин, соответственно¹⁵.

К декабрю 1855 г. полки были подготовлены и выступили в поход. В одном из мартовских номеров неофициальной части «Полтавских Губернских ведомостей» за 1856 г. об этих полках упоминается как о «ныне уже успешно выступивших к месту назначения» и говорится, что знамена двух из этих полков были освящены в Полтаве¹⁶.

Конечным пунктом назначения 1-го и 2-го полтавских полков, выступивших 8–9 декабря, был Петербург, куда они должны были прибыть 15–16 августа следующего, 1856 г. А 3-й и 4-й полки были отправлены в г. Николаев. К слову отметим, что черниговские 5-й и 6-й полки были отправлены в Гельсингфорс, а девять полтавских дружин государственного подвижного ополчения (под номерами 208–216) были отправлены в Землю Войска Донского, под начальство наказного атамана генерал-адъютанта Хомутова¹⁷.

В связи с началом переговорного процесса в феврале, продвижение полков и дружин к пунктам назначения было приостановлено. 1-й полк был остановлен в Торжке, 2-й – в Твери. Знамена трех полтавских полков и полковые иконы (кроме 2-го – знамя которого было сдано в местный арсенал), по свидетельству И.Ф. Павловского, хранились в местном кафедральном соборе. Судьба этих реликвий после 1917 г. не известна. В музее Полтавской битвы реликвий, относящихся к малороссийским казачьим полкам и дружинам ополчения, нет, не выявлено пока что таких памятников и в областном краеведческом музее.

Сохранились сведения о наградах, полученных офицерами малороссийских конно-казачьих полков за участие в Восточной войне. Штаб- и обер-офицеры получили право носить Крест Ополчения; таковых в 1-м полку насчитывалось 25 чел., во 2-м – 19 чел., в 3-м – 26 чел., в 4-м – 20 чел.¹⁸

Полтавская общественность с огромнейшей радостью встретила известие об окончании войны. «Полтавские Губернские ведомости», № 15 от 11 апреля 1856 г. сообщали, что 8 апреля после литургии во всех церквях города был объявлен Манифест о прекращении войны, после чего «совершено было благодарственное молебствие с коленопреклонением и целодневным звоном»¹⁹.

- ¹ Павловский И.Ф. Малороссийское казачье ополчение в Крымскую войну // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. 1910. С. 159.
- ² Полтавские Губернские ведомости. Неофициальная часть (далее – ПГВ НЧ). № 13. 1854. Среда, марта 31 дня. С. 101.
- ³ Государственный архив Полтавской области (далее – ГАПО). Ф. 83 «Канцелярия Полтавского Гражданского Губернатора». Оп. 4. Д. 3. Л. 1.
- ⁴ Там же. Л. 2.
- ⁵ Там же. Д. 7. Л. 1.
- ⁶ Там же. Д. 3. Л. 4.
- ⁷ Там же. С. 160, 164; Д. 5. Л. 48.
- ⁸ Там же. Д. 2. Л. 1.
- ⁹ Там же. Л. 5, 7, 10, 16, 18.
- ¹⁰ Павловский И.Д. Указ. соч. С. 161.
- ¹¹ Там же. С. 165.
- ¹² Там же. С. 164.
- ¹³ ГАПО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 5. Л. 67.
- ¹⁴ Павловский И.Д. Указ. соч. – см. в сносках и примечаниях.
- ¹⁵ ГАПО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 15–16; Д. 5. Л. 1, 17.
- ¹⁶ ПГВ НЧ. № 10. 1856. Среда, марта 7 дня. С. 73.
- ¹⁷ Павловский И.Д. Указ. соч. С. 165–166.
- ¹⁸ ГАПО. Ф. 83. Оп. 4. Д. 297. Л. 2, 6, 10, 14.
- ¹⁹ ПГВ НЧ. № 15. 1856. Среда, апреля 7 дня.

О.С. Лихачева (Барнаул)

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ: ПРОБЛЕМА МОРФОЛОГИЧЕСКОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ

ОДНОЙ из важных тенденций в развитии военного дела народов, населявших степные пространства Евразии в раннем железном веке, по мнению специалистов, является увеличение роли клинкового оружия ¹. Этот процесс начинается с VI в. до н. э. Аналогичная тенденция прослеживается и по материалам памятников Лесостепного Алтая в данный период. Под клинковым оружием нами понимаются изделия, представляющие собой монолитную конструкцию, поражающей частью которой выступает клинок, а несущей – черен.

Клинковое оружие по параметрам поражающей части делится на короткоклинковое и длинноклинковое. В раннем железном веке на рассматриваемой территории первое представлено кинжалами, второе – мечами.

Под кинжалом нами понимается двулезвийное короткоклинковое оружие ближнего боя колюще-режущего действия, состоящее из клинка и черена, предназначенного для его удержания. Помимо двух лезвий, основной отличительной чертой кинжалов является симметричный клинок, когда оба лезвия равноудалены от центральной оси ².

Меч, в свою очередь, определяется как длинноклинковое оружие ближнего боя рубяще-колющего действия с прямым клинком ³. Важными дополнительными элементами в конструкции мечей и кинжалов являются перекрестие, навершие, накладки на черен и его обмотка, образующие рукоять.

Одним из главных отличительных признаков, лежащих в основе разграничения этих двух видов оружия, является длина клинка. А.И. Мелюкова⁴ относит к кинжалам изделия с длиной клинка 17–40 см, а к мечам – изделия с клинком, длина которого составляет 50–80 см. М.В. Горелик⁵ считает, что кинжалами являются образцы с клинком, не превышающим в длину 50 см, а мечами – с клинком длиной более 60 см. Ряд оружейников вообще не склонны разграничивать кинжалы и мечи, анализируя их суммарно⁶. Но такой подход, по нашему мнению, нельзя считать продуктивным, поскольку эти виды оружия различно использовались в бою, что, в свою очередь, существенно влияло на тактические приемы. Кинжал может эффективно применяться только для рукопашного боя в спешном положении, тогда как меч позволяет вести ближний бой верхом с коня. Поэтому данные о количестве мечей и кинжалов из археологических памятников могут существенно расширить возможности оружейников реконструкции.

С территории Лесостепного Алтая происходит 58 единиц клинкового оружия, которое может быть отнесено к раннему железному веку. Из погребальных памятников известно 42 экземпляра, 16 представлено случайными находками. Целых предметов сохранилось 28, остальные 30 представлены фрагментами. Целые изделия довольно легко разделяются на мечи и кинжалы по длине клинка. У первых она составляет 64–85 см, у вторых – 10–20 см. Однако возникает проблема разграничения по этим видам не полностью сохранившихся экземпляров. Следовательно, необходим поиск критериев, позволяющих относить фрагментарные изделия к одному из обозначенных видов клинкового оружия. Для этого нами был проведен сравнительный анализ параметров морфологических частей целых мечей и кинжалов, который позволил выявить степень их отличия в метрических единицах. Полученные параметры были использованы для обоснованного разграничения фрагментарных находок на мечи и кинжалы.

У целых экземпляров нами были рассмотрены следующие параметры: общая длина; для клинка – длина, ширина и толщина у основания, ширина и толщина у окончания; для перекрестия, черена и навершия – длина, ширина, толщина. Полученные результаты показали, что в качестве искомым критериев могут выступать ширина клинка у основания и у окончания, а также длина перекрестия. На их основе выделились три группы изделий. К первой

(17 экз.) относятся экземпляры, общая длина которых равняется 14–31 см, длина клинка – 10–19 см, ширина клинка у основания – 2–3,5 см, ширина у окончания – 1–2 см, длина перекрестия – 2–6 см. Вторая группа (6 экз.) имеет следующие параметры: общая длина – 25–32 см, длина клинка – 16–20, ширина клинка у основания – 4–5 см, ширина клинка у окончания – 1–3 см, длина перекрестия – 5–7,5 см. У третьей группы (5 экз.) эти параметры соответственно равняются: общая длина – 80–103 см, длина клинка – 64–85 см, ширина клинка у основания – 4–5 см, ширина клинка у окончания – 2–3 см, длина перекрестия – 7–8 см. Первая группа определяется нами как стандартные кинжалы, она составляет наиболее представительную серию. Экземпляры второй группы также относятся к кинжалам и близки по большинству параметров изделиям из первой группы, но отличаются более широким клинком и перекрестием, поэтому идентифицируются нами как «кинжалы с широким клинком». Изделия третьей группы имеют более широкий и длинный клинок, а также более длинное перекрестие и могут быть определены как мечи.

При сопоставлении вышеуказанных параметров с теми, которые имеют экземпляры, сохранившиеся фрагментарно, к группе «кинжалы» можно отнести 21 изделие, к группе «кинжалы с широким клинком» – пять, к группе «мечи» – четыре. Особо стоит отметить изделие из могильника Староалейка-2 (м. 56). Оно имеет нехарактерно короткий клинок – 7,4 см, тогда как все остальные его параметры достаточно типичны. По всей вероятности, первоначально данное изделие являлось стандартным по своим формам, но после поломки клинка было восстановлено вышеуказанным образом.

Всего, на основании вышеизложенного, к длинноклинковому оружию можно отнести девять изделий, к короткоклинковому – 49. На основе данных материалов нами был проведен морфологический анализ клинкового оружия.

У мечей и кинжалов нами выделяются следующие конструктивные элементы: поражающая часть – клинок, удерживающая – черен. Между клинком и череном располагается перекрестие – элемент, расположенный перпендикулярно по отношению к клинку и черену и значительно выступающий за пределы последних.

Клинок состоит из следующих деталей: основание – место перехода клинка в черен. Элементы, идущие от основания к лезвиям, – плечики. Лезвия – заточенные края клинка. Широкая часть клинка –

полотно. Выступающее и проходящее по центру полотна ребро (в сечении чаще всего полукруг), предназначенное для придания прочности – нервюра. У некоторых изделий может присутствовать дол (долы) – продольное углубление. Острый, колющий элемент, противопоставленный основанию – окончание клинка.

Черен является основой рукояти, на которую крепятся детали из органических материалов. Поперечная грань черена, противоположная окончанию клинка – торец. Основными составляющими черена будут широкие и узкие боковые грани. У некоторых образцов могут встречаться боковые и центральный валики – утолщения на краях и по центру широких граней черена, которые в разрезе представляют собой полукруг или прямоугольник. Они образуют паз – выемку для крепления деревянных накладок, у некоторых экземпляров пазы образуются за счет «загибания» краев черена. Черен части изделий имел прорезь – вертикальное отверстие, проходящее через всю деталь и служащее, как и паз, для крепления дополнительных элементов рукояти. Расширение черена в виде геометрической или зооморфной фигуры у бронзовых изделий – навершие. У железных экземпляров оно является отдельной деталью и крепится на торец черена. Часть навершия, смыкающаяся с череном – основание. У ряда экземпляров можно выделить плечики – выступающие за пределы черена элементы. Последние, в свою очередь, могут иметь длинные и короткие боковые ребра – узкие стороны плечиков. Навершие вместе с перекрестием служат для более надежного удержания предмета и защиты кисти от ударов оружия противника.

Рукоять понимается как сложносоставная деталь, включающая в себя черен и элементы из органических материалов: обмотку – кожаный ремешок и деревянные, роговые или костяные накладки.

Перекрестие включает в себя полотно – плоскую широкую часть. Часть, обращенная к клинку – база. Выступающие за пределы клинка и черена элементы – плечики (рис. 1–2).

На основе анализа признаков в предлагаемых ниже классификационных схемах выделены следующие таксоны: категория – группа – разряд – раздел – отдел – тип. Группа определяется по материалу изготовления. Раздел по абрису клинка. Отдел – по форме перекрестия. Тип – по форме навершия. Дополнительным показателем является вариант, который информирует о различных функциональных и декоративных элементах.

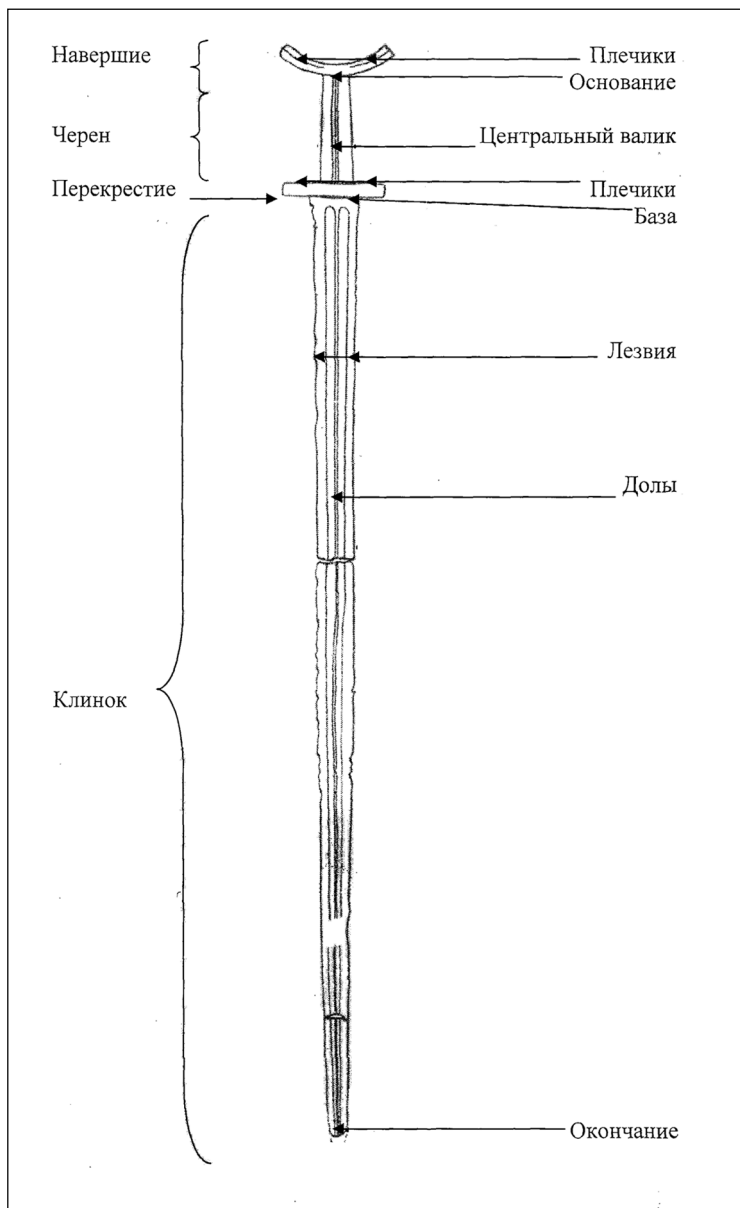

Рис. 1. Морфология клинкового оружия

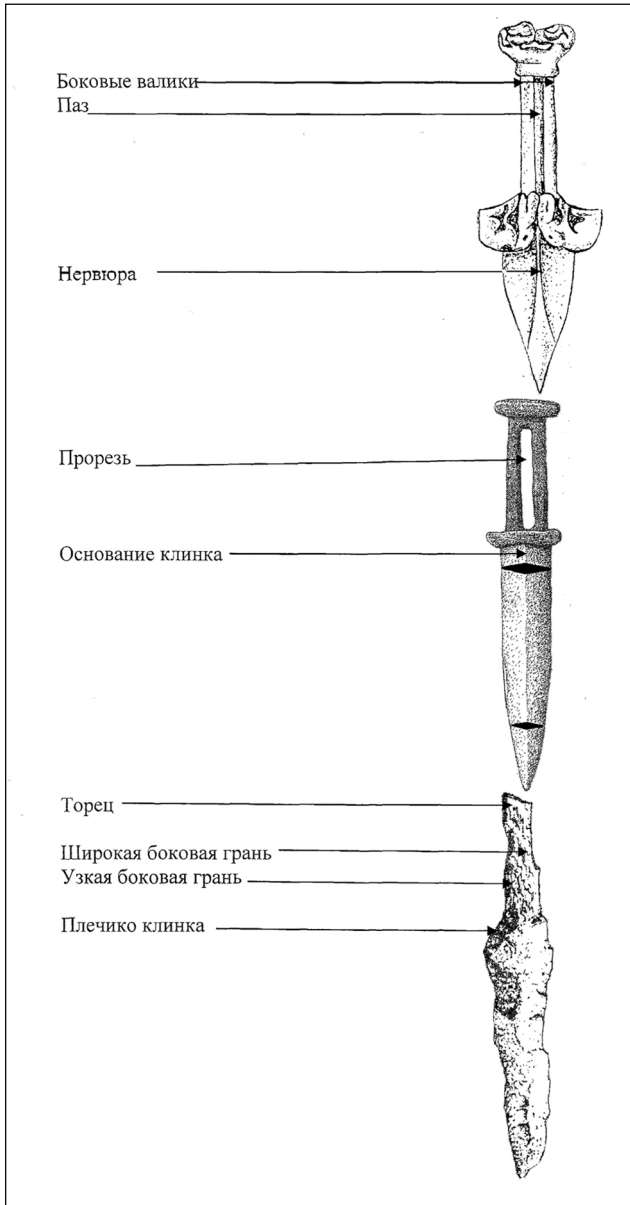

Рис. 2. Морфология клинкового оружия (окончание)

В классификацию длинноклинового оружия нами было включено семь мечей. Это полностью сохранившиеся предметы, частично поврежденные, но сохранившие основные признаки и фрагменты, реконструируемые на основе сопоставления с целыми.

Группа I. Железные. Все рассматриваемые изделия изготовлены из железа.

Раздел I. Треугольные. Лезвия клинка начинают постепенно сужаться к окончанию сразу от его основания, образуя вытянутую фигуру, близкую к равнобедренному треугольнику.

Отдел I. Брусковидные. Перекрестие имеет прямоугольный абрис и по общей форме напоминает брусок.

Тип 1. Дуговидные (серповидные). Длинные боковые ребра на вершиях идут параллельно друг другу, плавно изгибаясь и образуя дугу, выпуклые стороны которой обращены к черену. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр, являющийся случайной находкой у с. Шипуново. Размеры: клинок – длина 80 см; тах ширина 5 см; тах толщина 1 см; перекрестие – длина 7,1 см; тах ширина 0,8 см; черен – длина 8,9 см; тах ширина 2 см; навершие – длина 7,7 см; тах ширина 1,2 см. *Вариант б* – с центральным валиком на черене и двумя долами на клинке. Один экземпляр, являющийся случайной находкой у с. Ключи. Размеры: 71,6x4x1,6 см; 8x1,6 см; 8,4x2,4 см; 8,8x2,4 см.

Вероятно к этому же типу относятся еще два меча, сохранившиеся во фрагментах: могильник Масляха-I (к. 1, м. 1) и случайная находка у с. Калистратиха. Сохранившиеся размеры: 12–12,2x3–5x0,5–1,6 см; 7x1,8 см; 7–7,6x2,5–4 см; 4,6–7,6x1–3 см.

Раздел II. Килевидные. Лезвия клинка идут от основания параллельно друг другу и плавно сужаются к окончанию, образуя абрис, напоминающий киль корабля.

Отдел II. Почковидные. Перекрестие напоминает по форме почку, обращенное выпуклой стороной к черену.

Тип 2. Подовальные. Навершие имеет абрис близкий по форме к овалу. *Вариант а* – с боковыми и центральным валиком на черене. Один экземпляр, происходящий из могильника Новообинка. Размеры: 85,6x4x1,2 см; 7x4,8 см; 2,4x2,8 см; 4,4x2,4 см.

Тип 3. Волотообразные. Основание и плечики навершия прямые или дуговидные. На концах плечиков располагаются волоты – элементы в виде спиралевидных завитков. *Вариант а* – с тремя валиками на черене, зооморфным изображением, золотым покрытием

и золотой обмоткой на черене. Один экземпляр, являющийся случайной находкой из Тюменцевского района. Навершие представляет собой две головы грифонов, повернутые друг от друга, глаза которых расположены у черена, а клювы плавно изгибаются и закручиваются вовнутрь, образуя волоты. На глазе, ухе и клюве одного грифона и на клюве другого сохранились следы позолоты. На черене частично сохранилась золотая проволока, составлявшая обмотку, которая скорее всего являлась не функциональным, а декоративным элементом.

Отдел III. Сердцевидные. Перекрестие напоминает по форме сердце, обращенное острой вершиной к черену.

Тип 4. Дуговидные. *Вариант а* – с боковыми валиками на черене. Один экземпляр, являющийся случайной находкой у с. Горьковское. Размеры: 64х4,3 см; 7,3х3,9х1,5 см; 8,9х2,8х0,7 см; 7х3,3 см.

Условно к этому типу можно отнести еще один меч плохой сохранности, происходящий из могильника Гилево-Х (к. 1). Сохранившиеся размеры: клинок отсутствует, 6,4х3 см; 7,6х2,8 см; 6,8х2,2 см.

Итак, в результате систематизации материала нами было выделено: 1 группа, 2 раздела, 3 отдела, 4 типа, дополненные 5 вариантами (рис. 3).

В классификацию короткоклинкового оружия нами было включено 33 кинжала. Это целые предметы, частично поврежденные, и фрагменты, реконструируемые на основе сопоставления с целыми.

Группа I. Бронзовые. Все изделия изготовлены из бронзы.

Раздел I. Треугольные.

Отдел I. Почковидные.

Тип 1. Подовальные. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр – случайная находка из Барнаульского округа. Размеры: 11,4х3,2 см; 4,4х2,6 см; 6х2 см; 4,7х1,6 см.

Отдел II. Λ-видные (бабочковидные). Общий абрис перекрестия напоминает букву Λ греческого алфавита. При этом форма может варьироваться: полотно широкое или узкое, плечики округлые, прямые или с прогибом, вершина образуемого плечиками угла – острая или округлая.

Тип 2. Волотообразные. *Вариант а* – с боковым и центральным валиками, орнитоморфным изображением на навершии и зооморфным изображением на перекрестии. Один экземпляр из

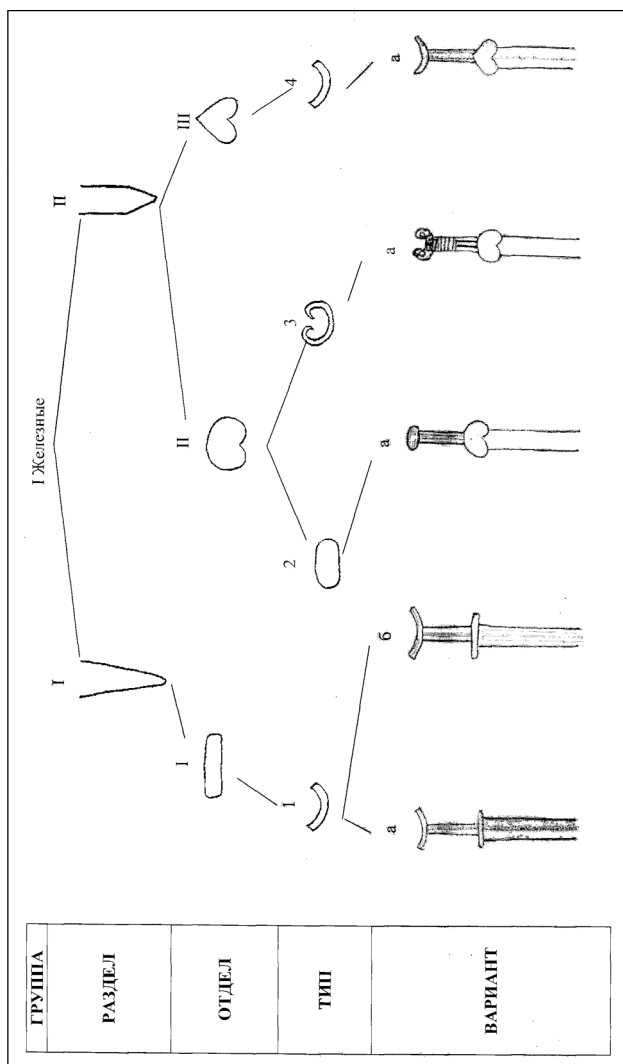

Рис. 3. Классификационная схема мечей

могильника Староалейка-2 (м. 56). Навершие выполнено в виде голов хищных птиц, повернутых друг к другу. На перекрестье симметрично расположены два стилизованных изображения волков, обращенные спинами к клинку и повернутых головами друг к другу. Размеры: 4,7х4х3,2 см; 6х2,6 см; 5,6х1,5 см; 3,4х2,6 см.

Тип 3. Брусковидные. *Вариант а* – с боковыми и центральным валиками на черене. Один экземпляр из могильника Староалейка-2 (м. 35). Размеры: 13х2,6х0,6 см; 4,8х1,8 см; 5,8х1,6 см; 5х1 см.

Раздел II. Килевидные.

Отдел II. Λ-видные.

Тип 4. Подовальные. *Вариант а* – орнаментированные. Один экземпляр – случайная находка у г. Змеиногорск. На навершии расположено пять вертикальных штрихов, внутри образованных ими участков поверхности располагается по два горизонтальных штриха. На черене по четыре с каждой стороны расположены спиралевидные завитки. Аналогичный орнамент изображен на каждой из половин перекрестия. Размеры: 10,6х1,8 см; 3,8х1,6 см; 3,4х2,2 см; 3х1,2 см.

Тип 5. Волотообразные. *Вариант а* – с боковыми и центральным валиками, орнитоморфным изображением на навершии. Один экземпляр, происходящий из могильника Клепиково-1. Навершие выполнено в виде голов хищных птиц, повернутых друг к другу. Размеры: 12,6х2,2х1,7 см; 4,2х1,9 см; 4,8х1,7 см; 3,4х2 см.

Условно к этому типу можно отнести случайную находку кинжала, имеющего плохую сохранность, на ул. Песчаной города Барнаула.

Группа II. Железные.

Раздел I. Треугольные.

Отдел II. Λ-видные.

Тип 6. Волотообразные. *Вариант а* – с боковыми валиками на черене, орнитоморфным изображением на навершии и зооморфным изображением на черене. Один экземпляр – случайная находка в с. Рогозиха. Навершие выполнено в виде голов грифонов, повернутых друг к другу. На широких гранях черенов изображено по два с каждой стороны стилизованных копытных животных. Их передние ноги вытянуты, а задние подогнуты. Размеры: 14,7х3,4х0,6 см; 4,3х2 см; 7,8х2,4 см; 4,6х2 см.

Условно к этому типу можно отнести экземпляр из могильника Новотроицкое-2 (к. 7, м. 6). Сохранившиеся размеры: клинок отсутствует; 5,3х2,9 см; 6х2 см.

Тип 7. Кольцевидные. Навершие имеет абрис кольца. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр из могильника Староалейка-2 (м. 32). Размеры: 16,6x4x0,9 см; 7,4x3,4 см; 7,2x3 см; 5x4,2 см.

Тип 8. Дисковидные. Навершие имеет абрис круга, в целом представляя собой форму, похожую на диск. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр из могильника Локоть-4а (к. 1, м. 1, п. 16). Размеры: 17,4x5,2x1,4 см; 6,6x2 см; 7,2x4 см; 5,4x5,2 см.

Отдел III. Дуговидные.

Тип 9. Волотообразные. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр – случайная находка на горе Пикет. Размеры: 18x2,4 см; 4,2x1,2 см; 6,6x2,1 см; 3,2x3 см.

Тип 10. Овально-кольчатые. Навершие имеет абрис овала, внутри которого находится овальной же формы отверстие. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2 (к. 10, м. 3). Размеры: 25x4,4x0,7 см; 5,9x4,2 см; 7,2x2,6 см; 4,7x2,2 см. *Вариант б* – с прорезью. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-1 (к. 15, м. 1). Размеры: 19x3,4x0,9 см; 4,3x1,8 см; 6,4x2,5 см; 4,8x1,8 см.

Тип 11. Дисковидные. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2 (к. 26, м. 5). Размеры: 17x4,2x1,9 см; 6,4x1,8 см; 7,6x2,6 см; 3,8x2,6 см. *Вариант б* – с пазами для крепления накладок на широких гранях черена. Один экземпляр – случайная находка на горе Пикет. Края черена «завернуты» и образуют таким образом небольшие пазы. Размеры: 13,4x3,4 см; 5,8x1,2 см; 7x3,2 см; 2,8x3,4 см.

Отдел IV. Брусковидные.

Тип 12. Волотообразные. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2 (к. 2, м. 9). Размеры: 19x4,6x0,8 см; 5,6x1,8 см; 6,6x2,8 см; 6,4x3,8 см.

Тип 13. Овальные. *Вариант а* – с центральным и боковыми валиками, зооморфным изображением на навершии и перекрестии, орнаментом на навершии. Один экземпляр – случайная находка на станции Укладочной. На навершии и перекрестии изображены стилизованные головы баранов, повернутые друг от друга. У первого

головы проработаны более детально: внутри «рогов» распложен орнамент в виде треугольников, а также валики, обозначающие линии лба, глаз и рта. У изображений на перекрестии обозначены не все эти линии, причем имеющиеся отмечены штрихами. Сохранившиеся размеры: 3х3х0,6 см; 5,8х1,6 см; 7,8х1,9 см; 5,7х2 см.

Тип 14. Овально-кольчатые. *Вариант а* – с прорезью. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2 (к. 23, м. 5). Размеры: 17,4х4,6х0,9 см; 7,6х1,7 см; 8,3х3,6 см; 6,5х2,2 см.

Тип 15. Дуговидные. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-1 (к. 5, м. 5). Размеры: 16,9х4,2 см; 5х1,1 см; 7х1,7 см; 5,2х1,6 см.

Отдел V. Без перекрестия.

Тип 16. Без навершия. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Всего три экземпляра из могильника Фирсово-ХI (м. 25, 26, 27). Размеры: 9,9–12,2х2,6–3,4х0,4–0,6 см; 4–6х0,6–1,5х0,4–0,6 см.

Раздел II. Килевидные.

Отдел I. Почковидные.

Тип 17. Подовальные. *Вариант а* – с бронзовым навершием. Один экземпляр из могильника Малый Гоньбинский Кордон-I (могильник 1, м. 15). Размеры: 19х2,7х1,2 см; 5х2,9 см; 7,3х1,9 см; 4,6х2,4 см.

Отдел II. Λ-видные.

Тип 18. Волотообразные. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2 (к. 5, м. 2). Размеры: 17,5х3,2х0,9 см; 5,2х2,1 см; 7х2 см; 4,9х1,9 см.

Тип 19. Брусковидные. *Вариант а* – с центральным и боковыми валиками и зооморфным орнаментом на перекрестии. Один экземпляр – случайная находка у с. Кочки. На перекрестье симметрично расположены два стилизованных изображения волков, обращенных спинами к клинку и смыкающихся головами. Размеры: 18,6х1,8 см; 5,4х2,4 см; 6,2х1,5 см; 3,7х1,7 см.

Отдел III. Дуговидные.

Тип 20. Волотообразные. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Случайная находка у реки Сухая Чемровка. Размеры: 16,5х3 см; 4,6х1,4 см; 6х1,8 см; 4,2х1,4 см.

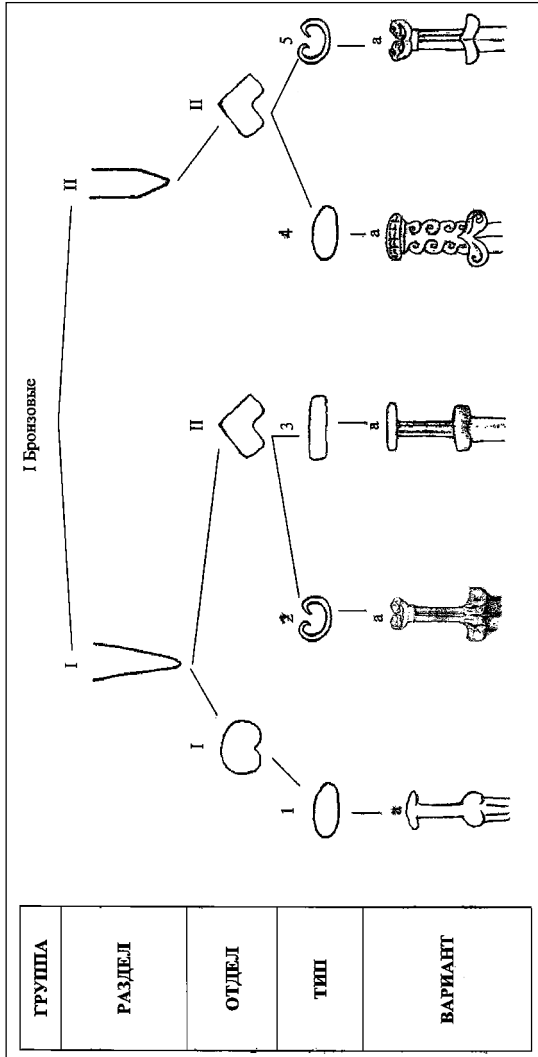

Рис. 4. Классификационная схема кинжалов

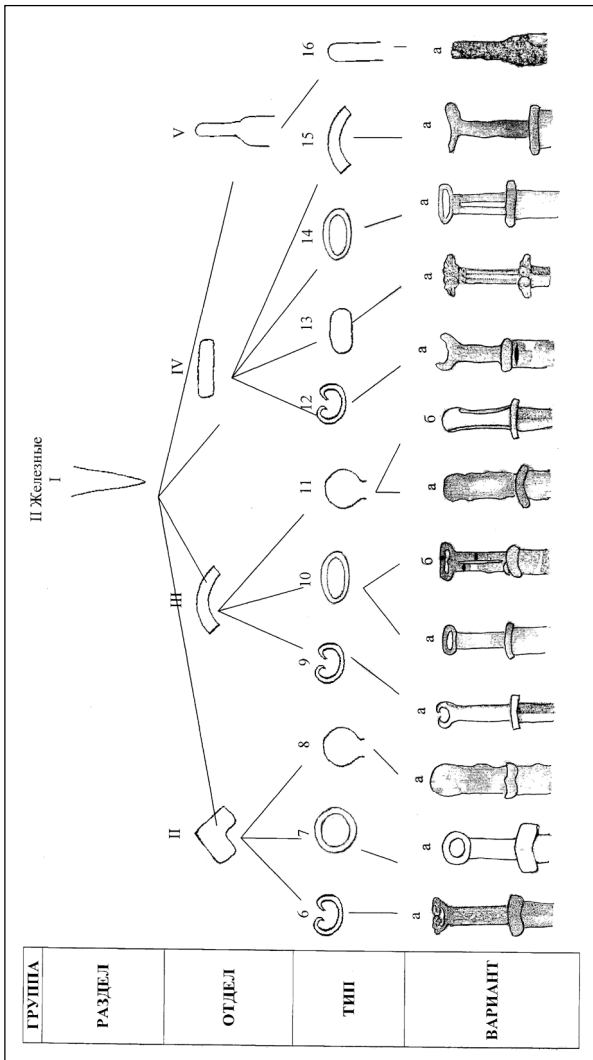

Рис. 5. Классификационная схема кинжалов (продолжение)

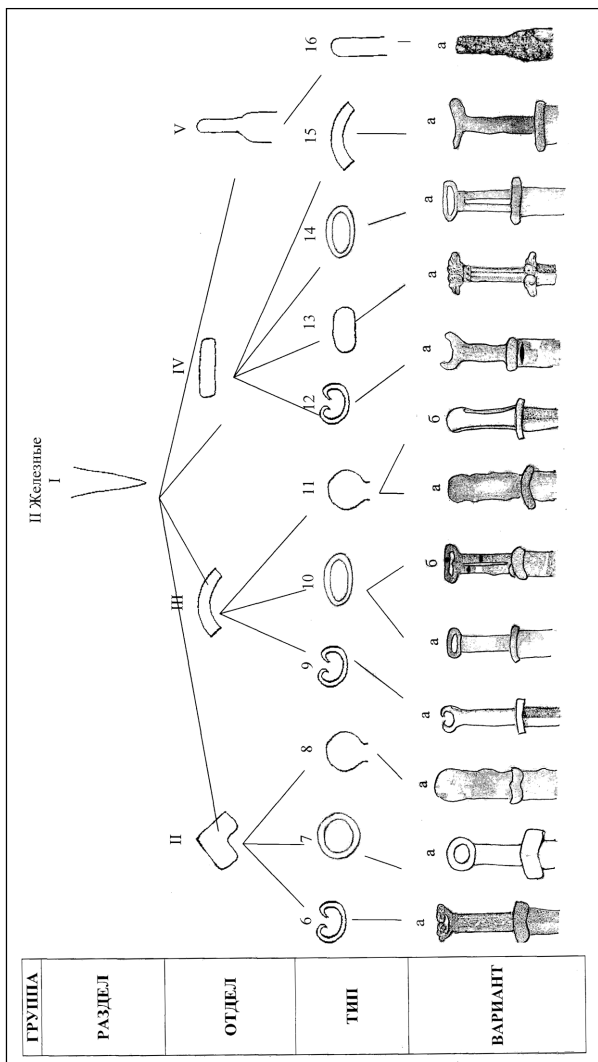

Рис. 6. Классификационная схема кинжалов (окончание)

Тип 21. Брусковидные. *Вариант а* – с прорезью на черене. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2 (к. 16, м. 2). Размеры: 17,4х3,6х0,6 см; 5,3х1,2 см; 8,2х3 см; 4,6х1,2 см.

Тип 22. Овально-кольчатые. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр из могильника Новотроицкое-2 (к. 10, м. 3). Сохранившиеся размеры: 19,8х4,4х0,7 см; 5,9х1,2 см; 7,2х2,6 см; 4,7х2,2 см.

Условно к этому типу можно отнести плохо сохранившийся кинжал из могильника Новотроицкое-1 (к. 20, м. 1). Сохранившиеся размеры: 11,2х2х0,8 см; 8х3,6 см; 5,4х2,2 см.

Отдел IV. Брусковидные.

Тип 23. Волотообразные. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр из могильника Рогозиха-VI (к. 3, м. 4). Размеры: 16,4х3,6х1 см; 4,7х2 см; 6,4х2,4 см; 5,2х2,8 см.

Тип 24. Кольцевые. *Вариант а* – без дополнительных функциональных и декоративных элементов. Один экземпляр – случайная находка у с. Новообинцево. Размеры: 19х4,8х0,8 см; 6,4х1,4 см; 7,4х2,4 см; 5х5 см.

Условно к этому типу можно отнести случайную находку кинжала у с. Ильинка. Сохранившиеся размеры: 15,3х4х0,7 см; 6,1х1,2 см; 9х2,3 см.

В результате систематизации короткоклинкового оружия было выделено: 1 группа, 2 раздела, 5 отделов, 24 типа, дополненные 26 вариантами (рис. 4–6).

Большее количество короткоклинкового оружия по сравнению с длинноклинковым (к нему относится 49 из 58 учтенных экземпляров) свидетельствует о высокой роли ближнего боя в спешенном положении у населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке. В то же время появление изделий с широким (4–5 см) клинком говорит о стремлении усилить рубящую функцию кинжалов.

Все экземпляры мечей встречены в ареале каменной культуры, в том числе четыре происходят из погребальных комплексов (Новообинка, Масляха-I, к. 1, м. 1; Гилево-IX, к. 3). Последнее опровергает мнение П.И. Шульги⁷, который ставит под вопрос применение носителями каменной культуры мечей, указывая на отсутствие их в погребальных комплексах. Незначительное же их количество может быть связано как с особенностями погребального обряда,

так и элитарностью этого вида оружия, которым могли обладать лишь отдельные воины, имеющие высокий профессиональный или социальный статус. Тем не менее, их наличие свидетельствует о распространении практики конного ближнего боя.

¹ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ – М.: «Наука», 1964. 64 с.; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 101. 168 с.

² Лихачева О.С. Морфологический анализ кинжалов эпохи бронзы Обь-Иртышского междуречья // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. С. 240–242.

³ Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н.э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

⁴ Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ – М.: «Наука», 1964. 64 с.

⁵ Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). СПб: «Атлант», 2003. 336 с.

⁶ Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. М.: Изд-во. АН СССР, 1961. № 101. 168 с.; Хазанов А.М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2008. 294 с.

⁷ Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 142–156.

А.Н. Лобин (Санкт-Петербург)

НЕИЗВЕСТНЫЕ ОБРАЗЦЫ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ 1660–1670-х ГОДОВ

АРТИЛЛЕРИЮ XVII столетия невозможно изучить только по материальным памятникам музейных собраний, поскольку в этом случае в стороне остается огромный массив документации военных ведомств – Оружейного, Пушкарского, Разрядного, Тайного, Стрелецкого и других приказов. Между тем именно в делопроизводственных материалах содержатся упоминания и описания большого количества не дошедших до наших дней артиллерийских орудий.

Данная статья посвящена изучению оригинальных, необычных и нестандартных образцов артиллерийского вооружения русской армии с 1660-х по 1670-е гг. Выбранный период не случаен: в это время в Москве функционировала военная лаборатория, получившая название «Гранатный двор за Никитскими воротами». В 1659 г. все работы на Гранатном дворе возглавил выдающийся иностранный инженер, «гранатного дела мастер» Николас Бауман («Миколай Бовман»), за десять лет службы в России сделавший головокружительную карьеру от полковника до полного генерала ¹. В том же 1659 г. ему была поручена организация особого полка, все офицеры которого по совместительству являлись «огнестрельными мастерами» Гранатного двора: Самойло Безман, Яков Янцен, Яков Старк, Юст Фан-Керковен, Андреян Фан-Керковен, Готфер Гербст, Адриан Меллер, Федор Мейер, Карл Яган, Василий Шварт, Альбрехт Шневец, Николай фон Зален и др. ² Особой категорией служащих были химики, испытатели составов «огненных смесей» ³. Сам Бауман не раз ходатайствовал перед начальником Пушкарского приказа Ю.И. Ромодановским о переводе в его часть новых

талантливых офицеров. Например, в августе 1670 г. он подал прошения, в которых указывал на необходимость определить иноземцев Л. Линенберга⁴ и И. Цудерланда⁵ для «огнестрельных дел» в штат его полка и Гранатного двора.

Численность мастеровых людей постоянно росла: если в 1666 г. список служащих двора насчитывал всего 27, то к 1671-му уже 68 человек⁶. По чертежам Н. Баумана и офицеров Гранатного двора с 1659 по 1671 гг. было создано несколько моделей оригинальных образцов пушек, некоторые из которых впоследствии нашли воплощение в серийном производстве. Мастера создавали не только новые орудия, но и петарды (воротные мины), снаряды (разрывные гранаты)⁷, разрабатывали проекты подвижных укреплений и образцы холодного оружия⁸. Чертежи представлялись для ознакомления в личную канцелярию царя – в приказ Великого государя Тайных дел. В документах этого ведомства упоминаются «тетради, в которых писаны главы гранатным составам, тетради ж о наряде и огненной хитрости, как стрелять и бросать на городские приступы...», «чертеж гранате, чертеж бомбам, гранатам, чертеж ко алтиллерии, чертеж мортирной, ... чертежи в столбцах пушкам со станкам» и т. д.⁹

Скорострельные пищали «с клином и замком»

Идея повышения скорострельности орудий будоражила умы артиллеристов со времен изобретения артиллерии. Мастера пушечного дела на протяжении XV–XVII вв. неоднократно пытались создать такие типы орудий, которые могли бы произвести за короткий промежуток времени как можно больше выстрелов. В собраниях российских и зарубежных музеев сохранилось несколько образцов казнозарядных орудий¹⁰. Как правило, каждый экспонат является *единственным* в своем роде и имеет свои индивидуальные особенности, характерные для работы того или иного мастера.

В России *массовое* производство единообразных орудий с клиновыми замками стало возможным благодаря стараниям Н. Баумана, который лично руководил созданием новых моделей пушек. Согласно дневнику секретаря датского посольства в Москве, Бауман изобретал «полевые пушки, для передвижения которых было достаточно одной лошади, причем для приведения их в действие требовалось всего два человека прислуги. Ввиду того, что эти пушки

были вылиты с камерами и заряжались сзади, их можно было заряжать и производить из них выстрелы быстрее, чем это мог сделать самый ловкий солдат при стрельбе из своего мушкета»¹¹. Обращение к архивным документам подтверждает слова А. Роде. Созданные полковником казнозарядные орудия малого калибра (в $\frac{3}{4}$ фунта) стали поступать на вооружение солдатских полков. В 1660 г. по указу царя для «солдатцкого строя полку Миколая Бодмана салдатам на 1000 на 319 человеком» из Пушкарского приказа было выделено 8 «пушечек скорострельных с клином» на легких станках, «да под ними 16 колес на 2 колеса...»¹²

Более крупные «скорострельные пищали» пришлось заказывать за границей. По рекомендации Н. Баумана через царского агента Иоганна фан Горна в Голландии и Германии у мастеров Николаса Визе и Германа Генинга был оформлен заказ на изготовление 3-фунтовых скорострельных пищалей «мерою 2 аршина». Их закупка была вызвана сложной технологией производства, которую еще только начали осваивать мастера Пушечного двора. В 1660 г. новые пушки были привезены в Россию¹³. Описания скорострельных пищалей можно найти в документах, например: «пищаль медная скорострельная, мерою 2 аршина, весу в ней 10 пуд. На ней вылит орел двоеглавой, а над главами у него три коруны с крестами, а в правой ноге держит яблоко с крестом, а в левой ноге держит скипетр. На ней же вылиты по латыни имена: “полковник Миколай Бауман да Яган Фан Горен” – “лета 1660, мастер Герман Енниинк, слита в городе Горбурьи”. К ней 50 ядер, весом по 3 гривенки, станок окован, колеса неокованы» и т.д.¹⁴

Известно, что уже с 1662 г. русские мастера на Пушечном дворе делают орудия таких же размеров. В деле Пушкарского приказа о работах мастера Х. Иванова имеются свидетельства, что литейщик «170-м году он же вылил 2 пищали скор(о)стрельные, 6 пищалей полковых по 3 гривенки ядро, длиною по 2 аршина»¹⁵. В «росписи медному наряду, присланному из дворца», 1671 г. за подписью дьяка Д. Ертусланова, упомянуты в количестве шести штук «**пищали скорострельные с клином железным** (выделено мной. – А. Л.)» весом от 10 до 11 пудов и длиною чуть менее 2 аршинов¹⁶.

Новой скорострельной артиллерией снабжался не только regiment Н. Баумана, но и два многолюдных выборных полка. В августе 1661 г. майор из полка А.А. Шепелева должен был получить «железа белого на картузы к пушкам 500 листов». Из жести делали

«вкладни» или «жестяные трубные картузы»¹⁷ для заряжания с казенной части. К «полковым скорострельным пушкам» изготовили 1000 вкладных металлических картузов¹⁸. Всего в 1660-х данный полк имел на вооружении до 14 пицалей, из них скорострельные 3-фунтовые составляли половину полковой артиллерии¹⁹.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) хранится «список с росписи, что приказал князь Юрьи Иванович даде делать, а написал своею рукою». Документ не имеет даты, но можно предположить, что он был написан в промежутке между 1665 и 1675 гг. (в это время князь Ю.И. Ромодановский «сидел» в Пушкарском приказе): «Зделать 24 пушек скорострельных (...) К 24 пушкам скорострельным и дробным 150 картуз к пушке с ядрами да по полтараста картуз к пушке дробовых, и всего к 24 скорострельным пушкам с ядрами и дробных картуз 3600 надобно....»²⁰

Итак, согласно содержанию документа, была принята классификация скорострельных пушек на дробовые и на заряжаемые ядрами. Обратим внимание: вся формулировка о производстве сводится к лаконичной фразе («зделать 24 пушек скорострельных»), а параметры нужных орудий (калибр, длина, конструкционные особенности и т. д.) не приводятся. Очевидно термин «скорострельные» в те годы обозначал совокупность определенных признаков (т. е. тот же калибр, длина и т. д.). И если дьяки писали о производстве скорострельных пушек, то они, а так же мастера, получавшие указания, ясно представляли себе, что речь идет об одинаковых орудиях такого-то калибра, таких-то размеров, и поэтому не приводили их измерений, дополняя заказ всего лишь короткой фразой: «Сделать по прежнему образцу».

Впоследствии длина ствола казнозарядных скорострельных пицалей была удлинена до 4 аршинов, что соответствовало общей тенденции увеличения дульной части орудий в полковой артиллерии. По фрагментам описи московских орудий 1695 г., сохранившейся в копиях академика И.Х. Гамеля, можно проследить, что данный тип полковых орудий отливался с 1662 по 1671 гг. Большинство пицалей было сделано в 1669 г.²¹ Но трудоемкая технология производства требовала от мастера профессиональной сноровки. Даже опытному литейщику не всегда удавалось сделать орудие с первого раза. В протоколе испытаний новых орудий 1671 г. записано, что на проверочной стрельбе «разорвало **пицаль**

скорострельную с картузом (выделено мной. – А. Л.). Харитоновалитья Иванова 3 гривенки ядро, длина 4 аршина, весу 32 пуда»²².

Нередко новоотлитые казнозарядные орудия показывали представителям иностранных государств во время посольских встреч. Наверное, именно такие пушки видел во время пребывания посольства Г. Оксеншерны в Москве шведский артиллерист и инженер Эрик Пальмквист, который в своем шпионском отчете королю Карлу XI изобразил «редкий пример образца артиллерийского орудия, заряжаемого сзади и чрезвычайно быстро готовыми зарядами, что устраняет возможность ошибки при поспешном заряжании»²³.

Но сложность в изготовлении и дороговизна скорострельных орудий не позволили им занять нишу основного артиллерийского вооружения пехотных полков «иноземного строя».

Кожаные, конно-вьючные и переносные орудия

Кожаные пушки активно применялись шведским королем Густавом Адольфом в Тридцатилетней войне. Они состояли из тонкостенного медного ствола, скрепленного железными обручами и просмоленной веревкой, а сверху обшитого кожей. Снаружи надевался железный обруч с двумя цапфами. Кожаная пушка весила всего 3-4 пуда и легко перевозилась на лафете одной лошадей. Но стрелять такое «чудо-оружие» могло только картечью; к тому же из-за плохой теплопроводимости веревок ствол перегревался и мог разорваться. В 1630-х гг. на московском Пушечном дворе мастер Юлиус Коет делал кожаные пушки по шведскому образцу. По памяти из Пушкарского приказа, 16 июня 1632 г. «немчин Елисей Коет» пожалован сукном «за стрельбу, что он перед государем стрелял на лугу из кожаные пушки июня в 13 день»²⁴. Однако после смерти мастера в 1634 г. производство орудий было прекращено.

К 1660-м гг. были разработаны новые конструкции «кожаных пушек», которые существенно отличались от образцов 1630-х гг. прежде всего гораздо более прочными стволами, что позволило стрелять из них не только картечью, но и ядрами. В июне 1661 г., когда в разгаре была война с Речью Посполитой, воеводе Новгородского разряда Ивану Хованскому в Новгород было послано «50 задубных кож... а велено из тех кож делать пушки полковья». Получив кожи вместе с прочими припасами, воевода отвечал: «...а из задубных кож велел я пушки дробовья делать со всяким

поспешением»²⁵. Но ряд источников говорит о том, что кожаные пушки у Хованского были в войске ранее. Так, описывая трофеи после битвы под Полонкой 1660 г., в которой войска воеводы Новгородского разряда потерпели жестокое поражение, польский источник отмечает «17 больших медных пушек и много кожаных»²⁶. В описях приказа Тайных дел упоминаются некоторые документы 1660–1661 гг., свидетельствующие о производстве легких орудий: «Государева грамота к нему ж (кн. И. Хованскому. – А. Л.) с милостливым словом, что он вымыслил делать пушки кожаные и впредь ему... такие ж пушки велено делать»²⁷. Другая опись уведомляет, что грамота «с милостливым словом за пушечное кожаное дело» послана 29 апреля 1661 г.²⁸ В том же 1661 г. воевода Б.А. Репнин в одной из отписок в Разрядный приказ сообщил, что из Новгорода в его полк были присланы две «пушки кожаных, окованные железом» и, что интересно, в качестве боеприпасов к ним — не картечь, а «ядра пустые»²⁹.

Кожаные орудия делались на новгородском и московском Пушечных дворах на протяжении 1660-х гг. По-видимому, результаты применения орудий в боях удовлетворяли русское командование, поэтому вскоре они поступают на вооружение не только солдатских, но и стрелецких полков. Уместно здесь привести слова иностранца И. Кильбургера, высказанные в 1674 г.: «Несколько лет тому назад умер иностранец, который ... пушки умел хорошо обтягивать обручами. Из таких я видел еще различные среди стрелецкой артиллерии, которые были обтянуты 18-ю обручами. Но теперь нет никого больше в стране, кто обладает таким умением»³⁰. Скорее всего, инициатором применения орудий новой конструкции выступил один из иноземных офицеров, служивших тогда в полках нового строя Новгородского разряда. Предложение было направлено воеводе, а тот информировал об этом царя, любителя артиллерийских новинок.

В делах Оружейной палаты сохранилась «ропись мастерам и оружию, сделанному государю в поднос на Пасху» (1660), в которой фигурируют следующие орудия: «Кожаные: пушка ядром в 3 гривенки полковая пешего строю, пушка ядром в гривенку полковая рейтарского строю. Длинною обе по 2 аршина. Делал обе иноземец Яган Фанстолпер». Помета «Дать сукно да тафту» свидетельствует о награде мастеру за работу. Ниже перечисляются также «пушка кожаная малая на ремнях», «пушка кожаная полковая

в станку», а две «пушки коженые» остались «у великого государя вверху»³¹. Несомненный интерес здесь представляют не только легкая пехотная, но и конная артиллерия – так называемые пушки «рейтарского строю». Некоторые материалы Пушкарского приказа сохранили сведения о производстве таких конно-вьючных («на ремнях») пушек. Так, в деле пушечного мастера Х. Иванова отмечено, что в 1661 г. он отлил «в приказ Болшого [дворца] 14 пищалей, что с лошадей стреляют»³².

В 1660–1670-х гг. несколько штук «экспериментальной» артиллерии поступило в кавалерийские части. В документах Разрядного приказа есть сведения о существовании в штатах рейтарских полков «огнестрельных стрельб мастеров», которых приписывали к небольшим орудиям³³.

По-видимому, внедрение небольших «кожаных пушек рейтарского строю» в кавалерийские части было лишь эпизодом, попыткой создания артиллерийского сопровождения кавалерии.

Русское правительство в те времена было заинтересовано в новых видах оружия и часто давало поручения своим резидентам вербовать «инженеров» и «мастеров». Например, в 1660 г., как только стало известно об опытах в Любеке по метанию из мушкетов мушкетных гранат («а гранаты де из мушкета летали на 80 сажень мерных»), тотчас же агенту Иоганну фан Горну было дано указание, чтоб он завербовал и выслал одного мастера «с гранатными образцы»³⁴. Скорее всего, речь шла о каких-то специальных насадках на мушкеты, с помощью которых стало возможным метание небольших ручных гранат.

В некоторые пехотные полки поступали легкие переносные мортирки, стрелявшие небольшими разрывными снарядами. К 1670-м гг. были разработаны уникальные ручные гранатометы, известные в документах как «верховые пушечки с замком», «пушечки рукопольные», «стволы мушкетные гранатные». Упоминания о них можно встретить в полковых и городских описях 1670–1680-х гг. Так, в перечне артиллерии Стрелецкого приказа Александра Карандеева (ок. 1678), отдельно в графе «Припасы» упоминается интересное орудие, небольшой гранатомет для метания 5-фунтовых гранат (масса ствола – 40 кг, станка – 32 кг, всего в комплекте 92 «ядра тощих»): «По осмотру в тех припасех объявилось одна пищаль медная верховая рукополная весом полтергья пуда на станку, станок окован железом с четверма кольца, станок весом два пуда»³⁵.

Скорее всего это была переносная мортирка с переносным станком. Судя по документам Пушкарского приказа, именно к 1670-м гг. на Пушечном дворе стали делать такие мортирки калибром в 4, 5, 6 и даже 10 фунтов. В распоряжении князя Ю.И. Ромодановского на Пушечный двор говорится: «зделать ... 10 пушек верховых, 4 пушек по 4 фунтов в гранате по пороху, в четырех пушках по шти фунтов в гранат пороху, в дву пушках по десяти фунтов в гранат пороху. К верховым к десяти пушкам четверо фунтовых и шти фунтовых и десять фунтовых гранат надобно 2000...»³⁶ Малые мортирки в описях городской артиллерии второй половины XVII в. обозначены как «стволы гранатные», или «стволы мушкетные гранатные». Так, в описи Севска 1670-х гг. упоминаются «пятьдесят четыре ствола железных гранатных»³⁷, в Пскове числились «шестнатцать стволов мушкетных гранатных в досках и с шомполами железными»³⁸. Все эти гранатометы, очевидно, по конструкции чем-то напоминали знаменитые петровские «мортирки», экземпляры которых сохранились в музейных коллекциях³⁹.

Как можно предполагать, появление подобных видов оружия было обусловлено общими европейскими тенденциями в те годы – стремлением метнуть легкий разрывной снаряд на дистанцию, недостижимую броском руки⁴⁰.

Деревянные и земляные пушки

Огнестрельные неметаллические орудия, изготовленные из деревянных колод и усиленные металлическими обоймами, в боевых действиях применялись лишь в самых крайних случаях⁴¹. Такие мелкокалиберные пушки рассматривались как «эрзац-оружие», поскольку их живучесть, мощность и точность стрельбы были минимальные. Однако любой уважающий себя военный инженер должен был при необходимости уметь изготовить такое орудие.

История об испытаниях в Москве «деревянной», или «земляной», пушки, которая могла выстреливать крупнокалиберные пушечные гранаты, похожа на детектив. В 1670 г. Николас Бауман, носивший к этому времени звание генерала, добился у царя Алексея Михайловича разрешения вернуться в Данию. Однако на родине престарелый генерал оказался невостребован. Он постоянно путешествовал по Германии и Голландии, но везде к его заслугам и проектам относились скептически – генеральский патент, выданный в России, не признавался в европейских армиях. Во время

одной из поездок Бауман познакомился с известным инженером и артиллерийским теоретиком Иоганном-Зигмундом Бухнером и поведал ему удивительную историю про «земляную пушку», сконструированную в Москве. Позже в своем трактате «Теория и практика артиллерии» («et praxis artilleriae») 1682 г. Бухнер привел этот рассказ побывавшего на русской службе генерала. Его суть такова. Один артиллерийский капитан и обер-инженер по фамилии Геткант «измыслил снаряды из земли бросати» на дистанцию более 1000 шагов. Перед своей смертью Геткант приказал своей единственной дочери сжечь все чертежи чудо-оружия, а его помощник по фамилии Тамсон «клятвою принужден был обещати никому онаго вскрыть, но с собою в могилу взятии» Позже Тамсон завербовался на службу в Россию и поступил в «артиллерийский» полк Баумана. Бывший слуга случайно проболтался генералу о том, что хранит тайну «земляной пушки». В результате несчастного заставили открыть секрет силой – «помянутой Тамсон как ни отговаривался, однакож против насильства ничего мог учинить». На опытных стрельбах в присутствии Баумана он действительно выстреливал из земли гранаты и камни, за что был одарен подарками, произведен в капитанский чин⁴². Эта история похожа на легенду, однако обращение к делам Разрядного, Пушкарского и Тайного приказов позволило найти ряд подтверждений и уточнений рассказу И.-З. Бухнера.

Поиск офицеров, работавших на Гранатном дворе у Н. Баумана, вывел на фамилию «гранатного и огнестрельного мастера Ганца Тимсона»⁴³. Тимсон (Тамсон) был учеником Фридриха Гетканта (artillerieleutnant Friedrich Getkant, 1600–1666), немца по происхождению, знатока фортификации, артиллерии и механики. Геткант находился на службе в Польше, строил укрепления на балтийском побережье и занимался разработкой артиллерийских систем. Его рукописи, посвященные военным и инженерным аспектам, были утрачены во время пожара во Львове в 1662 г.⁴⁴ Скорее всего Г. Тимсон (или Тамсон) приехал в Россию не после смерти Гетканта, а после львовского пожара. В документах Тайного приказа его имя фигурирует с осени 1663 г.: «капитаном Ганцу Тимсону да брату ево отютанту Фредрику» была пожалована значительная сумма «на подъем» – около 400 рублей!⁴⁵ В 1668–1670 гг. «огнестрельной стрельбы мастер Ганц Тимсон» был отправлен с пушками в Глухов в действующую армию князя П.А. Долгорукова⁴⁶. В начале весны

1671 г. артиллерийского капитана перевели в Курск, в полк боярина Г.Г. Ромодановского, а 13 марта того же года Тимсону разрешили уехать в отпуск в Москву, оставив вместо себя брата Фредерика⁴⁷.

В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) удалось найти интересные документы, свидетельствующие о том, чем занимался гранатный мастер в столице в период с мая по июнь 1671 г. Это черновые памяти головам И.В. Большому Ларионову, М.Г. Юреневу, Б. Ертусланову и П.Б. Строеву и «роспись капитана и огнестрельного мастера Ганца Тимсона, что ему надобно **к деревянной верховой пушке гранат и гранатных составов** (выделено мной. – А. Л.)». Тимсону и его помощникам, гранатчикам В. Иванову и Г. Калинину и иноземцу Элману, для постройки большой деревянной пушки было выдано: 100 гранат «розных статей», полпуда «селитры лютрованной», 12 гривенок серы, несколько пудов пороха, смолы, «котел медной смоляной», около 100 дубовых и сосновых брусков длиной от 0,5 аршина до 3,5 сажень, «бумаги на картузы», более пятидесяти обручей «больших и меньших» и др. Собирали орудие 25 бочаров, плотников и токарей⁴⁸.

Следует отметить, что сконструированные по проекту Тимсона деревянные пушки впоследствии принимали участие в боевых действиях. В документах упоминаются «деревянные пушки», которые правительственные войска использовали при осаде Соловецкого монастыря в 1674–1676 гг.⁴⁹ Появление таких «экстраординарных» орудий под Соловецким монастырем диктовалось природными условиями тех краев. Тяжелые мортиры в силу ряда обстоятельств невозможно было быстро переправить к осажденной крепости. Поэтому правительством было принято решение собрать гранатные пушки уже на месте. К воеводе И. Мещеринову были «посланы гранатчики, которые огнестрельному делу навичны и учились у иноземцев». Согласно донесению воеводы от 6 июня 1675 г. в Сумском остроге он «приказал зделать гранатным мастером шесть пушек деревянных и, зделав, привез на Соловецкой остров <...> велел <...> **те деревянные пушки вкопывать в землю** (выделено мной. – А. Л.)». В другой отписке Мещеринов докладывал, что обстреливал соловецких сидельцев «из двух медных да **из деревянных четырех гранатных пушек гранатными железными и зажигательными ядрами** (выделено мной. – А. Л.)»⁵⁰. По Холмогорской летописи во время осады ратные люди «и шанцы, и рвы, и подкопы

копали, и туры и лестницы строили, и **деревянные в землю пушки ставили** (выделено мной. – А. Л.)»⁵¹. Использование деревянно-земляных пушек в определенных условиях могло в какой-то мере компенсировать дефицит осадных орудий.

Таким образом, сопоставление источников позволяет предположить, что земляная пушка в описании Бухнера и деревянная пушка в русских актах – одно и то же. Тимсон (Томсон) действительно делал некие большие деревянные пушки, которые врывали в землю. Но установить какие-либо подробности о конструкции таинственных деревянных пушек не представляется возможным. Впрочем, Бухнер или его информатор явно преувеличивали характеристики этого чудо-оружия: будто бы «земляная пушка» могла выбросить до 40 «возов камня»! Из «росписи Ганца Тимсона» 1671 г. следует, что орудие выстреливало пушечные гранаты «розных статей», т. е. мортирные бомбы весом в 1, 2 и 3 пуда.

Впрочем, в это же время были отлиты гигантские мортиры, которые из-за своих больших габаритов также врывали в землю. Э. Пальмквист в отчете 1674 г. приводил чертеж «больших металлических мортир, калибром в 2 локтя, длиною 4 калибра, с камерой в два калибра. По значительной величине и тяжести этих орудий их употребляют без лафетов, врывая прямо в землю... Из этих мортир стреляют или огромными снарядами, или же окованными железом бочонками...»⁵² Согласно документам, действительно в 1668–1669 гг. было произведено несколько «верховых пушек», стрелявших огромными гранатами до 13 пудов (208 кг) весом⁵³. Кроме этого разрабатывались чертежи гигантской мортиры, ствол которой разбирался на несколько частей⁵⁴.

Приведенные выше примеры отнюдь не исчерпывают все проекты создания необычных артиллерийских орудий, появившиеся тогда в России. Эксперименты Н. Баумана и других офицеров Гранатного двора находили полную поддержку со стороны русского правительства, желавшего иметь на вооружении армии самые современные и качественные образцы артиллерии. Однако не все удачные проекты были реализованы в серийном производстве. Хотя некоторые артиллерийские образцы технически опережали время, но сложность их изготовления, чрезмерная затратность, недостаток квалифицированных кадров не позволили развить новые идеи дальше. Казнозарядные орудия со сложной конструкцией уступили место простым дульнозарядным пищалям, массовое изготовление

которых было освоено к 1670-м гг.; производство кожаных полковых и рейтарских пушек было прекращено, очевидно со смертью мастера, не сумевшего (или не желавшего) передать опыт ученикам; по разным причинам не получили дальнейшего развития и другие артиллерийские проекты...

¹ Лобин А.Н. «Против недругов стоял и бился мужественно...» // Родина. Российский иллюстрированный журнал. 2006. № 11. С. 90–93; Бабулин И.Б. Генерал Бауман и его деятельность в русской армии XVII века // Рейтар. 2005. № 7 (19). С. 57–86.

² РГАДА. Ф. 1470 (Пушкарский приказ). Оп. 1. Д. 263. Л. 45–80 (на этот документ мне любезно указал С.П. Орленко); ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 1359, 1780; Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1883. Вып. 2 (1613–1725). С. 565.

³ В штате двора упоминается «алхимист» Миколай Викторов Греченин. Помимо мастеров, занимавшихся разработкой огнестрельного оружия, в штате Гранатного двора числились «латной мастер Назар Близловский», «Гранатного двора зеркального дела сборщик» Григорий Тараканов, мастер подъемных дел Гранатного двора» Матиас Янцын, «седельный мастер Маркус Вин», «латной мастер Ян Корет», «часовые мастера московского Гранатного двора» Роберт Джарит и Адриан Крик (Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. С. 565; ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 1824, 1839; РГАДА. Ф. 1470 (Пушкарский приказ). Оп. 1 Д. 263 (Дела о выдаче жалованья иноземцам). Л. 80; Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 967, 1211)

⁴ Подпись «Linnenberg» (ОР РНБ. Ф. 532. № 1792).

⁵ Подпись «Zuderlandt» (ОР РНБ. Ф. 532. № 1793).

⁶ В 1670 г. « годового жалованья генерала Миколаева полку Бодмана начальным людям полковником и капитаном и порутчиком и прапорщиком и Гранатного двора мастеровым людям русским и иноземцом» выдано на 68 чел. (ОР РНБ. Ф. 532. № 1920).

⁷ К октябрю 1669 г. на Тульско-Каширских заводах Марселиса изготавливались «пушечные ядра и гранаты, которые для посылок в полки и **по чертежем генерала Миколая Бовмана зделаны** (выделено мной. – А. Л.)». (Крепостная мануфактура. М., Л., 1930. Ч. 1. С. 386).

⁸ Например, в декабре 1668 г. на Тульских и Каширских заводах «велено зделать 2000 бердышей с укладом самых добрых по чертежу, каков чертеж подали в Пушкарском приказе генерала Миколаева полку Бовмана полковники Альбрехт Шневенц да Миколай Фанзален» (Крепостная мануфактура. С. 368). Бердыши «против образца» были сделаны, о чем сообщал П. Марселис, «и сталь немецкая на них положена как ведетца» (Там же. С. 389).

⁹ РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 174; Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 27–28.

¹⁰ Напр., один из интересных образцов казнозарядной пищали с затвором

экспонируется в ВИМАИВиВС. Инв. № 1/12.

¹¹ Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде // Утверждение династии. М., 1997. С. 25–26. О Н. Баумане см.: Лобин А. Указ. соч.

¹² ОР РНБ. Ф. 532. № 1379; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Кн. Белгородского стола. Кн. 152. Л. 296. Орудия такого типа, с длиной ствола 1,5–2 аршина и калибром в $\frac{3}{4}$ ф., из состава «солдацкого полкового наряду» были присланы в Переславль-Рязанский в 1661–1662 гг. (Дополнения к Актам историческим (ДАИ). СПб., 1867. Т. 10. С. 238).

¹³ ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 379.

¹⁴ ДАИ. СПб., 1859. Т. 7. С. 675–676.

¹⁵ АСПБИИ РАН. Ф. 175 (И.Х. Тамеля). Оп. 1. Д. 248. Л. 2 (листы 1 и 2 перепутаны местами).

¹⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 1 (Пушкарский приказ). № 328. Ст. 1.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 1359.

¹⁸ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1665–1671 гг. М., 2006. С. 299.

¹⁹ Там же. С. 311.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 532. № 1923.

²¹ АСПБИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. № 465; Лобин А.Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. СПб., 2004. Табл. 14.

²² Лобин А.Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в. Прилож. II. № 7. С. 181.

²³ Пальмквист Эрик. Заметки о русской артиллерии // Известия Императорской археологической комиссии. Пг., 1914. Вып. 53. С. 80.

²⁴ О кожаных пушках в России см.: Лобин А.Н. 1) Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613–1645) // Исследования по средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.-СПб., 2006. С. 387; 2) Русская артиллерия 1630–1660 гг. по шведскому образцу. Кожаные пушки и «gegementsruske» // Армии и битвы. Альманах. 2009. № 12. С. 11–15.

²⁵ Акты Московского Государства. СПб., 1901. Т. III. С. 356–357. № 390.

²⁶ Витебская старина. Витебск, 1885. Т. IV. С. 376.

²⁷ Дела Тайного приказа // Русская историческая библиотека. СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 927.

²⁸ Там же. С. 986.

²⁹ Епифанов П. П. Оружие // Очерки русской культуры XVII века. М., 1978. Ч. 1. С. 277.

³⁰ Курц Б. К. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 166.

³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8725. Л. 1–18.

³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. Д. 248. Л. 1.

³³ Напр.: РГАДА. Ф. 210. Ст. Белгородского стола. Ст. 1210. Л. 193–194 (посылка огнестрельного мастера и гранатных дел учеников из Пушкарского приказа в рейтарский полк Я. Одоврина, 1672 г.).

³⁴ Лобин А. Резидент Иван Гебдон // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2003. № 5/6. С. 29.

³⁵ РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Кн. Белгородского стола. Кн. 98. Л. 57.

- ³⁶ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 1923. Отрывок на 1 сст.
- ³⁷ Книга приходная полковому наряду и полковому припасам г. Севска // РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. Кн. 98. Л. 125.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Кн. Новгородского стола. Кн. 66. Л. 137.
- ³⁹ Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII вв. Каталог. М., 1990. С. 185–188.
- ⁴⁰ Так, в книге Сан-Реми 1697 года издания приводится изображение похожего «гранатомета», стреляющего небольшими гранатами под углом в 45° (SurireydeSt. Remy. Memoires d'Artillerie. Paris. 1697. P. 232). Во Франции, в конце XVII – начале XVIII вв. получила распространение конструкция мортиры-«куропатки», ствол которой был окружен тринадцатью маленькими 3-фунтовыми мортирками. При выстреле ручные гранаты следовали за большой гранатой, подобно «стае куропаток» (Le Blond. Treatise of Artillery: or of the Arms and Machines... London, MDCCXLVI. IX. Fig. 5–6).
- ⁴¹ О деревянных пушках в XVI в. см.: Кирпичников А.Н. Метательная артиллерия Древней Руси (Из истории средневекового оружия VI–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1958. № 77. С. 25.
- ⁴² Бухнер И.З. Учение и практика артиллерии, или внятное описание в нынешнем времени употребляющихся артиллерии. М., 1711. Ч. 2. С. 187–188.
- ⁴³ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 1811.
- ⁴⁴ Сохранился картографический атлас Гетканта «Topographica practica conscripta et recognita per Fridericum Getkant Mechanicum. Anno 1638» (К. Beauplaniana. Warszawa, 1934. S. 7–14).
- ⁴⁵ РИБ. СПб., 1904. Т. 23. Кн. 1. С. 407, 419, 430, 437.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. Ст. 623. Л. 356, 357.
- ⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 1886. Л. 1.
- ⁴⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 1 (Пушкарский приказ). № 348. Ст. 1–4.
- ⁴⁹ Огнестрельные мастера просили к стрельбе «к деревянным пушкам железных приборных гвоздей сколько надобно, да скобы и крюки тож сколько надобно». (Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. Кн. IV. 1883. С. 76–77).
- ⁵⁰ Юхименко Е.М. Соловецкое восстание 1668–1676 гг. и старообрядческая «История о отцах и страдальцах соловецких» // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 84.
- ⁵¹ Холмогорская летопись // ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 219.
- ⁵² Пальмквист Э. Указ. соч. С. 80.
- ⁵³ Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 176.
- ⁵⁴ Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольдेलанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде. С. 25–26. Первый случай отливки разборной, или «складной», мортиры фиксируется только в 1692 г., когда М. Осипов отлил «пушку верховую складную гранатом полупудовую» (Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII века // Исторические записки. Т. 1. 1962. С. 266), за что мастер получил «портище сукна карамзину, мерою 5 аршин» (Есипов Г.В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 1. С. 310).

А.В. Лосик, А.Н. Щерба (Санкт-Петербург)

ФЕЛЬДМАРШАЛ БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

СРАЗУ после победы над Наполеоном в русском обществе горячо обсуждали все события прошедшей войны. Они были столь масштабны, изумительны и во многом неожиданны, что вызвали к жизни острую полемику среди политиков и военных. Оценки этой войны высказывались самые различные, и они касались важнейших сражений и вклада каждого полководца в победу. Недостаточно развитое состояние средств массовой информации того времени не позволило установить истину по целому ряду проблем, которые до сих пор остаются дискуссионными. Прояснить ряд малоисследованных вопросов позволяют копии записок фельдмаршала Барклая-де-Толли (1761–1818), хранящиеся в фондах Архива Санкт-Петербургского института истории РАН.

Очевидно, острота дискуссий, неоднозначность трактовок тех событий и откровенные вымыслы побудили участвовать в этой полемике крупнейших полководцев войны с Наполеоном, к числу которых, безусловно, относился и фельдмаршал Барклай-де-Толли. Причины своего участия в полемике объясняет сам полководец в самом начале этого документа, где пишет: «...до ныне спокойно смотрел я на все оскорбления против меня толпами народными и спокойно ожидал оправдания от самых последствий. Надежда моя частью свершилась. Беспристрастные признаются уже в ошибке своей, но ненависть и злословие, питаясь обыкновенно слабостью других, не перестают запутывать истину в умах легковверных. Я, будучи покоен в совести моей, готов был изобличить в несправедливости их представить также времени. Но порицаемая вместе со мною честь сподвижников моих, явивших чудеса храбрости и

примерной любви к государю и Отечеству своему, выводят, наконец, меня из равнодушия. И убеждают изложить пред лицом всего Отечества к собственному успокоению полный отчет в делах моих, относительного сего чрезвычайного времени»¹.

Как известно, в преддверии войны Барклай занимал высокую должность военного министра и, как никто, знал о всех тонкостях военно-политической обстановки в Европе. Он непосредственно отвечал за подготовку русской армии к войне с Наполеоном. В этот период все достаточно реально осознавали, что это будет, по своим масштабам, невиданная ранее война, которая решит участь не только России, но и всей Европы. Поэтому было принято единственно правильное решение – «поставить себя в возможную готовность к отражению силы силою»².

Полководец кратко перечисляет, какие меры были приняты для максимального усиления армии. Из всего перечня он выделяет самые главные мероприятия и, в частности, подчеркивает, что за 1810–1811 гг. удалось значительно увеличить армию; привести в порядок важнейшие старые крепости, построить и вооружить новые на западных рубежах; приготовить значительные продовольственные запасы; пополнить арсеналы оружием; сформировать значительное количество парков с военными снарядами и другими военными припасами³. Реализация всех этих весьма масштабных мероприятий в столь короткий срок свидетельствует об огромной работе, проведенной в предвоенный период в масштабе империи. При этом необходимо учесть, что только окончилась война со Швецией и продолжалась война с Турцией.

Утверждение Барклая о значительном увеличении армии менее чем за два года подтверждает и выдающийся военный теоретик Г.А. Леер. Он пишет, что в течение 1811 г. было сформировано: 2 новых гвардейских полка (Финляндский и Литовский), 10 мушкетерских полков, 3 егерских, 2 кирасирских, 3 морских полка включены в состав 25-й пехотной дивизии, сформирован учебный гренадерский батальон и учебный эскадрон для подготовки унтер-офицеров и лейб-гвардии Черноморская казачья сотня⁴.

Барклай считает, что интенсивная подготовка России к войне оказала существенное влияние на характер действий Бонапарта. Он увидел, что немедленно одними имеющимися в распоряжении собственными силами не может совершить вторжение, и вынужден был мобилизовать силы своих европейских союзников, что

дало в его руки мощь, почти втрое превосходящую нашу на западной границе, и количество этих войск стало неожиданностью для русского командования.

Наполеону удалось привлечь к участию в походе на Россию вооруженные силы большинства европейских стран, добившись значительного численного преобладания над русской армией. Барклай признает, что возрастание сил неприятельских до полумиллиона во многом стало неожиданностью для русских. Барклай излагает основные подходы русского военного командования к выработке стратегии ведения будущей войны.

Было принято решение вести войну оборонительную. Но русское военное командование прекрасно понимало, что вести просто оборонительную войну было бы пагубно вследствие большого численного превосходства неприятеля. Даже удачная оборона ключевых укрепленных пунктов государства не гарантировала конечный успех, вследствие того что противник имел способы быстро подкрепить свои силы за счет своих резервов и ресурсов союзных государств. Решиться на генеральное сражение было бы также безответственно, ибо обрекало на гибель армию при огромном численном превосходстве неприятеля⁵.

Характерной особенностью Отечественной войны 1812 г. являлось то, что было подготовлено и детально обсуждалось несколько вариантов общей стратегии боевых действий. Свои варианты разработали граф Алонвиль, граф Н.С. Мордвинов, князь П.М. Волконский, генерал Фуль, полковник Толь и генерал Барклай-де-Толли. При этом следует признать, что с началом неприятельского вторжения в Россию на практике начал реализовываться именно план ведения войны, разработанный последним. Это подчеркивает и автор известного многотомного исследования, посвященного Отечественной войне 1812 г. генерал М. Богданович. Он пишет: «Не подлежит сомнению также и то, что план отступления наших армий внутрь страны принадлежит не одним иностранцам (как старался доказать Вольцоген) и что главный исполнитель этого соображения, Барклай-де-Толли, сам составил его задолго до войны 1812 года. Это доказывается как историческими фактами, так и документами, хранящимися в наших исторических архивах»⁶.

Генерал М. Богданович был первым, кто поставил этот вопрос еще в середине XIX в. и безоговорочно отдал приоритет в этом отношении Барклаю. Однако эту точку зрения не разделяли многие

отечественные военные историки и военные теоретики, в частности А.Н. Попов. Эта проблема осталась дискуссионной и в период празднования 100-летнего юбилея, когда был издан труд «Отечественная война и русское общество», в котором не было дано ясного ответа, по какому плану действовала русская армия в период отступления. У многих авторов стратегический план действий русского командования отождествлялся с планом Фуля. Не дал ответа на этот важный вопрос и признанный авторитет в данной области академик Е.В. Тарле.

К 150-летию Отечественной войны 1812 г. вышло в свет очередное издание, где был сделан вывод о том, что планы ведения боевых действий разрабатывались и обсуждались военным командованием русской армии, но официального, утвержденного императором Александром I в качестве такового, фактически не существовало⁷.

Поэтому после вторжения неприятельской армии на общем совещании было принято наиболее рациональное решение для спасения Отечества – начать кампанию общим отступлением, увлекая неприятельские войска вглубь страны. По замыслу русского командования в ходе отступления каждый шаг русской территории и каждое средство к существованию и подкреплению противник должен был добывать ценой большой крови и, истощив его, следовало нанести решительный удар. Необходимо признать, что этот план довольно последовательно проводился в жизнь.

В своей записке Барклай излагает особенности расположения русских войск, действующих против Наполеона, корпусов резервных войск, а также состояние крепостей, что уже хорошо освещено в нашей военно-исторической литературе. Как педантичный человек, он отмечает, что лишь одна крепость – Динабург – не была приведена в надлежащее состояние по причине ее обширности и недостатка времени, но и здесь удалось привести в наилучшее состояние мостовое укрепление⁸.

Наполеон достаточно быстро разобрался с особенностями диспозиции русских войск и стремился либо разбить две русские армии поодиночке, либо вместе в генеральном сражении. Но последовательное осуществление русскими войсками вышеупомянутой стратегии расстроило его планы, хотя, как отмечает автор записок, арьергарды наши преследовали целые корпуса противника. Несмотря на это, Барклай особо подчеркивает, что в процессе кровопролитных арьергардных боев ни один русский солдат не попал

в неприятельский плен, ни одна повозка из обоза не досталась французам и им не удавалось воспользоваться на пути следования ни хлебом, ни фуражом, ни подводами. Неприятель при этом нес значительные потери в живой силе⁹. Таким образом, план ведения войны противника был расстроен уже в ее начальный период.

Барклай подчеркивает всю сложность отступления двух армий, когда необходимо отбиваться от неприятеля и одновременно координировать совместные действия. Все это осуществлял именно Барклай, и основную тяжесть этих боев несла на себе сильнейшая – 1-я – армия под его командованием. Можно предположить, какие огромные усилия предпринимал Наполеон, великий военный дар которого трудно отрицать, чтобы разгромить гораздо более слабые русские войска, которые к тому же были разобщены. Тем не менее, отступление было проведено в образцовом порядке, и Бонапарт оказался бессилён перед высоким воинским искусством русского полководца. Барклай пишет по этому поводу: «Таким образом, исполнилось в виду предприимчивого неприятеля одно из опаснейших и труднейших движений в устройстве редко случающегося, в простых воинских маневрах в мирное время»¹⁰.

Генерал Барклай с сожалением признает, что соединение армий, кроме положительных последствий, вызвало к жизни и весьма негативные явления. Они выразились прежде всего в многочисленных интригах, в центре которых оказался командующий 1-й армией. В своем донесении императору он пишет по этому поводу: «...дух происков и пристрастия скоро открыли обидные суждения и неблагопристойные слухи с намерением распространенные, также, восприняли свое начало при соединении обеих армий»¹¹. Можно предположить, с какой остротой и болью воспринимал их педантичный Барклай, воспитанный на незыблемых устоях воинской дисциплины.

Осмелиться на интриги против командующего армией в ранге министра, да еще и в условиях военного времени, могли лишь люди с огромными связями либо осознающие свою неприкосновенность. Барклай смело называет фамилии лиц, в числе которых знатнейшие люди империи: великий князь Константин Павлович и ряд офицеров, принадлежащих к главной квартире императора – герцог Вюртембергский, генерал Беннигсен, Корсаков, Армфельд и др. По мнению Барклая, именно эти люди через некоторых императорских адъютантов в обеих армиях распространяли различные

измышления. К этому списку он с большим сожалением причисляет и начальника своего штаба генерал-лейтенанта А.П. Ермолова, которому дает весьма нелестную характеристику¹².

Барклай не мог оставить без последствий эти демарши своих недругов и, несмотря на их высокое положение, удалил из армии нескольких адъютантов императора. Среди них были представители влиятельнейших фамилий: князь Любомирский, граф Браницкий, Влодек и др.¹³ Кроме того, он обратился к императору с ходатайством о предоставлении права удалять из войск и более знатных лиц. Это, конечно же, не добавило ему друзей, которых и без того было мало. Однако без пресечения данных негативных явлений в армии, ведущей боевые действия, вряд ли можно было рассчитывать на успех.

При оценке Барклаем тех событий нельзя не заметить, мягко говоря, и некоторых противоречий с командующим 2-й армией князем Багратионом. По поводу быстрого прибытия 2-й армии к Смоленску он пишет: «Может быть содействовало также к сему скорому движению желание предупредить меня в занятии сего города, причиной сего обстоятельства могло быть одно из многих писем в коем заметил я, что по направлению принятому, Второй армии нельзя было надеяться на соединение и что следовательно Первой армии находится в необходимости противиться одной соединенным силам неприятельским»¹⁴. Далее он уже открыто признает: «Из предыдущей нашей переписки о медленности действий произошли уже некоторые неудовольствия. Я должен был льстить его самолюбию и уступать ему в разных случаях, против собственного своего удостоверения; дабы провести с большим успехом важнейшие мероприятия»¹⁵. Чтобы решиться на замечание генералу П.И. Багратиону, у которого ранее неоднократно был в подчинении, необходимо мужество, сопряженное с чувством высокой ответственности за судьбу Отечества.

Противоречия между двумя талантливыми военными и яркими личностями стали известны даже императору, который в этой связи писал Барклаю: «Я весьма обрадовался, услышав о добром согласии вашем с князем Багратионом. Вы сами чувствуете всю важность настоящего времени и что всякая личность должна быть устранена, когда дело идет о спасении Отечества»¹⁶. Этими словами монарх отдавал должное терпению, такту и всей деятельности своего полководца по руководству обеими армиями в условиях,

когда старшинство не было четко определено и взаимоотношения строились на принципах, несущих в себе остатки старого местничества.

Каждый из командующих имел право личного доклада императору и по своему усмотрению распоряжался войсками вверенной армии. Однако, оставаясь в должности военного министра, Барклай имел соответствующие права, но в интересах сохранения хороших отношений с командующим 2-й армией своей властью не пользовался. Он подчеркивает в этой связи: «Я имел особенное право в качестве военного министра объявить высочайшую волю Вашего Императорского Величества, но в делах столь важных, в делах, от коих зависит участь всей России, я не дерзал употреблять сего права без высочайшего соизволения»¹⁷.

Как человек широкого кругозора, занимавший должность военного министра и имеющий уникальный опыт, позволяющий видеть войну в стратегическом масштабе, Барклай очень емко оценивает значение первых сражений с французами и, в частности, смоленского. Подобная оценка не нашла своего отражения ни в трудах Г. Леера, ни в издании М. Богдановича. Он отмечает, что для взятия Смоленска Наполеон вынужден был максимально сконцентрировать все свои силы между Двиною и Днепром и оставить без подкрепления корпус маршала Удино, который был разбит войсками генерала П.Х. Витгенштейна. Это событие навсегда похоронило надежды французского императора на захват Лифляндии, Пскова и Новгорода. Была также изменена задача 5-му корпусу, который вместе с австрийцами должен был преследовать армию Багратиона и занять важную позицию между Припятью и Днепром. Корпус был передислоцирован в Могилев на смену корпусу Даву, который был присоединен к главной армии¹⁸.

Тем не менее, оставление Смоленска породило резкие выпады против Барклая как со стороны видных чиновников российского императорского двора, имеющих влияние на императора, так и со стороны военных. Некоторые предлагали даже предпринять решительное наступление и разгромить противника. Поэтому в своем донесении к Александру I Барклай отмечал: «Отдача Смоленска дала пищу к обвинению меня моим неприятелям. Слухи неблагоприятнейшие, сочинения, исполненные ненавистью против меня, распространялись и особенно людьми, находящимися в отдалении, не бывшими свидетелями сего события»¹⁹. Обремененный большими

обязанностями и находящийся постоянно в центре боевых действий, полководец вынужден был реагировать и на эти выпады.

Своим многочисленным оппонентам он приводит весьма убедительные доводы. Атаковать «предприимчивого» и численно превосходящего противника, имея в тылу только крутые берега Днепра, было весьма рискованной авантюрой. Командующий русской армией хорошо знал, что наши резервы находятся в отдалении и еще не готовы. Наполеон же мог в любое время усилить себя двумя резервными корпусами, находящимися на флангах. Поэтому он довольно резко дает отповедь своим оппонентам: «Все сии лица любящие ожидать и назначать, что надлежит исполнять, нашлись бы в крайне затруднительном положении и лишились бы даже присутствия духа, если бы увидели себя на месте Главнокомандующего и имели бы на собственной ответственности защищение не только города, но и всего государства. Легко предполагать распоряжение, не обнимая общего соображения и не взирая на будущее, особенно же при уверении, что мы сами не обязаны исполнять оных и отвечать за последствия»²⁰.

Это вовсе не говорит о том, что Барклай был принципиальным противником решающего сражения. Объективным доказательством этому служат его распоряжения и действия при Царевом Займище. По его приказу генерал М.А. Милорадович привел сюда сформированные резервы – 12 батальонов пехоты, 8 эскадронов кавалерии и несколько рот артиллерии. После их прибытия Барклай немедленно принимает решение о подготовке к решительному сражению. Он также отдает распоряжение тульскому, орловскому и черниговскому губернаторам о доставлении в Калугу продовольственных и фуражных припасов, заготовленных в этих губерниях. Инженерам обеих армий было немедленно предписано возвести несколько редутов на фронте расположения войск и на флангах²¹. Одновременно для подкрепления арьергарда, получившего приказание удерживать неприятеля по возможности на каждом дефиле, были отряжены 3-я дивизия и 2-й кавалерийский корпус. Возглавил арьергард бесстрашный генерал-лейтенант П.П. Коновницын. Этот план не был реализован не по вине Барклая, а в связи с тем, что 17 августа в армию прибыл новый главнокомандующий – М.И. Кутузов.

Прибывший в армию новый главнокомандующий осмотрел позицию, выбранную Барклаем для генерального сражения у Царева

Займища и первоначально полностью одобрил ее. Его сопровождали люди, часть из которых были ранее удалены Барклаем из армии. По его мнению, именно эти люди, а также генерал Беннигсен повлияли на решение Кутузова отменить уже идущую полным ходом подготовку к сражению. Здесь он не удерживается от несколько эмоционального заявления о том, что: «По разбитии неприятеля в позиции при Царевом Займище слава его подвига не ему припишется, но избравшим позицию, причина достаточная для себялюбца, каков был князь, чтоб снять армию с самой позиции»²².

Новый главнокомандующий существенно изменил управление войсками. Начальником штаба главнокомандующего был назначен генерал Л.Л. Беннигсен, дежурным генералом полковник Кайсаров с правом отдавать приказания от имени главнокомандующего. Часто подобным же образом действовали и генерал-квартирмейстер полковник Толь и зять главнокомандующего князь Кудашев. Стало частым явлением, когда войска получали их приказания, минуя командующего армией и даже корпусных командиров. При таком стиле руководства командующие армиями, как звено военного управления, сделались излишними. Барклай не скрывает своего резко негативного отношения к подобному стилю руководства²³.

Особо подробно останавливается Барклай на Бородинском сражении. Еще при первоначальном осмотре позиции он предложил Кутузову построить на центральной высоте сильный редут, но вместо этого там была поставлена артиллерийская батарея из 12 орудий. Последующие события показали, что высоту необходимо было укрепить, тогда бы противник не имел возможности столь быстро овладеть ею. Кроме того, Барклаем было предложено построить несколько редутов, находящихся на старой Смоленской дороге в тылу армии П.И. Багратиона. Для этого необходимо было использовать ополченцев, которых в армии было 15–16 тыс. человек и они были обеспечены инструментом, присланным губернатором Москвы Ф.В. Ростопчиным. Это предложение также не было принято Беннигсеном и Кутузовым, которые считали, что эта дорога легко может быть обороняема нестроевыми частями. Во время сражения, как известно, из-за отсутствия редутов сюда пришлось снарядить весь 3-й корпус и значительную часть кавалерии, но и все эти войска с трудом удерживались там²⁴.

Как известно, 3-й корпус входил в состав 1-й армии, но его передислоцирование было произведено без ведома Барклая, а по распоряжению прибывшего туда полковника К.Ф. Толя. Это вызвало негодование у командующего армией, о чем он немедленно уведомил главнокомандующего, который заверил, что произошла ошибка, которая больше не повторится. По мнению дисциплинированного и педантичного Барклая, подобные явления были недопустимы и при ведении боевых действий могли привести к гибели всей армии ²⁵.

Автор записок утверждает, что накануне Бородинского сражения М.И. Кутузову было предложено с наступлением темноты передвинуть войска так, чтобы правый фланг 1-й армии опирался на высоты Горки, а левый примыкал к деревне Семеновское с тем, чтобы вся 2-я армия заняла место, в котором находился 3-й корпус. Этот маневр не изменял общего боевого порядка русских войск, но позволял максимально сконцентрировать наши войска и сбросить резервы. Барклай утверждает, что Кутузов одобрял этот план, но он не был приведен в исполнение. К сожалению, причин этого полководец не называет ²⁶.

С началом знаменитой Бородинской битвы Барклай быстро понял, что основные события разворачиваются на левом фланге, который обороняла армия П.И. Багратиона. По его словам, по просьбе Багратиона ему был передан весь 2-й корпус, а по вторичной его просьбе гвардейские полки: Измайловский, Финляндский и Литовский. Затем Барклай лично убыл на левый фланг в расположение 2-й армии и увидел, что все ее резервы уже введены в дело и войска в расстройстве. Затем он поспешил возвратиться, чтобы привести резервный 4-й корпус и поставил его в тылу 26-й дивизии, которая одна еще удерживала свою позицию, что помогло стабилизировать ситуацию.

Не вдаваясь в подробности хода Бородинского сражения, достаточно хорошо освещенного в нашей военно-исторической литературе, отметим все же факт, который в последнее время активно дискутируется среди военных историков ²⁷. Речь идет о том, что поле сражения осталось за русской армией. Эту же истину подтверждает и генерал Барклай-де-Толли, который пишет: «Я предписал генералу Дохтурову подкрепить войска 2-й армии, собранные им на левом фланге 4-го корпуса... Я предписал сему генералу снова занять позицию занимаемую им накануне. Я предписал

приготовление к построению редута на высоте при деревне Борках. 2 тыс. человек ополчения на сие были употреблены. Я донес о всех сих мерах князю Кутузову, он объявил мне свою благодарность. Все одобрил, уведомил меня, что приедет в мой лагерь для ожидания рассвета и возобновления сражения». Барклай утверждает, что был объявлен письменный приказ главнокомандующего, одобрявший его действия²⁸.

Об оставлении поля боя за русскими пишет и Кутузов в своем рапорте об итогах Бородинского сражения императору Александру I: «Таким образом, войска наши, удержав почти все свои места, оставлены на оных»²⁹. Однако здесь Кутузов употребляет выражение «почти», и мы знаем, что центральная позиция была захвачена французами. Ясность в этот вопрос снова вносит Барклай. Как упоминалось выше, ночью он начал активно готовить свои войска к новому сражению, которое предполагалось начать утром. С этой целью войска начали готовить свои позиции. По этому поводу Барклай пишет: «Я предписал рекогносцировку, дабы узнать занимает ли еще неприятель высоту центра. На ней найдены только рассеянные команды, занимающиеся своим отступлением. Вследствие сего, поручил я генералу Милорадовичу занять сию высоту на рассвете несколькими батальонами и одной батареей, все утешились одержанною победою и с нетерпением ожидали следующего утра»³⁰. Таким образом, становится совершенно ясно, что французы оставили эту важнейшую высоту и русские войска действительно остались на своих позициях. Больше того, они с воодушевлением готовились к новому сражению.

Однако в полночь Барклай получил приказ отступить на Можайск, что стало неожиданностью для него. Первым его желанием было ехать к М.И. Кутузову и выяснить причины неожиданной перемены планов. Однако узнав, что войска Второй армии уже выступили, приступил к немедленному выполнению приказа. При этом он уточняет, что только после 9 часов утра 27 августа на Бородинском поле показались рассеянные войска неприятеля, вероятно для проведения рекогносцировки. Барклай заявляет в записках: «Причина, побудившая к сему отступлению, еще поныне от меня скрыта завесою тайны»³¹.

Дальнейшие события разворачивались уже без его участия. Барклай заболел и 22 сентября 1812 г. покинул армию.

- ¹ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 334. Л. 1–2.
- ² Там же. Л. 2.
- ³ Там же.
- ⁴ Леер Г.А. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 1. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Тренеке и Фюсно, 1893. С. 170.
- ⁵ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 334. Л. 3.
- ⁶ Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1. СПб.: Тип. Торг. Дома Струговщикова, 1859. С. 94.
- ⁷ 1812 г. К столетию Отечественной войны / Сборник статей. М.: Изд. АН СССР, 1962. С. 33.
- ⁸ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 334. Л. 4–5.
- ⁹ Там же. Л. 5.
- ¹⁰ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.
- ¹¹ Там же. Л. 5.
- ¹² Там же. Л. 6.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 4.
- ¹⁵ Там же. Л. 5.
- ¹⁶ Богданович М. Указ. соч. С. 219.
- ¹⁷ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 70. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. Л. 11.
- ²⁰ Там же. Л. 12.
- ²¹ Там же. Л. 14.
- ²² Там же. Л. 15.
- ²³ Там же. Л. 17.
- ²⁴ Там же. Л. 18.
- ²⁵ Там же. Л. 19.
- ²⁶ Там же. Л. 20.
- ²⁷ Красная Звезда. 2003. 11 января.
- ²⁸ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 70. Л. 25.
- ²⁹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М.: Археологический центр, 1995. С. 187.
- ³⁰ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 226. Оп. 1. Д. 70. Л. 26.
- ³¹ Там же.

М.Г. Лохматов (Санкт-Петербург)

**ОРУЖИЕ ИЗ «СУВОРОВСКОГО
СБОРНИКА» В.П. ЭНГЕЛЬГАРДТА
В СОБРАНИИ МУЗЕЯ А.В. СУВОРОВА**

К СТОЛЕТНЕЙ годовщине смерти Александра Васильевича Суворова в 1898 г. было принято решение об устройении в Санкт-Петербурге музея с целью увековечения памяти великого полководца. Делами будущего музея занималась Суворовская комиссия, состоящая при Николаевской академии Генерального штаба. Одним из важнейших вопросов, которые решала данная комиссия, было соби́рание предметов, связанных с жизнью и деятельностью А.В. Суворова.

12 апреля 1900 г. Александр Фомич Петрушевский, известный своим фундаментальным трудом о Суворове, сообщил в письме председателю Суворовской комиссии генерал-лейтенанту Н.Н. Сухотину, что в Дрездене живет русский астроном Василий Павлович Энгельгардт, страстно увлекающийся Суворовым и собирающий суворовские реликвии. 20 апреля Н.Н. Сухотин написал письмо В.П. Энгельгардту с сообщением об устройении в Санкт-Петербурге музея в память о Суворове и попросил предоставить сведения о своей коллекции, и если будет возможность, то и поделиться какими-нибудь предметами. В ответном письме, полученном 5 мая 1900 г., В.П. Энгельгардт сообщил: «Я сделал распоряжение, чтобы весь мой Суворовский Сборник был передан после моей смерти в Суворовский Музей в Петербурге. Я собирал и собираю не для себя, но для Музея, устройству и процветанию которого желаю всяких успехов»¹.

Под «Суворовским сборником» Энгельгардт имел в виду собрание предметов, связанных с Суворовым, как то: фотографии видов Швейцарии с тех мест, где проходил путь Суворова

по Швейцарии, книги о полководце и его изображения, предметы быта конца XVIII в. из тех мест, где останавливался Суворов, различные предметы, найденные местными жителями на местах сражений и захоронений, относящихся к Швейцарскому походу, в том числе и оружие того времени.

Между Суворовской комиссией и В.П. Энгельгардтом завязалась переписка. В 1900 и 1901 гг. Василий Павлович выслал несколько фотографий своего «Суворовского сборника» с разъяснениями, а также альбом с фотографиями мест в Швейцарии, где А.В. Суворов прошел со своими войсками.

В январе 1902 г. было получено письмо от В.П. Энгельгардта, в котором он уведомил, что готов в ближайшее время выслать «Суворовский сборник» в Санкт-Петербург, еще до окончательного устройства музея. Он писал: «Вам уже известно, что я завещал, чтоб мой Суворовский Сборник был доставлен в Суворовский Музей в Петербурге после моей смерти, но если Вы пожелаете получить сейчас этот Сборник, то я Вам пришлю оный немедленно. В моем присутствии, укладка и отправка будут сделаны лучше, чем после меня, потому что я одинок. Я все думал подождать с отправкою до окончания постройки Музея, но на 74-м году жизни не следует рассчитывать на будущее, а надобно заботиться только о настоящем, и я буду очень рад и спокоен, когда мой Сборник придет к себе, домой. Здесь у меня он был ведь только в гостях»². Суворовская комиссия в ответном письме горячо поблагодарила за это решение и пообещала, что «Суворовский сборник» будет храниться «в сборе и сосредоточен в одном месте»³. До окончания строительства здания музея Собрание Энгельгардта предполагалось хранить в одном из залов здания Николаевской академии Генерального штаба на Суворовском проспекте, где уже располагались собранные к тому времени экспонаты будущего музея полковдца.

Уже 26 января (8 февраля) 1902 г. В.П. Энгельгардт выслал «Суворовский сборник» в Россию в 13 ящиках, общим весом 955 кг. В феврале груз прибыл в Санкт-Петербург и был размещен временно в здании Академии Генерального штаба, «приведен в полное устройство, заняв отдельный “Энгельгардтовский” уголок»⁴.

Когда в 1904 г. здание Суворовского музея было окончательно устроено, весь «Суворовский сборник» В.П. Энгельгардта занял левый малый зал, который именовался «Зал Энгельгардта». Сам Василий Павлович вследствие своего слабого здоровья не смог

**Рис. 1. «Суворовский сборник»
в Николаевской академии Генерального штаба
(Фонд фотодокументов ГММ А.В. Суворова. МС-2919)**

присутствовать на открытии музея, но Суворовская комиссия не забывала его и выслала ему фотографии его Сборника, сначала во временном помещении в Николаевской академии Генерального штаба, а затем и в Зале Энгельгардта (рис. 1).

Впоследствии В.П. Энгельгардт прислал в музей Суворова еще ряд предметов, в дополнение к своему «Суворовскому сборнику».

Умер Василий Павлович в 1915 г., но память о нем сохранялась и после его смерти.

После революционных потрясений 1917 г., музей Суворова ждала нелегкая судьба, но коллекцию Энгельгардта почти удалось сохранить в ее полном виде, не разбивая на части.

В начале 1918 г. советским руководством было принято решение об эвакуации Николаевской академии Генерального штаба в Екатеринбург. Поскольку Суворовский музей состоял на балансе академии, то эвакуации подлежали также и предметы музея. В мае 1918 г. часть предметов была эвакуирована, но многие экспонаты

остались в залах музея, в том числе и «Суворовский сборник» Энгельгардта. После реэвакуации музей Суворова так и не был открыт, а в 1927 г. собрание музея было передано в Артиллерийский исторический и Военно-историко-бытовой музеи, располагавшиеся в здании Кронверка. Коллекция Энгельгардта досталась Военно-историко-бытовому музею. В 1937 г. экспонаты были переданы в Артиллерийский исторический музей.

После Великой Отечественной войны было принято решение о воссоздании музея А.В. Суворова. В 1950 г. Артмузей возвращает Суворовскую коллекцию в ее родной музей, в том числе и «Суворовский сборник» В.П. Энгельгардта. Воссоздавать «Зал Энгельгардта» в новой экспозиции не стали. В результате его коллекция лишь частично размещается в залах, но большая ее часть остается в фондах.

В настоящее время в музее Суворова хранится 13 образцов оружия из «Суворовского сборника» В.П. Энгельгардта. Это четыре кремневых ружья, три штыка к кремневым ружьям, кремневый пистолет, три сабли, одна из них в ножнах, эфес шпаги со сломанным клинком, нож. Семь предметов (две сабли, два штыка, пистолет, эфес шпаги и нож) представлены на экспозиции, а остальные шесть предметов (четыре ружья, штык и сабля) находятся в фонде «Оружие». 12 предметов оружия были присланы Энгельгардтом в 1902 г., еще один предмет – в 1907 г. Атрибуция предметов проводилась на основании имеющейся музейной (учетной) документации, архивных материалов и сохранившихся фотографий «Суворовского сборника». В.П. Энгельгардт сделал пять фотографий своей коллекции в Дрездене и передал их в музей Суворова с отметками и пояснениями. Оружие было на фотографиях под номерами III и V. В результате работы над атрибуцией предметов выяснилось следующее:

1. Ружье на фотографии III, слева – французское кремневое драгунское образца 1733–1734 гг. Приобретено фотографом Энгельгардта на Паниксе (рис. 2).

2. Ружье на фотографии III, справа – австрийское кремневое солдатское образца 1784 г. Получено Энгельгардтом от швейцарца К. Бетшарта, который приобрел его у одного из жителей Мутена.

3. Ружье на фотографии V, сверху – австрийское кремневое солдатское образца 1784 г. Было найдено близ Суворовской тропы

при спуске с Кинциг-Кульма в Мутен и приобретено Энгельгардтом в Бюрглене (рис. 3).

4. Ружье на фотографии V, снизу – по известным русским, французским или австрийским образцам ружье пока не удалось определить. По всей видимости данное ружье сборное: замок – русский, с надписью «Тула 1794», ложевые кольца характерны для французских ружей. Единственно, что ясно – ружье кавалерийское, так как длина ружья (138,5 см), длина ствола (106,3) и калибр (1,8 см) характерны именно для этого типа ружей. Найдено близ Суворовской тропы к Кинциг-Кульму, приобретено Энгельгардтом в Бюрглене близ Альтдорфа.

5. Штык на фотографии V, на верхнем ружье – французский, начала XVIII в., к кремневому ружью. Был приобретен Энгельгардтом в Бюрглене.

6. Штык на фотографии V, на нижнем ружье – австрийский образца 1767 г. к кремневому солдатскому ружью образца 1784 г. Был приобретен Энгельгардтом в Бюрглене.

7. Штык на фотографии V, внизу – австрийский образца 1799 г. к пехотному ружью образца 1798 г. Был найден в 1899 г. при постройке Бетцбергской дороги, недалеко от Чертова моста, и подарен Энгельгардту в 1901 г. инженером Цштокком. Следует упомянуть,

Рис. 2. «Суворовский сборник» в Дрездене, III (Фонд фотодокументов ГММ А.В. Суворова. МС-2905)

**Рис. 3. «Суворовский сборник» в Дрездене, V
(Фонд фотодокументов ГММ А.В. Суворова. МС-2911)**

что этот инженер был строителем Суворовского памятника у Чертова моста.

8. Пистолет на фотографии III – кремневый, по всей видимости французский кавалерийский, второй половины XVIII в. Получен Энгельгардтом от швейцарца К. Бетшарта.

9. Из трех сабель на фотографии III пока удалось определить центральную саблю в ножнах. Сабля сборная: клинок – от русской легкокавалерийской сабли образца 1798 г., на левой голомении выгравирован двуглавый орел, который держит в лапах державу и скипетр; эфес – от австрийской гусарской сабли образца 1768 г. Ножны либо австрийские, либо русские. Сабля приобретена в Альтдорфе у маляра Шпихтиха.

10-11. Две другие сабли можно определить предположительно как французские пехотные, вполне возможно, что клинки «родные» французские, второй половины XVIII в., а эфесы более поздние – XIX в. Получены Энгельгардтом от К. Бетшарта.

12. Эфес шпаги со сломанным клинком на фотографии III был утрачен. Предположительно это была французская шпага второй половины XVIII в. Эфес был получен Энгельгардтом в подарок от Ф. Ломбарди, владельца Сен-Готардского Госписа, который нашел его на Сен-Готарде, будучи еще ребенком. Сохранился эфес шпаги со сломанным клинком, присланный В.П. Энгельгардтом в 1907 г. Скорее всего, можно согласиться с мнением самого Василия Павловича, что это эфес от французской офицерской шпаги второй половины XVIII в. Эфес был найден в Мутене.

13. Последний предмет из оружия – нож на фотографии III. Энгельгардт сообщает, что по преданию это «казачий» нож. Был получен Энгельгардтом от К. Бетшарта.

Передача «Суворовского сборника» В.П. Энгельгардта в музей имела большое значение для сохранения памяти о великом полководце. Благодаря этой коллекции мы получили ценные предметы, в том числе оружие, относящиеся к Швейцарскому походу А.В. Суворова.

¹ ФДРМС. Инв. № МС 2422. Л. 85.

² ФДРМС. Инв. № МС. 2423. Л. 2.

³ ФДРМС. Инв. № МС 2423. Л. 5.

⁴ ФДРМС. Инв. № МС 2423. Л. 50 об.

Список использованной литературы:

Роголин Н.Г. Формирование собрания Суворовского музея в Санкт-Петербурге // Историография и источниковедение Отечественной истории. Вып. 2. СПб., 2002.

Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. М., 1992.

Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005.

Он же. Европейское холодное оружие. СПб., 2003.

Он же. Штыки мира. Т. I. СПб., 2002.

Venner Dominique. Les armes de cavalerie. Paris, 1977.

А.М. Лукашевич (Минск, Беларусь)

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1796–1812)

ПРОБЛЕМА организации военного управления на белорусских землях ¹ является очень актуальной в отечественной истории. В 1772–1795 гг. на территорию Беларуси, которая в результате трех разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) вошла в состав Российской империи, была распространена система губернского (с 1777 – наместнического) управления. При Екатерине II присоединенные территории почти все время находились на особом положении и поэтому управлялись исключительно *генерал-губернаторами*. Кроме гражданских дел, в их обязанности входило командование войсками, которые размещались в подчиненных губерниях. Поэтому на эти должности обычно назначались военачальники. На протяжении 1772–1796 гг. в административном делении бывших «польских» провинций проходили непрерывные реорганизации, и поэтому ряд губерний были подчинены одному и тому же генерал-губернатору.

При Павле I наместничества были ликвидированы, и вместо них снова учреждались губернии. Одновременно происходила милитаризация управления. Были введены должности *военных губернаторов*, которые фактически заменили екатерининских генерал-губернаторов и наместников. Однако в управлении западными губерниями существенных изменений не произошло. По-прежнему в руках одного из военных губернаторов концентрировалось управление большинством губерний.

В целом система государственного управления времен Павла I была весьма сложной. Существовали проблемы во взаимоотношениях центральных органов управления и администрации на местах.

Полномочия служебных лиц (военных губернаторов, инспекторов, начальников губерний) были слабо разграничены. Это вело к многочисленным недоразумениям и даже конфликтам при решении частных вопросов².

Александр I в начале своего правления принял меры по разграничению полномочий военных и гражданских начальников³, а также пошел на некоторую реорганизацию управления. Согласно указу от 9 сентября 1801 г. «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам»⁴ восстанавливались Пензенская, Олонецкая губернии и по одной – в «Малой России», «Литве» и «Белоруссии». Пограничные губернии и те, что находились на «особенных правах», были разделены на 10 частей и подчинены военным губернаторам. Большая часть территории Беларуси была подчинена литовскому (две «литовские») и белорусскому (две «белорусские» губернии) военным губернаторам. Минская губерния вместе с Киевской была подчинена киевскому военному губернатору.

В тот же день, 9 сентября 1801 г. Александр I подписал еще один указ – «О определении губернаторов и о выборе для сего кандидатов в некоторых губерниях»⁵. В соответствии с указом киевскому военному губернатору А.С. Феньшу приказывалось «присоединить к управлению его» Минскую губернию, а подольскому (А.Г. Розенбергу) – оставить в своем управлении Волынскую губернию (вместе с Подольской). Литовскому военному губернатору Л.Л. Беннигсену поручалось управление «на том же основании» восстанавливаемыми (Виленской и Гродненской) губерниями. Управляющим гражданской частью в двух «белорусских» (Витебской и Могилевской) губерниях назначался А.М. Римский-Корсаков⁶.

Исполнение одним лицом функций военного и гражданского управления накладывало специфику на организацию управления пограничными губерниями. Особенно это проявлялось в военное время. Во время нахождения военных губернаторов на театре военных действий за пределами России роль гражданских возрастала, и губернии частично получали самостоятельность в управлении⁷. Подобная практика управления белорусскими землями сохранялась до 1822 г., когда в России был восстановлен институт генерал-губернаторов.

Одновременно с развитием гражданского управления на территории Беларуси шло формирование военного управления. При

Екатерине II функции органов местного военного управления исполняли *дивизии*, основанные еще в 1763 г. В 1775 г. на территориях, присоединенных к России после первого раздела Речи Посполитой (1772), была создана Белорусская дивизия⁸. К 1796 г. в России существовало 12 дивизий. Они были прообразом военных округов, поскольку через них осуществлялась связь между полками и Военной коллегией. В подчинении дивизионного командира находились войска, расположенные на территории определенного района, за исключением гарнизонных войск и частей артиллерийского ведомства. Последние находились в распоряжении губернаторов (также отвечали за сбор средств на содержание войск и управление крепостями). В соответствии с «Учреждением для управления губернией» (1775)⁹ гарнизонные войска перешли в распоряжение дивизионных командиров. В итоге в их руках было сосредоточено местное управление как полевыми, так и гарнизонными войсками.

При Павле I местное управление было милитаризовано. Губернаторы были подчинены военным губернаторам, которые управляли гражданской частью нескольких губерний. В их распоряжение перешли вопросы, связанные с проведением рекрутских наборов и управлением крестьянами. Главными органами местного военного управления с 1796 г. стали *военные инспекции* (заменяли екатерининские дивизии¹⁰). Части полевых и гарнизонных войск, дислоцированных в мирное время в определенном районе, были «распределены по инспекторам»¹¹ и составляли инспекцию (наименование инспекции показывало, какой территориальный округ она охватывала). 3 декабря 1796 г. Павел I утвердил «рописание армий» на 12 дивизий: С.-Петербургскую, Московскую, Лифляндскую, Литовскую, Смоленскую, Финляндскую, Украинскую, Екатеринославскую, Таврическую, Кавказскую, Оренбургскую и Сибирскую¹². Впоследствии название «дивизия» вытеснило наименование «инспекция». Однако в императорских приказах при пароле встречались и первое, и второе наименования. Наконец, 6 октября 1800 г. была создана 13-я инспекция – Харьковская¹³. К моменту вступления на престол Александра I было уже 14 инспекций: С.-Петербургская, Московская, Лифляндская, Литовская, Брестская, Смоленская, Финляндская, Украинская, Днепровская, Крымская, Киевская, Кавказская, Оренбургская и Сибирская¹⁴.

Введение института инспекторов было связано с попыткой Павла I пресечь «своеволие» и «зло», которые существовали в российской армии¹⁵. Поэтому инспекторы должны были отвечать за комплект в войсках инспекции и блюсти равенство в обмундировании и экзекуциях.

В пехоте инспекторские обязанности возлагались на начальников дивизий, которых переименовали в инспекторов. Единого инспектора над всеми родами войск не было: в кавалерии существовали свои инспекторы, в артиллерии свои (сначала 2, а затем 5). Инспекторы по кавалерии часто возглавляли несколько инспекций. Например, С.К. Волконский возглавлял кавалерию Московской и Смоленской инспекций. Кроме того, временами существовали инспекторы всей кавалерии (И.П. Салтыков) и всей артиллерии (А.И. Корсаков, А.А. Аракчеев). Никакой системы при назначении инспекторов не существовало. «Не нужно, чтоб инспектор был старший генерал, – говорилось в Статуте, – а может быть инспектором фельдмаршал, генерал-аншеф, генерал-поручик или генерал-майор, как сие угодно будет Государю»¹⁶.

Временами несколько инспекций поручались одному из генералов. Обычно такое происходило при подготовке к войне, когда один из инспекторов (например, М.И. Кутузов) назначался командующим войсками на театре войны¹⁷.

Павел I определил и полномочия инспекторов¹⁸. Они должны были под угрозой лишения чинов следить за равенством во всех полках «как в экзерциции, так и в одеянии»; отвечать за полную укомплектованность полков людьми и лошадьми; объезжать и проводить смотры полкам своей инспекции не реже 4 раз в год; подавать императору ежемесячно рапорт о состоянии всей инспекции; доводить до сведения полков распоряжения императора и не предпринимать инициативы «в экзерцициях или одежде» (прерогатива монарха)¹⁹. В итоге инспектор являлся только «попечителем» (как полковой шеф), а не начальником над войсками, дислоцированными в инспекции. В дальнейшем инспекторы были еще более ограничены в своих правах и должны были следить за выполнением всех нововведений Павла I²⁰.

Особое место в инспектировании занимали «генеральные рапорты». Они составлялись настолько подробно, что даже отмечалось, «какими болезнями одержимы (больные) офицеры»²¹. Эти рапорты оказывали решающее влияние на судьбу многих – по ним

отдавались приказы при пароле. В последних довольно часто встречались исключения из службы, начиная от фельдмаршала и заканчивая прапорщиками, как за «своеволие» в правилах Устава, так и «за пьянство, за леность» и т. д. В итоге такая система увольнения со службы сопровождалась тяжелыми последствиями, поскольку было приказано «выключенных за леность не принимать ни в какие должности»²².

Особо тяжелыми для инспекторов были поручения приводить в надлежащий вид полки, которые побывали на театре военных действий. Так, в состав Литовской инспекции после возвращения из Швейцарского похода 1799 г. поступили полки, которые ранее состояли под командованием А.В. Суворова и А.М. Римского-Корсакова. 9 июля 1800 г. М.И. Кутузов провел смотр этим войскам. О его результатах он рапортовал императору, обращая внимание на подготовку полков и батальонов «экзерцициям», состояние обмундирования, денежного довольствия и т. д. Большинство из полков требовало «починки» обозов и переобмундирования. В связи с этим М.И. Кутузов принял необходимые меры, чтобы привести воинские части в надлежащее положение: как внешнее, так и по части «экзерциции»²³.

Инспекторы также не лишены были подозрения в «своевольстве». Поэтому 23 апреля 1800 г. Павел I приказал «всем инспекторам объезжать полки инспекции их в учебное время для осмотра, а Е.И.В. только доносили бы заблаговременно, когда они для осмотра того отправятся». При необходимости император направлял для смотра специально уполномоченных инспекторов из числа своих генерал-адъютантов (А.А. Аракчеева, Н.О. Котлубицкого)²⁴.

В военное время начальство над несколькими инспекциями, как отмечалось выше, поручалось одному генералу, и расположенные в них войска готовились к походу. В период с 13 ноября по 14 декабря 1800 г., когда Россия готовилась к разрыву с Великобританией, П.А. Палену были подчинены пять инспекций, а М.И. Кутузову – три, и войска 8 инспекций были приведены в боевую готовность²⁵.

В первоначальном виде военные инспекции просуществовали до конца 1805 г. После разгрома под Аустерлицем (20 ноября 1805) встал вопрос о необходимости формирования постоянных дивизий и корпусов. Первый шаг к ликвидации инспекций был сделан еще 11 июня 1805 г., со времени выступления «приготовленных на походную ногу» полков «в предназначенный марш». А в скором

времени инспекторы получили сообщение, что полки «назначены состоять под командою такого-то генерала». До 5 августа 1805 г. уже 86 полков из девяти инспекций были расписаны «по генералам».

29 декабря 1805 г. во время «обратного марша» полки были расписаны «по корпусам»²⁶. Всего назначалось семь «корпусов» под командованием генералов П.А. Толстого, Л.Л. Беннигсена, М.И. Кутузова, М.П. Ласси, И.И. Михельсона, А.М. Римского-Корсакова, К.И. Мейендорфа. Всего по «корпусам» были расписаны 245 эскадронов и 245 сотен кавалерии, 254 батальона пехоты, 52 пеших и 11 конных рот артиллерии, 4 понтонных и 7 пионерных рот²⁷. Не расписанными остались (без учета гвардейского корпуса) 111 эскадронов, 124 батальона, 45 артиллерийских, 4 понтонных и 11 пионерных рот.

В итоге большая часть российской армии до конца 1805 г. вышла из подчинения инспекторов. Однако это «рописание», вероятно, не было выполнено, поскольку армии и корпуса вернулись из-за границы в январе – марте 1806 г., а в начале февраля 1806 г. было составлено и первое «рописание на дивизии». Что касается бывших инспекций, то в них оставались только гарнизонные войска и около третьей части полевых войск²⁸.

В 1806 г. реорганизация управления войсками была продолжена. По предложению Военного совета было принято решение о ликвидации инспекций (за исключением Кавказской и Сибирской). 5 февраля 1806 г. все войска, которые находились на западной и южной (с европейской Турцией) границе, были разделены на 12 дивизий (состояли из кавалерии, пехоты, артиллерии и казаков) и объединены в корпуса. Один корпус был подчинен М.И. Кутузову (5–7-я дивизии), второй – И.И. Михельсону (8–12-я дивизии). При этом часть войск, которая возвращалась из похода 1805 г. и ранее находилась в подчинении М.И. Кутузова, по новому расписанию переходила в корпус И.И. Михельсона²⁹.

4 июня 1806 г. все полевые войска были разделены на 13 дивизий: гвардейские части составили 1-ю дивизию под командованием цесаревича Константина Павловича, а все остальные – переименованы соответственно на 2-ю, 3-ю и т. д.³⁰ М.И. Кутузову, как одному из «главных начальников войск», были подчинены 6–8-я дивизии. Указ практически ничего не изменил, поскольку по расписанию от 4 июня дивизии просто получили новые номера. В скором времени была сформирована 14-я дивизия. Все эти войска

делились на 4 части и распределялись следующим образом: 1-я дивизия (гвардия) – в С.-Петербурге и Финляндии; пять дивизий – на прусской границе; три – на австрийской и пять – на Днестре.

После упразднения военных инспекций (1806) управление войсками в пограничных губерниях было сосредоточено в руках военных губернаторов. В это время белорусские земли по-прежнему находились в подчинении трех должностных лиц – белорусского, киевского и литовского военных губернаторов. Однако, поскольку после смерти И.И. Михельсона (1807³¹) должность белорусского военного губернатора в течение четырех лет оставалась вакантной (только 3 апреля 1811 г. в Витебск назначен герцог А. Вюртембергский³²), то все управление было сосредоточено в руках литовского и киевского военного губернаторов.

28 сентября 1806 г. Александр I назначил киевским военным губернатором М.И. Кутузова³³. Император не пожелал ставить полководца во главе заграничной армии, предназначенной для военных действий в Восточной Пруссии, поскольку считал его виновником поражения под Аустерлицем. Поэтому монарх определил М.И. Кутузова на второстепенную должность в Киев, а войска его корпуса (6-я, 7-я и 8-я дивизии) переподчинил Л.Л. Беннигсену и Ф.Ф. Буксгевдену³⁴.

14 октября 1806 г., передав дела по дивизиям новым командирам, М.И. Кутузов выехал в Киев³⁵ и 13 ноября «вступил в должность»³⁶. Одновременно на должность литовского военного губернатора (вместо Л.Л. Беннигсена) был назначен А.М. Римский-Корсаков.

28 октября 1806 г. высочайшим указом Сенату были определены их обязанности. «Генералов... Голенищева-Кутузова и Римского-Корсакова, – говорилось в нем, – коим высочайше поручены должности военных губернаторов, первому в Киевской, а последнему в Литовской³⁷ губерниях, во уважение занятия их многими воинскими делами, государь... увольняет от управления оными по части гражданской, исключая токмо тех дел, которые относятся до государственной пользы, сохранения казенного интереса, оказания защиты утесняемым и наблюдения за должным порядком в отправлении должностей, и тогда, когда сами оное нужным признают»³⁸.

Несмотря на указ о полномочиях М.И. Кутузова, временами в управлении возникали серьезные недоразумения. Они были связаны с тем, что в документе ничего не говорилось про Минскую

губернию. С сентября 1801 г. она подчинялась киевскому военному губернатору и потому все бумаги по управлению гражданской частью этой губернии направлялись в Киев. Обязанности по гражданской части существенно отвлекали М.И. Кутузова от основных обязанностей, так как 7 ноября 1807 г., после заключения Тильзитского мира, М.И. Кутузову были подчинены 8, 9, 18 и 22-я дивизии. Поэтому генерал обратился к министру внутренних дел А.Б. Куракину с просьбой уточнить круг обязанностей военного губернатора по управлению гражданской частью Минской губернии³⁹.

Ответ на свой запрос М.И. Кутузов получил только 8 апреля 1808 г., через месяц после назначения (4 марта 1808) в Молдавскую армию (5 апреля генерал выступил в поход в Яссы вместе с войсками 8-й и 22-й пехотных дивизий⁴⁰). В нем А.Б. Куракин сообщал, что после возвращения из похода «управление Минскою губерниею предоставляется Вам на том же самом положении, на коем поручено Вам управление Киевской губернией, как то сие и было»⁴¹. Таким образом, за М.И. Кутузовым оставались только наиболее важные дела по гражданской части в Минской губернии.

Несмотря на отъезд в Молдавскую армию, М.И. Кутузов продолжал числиться киевским военным губернатором. Поэтому разные документы и указы Сената, связанные с этой должностью, по-прежнему поступали на его имя вплоть до июня 1809 г. Такое положение, когда военный губернатор находился на театре военных действий и сохранял административные полномочия, повторялось в губерниях Беларуси неоднократно.

Очередная рокировка в системе военного управления в белорусско-литовских губерниях была проведена летом 1809 г. В это время Галицийская армия (корпус) князя С.Ф. Голицына выступила в поход в Австрию, и на территории Беларуси практически не осталось войск. Должность литовского военного губернатора (ее занимал А.М. Римский-Корсаков) не считалась достаточно престижной. Именно на это место летом 1809 г. было решено переместить М.И. Кутузова, который был обвинен главнокомандующим Молдавской армией А.А. Прозоровским в неудачных действиях войск при штурме Браилова (20–21 апреля 1809). Используя закулисную переписку с военным министром А.А. Аракчеевым, А.А. Прозоровский добился от императора отзыва опального генерала из армии.

А.А. Аракчеев решил «освободить» для М.И. Кутузова место литовского военного губернатора. Для этого пришлось отправить в отставку А.М. Римского-Корсакова, который был обвинен в незнании порядка службы. Одно только волновало «заговорщиков»: не обидится ли М.И. Кутузов новым назначением (так как войск «ныне в Литве под начальством тамошнего военного губернатора весьма мало») и не уйдет ли в отставку⁴².

4 июня 1809 г. император подписал три рескрипта, касавшиеся судьбы полководца: два на имя А.А. Прозоровского (один о назначении М.И. Кутузова командующим резервным корпусом Молдавской армии, второй – о его назначении литовским военным губернатором) и один на имя самого генерала о назначении его командующим резервным корпусом⁴³. Князь А.А. Прозоровский вручил М.И. Кутузову рескрипт о назначении его военным губернатором. В нем приказывалось «...отправиться в город Вильно и принять от генерала Римского-Корсакова все то, что в ведении его состояло...»⁴⁴ 15 июня 1809 г. М.И. Кутузов отрапортовал императору о получении рескрипта и о безотлагательном отъезде к новому месту службы. И хотя полководец не очень был доволен новым назначением, он принял его⁴⁵.

28 июня 1809 г. Александр I официально назначил М.И. Кутузова военным губернатором, а 24 июля 1809 г. подписал указ о его полномочиях в делах гражданского управления. «Голенищеву-Кутузову быть, – говорилось в последнем, – литовским военным губернатором с исправлением по гражданской части дел, кои относятся до государственной пользы, сохранения казенного интереса, оказания защиты утесняемым и наблюдения за должным порядком в отправлении должностей, и сие тогда, когда сам он признает нужным»⁴⁶. 1 августа 1809 г. полководец прибыл в Вильно и вступил в должность.

После перевода М.И. Кутузова стала вакантной должность киевского военного губернатора. И лишь 30 апреля 1810 г. на нее был назначен М.А. Милорадович, удаленный, как и М.И. Кутузов, из Молдавской армии, но уже по просьбе главнокомандующего князя П.И. Багратиона⁴⁷.

Несмотря на невысокую престижность должности литовского военного губернатора, развертывание событий на Западе вскоре сделало этот пост более значительным. В результате войны 1809 г. с Австрией произошло расширение и усиление Княжества Варшавского,

которое Наполеон рассматривал как плацдарм для будущего нападения на Российскую империю. Положение на западной границе становилось все более напряженным. Оставлять пограничные губернии без главного начальника, даже на короткое время, было небезопасно. Поэтому, когда М.И. Кутузов получил двухмесячный отпуск (со 2 декабря 1810 по 1 февраля 1811), ему нашли временную замену – командира 3-го корпуса И.Н. Эссена.

18 февраля 1811 г. М.И. Кутузов вернулся из отпуска и приступил к исполнению прежних обязанностей. Свою задержку он объяснил военному министру болезнью⁴⁸. Однако на этот раз полководец оставался в Вильно недолго. 23 февраля 1811 г. М.Б. Барклайде-Толли сообщил военному губернатору о намерении императора поручить ему Молдавскую армию, и 7 марта он получил приказ о новом назначении.

15 марта 1811 г. М.И. Кутузов покинул Вильно. Несмотря на новое назначение, он по-прежнему оставался литовским военным губернатором (до 17 апреля 1812 г. все бумаги адресовались на его имя). Во время отсутствия М.И. Кутузова все распоряжения по военной части исходили от И.Н. Эссена и виленского коменданта И.С. Гуриэлова, а по гражданской – от гражданских губернаторов. Такой порядок управления сохранялся до весны 1812 г., когда на территории западных губерний было введено военное положение и вся власть перешла в руки главнокомандующих армиями.

Впрочем, необходимо отметить, что главнокомандующим армиями неоднократно и ранее подчинялись войска, дислоцированные в белорусско-литовских губерниях. Так было в 1799, 1805, 1806–1807, 1809 гг. Однако, поскольку военные действия велись за пределами Российской империи, то этим лицам не передавались функции гражданского управления в пограничных губерниях. Они управляли только войсками.

С января 1810 г. на территории Беларуси частично дислоцировались воинские части, объединенные в Резервную армию (центр – Могилев) под командованием М.А. Милорадовича (назначен 8 января 1810). Однако и он не имел особых полномочий в местах расположения войск, и поэтому 30 апреля 1810 г. был одновременно назначен киевским военным губернатором⁴⁹ (вступил в должность 29 мая⁵⁰). И только в начале 1812 г. ситуация изменилась.

Новый этап в системе военного управления на белорусских землях был связан с введением военного положения – особого

правового режима на территориях, ставших в 1812 г. театром военных действий или прифронтовой зоной. Понятие «военное положение» впервые было сформулировано в «Учреждении для управления Большой действующей армии», утвержденном 27 января 1812 г. В нем определялось, что в случае введения военного положения властные полномочия в местах дислокации армии переходили к главнокомандующему и, следовательно, он отвечал за обеспечение армии всем необходимым. С этого времени приказы главнокомандующего выполнялись как армией, так и всеми чиновниками пограничных губерний и областей, как высочайшие именные повеления. Фактически «Учреждение» определяло взаимоотношения высшего армейского руководства с пограничными губерниями и общие функции должностных лиц в условиях военного времени⁵¹.

Конкретизация содержания «Учреждения» последовала 13 марта 1812 г. в именном указе Сенату «О правилах для управления Главнокомандующему действующей армии губерниями, в военном положении объявленными»⁵². В указе отмечалось, что по высочайшему повелению пограничные губернии и области могут быть объявлены на военном положении. В этом случае территории переходят под управление главнокомандующего в вопросах внутренней безопасности и выполнения «воинских потребностей». Начальники губерний обязаны были выполнять его приказы «беспрекословно». При этом главнокомандующий не должен был вмешиваться в управление губернией по судебной и хозяйственной части. Кроме того, главнокомандующий получил право своей властью отстранять чиновников городской и земской полиции, а виновных – предавать военному суду, который учреждался и действовал в соответствии с «Учреждением». Под юрисдикцию военного суда, приговоры которого утверждались главнокомандующим, попадали все жители, в том числе военные чиновники, а также чиновники городской и земской полиции. Для выполнения «военных требований» гражданские губернаторы прибегали к помощи маршалков, городских дум и магистратов. При этом начальники губерний несли личную ответственность «за исправное и немедленное исполнение предписаний главнокомандующего армией».

16 марта 1812 г. Александр I подписал указ «О предоставлении власти, изображенной в “Учреждении для управления Большой действующей армии” тем только главнокомандующим, кои в сем

звании утверждены или вновь назначены»⁵³. В этот же день он назначил М.Б. Баркляя-де-Толли главнокомандующим 1-й Западной армией и утвердил князя П.И. Багратиона главнокомандующим 2-й Западной армией, а М.И. Кутузова – Дунайской армией⁵⁴.

Военное положение было введено в западных губерниях весной 1812 г., когда российское правительство испытывало трудности в обеспечении армий провиантом и фуражом на договорно-подрядной основе⁵⁵. Поэтому решено было прибегнуть к принудительному механизму изъятия хлебных и фуражных запасов – реквизициям, для чего и понадобился механизм чрезвычайного положения⁵⁶.

16 апреля 1812 г. на основании «Учреждения для управления Большой действующей армии» и указа Сената от 13 марта 1812 г. в пограничных губерниях вводилось военное положение. С этого времени Курляндская, Виленская, Минская, Гродненская, Киевская, Волынская и Подольская губернии, а также Белостокская и Тарнопольская области переходили под непосредственное управление главнокомандующих армиями. Они были разделены на два военных округа. Курляндская, Виленская⁵⁷, Минская⁵⁸, Гродненская губернии и Белостокская область причислялись к 1-му военному округу 1-й Западной армии, а все остальные – ко 2-му округу 2-й Западной армии. Виленская губерния вообще с 16 апреля переходила под «непосредственное руководство главнокомандующего армиею»⁵⁹.

Витебская и Могилевская губернии в апреле 1812 г. не переводились на военное положение, и их управление сохранялось на прежних правилах. И только 12 июня они были объявлены на военном (чрезвычайном) положении⁶⁰. С этого времени Витебская губерния присоединялась к 1-му военному округу 1-й Западной армии, а Могилевская – ко 2-му округу 2-й Западной армии⁶¹.

С введением в действие «Учреждения для управления Большой действующей армии» военные губернаторы фактически лишились полномочий по управлению войсками, дислоцированными в белорусско-литовских губерниях. Переподчинение пограничных губерний главнокомандующим привело к чрезвычайному усложнению механизма управления и дублированию полномочий. Так, до 12 июня 1812 г. Витебская и Могилевская губернии находились в управлении гражданских губернаторов, которые подчинялись белорусскому военному губернатору герцогу А. Вюртембергскому. После введения военного положения эти же должностные лица были

подчинены еще и двум главнокомандующим, причем Витебская губерния – М.Б. Барклаю-де-Толли, а Могилевская – П.И. Багратиону.

Наиболее пагубно подобная практика управления сказалась летом 1812 г. в Могилевской губернии. В феврале 1812 г. могилевским гражданским губернатором был назначен граф Д.А. Толстой. С началом военных действий он оказался единственным губернатором в Беларуси, который не предусмотрел вероятности занятия губернии противником и не подготовился к эвакуации. Когда же стали приходить известия о приближении войск Великой армии, Д.А. Толстой запретил чиновникам покидать город. Не сделал он исключения даже православному архиепископу витебскому и могилевскому Варлааму.

На позицию Д.А. Толстого повлияли приказы непосредственных начальников – А. Вюртембергского и П.И. Багратиона. Первый находился при Главной квартире (с конца мая 1812) и поэтому 4 июля фактически передал управление губернией в руки Д.А. Толстого⁶², а главнокомандующий – своими депешами об отсутствии угрозы для Могилева – вводил графа в заблуждение⁶³. В результате губернатор растерялся и не знал, что ему делать.

Когда к Могилеву 7 июля 1812 г. подошли наполеоновские войска, в городе началась паника. 8 июля в Могилев вступили передовые части маршала Л.Н. Даву. Жителей губернского города охватил ужас: русская часть населения бросилась бежать к заставам, «куда глаза смотрят». Однако почти всех беглецов, направившихся к Черниговской и Чаусской заставам (в том числе архиепископа), вернули конные разъезды. Самому губернатору удалось спастись. Он спрятал у монахов своего сына и поспешно выехал за Быховскую заставу. Когда Д.А. Толстой обнаружил погоню, то бросил свою бричку и через болота по стежкам пробрался к российским войскам, стоявшим возле Дашковки. В результате сам губернатор спасся, а чиновники и архиепископ Варлаам остались в занятом французами городе. Оказавшись в сложном положении, многие из них присягнули на верность Наполеону и тем самым предали российского императора. Однако определенная доля ответственности за их поступки лежит и на Д.А. Толстом.

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX вв. белорусские этнические земли были разделены на три части. Виленская и Гродненская губернии подчинялись литовскому, а Витебская и

Могилевская – белорусскому военным губернаторам. Минская губерния была подчинена киевскому военному губернатору. Тем самым она выпадала из когда-то единого административно-территориального целого, каким являлось Великое княжество Литовское. Это предопределило особенность в управлении Минской губернией в начале XIX в.: все указания минский губернатор получал из Киева и все донесения отправлял в Киев.

Функции военного управления при Павле I и в первые годы правления Александра I (до 1806) были сосредоточены в руках инспекторов родов войск. Однако в управлении белорусскими землями в конце XVIII – начале XIX вв. должности военных губернаторов и инспекторов часто совмещались, и вся полнота власти по-прежнему концентрировалась в одних руках. Это вело к существенному усилению власти военных губернаторов (они часто назначались главнокомандующими армиями) и к установлению своеобразных взаимоотношений между главными начальниками и губернаторами. Во время нахождения военных губернаторов на театре военных действий за пределами России роль гражданских губернаторов возрастала, и губернии частично получали самостоятельность в управлении.

Введение весной 1812 г. военного положения на пограничных территориях стало следствием общего недоверия со стороны российских властей к населению белорусско-литовских губерний, симпатии которых находились на стороне Наполеона. Перевод пограничных губерний под непосредственное управление главнокомандующих армиями, при сохранении института военных губернаторов, только усложнил и замедлил управление. В этих условиях функции белорусского и литовского военных губернаторов фактически свелись к передаче приказаний от главнокомандующих губернаторам, а они сами становились лишь связующим звеном между армейским руководством и гражданской администрацией. В то же время губернаторы в условиях войны, когда обстановка требовала передачи в их руки всей полноты власти, нередко оказывались неподготовленными к самостоятельному управлению.

¹ Под белорусскими землями понимаются этнические белорусские земли, которые в начале XIX в. входили в состав Виленской (частично), Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской губерний и Белостокской области (с 1807).

Организация военного управления в белорусско-литовских губерниях Российской империи

Однако поскольку в это время официально «белорусскими» именовались только Витебская и Могилевская губернии, а Виленская и Гродненская – «литовскими», в статье используется двойное наименование – «белорусско-литовские губернии».

² Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. В.В. Черкесова. СПб., 2001. С. 35–64.

³ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее – ПСЗРИ). Собрание I. СПб., 1830. Т. XXVI. № 19796, 19866.

⁴ Там же. № 20004.

⁵ Там же. № 20005.

⁶ С этого времени полное наименование должности начальника пограничных губерний звучало следующим образом (например): белорусский военный губернатор и управляющий гражданской частью Витебской и Могилевской губерний.

⁷ Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 51. Л. 304–304 об, 404, 405 об., 410, 412, 438, 440.

⁸ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 339–340.

⁹ ПСЗРИ. Собрание I. Т. XX. № 14392.

¹⁰ Там же. Т. XXIV. № 17606.

¹¹ Там же. № 17590.

¹² Там же. Т. XLIII. Ч. 1. № 17006.

¹³ Столетие Военного министерства (далее – СВМ). 1802–1902. Т. IV. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Организация, расквартирование и передвижение войск. Вып. 1. 1801–1805 гг. / Сост. А.Б. Борисевич. СПб., 1902. С. 89

¹⁴ СВМ. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Вып. 1. С. 90.

¹⁵ ПСЗРИ. Собрание I. Т. XXV. № 18278; СВМ. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Вып. 1. С. 92–93.

¹⁶ СВМ. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Вып. 1. С. 91.

¹⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов: в 5 т. М., 1950. Т. I. С. 509–510, 512–513.

¹⁸ СВМ. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Вып. 1. С. 90; ПСЗРИ. Собрание I. Т. XXIV. № 17588–17590.

¹⁹ СВМ. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Вып. 1. С. 91–92.

²⁰ М.И. Кутузов. Т. I. С. 537–538.

²¹ ПСЗРИ. Собрание I. Т. XXVI. № 19431.

²² Там же. Т. XXV. № 18201.

²³ М.И. Кутузов. Т. I. С. 571–573.

²⁴ Из бумаг Н.О. Котлубицкого / Публ. П. Майкова // Русская старина. 1898. Т. 195. № 7. С. 234, 237–238.

²⁵ М.И. Кутузов. Т. I. С. 603, 607; СВМ. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Вып. 1. С. 94.

²⁶ СВМ. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 2. Вып. 1. С. 392, 399.

²⁷ Там же. С. 392.

²⁸ Там же. С. 393.

²⁹ М.И. Кутузов. Сборник документов: в 5 т. М., 1951. Т. II. С. 371.

³⁰ Там же. С. 391.

³¹ Ореус И.И. Иван Иванович Михельсон, победитель Пугачева. 1740–1807 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 1. С. 192–209.

³² Военная галерея 1812 года. СПб., 1912. С. 52.

³³ М.И. Кутузов. Т. II. С. 423.

- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 424.
- ³⁶ Там же. С. 426.
- ³⁷ В документе допущена неточность. 9 сентября 1801 г. Литовская губерния была упразднена, а ее территория разделена между Виленской и Гродненской губерниями.
- ³⁸ М.И. Кутузов. Т. II. С. 424 – 425.
- ³⁹ Кутузов М.И. Письма, записки. М., 1989. С. 196–197; М.И. Кутузов. Т. II. С. 495–496.
- ⁴⁰ М.И. Кутузов. Т. II. С. 492–493; Кутузов М.И. Письма, записки. С. 197, 204–205.
- ⁴¹ М.И. Кутузов. Т. II. С. 496; Кутузов М.И. Письма, записки. С. 197.
- ⁴² Фельдмаршал Кутузов. М., 1947. С. 103; М.И. Кутузов. Сборник документов: в 5 т. М., 1952. Т. III. С. 212.
- ⁴³ М.И. Кутузов. Т. III. С. 215.
- ⁴⁴ Там же. С. 223–224.
- ⁴⁵ Там же. С. 219.
- ⁴⁶ Там же. С. 224.
- ⁴⁷ Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829). М., 2006. С. 29–30.
- ⁴⁸ М.И. Кутузов. Т. III. С. 287.
- ⁴⁹ 14 сентября 1810 г. М.А. Милорадович был уволен по прошению с мундиром от должности киевского военного губернатора. 20 ноября 1810 г. он снова принят на службу, а 12 декабря 1810 г. – повторно назначен киевским военным губернатором. – Бондаренко А.Ю. Милорадович. М., 2008. С. 502.
- ⁵⁰ Серапион, митрополит. Хроника киевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапиона (1804–1824) // Киевская старина. 1884. Т. 9. № 7. С. 443.
- ⁵¹ ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXXII. № 24975.
- ⁵² Там же. № 25035.
- ⁵³ Там же. № 25041.
- ⁵⁴ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 21. Л. 253.
- ⁵⁵ Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг. СПб., 1891. Т. II. С. 383, 441.
- ⁵⁶ См.: Лукашевич А.М. Забытое имя: генерал А.М. Римский-Корсаков и его роль в организации провиантского обеспечения российских армий в апреле – июле 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы XI Межд. науч. конф., Москва, 24 апреля 2008 г. М., 2008. С. 59–71.
- ⁵⁷ Сборник Русского исторического общества (Далее – Сборник РИО). СПб., 1909. Т. 128. С. 398–399; Журналы Комитета министров. Т. II. С. 406.
- ⁵⁸ Сборник РИО. Т. 128. С. 473.
- ⁵⁹ Виленский временник. Кн. V. Акты и документы архива виленского, ковенского и гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг. Ч. 1. Вильна, 1912. С. 47; Журналы Комитета министров. Т. II. С. 406.
- ⁶⁰ Журналы Комитета министров. Т. II. С. 508–509.
- ⁶¹ Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1916. Вып. 3. С. 244.
- ⁶² Сборник РИО. Т. 139. СПб., 1912. С. 68.
- ⁶³ Там же. С. 63, 65, 66.

А.Н. Лукирский (Санкт-Петербург)

ЗНАЧЕНИЕ СУВОРОВСКИХ ПОХОДОВ В КАРЬЕРЕ ГЕНЕРАЛОВ РОССИЙСКОЙ АРМИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Н А ПОРТРЕТАХ генералов, представленных в Военной галерее Зимнего дворца, мы видим знаки отличия, полученные за храбрость, проявленную в войнах конца XVIII в. Это Очаковский крест, которым награждались участники штурма турецкой крепости под командованием Г.А. Потемкина, а также Измайльский и Прагский кресты, которыми отмечали участников двух самых знаменитых штурмов, проведенных русскими войсками под командованием А.В. Суворова. Во вступительной статье к «Словарию русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта» В.М. Безотосный привел следующую статистику: в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. участвовало 84 будущих генерала, в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. – 154, русско-шведской войне – 55, в Польше в 1792 и 1794 гг. – 231, в персидской войне – 20, с Францией в 1799–1800 гг. – 102. Как видим, цифры достаточно внушительные. Мы хотим ответить на следующий вопрос: «Каким образом участие в боевых действиях под командованием того или другого генерала влияло на ход карьеры офицера русской армии?» Как пример мы выбрали участие в боевых действиях под командованием А.В. Суворова.

Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, надо было определить критерий удачной карьеры. По нашему мнению, основным критерием является достижение военнотружущим высших генеральских чинов. Чин генерал-фельдмаршала в русской армии носили единицы, за период с 1801 по 1812 гг. максимальное число фельдмаршалов, находившихся на службе, было 4 человека

одновременно (1809). Поэтому для анализа мы выбрали генералов, стоящих на следующей после генерал-фельдмаршалов ступени – т. н. «полных» генералов (генералов-от-инфантерии, генералов-от-кавалерии, генералов-от-артиллерии), имевших этот чин на начало царствования Александра I или получивших его до лета 1812 г. Мы ограничили хронологические рамки исследования датой составления списков, верхняя – 8-е августа 1801 г., нижняя – 24 июня 1812 г.

Количество полных генералов в Российской императорской армии, находившихся на службе, не было постоянным, по спискам в 1801 г. на службе находилось 27 генералов, в 1812 г. – 32. В списках не всегда учитывались генералы, находившиеся в отпуску, таким образом, на службе могло находиться больше генералов, чем указано. Мы старались учитывать это обстоятельство при подсчетах. Общая численность полных генералов, служивших в армии в период с 1801 по 1812 гг., составила 50 человек. В это количество не входят два инженер-генерала и два казачьих генерала-от-кавалерии, поскольку их карьера и круг профессиональных обязанностей обладали своей спецификой. Следует также отметить, что в русской армии, несмотря на изменение численности генералитета, соблюдалась определенная пропорция. По данным В.М. Безотосного, она выражалась следующими цифрами: от 7 до 9 % от общего числа генералов – полные генералы, от 15 до 18 % – генерал-лейтенанты, от 73 до 77 % – генерал-майоры.

Для определения влияния участия в войнах на карьеру генералов мы собрали данные о том, сколько генералов принимали участие в войнах второй половины XVIII в. Эти данные мы свели в таблицы.

Из данных табл. 1 мы видим, что 11 генералов не имели военного опыта, а еще 13 имели весьма ограниченный опыт участия в боевых действиях, что не помешало им достичь чина полного генерала. Это составляет около 50 % генералов, служивших в русской армии. Таким образом, мы приходим к выводу, что участие в боевых действиях было желательно, но не было необходимостью для совершения удачной карьеры.

Для ответа на вопрос: «Как участие в боевых действиях под командованием А.В. Суворова могло влиять на карьеру генерала?» рассмотрим, в каких войнах и сколько будущих «полных» генералов принимали участие (см. табл. 2).

Табл. 1

**Участие генералов в войнах второй половины XVIII в.
(количественный показатель)**

Количество войн	Количество генералов	% от общего количества
Ни одной	11	22
Одна	13	26
Две	10	20
Три	9	18
Четыре	6	12
Пять	1	2
	50	100

Табл. 2

Участие генералов в войнах второй половины XVIII в.

Война	Количество участников
Семилетняя война	5
Война с польскими конфедератами	4
1-я русско-турецкая война	16
2-я русско-турецкая война	16
Русско-шведская война	11
Война с поляками 1792 г.	4
Подавление Польского восстания 1794 г.	12
Персидский поход 1796 г.	3
Война 2-й коалиции 1798–1801 гг.	5
Боевые действия на Кавказе	5
Война за независимость Америки	1
Революционные войны	3

Максимальное количество участников было в 1-й и 2-й русско-турецкой войнах – по 16 человек. Другие войны, где особенно отличились войска под командованием А.В. Суворова: подавление Польского восстания 1794 г. – 12 – и война 2-й коалиции – 5 человек. Таким образом, максимальное количество будущих генералов, которые могли служить под командой Александра Васильевича, составляет 16 человек из 50 или 32 %.

При анализе биографий генералов мы выяснили, что участниками боевых действий под командой А.В. Суворова были: штурма Измаила – 7 человек, штурма Праги – 6, в Итальянском и Швейцарском походах приняли участие 4 генерала.

Рассматривая полученные данные, мы можем придти к выводу, что участие в боевых действиях под командованием А.В. Суворова или другого генерала практически не влияло на карьеру. Единственным исключением следует признать пожалование чина за отличие в конкретном сражении, что ускоряло чинопроизводство, но не было гарантией успешной карьеры.

Если участие в боевых действиях не гарантировало продвижение по службе, то какие факторы могли влиять на успешность карьеры? Отметив, что ответ на этот вопрос требует отдельного изучения, мы изложим некоторые наблюдения, сделанные нами в ходе работы.

Во-первых – семейно-родственные отношения. Здесь и принадлежность к правящим домам (как пример, приведем родственников Марии Федоровны – принцев Вюртембергских, принца Ольденбургского), и родственные отношения с влиятельными людьми или фаворитами (сыновья фельдмаршала М.Ф. Каменского, племянники фельдмаршала А.В. Суворова, братья Зубовы).

Во-вторых – служба в офицерских чинах в привилегированных частях (гвардейскими офицерами были М.А. Милорадович, Д.С. Дохтуров). К привилегированным частям следует отнести и Гатчинские войска Цесаревича Павла I.

В-третьих – принадлежность к одной из влиятельных придворных группировок.

Список генералитету по старшинству по 8-е августа 1801 года.

Список генералитету по старшинству по 4-е марта 1804 года.

Список генералитету по старшинству по 31-е октября 1806 года.

Список генералитету по старшинству по 18-е января 1808 года, исправлен по 16 февраля 1809 года.

Список генералитету по старшинству по 24-е июня 1812 года.

Безотосный В.М. Генералитет при Александре I // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 659–675.

Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. Т.VII. М., 1996. С. 288–655

Значение суворовских походов в карьере генералов Российской армии начала XIX в.

(с комментариями А.А. Подмазо. <http://www.museum.ru/museum/1812/Persons/slovar/index.html>)

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.

Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений (1802–1917): Библиографический справочник. СПб., 2002.

Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб., 2007.

М.Ю. Лысов (Барнаул)

МОДЕЛИ ОРУЖИЯ В ПАМЯТНИКАХ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В ООРУЖЕНИЕ пазырыкской культуры неоднократно рассматривалось в многочисленных статьях и работах обобщающего характера¹. Зачастую публикации охватывают материалы с ограниченных территорий, не рассматривая всю совокупность имеющихся данных. В нашей статье использована большая часть введенных в научный оборот материалов, что дает возможность дать их достаточно объективную оценку.

Согласно результатам раскопок погребальных комплексов, население Алтая в скифо-сакское время имело три основных вида оружия – лук со стрелами, кинжалы и чеканы, что соответствует классическому комплексу вооружения южно-сибирского всадника-лучника. Легкая конница «пазырыкцев» обладала набором для ведения дистанционного боя (лук и стрелы), ближнего боя в конном и пешем строю (чеканы) и рукопашного боя в спешенном строю (кинжалы)².

Для памятников пазырыкской культуры характерно наличие большого количества votивных предметов вооружения. Подавляющее большинство экземпляров является моделями, изготовленными специально для погребального обряда. В связи с этим одной из главных проблем в изучении вооружения пазырыкской культуры является разграничение боевого и ритуального оружия.

По имеющимся данным, на примыкающей с запада к Алтаю равнине, связанной с сакским миром, боевые кинжалы и чеканы изготавливались преимущественно из железа уже на финальном этапе аржано-майэмирского времени. В ранних каменных и быстринских комплексах представлены только железные экземпляры³.

Несмотря на обилие в памятниках пазырыкской культуры бронзовых кинжалов, ситуация была, вероятнее всего, аналогичной.

В памятниках пазырыкской культуры вещественные остатки кинжалов зафиксированы в 110 из 177 погребений, в которых были обнаружены предметы вооружения. Это цельные железные и бронзовые кинжалы, а также их вотивные модели, изготовленные из бронзы, рога и дерева. Сведения об 11 предметах ограничены в публикациях только упоминаниями. Сохранность пяти экземпляров не позволяет дать им полную характеристику.

При морфологическом изучении рассматриваемой категории вещей следует обратить внимание на признаки, которые могут служить обозначением вотивности конкретного предмета. Основным таким маркером служит размер. Длина большей части бронзовых имитаций кинжалов колеблется от 19 до 22,5 см. Впрочем, встречаются изделия как меньших, так и больших параметров. Наличие и степень оформления наверший и перекрестий также может указывать на назначение кинжала. У многих вотивных изделий эти элементы лишь обозначены небольшими, плоскими, часто асимметричными выступами.

Основная масса бронзовых кинжалов, обнаруженных в пазырыкских погребениях, представляет собой уменьшенные имитации боевых оригиналов. Некоторые копии изготавливались из ножей, которые затачивались со второй стороны и снабжались навершием (иногда деревянным)⁴.

К группе уменьшенных копий большинство исследователей относит все имитации кинжалов длиной 16–20 см. Для них характерна грубая обработка после литья, плоские, не проработанные и не орнаментированные составные части. Навершие и перекрестье обычно ясно выражены, часто подпрямоугольной и брусковидной формы, также встречаются тупоугольные и «бабочковидные» перекрестья. Примером может служить кинжал из могильника Уландрык-II, к. 7⁵. Это бронзовая копия с толстым подпрямоугольным навершием со скругленными углами, плоской рубчатой ручкой, «бабочковидным» перекрестьем, широким килевидным клинком с проступающим ребром жесткости. Он обладает следующими параметрами: общая длина – 21 см, длина клинка – 12 см, длина рукояти – 9 см, ширина основания клинка – 2,2 см, ширина черена – 1,8 см, длина черена – 6 см. Малая длина черена, немассивные и плоские детали не позволя-

ют отнести его к боевым оригиналам или приближенным к ним копиям.

К миниатюрным копиям можно отнести все имитации длиной до 15–16 см. Обычно это плоские пластинчатые бронзовые изделия, со слабо выделенными навершием и перекрестьем, зачастую лишь в виде небольших, часто асимметричных выступов, без последовательной обработки. Пропорции и баланс в таких изделиях сильно нарушены, часто длина рукояти превышает длину клинка или практически равна ей. Интересным примером изделия данной группы может служить бронзовая копия кинжала из памятника Боротал-II, к. 2⁶. Ее характеристики (общая длина – 11 см, длина клинка – 6,6 см, длина рукояти – 4,4 см, ширина основания клинка – 1,3 см, ширина черена – около 1 см, длина черена – 3 см) позволяют отнести данную модель к миниатюрным, поскольку наглядно демонстрируют невозможность использования в качестве оружия или хозяйственно-бытового изделия.

Особое внимание следует уделить спорной категории бронзовых кинжалов, по размерам приближенных к боевым, длиной 25–30 см. Подобные изделия относят как к боевым, так и к votивным предметам, поэтому следует более четко вывести и разграничить параметры, определяющие принадлежность к одной из этих категорий. К рассматриваемой группе относятся кинжалы из памятников Уландрык-III, Тыткескень-VI, Кайнду, Кара-Тенеш и др.⁷ Такие изделия отличаются хорошо проработанными навершиями, иногда в виде голов грифонов, обращенных друг к другу, гладкой или рубчатой рукоятью, иногда она покрыта орнаментом, клинок часто имеет ребро жесткости. Яркий пример – кинжал из могильника Тыткескень-VI, к. 4⁸. Этот кинжал обладает следующими параметрами: общая длина – 25,3 см, длина клинка – 15,8 см, длина рукояти – 9,5 см, ширина основания клинка – 2,5 см, ширина черена – 1,5 см. При этих характеристиках его можно считать боевым, но смущает малая длина черена – 5,7 см, которая не позволяет свободно держать кинжал (кисть руки не помещается между навершием и перекрестьем). Возможно, данное изделие является копией боевого образца, но изготовлено специально для погребения в несколько уменьшенном виде, поскольку настоящий кинжал не мог быть помещен с усопшим в силу культовых или социальных причин. В целом, к изделиям этой группы следует проявить максимум внимания и более точно определить их место в классификации.

Крайней формой вотивности можно считать изготовление копии из бронзового пластинчатого ножа. В данном случае у него затачивалась спинка, полностью или частично, имитируя обоюдоострый клинок кинжала. Иногда ножу добавлялось деревянное навершие – Уландрык-V, к. 1⁹, но чаще использовались ножи с кольцевидными или подовальными навершиями: Барбургазы-I, к. 21; Уландрык-III, к. 6. Модели, изготовленные из ножей, обычно вообще не имеют перекрестья, а навершия бывают изготовлены отдельно и даже из другого материала (дерева). В то же время по размерам они могут попадать в группы уменьшенных или миниатюрных моделей. В силу значительного морфологического различия таких моделей и копий, повторяющих форму боевых оригиналов, их следует выделить в отдельную группу имитаций кинжалов и использовать иные принципы их классификации, более сходные с применяемыми для изучения ножей.

Также одним из признаков функциональности кинжалов является длина черена. У большинства моделей она не позволяет зафиксировать его в руке, поскольку является явно недостаточной. Обычно длина черена не превышает 9 см. Наибольшая же длина зафиксирована у моделей с общей длиной 21–24 см, часто длинный черен имеется у моделей, которые являются явно не боевыми экземплярами (Кастахта, к. 28, к. 34; Малталу-IV, к. 18 и др.).

Рассмотренные материалы позволяют все кинжалы пазырыкской культуры разделить на боевые и вотивные. Последние, в свою очередь, делятся на несколько групп: приближенные к боевым, уменьшенные и миниатюрные копии. По основному признаку – размеру – их можно разграничить следующим образом:

- 1) боевые кинжалы: около 30 см и более;
- 2) модели, приближенные к боевым: 25–30 см;
- 3) уменьшенные модели: 16–23 см;
- 4) миниатюрные модели: менее 15 см.

В ходе исследования нами были рассмотрены 94 кинжала из погребений пазырыкской культуры. Опираясь на их размер, как основной признак, определяющий назначение рассматриваемого изделия, их можно распределить по указанным выше группам следующим образом.

В группу моделей, приближенных к боевым, вошли семь кинжалов. В то же время некоторые из них сложно отнести конкретно

к второй или первой группе, поскольку они имеют признаки, характерные для боевых оригиналов. К таким спорным предметам относится железный кинжал из кургана № 1 могильника Уландрык-IV. Его общая длина около 28 см, изначальную длину определить сложно, поскольку он распался на две части. Данный кинжал имеет подовальное кольцевидное навершие, прорезную плоскую рукоять, слабо выделенное подпрямоугольное плоское перекрестье и уплощенный клинок. Сочетание признаков как боевого оружия (изготовлен из железа, значительная длина, черен длиной 7 см), так и модели (плоскостность основных элементов, отсутствие ребра жесткости, кольцевидное навершие, более характерное для ножей) вызывает сложности в определении места данного объекта в общей классификации. Бронзовый кинжал из могильника Уландрык-III, к. 1 вызывает подобные сложности, поскольку его параметры и хорошая проработка деталей позволяют некоторым исследователям отнести его к боевым.

Группа уменьшенных моделей является самой многочисленной и включает в себя 50 кинжалов. Размеры их колеблются в пределах от 15,8 до 22,3 см. Для этой группы характерны схожие параметры и формы конструктивных элементов, их плоскостность и непроработанность, что в целом не вызывает особых сложностей при морфологическом изучении.

К миниатюрным моделям были отнесены 30 кинжалов, длиной от 10,6 до 15,7 см.

Среди рассмотренных кинжалов находятся и пять их моделей, изготовленных из ножей. Если учесть их длину, то четыре из них можно отнести к группе уменьшенных, а один к группе миниатюрных моделей. Но по причинам, изложенным выше, их нельзя рассматривать в общей классификации.

В 102 из рассмотренных погребений были обнаружены настоящие чеканы или их модели. При этом самих чеканов несколько больше – 113, поскольку в некоторых курганах их содержалось по 2–3 экземпляров. Из них 16 железных, остальные – бронзовые.

Если исходить из предположения, что все боевое оружие в скифо-сакский период было уже железным, а из бронзы изготавливались преимущественно модели, то все 16 железных экземпляров являются боевыми. Но наличие у некоторых из них вырезанного на рукояти втока (Уландрык-IV, к. 1; Уландрык-IV, к. 3 и др.) не позволяет с уверенностью говорить об их принадлежности

к боевым изделиям. В то же время считается, что бронзовые массивные чеканы с выраженным бойком также являются боевыми. Поэтому для разграничения боевых и votивных чеканов необходимо учитывать несколько признаков.

Среди votивных экземпляров можно выделить две группы: уменьшенные и миниатюрные. Если общая длина боевого чекана должна быть не менее двадцати сантиметров, то уменьшенными можно считать модели длиной 15–19 см, а миниатюрными – изделия менее 15 см длиной.

Как следует из анализа находок из курганов Юго-Восточного Алтая, у многих votивных чеканов сечение рукояти было круглым. Но отдельные рукояти (в том числе боевых железных) имели овальное сечение. При этом обращенная к обушке сторона округлая, а обращенная к бойку сходит на конус, образуя вдоль рукояти ребро. Такая форма не позволяла ей проворачиваться и делала рукоять более удобной для фиксации в зажатой руке. В.Д. Кубарев¹⁰ полагает, что эта особенность рукоятей позволяет более точно отличать настоящие чеканы от имитаций.

Вопрос о боевом и ритуальном предназначении касается и наконечников стрел. Различия здесь не столь очевидны, и разграничение может идти не столько по размерам, сколько по материалу изготовления. К votивным, несомненно, относятся наконечники, вырезанные из дерева (за исключением томаров), в том числе и на концах древков стрел¹¹. Зафиксированы случаи помещения в погребения деревянных древков без наконечников или их моделей. По мнению В.Д. Кубарева¹², произошло это тогда, когда возобладала единая погребальная традиция – заменять настоящие вещи их моделями или миниатюрными имитациями, что касалось всех видов оружия, в том числе стрел.

Из массы погребений можно выделить серию из 17 курганов, в которых элементы стрелкового комплекса были представлены исключительно моделями. В данных захоронениях имелись либо только древки стрел, либо деревянные имитации наконечников стрел. Также встречались имитации луков из согнутого тальникового прута¹³. Подобные имитации луков характерны для погребений подростков мужского пола.

В вопросе изучения стрелкового комплекса большую роль играет вопрос сохранности изделий из органических материалов. Они далеко не всегда доходят до исследователей, а имеющиеся

материалы зачастую сохраняются в виде фрагментов, что значительно затрудняет их анализ и оценку исследователями.

Несмотря на то что большая часть предметов вооружения в пазырыкских погребениях – это модели, они также являются важным источником для изучения представленной культуры. Вотивные предметы копируют боевое оружие, их изучение позволяет проследить развитие различных элементов системы вооружения во времени и пространстве. Изменения самих моделей демонстрирует перемены, происходившие в погребальном обряде на протяжении всего времени существования пазырыкской культуры. Четкое разграничение боевых и вотивных изделий и соотнесение их с другими признаками позволит уточнить социальное положение погребенных и степень милитаризации общества.

¹ Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004; Кочев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск. 1999а, № 4. С. 74–82; Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 29–54.

² Кочев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990а. С. 105–118.

³ Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115–134.

⁴ Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

⁵ Там же. С. 249.

⁶ Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. 1980. № 2. С. 180–191.

⁷ Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III; Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка; Он же. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.

⁸ Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. С. 54.

⁹ Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. С. 282.

¹⁰ Он же. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. С. 67–68.

¹¹ Он же. Курганы Уландрыка. С. 70.

¹² Он же. Курганы Сайлюгема. С. 76.

¹³ Он же. Курганы Уландрыка. С. 69.

Д.В. Лютик (Гродно, Белоруссия)

Артиллерия Гродненской крепости: организация и применение

ОДНУ из главных ролей в обороне любой крепости всегда играла артиллерия. Именно артиллерийский огонь срывал атаки неприятеля и препятствовал его организованному штурму. Можно с уверенностью сказать, что без поддержки артиллерии любая крепость в мире, даже самая сильная, была обречена на быстрое падение. К сожалению, история Гродненской крепости, как и ее артиллерии, долгое время были в тени. На протяжении всего советского периода ей не было посвящено ни одного отдельного исследования. Не многое изменилось и в постсоветский период. История крепости отражена лишь в ряде статей в областной и районной газетах, а также в монографии преподавателя Гродненского государственного университета к.и.н. С.А. Пивоварчика «Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941)»¹. В 2011 г. увидел свет туристический путеводитель «Сто лет одиночества. Неизвестная крепость Российской империи»², также посвященный крепости Гродно. Артиллерия же Гродненской крепости рассматривалась только в статье А.Б. Широкограда «Последняя крепость Российской империи»³.

Несмотря на то что строительство Гродненской крепости так и не было завершено на протяжении Первой мировой войны, ее артиллерия сыграла определенную роль во время боевых действий. Цель данной статьи описать состав, организацию и боевое применение гродненской крепостной артиллерии на протяжении 1914–1915 гг.

Планы создания крепостных укреплений и артиллерийских батарей появились еще в конце 1911 г. В 1912 г. был составлен первый

Рис. 1. Расположение артиллерийских батарей крепости по первому проекту, 1912 г. РГВИА. Ф. 13129. Оп. 2. Д. 6

вариант артиллерийского вооружения крепости. Так, согласно «Схеме расположения тяжелых орудий», здесь предлагалось иметь 46 батарей со 146 тяжелыми орудиями (рис. 1). При этом по первоначальному плану в Гродно должно было использоваться всего пять артиллерийских систем: 42-линейные орудия – обр. 1877 г. и скорострельные, 6-дюймовые гаубицы и орудия весом в 190 и 200 пудов⁴. Крепостные батареи тяжелых орудий должны были состоять из 2-х или же 4-х орудий. Противотанковые и легкие пушки на рассматриваемой схеме не учитывались. Однако данный проект остался на бумаге, к реальному вооружению крепости Гродно приступили значительно позже.

Управление артиллерии Гродненской крепости начало формироваться достаточно поздно – только с июля 1914 г. В командование гродненской крепостной артиллерией тогда же вступил

Рис. 2. Командующий артиллерией крепости Гродно генерал-лейтенант В.М. Криштафович

генерал-лейтенант Владимир Михайлович Криштафович ⁵ (рис. 2). В 1914 г. здесь появились и первые артиллерийские части – роты крепостной артиллерии. Первоначально было организовано четыре такие роты (с 1-й по 4-ю). Позднее (в конце 1914 г.) были организованы 5, 6, 7 и 8-я нештатные артиллерийские роты (рис. 3).

В начале 1915 г., непосредственно перед боями за крепость, численный состав крепостной артиллерии уже достигал 3696 офицеров и нижних чинов. Как уже упоминалось, организационно она была представлена 8 артиллерийскими крепостными ротами (из них четыре оставались нештатными) ⁶. В феврале 1915 г. здесь служили 1 генерал, 1 штаб-офицер, 28 обер-офицеров и 3162 нижних чинов ⁷. Летом 1915 г. крепостные артиллерийские части были сведены в два артиллерийских крепостных батальона (1-й и 2-й).

После начала войны артиллерия была разделена по отделам обороны крепости. Каждый отдел состоял из секторов, групп и батарей. Были назначены их командиры. Крепостные артиллерийские роты получали назначение как на батареи, так и на крепостные укрепления. Такая система действовала вплоть до эвакуации крепости в августе 1915 г.

Крепостная артиллерия располагала орудиями самого разного калибра и назначения. Так, орудия небольшого калибра (57-мм, 76-мм) размещались непосредственно на фортах. Огонь из них открывался при прорыве неприятеля непосредственно к расположению фортов. Орудия калибром более 3-х дм (76-мм) располагались на позициях между фортами или позади них и вели обстрел подступов к укрепленным пунктам, прикрывали промежутки между укреплениями. Орудия самого большого калибра располагались на значительном расстоянии в тылу фортовой линии. Благодаря большой дальности стрельбы эта артиллерия должна была вести обстрел противника, подходившего на несколько километров

к фортам. Немаловажной функцией этой артиллерии была и контрбатарейная борьба с артиллерией противника.

Во время строительства крепости Гродно артиллерийский парк Российской армии значительно устарел. Так, по информации российского исследователя А.Б. Широкограда, большинство артиллерийских систем относились к обр. 1867 и 1877 гг.!⁸ Кроме того, орудия, поставившиеся на вооружение крепостей, не были однотипными. В подтверждение этого тезиса приведем имевшиеся на вооружении Гродненской крепости в 1915 г. виды артиллерийских систем:

1. 57-мм береговые орудия Норденфельда.
 2. 3-дм (76-мм) противотанковые пушки обр. 1910 г.
 3. 87-мм легкие полевые орудия обр. 1877 г.
 4. 107-мм батарейные орудия обр. 1910 г.
 5. 42-лин. (107-мм) орудия обр. 1877 г.
 6. 6-дм (152-мм) орудия весом в 120 пуд. обр. 1877 г.
 7. 6-дм (152-мм) орудия весом в 200 пуд. обр. 1904 г.
 8. 6-дм (152-мм) орудия Канэ.
 9. 6-дм (152-мм) скорострельные гаубицы обр. 1909 г.
 10. 10-дм (254-мм) береговые орудия обр. 1895 г. в 45 калибров.
 11. 1 1/2-пуд. медные гладкоствольные мортиры обр. 1838 г.
 12. 6-дм (152-мм) медные мортиры.
 13. 8-дм (203-мм) мортиры обр. 1877 г.
 14. 9-дм (229-мм) мортиры обр. 1867 г.
 15. 240-мм японские гаубицы (Тип 45).
 16. 11-дм (280-мм) мортиры обр. 1877 г.
 17. 11-дм (280-мм) японские гаубицы обр. 1884 г. (Тип 26).
- Как видно, в списке имеются как новые, так и очень старые орудия

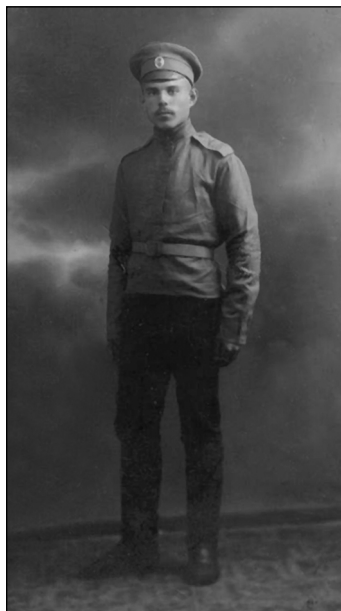

Рис. 3. Нижний чин гродненской крепостной артиллерии. 1915 г.

и мортиры. Остановимся более подробно на характеристиках отдельных типов артиллерийских систем, имевшихся на вооружении крепости Гродно.

В качестве противострелковой артиллерии использовались противострелковые 3-дм (76-мм) пушки обр. 1910 г. Сюда их было поставлено 53 штуки (в августе 1915 г. их насчитывалось уже 83 штуки)⁹. Во время обстрела форта артиллерией противника противострелковые пушки укрывались в сквозниках-убежищах фортов и опорных пунктов. При отражении штурма они выкатывались на барбетты. Кроме орудий этой системы на вооружении крепости с 1915 г. имелись и 57-мм береговые орудия Норденфельда 1892 г.¹⁰, переданные из приморских крепостей. Функции этих орудий и 3-дм были идентичны.

Крепостная 42-лин. (107-мм) пушка обр. 1877 г. была достаточно распространена, имела во всех русских крепостях, но она, к сожалению, устарела. Орудия данного типа располагались на полевых позициях в промежутках между фортами и опорными пунктами, чаще всего на деревянном настиле. (Крепостное орудие, в отличие от полевого, устанавливалось на достаточно высокий лафет. Это создавало определенные неудобства при его обслуживании). Чтобы уменьшить откат орудия, позади колес располагались массивные деревянные клинья. Для стрельбы использовались снаряды раздельного заряжания. Боезапас для этих артиллерийских систем в крепости насчитывал 3600 выстрелов.

Одними из самых распространенных артиллерийских систем русской крепостной артиллерии были 6-дм орудия весом в 120 и 200 пуд. Первые начали массово выпускаться в 1883 г. Пушки устанавливались на лафет обр. 1877/78 г., дальность стрельбы достигала 10 км¹¹. После начала войны в Гродненской крепости состояло на вооружении 95 таких орудий с боезапасом 8550 выстрелов. 6-дм орудия весом в 200 пуд., разработанные в 90-х гг. XIX в., выпускались с 1904 г. и считались достаточно новыми. Однако мало отличались от предшественников. Новшествами этой системы были клиновые затворы, сменившие поршневые¹².

6-дм крепостная гаубица образца 1909 г. была копией гаубицы системы Шнейдера. Дальность стрельбы составляла около 9 км. На начало Первой мировой войны орудие считалось достаточно современным, оно имелось на вооружении только крепостей¹³.

На вооружении крепости состояли и $\frac{1}{2}$ -пуд. медные мортиры (в количестве 28 штук), принятые на вооружение еще в 1838 г. Это был настоящий «раритет». Нехватка современного вооружения, способного вести перекидной и навесной огонь (например, минометов), вынудила русское командование передать на вооружение западных приграничных крепостей эти устаревшие орудия. Мортира устанавливалась на железный станок и могла вести огонь даже с грунта, что было весьма удобно. Огонь велся 9- и 6-кг гранатами и ядрами. Также на вооружении крепости были 6-дм медные мортиры (8 штук), которые, по словам командующего гродненской крепостной артиллерией, представляли скорее рыночную стоимость, нежели боевую.

Интересными артиллерийскими системами были японские тяжелые орудия. Гаубицы калибра 240-мм были первыми тяжелыми орудиями японской армии. Для их установки выкапывался котлован диаметром до 5 м и глубиной в 2 м. В основание клали бетонную плиту, на которую устанавливали вращающуюся площадку для орудия (поворачивалась на 360 градусов). Снаряды раздельного заряжания подавались в ствол при помощи небольшого крана, укреплявшегося на краю установки. Скорострельность не превышала 10–12 выстрелов в час. Дальность стрельбы – 10,3 км.

11-дм (280-мм) гаубицы обр. 1884 г. производства Японии первоначально разработаны английской фирмой «Армстронг» для итальянской армии. Япония закупила лицензию на выпуск этих артиллерийских систем, которые стали использоваться для береговой обороны. Очень удачно эти орудия были применены японской армией при штурме морской крепости Порт-Артур в 1904–1905 гг.¹⁴ 217-кг снаряды легко разрушали постройки русских фортов. Возможно, именно этот факт имел решающее для русского командования значение для закупки их у японцев. Дальность стрельбы из 280-мм орудия достигала 11,5 км. Вес установки – 40 т. По имеющейся информации, в Гродненской крепости состояло на вооружении 10 японских установок калибром 240-мм и 14 калибром 280 мм.

В июне 1915 г. в Гродненскую крепость из Севастополя выслано 24 9-дм (229-мм) мортиры обр. 1877 г. на станках Дурляхера, семь 11-дм пушек обр. 1877 г. и 60 полевых пушек обр. 1877 г. Однако эти орудия не успели доставить.

В крепости Гродно были и достаточно современные мощные установки – это 6-дм (152-мм) и 10-дм (254-мм) береговые орудия. Приказ о переброске двух орудий в 10 дм с прислугой и по 200 фугасных бомб на каждое орудие, а также четырех орудий Канэ (6-дм) с боеприпасами из Кронштадта был отдан 16 сентября 1914 г. начальником штаба верховного главнокомандующего¹⁵. Необходимость в столь мощных и дальнобойных орудиях возникла из-за опасения российского командования о применении противником 42-см орудий. Именно в результате использования таких крупных калибров германцы смогли взять первоклассную европейскую крепость Антверпен. 10-дм береговые орудия, имеющие круговую зону обстрела, могли прикрывать практически все направления возможной атаки. Дальнобойность составляла около 20 км! Укрепления становились просто недосягаемыми для осаждающих. 10-дм береговые орудия были стационарными и устанавливались на специально оборудованных позициях из бетона. Вес системы доходил до 50 т.

В Гродненской крепости 7 ноября 1914 г. начал формироваться тяжелый пушечный полк с дальнобойными морскими орудиями. Организационно полк состоял из трех дивизионов (в каждом – батарея, имевшая по два 10-дм орудия, и батарея, имевшая по четыре 6-дм пушки Канэ), а также полкового парка. 2-й дивизион тяжелого пушечного полка решено было оставить в Гродно. 11 ноября 1914 г. орудия из крепости Кронштадт были отправлены в крепость Гродно. Вместе с орудиями были отправлены боекомплект, основания для орудий, прочая материальная часть, 2 грузовика, 6 офицеров, 502 солдата и 66 лошадей¹⁶. Остальные два дивизиона усилили крепости Ковно и Новогеоргиевск. Летом 1915 г. в крепость Гродно прибыли еще два 10-дм орудия, однако установить их на позиции не успели. Орудия 2-го дивизиона использовались в февральских 1915 г. боях за крепость, а всего прослужили здесь до сентября 1915 г.

Орудия Канэ – первые патронные орудия среднего калибра русской армии. На вооружение приняты в 1895 г. Выпускались по лицензии французской системы Канэ. Средняя дальность стрельбы составляла 13–15 км. Вес со станиной – около 15 т. Расчет состоял из 10 человек. Пушки Канэ также были стационарными и устанавливались на позиции за два дня. Орудие размещалось за брустверами высотой в 7 футов (2,13 м). Для возможности стрелять

прямой наводкой по быстро движущимся целям из-за высокого бруствера пришлось сконструировать достаточно высокую тумбу, а к станку приделать платформу для орудийного расчета и на ней кран для подъема зарядов. В результате всего этого получилось неудобное положение расчета на тесной и узкой платформе, к тому же люди не получали никакого прикрытия. Орудие могло вести круговой обстрел.

В Гродно также комплектовался и тяжелый мортирный полк с 11-дм (280-мм) и 9-дм (229-мм) мортирами. Эти орудия предполагалось использовать при осаде неприятельских крепостей (например, Торна и Грауденца). В тяжелый мортирный полк входили два дивизиона из 4-х батарей, имевших на вооружении 11-дм мортиры, и 4-х батарей, имевших 9-дм мортиры, а также мортирного парка¹⁷. Так, уже в октябре 1914 г. в крепость прибыли 11-дм осадные гаубицы системы Шнейдера. В состав крепостной артиллерии этот полк не вошел.

26 апреля 1915 г. тяжелые пушечный и мортирный полки были сведены во 2-ю осадную артиллерийскую бригаду.

Кроме орудий, на вооружении Гродненской крепости имелись станковые пулеметы «Максим». В августе 1915 г. в крепости имелось 55 станковых пулеметов, часть из них на крепостных станках¹⁸. Интересно также отметить, что перед началом войны в крепости были датские ручные пулеметы «Мадсен» (по разным сведениям, от 40 до 138 штук).

Таким образом, артиллерийское вооружение Гродненской крепости было достаточно пестрым, в значительной части оно состояло из орудий устаревших систем. Кроме того, на базе гродненской крепостной артиллерии формировались тяжелые артиллерийские подразделения фронтового подчинения.

На 14 февраля 1915 г., перед началом боев, в крепости Гродно находилось всего 158 крепостных орудий, а также 65 полевых. Кроме того, в крепости было 29 пулеметов¹⁹. Как уже отмечалось, в состав крепостной артиллерии входили орудия, располагавшиеся на батареях, а также и артиллерия небольших калибров (противотанковая), располагавшаяся на фортах и опорных пунктах.

Уже летом – осенью 1914 г. началось создание позиций крепостной артиллерии и установка на них орудий. На 19 февраля 1915 г. в крепости было возведено 39 артиллерийских батарей. Количество орудий на батареях колебалось от одного до четырех.

Тридцать одна батарея была номерной (с № 1 по № 32, без № 13), две под литерным обозначением (литер «А» и «Б»), 6 одноорудийных (пушки Канэ и 10-дм орудия). По калибрам количество орудий было следующим:

6-дм в 120 пуд. – 78,

6-дм в 200 пуд. – 24,

42-лин. – 24,

6-дм Канэ – 4,

10-дм – 2²⁰.

Всего в 39 батареях: 132 орудия.

Интересно отметить установку 10-дм орудий в Гродненской крепости. Дело в том, что основание под орудие здесь выполнялось из дерева, по специальному проекту генерала Р.А. Дурляхера (по схожей схеме были размещены орудия в Ковно и Новогеоргиевске). Орудия устанавливались на низких станках во временных земля-

ных позициях для кругового обстрела. Весной 1915 г. орудие переставили на высокий станок, что повысило его дальность. Для установки орудия требовалось несколько дней. Кроме того, в Гродно 10-дм орудия были размещены по одному в районе д. Подлабенье (западнее Гродно) и д. Гневенцизна (южнее Гродно)²¹ (рис. 4).

Четыре орудия Канэ в 6 дм также были установлены на временных позициях (в земляных двориках). Они также располагались по одному: у д. Наумовичи, у опорного пункта № 11, у д. М. Ольшанка и Путрышки²². Как и 10-дм орудия, эти пушки входили во 2-й дивизион тяжелого пушечного полка.

Рис. 4. 10-дм береговое орудие на полевой позиции крепости Гродно. Хорошо видно деревянное основание. Часть ствола оторвана. Снимок был сделан уже после захвата крепости кайзеровской армией. 1915–1916 гг. Открытка из коллекции Ф. Ворошильского

К началу февральских боев 1915 г. в крепости были готовы и укомплектованы личным составом только 22 батареи и противотанковая артиллерия фортов²³.

Как уже говорилось, артиллерия разделялась по отделам обороны. В каждом из четырех отделов было введено деление на группы (всего 10 групп: четыре – в I отделе обороны, три – во II, две – в III и одна – в IV). В состав каждой группы входили артиллерийские батареи.

На протяжении февральских боев 1915 г. количество артиллерии и батарей выросло. Так, появились новые батареи: литер «В», «Г» и «Д», батарея № 33. Количество орудий выросло при этом незначительно и составило на 18 марта 1915 г. 163 крепостных и 65 полевых орудий обр. 1877 г.²⁴ Для усиления крепости Гродно из Выборга и с петроградских позиций были высланы двенадцать 42-лин. пушек и 16 пушек в 6 дм.

В этот же период получены артиллерийские установки японского производства (240-мм и 280-мм) в количестве 24 штук.

В июле – августе 1915 г., то есть непосредственно перед последними боями за крепость Гродно, количество орудий достигало уже 770 единиц (генерал А.В. Шварц ошибался, говоря, что в это время здесь было около 1300 орудий²⁵)! И это максимальное количество за все время существования крепости, представлявшей собой тогда достаточно сильный комплекс укреплений, имевший достаточное артиллерийское прикрытие. В случае штурма, при грамотной обороне гарнизона, крепость могла оказать значительное сопротивление.

Батареи крепости обслуживались ротами гродненской крепостной артиллерии. Артиллеристы размещались как в казармах в городе (в Занеманском форштадте находились две казармы для молодых солдат), так и непосредственно рядом с орудиями. Недалеко от батарей были устроены землянки для нижних чинов, офицеров, а также кухни. Например, в мае 1915 г. 2, 4, 9 и 10-я роты 2-го артиллерийского батальона крепости обслуживали батареи I отдела обороны²⁶. Кроме того, артиллеристы заведовали и противотанковой артиллерией, пулеметами, автоматическими ружьями, станками для осветительных ракет и прожекторами фортов и опорных пунктов крепости. На каждую артиллерийскую роту приходилось по три батареи и 1-2 опорных пункта крепости.

Полевые позиции для крепостной артиллерии в большинстве случаев были земляными, усиленными деревом. Из полевого бетона возводились артиллерийские погребки. В группе форта № IV хорошо сохранилась четырехорудийная батарея, орудийные дворики которой выполнены из земли и укреплены деревом. В результате полевых исследований удалось установить расположение нескольких бетонных артиллерийских позиций. Так, в группе форта № IX сохранилась бетонная батарея. Она состоит из 4-х бетонных орудийных двориков прямоугольной формы, соединенных земля-

Рис. 5. Зенитная позиция Гродненской крепости. В 2011 г. силами Гродненского мясокомбината была сделана деревянная модель 3-дм орудия на противоаэропланном станке

Интересное описание артиллерийских позиций Гродненской крепости оставил артиллерист М.Н. Герасимов, которого призвали в армию в феврале 1915 г. Вот записи из его дневника: «25 февраля. ...Я жаждал увидеть грозные бастионы, форты, казематы, рвы, наполненные водой, и прочие атрибуты крепости. Однако наш учитель меня разочаровал. По его словам, никаких бастионов и казематов здесь нет, а форты находятся в окрестных лесах и представляют собой отрытые в земле артиллерийские окопы для орудий и прислуги, а также для снарядов и зарядов. Все замаскировано ветками, дерном и травой. Между фортами проложена полевая железная дорога для подвоза снарядов и зарядов...

ными окопами.

Имеющиеся в крепости позиции для зенитной артиллерии представляют собой орудийные дворики круглой (многоугольной) формы с бруствером из полевого бетона или камней. Диаметр двориков около 3–5 м. Рядом располагались артиллерийские погреба для боеприпасов из бетона или дерево-земляные (рис. 5).

27 февраля. Сегодня первый раз ходили в форт на батарею. Все, что говорил наш учитель, оправдалось: батарея стоит в лесу, орудия в окопах, стенки которых сделаны из жердей. Для прислуги неглубокие укрытия. Кругом песок и песок. На нем телефонные провода на небольших колышках. В некоторых местах видны проволочные заграждения, но рассмотреть их не удалось. Знакомимся с сорокадвухлинейной пушкой. Она мне понравилась своим изяществом и простотой. Да и стреляет она, оказывается, не так-то близко – на двенадцать верст»²⁷.

Как же себя проявила крепостная артиллерия во время боев? Впервые она открыла огонь по противнику в феврале 1915 г. В результате прорыва германских сил и окружения русского XX корпуса генерала П.И. Булгакова передовые части войск про-

Рис. 6. 6-дм орудие Канэ поручика Остроблянко 2-го дивизиона тяжелого пушечного полка на позиции Гродненской крепости. Снимок сделан солдатами 18-го ландверного полка 2 сентября 1915 г.

тивника приблизились вплотную к крепости Гродно. В середине февраля 1915 г. немцы (части 31-й пехотной дивизии) начали обустройство своих позиций в районе местечка Сопоцкин и южнее. 17 февраля в 8.05, по приказу командующего крепостной артиллерией генерала В.М. Криштафовича, огонь по германцам открыло 6-дм орудие Канэ поручика Остроблянко из I-го отдела обороны²⁸ (рис. 6). Вслед за ним, в 9.30, к обстрелу германских позиций присоединилось и 10-дм орудие штабс-капитана Швейнсбурга. В результате обстрела германцы приостановили окопные работы и отошли. С этого времени, на протяжении всех февральских боев крепостная артиллерия I-го (15 батарей) и, частично, IV (4 батареи) отделов обороны непрерывно обстреливала германские позиции, а также вела контрбатареиную стрельбу.

Уже через несколько дней боев командующий крепостной артиллерией распорядился устроить ложные артиллерийские позиции.

(Особое внимание требовалось уделить устройству ложных позиций 6-дм и 10-дм орудий I-го отдела обороны). В случае появления немецкой авиации на них должно было имитироваться движение, устраиваться вспышки. В это же время настоящие батареи должны были молчать. Как видно, генерал В.М. Криштафович старался уберечь подчиненную ему артиллерию и личный состав от действий германской авиации, которая часто бомбила город. Интересно также отметить, что на протяжении боев артиллеристы поменяли позицию 6-дм орудия Канэ и 10-дм орудия, что в зимних условиях и во время боев было делом очень нелегким. Это, кстати, не единственный случай установки крепостной батареи под огнем противника. Так, 2 марта, на высоте 100,3 сажени, «под сильным шрапнельным огнем противника» гродненским артиллеристам были установлены двухорудийная батарея 42-лин. орудий и гаубичная батарея № 1, которые сразу же открыли огонь²⁹.

Артиллеристы Гродненской крепости открывали огонь по каждой заявке пехоты. Причем часто из орудий самого большого калибра. Об интенсивности действия крепостной артиллерии говорит следующий факт. Согласно архивным документам за период боев за Гродно было выпущено 1537 снарядов к 6-дм орудию Канэ и 307 снарядов к 10-дм орудию!³⁰ После этого в крепости почти не осталось боеприпасов! Стволы у 6-дм пушки Канэ были очень сильно расстреляны, и дальнейшую стрельбу вести из них было просто невозможно. Кроме того, в результате стрельбы произошли повреждения лафета 10-дм орудия. В крепости было проведено даже специальное расследование по поводу чрезмерной траты ценных боеприпасов. Историк Е.З. Барсуков писал: «Как оказалось..., снаряды к 152-мм пушкам Канэ и даже к 254-мм (10-дм) береговым пушкам были расстреляны по наблюдательным пунктам и пулеметам в предположении, что они установлены на колокольне, фольварке или мельнице. При этом, по заверению старших начальников, «стрельба дала прекрасные результаты»³¹. Командование крепости и 10-й армии также осталось довольно действиями артиллерии. Так, по оценке коменданта крепости генерала М.Н. Кайгородова, крепостная артиллерия оказала «мощную поддержку и успешно выполнила поставленную ей задачу, нанеся врагу, как теперь выяснилось, значительные потери»³². Тем не менее, конечно же, следует признать, что действительной необходимости использовать

дальнобойную артиллерию на протяжении всех боев в районе крепости было излишне.

Еще раз крепостная артиллерия могла бы поучаствовать в боях в августе 1915 г. Однако, к сожалению, в это время, по приказу командующего фронтом, крепость Гродно была почти полностью эвакуирована. Для обороны позиций было выделено только 12 крепостных орудий (10-дм, 6-дм орудие Канэ, две 9-дм мортиры, четыре 6-дм пушки весом в 120 пуд. и четыре 42-лин. орудия)³³. Вместе с орудиями оставили только 11 артиллерийских офицеров под командованием капитана Леонтьевского. 6-дм орудие Канэ не смогло вести огонь в результате сильной изношенности ствола. По наступающим германцам стреляли 6-дм орудия в 120 пуд. и 42-лин. орудия и 9-дм мортиры. Из офицеров особо отличился прапорщик Богдзевич, который руководил стрельбой 9-дм мортиры 31 августа 1915 г. Огнем орудия была разогнана германская осадная батарея и подожжена деревня, где скапливались немецкие резервы (рис. 7).

Рис. 7. 9-дм мортира в Гродно захвачена германской армией. Открытка из коллекции Ф. Ворошильского

Рис. 8. Немецкие солдаты откапывают 280-мм японскую гаубицу. Крепость Гродно

Естественно, что как-то повлиять на исход боев за Гродно эти несколько орудий не смогли. 10-дм орудие было подорвано артиллеристами. Вероятно, также поступили с 6-дм орудием Канэ. Не были эвакуированы 42-лин. и 6-дм орудия в 120 пуд.³⁴ В крепости также были оставлены 10 японских 280-мм гаубиц (рис. 8). Кроме того, немцы захватили в Гродно около 30 пулеметов «Максим» (рис. 9).

В конце 1915 г. гродненская крепостная артиллерия, эвакуированная в тыл, была расформирована. Орудия поступили на вооружение полевых частей.

Рис. 9. Захваченные в крепости пулеметы «Максим». Открытка из коллекции Ф. Ворошильского

¹ Пивоварчик С.А. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772–1941). Гродно: ГрГУ, 2006. 252 с.

² Лютик Д.Семенчук А. Сто лет одиночества. Неизвестная крепость Российской империи / Путеводитель по фортам крепости Гродно. Гродно: Смык, 2011. 49 с.

³ Широкопад А.Б. Последняя крепость Российской империи // Военно-промышленный курьер. 2010. № 39 (355). С. 11.

⁴ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 2. Д. 6. Схема расположения тяжелых орудий для постоянного вооружения, с показанием обстрела. К 1 варианту проекта 1912 г.

⁵ Криштафович Владимир Михайлович родился 4 февраля 1857 г. в Москве в семье отставного гвардии штабс-ротмистра М.Е. Криштафовича. Образование получил в Пажеском корпусе. В службу вступил 09.09.1876. Выпущен подпоручиком в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артбригаду. Поручик в 1878 г. В 1883 г. капитан. Подполковник (ст. 12.03.1895). Командовал артиллерийскими батареями в различных подразделениях. Участник русско-японской войны. Полковник (ст. 25.06.1904). Командир дивизиона 30-й артбригады (с 29.10.1904). Ранен и контужен. Награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (ВП 13.02.1905). Командующий Свеаборгской крепостной артиллерией (с 10.12.1906). Командир Ивангородской крепостной артиллерии (10.01.1908–06.06.1911). Ген.-майор (пр. 1908; ст. 27.07.1908; за отличие). Командир

Владивостокской крепостной артиллерии (с 06.06.1911). Ген.-лейтенант (пр. 1912; ст. 27.07.1912; за отличие). Начальник артиллерии Гродненской крепости. Участник Первой мировой войны. Награжден Георгиевским оружием (ВП 21.05.1915). Инспектор артиллерии 9-й армии (16.04.1916–09.09.1917). Дальнейшая судьба неизвестна.

⁶ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 387. Л. 1 об., 6 об. Журнал военных Гродненской крепостной артиллерии. С 1 января по 4 марта 1915 г.

⁷ Там же. Д. 187. Л. 558. Краткая выписка боевой деятельности Гродненской артиллерии с 1 января по 10 августа 1915 г.

⁸ Широкопад А. Последняя крепость Российской империи. С. 11.

⁹ Он же. Энциклопедия отечественной артиллерии / Под общ. ред. А.Е. Тараса. М.: Харвест, 2000. С. 557.

¹⁰ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 231. Л. 9–9 об. Журнал военных действий крепости Гродно и Гродненского отряда. С 1 июля по 21 августа 1915 г.

¹¹ Широкопад А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. С. 216.

¹² Он же. Последняя крепость Российской империи. С. 11.

¹³ Он же. Энциклопедия отечественной артиллерии. С. 674.

¹⁴ Todd R. Japanese 28cm Howitzer/Landships. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.landships.freesevers.com/jap28cmhowitzer_info.htm. – Date of access: 14.10.2011.

¹⁵ Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. Т. 1. М.: Воениздат, 1938. С. 201.

¹⁶ Там же. С. 205.

¹⁷ Историческая справка по Осадным Артиллерийским бригадам и полкам сф. 1915 г. / Антология форменной одежды Российской Императорской армии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.antologifo.narod.ru/pages/list/histore/istOsbr.htm>. – Дата доступа: 13.09.2011.

¹⁸ Ивановский В. Долгое эхо умолкнувшей крепости // Перспектива. 2004. № 46–48. С. 6.

¹⁹ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 187. Л. 557. Краткая выписка боевой деятельности Гродненской артиллерии с 1 января по 10 августа 1915 г.

²⁰ Там же. Л. 87–88. Перечень возведенных батарей с указанием количества орудий и их калибра.

²¹ Там же. Перечень возведенных батарей с указанием калибра и числа орудий. 6 февраля 1915 г.

²² Там же.

²³ Там же. Краткая выписка боевой деятельности Гродненской артиллерии с 1 января по 10 августа 1915 г.

²⁴ Барсуков Е. Указ. соч. С. 224.

²⁵ Дроздов С. Немецкая крупнокалиберная полевая артиллерия / Проза.ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/10/01/508>. – Дата доступа: 13.12.2011.

²⁶ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 187. Л. 176. Причем форты I отдела обороны обслуживались другими ротами батальона.

²⁷ Герасимов М.Н. Пробуждение. М.: Воениздат, 1965. С. 29.

²⁸ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 187. Л. 84. Донесение коменданту Гр. Крепости от г.-л. В.М. Криштафовича. 11 утра 4 февраля 1915 г.

²⁹ Там же. Л. 66.

³⁰ Там же. Л. 76.

³¹ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг): В 4-х т. Т. 2. М.: Воениздат МВС СССР, 1948–1949. С. 247.

³² РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 187. Л. 77.

³³ Кстати, А.Б. Широкоград ошибался, утверждая в своей статье, что артиллерия крепости не была эвакуирована. См.: Широкоград А. Последняя крепость Российской империи. С. 11.

³⁴ РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 187. Л. 549. Рапорт генерала Бжозовского командующему 1-й армией от 23 августа 1915 г. № 304.

*Л.К. Маковская, П.В. Горегляд,
Н.В. Ломакин (Санкт-Петербург)*

**УДАРНЫЕ РУЖЬЯ СИСТЕМЫ
ИММАНУЭЛЯ НОБЕЛЯ
(Из истории испытаний экспериментального
ударного оружия в России в 1830–1840-х годах)**

ИСТОРИЯ семьи Нобель интересна не только тем, что с ее именем связано учреждение престижной международной премии. Семья Нобель принадлежит к известной династии российских промышленников – первооткрывателей во многих областях производства, науки, культуры, общественной деятельности.

Основателем петербургской династии был Иммануэль (Иммануил, Эммануил) Нобель (1801–1872). Он родился в шведском городке Гевли, начал свою трудовую деятельность со службы юнгой на торговом судне. В 1820-е гг. работал строительным подрядчиком в Стокгольме и одновременно обучался в Стокгольмской Королевской академии искусств и Академической механической школе. Будучи хорошим архитектором, разрабатывал конструкции наплавных мостов и сборных жилых домов, но не имея финансовой поддержки, не смог осуществить свои проекты. Пожар в 1832 г., в котором сгорело все имущество семьи, довершил его неудачи. Иммануэль Нобель объявил себя банкротом и в 1837 г. по приглашению русского правительства прибыл в С.-Петербург. Уже в 1838 г. он открыл небольшую механическую мастерскую, которая в начале 1840-х гг. превратилась в завод, производивший паровые машины, станки, различные металлические конструкции. В 1842 г. И. Нобель разработал проект морской мины, приобретенный военным ведомством за 25 тысяч серебром. Это обстоятельство значительно упрочило положение изобретателя, дало ему возможность преобразовать собственный завод и расширить ассортимент выпускаемой продукции.

В 1851 г. была основана фирма «Нобель и сыновья». Она была целиком ориентирована на военные заказы, выпуск оружия, в том числе и стрелкового, военного оборудования.

После окончания Крымской войны (1853–1856) положение Нобеля резко пошатнулось: выполнение военных заказов ушло за рубеж. В 1859 г. он вновь объявляет себя банкротом и возвращается на родину в Швецию¹.

В России остался его старший сын – Людвиг Нобель.

Что же привлекает в многообразном научно-техническом творчестве Иммануэля Нобеля? Конечно же, та составляющая его деятельности, которая связана со стрелковым вооружением.

К началу 1840-х гг. процесс поиска ударного замка для перевооружения русской армии приобретает особо острый характер. Армии многих европейских стран были уже вооружены подобным оружием.

В начале 1841 г. Иммануэль Нобель представил императору Николаю I ружья с ударным замком своей системы. Одно – новое, оригинальной конструкции – и другое, переделанное из кремневого, с специально приспособленным замком. Ударные замки конструкции Нобеля относятся к замкам так называемой пластинчатой системы. Суть ее заключалась в том, что вместо насаживаемого на брандтрубку капсюля, который разбивался ударом курка и воспламенял заряд, применялась пропитанная ударным составом пластина, она подавалась на наковальню, и курок особой конструкции отрезал кусочек пластины и разбивал находившийся в ней горючий состав. Воспламенение заряда производилось привычным способом: через затравочное отверстие.

Устройство ружей системы Нобеля состояло в нижеследующем. У нового образца ствол обычного пехотного ружья обр. 1828 г. в казенной части заканчивался особой формы хвостовиком, на котором монтировался курок со спусковым крючком. Курок коробчатого типа, внутри которого помещалась пропитанная ударным составом пластина и механизм (зубчатое колесико с пружиной), подающий ее в курок и из курка к наковальне. В головке курка помещался резак, с помощью которого отрезался нужный кусочек пластины и ударный молоточек. Наковальня находилась на верхней грани ствола, на срезе казенной части, чуть смещалась вправо. Боевая пружина вставлялась в паз прилива на нижней образующей ствола и фиксировалась осью. Курок имел один взвод. Ложа

подобна ложе пехотного ружья обр. 1828 г., но усилена в шейке и в районе помещения замка.

Прибор латунный, такой же, как у ружей обр. 1828 г., за исключением основания спусковой скобы, оно железное, более прочное и несколько другой конфигурации.

Переделка кремневого ружья в ударное по системе Нобеля заключалась только в приспособлении нового замка взамен старого. Остальные части ружья не затрагивались.

На замочной доске кремневого замка вместо пороховой полки устанавливалась наковальня, затравочное отверстие которой сообщалось с затравочным отверстием в стволе, а кремневый курок заменялся курком коробчатого типа, конструкция которого описана выше.

Боевая пружина и спусковой механизм находились на внутренней стороне замочной доски.

Император заинтересовался оригинальной конструкцией замка и отдал распоряжение рассмотреть изобретение в Комитете по улучшению штуцеров и ружей.

8 февраля 1841 г. председатель Комитета генерал-адъютант Храповицкий был извещен о «высочайшей воле»², и 9 апреля того же года состоялось заседание Комитета, на котором обсуждали ружья с ударным замком конструкции Нобеля в присутствии изобретателя. Уже на первом заседании члены Комитета положительно оценили изобретение, отметив простоту устройства замка. Нобель прокомментировал широкие возможности своего изобретения: способность с одной пластиной, находящейся в курке, произвести 140 выстрелов, а в целом из его ружья можно сделать от двух до трех тысяч выстрелов без осечек.

В заключении Комитета подчеркивалось, что если запальные пластины окажутся удобными для употребления в войсках, а «обещания изобретателя» подтвердятся на испытаниях, «то без всякого сомнения» ударная система Нобеля должна быть признана лучшей среди подобных систем. Она представляет возможность переделать кремневые ружья с несравненно меньшими затратами, чем другие системы³.

Генерал-фельдцейхмейстер, ознакомившись с предварительным заключением Комитета, распорядился срочно сделать 10 ружей по системе Нобеля и испытать их. К концу июля 1841 г. ружья были готовы. Нобель сам тщательно проверил их отделку и, прежде чем

представить их Комитету, испытал несколькими боевыми выстрелами. Но в августе его императорское высочество Михаил Павлович отдает новое распоряжение – предварительно испытать ружья Нобеля в Образцовом пехотном полку. Это поручение было возложено на его адъютанта полковника Огарева, который до начала опытов должен был обучить действию из ударных ружей Нобеля 20 человек рядовых ⁴.

17 октября в Царском Селе были проведены испытания уже 20 ружей системы Нобеля, из которых 10 были переделаны из кремневых существующего в русской армии обр. 1828 г. и 10 – новой конструкции. Полковник Огарев составил подробный отчет об их испытаниях, где, прежде всего, отметил простоту устройства системы и удобство ее эксплуатации. Особенно оценил он новые ружья, имеющие один взвод и замок несложной конструкции. Двадцать солдат, принимавших участие в опытах, никогда ранее не имевших дело с ударными ружьями, уже через четверть часа свободно обращались с ними.

При этом следует учесть, что испытания проходили в осеннюю прохладную погоду с сильным порывистым ветром и небольшими заморозками. Руки солдат замерзали. Однако, как упоминается в отчетах, холод не препятствовал исправному обращению с ударной пластинкою и солдаты, большей частью недовольные с первого взгляда всякою переменою в отношении ружья, с которым привыкли обращаться, тут все единогласно объявили, что ружья, которыми стреляли, удобны для них во всех отношениях ⁵.

Правда у некоторых ружей оказалась затравка довольно сложного устройства, что тоже способствовало производству осечек. Присутствующий на испытаниях Нобель обязался изменить устройство затравки по типу тех, которые хорошо зарекомендовали себя на опытах.

На испытании применялись пластинки, сделанные самим изобретателем. Отчет заканчивался рекомендацией обратить особое внимание на изобретения Нобеля в предвидении скорого введения в армии ударного оружия ⁶.

5 ноября 1841 г. Комитет по улучшению штуцеров и ружей вновь обсуждал ружья конструкции Нобеля. На рассмотрение были представлены два ружья его системы – переделанное из кремневого и новое, оригинальной конструкции. На этот раз члены Комитета

уже очень тщательно обследовали оружие, с полной разборкой всех его элементов, и пришли к единому заключению, изобретение Нобеля заслуживает «особенного внимания»: простота механизма, прочность составных его частей и удобство надевания и выдвигания заключенной в курке пластинки делает конструкцию замка наиболее удачной. По внешнему осмотру они нашли конструкцию ружей безупречной и лучшей относительно всех до сих пор рассматриваемых систем. Впрочем, в журнале Комитета подчеркивалось, что речь идет о сравнении пластинчатых систем, а отнюдь не капсюльных.

Вопрос о преимуществе каждой из этих систем, считал Комитет, следует рассматривать особо. Это замечание очень существенно. Начиная с 1837 г. шло активное испытание ленточной системы иностранца барона Гертелу. Он сам предложил несколько вариантов усовершенствования своей системы, у него было и много последователей. Особенно из тех, которые считали, что солдат не сможет насаживать капсюли (колпачки) на брандтрубку. А между тем, к началу 1840-х гг. многие специалисты отстаивали капсюльную систему для перевооружения армии.

Что же касается ружей системы Нобеля, то члены Комитета постановили, прежде чем окончательно решить их судьбу, подвергнуть ружья широким, разносторонним испытаниям. Соответствующие опыты должны были подтвердить или опровергнуть сомнения Комитета в устройстве затравочных отверстий замка и ствола в переделанных ружьях. По мнению Комитета, затравочные отверстия очень тонкие и высверлены должны быть «с математической точностью», чтобы одно соответствовало другому, иначе огонь от пластины не сможет воспламенить заряд. Соблюдение такой точности в работе под силу только высококвалифицированным мастерам, считали в Комитете, и при изготовлении нескольких ружей, а при переделке нескольких сот тысяч ружей это практически невозможно. Более того, смещение затравочных отверстий может произойти от небрежного обращения солдата, например, от неплотно закрепленного в ложе замка.

Чтобы выяснить возможность изготовления ружей Нобеля на оружейных заводах и определить их стоимость, Комитет предложил сделать на Сестрорецком заводе по два экземпляра нового и переделанного ружей под наблюдением капитана Россета (правителя дел Комитета) без участия изобретателя. Для этого следовало

отправить на завод одно новое и одно переделанное ружье и на каждом из них прикрепить ярлыки с буквами «А» и «В»⁷.

Проверка надежности ружей была поручена одному из членов Комитета генерал-майору Моллеру 2-му, командиру лейб-гвардии Павловского полка. Моллеру в вверенном ему полку предстояло испытать 750-ю боевыми выстрелами 18 ружей Нобеля – 9 новых и 9 переделанных, два из 20-ти, как известно, были отправлены на Сестрорецкий оружейный завод. Необходимое количество боевых патронов и пластинок должно было быть изготовлено в Санкт-Петербургской лаборатории по указанию изобретателя. Ему разрешалось присутствовать на испытаниях.

Для проведения опытов в декабре 1841 г. Комитетом была разработана специальная инструкция. Это очень интересный и важный документ. Он в полной мере отражает уровень проверки боевых и эксплуатационных качеств экспериментального оружия накануне перевооружения русской армии ударными ружьями.

Приводим инструкцию полностью.

«Инструкция испытания ружей иностранца Нобеля»

1) Для удостоверения легко ли и скоро люди могут быть обучены действию вновь предложенным ружьем, назначить одну часть людей из более понятливых и расторопных, другую не столь способных, третью наименее понятливых и опытных.

2) Засим обучить их по указанию и наставлению самого изобретателя сперва разборке и сборке ружья в подробности во всех частях, потом ловкому обращению с пластинками, как то вдвиганию их в курок и надвиганию их на стержень, наконец, заряданию и пальбе, сперва холостыми, потом боевыми патронами. Во время обучения и испытания при всех сих отдельных действиях иметь наблюдение, не представится ли в каком-либо случае какого затруднения или помешательства; или представится определить причину, степень его важности, средство, употребленное для отвращения или исправления одного, сравнивая, сколько устройство ружья позволяет, каждое отдельное действие в подобном ему в обыкновенном ружье и записывая подробно всякое замечание, которое признано будет достойным внимания, относительно удобства, легкости и скорости, с коим можно произвести каждое действие.

3) Из каждого ружья сделать 750 боевых выстрелов, наблюдая следующий порядок. Из 5-ти ружей новых и 5-ти переделочных

стрелять таким образом, чтобы после каждых 60 выстрелов ружье тщательно осматривалось, разбирать, прочищать и вытирать, в особенности затравки и резцы курков. Из остальных 4-х ружей новых и переделочных стрелять, не разбирая и не прочищая ружье до тех пор, когда ружье перестанет вновь действовать, дабы испытать сколько выстрелов способно дать ружье без разборки его и чистки; и главное определить через то способность колеса надвигать пластинку на стержень, не прочистив его, и вместе удостовериться, может ли пластинка дать 140 выстрелов, как обещает изобретатель. Из всех 9-ти переделочных ружей 150 последних выстрелов произвести преимущественно для испытания следующего недостатка, который Комитет опасается встретить: по устройству замка с воспламенением пластинки пламя для сообщения огня заряду должно проходить через отверстие, сделанное в замке, и отверстие, сделанное в затравке, для чего первое с наибольшею точностью должно приходиться против другого: если одно из них, хотя немного, отойдет в сторону, пламя не проникнет через затравку и выстрела не последует. Сие правильное положение отверстий зависит много от того, плотно ли замок будет ввинчен в ложу; почему для определения в какой степени важности и как часто недостаток сей может встретиться, если по недосмотру солдат не плотно повернет замочные винты и следовательно слабо осадит в ложу замок, упомянутые 150 выстрелов произвести таким образом, чтобы после каждых 10 или 15 выстрелов, замок вывинчивать и вновь ввинчивать, дозволив нарочно на пол-оборота или на целый оборот не повертеть передний или задний винт, и засим наблюдать, не будет ли от сего немного слабого положения замка в ложе, ружье не будет производить выстрелов. На обстоятельство сие по важности обратить особое внимание.

4) При чистке ружья не следует разбирать замка в подробности без особенной надобности и при промывке ствола отнюдь последнюю не вывинчивать в переделанном ружье. Разве в случае, что ружье, не действуя, нельзя будет иначе определить причину сему, как вывинтив затравку.

5) Ружья употреблять в караулы, ставить заряженными и не заряженными на открытом воздухе в козлах, с замками, покрытыми полунагалищами и без полунагалищ, наблюдая, чтобы курки при сем были спущены.

6) Приучать солдат к заряданию на походе, лежа, заставляя их вкладывать пластинку после бега и на походе; стрелять в походной амуниции и дозволить им по окончании пальбы оставлять иногда заряженные ружья в поле (со спущенными курками), вместе с пластинковыми хранилищами на земле.

7) Определить количество пороха в патронах на каждое расстояние отдельно.

8) В продолжении всего испытания вести подробные журналы, в коих записывать расстояние с которого стреляли, количество пороха в патроне, дальность полета пуль, верность выстрелов, скорость действия из сих ружей, число осечек, перемене пластинок, отдачу ружья сравнительно с нашими в плечо, удобство взведения курка и вкладывания и надвигания пластинки и, наконец, влияние большей или меньшей силы боевых пружин на воспламенение пластинки и на верность выстрелов. Для большей отчетности в журналах каждое ружье перенумеровать⁸.

Надо сказать, что генерал-майор Моллер на испытаниях строго придерживался данной ему инструкции и в своем отчете-журнале опытов приводил данные в соответствии с каждым ее пунктом. Испытания ружей проходили с 24 января по 15 апреля 1842 г.

17 января 18 рядовых лейб-гвардии Павловского полка под наблюдением изобретателя обучались разборке и сборке ружей и правильному обращению с пластинкой. Освоение ружья не вызвало никаких затруднений. Как отмечалось в журнале испытаний, даже молодым и неопытным солдатам требовалось не более получаса, чтобы разобрать и собрать ружье, а также «вкладывать, задвигать и надевать пластинку». При обучении солдат заряданию и стрельбе холостыми патронами при морозе в 7° все манипуляции с пластинкой проделывались свободно без всяких затруднений.

В процессе испытаний из каждого ружья, кроме № 14, было сделано 750 боевых выстрелов зарядом в $1\frac{3}{4}$ золотника пороха.

Дальность полета пуль и действительность выстрела были вполне удовлетворительными. Из 100 выстрелов на расстоянии 150 шагов попадало в мишень 40 пуль, пробивая 5 мишеней (специально сделанные щиты толщиной в 1 дюйм, стоящие на определенном расстоянии друг от друга). Дальность полета пуль с рикошетами доходила до 700–750 шагов, что соответствовало уровню стрельбы из ручного огнестрельного оружия в 40-е гг. XIX в.

Ружье конструкции Нобеля передельное.
Вид затвора сверху: рис. 1 – курок взведен, рис. 2 – курок спущен.
Замок передельный: рис. 3 – внутренний вид,
рис. 4 – внешний вид. Рис. 5 – надпись на курке.
Рис. 6 – внутреннее устройство курка передельного ружья

Рис. 1

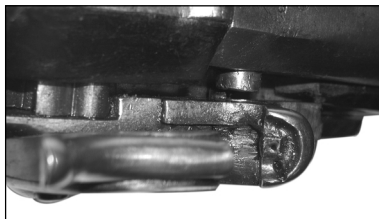

Рис. 2

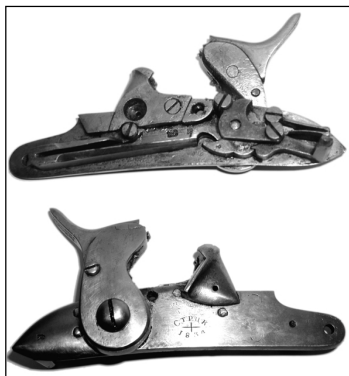

Рис. 3, 4

Рис. 5

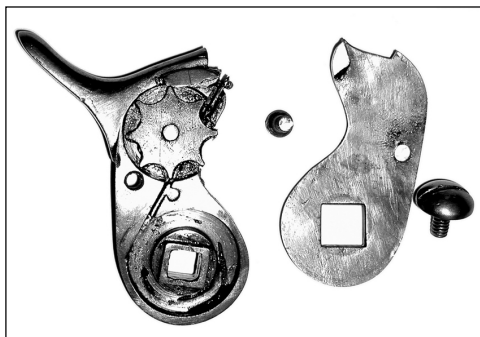

Рис. 6

Ружье конструкции Нобеля.

Рис. 7, 8 – курок взведен, курок спущен.

Рис. 9 – вид замка оригинальной конструкции Нобеля.

Рис. 10 – курок в оригинальном замке.

Рис. 11 – внутреннее устройство курка оригинального замка

Рис. 7

Рис. 8

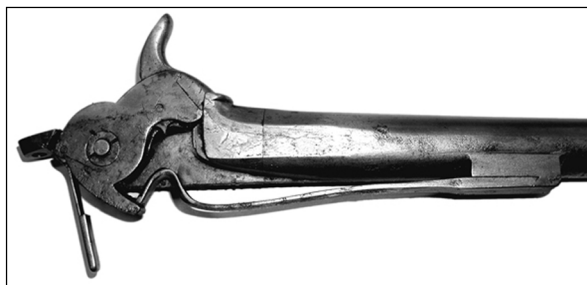

Рис. 9

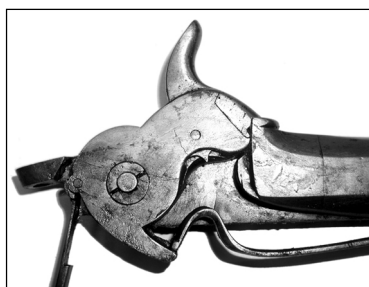

Рис. 10

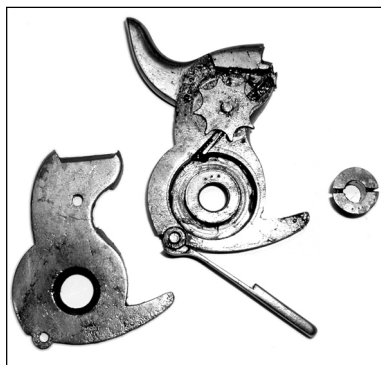

Рис. 11

Отдача ружья в начале стрельбы была незначительной, по мере накопления нагара в стволе увеличивалась, но не превышала отдачи состоявшего на вооружении кремневого ружья.

Пластинки, которые употреблялись при испытании, были длиной от 8 $\frac{1}{4}$ до 9 дюймов и 3 лин. (от 26 до 30 см).

Количество выстрелов, произведенных при использовании одной пластинки, колебалось от 5 до 150. Такая большая разница объяснялась двумя причинами: с одной стороны, неопытностью стрелков, которые, боясь осечек, выдвигали ленту значительно длиннее, чем полагалось на каждый выстрел. Но главная причина состояла в неодинаковом устройстве курков. Значительная часть из них имела несоразмерно большие уступы между головкой резака и пластинкой, что требовало ее большего выдвижения. В противном случае мало выдвинутый конец пластины загибался в уступе, не попадая на затравку, и выстрела не происходило. Между тем, испытания показали высокое качество боевых пружин, их большую упругость и заметное влияние на быстроту воспламенения пластины. опыты выявили также устойчивость пластины к холоду и сырости. Для чего во время испытаний, 7-го апреля, одну из них положили на мокрую землю в подпол сарая, а 14-го апреля ее вложили в курок ружья (№ 5), из которого было сделано 90 выстрелов без единой осечки.

Что касается осечек, то в процессе испытания они были при стрельбе из всех ружей. Однако некоторые из них могли произвести 120, 150 и даже 200 выстрелов без осечек. Причины осечек разные. Одна из них, о которой сказано выше, несоразмерное расстояние между ударной плоскостью курка и головкой резака, придерживающего пластинку. Кроме того, мягкость металла, из которого сделан курок, и слишком выдающаяся верхняя круглая его часть. Из-за мягкости металла на ударной плоскости курков образовались значительные углубления, и курок, особенно у переделанных ружей, ударял в затравочное возвышение своей круглой частью, которая не всегда плотно ложилась и, как следствие этого, не разбивала пластинку. Во время опытов, пытаясь избавиться от осечек, сглаживали ударную плоскость и несколько спиливали круглую головку. Но это не помогло, также как стальные вставки в головках курка, сделанные, по-видимому, самим изобретателем. После длительной стрельбы они все были сдвинуты со своего первоначального места.

У новых ружей обнаружился, по мнению генерала Моллера, следующий существенный недостаток – слишком наклонное положение затравочного канала от оси канала ствола. Это приводило к тому, что газы, образующиеся при воспламенении пластинки, проникали во внутреннюю часть замка и покрывали курок и боевую пружину значительным слоем нагара. Курок лишился свободного движения и с трудом взводился, удары его делались слабее.

Средняя скорострельность ружей равнялась 3 выстрелам в минуту. Правда, в начале стрельбы она доходила до 4-х выстрелов в минуту, но при продолжительной стрельбе снижалась до 2-х. Напомним, скорострельность кремневых ружей была 1 выстрел в 1–1,5 минуты.

Заряжание ружья, стрельба на походе и лежа производились легко и удобно, также и вкладывание пластинок после бега. Вообще в процессе испытаний, как отмечал генерал Моллер, никаких затруднений не было, кроме двух обстоятельств: в новых ружьях осмотр внутреннего устройства курка в случае какой-либо неисправности, например, отказа колесика подавать пластинку, можно было произвести только при разборке ружья. Иначе нельзя было снять верхнюю доску курка, насаженную на стержень, прикрепленный к хвостовику. В отличие от новых ружей, у переделанных осмотр внутренних частей курка не вызывал никаких затруднений.

Второе замечание, отмеченное в журнале, касалось действия с пластиной. Генерал Моллер вынужден был признать, что вкладывание пластины в курок на походе, требующее особой ловкости, не может быть выполнено каждым солдатом. Эта проблема может быть решена при условии, что первоначально вложенной пластинки будет вполне достаточно для израсходования всех патронов, находящихся в солдатской сумке. При последующем пополнении патронов у солдата будет время для помещения в курок новой пластины.

Во время испытаний были поломки замков у трех переделанных ружей, но они были быстро устранены.

В конце испытаний Нобель, убедившись в некоторых недостатках своей системы, в частности конфигурации головки курка и расположения затравочного канала, представил два ружья, одно новое, другое переделочное, улучшенной конструкции. В течение пяти дней из каждого ружья было выпущено до 1500 боевых патронов без одной осечки. Пластина давала от 150 до

200 выстрелов. Последние 600 выстрелов были без промывания ствола⁹.

26 мая 1842 г. генерал-майор Моллер препроводил копию журнала испытаний и 20-ть ружей, в том числе и два усовершенствованной конструкции, в Комитет по улучшению штуцеров и ружей¹⁰.

30 мая 1842 г. Комитет, обсудив материалы опытов, решил подвергнуть ружья Нобеля еще одному испытанию – испытанию дождем. 4 мая того же года 20 ружей его системы были вновь направлены в лейб-гвардии Павловский полк¹¹. Там на Семеновском парадном месте они подверглись испытанию искусственным дождем и не выдержали его. Как только вода проникла в затравочные каналы и внутрь замка, ни из одного ружья, в том числе и улучшенной конструкции, нельзя было сделать ни одного выстрела, заряд оказался совершенно размокшим. В то время как из кремневых ружей, сменив затравку, можно было продолжить стрельбу. Нобель, как всегда присутствующий при испытаниях, взял два ружья улучшенной конструкции для исправления столь существенного недостатка.

На этот раз результаты испытаний не были доведены до сведения Комитета. Поэтому, когда в сентябре 1842 г. встал вопрос о проведении широких сравнительных испытаниях новой пластинчатой системы ударного оружия барона Гертелу с другими аналогичными системами, Комитет по улучшению штуцеров и ружей предложил И. Нобелю участвовать в них. Испытания должны были проходить под непосредственным наблюдением Комитета и Особой комиссии при Образцовом полку¹². Нобелю предстояло представить 60 ружей своей конструкции¹³. Но 4 августа 1843 г., накануне проведения испытаний, он оповестил Комитет, что в силу сложившихся обстоятельств, не может приступить к изготовлению ружей своей системы¹⁴. А меньше, чем через год, в марте 1844 г., изобретатель решает, что он готов принять участие в сравнительных испытаниях и осуществлять наблюдение за изготовлением 60 ружей его конструкции при условии, что ему предварительно заплатят 2 тысячи серебром. Генерал-фельдцейхмейстер отправил предложение Нобеля на рассмотрение Комитета¹⁵.

22 апреля 1844 г. Комитет вынес свое заключение: поскольку в русской армии уже введены ружья капсюльной системы, удовлетворять

требование иностранца Нобеля нет необходимости¹⁶. В июне заключение было высочайше одобрено. Однако переписка по этому вопросу продолжалась до конца марта 1845 г. В феврале 1845 г. военный министр запросил Комитет о результатах последних испытаний ружей Нобеля. Оказалось, что в Комитете такие сведения отсутствуют. Был направлен запрос к генералу Моллеру. 16 февраля того же года генерал-лейтенант в рапорте сообщил Комитету о совершенно неудовлетворительных результатах испытания дождем ружей Нобеля в ноябре 1842 г. и об обещании изобретателя устранить выявленные недостатки. Он взял ружья усовершенствованной конструкции с тем, чтобы вскоре вернуться и продолжить испытания, но так и не появился¹⁷.

Из этого рапорта стала известна судьба нобелевских ружей. В ноябре 1843 г. одно новое под № 8 и одно переделанное под № 12 были направлены к начальнику штаба по управлению генерал-фельдцейхмейстера генерал-майору Яковлеву. Остальные 16 препровождены вместе с рапортом в Комитет¹⁸. Содержание рапорта генерал-лейтенанта Моллера было доложено в Штаб генерал-фельдцейхмейстера, туда же были отправлены и 16 ружей конструкции Нобеля.

Казалось бы, вопрос решен. Но 19 марта 1845 г. генерал-фельдцейхмейстер еще раз запрашивает Комитет, не следует ли все же продолжить испытания ружей вновь предложенной конструкции Нобеля¹⁹.

26 марта председатель Комитета генерал-адъютант Храповицкий доложил, что предыдущее решение Комитета от 22 апреля 1844 г. высочайше одобрено императором. Комитет остается при своем мнении о бесполезности в настоящее время испытывать ружья системы Нобеля на его условиях²⁰.

Так закончилась история испытания одной из лучших, на наш взгляд, пластинчатых систем ударного оружия. В своей конструкции И. Нобель удачно использовал принцип многофункциональности деталей – хвостовик казенного винта одновременно служит замочной доской; спусковой крючок, зубчатое колесико, регулирующее манипуляции с ударной пластинкой, и крышка ее, т. е. передняя стойка курка, закреплены на одной оси.

Уже полковник Огарев, проводивший предварительные испытания переделанных и новых ружей конструкции Нобеля, отметил их преимущества перед существовавшими аналогичными системами²¹.

В свою очередь Комитет по улучшению штуцеров и ружей также подчеркнул высокие качества его ружей: простоту устройства механизма ударного замка, тщательность отделки деталей, удобство пользования ударной пластинкой. В журнале от 5 ноября 1841 г. записано: «Комитет не мог сделать ни одного замечания в невыгоду его (ружья. – *Авт.*) и предпочитает ружья иностранца Нобеля ружьям системы барона Гертелу»²².

У Комитета должны были быть весьма веские основания для такого заключения, ибо среди приверженцев замка Гертелу был сам император Николай I. Испытания в лейб-гвардии Павловском полку подтвердили высокие боевые и эксплуатационные качества ружей Нобеля, однако они не выдержали проверки «дождем». Изобретатель взялся устранить недостатки. Возможно, ему это удалось, если учесть его предложение об изготовлении 60 новых ружей в 1844 г. Но военное ведомство категорически отказалось от услуг Нобеля по известным причинам. К этому времени уже состоялось решение Комитета о переделке в полках кремневых ружей в ударные по французской системе. Кроме того, И. Нобель запросил за свое последнее изобретение 2 тысячи серебром. При той ограниченности в средствах, которое постоянно испытывало военное ведомство России, это не могло не повлиять на решение вопроса.

В коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) хранятся четыре ружья системы Нобеля, одно новое оригинальной конструкции и три переделанные из кремневых в ударные. Они имеют общую историю: изготовлены в 1839–1840 гг. в механической мастерской Нобеля, прошли все испытания, вплоть до испытаний дождем, а затем были отправлены в Штаб генерал-фельдцейхмейстера. При упразднении Штаба в 1862 г., по всей вероятности, попали в Санкт-Петербургский арсенал, а оттуда в разное время поступили в музей. На каждом ружье имеется надпись: «IM.NOBELS, Invention» и номер на скобе.

К сожалению, ничего не известно о последней конструкции ударного замка, предложенного Нобелем в 1844 г. Суть своего изобретения он изложил в записке его императорскому высочеству генерал-фельдцейхмейстеру. Но ни в делопроизводстве Штаба генерал-фельдцейхмейстера, ни в материалах Комитета по улучшению штуцеров и ружей этот документ не обнаружен. Возможно

Нобелю удалось изготовить несколько экземпляров ружей с новым замком и они находятся в государственных или частных коллекциях. Вероятность такого положения вполне реальна. В 1932 г., отправляясь в Швецию, четвертое поколение Нобелей все оставило России.

Приводим описание ружей И. Нобеля из коллекции ВИМАИВиВС.

Пехотное ружье оригинальной конструкции с ударным замком системы Нобеля. Опытное.

Ствол обычного пехотного ружья в казенной части заканчивается особой формы хвостовиком, на котором смонтирован курок и спусковой крючок. Курок коробчатого типа, внутри него помещаются пропитанная ударным составом лента и механизм (зубчатое колесико с пружинкой) подачи ее в курок и из курка к наковальне. Наковальня находится на верхней грани ствола, на срезе казенной части, чуть смещена вправо. Боевая пружина вставлена в паз прилива на нижней образующей ствола и фиксируется осью. Курок имеет один взвод.

Ложа как у пехотного ружья обр. 1828 г., но усилена в шейке и в районе помещения замка.

Прибор латунный, такой же, как у ружей обр. 1828 г., за исключением основания спусковой скобы, оно железное и несколько другой конфигурации.

На ружье имеются следующие надписи и основные клейма – на хвостовике казенного винта: «IM.NOBELS, Invention».

На ложевых кольцах – стрела, в наконечнике которой изображена буква «P» – клеймо старшего приемщика Сестрорецкого оружейного завода К.И. Поппе, и год «1834».

На затыльнике приклада выбит двуглавый орел; на спусковой скобе цифра «VIII».

Калибр – 17,8 мм; длина ствола – 1052 мм, общая длина – 1462 мм.

Инвентарный № 3/365.

Пехотное ружье обр. 1828 г., переделанное в ударное по системе И. Нобеля.

Ствол обычного пехотного ружья обр. 1828 г. Замок ударный. На замочной доске кремневого замка сняты огниво, пороховая полка и курок. На месте пороховой полки приклепана наковальня,

затравочное отверстие которой сообщается с затравочным отверстием в стволе. Кремневый курок заменен курком коробчатого типа оригинальной конструкции. Внутри курка помещаются: пропитанная ударным составом лента и механизм подачи ее в курок и из курка к наковальне. Боевая пружина и спусковой механизм находятся на внутренней стороне замочной доски.

Ложа и прибор соответствуют ложе и прибору пехотного ружья обр. 1828 г.

На ружье имеются следующие надписи и клейма – на стволе гравированная надпись: «СИСТ. НОБЕЛЯ», вероятно сделанная в 20-х – начале 30-х гг. XX в., и год «1834»; на казенной части выбит двуглавый орел. На замочной доске: «С.Т.РЦ.К. 1834», на спинке курка надпись: «IM.NOBELS, Invention».

На деталях прибора – «1834». На всех частях ружья изображено клеймо смотрителя Сестрорецкого оружейного завода К.И. Поппе – стрела в наконечнике с буквой «Р».

На спусковой скобе – цифра «XII».

Инвентарный № 3/343.

Два других переделанных ружья по конструкции и наличию основных надписей и клейм аналогичны описанному выше, за некоторыми исключениями: на них отсутствует надпись «СИСТ. НОБЕЛЯ» и имеются дополнительные клейма. На ружье (инв. № 3/318) на стволе «IR» и «ПП» (дважды); на замочной доске «IR», на спусковой скобе – «XI» и на ложе внизу под замком «11». На ружье (инв. № 3/317) единственное отличие – цифра на спусковой скобе «XVI» и на ложе – «16».

¹ Семенов С. Семья Нобель. Династия первооткрывателей // Институт исследований Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. Май. 2001. № 09; Династия Нобелей в России // Промышленные ведомости. «ПВ». № 6. 2006. Июнь.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 14. Оп. 42. Д. 749. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 3–4.

⁴ Там же. Л. 6–6 об.

⁵ Там же. Л. 12 об.

⁶ Там же. Л. 12–13 об.

⁷ Там же. Л. 18 об–19.

⁸ Там же. Л. 24–27.

⁹ Там же. Л. 29–38.

¹⁰ Там же Л. 41–41 об.

- ¹¹ Там же. Л. 57–58.
¹² Там же. Д. 621. Л. 14–17.
¹³ Там же. Л. 20–20 об.
¹⁴ Там же. Л. 28–29.
¹⁵ Там же. Д. 749. Л. 60–60 об.
¹⁶ Там же. Л. 64–65.
¹⁷ Там же Л. 67, 68, 72–72 об.
¹⁸ Там же. Л. 70–70 об., 74.
¹⁹ Там же. Л. 75–77 об.
²⁰ Там же Л. 77–77 об., 79.
²¹ Там же. Л. 15–16.
²² Там же. Л. 16–17.

А.В. Марьяк (Москва)

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ВОСПИТАННИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Я думаю, что теперь всякий мерзавец с удовольствием бы пошел или в студенты, или в каторжники».

Из письма неизвестного студента
в Главное управление Генерального штаба

ШИРОКО распространена точка зрения, согласно которой патриотический порыв, охвативший русскую учащуюся молодежь в первые дни войны, продержался в течение всей войны и превратил ее едва ли не в основной источник пополнения офицерского состава, однако изучение фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) дает повод усомниться в столь благостной картине.

Прежде всего, необходимо прояснить отношение учащейся молодежи призывного возраста накануне Первой мировой войны к отбыванию в соответствии с законом воинской повинности. Несмотря на все изменения миллютинского Устава о воинской повинности 1874 г., спустя 40 лет после его введения, один из основных его принципов – облегчение отбывания воинской службы образованными подданными империи, вплоть до освобождения от таковой. Прекрасно сознавая необходимость распространения образования, правительство шло на это даже в ущерб интересам государственной обороны. Помимо общих отсрочек, для представителей учащейся молодежи существовали также отсрочки «для окончания образования»: до 24 лет в средних и до 28 лет в высших учебных

заведениях, соответственно. С началом мировой войны действие отсрочек сохранилось, что, кстати, повлияло на рост числа студентов, отсрочки же для окончания средних учебных заведений вообще не были подвергнуты пересмотру.

Определенную часть студенческой молодежи охватил патриотический порыв первых недель войны. В нашем распоряжении отсутствуют данные о числе воспитанников высших учебных заведений, поступивших нижними чинами непосредственно в ряды войск, но согласно справке 1-го отделения Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ), в военные училища (кроме специальных¹) к 1 июля 1915 г. с начала войны было принято 3434 студента².

Из всех «великих держав», участниц Первой мировой войны, Россия оказалась наименее подготовленной к затяжной и кровавой борьбе, которую пыталась вести, сохраняя вполне «щадящий» режим для населения внутри империи. В вопросе укомплектования армии командными кадрами это сказалось в полной мере.

Россия вступила в войну, имея некомплект офицерского состава более 10 %, офицеров запаса не хватало для укомплектования разворачивающейся по мобилизации армии. Фактически в первые же недели войны русское военное руководство столкнулось с необходимостью значительного пополнения офицерского состава, тогда же стало ясно, что оптимистические прогнозы и планы мирного времени себя не оправдали. Так, с 1912 г. предполагалось в случае войны сократить срок обучения в военных училищах с двух лет до восьми месяцев, курс должен был начаться 1 августа 1914 г., но уже 28 июля 1914 г., военный министр и начальник Генерального штаба сообщают вр.и.д. начальника ГУВУЗ:

«Принимая во внимание, что прием в военные училища назначен 1 августа сего года, ближайшее производство в офицеры, согласно указанного выше плана, может последовать не ранее 1 апреля будущего года.

Таким образом, в период времени с 1 октября сего года и по 1 апреля 1915 г. выпуска в офицеры не будет.

Находя такое положение недопустимым, предлагаю Вашему Превосходительству безотлагательно представить мне свои соображения о подготовке ускоренного укомплектования офицерами на таких основаниях, чтобы продолжительность учебного курса не превышала 4-х месяцев (выделено в тексте. – А. М.)»³.

По предположениям Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), сокращение срока подготовки до 4-х месяцев могло быть достигнуто при комплектовании училищ молодыми людьми, имевшими право поступления в училища в мирное время (т. е. с образованием не менее 6 классов правительственных гимназий) и воспитанниками высших учебных заведений⁴.

Но в последнем-то и была загвоздка: образовательный рывок, совершенный империей в царствование Николая II, еще не успел сказаться в полной мере: число учащихся в средних учебных заведениях к началу Первой мировой войны (по сравнению с началом правления) возросло почти в три раза, а в высших учебных заведениях – более чем в три⁵. Военное министерство приготовилось к образовательному скачку, но меры, принятые в 1912 г., сказаться в сколь-либо значительной форме к началу войны, естественно, не смогли (завершение т. н. «Большой программы» (в т. ч. мер в области военного образования) планировалось на 1922 г.). Первая мировая стала войной не армий, а вооруженных народов и экономик, а «наше военное ведомство, – отмечал генерал Н.Н. Головин, – готовило скорее профессиональную армию, а не профессиональные кадры для вооруженного народа»⁶. Отчего-то заслуженный профессор Николаевской Военной академии не отметил, что и подготовка народа к войне, и даже профессиональных кадров для него сильно выходят за рамки компетенции одного военного ведомства.

Русская «профессиональная армия» честно исполнила свой долг на фронтах Великой войны. Обратной стороной этого явились колоссальные потери первых же месяцев войны, когда просчеты высшего командования и недостаток технических средств приходилось компенсировать доблестью частей. Потери в офицерском составе, особенно в пехоте, оказались качественно невосполнимыми.

Учащаяся молодежь, поступившая в армию, в первые месяцы войны движимая чувством патриотизма, оказалась вполне качественным материалом для подготовки офицеров. Ротмистр 1-го гусарского Сумского полка С.В. Вакар свидетельствовал:

«Уровень познаний юнкеров моего, 2-го ускоренного выпуска, как и вообще юнкеров военного времени в области изучения тактики войск и боевых уставов, я думаю, стоял наравне или даже несколько выше юнкеров мирного времени. Это объясняется двумя причинами:

1. Что юнкера из бывших студентов обладали чрезвычайно высоким навыком и способностями воспринимать всякие науки и

2. Что люди, добровольно и в сознательном возрасте пришедшие учиться военному делу с целью добровольно попасть на фронт, безусловно, интересовались изучить то опасное и ответственное за жизнь будущих подчиненных дело, на которое они пошли. В мирное время вопрос боевого обучения не мог стоять так остро и исключительно на первом месте, как во время войны»⁷.

К сожалению, столь благостную картину можно отнести только к добровольцам начального периода Первой мировой.

Беспрецедентные усилия, предпринимаемые военным ведомством в первый год войны для компенсации потерь в офицерском составе и обеспечения новых формирований, привели к резкому качественному падению офицерства, особенно в пехоте. К концу лета 1915 г. все «внутренние резервы» военного ведомства были исчерпаны: проведено массовое производство в офицеры вольноопределяющихся и жеребьевых 1-го и 2-го разрядов по образованию, находящихся на фронте, широко применялось производство унтер-офицеров за боевые отличия, расширен до максимума сверхкомплект при приеме в военные училища, готовившие офицеров за четыре месяца, создана сеть школ подготовки прапорщиков пехоты с трехмесячным учебным курсом.

Трудности в укомплектовании военно-учебных заведений заставляли постоянно снижать «образовательную планку» для приема, и к осени 1915 г. это превратилось в реальную проблему: путь к офицерским погонам открывался для выпускников городских училищ, учительских семинарий, лиц, имевших образование в размере четырех классов гимназий или двух классов духовных семинарий. Верховная власть была вынуждена обратить внимание на низкий культурный уровень свежее испеченных прапорщиков.

Право привлечения на военную службу воспитанников высших учебных заведений было даровано военному министру изменениями в Уставе о воинской повинности в 1912 г., это право было подтверждено 30 сентября 1914 г. (сообщение об этом еще сопровождалось патриотическими студенческими манифестациями) и 9 января и 14 февраля 1915 г., однако Военное министерство этим правом не воспользовалось, ставя себе в заслугу «осознание глубокого значения для страны высшего образования»⁸.

На кадастрофическое положение с некомплектом офицерского состава не раз указывали начальники из действующей армии. Так, еще 9 июля 1915 г. Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал М.В. Алексеев сообщал свеженазначенному военному министру А.А. Поливанову: «Уже в настоящее время некомплект офицеров в частях пехоты, находящихся в наибольшем порядке, в среднем превышает 50 %, а если принять во внимание, что из наличного числа офицеров половина прапорщики, то до очевидности ясным становится, на сколь зыбких основаниях покоятся боевые и тактические достоинства армий, в настоящее время, при ничтожности надежных кадров, более чем когда-либо зависящие от качеств и достоинств командного состава всех степеней и в особенности младших начальников»⁹. К 1 сентября 1915 г. некомплект офицеров в действующей армии «выражался цифрами: пехоты – 22 630 человек, артиллерии – 819 человек, кавалерии – 409 человек, казачьих войск – 312 человек и инженерных войск – 291 человек»¹⁰. На укомплектование офицерского состава пехоты могло поступить до 1 января 1916 г. лишь «до 19 144 офицеров»: т. е. даже не учитывая потерь последней трети 1915 г. и потребности новых формирований, восполнить некомплект в пехоте не представлялось возможным.

При ознакомлении с документами о подготовке призыва к отбыванию воинской повинности воспитанников высших учебных заведений складывается впечатление, что эта оправданная и вынужденная мера была едва ли не навязана либеральному А.А. Поливанову верховной властью и Советом министров: именно Совет министров 8 сентября 1915 г. принимает решение о необходимости создания междуведомственного совещания для обсуждения этого вопроса (комиссию возглавил помощник военного министра генерал М.А. Беляев), он же в заседании 23 сентября «указал, что вышеизложенное постановление его от 8-го минувшего сентября имело в виду привлечение учащейся молодежи, в переживаемых условиях чрезвычайного напряжения всех сил страны, к военной службе вообще, а не только к подготовке для замещения офицерских вакансий»¹¹.

Военным же министерством готовился несколько иной проект. Планировалось за счет привлечения студентов к военной службе устранить некомплект офицерского состава. Мера рассматривалась как кратковременная. Предполагалось создание новых военно-учебных

заведений (12 для подготовки офицеров пехоты, 2 – артиллерии и 1 – инженерных войск, по 500 обучающихся каждое), которые должны были комплектоваться исключительно воспитанниками высших учебных заведений, со сроком обучения от 4 до 5 месяцев, разместиться – в зданиях высших учебных заведений, преподавательский и офицерский персонал должен был бы быть командирован из действующей армии. Разработанный проект со штатами и всем прочим до исполнения так и не дошел: подходящих помещений не удалось найти, а фронтовое командование категорически отказало в командировании офицеров, проявив полное единодушие. И.д. начальника штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта генерал М.Д. Бонч-Бруевич писал в Петроград: «...считаю своим долгом сообщить, что командирование этих офицеров нанесет безусловный ущерб (выделено в документе. – А. М.) боеспособности действующих частей, так как при общем громадном недостатке старших офицеров все избранные состоят в настоящее время на ответственных должностях ротных и батальонных командиров, а заменять их придется малоопытными прапорщиками»¹². Ему вторил дежурный генерал штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта генерал А.С. Галкин: «...Главнокомандующий армиями фронта высказал взгляд, что, казалось бы, раненые офицеры, причисленные к третьей категории, вполне удовлетворяли бы этому назначению и из них можно выбрать вполне соответственных. Назначение же из состава войсковых частей армии, в которых, в настоящее время, осталось по 4–10 кадровых офицеров, является крайне нежелательным, а тем более выбор лучших из них. Что же касается выбора офицеров по состоянию здоровья, то такие вряд ли будут желательны для училищ, так как не будут удовлетворять предъявленным им требованиям, хотя, конечно, могут быть и исключения»¹³.

Зато работа комиссии возбудила пристальное внимание общественности. Вал писем пошел в Военное министерство с середины сентября 1915 г.: советы-рекомендации-наставления. Некая Анна Емельянова, например, писала в Мобилизационный отдел ГУГШ 18 сентября 1915 г.: «Сейчас прочитала в газетах Ваш отзыв о призыве студентов на войну. Сердце матери облилось кровью, за что губить молодежь, которая никогда не думала быть военной, родители которых никогда ничего не видели и [не] получали от военного министерства. Вы берите тех, которые целыми поколениями

кормились и жили за счет военного министерства. Офицеров масса, только они никто не желает ехать на фронт, а все сидят в тылу»¹⁴.

«Чего нас трогают – пускай военные воюют», – очень часто встречающийся мотив в письмах, также как поиск «внутренних врагов» и «избыток» офицеров в тылу. Про то, что во многих частях в первые же месяцы войны потери в офицерском составе превысили 75 %, «радетели отечества» предпочитают не знать. Также хочется отметить появление идеи «полицию – на фронт!», которая достигнет своего апогея уже после Февральской революции.

Часто встречаются подозрения, что призыв не коснется лицестов и правоведов. К чести элитных учебных заведений – Александровского лицея и Училища правоведения – закон их не обошел, но для них-то он был совершенно излишен: почти все их выпускники военных лет сами отправлялись на военную службу. Понукать их было не нужно.

Первоначально Военное министерство планировало начать призыв со студентов 1896 года рождения. Следует отметить, что новобранцы этого года были уже призваны. Студентов же дружно считали «невозмужалыми», хотя один из читателей «Вечернего времени» считал: «Более справедливым было бы для пополнения убыли офицеров призвать кадет из сухопутных корпусов. Ведь эта молодежь и готовится к военной службе»¹⁵. О том, что большинству выпускных кадет 17–18 лет, «патриот отечества» не задумывался, как и о том, что кадеты в абсолютном своем большинстве по окончании корпусов и так отправлялись в военные училища.

И в письмах, и в газетных заметках господствовало мнение, что «главный контингент культурной России» ни в коем случае не должен попасть под пули.

Интересно также отметить, что распространенное в годы войны обращение к опыту союзников в данном вопросе у противников призыва студентов отсутствовало начисто. Объяснение этому весьма простое: французские университеты закрыли с объявлением мобилизации, сходная ситуация была и в Великобритании.

Об этом отличии России, как от союзников, так и от противников, писал один из авторов: «В то время как студенты Кембриджского и Оксфордского университетов в полном составе защищают свою родину на передовых позициях, дав Великобритании огромное количество способных офицеров, в то время как в Германии совершенно ликвидирована вся академическая жизнь и студенты

равным образом, без исключения, стали в ряды Германской армии, – наши студенты толпами заполняют лишь кинематографы, различные театры-варьете, неистовствуют на вызовах Липковской в народном доме. Как будто войны нет, как будто мирное время, как будто Россия не переживает опаснейшей страницы своей истории»¹⁶.

К сожалению, это мнение далеко не было господствующим, хотя реальность была именно такова.

Первоначально военное ведомство предполагало исключительно призвать некоторый контингент студенческой молодежи, который смог бы восполнить потери в офицерском составе, а заодно приподнять резко падающий культурный уровень офицерской среды (все же умение грамотно писать – неотъемлемое требование к офицеру в XX в.¹⁷). А столь целевая задача выводила военное руководство к весьма щекотливому в начале XX в. вопросу: лиц, по закону не достойных достижения офицерского звания. В первую очередь речь идет о лицах иудейского вероисповедания и «еврейского происхождения». Согласно букве закона права на производство в офицерский чин были лишены евреи (как лица иудейского вероисповедания, так и те, чьи предки до третьего колена исповедовали иудаизм), представители ряда религиозных сект, опороченные по суду и политически неблагонадежные, в годы войны к этому списку добавились еще лица, чьи предки оставались подданными стран-противниц после 1880 г. Применительно к студенческой молодежи главную роль играл «еврейский фактор»: число студентов-евреев было достаточно велико, и невольно поднимался вопрос об их судьбе в случае призыва на военную службу студентов.

Председательствующему в междуведомственном совещании генералу М.А. Беляеву тремя депутатами Государственной Думы было направлено письмо с целью прояснить этот вопрос. В нем, в частности, отмечалось: «Когда в действительности армии нужны только офицеры и только для пополнения их кадров призываются студенты, призыв евреев в рядовые будет по справедливости понят как демонстрация их неравноправия и наполнит горечью сердца молодежи в минуты, когда они должны быть исполнены гордого сознания исполняемого наравне с другими высокого подвига»¹⁸.

Ответ военных мог всколыхнуть общество: «Междуведомственное совещание по вопросу о привлечении в войска воспитанников высших учебных заведений высказалось за привлечение этих молодых людей только в целях образования из них офицеров для

пополнения некомплекта действующей армии, а потому всех студентов, не имеющих прав на достижение офицерского звания, в том числе и евреев, предположено от призыва освободить»¹⁹.

Предположения Военного министерства не были претворены в жизнь, что, безусловно, удержало студенчество от массового перехода в иудаизм и хлыстовство и прочее сектанство. Вряд ли исключение образованной еврейской молодежи от тягот воинской службы могло считаться адекватной мерой по уравнению в правах иудеев с остальным населением империи.

Итоговый проект «Временных правил о порядке привлечения в войска воспитанников высших учебных заведений», представленный Совету министров, предусматривал:

1) призыв всех годных к военной службе воспитанников высших учебных заведений, «независимо от вероисповедания и прочих условий, препятствующих достижению офицерского звания» – мера, «продавленная» представителями других министерств и, в первую очередь, Управлением воинской повинности Министерства внутренних дел.

2) Прием молодых людей осуществляется постепенно, по мере выясняющейся потребности.

3) Прием происходит по возрастам, внутри возраста – последовательно по курсам (I, II, III), начиная со студентов 1896 года рождения (представители остального населения империи этого возраста уже призваны).

4) Совершенно освобождены от призыва: а) воспитанники старшего курса всех высших учебных заведений, б) воспитанники двух старших курсов технических высших учебных заведений и в) все студенты медицинских факультетов университетов, а также ветеринарных институтов.

5) После определения Военным министерством потребного в ближайшее время числа молодых людей Министерство внутренних дел проводит разверстку этого количества по высшим учебным заведениям, жеребьевание и медицинское освидетельствование призываемых в присутствиях по воинской повинности, после чего призванные «распускаются по домам и продолжают свои учебные занятия до момента получения ими определенного назначения». Предполагалось, что после этого любое требование Военного министерства могло быть выполнено не более как в трехдневный срок.

Военное министерство предполагало направить воспитанников высших учебных заведений не в существующие военные училища и школы подготовки прапорщиков, а в специально создаваемые временные училища.

Было сочтено необходимым издание нового закона о привлечении студентов в войска, причем Военное министерство настаивало, чтобы закон был проведен в порядке 87-й статьи Основных Законов, т. е. до созыва очередной сессии Государственной Думы. И.д. начальника Мобилизационного отдела ГУТШ генерал П.И. Аверьянов отмечал: «Если законопроект придется внести в Государственную Думу, то разрешение вопроса осложнится, так как им затрагивается еврейский вопрос»²⁰. Впрочем, ни мнение коллег по Совету министров, ни мнение подчиненных не помешало военному министру генералу А.А. Поливанову в интервью московской газете «Русское Слово» еще 12 декабря 1915 г. говорить о воплощении своих первоначальных планов без каких-либо корректировок (новые временные военные училища, призыв с 19 лет, непризыв студентов-евреев²¹). Вместе с тем, причины призыва студентов военный министр обозначил верно: «Сейчас... в школы прапорщиков поступают, главным образом, лица без надлежащего образовательного ценза, унтер-офицеры, награжденные Георгиевскими крестами, низшие служащие почтового ведомства, низшие железнодорожные служащие и т. п. Между тем, армия нуждается в офицерах, обладающих достаточным образовательным цензом. Это обстоятельство и заставляет военное министерство призвать воспитанников высших учебных заведений на военную службу...»²²

Вступивший в силу закон о привлечении на военную службу воспитанников высших учебных заведений от 31 января 1916 г. серьезно отличался от прошлогодних проектов генерала А.А. Поливанова:

1) Призываются все годные к военной службе студенты, большинство – в школы подготовки прапорщиков пехоты и, в случае надобности, в военные училища, не имеющих прав на достижение офицерского звания – «предположено использовать в нижнем звании, как по их специальностям, так и вообще на соответствующих их развитию и полученному образованию должностях».

Для обучения студентов выделяется ряд школ прапорщиков (планировалось 15 – «наилучшим образом размещенные и оборудованные и имеющие соответствующий офицерский состав»),

в которых курс обучения продлевается до четырех месяцев, сравниваясь с военно-училищным.

2) Призыв производится постепенно, по мере потребности и «без нарушения учебной жизни страны».

3) Призыв – по годам, внутри годов – по курсам: сначала – 1895 года рождения, состоящие на первом курсе, затем на втором, далее – 1894 и 1893 гг. с такой же последовательностью по курсам, до исчерпания молодых людей старше 20 лет, состоящих на первых двух курсах, после чего под призыв в том же порядке возрастов должны были попасть под призыв третьекурсники, и лишь затем – родившиеся в 1896 и 1897 гг. Студенты старшего курса всех и двух старших курсов технических учебных заведений призыву не подлежали, также как и будущие врачи и ветеринары.

4) Число желающих поступить добровольно – неограниченно (в 1915 г. хотели ограничить эту цифру 50 % от призываемого контингента).

В численном выражении Военное министерство рассчитывало более чем на 35 тысяч студентов (без учета Университета Св. Владимира (Киев) и студентов медицинских факультетов и ветеринарных институтов на первых трех курсах высших учебных заведений состояло 34 945 воспитанников 1893–1897 годов рождения²³). Цифра довольно значительная, учитывая то, что к 1 марта 1916 г. число выпущенных с начала войны из школ подготовки прапорщиков пехоты (самый массовый источник пополнения офицерского состава) доходило до 40 тысяч²⁴.

Пожинать плоды прекраснодушия А.А. Поливанова пришлось уже новому военному министру – генералу Д.С. Шуваеву, принявшему должность 15 марта 1916 г. Именно 15 марта в четырех школах прапорщиков должны были приступить к занятиям первые призванные студенты. Реальность развеяла благостные иллюзии Военного министерства и уверенность властей и общества в грандиозном патриотическом порыве учащейся молодежи (в конце 1915 – начале 1916 гг. всерьез высказывались мнения о том, что к принудительному призыву прибегать не придется и все первые наборы будут сделаны за счет добровольцев, именно опасением за то, что этот прекрасный контингент весь уйдет в первые наборы, было вызвано планировавшееся в 1915 г. ограничение в 50 % добровольцев при призыве).

«Биржевые ведомости», ссылаясь на информацию из Министерства народного просвещения, уверяли читателей 15 февраля 1916 г.:

«...не подлежит сомнению, что, во всяком случае, в призыве студентов не встретится надобности ранее осени текущего года (выделено в тексте. – А. М.).

<...>

В случае необходимости призыва студентов, начальники высших учебных заведений не сомневаются, что *число добровольцев студентов превысит необходимое количество, установленное к тому времени военным ведомством, и к призыву студентов прибегнуть не придется* (выделено в тексте. – А. М.)»²⁵.

Реальность жестоко посмеялась над этими расчетами: призыв состоялся ровно через месяц после опубликования этой статьи, для укомплектования первого набора надо было призвать 1350 человек и... Технологический институт дал на 65 призываемых 8 добровольцев, Институт гражданских инженеров на 19 – 3, а Петроградский университет – 8 добровольцев на 453 призываемых (!)²⁶. Прибытие призванных в школы подготовки прапорщиков оставляло желать лучшего: к 15 марта 1916 г. из ожидавшихся 800 студентов в 1, 2 и 3-ю Петергофские школы подготовки прапорщиков пехоты прибыло лишь 307 человек, а в 3-ю Московскую – 162 вместо ожидавшихся 250. Из четырех к занятиям смогла приступить только 1-я Петергофская школа²⁷. Вообще результаты были признаны «неудовлетворительными»: к 22 апреля 1916 г. «из числа 3566 подлежащих призыву явилось и оказалось годными к военной службе около 1050 студентов.

Благодаря этому школы подготовки прапорщиков пехоты, предназначенные для укомплектования их студентами, остались частью неукомплектованными, частью укомплектованными не полным числом, частью укомплектованными значительно позднее полагающихся сроков, так:

- 1) 1-я Петергофская школа укомплектована полностью в срок.
- 2) 2-я Петергофская школа укомплектована полностью с опозданием на 1 1/2 месяца.
- 3) 3-я Петергофская школа до сих пор вовсе не укомплектована.
- 4) 3-я Московская школа укомплектована вместо 250 человек – 189-ю человеками.
- 5) 1-я Одесская школа укомплектована вместо 300 чел. – 223-мя чел.
- 6) 3-я Тифлисская школа укомплектована вместо 250 – 116-ю чел.»²⁸.

На майский прием потребовались студенты и для полного укомплектования пехотных военных училищ (в числе 1955 человек²⁹), однако и тут история повторилась: 5 июня (!) начальник Тифлисского военного училища рапортовал в ГУВУЗ, что из 300 студентов, которые должны были прибыть в училище до 10 мая, первые начали прибывать с 13-го, а 56 человек на майский прием не явились вовсе³⁰.

Помимо банальной неявки к исполнению воинской повинности некоторые сомнения вызывает большой процент забракованных «по здоровью»: к июлю 1916 г. из общего числа призванных «в 33.039 человек годными к военной службе и имеющими право на достижение офицерского звания оказалось 10.601 человек, т. е. около 32 %»³¹.

Только в июле военное ведомство озаботилось вопросом необходимости введения уголовной ответственности за уклонение студентов от воинской службы. Предлагаемые кары соответствовали образу «страны кнута и насилия»: опоздание с явкой до месяца – дисциплинарное взыскание, свыше двух месяцев – тюремное заключение от 4 до 8 месяцев.

Часть студенческой молодежи пыталась укрыться во всевозможных организациях, «работающих на оборону», другие пытались поступить в военные училища с большим сроком обучения (к тому же военные только в конце июня 1916 г. «вспомнили», что по закону возможно отчисление от училища по собственному желанию). К концу второго года войны всем уже было ясно, что служба в пехоте, тем более младшим офицером, резко сокращает шансы уцелеть. Во время тяжелейшего для России 1915 г. бытовало мнение, что молодой прапорщик на фронте живет две недели или два боя. Уже тогда среди молодежи с законченным средним и высшим образованием часто наблюдалось стремление попасть в кавалерийские, артиллерийские и инженерные училища для того, чтобы служить офицерами в тех родах оружия, служба в коих менее опасна.

Нередко эта молодежь предпочитала отбывать воинскую повинность в нижнем звании, лишь бы служить в кавалерийских, артиллерийских и инженерных частях, благодаря чему запасные кавалерийские, артиллерийские и инженерные части оказались переполненными вольноопределяющимися и охотниками и представилось необходимым принять особые меры к тому, чтобы эта молодежь не засиживалась в названных запасных частях³².

Принудительно призванная молодежь 1916 г. решила не отстать от своих предшественников, и стали частыми попытки отчислиться из школ прапорщиков «за неспособностью». В то, что имеющие полное среднее образование и один-два курса высшего учебного заведения за спиной не могут справиться с краткой программой школ, которую без особого труда осиливали шестиклассники, никто не верил. Был расчет на отправку в запасные части «по собственному выбору». После распоряжения ГУГШ, «студентов, подлежащих отчислению от школ за неспособностью, направлять в пехотные запасные части, откуда, по надлежащей подготовке, с ближайшими маршевыми ротами на фронты»³³ ситуация с успеваемостью резко выправилась.

В заключение хотелось бы отметить, что привлечение к отбыванию воинской повинности воспитанников высших учебных заведений было мерой вынужденной, на которую государство пошло ввиду крайней необходимости. Именно поэтому мера явилась запоздалой: крайне кратковременный в России взлет патриотизма в начале войны вскоре сменился апатией, вслед за которой последовал рост антиправительственных и антигосударственных настроений образованного общества. Тотального характера войны русское общество не усвоило. Благодаря своему привилегированному положению в пореформенный период оно отвыкло от несения государственных тягот. Вопросы правильного продолжения академической жизни волновали куда более существования государства.

Неспособность принятия решительных мер и милитаризации тыла, как неотъемлемой составляющей тотальной войны, безмерно затрудняла продолжение боевых действий. Большинство русской студенческой молодежи никакого внутреннего дискомфорта от своего неучастия в защите Отечества не испытывало, а государство не решалось должным образом заставить ее нести тяготы войны наравне с другими слоями населения. Поэтому вполне справедливыми были слова анонимного студента, писавшего в сентябре 1915 г. в ГУГШ: «Что и говорить, у русского человека доброты много, но гражданственности – недостаток и большой притом»³⁴.

¹ В специальные, т. е. артиллерийские и инженерные училища, принимались только лица, окончившие полный курс кадетских корпусов, пользующиеся правами по образованию 1-го разряда – «предпочтительно пред-

назначаются студенты технических учебных заведений, как-то: политехнических и технологических институтов и друг.».

² РГВИА. Ф. 725. Оп. 50. Д. 34. Л. 7.

³ Там же. Оп. 48. Д. 1194. Л. 146.

⁴ Там же. Л. 147.

⁵ Подробнее см.: Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009. С. 35, 42, 43.

⁶ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 49–50.

⁷ Ротм. Вакар. В первый год войны // Незабываемое прошлое Славной Южной Школы. 1865–1965. Нью-Йорк, 1965. С. 152.

⁸ См.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1911. Л. 140.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1951. Л. 14.

¹⁰ Там же. Оп. 3. Д. 1910. Л. 112.

¹¹ Там же. Л. 224.

¹² Там же. Л. 398.

¹³ Там же. Л. 400.

¹⁴ Там же. Л. 72–73 об.

¹⁵ Там же. Л. 109.

¹⁶ Там же. Л. 164.

¹⁷ Именно для определения «уровня умственного развития» при приеме в школы прапорщиков было введено написание автобиографий и диктантов. Часто результаты были более чем плачевные, как по осмысленности излагаемого потенциальными прапорщиками, на чьи плечи спустя несколько месяцев ложилась ответственность за сотни людей, но и по грамотности: нередки случаи нескольких ошибок на одну строку не особо убористым почерком.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1910. Л. 163.

¹⁹ Там же. Л. 167.

²⁰ Там же. Л. 236.

²¹ Хотя в проекте для представления в Совет министров, который готовился в Мобилизационном отделе ГУГШ, призыв распространяется на всех студентов, без воззрения на их право «достижения офицерского звания». В данном случае трудно сказать, был ли неискреннен А.А. Поливанов с газетчиками или же в последний момент он снял эту поправку, внесенную под давлением Министерства внутренних дел. Относительно же прочих разногласий – артиллеристы и инженеры настаивали на начале призыва с более зрелого возраста, дабы к ним поступали более подготовленные в научном плане студенты, а не первокурсники.

²² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1910. Л. 405.

²³ Там же. Д. 1911. Л. 41 об.–42.

²⁴ Там же. Л. 140 об.–141.

²⁵ Там же. Л. 80.

²⁶ Там же. Л. 220.

²⁷ Там же. Д. 1638. Л. 76.

²⁸ Там же. Л. 195–195 об.

²⁹ Там же. Л. 307.

³⁰ Там же. Д. 1911. Л. 506.

³¹ Там же. Л. 549.

³² Там же. Л. 520 об.

³³ Там же. Л. 521.

³⁴ Там же. Д. 1910. Л. 128.

Б.В. Мегорский (Санкт-Петербург)

ПОМОЩЬ ОСАЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ В ТЕОРИИ XVII–XVIII ВЕКОВ И В ПРАКТИКЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

ОСАДЫ крепостей и военные действия вокруг них по праву можно назвать наиболее характерным видом операций Северной войны. Крайне редко гарнизон мог снять осаду самостоятельно с помощью вылазок; не менее редки случаи, когда осаждающий уходил сам, отказавшись от своих планов; как правило, начатая осада рано или поздно завершалась взятием крепости. Поэтому наиболее эффективным способом снять осаду было приведение к крепости «сикурса» – полевого корпуса, который мог напасть на осаждающего и заставить его отступить, либо провести в крепость необходимые запасы и подкрепления для продолжения обороны. Подача помощи осажденной крепости описана в трудах по военному и инженерному искусству той эпохи ¹. Для нас представляет интерес, насколько этим описаниям соответствовали действия участников подобных операций в период Северной войны.

В своем знаменитом труде «Книга о атаке и обороне крепостей» Вобан перечислял четыре способа, которыми можно было провести сикурс в осажденную крепость. Первый – тайно, обманом и хитростью, провести войска через порядки осаждающих. Второй – открытой силой прорываться к крепости, завязав сражение с осаждающим в поле. Третий – заставить осаждающего отступить, осадив его крепость неподалеку. Четвертый – разбить осаждающего нападением на его линии ². Все эти подходы находят свое отражение в практике Северной войны.

Циркумваланционная линия

Расположившись под стенами крепости, осаждающая армия подвергалась опасности с двух сторон. Со стороны крепости гарнизон делал вылазки, защитой от которых осаждающим служила контрваланционная линия – непрерывные валы, обращенные к осажденной крепости. Чтобы обезопасить осаждающие войска от сикурса, можно было огородиться непрерывной циркумваланционной линией. По рекомендации имперского инженера Э.Ф. Боргсдорфа, бывшего на русской службе с 1695 по 1700 гг., «циркумваланцион или обводная черта» строилась спиной к крепости и лицом в поле, как минимум в тысяче прутов (рейландская рута, или «прут», составляет 12 футов и равна 3766 м) от крепости; в этой линии ставили большую часть конницы всей осадной армии (чтобы иметь возможность атаковать неприятеля в поле) и пехоту в промежутках между конницей. На двести или триста прутов ближе к крепости строили другую линию – лицом к крепости – контрваланцион, которую занимали по большей части пехотой³.

Идентичное значение терминов (циркумваланционная линия – фронтом в поле, а контрваланционная – к крепости) мы находим в источниках XVII–XVIII вв. на европейских языках⁴. В этой связи представляется некорректной рекомендация круглого стола «Спорные термины в фортификации», где утверждается, что циркумваланционная линия возводилась для обороны от возможных вылазок и что обратное значение терминов циркум- и контрваланционная линия – ошибка, которая «ведет свое происхождение от Наполеона III»⁵.

Циркумваланционную линию следовало укреплять бастионами и рavelинами; последние располагались перед куртинами и прикрывали разрыв в валу, необходимый для вывода войск в поле. Контрваланционную линию укрепляли четырехугольными редутами, обращенными углом в поле⁶. Судя по известным картам Нарвского сражения, осадные линии русских войск вокруг Нарвы осенью 1700 г. были построены в соответствии с рекомендациями Боргсдорфа – с редутами, бастионами и рavelинами, однако расстояние между линиями в восточной части позиции было меньше предписанного.

Циркумваланционная линия должна была представлять собой непреодолимое укрепление для неприятельского сикурса, поэтому Вобан оставил подробные рекомендации по возведению и обороне

линий. Любая линия состояла из рва и вала (бруствера), а для усиления ее можно было «обставить» палисадом. Линии можно было прикрывать и усиливать близлежащими лесами, реками, болотами и т. п., а также строить в поле несколько прикритий («эполеман») для конницы и пехоты. На подходах к линии со стороны поля на расстоянии 40–50 шагов от рва советовали иметь огромные костры («маяки»), которые можно было зажечь по сигналу о приближении противника. Ночью следовало посылать партии, дозоры и пикеты для осведомления о неприятеле. Для отражения атаки осаждающим рекомендовалось ставить вдоль бруствера пехоту в две линии, а позади них – одну или две линии кавалерии. Резервы следовало брать из отдаленных частей лагеря, которые не могли быть атакованы⁷.

Рассуждения Вобана об обороне циркумвалационных линий противоречивы. В одном месте он приводит осаду Турина 1706 г. как пример неприступности линий (сикурс Евгения Савойского не смог прорвать линию, даже несмотря на плохо построенные укрепления со слабым войском внутри и разногласиями в командовании французов)⁸. В другом месте, на примере той же осады он показывает, что никакие предосторожности в устройстве линий не гарантировали безопасности в случае нападения (линию удалось прорвать на слабом участке, и осада с Турина все же была снята)⁹. Последняя точка зрения, по-видимому, была более близка Вобану, поскольку к ее подробному объяснению он возвращается несколько раз. Основной аргумент заключался в том, что оборона линий требовала чрезмерного количества войск, в то время как они были необходимы также для ведения осадных работ и несения всех необходимых по службе нарядов¹⁰.

Французский генерал второй половины XVII в. маркиз Антуан де Па Фекьер посвятил вопросу об обороне циркумвалационных линий целую главу и, опираясь на примеры из войн своей эпохи, сделал вывод о том, что никогда не следует ожидать неприятеля в линиях циркумвалации, поскольку окруженная укреплениями армия ограничена в своих движениях, тогда как противник волен выбирать место атаки по своему усмотрению, скрывая свои истинные намерения под покровом ночи и посредством ложных атак¹¹.

Как многое в военном деле той эпохи, расположение защитников за бруствером укрепления и ведение ими огня можно было подчинить механистическим правилам. Подробных инструкций

относительно этих вопросов в петровской армии не было, но общий подход нам известен из европейских трудов первой половины XVIII в. Способы ведения огня из-за бруствера (т. н. траншейный огонь, *parapet firing*, англ.) заключались в том, что солдаты передней шеренги давали залп стоя и уходили в тыл для заряжания, сменяясь выходящей вперед следующей шеренгой¹². Интересное наблюдение о реальном поведении солдат в бою при обороне укрепленной линии оставил Мориц Саксонский: выстрелы защитников линии бесполезны, поскольку в процессе ведения огня люди толпятся, не целятся и постепенно приходят в беспорядок, которым не преминет воспользоваться атакующий¹³. «Я не могу припомнить ни одного случая, когда линии или ретрашементы атаквались и не были бы взяты» – такой вывод делал этот французский маршал, успевший повоевать в разных европейских армиях в 1710–1720-х гг.¹⁴

Когда дело доходило до советов об атаке на линии, Вобан рекомендовал нападать днем без каких-либо «обманов» – построить войска в две линии пехоты и две-три линии кавалерии и приближаться в таком порядке к пункту атаки. Солдаты несли фашины для заполнения рва; несколько отрядов можно было выслать вперед «для выдержания первого огня»¹⁵. Нападение в ночное время «поутру пред восхождением солнца» было выгоднее, поскольку темнота позволяла скрытно подойти к месту атаки, а также запутать неприятеля несколькими ложными атаками. Отряды шли на штурм один за другим и обеспечивали численное превосходство над обороняющимися на заданном участке фронта; они подходили вплотную к линии, сильным огнем выгоняли из нее защитников, а тем временем работники разрушали бруствер для свободного входа войск внутрь¹⁶.

В 1700 г. под Нарвой, где русская осаждающая армия окопалась за циркумвальной линией, были продемонстрированы как недостаточно грамотная организация обороны линии, так и неизбежный порок в обороне продолжительного фронта ограниченными силами. Командование знало о приближении сикурса шведов, но сделало недостаточно для его встречи; например, не были выставлены передовые посты в поле, по всей длине на валу была расставлена редкая наблюдательная цепь, за которой, прикрываясь бараками, стояли развернутым строем остальные войска, не имея ни одного человека в резерве для поддержания угрожаемого пункта¹⁷.

Очевидец русский генерал Алларт пишет, как по результатам осмотра линии герцогом де Круа стало очевидно – для обороны всей линии было необходимо 70 т. ч., в то время как в наличии, за вычетом находившихся в апрошах, имелось лишь 20 т. ч.¹⁸ Ласковский предполагает, что линии строились из расчета на те войска, которые должны были подойти из Новгорода, но не успели этого сделать ко дню сражения¹⁹. Взгляд на прорыв русской линии под Нарвой со шведской стороны был описан камергером короля Густавом Адлерфельдом. Карл XII осмотрел русскую линию и наметил два пункта атаки, разделив свою армию на несколько колонн. Атака началась в два часа пополудни, и по совпадению в этот момент резко ухудшилась погода – повалил густой снег с градом, сильный ветер бил русским в лицо так, что они не могли видеть атакующих, пока те не подошли к краю рва. Атака велась настолько отважно и удачно, что пехота смогла сделать проход менее, чем за четверть часа, и внутрь ретрашемента хлынула шведская кавалерия. Линия была прорвана, и дальнейший бой заключался в бегстве одних русских частей и упорной обороне других среди лагерных построек и обозов, так что сильная перестрелка продолжалась в наступившей темноте²⁰. Алларт называет причину прорыва: «Упомянутый русский крепкий ретраншамент токмо в 2 человека установлен был, того ради весьма его было легко атаковать, и русских совсем сбили,

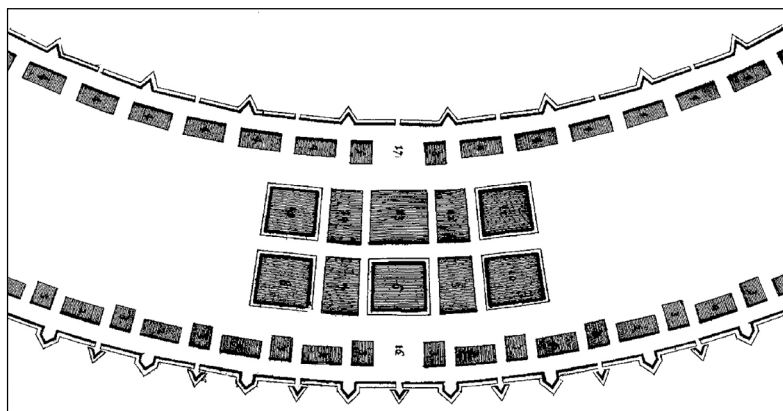

Рис. 1. Осадный лагерь между циркум- и контрвალационной линиями, фрагмент плана (Боргсдорф Э.Ф. Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати. М., 1709.)

от чего оба крыла замешались и в великую конфузию пришли, и прогнали русских на право и на лево с дороги»²¹. Официальная версия событий, «Объявление с российской стороны о баталии с шведами при Нарве», в качестве причин поражения указывает, что «окоп зело великой распространен и не довольно людьми осажен был», а также, что наиболее уязвимая часть линии и защищаемая наименее боеспособными войсками (стрельцами) была указана шведам перебежчиком, капитаном бомбардирской роты Преображенского полка Яганом Гумертом²². Очевидно, именно первая причина являлась действительной, и она вполне согласуется с рассуждениями военных авторов той эпохи. После 1700 г. русским осаждающим армиям больше не приходилось сталкиваться с крупными шведскими сикурсами, но даже при угрозе появления таковых от линий отказались: в 1704 г. под Нарвой и Дерптом осадные лагерь русских были обнесены лишь рогатками²³.

«Всякой идущей на помощь армии надлежит ... не нападать того же часа, как придет, на неприятельские линии; но ей должно прежде все обстоятельства с великою предосторожностью высмотреть». Так Вобан предостерегал от поспешного нападения на линию; сикурсу следовало, «помалу приближаясь», встать в одной миле, заpastись фашинами, окопаться ретрашементом, внимательно изучить неприятельские позиции и готовить пути для нападения на линии (например, навести мосты через реки, если таковые имелись); необходимо было уведомить о своих действиях осажденный гарнизон и скоординировать совместные действия против осаждающего. Армия сикурса должна была «привести осаждающих в такое сомнение, чтоб они от нее со всех сторон опасались»²⁴.

Шведская армия под Полтавой не возводила циркумвалационную линию, однако ее позиции на северном берегу р. Ворсклы были укреплены, и русской армии приходилось их атаковать, чтобы пробиться к осажденной крепости. На болотистых берегах Ворсклы напротив Полтавы завязался, по выражению Ф. Ласковского, «инженерный бой», в котором русские вели шанцы с целью довести свои коммуникации через реку до крепости, а шведы возводили укрепления с целью этому воспрепятствовать²⁵. Линии противников располагались сравнительно близко, но атаковать друг друга через реку было невозможно: «От войска вашего величества чиним апроши для коммуникации с городом, и уже с неприятельскими апроши через речку сажнях в дватцати пяти сошлись; токмо

здешняя ситуация как нам так и неприятелю оборонна» – писал Петру Б.П. Шереметев 29 мая²⁶. В это время была налажена связь к гарнизоном – с русских позиций через головы шведов в крепость бросались пустые бомбы с письмами вместо пороха; иногда удавалось доставлять сообщения с посыльными²⁷. Однако скоро стало очевидно, что инженерный бой выигран шведами; они надежно заперли свой берег в районе Полтавы от посягательств противника. Русское командование приняло решение перейти реку значительно выше по течению, где шведы не смогли бы препятствовать переправе. Шереметев постановил, что «апрошами итти и чинить коммуникацию с городом будет немалая медленность», и решил «немалую часть пехоты и при том кавалерии чрез Ворсклу выше Полтавы в полуторе мили переправить и поставить в ретрашементе»²⁸. Перейдя реку, русские тут же возвели для защиты переправы систему укреплений, которая состояла из «ряда редутов, расположенных один от другого на расстоянии ружейного выстрела и обращенных исходящими углами к полю; они были соединены ломаными куртинами, в виде тупых исходящих углов, оконечности которых не доходили до редутов и тем образовывали широкие проходы»²⁹. Такой ретрашемент был хорош для охраны переправы, но не для расположения в нем всей армии с обозом. Поэтому, по мере приближения к крепости уже по шведскому берегу Ворсклы, русская армия построила непрерывную линию из реданных и бастионных фронтов и через 4 дня заняла укрепленную позицию ближе к Полтаве. Из этого лагеря, возведенного в непосредственной близости от шведов, русская армия и выступила на поле Полтавского сражения. «Наступающая крепость» – так назвал П.А. Кротов эту операцию по продвижению русской армии к неприятелю с последовательным возведением полевых фортификационных сооружений³⁰. Отметим, что эта операция полностью согласуется с рекомендациями Вобана о движении к крепости, «помалу приближаясь».

Нападение на тылы

«Когда неприятельский сикурс вместо того, чтоб ему итти на помощь к атакованной ево крепости, нападет на какуюнибудь крепость осаждающего в то время, когда он ево крепость атакует, чрез что осаждающего ту атаку оставить принудит»³¹. Этой рекомендацией Вобана воспользовались русские генералы, чтобы помочь

осажденной Полтаве; в мае – июне 1709 г. предпринимались «диверсии» на занятые войсками Карла селения вокруг крепости. В письме от 9 мая Петр излагал Меншикову свои соображения о помощи Полтаве; в частности, царь советовал совершить диверсию на Опошню³². Оказалось, подобный план уже был самостоятельно разработан Меншиковым и генералами, подготовленная операция предполагала выдвижение нескольких колонн: генерал Белинг должен был пересечь Ворсклу в миле ниже Полтавы и идти на Опошню, генерал Гольц – атаковать по мосту, а кавалерия Шомбурга – беспокоить главную квартиру шведов³³. Однако выработанный на военном совете план дал сбой; 7 мая генерал-квартирмейстер Гольц был вынужден атаковать один, т. к. «прочие генералы чрез реку которые ради трудных переправ скоро переправиться и вместе атаковать не успели»³⁴. Реляция А.Д. Меншикова от 8 мая содержит подробности подготовки и проведения операции. Первым этапом стала фронтальная атака генерала Гольца через мост на шведский ретрашемент – его защитники во главе с майором Лоодом были выбиты из укрепления, частью перебиты, частью взяты в плен и частью рассеяны. «И хотя безмерно великие болота и глубокие воды наши конница многожды и вплавь перебиратца принуждена, однакож изрядным порядком, несмотря на все трудности и жестокой пушечной огонь, без медления прямо на неприятельской ретранжемент ... войска наши пошли и божию милостию едною шпагою оно-го неприятеля ис крепкого своего ретранжементу выбили и бежать врознь принудили». Затем шведский гарнизон Опошни попробовал остановить русских в поле перед селением: «По которой тревоге все неприятельские полки, в Опошне будучи, а имянно конных 3 и 2 пеших обретался, на сикурс выступили и в ордер де баталлии построились, однакож и те по первом огне, не дождавсь шпажного бою, с великою конфузиею и стыдом побежали и в город ретрет свой восприняли. ... Наши ж войска за неприятелем под самую городовую стену гнались, где неприятель все предместья зажег и со всею конницею и пехотою в замок ушел». Опошненский замок оказался хорошо укреплен, и русские генералы не захотели рисковать – открытый штурм был чреват крупными потерями, к тому же на выручку Опошне спешил сам король. Поэтому Меншиков, «в Опошенской замок пометавши несколько десятков гранат, велел воинским порядком отступить, и протчие их вокруг города розставленные рогатки и полисады зажечь, и ретранже-

мент розрыть и войскам нашим в обоз возвратится. Что видя неприятель, и получа себе сикурс, паки выступил и строю нашему помешку учинить хотел, но весьма наступать не осмелился и за пушечною стрельбою назад уступить принужден»³⁵. Адлерфельд пишет, что при отступлении русские оставили все материалы и инструменты, которые должны были быть использованы для осады Опошны (при том, что осада не планировалась), две пушки, захваченные в ретрашементе майора Лоода (две «зело изрядные» медные пушки числятся среди трофеев в реляции Меншикова), но увезли два знамени (в реляции упомянуто одно взятое драгунское знамя)³⁶.

Бой при Опошне не привел к желаемым результатам – блокаду Полтавы шведы не оставили; реальным итогом этой акции, помимо взятых трофеев и пленных, стало освобождение в Опошне «несколько сот подданных жителей Малороссийских с женами

Рис. 2, 3. Циркум- и контрвалационная линии русской армии под Нарвой, 1700 г. Фрагмент карты (Adlerfeld G. The military history of Charles XII. Vol. 1. London, 1740.)

и с детьми, которых во оном шведы за крепким караулом и в непрестанной жестокой работе держали»³⁷.

Другой крупной диверсией стала атака на соседние местечки Старые и Новые Сенжары. 6 июня конный разъезд полковника Григория Рожнова побеспокоил неприятеля у Новых Сенжар и узнал, что в замке Старых Сенжар содержались «наши невольники, что в Веприке взяты», которые во время тревоги «все были на готове»; узнали даже, сколько шведских войск размещено в Сенжарах, где какие караулы стоят и как часто сменяются³⁸. «Гистория Свейской войны» сообщает, что подполковник Юрлов, старший офицер плененного веприкского гарнизона, находившийся в Сенжарах, сам через шпиона сообщил русскому командованию, что «они со взятыми из Веприка нашими пленными в Старом Сенжарове содержатца за караулом, где неприятель не зело люден»³⁹. В гарнизоне было четыре шведских полка генерал-майора Круза. Для атаки на Сенжары Петр отрядил генерал-лейтенанта Генскина с шестью полками драгун и одним полком пехоты на лошадях. Первым препятствием стала переправа на шведский берег Ворсклы; после нескольких дней ливней река разлилась, и броды затопило, поэтому переход был совершен «со мноюю трудностию». Затем Генскин разделил свой корпус на три части: первая должна была сделать демонстрацию у монастыря недалеко от Сенжар, вторая – отрезать путь отступления Крузу и отбить возможный сикурс. «Протчей же части, которая состояла в 2500 человеках, велел помянутый генерал-лейтенант прямо к городу маршировать, который полисадами окружен был. И в осаде во оном был целой полк и сверх того 100 человек командированных купно же с несколькими стами запорожских казаков. И потом оной генерал-лейтенант велел части драгуном и конной инфантерии Астраханского полку спешиться и в розных местах вдруг тот город атаковать. И то, хотя неприятели в пребывающей атаке еще сильной сикурс за городом, в 3-х полках состоящей, з генералом-маеором Крузом к себе получили, толь счастливо окончалось, что наши по двучастном упорном бою вооруженною рукою город взяли и всех, от неприятелей там будущих, побили. Генерал же маеор Круз с малым остатком от своих 4-х полков бегом спастись трудился, за которым наши регулярные, також и нерегулярные войска, которые ради сего в поле поставлены были, гнались... Неприятели тотчас как наши город отаковали, наших полоняников начали тамо побивать. И как оных уже более

100 человек убили, то оные, сие увидя, стали бораниться сами дубьем и кольем и что могли в руки получить и великое число неприятелей побили... и потом как Старой, так и Новой Санжар весьма сожжены»⁴⁰. Адлерфельд скупно сообщает, что полк Круза был сбит превосходящими силами противника, багаж генерала был разграблен и сожжен, и было освобождено более тысячи москвитов с полковником⁴¹. Нападение на Сенжары было более удачно с тактической точки зрения, чем атака на Опошню, но и оно не вынудило шведов снять осаду Полтавы.

Обсервационная армия

Другим способом обезопаситься от полевой армии неприятеля для осаждающих была т. н. обсервационная («стерегущая», или «оберегательная») армия, которая маневрировала в районе осады и не подпускала сикурс к городу. Такой подход считался более эффективным, нежели оборона циркумвалационной линии; и в его пользу высказывались многие авторы того времени⁴². Ввиду этого обстоятельства не лишённой смысла кажется версия исследователя А. Петрова о том, что поспешный отъезд Петра из-под Нарвы незадолго до прихода шведов имел целью поторопить идущие из Новгорода новые полки и действовать ими в тыл армии Карла, таким образом отвлекая ее от осаждающей армии герцога де Круа⁴³.

Если история спасения Полтавы от осады в 1709 г. посредством полевого сражения является общеизвестной, то в ее тени остаются забытыми трагические события 1706 г. Крепость Ляховичи по приказу Петра I была занята отрядом гетманских казаков под командой переяславского полковника Ивана Мировича, а в начале апреля была блокирована шведской кавалерией полковника Крейца⁴⁴. К концу месяца положение гарнизона стало критическим – провиант закончился, коней доедали, а вылазки с целью снять осаду не давали результатов⁴⁵. В этих условиях И.С. Мазепа послал на подмогу Ляховичам отряд думного дворянина Семена Неплюева и казаков миргородского полковника Данилы Апостола. Крейц, руководивший осадой, оставил под замком подполковника Траутфеттера, а сам с большей частью войск стремительно атаковал русско-украинский отряд и разбил его в местечке Клецке неподалеку от Ляховичей. Осажденные тем временем участвовали в вылазках; Траутфеттер стал опасаться, что не сможет удержать блокаду, и отправил Крейцу гонца с просьбой поскорее возвращаться. Не более,

чем через два часа после победы под Клецком, Крейц снова показался у стен замка во главе лишь части своих людей. Осажденные, увидев возвращающийся отряд Крейца настолько сократившимся в размерах, были уверены, что шведы разбиты сикурсом; казаки в Ляховичах выражали свою радость по этому поводу звуками труб и литавр⁴⁶. Однако вскоре подошли остальные части Крейца со взятыми при Клецке трофеями, и Мирович понял, что помощи ждать больше неоткуда; 1 мая гарнизон сдался на дискрецию (т. е. в плен)⁴⁷. Многие крупные сражения конца XVII – начала XVIII вв. в Европе являлись частью операций по деблокаде осажденных городов. Два крупнейших сражения на русско-шведском фронте Северной войны являлись атакой сикурса на осаждающую армию. Если под Нарвой в 1700 г. осаждающий предпочел обороняться в своих укреплениях (и был разбит), то под Полтавой в 1709 г. осаждающий решил дать сражение в поле и был также разбит. Но действия полковника Крейца представляют пример успешного действия обсервационного корпуса против сикурса на дальних подступах к осажденной крепости.

Тайный проход

Вобан писал, что можно «провести сикурс в крепость тайно ... но такие сикурсы не всегда атакующего принудить могут атаку крепости оставить»⁴⁸. История обороны Полтавы содержит пример такого «тайного» проведения сикурса в крепость, буквально под носом у осаждающих. Меншиков сообщал Петру 16 мая: «О сикурсе в Полтаву доношу вашей милости, что також изрядным способом учинился, и вчерашней ночи 1200 человек со всею к осаде потребною аммунициею, о которой писал г. Комендант, что самую крайнюю нужду имеет, тако счастливо в город проводили, что хотя и безмерно чрез трудные переправы и болота сие учинилось, однако же ни одного человека при том случае в уроне не имеем»⁴⁹. В письме Меншикова князю Д.М. Голицыну раскрыты подробности этой операции: «По полуночи во 2 часу, тот посланный от нас сикурс, которым командовал господин брегадир Головин, изготова себя, и не токмо что платье все, но и штаны ради болотных зело глубоких переправ поскидали, и на каждого человека дав по несколько пороху и свинцу, с божиею помощию помянутый брегадир в город привел, и так сей гварнизон удовольствован, что хотя б неприятель сколько бытности своей не продолжал, нашим диверзии никакой

учинить не возмозжет»⁵⁰. В реляции Г.И. Головкина подчеркивается, что сикурс на своем пути не встретил никакого сопротивления, хотя шведы знали о происходящем: «Будучие на отводном карауле у берега шведы, выстреля по них, побежали, наши же продолжали поход свой к Полтаве, которая от Ворсклы разстоянием версты с полторы на горе»⁵¹. Адлерфельд приводит описание событий с шведской стороны: «Шестнадцатого (мая по шв. стилю. – *Прим. авт.*) до наступления дня неприятель сделал много ложных атак с ружейной пальбой выше и ниже города, тем временем двенадцать сотен солдат бригадира Головина построили из фашин мост через трясиину в месте, которое им указали прекрасно знающие местность крестьяне, и безпрепятственно вошли в город. Король, думая, что они решили дать сражение, срочно вывел свой гвардейский полк и другие войска; однако, как только сикурс вошел в город, Меншиков, который руководил ложными атаками, немедленно отступил, удовольствовавшись проведением сикурса и обеспечением коммуникации с городом постройкой рядом с переправой редута с пушкой»⁵². Наименее правдоподобная картина произошедшего дана в «Дневнике военных действий Полтавского сражения», приписываемом П.Н. Крекшину. Его данные, казалось бы подробные и красочные (разговор Головина по-немецки со шведским караулом, ярость Карла XII), не подтверждаются приведенными выше свидетельствами русской и шведской сторон⁵³. Успешный проход сикурса в Полтаву остался единичным случаем, не повлиявшим радикально на судьбу города – дальнейшая коммуникация через Ворсклу была прервана шведами, а отряд Головина был разбит на вылазке на следующий же день. Вероятно, основным ощутимым результатом прихода сикурса было пополнение запаса пороха и свинца, которые солдаты бригадира принесли на себе в осажденный город; несомненно, что успешный приход подкрепления положительно повлиял на моральное состояние гарнизона, жителей и всего русского войска.

За время Северной войны у русской и шведской армий имелся опыт как доставления своего сикурса, так и недопущения неприятельского сикурса. Русской армии чаще приходилось выступать в роли осаждающего, но в случае с Полтавой стороны поменялись местами. Приведенные в настоящей статье примеры из практики показывают, что обе стороны действовали в русле известных на тот момент теоретических моделей и опыта войн XVII столетия.

- ¹ Краткая характеристика трактатов по инженерному искусству петровской эпохи см.: Мегорский Б.В. Штурмы крепостей: опыт Северной войны и военная мысль эпохи барокко // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Вторая меж. науч.-практ. конф. 18–20 мая 2011 года. СПб., 2011. Ч. II. С. 40–41.
- ² Вобан С. Книга о атаке и обороне крепостей, изданная чрез господина де Вобана, маршала Франции и генерала директора над фортификациями королевства Французского, переведена чрез Ивана Ремезова, поручика Шляхетного Кадетского Корпуса. СПб., 1744. С. 147.
- ³ Боргсдорф Э.Ф. Поверенные воинские правила како неприятельские крепости силою брати. М., 1709. С. 13.
- ⁴ Fäsch J.R. Kriegs- Ingenieur- und Artillerie-Lexikon. Nürnberg, 1726. S. 58–59, 68; A military dictionary. Explaining all difficult terms in martial discipline, fortification, and gunnery. London, 1704. P. CI; Richelet P. Nouveau dictionnaire françois: contenant généralement tous les mots anciens et modernes. Amsterdam, 1709. P. 249, 300.
- ⁵ Круглый стол «Спорные термины в фортификации» в рамках II Всеросс. конф. Центра изучения истории фортификации, 14 февраля 2010 г. (http://ciif.3dn.ru/kruglyj_stol_spornye_terminy_v_fortifikacii/0-32)
- ⁶ Боргсдорф Э.Ф. Указ. соч. 14.
- ⁷ Вобан С. Книга о атаке и обороне крепостей. С. 145–146, 150, 153.
- ⁸ Там же. С. 150–151.
- ⁹ Там же. С. 147.
- ¹⁰ Там же. С. 29, 153.
- ¹¹ Feuquières A. Memoirs historical and military: containing a distinct view of all the considerable states of Europe. With an accurate account of the wars ... from the year 1672, to the year 1710. London, 1735–36. Vol. 1. P. 407.
- ¹² Bland H. A Treatise of Military Discipline; in which is laid down and explained the duty of the officer and soldier thro' the several branches of service. London, 1727. P. 83–86; Татарников К.В. Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века. Сборник материалов в 2-х т. Т. 1. М., 2010. С. 140; Kane R. A system of camp-discipline, military honours, garrison-duty, and other regulations for the land forces. London, 1757. Discipline for a battalion of foot upon action. P. 48–49.
- ¹³ Saxe, Maurice, comte de. Reveries, or, memoirs concerning the art of war. Edinburgh, 1776. P. 191–192.
- ¹⁴ Там же. P. 189.
- ¹⁵ Вобан С. Указ. соч. С. 150.
- ¹⁶ Там же. С. 151.
- ¹⁷ Петров А. Нарвская операция // Военный сборник. 1872. № 7. С. 22, 27–28.
- ¹⁸ Галларт Л.Н. Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году (Отрывок из Истории Петра Великого, сочиненной генералом Аллартом. Рукопись) // Северный архив. 1822. Ч. 1. № 2. С. 125.
- ¹⁹ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Т. 2. С. 105.
- ²⁰ Adlerfeld G. The military history of Charles XII. London, 1740. Vol. 1. P. 53–55.
- ²¹ Галларт Л.Н. Указ. соч. С. 127.
- ²² Северная война 1700–1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сб. док. Т. 1. М., 2009. С. 74–75.

- ²³ Гизен. Журнал Государя Петра I. С 1695 по 1709 // Собрание разных записок и сочинений. Т. 3. СПб., 1787. С. 415–416; Ласковский Ф. Указ. соч. С. 156.
- ²⁴ Вобан С. Указ. соч. С. 149.
- ²⁵ Ласковский Ф. Указ. соч. С. 257.
- ²⁶ Шереметев Б.П. Письма к государю императору Петру Великому. Ч. 2. СПб., 1778. С. 237.
- ²⁷ Труды Русского военно-исторического общества. Т. 3. С. 268–269; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. С. 217; Труды РВИО. Т. 3. С. 184.
- ²⁸ Шереметев Б.П. Указ. соч. С. 238.
- ²⁹ Ласковский Ф. Указ. соч. С. 260.
- ³⁰ Кротов П.А. «Наступающая крепость» Петра I в битве под Полтавой // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы VI ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Он же. Битва при Полтаве. СПб., 2009. С. 113.
- ³¹ Вобан С. Указ. соч. С. 147.
- ³² Труды РВИО. Т. 3. С. 165.
- ³³ Там же. С. 264.
- ³⁴ Там же. С. 166.
- ³⁵ Северная война 1700–1721 гг. С. 465–466. См. также: Русский Архив. 1875. Кн. 3. С. 70.
- ³⁶ Adlerfeld G. Op. cit. Vol. 3. P. 110.
- ³⁷ Труды РВИО. Т. 3. С. 162.
- ³⁸ Там же. С. 195.
- ³⁹ История Свейской войны. Вып. 1. М., 2004. С. 158–159.
- ⁴⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Ч. 2. С. 946. См. также: Гизен. Указ. соч. Т. 8. СПб., 1788. С. 86–89.
- ⁴¹ Adlerfeld G. Op. cit. Vol. 3. P. 116.
- ⁴² Вобан С. Указ. соч. С. 4; Feuquières A. Op. cit. P. 400–408; Курганов Н. Книга о науке военной, содержащая в себе умозрение и деяние о укреплении всяких полевых и приморских мест; о нападении и обороне крепостей и гаваней; с описанием бывших знатнейших атак; и с присовокуплением науки о перспективе и словаря инженерного. СПб., 1777. С. 228–231.
- ⁴³ Петров А. Нарвская операция // Военный сборник. 1872. № 7. С. 20.
- ⁴⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. С. 810; Adlerfeld G. Op. cit. Vol. 2. P. 216.
- ⁴⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. С. 812, 861–862.
- ⁴⁶ Adlerfeld G. Op. cit. Vol. 2. P. 227.
- ⁴⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. С. 843, 862–863; Adlerfeld G. Op. cit. Vol. 2. P. 228.
- ⁴⁸ Вобан С. Указ. соч. С. 147.
- ⁴⁹ Русский Архив. 1875. Кн. 3. С. 71.
- ⁵⁰ Сборник ИРИО. Т. 11. С. 114.
- ⁵¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. С. 883.
- ⁵² Adlerfeld G. Op. cit. Vol. 3. P. 111.
- ⁵³ Труды РВИО. Т. 3. С. 265–266.

Д.Н. Меньшиков (Санкт-Петербург)

ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ ПЕХОТЫ В СРАЖЕНИИ НА ЖАВОРОНКОВОЙ ГОРЕ 9 ОКТЯБРЯ 1633 ГОДА

В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ историографии вооруженные силы Русского государства XVII в. традиционно рассматривались через призму петровских преобразований, согласно тезису о замене старого московского нестроения и варварства рациональным и регулярным порядком и просвещением, в связи с чем во главу угла ставился вопрос не о боеспособности вооруженных сил, а о степени их «регулярности». В наибольшей степени это отразилось в дискуссии о характере военных реформ XVII в., когда в ходе изучения созданных тогда полков «нового строя» предпринимались попытки определить, насколько они соответствуют некоему эталону регулярной армии, в качестве которого в значительной степени служили армии XVIII–XIX вв.¹

Основное внимание при этом обращалось на вопросы устройства, организации, вооружения и состояния войск «нового строя», в то время как проблемы их практического использования рассматривались мало. Во многом вне поля зрения исследователей оставался и вопрос о том, а что собственно представлял собой этот «новый строй», чему обучались, как должны были действовать и как действовали воинские формирования, создаваемые в России по европейским образцам.

Данные вопросы получили в историографии частичное освещение в основном лишь в последнее время. В частности это коснулось вопросов тактики и боевого применения русской конницы, как «сотенной службы», так и «нового строя»². Также были рассмотрены некоторые аспекты строевой подготовки и элементарной тактики пехоты «нового строя». Значительное внимание было уделено и

изучению ее участия в войнах второй половины XVII в.³ Применение войск «нового строя» в более ранний период затронуту существенно меньше⁴.

В данной статье предполагается затронуть поставленные вопросы в рамках рассмотрения действий пехоты «нового строя» в одном из решающих сражений Смоленской войны 1632–1634 гг. – бое на Жаворонковой горе 9 октября 1633 г. Это сражение представляет особенный интерес в связи с тем, что в нем мы находим один из редких примеров наступательных действий русской пехоты «нового строя».

Дело в том, что в тогдашней военной практике Русского государства, как и его основного противника, Речи Посполитой, пехота использовалась обычно для занятия и удержания укреплений или их штурма, а также в качестве средства огневой поддержки основной силы войска – конницы. Тем самым пехоте отводилась важная, но все же вспомогательная роль.

Впоследствии обе державы начали создавать полки пехоты, обученные и организованные по европейским образцам и состоявшие из пикинеров и мушкетеров. В результате удельный вес и роль пехоты в польских и особенно в русских войсках выросли. Тем не менее, в полевых сражениях пехота по-прежнему продолжала использоваться в основном оборонительно, опираясь на свою огневую мощь. Пикинеры в ее составе использовались лишь как средство прикрытия стрелков от конницы, а позже эту функцию стали исполнять мушкетеры, вооруженные полупиками и бердышами, или же рогатками⁵.

Во многом такая ситуация была связана с тем, что в полевых сражениях противником пехоты выступала обычно конница, оставшаяся основной ударной силой, особенно в польской армии. Для борьбы с ней приходилось либо занимать оборонительную позицию, либо полагаться на свою конницу, что в условиях скоротечного конного боя легко могло обернуться поражением, особенно с учетом того, что восточноевропейская конница обладала куда большей маневренностью, чем западная, на борьбу с которой и была изначально рассчитана «тактика пики и мушкета».

Своеобразным исключением из этого правила оказались боевые действия Смоленской войны 1632–1634 гг., где в решающем столкновении встретились почти одинаковые по своей структуре армии, наполовину состоявшие из пехоты, организованной и обученной по западноевропейским образцам.

Семена этой войны, ставшей первым крупным военным предприятием Московского государства после окончания Смутного времени, были посеяны еще в декабре 1618 г. при заключении Деулинского перемирия. Московское государство не соглашалось с потерей Смоленска и других земель, в то время как польский король Сигизмунд III в свою очередь не собирался отказываться от поддержки претензий своего сына Владислава на московский престол и не признавал Михаила Федоровича законным царем, что подрывало авторитет еще не утвердившейся династии Романовых.

В итоге обе стороны рассматривали перемирие как сугубо временную меру и ждали лишь выгодного момента. В 1632 г., когда после смерти Сигизмунда III в Польше настал период бескоролья, в Москве решили, что пора, и двинули на Смоленск армию М.Б. Шеина. Началу войны предшествовал долгий период подготовки к ней, особенно активизировавшейся с 1630 г., когда в России начинается формирование первых полков «нового строя». Эти полки составили примерно половину армии М.Б. Шеина.

Начало войны оказалось удачным, однако осада Смоленска, бывшего главной целью войны, затянулась, а обе попытки взять город штурмом провалились. В итоге поляки получили возможность для ответных действий – в августе 1633 г. к городу на выручку подошла армия выбранного королем Владислава IV.

В ходе боя 28 августа ему удалось провести в город подкрепления, а 11-12 сентября после ожесточенного боя королевские войска заставили русских очистить Покровскую гору, что означало прорыв кольца осады. Заняв после этого центральное положение с опорой на Смоленск, Владислав попытался разгромить армию М.Б. Шеина по частям. 18 сентября он атаковал стоявший к западу от города отряд С.В. Прозоровского, но безуспешно.

Итогом сентябрьских боев стало очищение русскими войсками своих осадных укреплений и снятие осады со Смоленска. Тем самым обе стороны достигли своих ближайших целей – Владислав IV выполнил свою первую задачу: деблокировал город, а М.Б. Шеин сосредоточил все свои войска в едином кулаке в главном лагере. На некоторое время воцарилось затишье – обе стороны отдыхали и приводили себя в порядок.

В основном это касалось русского войска, которое после нескольких дней боев и отступления пришло в некоторое расстройство.

Его численность уменьшилась примерно с 20⁶ до 17 тысяч, в основном за счет дезертиров. Помимо подсчета потерь и приведения частей в порядок требовалось также разместить на новом месте отряды, выведенные из остальных лагерей, организовать для них снабжение, так как им пришлось бросить или уничтожить свои запасы. Для защиты войск посошные люди под руководством голландского инженера Яна Корнильева возводили укрепления⁷. Все это требовало времени и усилий.

Также не блестящим было и моральное состояние войска. На это влияло не только недавнее поражение и нехватка провианта. Не хватало и денег, так как жалование за октябрь застряло в Дорогобуже. Из-за этого, а также за счет того, что польский король выдавал по 15–30 злотых каждому перебежчику⁸, начались побеги иностранных солдат и офицеров, которые хотя и не особо ослабляли русское войско, но зато поставляли полякам ценные разведывательные данные.

В целом армия М.Б. Шеина занимала пассивную позицию.

В это время поляки, будучи победителями, находились в лучшем состоянии, хотя их общие потери за сентябрьские бои, возможно, доходили до 4 тысяч человек⁹. Перед ними теперь стояла следующая задача: разгромить армию М.Б. Шеина до подхода подкреплений – 26 сентября запорожские казаки перехватили гонца к М.Б. Шеину с известием, что на помощь ему идет двенадцатитысячная армия¹⁰. Кроме того, от пленных полякам стало известно, что русское войско терпит нужду в провианте и фураже¹¹. В этих условиях было решено прервать линию коммуникаций армии М.Б. Шеина.

Уже на следующий день, 27 сентября, из лагеря был выслан отряд каменецкого кастеляна Александра Пясечинского силой в 6000 человек¹², в основном запорожских казаков¹³. Он должен был провести рейд по тылам смоленской армии и лишить ее снабжения и связи с Москвой. Главной его целью был Дорогобуж, база снабжения смоленской армии. Пясечинский с задачей справился хорошо, что было обусловлено численным превосходством его отряда над мелкими русскими гарнизонами. Итогом его усилий стало прекращение снабжения русской армии и все возрастающие сложности в сообщениях М.Б. Шеина с Москвой.

Известие об этих успехах 4 октября привез в королевский лагерь товарищ Ковальский¹⁴. В тот же день, с учетом полученных

сведений, на военном совете было решено окружить армию Шеина. Для этого в Смоленске оставили смоленского воеводу Александра Госевского с двумя тысячами, а остальное войско решили перевести восточнее, к Богдановой околице, чтобы перерезать проходившую там дорогу к Дорогобужу и тем самым окончательно отрезать М.Б. Шеина от линии коммуникаций.

Уже в тот же день, 4 октября, туда вышли несколько хоругвей вместе с гетманами Мартином Казановским и Кшиштофом Радзивиллом, которые провели рекогносцировку местности и выбрали позицию. Ключом к ней была Жаворонковая гора, господствовавшая над лагерем Шеина и, в свою очередь, прикрывавшая от него место, выбранное для нового лагеря. 6 октября поляки снялись со своего прежнего лагеря у Покровской горы и выступили к Жаворонковой горе, встав на следующий день на речке Стабне, между Девичьей и Жаворонковой горой. Это место находилось от предместного укрепления лагеря М.Б. Шеина всего в одном перестреле (около 200–300 м), однако никакой реакции со стороны русских не последовало ¹⁵.

Во вторник, 8 октября, польские войска развернулись в полном боевом порядке уже на Жаворонковой горе, ожидая подхода обозов, отставших из-за тяжелой дороги, и оставались там до следующего утра в полной боевой готовности на случай атаки неприятеля. За это время польские обозы прошли к новому месту для лагеря на Богдановой околице. После расположения там лагеря Владислав IV приказал отвести армию к обозу, чтоб солдаты могли поесть и отдохнуть ¹⁶. При этом столь важная с их точки зрения позиция, да еще и в непосредственной близости от противника, оказалась занята довольно незначительными силами.

Всего на Жаворонковой горе король оставил пехотные полки Абрамовича, Януша и Зигмунта Радзивиллов ¹⁷ вместе с драгунами Дюплесси и Крейца ¹⁸. В них насчитывалось примерно три с небольшим тысячи человек ¹⁹. При этом значительная часть этих солдат отнюдь не стояла в боевой готовности – многие из них разбрелись по окрестностям в поисках продовольствия и хвороста для костров и габионов ²⁰, другие занимались земляными работами. Однако около полудня к королю прибыл гонец с сообщением о том, что русские перешли в атаку. Началось сражение, которое во многом решило исход кампании.

Подготовка к атаке началась еще утром 9 октября, когда русская артиллерия начала обстреливать позиции противника на Жаворонковой горе. Под прикрытием ее огня началась переправа через Днепр, и к двум часам дня московская армия уже полностью развернула боевой порядок в приречной низине. Его можно реконструировать, опираясь на гравюру В. Гондиуса, детально иллюстрирующую ход боевых действий под Смоленском. На правом крыле наступала пехота, чьей задачей было занять ближнюю к предместному укреплению вершину Жаворонковой горы. Слева ее прикрывала конница, действовавшая на открытом пространстве между Жаворонковой и Девичьей горой у реки Колодни. Боевой порядок пехоты был развернут в две линии. Первую составляли три эскадрона²¹ пехоты, а во второй шло еще два. Конница также построилась двумя линиями. Один пехотный эскадрон прикрывал проход между Днепром и Жаворонковой горой, где вдоль берега также были расположены стрелки. Еще один эскадрон изображен занимающим предместное укрепление.

Каждый эскадрон пехоты изображен выстроенным в классический боевой порядок с пикинерами в центре и крыльями мушкетеров по флангам. Исключением являются 3 эскадрона, атакующие в первой линии, которые показаны развернутыми клином, образуя своеобразный треугольник. Данное построение известно как «шведская» бригада из 3 эскадронов и применялось шведами в 1627–1628 и 1631–1634 гг.²² Численность бригады насчитывала обычно около 1200–1800 человек. Такой боевой порядок был изобретен Густавом II Адольфом в ходе войны с поляками и был предназначен в первую очередь для борьбы с конницей. В то же время считается, что он был довольно сложным и требовал хорошо обученных солдат, потеря которых в итоге привела к тому, что шведы отказались от такого построения и приняли более классический вариант. Данное изображение трудно считать художественным вымыслом, так как по сообщению польского очевидца в бою 11 сентября русская пехота также была построена треугольником²³.

Общую численность войск, брошенных М.Б. Шеиным в бой, оценить довольно трудно. Среди них были солдатские полки Лесли, Унзена, Росформа, Кита и Маттисона²⁴, яицкие²⁵ и донские казаки²⁶. Также в дело были введены полки М.Б. Шеина и С.В. Прозоровского²⁷, общая численность которых на конец сентября составляла менее 6000 человек²⁸. В то же время известно, что в бою участвовали

не все русские войска, в частности рейтарский полк Д'Эберта в бой не вступал²⁹. Также под вопросом участие в сражении солдатского полка фон Дама, который 9 октября потерь не имел. Возможно, он занимал предместное укрепление.

Силы, которые М.Б. Шеин мог ввести в дело, по максимуму оцениваются примерно в 5–6 тысяч пехоты и почти столько же конницы. Для их поддержки за Днепром напротив Жаворонковой горы были развернуты 15 полковых орудий и несколько пушек русского литья³⁰. Также артиллерия стояла и в предместном укреплении.

План боя, по-видимому, заключался в том, чтобы пользуясь внезапностью и численным превосходством, сбить противника с горы, не позволив ему закрепиться на столь выгодной позиции. Левый фланг должен был прикрыть ударную группу со стороны открытого пространства, а справа безопасность фланга обеспечивалась огнем пушек и пехоты, простреливавших узкий коридор между Жаворонковой горой и Днепром.

Кто из русского командования выступил инициатором перехода к активным действиям, неясно. В польских дневниках упоминается о том, что на такие действия русских подтолкнули иноземные офицеры³¹, старшим из которых был Александр Лесли. В то же время выехавшие из русского лагеря служилые люди при расспросе сообщали о том, что общее командование осуществлял сам М.Б. Шеин³².

Поначалу поляков действительно застали врасплох – они настолько привыкли к пассивности русской армии и не ожидали от М.Б. Шеина активных действий, что сразу и не поверили в то, что русские наступают³³. Поэтому они не успели толком собраться и начали отступать врасыпную³⁴, пытаясь, правда, отстреливаться. Вслед за ними наступала русская пехота, ведя слаженный, быстрый и плотный огонь. Наступление, видимо, осуществлялось по нидерландскому методу контрмаршем шеренгами, когда после залпа первой шеренги перед ней выходила и производила залп вторая, потом третья и так далее. Тем самым обеспечивалась непрерывность ведения огня вкупе с медленным и постепенным продвижением вперед. Это продвижение дополнительно тормозилось за счет довольно крутого склона, поросшего кустами. В итоге, когда наступающие эскадроны вышли к вершине горы, то их строй уже пришел в некоторый беспорядок.

Это имело существенное значение, так как там наступающие встретились с укрытыми в кустах свежими силами польской пехоты. Получив от них в качестве приветствия мощный залп, русская пехота остановилась и завязала огневой бой. Некоторое время он шел на равных, однако, находясь ниже по склону и будучи в некотором беспорядке, русские солдаты оказались в невыгодном положении и после того как к полякам подошло подкрепление – полк Бутлера – начали отходить.

На левом фланге у поляков действовал полк Вейера, который обошел Жаворонковую гору с юга и вел огневой бой с русскими стрелками между самой горой и Днепром. На правом фланге вперед выдвинулись королевские рейтары Зей-Мантейффеля, а также панцерные казацкие хоругви Мосарского, Сераковского, Чарнецкого, Ловчинского и других, которые схватились с московской конницей³⁵.

Несмотря на то что атака на Жаворонковую гору оказалась отбитой, отход пехоты производился в достаточном порядке. Поэтому, несмотря на организованное преследование, поляки ничего не могли с ней поделать. В довершение ко всему у них стал заканчиваться порох, и они больше не могли выдерживать плотный ружейный огонь³⁶. В результате отступать начала уже польская пехота, а русская снова двинулась вверх³⁷.

Чтоб помочь своей пехоте, вперед были брошены панцерные казацкие хоругви Александра Пясечинского и Мадалинского, гусары Яна Стецкевича, пятигорская хоругвь минского кастеляна Лацкого и другие конные подразделения, которые пошли в лобовую атаку, отвлекая на себя огонь. Хотя сами поляки и утверждали, что причинили противнику большой урон, тем не менее, русская пехота сохранила боевой порядок, а поляки сами понесли тяжелые потери, особенно в конях от ружейной стрельбы. Главным результатом их атаки стало то, что поляки дали передышку своей пехоте, снабдили ее порохом и окончательно оттеснили русские полки к реке.

Исход кавалерийского боя в долине между Девичьей и Жаворонковой горой был также решен превосходством польской конницы – подошедшие четыре литовские гусарские хоругви последовательными атаками отбросили русскую конницу к мосту, где сами в свою очередь были встречены несколькими ружейными залпами. Тем не менее, это не было сокрушительным разгромом – сильная пехотная перестрелка продолжалась до темноты, когда долгий

четырёхчасовой бой³⁸ стих, и русская пехота отошла обратно за Днепр без каких-либо помех. Поляки же остались на прежнем месте хозяевами поля боя, а ночью насыпали на Жаворонковой горе окопы, окончательно закрепив ее за собой. Таким образом, сражение формально и фактически закончилось их победой.

Впрочем, потери сторон свидетельствовали, что это была отнюдь не сокрушительная победа. Во-первых, следует отметить довольно большое число убитых и раненых военачальников – по сообщениям поляков, у русских был убит полковник Кит, майор полка Лесли и несколько капитанов попали в плен³⁹. У поляков были убиты майоры полков Вейера Абрамовича и Я. Радзивилла. Под Пясечинским было убито два коня, полковник Мадалинский был ранен. Общие потери сторон были также довольно существенны. Данные о них несколько разнятся. Наиболее высокая цифра приводится в одном из писем в «Дневнике» Москоржевского, где сообщается, что русских легло 7 тысяч, не считая тех, кто потонул в Днепре во время бегства⁴⁰. Сам Москоржевский⁴¹ и опирающийся на его сведения Альбрехт Радзивилл⁴² пишут о 2000 человек. Остальные источники дают разброс от 600⁴³ до 300⁴⁴ человек только убитыми, количество пленных не указывается, за исключением офицеров, так что оно, видимо, было несущественным.

Более точно потери русской пехоты можно оценить исходя из числа раненых, которым после боя были выданы деньги на лечение. Наибольшая доля потерь пришлась на полк А. Лесли, где был 61 раненый из общего числа в 186 человек. Такой уровень потерь свидетельствует о том, что полк, по-видимому, возглавлял атаку на гору. Потери полков Росформа, Кита и Маттисона примерно одинаковые и колеблются от 33 до 39 человек. Меньше всего раненых оказалось в полку Унзена – всего 16 человек, видимо он находился во второй линии⁴⁵. Вместе с тем часть раненых была оставлена на поле боя во время двух неудачных атак Жаворонковой горы и, в итоге, досталась полякам. Урон в коннице неизвестен. Однако вскоре после боя из русского лагеря было отпущено около 300 человек раненых⁴⁶, а приехавшие из-под Смоленска дворяне утверждали, что потери в коннице невелики⁴⁷.

В отношении польских потерь точных цифр источники практически не приводят, говоря о многих⁴⁸ или нескольких десятках убитых, больших потерях в пехоте⁴⁹, многочисленных раненых, и особо отмечают большие потери в лошадях, хотя в остальном

потери в коннице были относительно невелики⁵⁰. По оценке польских историков, потери русских и польских сил соотносятся как 1 к 3 в пользу поляков⁵¹. Однако столь большая разница потерь возможна лишь в случае решительной победы, но ведь ее-то как раз и не было. По всей видимости, общие потери убитыми и ранеными у поляков были лишь меньше, чем у русских, но ненамного.

Всего в ходе сражения русская пехота провела одну неудачную атаку на Жаворонковую гору, отбитую за счет контратаки свежих сил. Ее вторая атака была отражена лишь за счет вмешательства польской конницы. В дальнейшем действия русской пехоты свелись к ведению затяжного огневого боя, масштаб которого потряс старых солдат, не видевших такого даже в предшествующей войне со шведами⁵².

Следует отметить, что огневой бой пехоты без какого-либо перехода к рукопашной может быть весьма и весьма долгим, однако общие потери от перестрелки могут быть незначительны. Такое, казалось бы, несоответствие объясняется тем, что наиболее эффективной была стрельба с близкой дистанции, практически в упор, но при этом бой приобретал решительность и не затягивался надолго, так как одна из сторон, понеся значительные одномоментные потери, обращалась в бегство. Поэтому длительные перестрелки велись на большей дистанции и причиняли довольно небольшие потери. Дополнительным фактором, обуславливающим такое положение дел, было то, что при длительной стрельбе происходило засорение ствола пороховой копотью, из-за нагара на ружейной полке увеличивалось количество осечек, солдаты уставали, и таким образом общая эффективность стрельбы со временем снижалась.

Таким образом, результатом длительного огневого боя оказывались примерно равные потери его участников. При этом, как правило, обе стороны долгое время сохраняют порядок и боеспособность. Потеря боеспособности и разгром в данной ситуации могут произойти, лишь когда одна из сторон оказывается слишком истощенной либо если против нее оказываются еще какие-либо факторы, как например, стрельба снизу вверх или потеря строя, что сыграло роль в неудаче первой атаки русской пехоты, или же происходит вмешательство третьей силы, например в виде кавалерийской атаки, как это произошло во время второго наступления на гору. В то же время победитель также мог быть слишком истощен, чтобы развить успех.

Альтернативой длительному и затратному огневому бою была более рискованная решительная атака, когда противник опрокидывается стремительным натиском. В частности, такой агрессивный метод часто использовали шведы в ходе Тридцатилетней войны, когда они подходили практически вплотную к противнику и давали один-два слитных залпа почти в упор и, не давая врагу опомниться, врвались в его дезорганизованные ряды с пиками и шпагами наперевес. Такой образ действий был, впрочем, довольно рискованным, так как стойкий противник мог такими же залпами причинить атакующим тяжелые потери, как это, например, произошло в битве при Люцене с Желтой бригадой⁵³. Некоторой защитой от этого было прикрытие своих мушкетеров пикинерами, которые при атаке специально выдвигались вперед.

Однако в бою на Жаворонковой горе русская пехота и командовавшие ею иноземцы предпочли вести более медленное и безопасное огневое наступление, переросшее в итоге в огневой бой⁵⁴. В нем полки «нового строя» показали свою стойкость – ни один польский источник не упоминает о том, что русская пехота была разгромлена⁵⁵, зато упоминается⁵⁶, что она отходила в полном порядке, что с учетом отсутствия полноценного кавалерийского прикрытия говорит о ее огневой мощи⁵⁷. Вместе с тем сражение на Жаворонковой горе вкупе с боями на Покровской горе 11-12 сентября 1633 г.⁵⁸ показало, что даже хорошая пехота без поддержки конницы не может одержать победу.

Впрочем, исход сражения далеко не всегда определяется величиной потерь. В данном случае, потерпев неудачу, русское войско не решилось повторить атаку на следующий день, когда Владислав IV выстроил свое войско в боевой порядок и ждал атаки. Напротив, через день начались переговоры о похоронах убитых. Каждая сторона получила право собрать и похоронить своих погибших. Это была уже попытка затянуть кампанию, попытка заключить перемирие. Отдав инициативу Владиславу IV, М.Б. Шеин укрылся за мощными валами своего лагеря, ожидая помощи со стороны войск князя Д.М. Черкасского и князя Д.М. Пожарского, которые собирались в Вязьме и Можайске, о чем Михаил Борисович был извещен еще 28 сентября.

¹ Характеристика историографии по данной проблеме см.: Курбатов О.А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII в. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х – 1660-х гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 8–24.

² Курбатов О.А. Указ. соч. С. 63–70, 91–98, 110–115, 140–147, 159–170, 177, 182–183, 188–191, 194–196, 203–205, 210, 212–214; Его же. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» (сер. 16 – сер. 17 вв.). URL: <http://www.zimovaya.ru/statji/ocherki-razvitiya-taktiki-russkoy-konnitsy-sotennyu-sluzhby-ser.-16-ser.-17-vv.html> (дата обращения: 22.02.2012); Его же. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 193–213; Его же. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII века // Иноземцы в России в XV–XVII веках. / Под общ. ред. А.К. Левыкина. М., 2006. С. 18–34; Малов А.В. Конница нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118–131.

³ Курбатов О.А. Организация и боевые качества пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 157–197; Его же. Сражение при деревне Доманы 12 февраля 1655 г.: к проблеме реконструкции военно-исторического события // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего нового времени. Вып. 2. М., 2011. С. 62–79; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006. С. 334, 336, 427–566; Его же. «Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исаак фан Буковен...» // Российский архив. М., 1996. Вып. 6. С. 7–9.

⁴ Бибииков Г.Н. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // Исторические записки. М., 1946. Т. 19. С. 3–16; Курбатов О.А. Наемный корпус Деллагарди на службе царя Василия Шуйского. Опыт введения нидерландской военной системы в России в начале XVII в. // Цейхгауз. 2002. № 3. С. 4–6.

⁵ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя... С. 42.

⁶ Меньшиков Д.Н. Боевая сила армии М.Б. Шеина в Смоленском походе 1632–1634 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. Ч. 1. СПб., 2008. С. 10–16.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 88. Л. 443, 446, 448, 452, 455, 457.

⁸ K. Przyczynki do historii wojny moskiewskiej z lat 1633–1634 // Biblioteka Ossolinskich. Krakow, 1868. Т. 11. S. 27.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 75. Л. 114.

¹⁰ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634 / oprac. M. Nagielski. Warszawa, 2006. S. 129.

¹¹ Целевич О. А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр. // Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів. Т. 28. Кн. 2. С. 53–54.

¹² [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej z lat 1633–1634 // Biblioteka Ordynacji Krasinskich. Warszawa, 1895. Т. 13. XVIII. S. 49–50.

¹³ Целевич О. А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 20–21.

¹⁴ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634... S. 136.

¹⁵ Ibid. S. 140.

- ¹⁶ Другой причиной отвода войск было то, что выбранное для лагеря место оказалось слишком близко к противнику. (A.S. Radziwill Pamietniki Albrychta Stanislawa x. Radziwilla, kanclerza w. Litewskiego. Poznan, 1839. S. 178.)
- ¹⁷ Pamietniki o Koniecpolskich. Lwow, 1842. S. 438.
- ¹⁸ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 52.
- ¹⁹ Kupisz D. Smolensk 1632–1634. Warszawa, 2001. S. 244.
- ²⁰ Плетеные корзины без дна, куда засыпалась земля. Применялись для возведения укреплений.
- ²¹ Термин, обозначавший в 1-й пол. XVII в. отдельную тактическую единицу пехоты или кавалерии. Эскадрон пехоты насчитывал обычно 400–800 человек.
- ²² Brzechinski R. The army of Gustavus Adolfus. Infantry. London, 1991. P. 16.
- ²³ Целевич О. А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 44; Кроме этого в пользу того, что по меньшей мере часть русской пехоты действовала по шведскому образцу, говорит то, что старший полковник Александр Лесли был ранее на шведской службе и, очевидно, обучал своих солдат так, как привык.
- ²⁴ Ibid. S. 439; Гондиус В. План осады и обороны г. Смоленска 1632–1634 гг.: Офорт на 16 листах. 1636 // Собрание фонда художественной графики Смоленского государственного музея-заповедника. Учетный № СОМ9602. Л. 3, 5; См. также: Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 62.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 33. Л. 92, 166.
- ²⁶ Там же. Л. 132.
- ²⁷ Целевич О. А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 63.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 32–41, 46.
- ²⁹ Там же. Столбцы Приказного стола. № 75. Л. 118.
- ³⁰ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 33. Л. 100–102.
- ³¹ Pamietniki o Koniecpolskich. S. 439.
- ³² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 75. Л. 117, 121.
- ³³ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634... S. 143.
- ³⁴ Москоржевский, впрочем, сообщает, что выдвижение этих застрельщиков было сделано намеренно по инициативе К. Радзивилла. См.: [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 53.
- ³⁵ Целевич О. А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 62.
- ³⁶ Вообще все польские дневники отмечают этот «плотный частый огонь» как наиболее характерную черту этого сражения, что еще раз подтверждает, что это был преимущественно огневой бой.
- ³⁷ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 55.
- ³⁸ Бой начался после полудня в обед, т. е. примерно в 13–14 часов, а закончился в «первом часу ночи», т. е. через час после захода солнца. В октябре солнце в районе Смоленска заходит около 17.40, а полная темнота наступает около 18.30. См. также: [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 56.
- ³⁹ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634... S. 144.
- ⁴⁰ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 46; впрочем, данное сообщение снабжено пометкой «вранье».
- ⁴¹ Ibid. S. 55.
- ⁴² Radziwill A.S. Pamietniki... S. 179.
- ⁴³ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634... S. 144.
- ⁴⁴ Liske K. Przyczyunki do historii wojny moskiewskiej... S. 31.

- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 88. Л. 418–442.
- ⁴⁶ Там же. Столбцы Приказного стола. № 75. Л. 106.
- ⁴⁷ Там же. Л. 118, 121.
- ⁴⁸ Liske K. Przyczynki do historii wojny moskiewskiej... S. 32.
- ⁴⁹ Pamietniki o Koniecpolskich. S. 439.
- ⁵⁰ Liske K. Przyczynki do historii wojny moskiewskiej... S. 31; [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 55.
- ⁵¹ Kupisz D. Smolensk 1632–1634. Warszawa, 2001. S. 184; Lipinski W. Woj o Zaworonkowe Wzgorza i osaczenie Szeina pod Smolenskiem // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1934. T. 7. S. 69.
- ⁵² [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 58.
- ⁵³ Brzezinski R. Lutzen. The climax of Thirty year war. Oxford, 2001. P. 67.
- ⁵⁴ За это Шеина подверг критике В. Липинский, указывавший, что при более решительном натиске можно было успеть занять все важные пункты до того, как поляки организовали бы надлежащий отпор. См.: Lipinski W. Woj o Zaworonkowe Wzgorza i osaczenie Szeina pod Smolenskiem... S. 67–68.
- ⁵⁵ Хотя в них и указывается, что русская пехота была отброшена с Жаворонковой горы вплоть до Днепра, упоминания о неизменных спутниках разгрома, таких как пленные и трофеи, отсутствуют.
- ⁵⁶ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 54–55.
- ⁵⁷ Справедливости ради следует указать на роль артиллерийской поддержки и то, что местность у берега Днепра была довольно пересеченной, что мешало действиям польской конницы.
- ⁵⁸ 12 сентября была предпринята попытка усилить гарнизон Покровской горы, однако подкрепление было перехвачено польской конницей и разгромлено, причем русская конница бросила свою пехоту. См.: Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні 1633–1634 рр... С. 46; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 75. Л. 65–66.

Д.Ю. Милосердов (Москва)

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ РУКОЯТЕЙ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ XIX–XX ВЕКОВ В ИНДОИРАНСКОМ РЕГИОНЕ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

В КОЛЛЕКЦИЯХ многих музеев хранятся образцы различного восточного клинкового оружия с рукоятками, изготовленными из «кости». Этот термин не случайно стоит в кавычках, так как под общее определение попадают остеологические (костные) материалы млекопитающих разных видов. Работники фондов музеев, в которых есть такие экспонаты, сталкиваются с проблемой идентификации остеологического материала рукояток. В каталогах выставок при описании экспонатов мы можем видеть в списке материалов, использовавшихся для изготовления предмета, стандартную подпись – кость. Например, в каталоге выставки «Художественное оружие из собрания Эрмитажа» подобное встречается при описании следующих экспонатов: № 149 – шестопер (1); № 173 – кинжал в ножнах (2); № 211 – ятаган в ножнах (3). То же самое мы можем видеть в книге «Царскосельский арсенал». При описании экспонатов под следующими номерами: кард – № 34 (4), прямые кинжалы – № 25 и № 26 (4), кинжал (бебут) – № 29 (4) и нож – № 60 (5) – составители лаконично пишут – кость. В альбомах-каталогах, изданных раньше, мы сталкиваемся с той же проблемой. В альбоме «Старинное оружие из собрания Государственного исторического музея» приведены: шамшир – № 22 (6) и кинжал – № 28 (7). В их описании щечки шамшира вообще почему-то названы роговыми, а материал рукояти кинжала назван костью.

Тем не менее, даже по фотографиям в каталогах несложно заметить, что кость на рукоятках данных предметов визуально отличается

друг от друга. Для изготовления рукоятей этих экспонатов использовались различные остеологические материалы.

Что же это за материалы? На Востоке, а именно в Индии, Иране, Афганистане и Турции, традиционно использовались фрагменты остеологических материалов следующих животных:

- 1) слон индийский (*Elephas maximus*),
- 2) слон африканский (*Loxodonta* sp.),
- 3) морж (*Odobenus rosmarus*),
- 4) лошадь (*Equus* sp.),
- 5) бык домашний (*Bos taurus*),
- 6) верблюд (*Camelus* sp.).

Слон. Знаменитая «слоновая кость» – это общеупотребительное название бивней, чаще индийских, реже африканских слонов. «Слоновая кость, резная или гравированная <...>, в давние времена применялась главным образом для отделки эфесов мечей и кинжалов» (8). Бивни слона использовались для этой цели еще до н. э. «Рукоять махайры с головой грифона сделана из цельного куска слоновой бивня. Датировка – V–IV вв. до н. э.» (9). «Рукоять ксифоса выполнена из куска слоновой бивня. В целом несколько напоминает очертания рыбы» (10).

Если рассматривать бивни с точки зрения биологии – это удлиненные верхние резцы. С незапамятных времен слоновая кость высоко ценилась благодаря ее приятному бело-кремовому цвету и плотности, легкости в обработке простыми металлическими инструментами и ее относительной долговечности; правда, со временем она желтеет, и особенно в условиях сырости. Отличить изделия из бивней слонов от других костных материалов достаточно легко, так как бивень имеет характерную текстуру. Дентин (твердая часть зуба) слоновой кости пронизан множеством тончайших каналов, которые тянутся от основания к верхушке в продольном направлении в виде плавных спиралей, завернутых против часовой стрелки. Это видно на поперечном срезе бивня. Такой рисунок характерен только для слоновой кости, и если он присутствует, ее идентификация не вызывает затруднений. При этом в изделии слоновая кость смотрится однородной, так как имеет мелкозернистую структуру. При хранении экспонатов, в состав которых входит слоновая кость, в помещении с очень сухим воздухом возможно появление тонких трещин (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Бивень слона.
Фото П. Богомазова

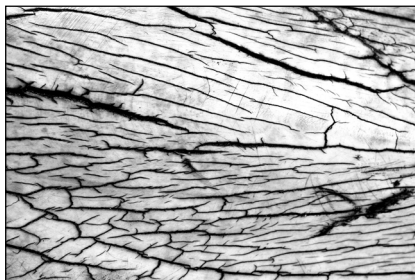

Рис. 2. Фрагмент бивня слона при увеличении.
Фото П. Богомазова

Если все же остаются вопросы, можно обратиться к плотности и твердости материала. По данным Роберта Вебстера, плотность слоновой кости варьирует в пределах от 1,70 до 1,85 г/см³, в среднем 1,79. Однако определение плотности – довольно сложная задача для неспециалиста. Твердость определяется проще – она составляет от 2,5 до 2,75 по шкале Мооса (11). Современные резчики по опыту обработки выделили два типа слоновой кости: твердую, или светлую, кость, с трудом поддающуюся резьбе, и мягкую кость, которая легче в работе и в то же время более упруга и более устойчива к изменениям температуры.

Изучение значительного количества рукояток из слоновой кости позволило нам предположить, что данный остеологический материал использовался в основном в Индии и Афганистане. Это неудивительно и объясняется распространением слонов на территории Индостана (рис. 3 и 4).

Морж. Не менее часто использовался для изготовления рукояток холодного оружия моржовый клык (рыбий зуб). Надо отметить, что в Персии и Турции он использовался не реже, а после XV–XVII вв. чаще, чем слоновая кость. Известно, что

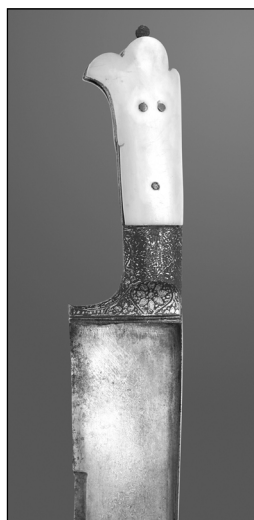

Рис. 3. Рукоять афганского кубера из слоновой кости.
Фото М. Тихоновой

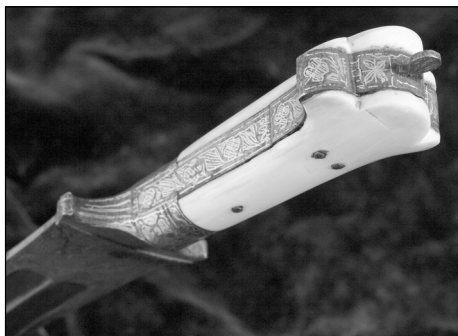

Рис. 4. Рукоять индийского кинжала из слоновой кости.
Фото М. Тихоновой

моржовые клыки ввозились из России как минимум с XVII в. Упоминание об этом мы можем встретить в дневниковых записях купца Федота Котова XVII в.: «В Персию вывозились соболя, беличьи и прочие дорогие меха, кость, *моржовые клыки*, юфть, пенька, лен, хлеб» (12). Есть и другие упоминания, что моржовую кость продавали вос-

точным купцам еще в начале XVII в. Так, например, в росписи товаров, которые привез из России в Иран кизылбашского Аббас-шаха купчина Магомет, значится: 12 сороков соболей, 2 сорока соболей, 22 портища горностаев, *4 пуда рыбья зуба (моржовой кости)*, 3 пуда слюды. Все эти традиционные поморские товары были куплены на Маргаритинской ярмарке в Архангельске и вывезены в Персию в 1624 г. (13). Пишет о моржовой кости и ее экспорте на Восток в своих «Записках о Московии» Сигизмунд Герберштейн, посещавший Россию дважды – в 1517 и 1526 гг.: «Говорят, что близ устья реки Печоры [находящегося правее устья Двины] в океане водится [различные большие животные, а между ними] некое животное, величиной с быка, называемое тамошними жителями “морж”. Охотники добывают этих животных только из-за клыков, из которых москвиты, татары [а главным образом] турки искусно изготовляют рукоятки мечей и кинжалов, пользуясь ими скорее как украшением, а не для нанесения особенно тяжелого удара, как выдумывал некто. [У турок, москвитов и татар] эти клыки продаются на вес и называются рыбьим зубом» (14). То есть даже Герберштейн считает этих животных «невиданными», так что можно представить, какое впечатление моржи и их клыки оказывали на жителей Персии.

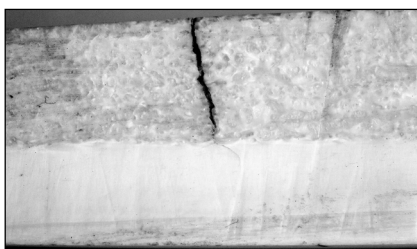
Со второй половины XVII в. торговлю клыками попытались монополизировать, так как, вероятно, к этому времени объемы продаж «рыбьего зуба» стали так велики, что заинтересовали российское правительство, которое запрещало торговать моржовой костью (1649): «На всех торгах велено отбирать рыбий зуб и отдавать

в казну». За красивую текстуру моржовая кость ценилась выше слоновой. «Моржовая кость, по-русски “щадра кость”. Морж – большой морской зверь, которого русские бьют на льду возле Новой Земли. У него высовываются изо рта два больших зуба, которых ценят выше, чем слоновую кость, и чем больше кость окрашена под мрамор, тем она реже и стоит дороже. Этот товар принадлежит собственной царской торговле; много употребляется на черенки и кнутовища и много вывозится в Персию» (15). «Моржи – это животные, которые больше всего живут в воде, но иногда выходят на берег. У них два больших клыка во рту. Один такой клык хранится у меня, его длина 3 больших пяди, толщина в обхват руки, вес 5 фунтов. Они ценнее слоновой кости, особенно сердцевина, или внутренняя часть клыка. Из нее делают рукоятки ножей. Она блестящая, бело-желтоватого цвета, тверда и приятна на вид» (16).

Вернемся к самому остеологическому материалу. С точки зрения биологии моржовая кость – это верхние клыки моржа. Они имеют неоднородную структуру. На овальном торцевом срезе клыка можно различить несколько слоев. Тонкий слой плотной белой эмали, затем однородный дентин и внутри – ячеисто-кристаллическая желтоватая пульпа (внутренняя часть зуба). В ней нередко есть скрытые трещины. Внешняя поверхность клыка обычно имеет ряд продольных трещин, «заработанных» еще при жизни моржа. Но для нас наиболее важным отличительным признаком является именно пульпа, благодаря которой так легко отличить рукоятки, для изготовления которых использовались моржовые клыки (рис. 5 и 6).

**Рис. 5. Клык моржа.
Фото П. Богомазова**

**Рис. 6. Фрагмент клыка моржа
в разрезе и при увеличении.
Фото П. Богомазова**

Рис. 7. Индоиранское короткоклинковое оружие. Внизу кард с рукояткой из моржового клыка. Фото М. Тихоновой

Как ясно из приведенных выше источников, моржовая кость использовалась для изготовления рукояток оружия в Турции и Иране. Кроме того, есть сведения, что иногда моржовые клыки использовались и в Афганистане. Об этом, например, упоминает Эгертон при описании экспонатов коллекции, относящихся к Афганистану: «749. Салавар ятаган (хайбер). Клинок из дамасской стали... Рукоять из моржовой кости... 750. Салавар ятаган (хайбер). Черный хоросанский клинок. Рукоять из моржовой кости...» Здесь же Эгертон описывает несколько шамширов, костяные накладки на рукоятку которых – «щечки» – также изготовлены из моржового клыка (17) (рис. 7).

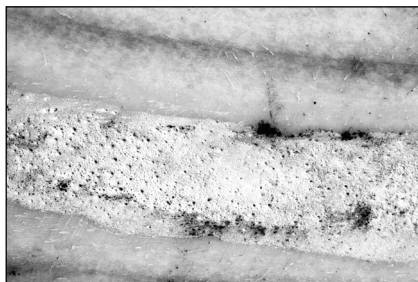
На оружии начала и середины Каджарского периода (конец XVIII – середина XIX вв.) в Персии мы в большинстве случаев видим как раз рукоятки, изготовленные из моржового клыка. Причем часто используются не только пластины из кости, а цельный массив клыка: например, катушечные (в форме уплощенной катушки) рукоятки монтировались чаще всего с булатными клинками высокого качества, украшенными золотой насечкой и резными изображениями.

Во второй половине и конце XIX в., на закате Каджарского периода, появились подражания этим роскошным предметам, изготовленные из более дешевых материалов. При этом сюжеты и стиль резьбы на рукоятках могут не отличаться от более ранних. Однако в качестве материала клинков чаще использовалась сталь с «искусственным дамаском», полученным в результате травления клинка. На рукоятки таких предметов шла не ценная моржовая кость, а трубчатые кости копытных животных.

Копытные животные: лошадь, верблюд, крупный рогатый скот.

Трубчатые кости конечностей этих животных, называемые иногда в просторечье цевкой, активно использовались с середины XIX в. при изготовлении рукоятей клинкового оружия в Афганистане и Персии. Если афганские образцы отличить очень просто, то с персидскими иногда могут возникать вопросы, так как визуально они могут быть выполнены в том же стиле, что и более ранние рукоятки, которые изготавливались из моржовой кости. Тем не менее определить, что рукоятка изготовлена из трубчатой кости, достаточно легко.

Трубчатая кость называется так не случайно. Относительно плотными у нее являются только эпифизы – «головки кости», а в области диафиза – «тела кости» – внутри нее имеется полость, костная стенка которой ограничена компактным веществом (18) (рис. 8). Именно материал костной стенки диафиза и идет на изготовление рукояток. Трубчатые кости пронизаны каналами, расположенными, в основном, вдоль тела трубчатой кости, через которые при жизни животного проходят нервы и кровеносные сосуды. При полировке кости эти каналы начинают выглядеть как штрихи, чаще всего темного цвета, так как в них при бытовании предмета попадала грязь, а при последующем хранении экспоната – пыль. По этому признаку трубчатую кость легко отличить от слоновой кости. Иногда бывает сложно идентифицировать катушечные рукоятки кинжалов, так как они могут

**Рис. 8. Фрагмент трубчатой кости копытного в разрезе и при увеличении.
Фото П. Богомазова**

Рис. 9. Персидский кинжал с рукояткой из трубчатых костей.
Фото М. Тихоновой

быть покрыты мелкой резьбой и иметь «благородный» желтоватый цвет, не свойственный трубчатым костям. Желтый цвет в таких случаях достигался использованием природного красителя – шафрана. Кроме того, так как из распиленной трубчатой

кости можно получить лишь довольно тонкие пластины, иногда полукруглой в сечении формы, рукоять будет только имитировать массивную. А на самом деле она будет склеена из нескольких частей, и при внимательном изучении экспоната будут заметны швы. Чтобы окончательно убедиться, что перед нами изделие из трубчатой кости копытного, необходимо увеличительное стекло. При изучении с его помощью рукоятки даже с самой мелкой резьбой каналы от сосудов и нервов все равно будут видны. Необходимо также учитывать, что материал трубчатых костей активно использовался для реставрации рукоятей (особенно сабельных) в XX в. (рис. 9 и 10).

Отдельно надо упомянуть об использовании для рукоятей клинкового оружия Индоиранского региона остеологического материала китообразных – зубов кашалота и рога нарвала.

Кашалот. Зуб кашалота (причем в биологическом плане это именно зуб) практически не использовался при изготовлении рукояток клинкового оружия на Востоке. Вероятно, это было связано с трудностью получения остеологического материала.

Рис. 10. Фрагмент рукояти персидского кинжала из трубчатой кости, на котором хорошо видна текстура.
Фото М. Тихоновой

Единственные известные нам случаи использования зубов кашалота связаны с Мальдивскими островами. Там на богатых образцах традиционных ножей можно увидеть использованную для отделки рукоятки «кость кашалота». На шлифе зуб кашалота имеет слабо заметную полосчатую структуру.

Нарвал (морской единорог). Нарвал – китообразное, самец которого обладает выдающимся бивнем – «рогом». Рог нарвала на самом деле – верхний левый зуб самца, который вырастает в бивень длиной до 2–3 м. Нам никогда не встречались образцы оружия, рукоятки которого были бы изготовлены из рога нарвала. Вероятнее всего, рог добывался крайне редко и высоко ценился. Косвенным доказательством этого могут служить царские и митрополичьи посохи, хранящиеся в Оружейной палате Кремля. Узнать рог нарвала легко благодаря спиралям, идущим по всей длине бивня. Даже если внешняя часть бивня стачивалась, чтобы он получился равномерным по толщине, спиральная структура все равно сохраняется.

В заключение хочется добавить пару слов об искусственном материале, которым в начале XX в. в Европе активно заменяли слоновую и другие виды благородной кости.

В начале XX в., на волне интереса к Востоку, стали появляться образцы холодного оружия, доступного по цене для туристов и любителей экзотики. Отдельные экспонаты такого плана попадают в музеях. Рукоятки предметов, чаще всего короткоклинкового холодного оружия, изготовлены из целлулоида.

Целлулоид – наиболее распространенная имитация слоновой кости. Впервые этот материал был получен в Англии в 1865 г. как продукт взаимодействия нитроцеллюлозы с камфорным спиртом. Стимулом для разработки целлулоида послужило желание найти дешевый заменитель слоновой кости, традиционно применявшейся для изготовления бильярдных шаров. В отличие от кости, если потереть целлулоид о шерсть, то появляется специфический запах камфары. Кроме того, в отличие от кости, с целлулоида можно легко снять ножом стружку, которая воспламеняется. Второй способ не подходит для работы с музейными экспонатами, хотя позволяет точно определить, что перед нами целлулоид, а не остеологический материал.

Таким образом, определение остеологического материала, в первую очередь, визуальное – достаточно простая процедура,

доступная не только специалистам-биологам, но и работникам исторических и этнографических музеев. Полученные сведения позволяют точнее атрибутировать музейные памятники.

1. Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. С. 89.
2. Там же. С. 94.
3. Там же. С. 107.
4. Введенский Г.Э. Сто предметов из собрания Российских императоров. Царскосельский арсенал. СПб.: Балтика, 2000. С. 120.
5. Там же. С. 123.
6. Аствацатурян Э. Г. и др. Старинное оружие из собрания Государственного исторического музея. М.: Прогресс, 1993. С. 114.
7. Там же. С. 122.
8. Бехайм Вендален. Энциклопедия оружия. СПб.: Оркестр, 1995. С. 446.
9. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. С. 249.
10. Там же. С. 264.
11. Webster R. Gems: Their Sources, Descriptions and identification. London: Buterwort, 1975. S. 519–532.
12. Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Изд-во вост. литературы, 1958. С. 8.
13. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 11. СПб.: 1892. С. 58.
14. Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 521.
15. Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. С. 112. (Сборник Студенческого историко-этнографического кружка при Университете святого Владимира / Под руководством проф. М.В. Довнар-Запольского. Вып. 6.
16. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. II / Редакция и научное руководство Н.П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 1160. (Пер. с голл. яз. В.Г. Трисман).
17. Egerton. Lord of Tatton. Indian and Oriental Armour. Dover Publications. 2002. S. 144.
18. Ромер А., Парсонс Т. Анатомия позвоночных. Т. 1. М.: Мир, 1992. С. 195.

А.А. Михайлов (Санкт-Петербург)

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1736–1739 ГОДОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

РУССКО-ТУРЕЦКОЙ войне 1736–1739 гг. принадлежит особое место в военной и политической истории России. С одной стороны, она ознаменовалась несомненными успехами. Росийская армия впервые вступила на территорию Крыма, покорила такие сильные и важные в стратегическом отношении турецкие крепости, как Азов, Очаков, Хотин (восторженную оду на взятие последнего написал М.В. Ломоносов).

С другой стороны, победы были оплачены огромными человеческими потерями, а завершивший кампанию Белградский мирный договор принес России довольно скромные территориальные приобретения. Неудивительно, что оценки, которые историки давали этой войне, нередко носили противоречивый характер.

Определенное влияние на освещение войны оказало также то обстоятельство, что она пришлась на царствование императрицы Анны Иоанновны (1730–1740), к деятельности и окружению которой многие историки относились очень критично, а иногда – и предвзято.

Показателен факт, сообщенный военным историком генерал-лейтенантом Н.П. Глиноецким (1830–1892) в его «Истории Русского генерального штаба»¹. В 1816 г. начальник штаба 2-й армии П.Д. Киселев поручил подчиненным ему офицерам квартирмейстерской части составить «Полное историческое начертание всех с турецкою державою военных действий от времен Петра Великого до последнего мира» (т. е. Бухарестского мирного договора 1812 г.). Как подчеркивает Глиноецкий, труд этот преследовал не только историко-научные, но и вполне практические цели, создаваясь «в виду

заблаговременной подготовки среди мира всех сведений, какие могли бы потребоваться в случае разрыва с Турцией»².

Однако некоторые высокопоставленные военные отнеслись к замыслу Киселева с раздражением. Видный участник Отечественной войны 1812 г. генерал-квартирмейстер Главного штаба К.Ф. Толь (1777–1842) сурово критиковал план исследования и, среди прочего, безапелляционно заявил, что походы 1736–1739 гг. «как по тогдашнему театру войны, образованию и тактике наших войск, так и по недостаточном понятии самих полководцев о военном искусстве не могут быть для нас поучительны»³.

Эту, явно несправедливую, точку зрения разделяли и многие авторы более позднего времени. Историография Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. до сих пор не слишком обширна. Однако она все же включает весьма интересные, значимые для военно-исторической науки труды. Их анализ позволяет с одной стороны выявить нуждающиеся в дополнительном изучении проблемы истории самой войны, а с другой лучше представить некоторые аспекты развития отечественной военно-исторической мысли.

Первые попытки описать Русско-турецкую войну 1736–1739 гг. и проанализировать ее ход предпринимали еще участники событий. Краткое описание кампании вошло, например, в мемуары главнокомандующего российской армии Бурхарда-Кристофа Миниха (1683–1767), первое издание которых было опубликовано в Копенгагене в 1774 г. Вполне закономерно, что мемуарист изобразил боевые действия как сплошную цепь побед и не пожалел ярких красок для самовосхваления. «Русский народ, – утверждал фельдмаршал, – дал мне два титула: “столпа Российской империи” и “сокола” со всевидящим оком. Во время этой кампании я далеко продвигался в турецкие провинции, а все зимы проводил в Петербурге. Эта война закончилась битвой, увенчанной изумительной победой при Ставучанах, взятием Хотина и покорением Молдавии»⁴.

О трудностях кампании Б.-К. Миних умолчал, заметив, однако, что подробное описание боевых действий не входит в его задачу. Зато он довольно пространно и очень резко осуждал австрийских дипломатов за то, что они, без ведома России, заключили с турками мир. Белградский договор фельдмаршал называл «позорным»⁵.

Сходные оценки событий дал в мемуарах, написанных в конце 1750-х гг., сын фельдмаршала Эрнст Миних (1708(?)–1788),

который также лично участвовал в войне. Как и отец, он считал кампанию в целом успешной, а Белградский договор – преждевременным и вредным для России: «Но вся польза и выгода, каких можно было токмо как России, так и римскому императору от таковых успехов ожидать, разрушились заключенным при Белграде пагубным мирным трактатом, к удивлению целого света, и жалостным образом испровергнулись без возврата»⁶.

Стоит, однако, отметить, что Э. Миних также достаточно подробно изображает международное положение России в период войны и отмечает, что, с чисто военной точки зрения, она могла продолжить борьбу с турками в одиночку, дипломатическая ситуация реализовать такой вариант не позволяла: «Россия одна в состоянии была с турками управиться, если бы в том же году шведы, подущением Франции, не приготовились бы вступить в Финляндию, дабы союзникам своим туркам сделать через то диверсию»⁷.

Подробное описание событий войны содержится в «Записках о России» прусского офицера Х.Э. Манштейна (1711–1757). Манштейн представлял собой весьма типичный для XVIII в. тип офицера-наемника: в 1736–1743 гг. он служил в русской армии, участвовал в войне с Турцией, неоднократно проявлял личную отвагу и стал адъютантом главнокомандующего (1739). Однако после вступления на престол Елизаветы I Манштейн в 1743 г. покинул Россию и, ранее чем был официально отпущен в отставку, поступил в прусскую армию. Российское правительство приравнивало этот поступок к дезертирству и приговорило Манштейна к смертной казни, как изменника. Тем не менее, строптивый офицер с успехом служил королю Фридриху II, участвовал в Войне за австрийское наследство (1740–1748) и Семилетней войне 1756–1763 гг. Погиб Манштейн в случайной стычке с отрядом австрийских гусар.

«Записки» впервые были фрагментарно опубликованы в Англии в 1770 г. и в течение трех последующих лет выдержали шесть изданий на английском, немецком и французском языках. Такая популярность неслучайна: оппозиционный к правительству Елизаветы I и хорошо знавший жизнь царского двора Х.Э. Манштейн привел в мемуарах немало таких сведений, которые официальный Петербург предпочел бы скрыть. Вполне понятно, что в России книга Манштейна долгое время не печаталась. Однако, как установил исследователь мемуаристики А.Г. Тартаковский, практически

сразу после публикации она ходила среди читающей российской публики в списках ⁸.

Первые публикации «Записок о России» на русском языке появились в 1810 г. в Москве и Дерпте, одним же из лучших долгое время считалось четвертое издание, предпринятое в 1875 г. М.И. Семевским в приложении к «Русской Старине» (перевод текста «Записок» для него сделала постоянная сотрудница Семевского писательница Вера Тимошук) ⁹.

При описании событий войны 1736–1739 гг. Х.Э. Манштейн не скрывает тех трудностей, с которыми столкнулась российская армия. Он весьма подробно повествует о тяготах переходов через причерноморские приднестровские степи, высокой смертности солдат от болезней и истощения сил, хотя отдает должное и победам русских войск. Войну в целом Манштейн охарактеризовал как «стойкую больших денег и множества людей, без всякой существенной пользы» ¹⁰. Неудивительно, что труды прусского офицера, уже при первых публикациях, вызвали возражения сына Б.-К. Миниха Эрнста.

Интересными мемуарными свидетельствами являются анонимная «Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах», составленная офицером, участником событий (первая публикация – в 1836 г., впоследствии – переиздавались) ¹¹ и мемуары генерал-лейтенанта В.А. Нащокина (1707–1760), первое издание которых было осуществлено в 1842 г., с предисловием видного историка и переводчика Д.И. Языкова ¹².

Первые научные исследования по истории войны 1736–1739 гг. появились в начале XIX в. В упомянутой выше работе офицеров 2-й армии соответствующий раздел выполнял поручик Н.В. Басаргин (1800–1861), в недалеком будущем – видный деятель движения декабристов. Как отмечал Н. Глиноецкий, подготовленный Басаргиным очерк получил высокую оценку П. Киселева ¹³. Стоит отметить также, что более поздние публицистические труды и мемуары Басаргина свидетельствуют о его проницательности и литературном таланте. Можно лишь сожалеть, что работа о походах Б.-К. Миниха осталась неопубликованной.

В 1820 г. вышла из печати вторая часть издания «Военная история походов россиян в XVIII столетии», содержащая сведения о войне 1736–1739 гг., Б.-К. Минихе и некоторых других военачальниках ¹⁴. Ее автор – военный историк, флигель-адъютант

императора Александра I Д.П. Бутурлин (1790–1849). Впоследствии он весьма активно публиковал научные труды и некоторое время занимал пост директора Публичной библиотеки (1843–1849), снискал репутацию внимательного исследователя, явно способного к систематизации фактов, и весьма жесткого администратора.

Интересно, что Бутурлин написал книгу по-французски, а на русский язык ее перевел генерал-майор А.И. Хатов (1780–1846), незаурядный офицер-штабист, игравший видную роль в организации квартирмейстерской и топографической службы. Бутурлин и Хатов обработали обширный фактический материал и смогли достаточно четко описать основные события кампании.

В 1830 г. специалисты и любители истории смогли познакомиться с особым аспектом истории Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. – действиями флотилии П.П. Бредая. Небольшую по объему, но содержательную книгу по данной теме написал отставной артиллерист и военный историк А.В. Висковатов (1804–1858)¹⁵.

В 1839 г. Р.М. Зотов (1795–1871) опубликовал обширное сочинение «Военная история Российского государства», в третью часть которой вошли сведения о войне 1736–1739 гг.¹⁶ В отличие от Бутурлина и Хатова, Рафаил Зотов профессиональным военным не являлся. В 1812–1814 гг. он младшим офицером принял участие в боевых действиях против Франции, проявил личную отвагу (в сражении под Полоцком получил десять ран), но затем вернулся на гражданскую стезю, долгое время служил в театральной дирекции, а как писатель прославился сочинением приключенческих романов. Вполне закономерно, что труды Р.М. Зотова по истории носили компилятивный характер. Военный историк А.К. Байов, для которого эпоха Анны Иоанновны станет одной из основных сфер научного поиска, о книге Р.М. Зотова отзывался с явной неприязнью: «Значение этого источника определяется тем, что он представляет собой самое краткое, без каких-либо выводов и заключений описание событий, имевших место в этих войнах, причем фактическая сторона заимствована целиком у Манштейна»¹⁷. Однако, в силу яркого стиля изложения, книга Зотова оказала определенное воздействие на последующих авторов.

Сильное воздействие на историографию оказали также биографические очерки о фельдмаршалах Б.-К. Минихе и П.А. Ласси, написанные историком и литератором Д.Н. Бантыш-Каменским

(1778–1850) для сборника о российских фельдмаршалах¹⁸. Сборник этот был опубликован в 1840 г., всего через год после книги Р.М. Зотова¹⁹.

Характеризуя жизненный путь военачальников, Бантыш-Каменский достаточно подробно описал и те события войны 1736–1739 гг., в которых они участвовали. Точность изложения нередко страдала от стремления автора к выразительности и яркости стиля. Нередко Бантыш-Каменский включал в текст скрытые цитаты из мемуарной литературы. Так, при описании битвы при Ставучанах он пишет, что Миних «обозрел соколиным оком стан неприятельский», и в сноске поясняет: «Солдаты называли графа Миниха соколом»²⁰. О том, что данное утверждение восходит к мемуарам самого фельдмаршала, Бантыш-Каменский умалчивает.

Вместе с тем, этот автор явно стремился дать объективную оценку изображаемым лицам. Каждый очерк завершает характеристика личных качеств военачальника, как положительных, так и отрицательных. В частности, фразу о Минихе потом будут, не без оснований, повторять многие авторы: «...не дорожил для своей славы кровью вверенных ему солдат»²¹.

Целый ряд статей о Русско-турецкой войне 1736–1739 гг. был опубликован в томах «Военного энциклопедического лексикона», который выдержал два издания в 1837–1850 и 1852–1859 гг. В частности в 13-м томе «Лексикона» (первое издание – 1849 г.) была помещена обширная статья военного историка А.П. Карабанова «Турецкая война в царствование Анны Иоанновны»²².

События войны в ней описаны погодно, причем включен материал о походе против крымских татар М.И. Леонтьева в 1735 г. Характеризуя причины войны, Карабанов тесно увязал их с международной обстановкой в Европе и ситуацией на собственно российских границах: «Вмешательство Оттоманской Порты в дела Польши при выборе нового короля по смерти Августа II и беспрепятственные хищные набеги крымских татар на южные области России побудили Анну Иоанновну приняться за оружие»²³. При описании боевых действий автор не скупится на похвалы российским военачальникам и армии. Так, в разделе о вторжении русских войск в Крым в 1736 г. он с восхищением отмечает: «Так кончился Крымский поход 1736 года. Громкая молва об нем разнеслась по Европе и заставила удивляться смелости и искусству Миниха. Солдаты называли его соколом, генералы и офицеры величали героем»²⁴. Очень

высоко оценил Карабанов также победу над турками в сражении при Ставучанах. Вместе с тем, не скрывал он и больших потерь русской армии, связывая их не с ошибками конкретных лиц, а с непривычным климатом, нехваткой продовольствия и инфекционными болезнями.

Белградский мир Карабанов оценивал скорее отрицательно, но полагал, что продолжать войну Россия не могла в силу сложности международной обстановки (в т. ч. обострения отношений со Швецией). В качестве основных источников, использованных при написании статьи, Карабанов назвал мемуары Манштейна (на французском языке), биографическую работу о Минихе немецкого юриста А.Г. Галема (1762–1819), труды французского военного теоретика Л.-Ф. Керальо (1731–1783) и российского историка Н.А. Полевого (1796–1846)²⁵.

Кроме статьи Карабанова, на страницах «Лексикона» были опубликованы биографические статьи о Б.-К. Минихе и П.П. Ласси, а также отдельные статьи о битве при Ставучанах и крепости Очаков (в т. ч. о ее взятии войсками Миниха). Интересно, что две первые из названных статей, опубликованные в VIII²⁶ и IX²⁷ томах соответственно, содержат многочисленные заимствования из очерков Бантыш-Каменского, иногда – дословные.

Во второй половине XIX в. к истории войны 1736–1739 гг. обращались как военные историки, так и авторы обобщающих трудов по истории России в целом. Существенным вкладом в изучение проблемы стали соответствующие разделы 20-го тома «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева (1870). Стоит отметить, что, кроме боевых действий, Соловьев довольно подробно рассмотрел дипломатическую предысторию войны, а также деятельность Миниха по повышению боеспособности российской армии. Разумеется, он не обошел вниманием и важнейшие сражения кампании, причем неизменно опирался на анализ разнообразных, нередко – противоречивых источников. В частности, при описании осады и взятия Очакова (1737) С.М. Соловьев проанализировал критику действий Миниха со стороны австрийского полковника Беренклау и Манштейна²⁸. При описании похода 1738 г. он использовал записки офицера, укрывшегося за псевдонимом Парадиз (возможно – фон Райски)²⁹. Подробное освещение получила у Соловьева сопровождавшая войну дипломатическая борьба и, особенно, участие в ней Франции, которая стремилась посредством

поддержки Турции ослабить Австрию и Россию. Не отрицая успехов армии, Соловьев пишет о чудовищной цене войны, «стоившей России 100 000 человек и огромных денежных сумм»³⁰.

Фигура Б.-К. Миниха и, соответственно, война 1736–1739 гг. заинтересовала также Н.И. Костомарова (1817–1885). В 1884 г. на страницах журнала «Вестник Европы» он опубликовал биографический очерк о полководце³¹.

Изучению дипломатической истории войны 1736–1739 гг. способствовала публикация в 1874 г. сборника конвенций и договоров между Россией и Австрией, собранных и отредактированных дипломатом Ф.Ф. Мартенсом (1845–1909)³².

Военные историки вновь обратились к Русско-турецкой войне 1736–1739 гг. на страницах «Энциклопедии военных и морских наук», которая публиковалась в 1883–1897 гг. Ее редактором выступил профессор (с 1889 г. – начальник) Академии Генерального штаба Г.А. Леер, в число авторов вошли многие выдающиеся ученые того времени. Основная статья «Русско-австро-турецкая война 1736–1739 гг.» была включена в раздел «Турецкие войны» и опубликована в VII томе (1895). Написал ее военный историк, участник Русско-турецкой войны Л.М. Байков (1840–?). Характерно, что уже в первых строках статьи автор четко формулирует основную задачу войны, вовсе не сводившуюся к «наказанию» татар за набег: «Заручившись же обращением Персии не прерывать войны с Турциею, Россия решила воспользоваться ослаблением последней этой войной, чтобы уничтожить унижительный Прутский договор и осуществить мысль Петра I об утверждении России на берегах Черного моря»³³.

Байков подробно описывает боевые действия, причем не только российской армии, но и австрийской. При этом в своих оценках данный автор очень критичен, порой – резок. «Походы 1737 и 1738 г., – пишет он, – оказались для нас во всех отношениях бесполезны, поведя лишь к напрасным, громадным тратам в людях и деньгах»³⁴. Основной же причиной неудач Байков считал сложные природные условия степей, приведшие к болезням и бескормице. Впрочем, он также очень решительно обвинял австрийцев за якобы «зависть» к России и нежелание учитывать ее интересы. Итог войны оценивался этим автором крайне негативно: «Приобретение, слишком ничтожное, сравнительно с потраченными на эту войну людьми и деньгами»³⁵.

Помимо статьи о войне 1736–1739 гг., в «Энциклопедии» была напечатана подготовленная тем же Л.М. Байковым статья «Крымские походы», в которую вошли сведения и об экспедициях Ласси и Миниха³⁶. Биографические статьи о Ласси и Минихе написал для «Энциклопедии» полковник Дмитрий Федорович Масловский (1848–1894). Первая вышла в четвертом томе (1888)³⁷, вторая – в пятом (1891)³⁸.

Д.Ф. Масловский вообще очень активно занимался русской военной историей XVIII в. В 1889 г. он опубликовал в «Военном сборнике» статью о Б.-К. Минихе и его деятельности по реорганизации армии³⁹, в 1891 г. – сборник документов, связанных с осадой Данцига⁴⁰ (этот эпизод карьеры фельдмаршала предшествовал борьбе с Турцией).

Тем не менее, в «Энциклопедии» о воинских талантах Миниха Масловский высказался осторожно, с оттенком критичности: «Особенность его, как полководца проявилась главным образом в Крымских походах, почти еще не исследованных, поэтому приравнивать его к “русскому Евгению” (принцу Евгению Савойскому. – А. М.) по меньшей мере не должно...»⁴¹

В 1891 г. Д.Ф. Масловский выпустил в свет первую часть пособия для военных училищ «Записки по истории военного искусства в России», охватывающую исторический период с 1683 по 1762 гг.⁴² Отдельная (пятая) глава в ней была посвящена царствованию Анны Иоанновны⁴³.

Из всей Русско-турецкой войны подробному анализу подвергся лишь Ставучанский поход, событий 1736–1739 гг. Масловский почти не коснулся. Тем не менее, оценка роли Миниха Масловским дана вполне определенная, и она носит отрицательный характер. Аргументируя свое суждение, историк писал: «Самый важный недостаток его (Миниха. – А. М.) – это неудачный выбор операционной линии, бесцельность операции»⁴⁴. Именно поэтому «четыре года войн Миниха не привели ни к чему»⁴⁵, а успехи в отдельных сражениях не сложились в окончательную победу. Так, поход в Крым 1736 г. Масловский называет «победоносным, но совершенно бесполезным»⁴⁶, походы 1737 и 1738 гг., по его мнению, производились в верном направлении, но сам Миних действовал вяло. Несколько более благожелательно оценивает Масловский поход к Хотину. Однако о Ставучанском сражении он замечает: «...Победа выиграна не боем, а маршем маневром, вернее паникою, распространившейся

в турецких войсках, вследствие свойства самой армии и недостатка единства управления»⁴⁷.

Подводя итог, Масловский утверждает: «В общем выводе время Миниха есть период упадка в русском военном искусстве. Миниху не удалось развить Петровских начал»⁴⁸. Единственным сильным качеством фельдмаршала Масловский считал понимание морального фактора, уважение к отваге русского солдата и стремление поддержать его достоинство⁴⁹.

В 1892 г. Д.Ф. Масловский издал сборник документов, посвященный походу армии Миниха к Хотину в 1739 г. и сражению при Ставучанах⁵⁰.

Вслед за этим, в 1897–1903 гг., в серии «Сборник военно-исторических материалов» последовало издание трехтомного собрания донесений и реляций Б.-К. Миниха с театров военных действий за 1736–1739 гг.⁵¹ Подготовку текстов выполнил поручик М.Н. Прокопович (в будущем – видный издатель), научное редактирование – военный историк, полковник Генерального штаба А.З. Мышлаевский (1856–1920). Интересно, что именно в период работы над документами он занял должности профессора Академии Генерального штаба (1898) и начальника Военно-ученого архива Главного штаба (1899).

Предваряя текст документов, А.З. Мышлаевский вновь отметил недостаточную изученность Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. и высказал надежду, что осуществленная публикация поможет восполнить пробел: «Опираясь на такие данные и на донесения самого Миниха, возможно будет обстоятельно судить об этой эпохе, мало исследованной в военно-историческом отношении»⁵².

В период публикации военных документов Мышлаевским, профессор Новороссийского университета А.А. Кочубинский (1845–1907) выпустил монографию о дипломатической борьбе в период войны и роли в ней российского кабинет-министра А.И. Остермана⁵³.

Будучи убежденным сторонником поддержки независимых славянских государств, как союзников России, Кочубинский видел в войне 1736–1739 гг. шаг вперед в освобождении славян от турецкой власти, т. е. процесс, по сути своей, положительный. Иное дело, что реализация замысла не всегда осуществлялась успешно.

Попытку решить задачу, сформулированную Мышлаевским, предпринял в начале XX в. офицер Генерального штаба Алексей

Константинович Баиов (1871–1935), который и стал автором наиболее фундаментальной работы по военной истории царствования императрицы Анны Иоанновны». В 1904 г. им был опубликован сборник приказов Б.-К. Миниха за 1736–1738 гг., существенно дополнивший публикацию реляций Мышлаевского⁵⁴.

В 1906 г. вышли в свет монография А.К. Баиова «Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны»⁵⁵. Она принесла автору большую премию им. Г. Леера, присужденную ему Конференцией Академии Генштаба. В том же году, вдохновленный успехом, А. Баиов выпустил работу о событиях последнего (1739) года войны⁵⁶.

Работа А.К. Баиова отличается скрупулезным анализом фактов и обстоятельностью. Сам он в предисловии пояснял избранный метод исследования: «Я поставил себе прежде всего целью всеми возможными и доступными мне средствами стремиться к самому тщательному выяснению всех фактов, сюда (к войне. – А. М.) относящихся, и при том без различия их категорий по важности»⁵⁷. Сегодня подход Баиова назвали бы «комплексным анализом». Он рассмотрел круг использованных источников, в отдельных разделах охарактеризовал природные условия на театрах военных действий, состояние российской и турецкой армий, дипломатическую ситуацию накануне войны, внутривосточное состояние России и др.

Положительно оценивая военные реформы Миниха, Баиов признает, что многие из них остались незавершенными из-за финансовых затруднений. Время вступления России в войну с точки зрения дипломатической, по мнению историка, было выбрано удачно, но подготовка самих походов часто затягивалась.

При описании боевых действий Баиов не скрывал ни трудностей, с которыми сталкивались армии Миниха и Ласси, ни их достижений. При этом он детально рассмотрел состав войск в каждой экспедиции, их сильные и слабые стороны. Одной из главных бед кампании Баиов считал медленные темпы движения армий, но причину их видел не столько в «вялости» командующего, сколько в объективных причинах. «Армии двигались чрезвычайно медленно, – отмечал он, – что в начале кампании происходило от желания дать возможность частям, не успевшим выступить вместе с армией, догнать ее, а потом – от громадных обозов и особенностей

театра войны, а при сближении с неприятелем, кроме того, – от его противодействия»⁵⁸.

Медленные темпы движения, в свою очередь, приводили к тому, что не удавалось завершить поход до наступления неблагоприятных погодных условий (летняя жара, зимние холода). Это в свою очередь влекло высокую смертность солдат, несмотря на принимаемые командованием меры по медицинскому обеспечению.

Высокую оценку дает Баиов тактическим новациям Б.-К. Миниха, в частности использованию нескольких каре, поддерживающих друг друга огнем.

Оценивая личность фельдмаршала, Баиов отмечает его энергию, искреннюю любовь к военному делу, «талантливость натуры». Историк также отмечает, что Миних «был для своего времени достаточно гуманным», заботился о солдатах, мирном населении и даже пленных. В качестве основного недостатка названо неумение оперативно выработать целостный план действий, «отсутствие способности предусмотреть все сразу и сразу создать что-либо дельное»⁵⁹.

Баиов иначе, чем его предшественники, подошел к вопросу об итогах войны 1736–1739 гг. Конечно, он признавал и непомерность потерь, и то, что условия Белградского договора были не слишком выгодны. Но главное, по его мнению, заключалось не в этом. «Война 1736–1739 гг., – писал Баиов, – являлась нашей первой победоносной войной с турками и была во всех отношениях школой, подготовившей дальнейшие успехи России в ее последующих славных войнах с обладательницей Царьграда и Босфора»⁶⁰.

В 1909–1913 гг. Баиов опубликовал курс лекций по истории русского военного искусства, который читал в Академии Генерального штаба. Выпуск, посвященный 1730-м гг., вышел в свет в 1909 г.⁶¹ Автор вновь, еще более определенно и решительно, заявил о положительной роли «миниховской эпохи» в развитии вооруженных сил России, причем его выводы звучали прямым отрицанием суждений Д.Ф. Масловского: «Эпоха Миниха не разрывает с Петровской эпохой... Напротив необходимо признать, что военная деятельность Миниха не только не шла в разрез с идеями Петра, но что она сохранила для будущего Петровские начала, которые и выказались в первых же значительных военных действиях следующей эпохи на полях Егерсдорфа, Цорндорфа и Кунерсдорфа»⁶².

Относительно самой войны 1736–1739 гг. Баиов, как и ранее, высказывал мнение, что она оказалась малорезультативной с политической точки зрения, но очень полезной с точки зрения военной, так как обогатила армию бесценным опытом⁶³.

Незадолго до начала Первой мировой войны историография «миниховской эпохи» пополнилась несколькими статьями справочного характера. В томе XV «Военной энциклопедии», которая публиковалась издательством И.Д. Сытина, была напечатана статья «Крымские походы»⁶⁴, подготовленная полковником В.А. Златолинским (1861–1941). В ней рассмотрены как события войны 1736–1739 гг., так и предшествовавший ей поход Леонтьева. Причиной войны автор называет «необходимость для России владеть на юге морем»⁶⁵. Вошли в «Энциклопедию» также статьи о Б.-К. Минихе, П.П. Ласси, М.И. Леонтьеве и других, но они носят фактологический характер. Не содержала каких-либо новых положений и статья о П.П. Ласси, опубликованная в «Русском биографическом словаре»⁶⁶.

В советский период среди историков единственно верным стало считаться негативное отношение к царствованию и всему политическому курсу Анны Иоанновны. Соответственно, отрицательно оценивались личность и деятельность Б.-К. Миниха, состояние вооруженных сил, итоги войны 1736–1739 гг.

Чрезвычайно показательны в этом отношении комментарии к соответствующему тому «Истории России» С.М. Соловьева, вышедшему в 1963 г. Составил их научный сотрудник Института истории АН СССР С.М. Троицкий (1930–1976), специализацией которого была, преимущественно, история финансов. Полностью соглашаясь с Соловьевым во всем, что касалось критики режима Анны Иоанновны, комментатор не принял и резко осудил любые положительные оценки. «Известно, – безапелляционно заявлял Троицкий, – что именно в 30-х годах XVIII в., когда всей внутренней и внешней политикой России ведали Остерман, Миних и их приближенные, пришли в упадок армия и флот, где Миних насаждал прусскую систему обучения, сводившуюся к муштре и увеличивавшую тяжесть службы для солдат»⁶⁷.

Несколько ниже комментатор утверждает, что война «затянулась» из-за «бездарности фельдмаршала Миниха и других иностранцев, занимавших высшие посты в русской армии»⁶⁸.

Сходным образом характеризуется Б.-К. Миних в «Советской военной энциклопедии» 1970-х гг., где говорится, что он

«полководческими талантами не обладал» и «в военной деятельности следовал устаревшим немецким образцам, отказывался от принципов военного искусства и обучения войск, введенных Петром I»⁶⁹. Выводы Байова оказались полностью забыты и отброшены, советские историки, осознанно или неосознанно, заняли позицию Масловского.

Вполне понятно, что Русско-турецкая война 1736–1739 гг. оказалась на периферии научных интересов: едва ли можно было обнаружить крупные успехи у войск, действующих под началом «бездарного» Миниха.

Тем не менее, отдельные аспекты проблемы все же получали освещение, как правило, в контексте исследований по смежной тематике. Так, военная помощь русской армии со стороны населения Молдавии и Валахии была освещена в диссертационном исследовании⁷⁰ и небольшой монографии⁷¹ Е.Б. Шульмана. Совместные действия против турок и крымских татар изучал В.Б. Вилинбахов⁷². Очень интересна работа военного медика С.А. Семеки, посвященная военно-медицинской службе в армии Миниха⁷³. Дипломатическая борьба периода войны нашла отражение в монографии Г.А. Некрасова⁷⁴. Отдельные вопросы организации и действий армии в 1730-е гг. раскрывали авторы, писавшие о российской военной истории XVIII в. в целом (например – Л.Г. Бескровный)⁷⁵.

Однако в целом интерес к теме у специалистов оставался небольшим. В итоге для широкой публики чуть ли не основным источником по военной и политической истории правления Анны Иоанновны стал роман В.С. Пикуля «Слово и дело», который отличала яркая, но очень вольная трактовка фактов.

В последние годы интерес к событиям 1730-х стал явно усиливаться. Среди недавно опубликованных работ, затрагивающих военный аспект темы, стоит упомянуть монографию и статью Н.Н. Петрухинцева⁷⁶. Его оценка итогов войны достаточно традиционна и базируется на идее несоразмерности потерь территориальным приобретениям: «Ценой пятилетнего напряжения сил стал лишь Азов (который не разрешалось укреплять) и расширение границ России на несколько верст в степи. Тяжелейшая для России война закончилась ничем»⁷⁷. Тем не менее, Петрухинцев признает заслуги армии: «Кинбурн, Очаков, Хотин тогда впервые покорились силе русского оружия»⁷⁸.

Очень существенным вкладом в изучение Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. стала монография С.Г. Нелиповича «Союз двухглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.» (2010)⁷⁹. Соответственно заявленной теме, автор очень подробно рассматривает процесс выработки условий союза и плана совместных действий России и Австрии в войне с Османской империей. Приведенные им данные ясно показывают, насколько пагубным для союзников стало отсутствие единства по важнейшим политическим вопросам. При этом «свокорыстие и неготовность к компромиссам» проявляли ведущие политики обеих держав⁸⁰. Очень ясно и убедительно показал Нелипович также тесную взаимосвязь русско-австро-турецкой вооруженной борьбы и конкуренции между Австрией и Францией за ведущую роль в Европе.

Тем не менее, история Русско-турецкой войны 1736–1739 гг. еще нуждается в самом пристальном и внимательном изучении, результаты которого явно будут способствовать более ясному пониманию важных закономерностей истории отечественного военного искусства и международной политики XVIII в.

¹ Глиноецкий Н.П. История Русского генерального штаба. Т. 1 (1698–1825). СПб., 1883. С. 359–363.

² Там же. С. 359.

³ Там же. С. 363.

⁴ Бурхард Христофор Миних. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е–1760-е годы). Л., 1997. С. 53.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ Эрнст Миних. Записки // Безвременье и временщики... С. 149.

⁷ Там же. С. 150.

⁸ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С. 86.

⁹ Манштейн Х.Э. Записки о России. 1727–1744 гг. СПб., 1875. 399 с.

¹⁰ Он же. Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997. С. 63.

¹¹ Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах // Русский архив. 1878. Кн. 1. Вып. 3. С. 255–274.

¹² Нащокин В.А. Записки Василия Александрова, сына Нащокина. СПб., 1842. 385 с.

¹³ Глиноецкий Н.П. История Русского генерального штаба. Т. 1. С. 363.

¹⁴ Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. Ч. 2. СПб., 1820. 740 с.

- ¹⁵ Висковатов А.В. Военные действия российского гребного флота, под начальством вице-адмирала Бредаля на Азовском море в 1736, 1737 и 1738 годах. СПб., 1830. 43 с.
- ¹⁶ Зотов Р.М. Военная история Российского государства. Ч. 3. СПб., 1839. 91 с.
- ¹⁷ Баиов А. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны. СПб., 1906. Предисловие. С. XXVII.
- ¹⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. СПб., 1840. С. 177–202, 203–215.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 189.
- ²¹ Там же. С. 201.
- ²² Военный энциклопедический лексикон. Ч. XIII. СПб., 1849. С. 83–91.
- ²³ Там же. С. 83
- ²⁴ Там же. С. 85
- ²⁵ Там же. С. 91.
- ²⁶ Там же. Ч. VIII. СПб., 1844. С. 95–97.
- ²⁷ Там же. Ч. IX. СПб., 1845. С. 49–54.
- ²⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 20. М., 1963. С. 427–428.
- ²⁹ Там же. С. 443–444.
- ³⁰ Там же. С. 462.
- ³¹ Костомаров Н.И. Фельдмаршал Миних и его значение в русской истории // Вестник Европы. 1884. Т. XIX. Кн. 8. С. 510–560; Кн. 9. С. 5–57.
- ³² Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. I. Трактаты с Австрией. 1648–1762. СПб., 1874. 367 с.
- ³³ Энциклопедия военных и морских наук. Т. VII. СПб., 1895. С. 589.
- ³⁴ Там же. С. 591.
- ³⁵ Там же. С. 593.
- ³⁶ Там же. Т. IV. СПб., 1888. С. 425–430.
- ³⁷ Там же. С. 510–512.
- ³⁸ Там же. Т. V. СПб., 1891. С. 166–168.
- ³⁹ Масловский Д.Ф. Русское военное дело при фельдмаршале Минихе // Военный сборник. 1889. № 7–8. С. 163–187.
- ⁴⁰ Он же. Атака Гданьска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года. Сборник реляций графа Миниха. М., 1888. 268 с.
- ⁴¹ Энциклопедия военных и морских наук. Т. V. СПб., 1891. С. 168.
- ⁴² Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. 1683–1762 год. СПб., 1891. 470 с.
- ⁴³ Там же. С. 177–205.
- ⁴⁴ Там же. С. 218.
- ⁴⁵ Там же. С. 206.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С. 218.
- ⁴⁸ Там же. С. 219.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Ставучанский поход. Документы 1739 г. СПб., 1892. 212 с.
- ⁵¹ Всеподданнейшие донесения графа Миниха. Ч. 1. Донесения 1736 и 1737 гг. СПб., 1897. 331 с.; Ч. 2. Донесения 1737 и 1738 гг. СПб., 1899. 517 с.; Ч. 3.

Донесения 1739 г. и генералитетские рассуждения. СПб., 1903. 408 с.

⁵² Там же. Ч. 1. Вместо предисловия. СПб., 1897. Б.с.

⁵³ Кочубинский А.А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории Восточного вопроса: Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. 615 с.

⁵⁴ Приказы графа Миниха за 1736–1738 гг. СПб., 1904. 359 с.

⁵⁵ Баиов А. Русская армия...

⁵⁶ Там же. Последний год войны. СПб., 1906. 304 с.

⁵⁷ Баиов А. Русская армия... Первые три года войны. Предисловие. С. VII.

⁵⁸ Баиов А. Русская армия... Последний год войны. С. 300.

⁵⁹ Там же. С. 302.

⁶⁰ Там же. С. 304.

⁶¹ Баиов А.К. Курс истории русского военного искусства. Вып. III. Эпоха Миниха. СПб., 1909. 97 с.

⁶² Там же. С. 90–91.

⁶³ Там же. С. 90.

⁶⁴ Военная энциклопедия. Т. XV. СПб., 1914. С. 425–430.

⁶⁵ Там же. С. 430.

⁶⁶ Русский биографический словарь. Т. X. СПб., 1914. С. 80–86.

⁶⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 20. С. 733.

⁶⁸ Там же. С. 746.

⁶⁹ Советская военная энциклопедия. Т. V. М., 1978. С. 297.

⁷⁰ Шульман Е.Б. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. и политические связи Молдавии и Валахии с Россией. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1963. 21 с.

⁷¹ Шульман Е.Б. Русско-молдавское боевое содружество. 1735–1739. Кишинев, 1962. 67 с.

⁷² Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского военного сотрудничества. Нальчик, 1977. 231 с.

⁷³ Семяка С.А. Военно-медицинская организация вооруженных сил Российской дворянской империи XVIII века во время русско-турецкой войны 1735–1739. М., 1955. 30 с.

⁷⁴ Некрасов Г.А. Россия в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976. 320 с.

⁷⁵ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. 645 с.

⁷⁶ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. 352 с.; Его же. Война с пространством // Родина. 1998. № 5–6. С. 62–66.

⁷⁷ Петрухинцев Н.Н. Война с пространством // С. 66.

⁷⁸ Там же. С. 63.

⁷⁹ Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. 408 с.

⁸⁰ Там же. С. 272.

*А.В. Михайлов, Г.В. Малахов (Тула),
А.А. Портупеев (Москва)*

«ВОЙНА И МИР» ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА (ПРОИЗВОДСТВО, ТЕХНОЛОГИИ, ЛЮДИ В 1800–1830 ГОДАХ)

В 1805–1815 гг. Россия практически непрерывно участвовала в войнах. Часто две-три войны шли одновременно на различных театрах боевых действий: Русско-персидская война 1804–1813 гг.; Русско-турецкая 1806–1812 гг.; Русско-шведская 1808–1809 гг.; Русско-французские 1805–1807, 1812, Заграничные походы 1813–1814 гг. За 10-11 лет Россия провела почти 24 года войны.

Войны требовали непрерывного пополнения численности армии и усиленного снабжения оружием, в особенности стрелковым. С 1805 по 1812 гг., по сведениям из различных источников, численность армии увеличилась с 489 тыс. до 716, 4 тыс. За 1812–1813 гг. по рекрутским наборам в армию набрано около 420 тыс. рекрутов, вступило в ополчение более 230 тыс. человек ¹.

Кроме вооружения новой военной силы требовалось восполнение оружия, утерянного во время сражений и маршей.

Основным поставщиком стрелкового оружия на протяжении столетия, предшествующего Отечественной войне 1812 г., был Тульский оружейный завод (ТОЗ).

В каком же состоянии находились организационные, технические и технологические ресурсы завода? Какова была интенсивность труда (выполнение установленных норм) основных специалистов-оружейников?

Несмотря на попытки государства поднять уровень тульского оружейного производства, к концу XVIII в. оно находилось в бедственном положении. Основные причины этого, связанные

с просчетами в планировании переустройства завода, недостатками технологий, оборудования и организации производства, были вскрыты при вступлении в 1796 г. в должность начальника ТОЗа генерал-майора князя П.П. Долгорукова.

Они состояли в следующем:

во-первых, план по перестройке завода, выработанный комиссией, созданной для рассмотрения состояния Тульского оружейного завода в 1782 г., был составлен с большими просчетами. По выражению П.П. Долгорукова, «оной план был сделан весьма недостаточен по числу мастеровых к деланию ежегодно потребного оружия, а к тому и смета положена была тогдашним ценам весьма малыми противу нынестоящих».

Во-вторых, попытки реализовать этот план оставляли желать лучшего: «Сии причины и безхозяйственное управление были виною, что не только строение не начато, но даже и материалов в заготовлении никаких нет...»

В-третьих, оборудование производства сильно устарело, как физически, так и морально: «Машины при заводе... совершенно неудобны, тяжелы, требующие много воды и в действии мешкаты и не верны».

В-четвертых, организация технологии машинной обработки и поточного производства не выдерживала никакой критики: «...как-то для сверления стволов находится шестьдесят станков, но для точения тех же стволов, шемполов, штыков, тесаков, сабель... точил имеется только четыре,.. также и шлифовальных кругов было только четыре... Прочия же работы в изделии оружия производятся ручным инструментом и глазомером, хотя бы много из оных подлежало... для верности и успеху дела производить механическими инструментами».

В-пятых, недоставало вододействующего оборудования для производства качественного металла: «Для делания стали имеются только два больших молота, а два тягольные, которыми потребного количества для заводу стали в настоящей доброты выделатъ невозможно».

В-шестых, имелись серьезные упущения в организации работ по цехам и в разделении цехов по производствам: «Существование цехов есть только пустое название без всякаго установления и порядка. Нет в оных ни учеников, ни подмастерьев, а все именуются и сознаются мастерами, от чего и происходит важнейшая причина

нерадивости к достижению настоящего искусства в ремесле, да и само разделение цехов не соответствует настоящему и нужному соделанию оружия., например, ствольный цех разделился... на шесть частей, и ныне имеет каждый своего старшину». То есть разделенные, вопреки технологическим требованиям производства, «заварщики», «сверлельщики», «тотчики», «приседчики», «чистильщики» и «присадчики» без единоначалия не стремились выполнять работу качественно. При такой организации мастер, выполняя свою работу, не был уверен в том, что изготовленный ствол будет принят и он получит свою заработную плату. То есть мастер «не только не поощряется к наилучшему отработанию его изделия, но, не имея надежности в вознаграждении его трудов, отделяет как-нибудь и отдает в последующие цехи на авось-либо».

О количестве оружейников, занятых в производстве, и их квалификации Долгоруков сообщает следующее: «По последней пятой ревизии всех оружейников считается 5375 душ, из которых в цехах мастеров по списку состоит 2646 человек, в настоящей работе занято только 1885 человек, прочие же частью находятся в отпусках, а частью, хотя и состоят в списках цеховых мастерами, но совершенно с самой своей молодости никогда в следующих им ремеслах не упражнялись, а занимались сидельцами в лавках, питейных домах и прочими посторонними промыслами, не доставляя не только казне никакой пользы, но и собственному своему обществу никаких выгод».

Он указывает и на стремление оружейников увеличить штучное время на основных технологических операциях при назначении расценок на работы. Это приводило к значительному снижению производительности: «В присутствии ... комиссии учинена была проба заварки стволу, и на оной употреблено ... времени 10 часов, но столько сколько мне в сие короткое время удалось сделать опытов в заварке ствола с достоверностию могу сказать, что лишняго ... времени по крайней мере втрое, чем в настоящем деле долженствуе быть»².

Наиболее важные меры, которые предпринял генерал-майор Долгоруков для улучшения организации производства, это разделение всех оружейников на 5 цехов: ствольный, замочный, белого оружия, приборный и ложевой. В состав первых трех цехов входило по 20 артелей, а двух последних – по 10 артелей оружейников. Отдельно была создана артель стальных мастеров, которая

готовила металл для всех производств. При этом ежегодно из среды оружейников выбирались старосты цехов и старшины артелей, которые отвечали за качество произведенного оружия и выполненные нарядов.

Предполагалось, что артели, выполняя заказы, будут работать понедельно, с тем, чтобы в экстраординарных условиях выпуск оружия мог быть резко увеличен. При этом создавались условия для того, чтобы мастера могли подрабатывать на стороне.

Главнейшим принципом организации производства стало нормирование всех работ, то есть выполнение «временными уроками»³.

Вызывало нарекания и качество изготавливаемых ружей. Так, император Павел I в 1797 г. писал начальнику завода П.П. Долгорукову: «Господин генерал-майор князь Долгоруков. Ружья, сделанные на Тульских заводах для полков Гвардии, без починки к употреблению негодны, то ежели вы в армию подобные сим отпустите и об этом дойдет рапорт, то задельные с вас деньги взысканы быть имеют».

Или: «Ружья для войск делаются не самими мастерами, но их работниками и мальчиками, от чего они большею частью к употреблению негодны, то и повелеваю вам наблюдать, чтобы сами мастера в делании ружей упражнялись, под опасением взыскания на вас за всякую неисправность»⁴. Хотя решение о постройке нового завода по планам П.П. Долгорукова не состоялось и имелись нарекания на качество изготовленных при нем ружей, по количеству произведенного оружия производство достигло некоторых успехов.

Это произошло благодаря улучшению организации производства⁵. Но основные – технологические – проблемы не были решены.

Для повышения производительности требовалась коренная модернизация гидротехнического и вододействующего технологического оборудования завода, установка специальных станков на технологических операциях. Была необходима постройка новых каменных зданий для размещения рабочих мест оружейников.

Для оценки состояния завода в 1800 г. в Тулу командирован видный организатор заводского производства, специалист горного дела и металлургии обер-берггауптман А.Ф. Дерябин. Он

установил, что на ремонт зданий и мастерских понадобится сумма в 1 700 000 р. По мнению А.Ф. Дерябина, было целесообразнее данное предприятие упразднить, а всех местных оружейников перевести на другой завод. Но правительство на это не решилось⁶.

В декабре 1800 г. вместо Долгорукова командиром завода назначен генерал-лейтенант Ф.А. Эккельн. При нем было начато строительство каменных зданий.

В 1803 г. учрежден особый комитет для переустройства завода. Его деятельностью руководил командир завода.

В 1804 г. командиром завода назначен генерал-майор В.Н. Чичерин. Благодаря его энергичной деятельности по централизации производства в 1807–1810 гг. на заводе были построены большие каменные здания: корпус оружейного правления, приемная палата, механическая мастерская, с помещением для паровой машины, и корпуса кузнечных мастерских. Перестроены гидротехнические сооружения.

В 1810 г. был утвержден проект паровой машины мощностью 26 л/с, разработанный генерал-лейтенантом А.А. Бетанкуром.

В 1810 г. на должность командира завода назначен генерал-майор Ф.Н. Воронов.

Производительность завода и качество оружия обеспечиваются применяемыми технологиями.

Одной из важнейших и самых сложных операций в процессе производства ружья было изготовление стволов. При этом изготовление ствольной трубки и ее заварка являлись лимитирующими операциями.

В «Описании Тульского оружейного завода...» И.Х. Гамель приводит технологию изготовления ствольных заготовок, применявшуюся на заводе примерно до 1817 г. По этой технологии ствол изготавливался из двух частей: ствольной и казенной, которые объединялись кузнечной сваркой.

Технология включала операции «пробивки досок», сгибания их в трубки, кузнечной заварки трубок по швам и их соединения.

«Пробивка досок» заключалась в проковке металла из прутков в тонкие полосы. При проковке заваривались трещины, выводились раковины и инородные включения. По технологии «пробивки» «отковываются ручными балдами две половинки доски, из коих потом заваривается ствол; и то и другое производится мастерами в домашних кузницах...».

Согласно этой технологии, «ствольный заварщик отсекает зубилом от обыкновенной железной полосы кусок, длиною около четырнадцати вершков, который разрубает опять пополам.

Для сделания досок, оба куска полоснаго железа кладутся в горн так, чтобы у обоих одна половина нагревалась до красна. Сперва, половина того куска, который назначен для дула растягивается на носике наковальни четырьмя двенадцати фунтовыми балдами. Кусок, назначенный для казенного конца, меньше растягивается в длину...

По нагревании и другой половины обоих кусков, растягивается вторая половина дульного куска, точно так же, как и первая, а верхняя половина казенного куска растягивается в длину несколько более, нежели нижняя; верхний же онаго конец делается одинаковой ширины с нижним концом дульной части, к которой оный должен быть привариваем.

Сплюснутыя таким образом полосы называются досками или платинками. При делании платинок нужно пять человек. Мастер держит клещи, а четыре работника (молотобойцы) бьют балдами; из них один действует мехами; иногда имеется особый пятый работник для действия мехами». Для «пробивания» двух досок требовалось около получаса времени.

Далее следовало сгибание ствольной и казенной трубок. «Для согнутия платинок в трубки, кладутся оныя обе опять в горн, и через три минуты дульный конец обыкновенно уже бывает довольно нагрет для того, чтобы одну половину онаго можно было согнуть в трубку на наковальне балдами, весом в семь фунтов, причем левый край переходит несколько через правый.

По прошествии еще трех минут и верхняя половина казенной платинки бывает достаточно нагрета для того, чтобы согнуть оную подобным же образом; но тут левый край перекрывает правый, и следовательно, на середине трубки края образуют перекресток.

Делание двух трубок требует четверть часа времени; при сем бьют балдами только два человека, из коих один в остальное время дует мехами; мастер же кладет платинки в огонь и, по нагревании, представляет оныя молотобойцам помощью клещей».

Изготовив партию трубок, мастер приступал к их заварке. «В верхний конец дульной трубки втыкается деревянная палка, служащая вместо рукоятки, и трубка кладется в огонь, чтобы средняя часть оной лежала против самой формы (фурмы) и более прочих разогревалась...»

Разогрев всей трубки до степени «вара» не допускался, так как мастер успевал заварить до остывания лишь небольшой участок шва, длиной не более 75 мм. Кроме того, ствольный металл при неоднократных нагревах до высокой температуры разрушался... «По вынутии из огня молотобоец втыкает в ствол костыль...» Мастер забивал его в трубку вертикальными ударами о чугунную пластину на полу.

Затем «...мастер кладет трубку с костылем на узкую часть наковальни, то есть на носик, и молотобойцы, по его указанию, молотком бьют по оной балдами до тех пор, пока края совершенно не заварятся... По новом нагревании сей части, кладут оную опять,.. сперва с костылем, а потом без онаго, и не сильными, но весьма скорыми (частыми) ударами балдою более еще соединив края, и доставляют железу большую плотность».

Дальнейшую заварку осуществляют аналогично, нагревая трубку участками длиной по два-три дюйма. «Когда заваривание доходит до конца трубки, то перед каждым положением трубки в огонь, отверстие оной затыкается свежим коровьим калом, дабы воздух не мог коснуться внутренней части ствола и причинить угара».

На заваривание верхней части дульной трубки требуется около 45 минут. При этом необходимо 10–12 нагреваний. «...Заваривание второй половины дульной трубки требует не более получаса, ибо оно делается в три приема...»

После этого следовало объединение трубок. «...нижний конец дульной и верхний конец казенной трубок кладутся вместе в огонь, и первый расширяется на носике наковальни так, чтобы в оный можно было вставить вторый, что совершается посредством нескольких ударов по дульному концу, между тем, как казенный ставится на пол. По нагревании, свариваются оба конца вместе на костыле.

После сего свариваются постепенно края казенной трубки, начиная от того места, где она приваривается к дульной. Для сего обыкновенно нужно двенадцать нагреваний, и сверх того образование самой нижней восьмигранной части казенного конца требует еще шести особливых нагреваний. Чтобы заварить всю казенную трубку, потребно около часу времени.

Вообще кование досок и заваривание ствола требует три с четвертью часа времени... В сутки обязан каждый заварный мастер изготовить три ствола»⁷.

Эта операция производилась в домашних мастерских.

Механическая обработка наружной и внутренней частей ствола производилась в основном в заводских условиях на вододействующем оборудовании.

В конце XVIII столетия на Тульском оружейном заводе было изготовлено огнестрельного оружия: в 1797 г. – 24 438 единиц; 1798 г. – 45 438; 1799 г. – 43 388; в 1800 г. за 7 месяцев – 27 644.

До 1806 г. завод изготовлял в среднем 43–45 тыс. ружей в год.

В 1808 г. Тульский завод перешел на изготовление семилнейных ружей нового образца. С этого времени завод должен был давать ежегодно 59 616 ружей.

Увеличение выпуска оружия потребовало новых рабочих рук «по недостатку замочных, ложевых, а равно и других мастеров». В связи с этим были приняты экстренные меры. В 1807–1808 гг. в число оружейников были приписаны сначала 198 человек, числящихся по военному ведомству и знающих оружейное производство, а затем купленные по представлению генерал-лейтенанта Чичерина у обер-егермейстера Д.Л. Нарышкина 530 мастеровых с его бывших Алексинских заводов.

Также по представлению Чичерина правление завода через тульского губернатора обязывалось сделать объявление во всех губернских городах о приглашении на завод «мещан и другого звания казенного ведомства поселян, имеющих познание в оружейном мастерстве»⁸.

Хотя число рабочих рук увеличивалось, но из-за разлива водой и «ветхости машин» оружейники не работали по три-четыре месяца. Кроме того, до одного месяца уходило на заготовку материалов для починки поврежденных водой машин и их ремонт. Такие простои случались ежегодно.

В 1810 г. завод получил наряд на 146 тыс. ружей в год (приблизительно 12 167 в месяц), при этом 84 тыс. ружей завод должен был готовить в своих мастерских, а остальные должны были предоставить подрядчики – владельцы частных фабрик. Удалось заводу изготовить только 95 944 ружья. В 1811 г. завод изготовил 58 563, или около 4 880 в месяц.

К началу войны в тульских арсеналах хранилось 128 605 ружей. В первые дни войны в армию было направлено 128 481 ружье.

В 1812 г. наряд для казенных мастеровых составлял 7000 ружей, для частных фабрикантов – 3000 новых ружей и 3000 переделанных

из «старого оружия», то есть всего 13 000 ружей в месяц. В 1812 г. завод вместе с частными фабрикантами изготовил около 127 000 ружей, в 1813 г. – 122 667 новых и 18 306 переделанных ружей.

Большой наряд частным производителям на переделку старого оружия и ремонт сломанного привел к тому, что тульские оружейники скупали у населения брошенное и отбитое французское оружие. Чтобы выдать французское ружье в числе наряда за русское, с него спиливали иностранные клейма и выбивали свои. Причем туляки начали скупать оружие еще до официального указа об организации сбора оружия.

За годы войны с 1812 по 1815 гг. оружейники Тулы – государственный завод вместе с частными фабриками – изготовили 496 524 ружья⁹.

Оценим напряженность труда ствольных заварщиков, которые выполняли операцию, лимитирующую весь технологический процесс изготовления ствольной заготовки. Исходными данными для этого являются наряды на изготовление ружей, штучное время на заварку ствола и суточная норма времени.

Несмотря на увеличение общего числа оружейников, количество наиболее квалифицированных специалистов – ствольных заварщиков – в это время было не более 150–200 человек. Таким образом, при месячном наряде в 7000 ружей на каждого заварщика приходилось по 50–35 стволов. В сутки без учета брака они могли заваривать по 1-2 ствола, вместо 3-4 по норме. Однако, с учетом брака, до 50 % которого было при заварке, оружейники для выполнения месячного наряда должны были изготавливать не менее 3-х стволов. Это соответствовало суточной норме. Но значительную интенсификацию труда при выполнении основной работы вызывало отвлечение оружейников на ремонт вододействующего оборудования. То есть выполнение заказов 1812–1815 гг. требовало от оружейников весьма напряженной работы (ручной на большинстве основных технологических операций).

Однако в 1820–1830-х гг. деятельность по оснащению ружейных технологий машинным оборудованием и более совершенными инструментами активизируется. Вводятся специальные станки для обработки отдельных поверхностей ружейных деталей (стволоточарные, стволосверлильные, шустовальные, для нарезки казенных винтов, шлицепорезные и пр.). Прогрессирует оборудование для горячей обработки металлов (внедряются станы для прокатывания

ствольных пластин и ствольных трубок и штамповка замочных деталей). Предпринимаются попытки к совершенствованию металлургического производства.

В 1823–1825 гг. имелось более 350 единиц технологического оборудования. Из них покупных станков не более 10 единиц. Остальные были изготовлены на заводе в 1817–1825 гг., то есть в очень незначительные сроки¹⁰.

В послевоенном описании Тульского оружейного завода, составленном И. Гамелем в 1826 г., говорится, что «..искусственная часть онаго находится на такой степени совершенства, каковая не существует даже на лучших оружейных фабриках Англии».

Несомненно, положительную роль в развитии завода сыграло его присоединение к Артиллерийскому департаменту в 1812 г. и направление на завод в предвоенное и послевоенное время опытных, хорошо подготовленных в техническом отношении артиллеристов. Некоторые офицеры поступали на завод в рамках приказа вице-директора Артиллерийского департамента «О неопределении никого на места, которые предназначены для раненых штаб- и обер-офицеров». Согласно этому приказу, на заводе были выделены места на административные и технические должности.

На завод также принимались бывшие, особо отличившиеся во время войны, нижние чины – люди надежные, проверенные войной.

С 1817 по 1820-е гг. на завод были назначены или поступили по собственному желанию на административные или технические должности участники Отечественной войны командир завода артиллерии генерал-майор Штаден, помощник командира по искусственной части артиллерии полковник Радожицкий, помощники командира завода по хозяйственной части артиллерии полковники Андреев и Тагайчинов, смотрители ствольного цеха артиллерии подполковник Карпов и капитан Карачаров. На заводе работали уволенные из армии «за ранами» или по болезни георгиевские кавалеры: смотрители работ штабс-капитан Макаров, смотрители арсенала поручики Попов, Королев и Чесноков, заводской пристав штабс-капитан Гордеев, имевшие различные награды за войну классные военные чиновники Эйманов, Гаврилов, Кин, Брезгун, Аристов, Тришкин, Глаголев, Егоров, Рыбаков, Ивашкин¹¹. В заводской артиллерийской роте служили участники Бородинского сражения бомбардиры Журавлев, Апорин, Каримов¹².

Несмотря на то что Тульский оружейный завод, в основном, справился с государственными нарядами на поставку оружия, война обнажила отсталость завода. И. Гамель, отмечая высокую технику Тульского завода, указывал на ветхость и недостаточность многих его строений. Завод, не получая необходимых ассигнований, оставался почти сплошь деревянным, с беспорядочно разбросанными мастерскими и устарелой водяной системой. Но в то же время война дала толчок для совершенствования организации оружейного производства, его техники и технологий.

¹ Керсновский А.А. История русской армии в 4 т. Т. 1. М.: Голос, 1992. С. 204.

² Юркин И.Н. Тульские оружейники: Сборник документов. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 219–230.

³ Зыбин С.А. История Тульского Императора Петра Великого оружейного завода. М., 1912. С. 298.

⁴ Там же С. 156–157.

⁵ Афремов И.Ф. «История Тульского края (историческое обозрение Тульской губернии)». Тула: Приок. кн. изд-во, 2002. С. 140–141.

⁶ Соловьев А.М. В память столетнего юбилея основания Ижевского оружейного завода 1807–1907 г. СПб., 1907. С. 26–27.

⁷ Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 133–136.

⁸ Юркин И.Н. Указ. соч. С. 234.

⁹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 277–279.

¹⁰ Зыбин С.А. Указ. соч. С. 272.

¹¹ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6062.

¹² Там же. Д. 1154. Л. 1–7.

А.В. Михайлов, В.В. Птицын (Тула)

**МЕТАЛЛОРЕЖУЩИЕ И ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО
ЗАВОДА (ПАМЯТНИКИ НАУКИ И ТЕХНИКИ
ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ДЕЛА ТУЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Н А КАФЕДРЕ «Инструментальные и метрологические системы» Тульского государственного университета хранится уникальная коллекция режущего и измерительного инструмента. В ней представлен инструмент, произведенный в течение последних ста и более лет как в России, так и за рубежом. Это резцы и фрезы различного назначения; инструменты для обработки отверстий – сверла, развертки, зенкеры, протяжки, прошивки; резьбообразующие инструменты – метчики, плашки, резьбонарезные и резьбонакатные головки; зуборезные инструменты – фрезы, долбяки, шеверы, накатники; измерительные инструменты – микрометры, штангенинструменты, калибры.

Коллекция была основана в 1930 г. при организации Тульского механического института на одной из его кафедр – «Металлорежущие инструменты». Уникальность коллекции состоит в том, что она создана и систематизирована специалистами-инструментальщиками высочайшей квалификации. Сохраненные в коллекции предметы отражают как историю развития инструментального производства, так и историю тульской инструментальной научной школы.

В 2000 г. на базе кафедральной коллекции был создан Музей истории развития инструментального дела.

Почетное место в музее занимают инструменты для изготовления деталей стрелкового оружия, произведенные на Тульском

оружейном заводе (ТОЗ) – фасонные резцы и фрезы, ствольные сверла, инструменты для получения нарезов в стволах – шпалеры, резцы для копировальной обработки ложей, калибры для контроля различных частей стрелкового оружия. Имеются клейма, которыми маркировалась продукция ТОЗа и матрицы для их изготовления.

Весь музейный инструмент находится в рабочем состоянии. Любой из инструментов, предназначенных для обработки деталей пехотной винтовки образца 1891 г. либо револьвера системы Нагана, или пулемета «Максим», можно установить на соответствующий станок и успешно произвести обработку нужной заготовки.

Эти инструменты являются своеобразными документами эпохи, носителями историко-культурной информации по взаимодействию человека с металлом, по развитию технологических приемов и процессов оружейного производства. Metallорежущий инструмент, как никакой другой, раскрывает наивысшие достижения в сфере технологии обработки металлов. Это овестьественная сила знания.

Систематизация и атрибуция представленного в музее инструмента потребовали изысканий в архивном фонде ТОЗа, связанных с расшифровкой инструментальных клейм. Анализ заводской документации и сопоставление архивных чертежей инструментов с натуральными образцами, хранящимися в музее, позволили определить назначение инструмента, вплоть до конкретной операции, на которой он использовался, время его изготовления, установить его проектировщиков и прочих лиц, работавших в инструментальном производстве ТОЗа.

К примеру, сопоставляя образцы с клеймами «КРБ ПРМ» и чертежи из архива, по которым инструменты были изготовлены, удалось установить назначение инструментов. Фрезы с такими клеймами применялись для изготовления деталей коробки приемника пулемета «Максим» в 1912 г. Чертежи были подписаны начальником инструментальной мастерской гвардии полковником Груевым (после 1917 г. директор-распределитель ТОЗа).

В музее имеются инструменты и копии их чертежей 1900–1917 гг., подписанные известными инженерами-оружейниками того времени. В том числе есть чертежи, подписанные будущим основателем кафедры «Металлорежущие инструменты» Тульского механического института, а в те годы зам. заведующего инструментальной

мастерской подпоручиком И.И. Мироненко. С 1924 г. он занимал должность начальника инструментального отдела, а в 1930 г. был приглашен заведовать кафедрой во вновь создаваемом вузе.

Институт должен был готовить специалистов оружейного производства. Оружейный инструмент, переданный на кафедру с ТОЗа в качестве дидактического материала именно И.И. Мироненко, составил основу коллекции.

Помимо специального инструмента, изготовленного заводом, в коллекции кафедры имеются универсальные режущие и измерительные инструменты известнейших зарубежных фирм, которые также использовались в оружейном производстве. Архивные исследования позволили определить их производителей. Это немецкие и американские фирмы: Ludv. Loeve, Morze, Carl Mahr, Alig&Baumgartel, Carl Zeiss, Brown&Sharp и пр.

Таким образом, была получена информация не только о технических характеристиках, назначении и истории развития образцов различных видов инструментов, но и о специалистах, работавших в разные годы в инструментальном производстве ТОЗа.

По данным Политехнического музея (Москва), столь квалифицированно собранная коллекция редкого металлорежущего и измерительного инструмента является одной из немногих в России.

С точки зрения памятниковедения науки и техники, коллекция металлорежущего инструмента – это часть историко-культурного наследия, малоизвестная для широкой публики, но функционирующая среди узкого круга специалистов: инженеров-инструментальщиков, инженеров-механиков, технологов и конструкторов, ученых-специалистов в области обработки металлов и проектирования инструментов, преподавателей и студентов машиностроительных специальностей вузов.

Систематизированной коллекции инструментов, как памятнику культуры, присущи особые научные, образовательные и воспитательные функции. В научном и образовательном плане наличие материальных объектов дает возможность с помощью конкретного анализа описать динамику и характерные особенности развития конструкций инструментов и технологий их изготовления. Это позволяет современным инженерам-инструментальщикам и ученым иметь основы для правильного прогнозирования будущего своей отрасли науки и техники, а также избежать вторичного поиска и переоткрытия технологий.

В воспитательном плане исследование эволюции металлорежущего инструмента на базе его натурального ряда, представленного в коллекции, дает возможность понять студентам, что уровень современных достижений в области инструментального дела зависит не только от результатов труда современников. Он во многом обусловлен достижениями как непосредственных предшественников, так и отдаленных предков. Что, в свою очередь, стабилизирует человека во времени, в историческом процессе, развивает его чувство ответственности перед собственным прошлым и будущими поколениями.

В связи с этим и в целях обеспечения сохранности музейного собрания возникла необходимость придания наиболее ценным образцам режущего и измерительного инструмента статуса памятников науки и техники.

По мере проведения вышеописанных исследований, их результаты представлялись на рассмотрение в Экспертный совет при Политехническом музее (Москва).

По оценке Экспертного совета к настоящему времени 14 образцам режущего и измерительного инструмента был присвоен статус памятника науки и техники, что подтверждено специальными сертификатами. Сертификаты удостоверяют, что инструменты – памятники науки и техники – как национальное культурное достояние России, являются объектом охраны государства согласно действующему законодательству. Сведения о них включены в Банк данных «Памятники науки и техники России».

А.А. Михайлов, Е.Е. Райконен (Санкт-Петербург)

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Н АРЯДУ с вооруженными силами в Российской империи существовали военизированные формирования, входившие в состав различных ведомств и выполнявшие те или иные функции, связанные с защитой государственных интересов. Среди них видное место принадлежало Пограничной страже, которая предназначалась для предотвращения незаконного пересечения границ, в первую очередь – для борьбы с контрабандой. При этом на протяжении почти столетия Пограничная стража в кадровом и организационном отношении была тесно связана с армией, так что факты ее истории важны не только для изучения таможенной службы, но и для анализа истории военного дела и вооруженных сил.

Первые попытки правительства придать Пограничной (таможенной) страже правильную организацию относятся ко второй половине XVIII в. ¹ В 1754 г., в ходе таможенной реформы, предпринятой по инициативе П.А. Шувалова, были определены обязанности объездчиков (конных) и стражников (пеших), которые направлялись таможенными на границу. Комплектовались эти команды на добровольной основе и предназначались только для борьбы с контрабандой. В военном отношении границу защищали части регулярной армии и, прежде всего, ландмилиция.

В 1782 г. императрица Екатерина II издала указ «Об учреждении особой таможенной цепи и стражи для отвращения потаенного провоза товаров»². Согласно ему, для каждой пограничной губернии вводился четко определенный штат таможенных объездчиков, исходя из протяженности границы: два объездчика на 10 верст ³.

Контролировать исполнение объездчиками их обязанностей должны были таможенные пограничные надзиратели (по 1 чел. на 50 верст границы), которым присваивались гражданские «классные» чины⁴.

Указ Екатерины II сыграл значительную роль в улучшении организации таможенной стражи, но не изменил принципа ее комплектования: набор объездчиков и надзирателей по-прежнему производился по вольному найму.

После организации в 1802 г. Министерства финансов таможенные учреждения, включая стражу, были подчинены входившему в его состав Департаменту внешней торговли. В 1811 г. реорганизации подверглось местное управление: возникло 11 таможенных округов во главе с начальниками, которым, среди прочего, поручалось и руководство стражей («Вся Таможенная стража в Округе находящаяся подчиняется непосредственно начальнику таможенного округа»)⁵.

Принятый в 1819 г. «Таможенный устав по европейской торговле» четко разделил обязанности собственно таможенников и стражи: «Таможенная стража не должна взимать никаких пошлин или поборов. Долг ее состоит единственно в строгом соблюдении границы»⁶. Относительно комплектования штатов стражи в уставе говорилось, что объездчики «предпочтительно избираются из отставных воинской службы нижних чинов, имеющих аттестат о похвальном поведении»⁷.

Однако реализовать предложенную меру оказалось непросто. В июне 1822 г. министр финансов Д.А. Гурьев подал императору Александру I доклад, содержащий суровую критику сложившейся системы пограничной службы. По утверждению министра, военное ведомство направляло в стражу преимущественно тех «нижних чинов», которые стали негодны к полевой службе, но такие объездчики и стражники оказывались неспособны и к обязанностям по охране границы, «требующим неусыпной деятельности и расторопности»⁸. Не лучше обстояло дело с лицами, поступившими на службу добровольно. Некоторые из них, утверждал Гурьев, «идут в объездчики с намерением способствовать тайному водворению товаров по связям, родству и знакомству с приграничными жителями...»⁹

Одной из мер, способной исправить положение, по предложению министра должно было стать пополнение штатов объездчиков

солдатами и унтер-офицерами регулярной кавалерии. Александр I утвердил предложение Гурьева: рядовой состав таможенной стражи стал комплектоваться за счет «полковых воинских нижних чинов»¹⁰. Тем не менее, командные функции в ней по-прежнему осуществляли таможенные надзиратели, носившие гражданские чины.

Инициатором новой реорганизации таможенной стражи выступил министр финансов Е.Ф. Канкрин. В 1827 г. было утверждено разработанное по его инициативе «Положение об устройстве пограничной таможенной стражи»¹¹. Согласно ему, вся стража сводилась в 4 бригады и 7 полубригад, которые подразделялись на роты. Командовать ими должны были офицеры в чинах не ниже капитана (бригады, полубригады, отдельные роты) и штабс-капитана (неотдельные роты). Роты, в свою очередь, делились на отряды, во главе которых стояли таможенные надзиратели. Выполняя, по сути дела, функции младших офицеров, они сохраняли гражданские чины.

Гражданскими оставались также начальники таможенных округов, которым по «Положению» безусловно подчинялись все командиры частей Пограничной стражи: «Командующие бригадами, полубригадами и отдельными ротами офицеры состоят при начальниках таможенных округов в полной от них зависимости, как и самая стража...»¹²

Таким образом, сложилась довольно странная ситуация: командиры частей стражи, будучи офицерами, подчинялись гражданским начальникам округов и отдавали приказы гражданским таможенным надзирателям. Частичное разрешение проблемы произошло в 1841 г. Император Николай I утвердил предложение министра финансов Ф.П. Вронченко о приеме на должности надзирателей и их помощников исключительно офицеров. Те из находившихся на службе надзирателей и их помощников, кто в прошлом имели офицерские чины, могли быть переименованы, прочим разрешалось дослужить до отставки в прежнем, штатском статусе, но новых гражданских чиновников на службу уже не принимали¹³. В 1859 г. надзирателей и их помощников официально переименовали в отрядных офицеров¹⁴.

Эпоха военных реформ 1860-х–1870-х гг. стала также и временем преобразований в Пограничной страже. В 1861 г. было принято решение о комплектовании Пограничной стражи, наряду с солдатами

и унтер-офицерами, переведенными из армии, непосредственно рекрутами. В следующем году император Александр II утвердил «Положение о служебных правах и преимуществах нижних чинов Пограничной стражи, таможенных, пожарных и инвалидных команд»¹⁵. Для нижних чинов Пограничной стражи устанавливались такие же правила прохождения службы и выхода в отставку, «какие ныне существуют и впредь будут установлены для нижних чинов армейских полков»¹⁶.

Среди прочего, вахмистры и фельдфебели стражи получили право на производство в чин прапорщика. Для этого им надлежало прослужить «в унтер-офицерском звании 12 лет» (в армии – столько же) и сдать экзамен. Оговаривалось, однако, что производство осуществляется «не иначе как на совершенно свободные вакансии отрядных офицеров»¹⁷. Данное условие являлось весьма серьезным препятствием на пути нижних чинов к офицерскому званию: число вакансий, учитывая относительно немногочисленный состав Пограничной стражи, было весьма ограниченным. Впрочем, «Положение» предусматривало целый ряд вознаграждений для тех из нижних чинов, кто, имея право на производство в офицеры, отказывался от него¹⁸.

После введения в январе 1874 г. закона о всеобщей воинской повинности, Пограничная стража стала комплектоваться призывниками по тем же принципам, что и армия. Два года позже (в феврале 1876 г.) было принято решение переименовать роты Пограничной стражи в «отделы». Ротные командиры стали, соответственно, именоваться «командирами отделов»¹⁹. Новое законоположение позволяло присваивать им штаб-офицерские чины вплоть до подполковника, но производство должно было осуществляться так, «чтобы число произведенных в чины выше майорского не превышало одной трети общего числа командиров отделов, положенных в пограничной страже по Высочайше утвержденным расписаниям, а в чине полковника – не более одной половины из этой трети»²⁰.

Несколько изменилось также руководство Пограничной стражей: с 1864 г. вместо Департамента внешней торговли в Министерстве финансов был сформирован более специализированный Департамент таможенных сборов. Для надзора за Пограничной стражей в нем имелись две должности: инспектор Пограничной стражи и штаб-офицер для особых поручений²¹.

Офицерами в Пограничную стражу, как правило, поступали армейские офицеры с опытом (иногда – весьма солидным) строевой службы. Однако специфическими знаниями, необходимыми для пограничника, им приходилось овладевать по ходу дела, часто – ценой ошибок.

В 1880 г. военный юрист полковник Н.В. Щербачев составил заметки «О необходимости некоторых изменений в законоположениях пограничной стражи», в которых предлагал сформировать при ДТС специальные комиссии для проверки у поступающих в стражу офицеров общей образованности и познаний, необходимых для будущей службы. В частности, предполагалось проверять знание «положений из Таможенного устава, международного права, военно-уголовных законов, математики, топографии, русского языка и одного из иностранных языков, преимущественно немецкого, необходимого почти на всей западной границе»²².

По замыслу Н.В. Щербачева, испытание при приеме на службу должно было существенно изменить состав офицерского корпуса стражи. «При таких условиях, – подчеркивал он, – офицеры будут поступать в пограничную стражу с необходимой теоретической подготовкой и не будут чувствовать себя в первые годы новой служебной деятельности в необходимости учиться новому делу, в то время когда нужно служить и приносить действительную пользу государству»²³.

Таким образом, был поставлен очень серьезный вопрос о специальной подготовке офицеров-пограничников. Однако военное руководство страны в еще большей степени интересовала проблема военной подготовки стражи. Выросшая численно, укомплектованная кадровыми офицерами и такими же призывниками, как армия, Пограничная стража, по мнению многих военачальников, могла (и была должна) содействовать вооруженным силам в случае вторжения внешнего неприятеля.

В начале 1880-х гг. все более отчетливо складывается мнение о необходимости вывести Пограничную стражу из подчинения гражданской структуре, каковой являлся Департамент таможенных сборов. Эти взглядам явно сочувствовал император Александр III, который, как известно, с особой симпатией относился к военному делу и армии.

В марте 1885 г. император подписал высочайшее повеление, согласно которому для офицеров стражи вводились правила

чинопроизводства и увольнения в отставку, какие действовали в армии²⁴. Приравняв пограничников к «армейцам», правительство в дальнейшем постоянно было вынуждено корректировать законодательство о страже, в соответствии с изменением законодательства об армии. В частности, это касалось вопросов офицерского жалования, пенсий, пособий, служебных льгот и пр.

В начале декабря 1886 г. во всеподданнейшем докладе П.С. Ванновский вполне определенно заявил о противоречии между сугубо военным характером Пограничной стражи и ее подчинением гражданским властям. Император, полностью согласившись с доводами военного министра, наложил на доклад резолюцию: «Оставлять это дело так, как оно существует теперь, невозможно»²⁵. Для выработки новых положений о Пограничной страже при Главном штабе была учреждена особая комиссия из представителей Военного министерства и Министерства финансов. Однако работа комиссии затянулась из-за принципиальных расхождений в позициях, занятых представителями двух ведомств. Военные рассматривали быт и службу пограничников исключительно с точки зрения общего воинского порядка, без учета их специфики, что не могло устроить Министерство финансов²⁶. В итоге выводы комиссии легли под сукно. Каких-либо решений о принципиальном изменении системы руководства Пограничной стражей в то время не приняли, и ее подчинение Департаменту таможенных сборов вплоть до начала 1890-х гг. осталось неизменным.

Кардинальное изменение организации Пограничной стражи связано с именем министра финансов С.Ю. Витте. Объясняя в мемуарах свой взгляд на Пограничную стражу, он отмечал: «Соображая свойство обязанностей, возложенных на стражу, нельзя не видеть весьма существенных преимуществ строгой военной ее организации. Вольнонаемная стража всегда будет действовать менее успешно. Вообще по условиям нашей жизни всякая сила, организованная на началах воинской службы, действует в России наиболее успешно»²⁷. Одновременно Витте полагал, что полностью приравнять пограничников к армии нельзя, ибо они выполняют свои специфические функции.

Соответственно своим убеждениям, министр в октябре 1893 г. добился объединения всех частей стражи в Отдельный корпус, который был выведен из ведения Департамента таможенных сборов. При этом в военное ведомство Отдельный корпус пограничной

стражи (ОКПС) тоже не отошел, но подчинялся непосредственно министру финансов²⁸. К соответствующему указу императора прилагался «Временный штат», содержащий описание структуры Управления ОКПС²⁹. Вводилась должность командира корпуса, при котором состояли помощник, три генерала для поручений и по одному штаб- и обер-офицеру для поручений, учреждались должность начальника штаба и штаб корпуса, в составе трех отделений (строевого и мобилизационного, пограничного контроля).

Первым командиром ОКПС был назначен генерал-лейтенант Александр Дмитриевич Свиньин. Еще в феврале 1893 г., до официального начала реорганизации, он стал инспектором Пограничной стражи, а после учреждения должности командира ОКПС занял ее (15.10.1893). С.Ю. Витте в мемуарах сообщал, что выбрал Свиньина из трех кандидатов, рекомендованных ему военным министром П.С. Ванновским³⁰.

Ко времени назначения на пост командира ОКПС А.Д. Свиньину шел 63-й год (дата рождения – 16 мая 1831 г.)³¹. Он обладал немалым опытом боевой и строевой службы, но никогда ранее не имел никакого отношения ни к Пограничной страже, ни к таможенному ведомству.

А.Д. Свиньин получил образование в Дворянском полку, который в то время являлся закрытым военно-учебным заведением, близким по своей организации к кадетскому корпусу. В 1851 г. по окончании учебного курса он вышел на службу прапорщиком в 3-ю артиллерийскую бригаду. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Свиньин командовал батареей в 30-й артиллерийской бригаде, действительно участвовал в осаде крепости Плевна, был ранен.

В сентябре 1878 г. его включили в число офицеров, которым поручалась организация Болгарского земского войска, и назначили на весьма ответственную должность помощника начальника артиллерии княжества Болгарского. Однако служба Свиньина в Болгарии продолжалась недолго: через год он получил в командование 30-ю артиллерийскую бригаду и вернулся в Россию. Во главе бригады Свиньин оставался до августа 1886 г., когда был назначен начальником артиллерии 7-го армейского корпуса.

14 мая 1889 г. А.Д. Свиньин получил новое почетное назначение – начальником артиллерии Гвардейского корпуса. Эта должность означала близость к самым высоким эшелонам военного и

государственного руководства. Гвардия пользовалась постоянным вниманием императора и великих князей, в ее рядах служили представители самых аристократических семей страны. Стоит отметить также, что общее командование войсками гвардии и Петербургского военного округа обычно возлагалось на великих князей. В описываемое время это был Владимир Александрович, брат царствующего императора Александра III.

Должность помощника командира корпуса в мае 1894 г. занял генерал-майор Иван Яковлевич Дитерихс. Как и А.Д. Свиньин, он был офицером-артиллеристом и в Пограничной страже прежде не служил³². И.Я. Дитерихс родился в 1845 г., обучался в Михайловском артиллерийском училище, по окончании которого, в 1864 г., был зачислен подпоручиком в 16-ю артиллерийскую бригаду. В 1870 г. Дитерихс занял должность помощника старшего адъютанта в Артиллерийском управлении Виленского военного округа и с этого времени находился преимущественно на штабных должностях. В 1881–1889 гг. служил в Петербургском артиллерийском военно-окружном управлении, в 1889–1894 гг. был командиром Петербургской крепостной артиллерии и начальником окружного артиллерийского склада. В это время он, несомненно, контактировал по службе с А.Д. Свиньиным, командовавшим в том же Петербургском округе гвардейской артиллерией.

Вполне понятно, что, возглавив ОКПС, Свиньин хотел иметь в качестве ближайшего помощника и заместителя хорошо известного ему человека (каковым и являлся И.Я. Дитерихс). Вместе с тем, он нуждался в специалистах, знакомых со спецификой новой для него пограничной службы. Поэтому все три вакансии генералов для поручений заняли лица из состава прежнего руководства стражи, должности которых упразднились. Это были генерал-майоры А.П. Куницкий, К.И. Чехович и Н.В. Щербачев, который, как говорилось выше, еще в 1880 г. вносил предложения по совершенствованию отбора офицеров в стражу³³.

Должность начальника штаба ОКПС 20 ноября 1893 г. занял генерал-майор Константин Николаевич Ставровский. Так же, как А.Д. Свиньин и И.Я. Дитерихс, по своему образованию он был артиллерийским офицером, но, в отличие от них, ранее служил в основном в кавалерии³⁴. Опыта службы в Пограничной страже у Ставровского не имелось, как не было такового и у назначенного начальником первого, строевого и мобилизационного, отделения

капитана Михаила Петровича Чернушевича, еще одного офицера-артиллериста в Управлении ОКПС³⁵. Зато возглавивший отделение пограничного надзора полковник В.В. Гольман начал службу в Пограничной страже еще в 1884 г., а с 1891 г. состоял при Департаменте таможенных сборов. Это был явно опытный пограничник, хорошо знающий специфику своей службы с 1884 г.³⁶

В целом можно сделать вывод, что при комплектовании управления ОКПС А.Д. Свиньин отдавал предпочтение офицерам своего рода оружия – артиллеристам. Они заняли должности помощника командира (И.Я. Дитерихс), начальника штаба (К.Н. Ставровский), начальника строевого и мобилизационного отдела (М.П. Чернушевич). Правда напрямую служебные пути названных офицеров ранее не пересекались, да и К.Н. Ставровский довольно быстро сменил артиллерийскую службу на кавалерийскую. Тем не менее, сбрасывать со счетов отмеченный факт не стоит. Для Императорской российской армии было очень характерно взаимное тяготение офицеров одного рода войск (равно как выпускников одного учебного заведения, гвардейцев или генштабистов).

Предпринятая С.Ю. Витте реорганизация Пограничной стражи вызвала серьезное раздражение у руководства Департамента таможенных сборов, да и многие военные приняли ее «в штыки». Противодействие планам министра выразилось, в частности, в том, что размежевание полномочий пограничников и таможенников приняло затяжной характер, сопровождалось ожесточенными спорами в комиссиях, которым этот вопрос был поручен.

Тем не менее, Витте твердо проводил задуманную реформу в жизнь. 1 декабря 1897 г. был утвержден новый штат Управления ОКПС, который заменил «Временный штат» 1893 г.³⁷

Следующими шагами в реорганизации Пограничной стражи стало создание системы ее хозяйственных учреждений³⁸ и, что особенно важно, местного управления. 1 февраля 1899 г. высочайшее утверждение получил штат управления округов Пограничной стражи. В нем указывалось, что приграничные территории будут разделены на 7 округов, в каждом из которых учреждались должность начальника округа и штаб во главе с начальником штаба³⁹.

Первый состав начальников округов ОКПС отражен в приведенной ниже табл. 1.

Начальники округов Пограничной стражи. 1900 г.

Округ, место поло- жения штаба	Данные о начальнике округа			
	Ф.И.О.	Год рож- дения	Образование	Должность, место служ- бы перед назначением
1-й, Петер- бург	Озеровский Алексей Трифонович	1839	Екатерино- славская дво- рянская гим- назия, военное образование – на службе	В распоря- жении ко- мандующего ОКПС
2-й, Вильно	Марголи Николай Михайлович	1843	С.-Петербург- ский универ- ситет, военное образование – на службе	Командир Рижской бригады
3-й, Варша- ва	Усов Николай Антонович	1833	Дворянский полк	Начальник Калишского таможенного округа
4-й, Берди- чев	Энгальчев Эммануил Эльпидифо- рович	1833	?	Командир Ревельской бригады
5-й, Одесса	Акимов Николай Агафонович	1842	Частное учеб- ное заведе- ние. Военное обра- зование – на службе	Командир Санкт- Петербург- ской брига- ды
6-й, Тифлис	Нольде Михаил Романович	?	?	Командир Тауроген- ской брига- ды
7-й, Таш- кент	Куницкий Александр Петрович	1840	1-й кадетский корпус	Генерал для поручений при коман- дире ОКПС

Из нее видно, что при назначении на должность начальника округа предпочтение отдавалось бывшим командирам бригад (четыре случая) или офицерам Управления ОКПС (два случая). В двух случаях место службы перед назначением не установлено. Явное и очень интересное исключение представляет собой Н.А. Усов. На протяжении своей карьеры он служил в Пограничной страже, но непосредственно перед назначением состоял в таможенном ведомстве и, более того, неоднократно выступал активным противником выведения Пограничной стражи из подчинения ДТС⁴⁰.

Совершенно иначе выглядит состав начальников окружных штабов. На эту должность полагалось назначать офицеров с высшим (академическим) военным образованием, а таковых в ОКПС было очень мало. Поэтому, как видно из приведенной таблицы, все начальники окружных штабов пришли или из штабов армейских частей, или с военно-административных постов. Так, начальником штаба 1-го округа был назначен полковник В.А. Рейс, прежде служивший начальником штаба Осовецкой крепости, начальником штаба 2-го округа – А.А. Кузьмин-Караваев, перед этим занимавший пост штаб-офицера для особых поручений при штабе 4-го армейского корпуса и т. д.

Практика назначения на штабные должности в ОКПС выходцев из армии сохранялась и впоследствии, что вызывало недовольство части офицеров ОКПС. В январе 1907 г. генерал-майор М.П. Чернушевич, обращаясь со страниц ведомственного журнала «Пограничник» к гипотетическому армейскому офицеру, писал: «Мне кажется, что по существу было бы правильнее на должностях начальников наших окружных штабов назначать из своих офицеров, из числа окончивших академии, кои будут более на месте, ибо, прослужив на должности отрядного офицера, а затем командира отдела – они являлись бы более подготовлены, чем ваш брат из войск»⁴¹.

Однако проблема состояла в том, что офицеров с академическим образованием в ОКПС было немного и что на штабные должности поневоле приходилось брать «армейцев».

Не имея возможности избежать приема лиц без опыта пограничной службы в штабы, командование ОКПС приняло меры к прекращению их притока хотя бы в число строевых командиров. В мае 1907 г. вышло высочайшее повеление, согласно которому в стражу из армии разрешалось переходить только корнетам и поручикам,

естественно на должности младших офицеров. «Ходатайства о принятии на службу в корпус старших чинов» предписывалось отклонять⁴². Таким образом, после выбытия офицеров, принятых на службу до 1907 г., в числе командиров подразделений и частей должны были остаться лишь те, кто поднимался по служебной лестнице в самом корпусе. С 1912 г. на службу в ОКПС стали принимать и непосредственно выпускников военных училищ, прежде не служивших.

Важным направлением деятельности по обеспечению стражи офицерским составом высокого качества стало проведение аттестаций, начало которым было положено в феврале 1897 г.⁴³

Ежегодную аттестацию каждому офицеру давали его непосредственные и вышестоящие начальники, а специальная комиссия, формировавшаяся в каждой бригаде, представляла свои суждения бригадному командиру⁴⁴. В отношении тех, кто оценивался неудовлетворительно, обычно проводилось служебное расследование, и они увольнялись из корпуса.

А.Д. Свинын и его преемник на посту командира ОКПС Н.А. Пыхачев в своих распоряжениях и циркулярах постоянно подчеркивали, что офицерам надлежит не только четко выполнять обязанности по пограничному надзору, но стать гуманными наставниками для нижних чинов. Без этого, по справедливому мнению командиров, было невозможно воспитать у подчиненных моральную стойкость и честность, необходимые для пограничника, постоянно имеющего дело с нарушителями закона. «Наши солдаты, – писал А.Д. Свинын, – ценят доброе слово офицера и заботу о них, поэтому, умело пользуясь этим средством, офицер может своевременно не допустить нижних чинов до преступления и дать их мыслям должное направление»⁴⁵.

С 2 января 1908 г. был установлен еще более строгий порядок аттестации. Его результатом стало принудительное увольнение со службы группы офицеров, не получивших даже права на производство в следующий чин, как это обычно делалось при отставке.

Принимались также меры по борьбе со старением офицерского корпуса. Большое количество на различных должностях офицеров преклонных лет было настоящей «головной болью» как для военного ведомства, так и для ОКПС. Для преодоления ситуации вводились возрастные цензы для пребывания в том или ином чине и на определенной должности. Но здесь существовало также

много льгот, оговорок, зачастую снижавших эффект установленных правил.

Итак, Пограничная стража прошла довольно трудный путь развития: от вольнонаемного формирования к вооруженному формированию, не отличавшемуся по личному составу от вооруженных сил. Многие офицеры ОКПС не только успешно боролись с контрабандистами и другими нарушителями границ, но хорошо проявили себя на поле боя во время подавления Ихэтуаньского восстания в Китае (1900–1901), Русско-японской и Первой мировой войн.

Сказанное, разумеется, не означает, что в деятельности ОКПС не было недостатков. В 1911 г. отставной генерал-майор Я.В. Червинка, сам долгие годы служивший в Пограничной страже, опубликовал серию статей с суровой критикой отдельных сторон деятельности ОКПС и предложениями по его реорганизации⁴⁶.

Тем не менее, правительству, после долгих реформ и реорганизаций, удалось наладить комплектование корпуса офицерами и нижними чинами, в массе своей способными с честью нести обязанности по охране границ.

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. XV. СПб., 1830. № 10269. С. 191; Там же. Т. XXI. СПб., 1830. № 15522. С. 682–684.

² Там же. № 15522. С. 682–684.

³ Там же. С. 682.

⁴ Там же. С. 683.

⁵ Там же. С. 682.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Собр. 2. Т. XXXVIII. СПб., 1830. № 29067. С. 225.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 226.

¹¹ Там же. Т. II. СПб., 1830. № 1282. С. 645–648.

¹² Там же. С. 645.

¹³ Там же. Т. XXI. СПб., 1847. № 20636. С. 437.

¹⁴ Там же. Т. XXXIV. СПб., 1861. № 34885. С. 68.

¹⁵ Там же. Т. XXXVII. СПб., 1865. № 38618. С. 823–831.

¹⁶ Там же. С. 823.

¹⁷ Там же. С. 828.

¹⁸ Там же. С. 829.

¹⁹ Там же. Т. LI. СПб., 1878. № 55638. С. 160.

²⁰ Там же.

- ²¹ Там же. Т. ХLI. СПб., 1868. Штаты и табели. № 43860. С. 562.
- ²² Цит. по: Плеханов А.А., Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи императорской России (1893–1917). М., 2003. С. 60.
- ²³ Там же. С. 61.
- ²⁴ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. V. СПб., 1887. № 2818. С. 105–107.
- ²⁵ Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894). СПб., 1902. С. 110.
- ²⁶ Боярский В.И., Борискин В.И., Бурджук В.И. и др. На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М., 1998. С. 218.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXIII. № 9975. СПб., 1897. С. 957.
- ²⁹ Там же. Штаты и табели. С. 280–282.
- ³⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 304.
- ³¹ Список генералам по старшинству, составлен на 1 января 1913 г. Ч. 1. СПб., 1913. С. 11.
- ³² Список генералам по старшинству. Составлен по 1 июля 1908 г. Ч. 3. СПб., 1908. С. 25; Список генералам, штаб- и обер-офицерам Отдельного корпуса Пограничной стражи. Составлен по 9 марта 1904 г. С. 4.
- ³³ Список генералам, штаб- и обер-офицерам Отдельного корпуса Пограничной стражи. Составлен по 9 марта 1904 г. С. 7, 8.
- ³⁴ Ромашкевич А.Д. Материалы к истории Петровского Полтавского кадетского корпуса с 1 октября 1907 по 1 октября 1908 гг. Год пятый. Полтава, 1908. С. 124.
- ³⁵ Список генералам по старшинству, составлен на 1 января 1913 г. Ч. 1. СПб., 1913. С. 3.
- ³⁶ Список генералам, штаб- и обер-офицерам Отдельного Корпуса Пограничной стражи. Составлен по 9 марта 1904 г. С. 17.
- ³⁷ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XVII. СПб., 1900. № 14715. С. 658–659; Там же. Штаты и табели. С. 447–449.
- ³⁸ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XIX. СПб., 1902. Отд. 1. № 16360. С. 30.
- ³⁹ Там же. № 16440. С. 94–95.
- ⁴⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 21. Оп. 4. Д. 891. Л. 257.
- ⁴¹ Чернушевич М. Из письма «Пограничника» // Пограничник. № 3. 1907. С. 198.
- ⁴² ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVII. Отд. 1. СПб., 1910. № 29188. С. 289.
- ⁴³ Сборник циркуляров в Отдельном корпусе пограничной стражи за 1897 г. СПб., 1898. С. 21–22.
- ⁴⁴ Сидорчук С.А. Реорганизация пограничной стражи России на рубеже XIX–XX вв. (1893–1914 гг.) // Военно-исторический журнал. № 2. 2011. С. 18.
- ⁴⁵ Сборник циркуляров Отдельного корпуса пограничной стражи за 1901 г. СПб., 1902. С. 127.
- ⁴⁶ Червинка Я.В. Желательная реформа пограничной стражи. Варшава, 1911. 36 с.

В.А. Молтусов (Полтава, Украина)

ШВЕДСКАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ В ПОЛТАВСКОЙ ОПЕРАЦИИ 1709 ГОДА

В ИСТОРИЮ войн Полтавская операция 1709 г. вошла как высокий образец искусства фортификационной подготовки сражения. Однако это в полной мере относится не только к самой битве, победа в которой стала лишь финалом многочисленных усилий в изнурительной и упорной борьбе, развернувшейся под стенами древнего города. Боевые действия у Полтавы, затянувшиеся почти на два месяца, фактически представляли собой противостояние двух армий по линии реки Ворсклы, на крутом правом берегу которой и возвышалась крепость. С восточной стороны к городу подступали русские, западный полтавский берег обороняли шведы. По сути дела, здесь разгорелась самая настоящая инженерная война, размах и накал которой не могут не удивлять даже сейчас.

Описывая события, специалисты акцентируют внимание на сравнительно малом промежутке речной долины, зажатом внизу под крепостью и охватывающем в проекции с юга границу городской черты, а с севера ближайшие окрестности Крестовоздвиженского монастыря. Указанный район лежал метрах в 1500 к востоку от старинной части города и имел протяженность до двух километров. В топографическом отношении это была типичная для лесостепной зоны пойма реки Ворсклы и ее правого притока Ротосная (Рагизна), имевшая переменную заболоченность с широкой сетью мелких заток и рукавов, покрывшихся прибрежными зарослями. Именно в этом месте начиная с половины мая 1709 г. русское командование предпринимало энергичные и безуспешные попытки прорыва к крепости и оказания помощи гарнизону. Хотя серьезного прогресса добиться там так и не удалось.

Вместе с тем последние находки и исследования территории близ главного русла подводят к мысли о существенном расширении масштабов этой борьбы. На сегодняшний день есть все основания утверждать – фронт инженерных работ вдоль реки занимал не два километра пространства, как считалось раньше, а имел гораздо большую протяженность. Его общая величина составляла по последним данным как минимум 12 километров. Правда, фронт этот не был сплошным и имел различную глубину, что обуславливалось сложностями рельефа и спецификой выполняемых противниками задач.

Обследование правого берега реки южнее Полтавы вплоть до села Нижние Млыны и современного поселка Гора выявило остатки земляных возвышенностей явно искусственного происхождения, которые можно отнести только к указанным событиям. Дело в том, что никаких боевых действий, тем более долговременных оборонительных работ, здесь никогда не отмечалось, ни раньше, ни позже, включая период Великой Отечественной войны. С другой стороны, никаких сельскохозяйственных угодий с интенсивным аграрным циклом, способным изменить верхний слой земли, здесь также не существовало. Причина – очаговая заболоченность, пересеченность мелкими ручьями и отдаленность от мест проживания. Наконец, любые виды дренажных, гидротехнических или строительных работ по углублению фарватера, укреплению берегов и тому подобное также не проводились в этих местах. Поэтому нет никаких сомнений в том, что найденные сооружения имеют не просто прямое отношение к 1709 г., но являются составной частью всего комплекса мер шведского командования по организации защиты правого берега Ворсклы и противодействию попыткам русской армии переправиться в этих местах.

Из документов хорошо известно, как долго и настойчиво русский штаб искал и использовал любые возможности оказать помощь осажденному гарнизону. Несмотря на все усилия, пробиться к городу кратчайшим путем – из-за реки напротив крепости – не удавалось. Поэтому, чтобы отвлечь внимание противника от истинных замыслов и растянуть его силы, командование в июне пошло на решительный шаг – значительно раздвинув территориальные рамки своего плана по форсированию реки. Предвидя и осознавая такую опасность, в интересах предупреждения и пресечения возможной активности русских, шведы усилили свое присутствие

и приступили к фортификационной подготовке западного берега, несколько правее и левее своих первых позиций у реки.

Если взглянуть на долину Ворсклы в южном направлении в целом, бросается в глаза ее сплошная заболоченность, заметно возрастающая по мере приближения к Днепру. На пространстве от города до хутора Буланово и далее до села Старые Санжары (современные Решетники), где стоял прочный мост (это почти 25 километров), береговая линия представляла собой многочисленные разветвления русла, ручьи, затоки и топи. Редким исключением выступали речные отмели и твердые участки почвы, через которые прокладывались гати. Подобный характер местности наблюдался как раз возле Нижних Млынов, что и привлекло внимание русского командования (наряду с близостью к городу). В принципе, с точки зрения развертывания крупных сил и подготовки большого наступления, переправа и занятие там плацдарма виделись бесперспективным занятием, по причине разбросанных болот, малочисленности твердых подходных путей, сложности переправы тяжелой армейской артиллерии, узости пространства за рекой, а главное одной-единственной дороги наверх к Полтаве. Но для организации диверсий и отвлекающих атак с целью изматывания противника намечаемая здесь демонстрация силы виделась вполне разумной и даже необходимой.

Начиная метров с 300 ниже по течению Ворсклы от места впадения в нее речки Коломак на протяжении приблизительно километра вдоль правого берега тянется прерывистая полоса холмов. Эти молчаливые свидетели прошлого по форме и по сути являются инженерными объектами. Выстроившись в установленном порядке, большинство из них развернуто фронтом к реке и нацелено на круговую оборону. Таким образом, перед нами предстает целая система фортификации, которая, находясь в стороне от главного театра борьбы, оставалась неизвестной и никогда не привлекала внимание исследователей. Однако именно она играла роль правого флангового рубежа всей оборонительной линии шведов под Полтавой. Сохранность объектов колеблется – от весьма удовлетворительной до едва различимой на поверхности.

По всей видимости, укрепления начинались сразу против устья Коломака, так как выводить их дальше на север не было смысла. Однако никаких следов этих работ не обнаружено, что можно связать с прокладкой автотрассы Киев – Харьков и соответствующим

обустройством местности, в частности, установкой здесь каменного моста через Ворсклу. Река на этом участке неровной дугой выгибается к востоку от высоких и крутых склонов, обрывающихся за правым берегом, на вершине которых лежит крепость. У хутора Терешки река резко поворачивает на юго-запад. Образованное излучиной реки колено формирует довольно ровное плато, которое тянется мимо Кабыщанского и Мазуровского оврагов параллельно реке на север к монастырю на 5-6 километров при ширине до 1,5 километров. На юго-восточной окраине плато и находятся вышеуказанные сооружения. Заканчивается полоса холмов перед новым поворотом реки к югу. В полукилометре от него недалеко от современной дамбы (гребли) правый берег обрывается следующим водным рубезом – длинным рукавом, надежно прикрывавшим все крыло шведских позиций.

Изучение обнаруженных объектов убеждает в мастерстве возведения земляных укреплений и профессионализме шведских инженеров. Выбор места и взаимное расположение насыпей полностью соответствовали как целевым установкам, так и особенностям ландшафта. Фортификация должна была прикрыть передовые посты от любого вида пушечного или мушкетного огня русских и временно защитить группировку войск в случае неожиданной атаки или переправы. На посты возлагалась роль наблюдения и охраны своего берега с задачей своевременного обнаружения и предупреждения попыток переправы. Этим объяснялась их направленность и густота, ведь расстояние между насыпями, как правило, не превышает 5–10 метров. В дальнейшем предполагался подвод подкреплений, которые и должны были остановить неприятельскую атаку.

Основная масса укреплений сосредотачивалась и ориентировалась в восточном направлении, южное контролировали только отдельные посты в силу значительной ширины реки в этом месте и открытости противоположного берега (на сегодня сохранилось три поста). В целом, река на этом отрезке представляла серьезное препятствие: при ширине около 60 и глубине в 5 метров, высота береговой линии достигала 2 метров. Осуществлять переправу войск без подготовки, днем и на виду у противника было невозможно. Значит, наиболее опасной считалась ночная вылазка. Поэтому насыпи располагались у самой кромки берега: в 5–12 метрах от воды. Виды и форма их были различными, но хорошо отвечавшими тем условиям: обычная траншея, редут, люнет – ромбовидного, прямоугольного,

конусообразного, пятиугольного или квадратного сечения. Размеры их были также разнообразными, в зависимости от места и предназначения. Например, малый объект, напоминающий редут, с южной стороны плато имеет легко выраженный ромбовидный контур с параметрами 13 на 13 метров, а окоп, отрытый у самого поворота реки, при ширине в 5 простирался на 40 метров. Особенностью всей системы являлось то, что это были одновременной долговременные наблюдательные посты, и самые настоящие полевые укрепления, способные выдержать обстрел и первый натиск. Причем создавались они для постоянного присутствия достаточно большого количества людей, которых, в крайнем случае, можно было быстро отвести назад. В самом безопасном месте позиции – за болотистой протокой, в форме веретена вытянувшейся параллельно излучине реки, – цепью выстроились наиболее крупные полевые сооружения, приспособленные, надо полагать, под жилье и установку лагерных палаток. При общей ширине 11–13 метров они раскинулись на 150 метров и способны вместить несколько взводов солдат. Несмотря на внешнее сходство и симметричность, сооружения имеют довольно сложную систему внутренних ходов и перегородок.

Ключевым и самым опасным виделся участок позиции против речного островка. Этот естественный рубеж как клином делил русло реки на главное и широкое течение, уходившее влево, и правое узкое, выходявшее на шведские посты. Особо отметим, что видимо, с этого островка прозвучал роковой выстрел, рано утром 17 июня ранивший шведского короля при очередном инспектировании своих постов. Ширина протоки, отделявшей остров от правого берега, составляет 15–17 метров при глубине всего 1,5–2 метра и очень слабом течении, что делало ее чрезвычайно заманчивой и легкой для переброски войск. Главное русло, омывавшее остров с противоположной стороны, разливалось на 50 метров. В результате безымянный островок превращался в созданный самой природой важнейший форпост русских. Это давало возможность проводить постоянные диверсии и нагнетать давление на весь правый фланг противника, что заранее предопределило острое соперничество за обладание выгодной позицией.

Южнее острова, где река и протока снова сливались, открывалась хорошая видимость ближних подступов, замеченная шведами, также выставившими там охрану. Эта группировка прибрежных постов лучше всего сохранилась и дает наиболее четкое

наглядное представление об их защитных свойствах. От береговой черты сооружения надежно прикрываются 2-метровой высоты земляным валом, толщина в основании которого не менее 4 метров, по верху около двух. Ясно, что три века назад они выглядели еще более внушительно. Боковые фланки имеют легкий уклон назад. Посты стоят, как обычно, плотно друг к другу и имеют своеобразные контуры. Два объекта выполнены в форме трапеции, один из которых похож на вытянутый клин с верхним обрезом к реке фронтом 8, а в основании 18 метров.

В тылу за всеми укреплениями, приблизительно на равном расстоянии от восточного и южного берегов реки (200–250 метров), находится возвышенность не более метра, со слабо выраженными очертаниями квадратной формы. Предназначение ее пока не установлено. Можно предположить, что здесь находилась наблюдательная вышка, откуда открывалась прекрасная панорама всей излучины реки и ее подступов, а также общая картина шведских и русских позиций.

Итак, последние находки дают конкретное представление об уровне и масштабах фортификационных работ шведов по защите правого берега. Они в значительной мере обновляют познания в этой области, продвигая вперед в понимании деталей инженерного искусства той эпохи. Последовательность и упорство противников в достижении своих целей привели к тому, что линия Ворсклы на полтора месяца превратилась в передовой край борьбы, где каждый старался проявить свои лучшие качества и наиболее смелые идеи. Теперь с полным основанием можно говорить о том, что размах и острота противостояния под Полтавой приобретают несколько иное содержание. Это тем более важно, так как помогает уяснить не только более высокую степень сопротивления, но и воссоздать в действительности пусть и полуразрушенный облик инженерных сооружений под самой крепостью, схематично сохранившийся благодаря старинным картам. В силу объективных, а в большей степени субъективных причин (постепенный рост города, дорожное строительство, засыпка болот) сегодня береговая линия с прибрежной полосой заметно изменилась, а вся оригинальная фортификация непосредственно в районе крепости безвозвратно утрачена. Несмотря на это, начатое исследование, безусловно, поможет в изучении одного из самых замечательных явлений обороны Полтавы и летописи Великой Северной войны.

В.А. Мосунов (Санкт-Петербург)

БОРЬБА ЗА ПУЛКОВСКИЙ РУБЕЖ В СЕНТЯБРЕ 1941 ГОДА

В СООТВЕТСТВИИ с планом обороны Ленинграда Пулковский рубеж считался промежуточным участком обороны между Красногвардейским укрепленным районом (УР) и уже самим городом. Пулковские высоты рассматривались как последний опорный пункт. Их первостепенная важность в системе обороны Ленинграда определялась их географическим расположением.

Пулковские высоты – это длинная гряда холмов, тянущаяся с востока на запад к югу от города на Неве. Ее образуют три слившихся воедино холма. Самый высокий из них имеет отметку 74,9 (высота с обсерваторией), с востока к нему примыкает высота с отметкой 38,9, где было расположено село Пулково, а с запада – высота с отметкой 66,6 (Глиняная горка)¹. К началу Великой Отечественной войны на высотах и вокруг них существовал ряд населенных пунктов. На шоссе, ведущем в г. Пушкин, было расположено село Финское Койрово, от него отходила дорога на Глиняную горку. Вдоль нее находились деревни Русское Койрово, Кискино и Верхнее Койрово. Западнее высот были расположены деревни Камень и Нижнее Койрово, поселок Большое Кузьмино.

Приближаясь к Ленинграду с юга, миновать высоты было фактически невозможно. Восточнее высот находился город Пушкин, откуда шоссе вело и к самому Ленинграду, и в обход высот. Западнее располагалась равнина, частично заболоченная и пересеченная Лиговским каналом и речкой Дудергофкой, эта плоская местность ограничивалась с одной стороны линией железной дороги и примыкающими к ней поселками Старо-Паново, Ново-Паново и городом Урицк. Район Пулковских высот господствовал над этой

местностью, да и над самим Ленинградом, находящимся в низине, позволяя контролировать большую часть дорог в его черте. С северных склонов Ленинград просматривался полностью, в случае выхода сюда противника в его руках оказывался ключ к северной столице – кратчайший путь к Кировскому заводу, к ленинградским судоремонтным и судостроительным предприятиям и Ленинградскому порту, а также к центру города.

К сожалению, в отечественной военно-исторической литературе борьба за Пулковский рубеж в сентябре 1941 г. не получила должного освещения. Единственным исключением являются работы С.И. Красновидова² и А.П. Крюковских³. Первый был непосредственным участником войны и сохранил в своих записках много неизвестных подробностей. По большей части, его работа так и осталась неопубликованной. А.П. Крюковских является автором лучшего исследования по истории Ленинградского народного ополчения. Значительный раздел этой работы посвящен борьбе за Пулковский рубеж.

Вплоть до нашего времени ни один из отечественных авторов не обращался к работам немецких авторов и документальным источникам бывшего противника. Работа с этими материалами позволяет продемонстрировать всю сложность борьбы за Пулковский рубеж и то значение, которое немецкое командование придавало овладению высотами. Надо отметить, что следует разделять понятия Пулковский рубеж и Пулковские высоты, в том смысле, что высоты являлись одним из участков обороны, имеющим решающее значение. При этом без рассказа о борьбе за Урицк и за Александровскую – поселок и узел дорог западнее Пушкина – обойтись будет невозможно. Бои на этих рубежах имели огромное значение для обороны Пулковских высот. Эпизодам этой борьбы в сентябре 1941 г. и той роли, которую они сыграли в срыве планов немецкого командования, посвящена эта работа.

Так как время в боевых документах сторон особо не оговорено, то в случае, если рассказ идет о действиях Красной армии, по умолчанию используется московское время. Все действия противника приводятся с указаниями на берлинское время (разница составляет два часа).

Довольно мало подробностей в отечественной литературе и о строительстве самого рубежа обороны. Как отмечает В. Соколов

в своей работе, посвященной истории 42-й армии, к 9 сентября 1941 г. Пулковский рубеж (Стрельна, Ф. Койрово, В. Койрово, В. Кузьмино по р. Кузьминка) состоял из земляных противотанковых препятствий, отдельных огневых точек и минных полей⁴. Однако в капитальной работе В.Н. Малярова приводятся несколько иные данные, касающиеся Пулковского рубежа. Так, согласно В.Н. Малярову, рубеж проходил по линии Урицк – Пулково – Колпино⁵. Работы велись при участии 48 тыс. человек, в т. ч. рабочих двенадцати строительных организаций города. Всего было построено 22 батальонных опорных пункта, 60 км противотанковых препятствий и проволочных заграждений, 520 огневых точек, в т. ч. 300 броневых. Но войсками к моменту сентябрьского наступления немцев рубеж по большей части войсками занят не был.

Помимо полевых укреплений на высотах 66,6 и 74,9 находились десять 130-мм орудий Б-13 батареи «Б» Отдельного артиллерийского дивизиона особого назначения. Четыре орудия были расположены на высоте 66,6, остальные – на высоте 74,9. Дивизион был сформирован по приказу командующего Морской обороной Ленинграда и озерного района и должен был использоваться для поддержки сухопутных частей, в первую очередь Красногвардейского УР. Кроме батареи «Б» в его состав входила еще батарея «А» на Дудергофских высотах.

Немецкие планы по отношению к Ленинграду с 27 августа 1941 г. строились следующим образом. Прямой штурм города не планировался, но при этом требовалось создать плотное кольцо окружения вокруг города. Пулковские высоты являлись одним из пунктов, где должно было пройти второе кольцо окружения (согласно немецким планам, от Урицка до Невы). Для наступления на Ленинград в состав 4-й танковой группы (ТГР) включили 41-й моторизованный корпус (МК), 50-й и 28-й армейские корпуса (АК).

Согласно приказу штаба 4-й ТГР, 50-й АК (269-я пд, дивизия СС «Полицай»), находившийся в ее подчинении, должен был, после овладения районом Красногвардейска, двигаться в направлении Пулкова и овладеть им, обеспечивая правый фланг 41-МК (1-я, 6-я тд, 36-я мд). Задачей 41-го МК было овладение Дудергофскими высотами⁶. Левый фланг 41-го МК прикрывали дивизии 38-го АК 18-й армии. Сроки немецкого наступления несколько раз откладывались, и последний раз оно было назначено на 9 сентября.

В течение 9 сентября 36-я моторизованная дивизия (мд) 41-го МК и 1-я пехотная дивизия (пд) 38-го АК прорвали фронт 42-й армии у Сквориц и Русско-Высоцкого и устремились к Красному Селу. К 11 сентября немцы заняли Николаевку и Дудергофские высоты, разведка 36-й мд обследовала дер. Кайнелайзи. Главная задача 41-го МК был выполнена. И теперь 36-я мд должна была достигнуть рубежа Финское Койрово – Пушкин. Вслед за 36-й мд вводилась в бой 1-я танковая дивизия (тд). Одна ее боевая группа 11 сентября захватила Дудергофские высоты и прорвалась дальше на север, вторая была остановлена ополченцами и танкистами у поселка Тайцы.

Вечером 12 сентября в штабе группы армий (ГА) «Север» решили использовать успех 41-го МК и, в первую очередь, 1-й тд для облегчения действий 28-го АК у Слуцка (Павловска), где немецкое наступление было остановлено. В то же время выход на шоссе (совр. Волхонское шоссе) от Петергофа до Пушкина считался важным достижением в создании более плотного кольца окружения.

12 сентября 87-й и 118-й пехотные полки (пп) 36-й мд получили приказ наступать дальше на север. Разведка дивизии обнаружила присутствие слабых частей Красной армии в Верхнем и Финском Койрово, а также в деревне Венерязи.

Несмотря на крайне тяжелое положение, в штабе Ленинградского фронта (ЛФ) начали планировать отпор врагу. Помимо нанесения контрудара по наступающей немецкой группировке около Красного Села была предпринята попытка занять рубеж от Стрельны до Пулковских высот нашими войсками. Днем 12 сентября, в 13 ч 15 мин, было отдано боевое приказание № 0032, согласно которому командиру только что сформированной 5-й дивизии народного ополчения (ДНО) предписывалось занять к 18 ч 00 мин 12 сентября полевою укрепленную позицию на участке Константиновка – Пулково, поступив в подчинение 42-й армии. Таким образом, перед наступающими немецкими подразделениями должен был образоваться заслон.

Надо отметить, что немцы вполне могли упредить и эти меры советского командования. Но противник вынужден был поначалу отложить наступление, из-за того что на правом фланге 36-й мд образовалось опасное положение. Подразделения 1-й тд еще не успели подойти, и фланг 36-й мд был открытым.

Это дало очень важную отсрочку, ведь пока противостояли немцам лишь разрозненные группы и остатки 500-го стрелкового полка (сп), а подразделения 5-й ДНО лишь занимали позиции.

Немцы начали запланированное наступление в два часа дня по берлинскому времени 12 сентября, и поначалу оно развивалось успешно, но уже через несколько часов противник встретил сильное сопротивление и перешел к обороне.

В район Финского Койрово из-под Колпина был переброшен 2-й сп 5-й ДНО, который, выйдя днем в район Горелова, к вечеру у дер. Венерязи вступил во встречный бой с немцами. Именно его бойцы на время остановили немцев. В ночь на 13 сентября прибыли 1-й и 3-й полки дивизии, занимая оборону в первую очередь на Пулковских высотах. Перед немцами были и разрозненные группы наших бойцов. Так, часть бойцов 500-го сп отошла к Пулковским высотам и заняла оборону у Киевского шоссе, на пути следования 1-й тд.

Несмотря на неожиданное сопротивление, 118-му полку 36-й мд удалось выйти к Волхонскому шоссе, один его батальон перерезал шоссе, другой находился южнее поселка Финское Койрово. Таким образом, немцам удалось выйти на рубеж по шоссе от поселка Володарского до Пушкина.

Но так как соседи (58-я пд 38-го АК и 1-я тд), находящиеся на флангах, продвинуться не смогли, штаб 36-й мд принял решение закрепиться и ждать. 58-я пд, продвигавшаяся северо-западнее 36-й мд, 11 сентября вышла в район севернее Красного Села, где и втянулась в ожесточенные бои.

На участке 1-й тд события развивались следующим образом. 12 сентября 1-я тд силами 1-го батальона 113-го мп захватила Рехолово и вышла к перекрестку дорог у дер. Малые Кабози и Бол. Виттолово (буквально в нескольких километрах от Пушкина и Пулковской обсерватории), откуда открывался путь на Пушкин и прямо к Пулковским высотам. В дальнейшем дивизия должна была нанести удар в направлении Александровской и захватить ее. Но из-за того, что 50-й АК оказался не в состоянии справиться с укреплениями Красногвардейска за два дня, правый фланг 1-й тд у Пушкина был не прикрыт. Тем более, что одна боевая группа дивизии в этот момент все еще вела бой в районе поселка Тайцы, и вырвавшиеся вперед подразделения оказались в сложном положении с открытыми флангами.

Таким образом, взять с ходу Пулковский рубеж не получилось. За день боев 36-я мд потеряла 47 человек убитыми, 146 ранеными и 13 пропавшими без вести, а потери 1-й тд составили 25 человек убитыми и 67 ранеными.

Утром 13 сентября части Красной армии пошли в контратаку. На участке 36-й мд сначала левофланговый батальон 118-го пп подвергся атаке при поддержке танков, к 11 утра она была отбита, по немецким данным два наших танка было подбито. Скорее всего, это были машины 51-го отдельного танкового батальона, который как раз находился в этом районе. Батальон поддерживал действия 5-й ДНО. Хотя контратаки и были неудачными, тем не менее, они свидетельствовали о наличии частей Красной армии на высотах. Это заставляло немецкое командование действовать осторожнее.

Поэтому штаб 87-й пп 36-й мд доложил, что продвижение в сторону Пулкова без активных действий со стороны 1-й тд невозможно, и позиции полка просматриваются с высоты полностью.

Подразделения 1-й тд 13 сентября были контратакованы танками 84-го отдельного танкового батальона капитана К.П. Ушакова. Немцам удалось удержать перекресток у Бол. Витолова, они потеряли безвозвратно два танка. Хоть контрудар и был отбит, тем не менее, о дальнейшем наступлении речи пока не было ⁷. Вторая боевая группа дивизии еще только подтягивалась из района Тайцев. И пока дивизия была не в состоянии содействовать наступлению 28-го АК.

В это время в штабе ЛФ уже произошли существенные изменения. 13 сентября Ворошилова сменил Жуков. И в этот же день 42-я армия получила приказ закрепиться на рубеже Копорская – Кемерязи – слобода Павловская, который уже частично был занят неприятелем. К этому моменту части 42-й армии в беспорядке откатывались на север из района Красного Села, и немецкая пехота 38-го АК смогла продвигаться в северо-западном направлении к Пулковскому рубежу.

Обойти Пулковские высоты с запада предстояло 58-й пд. К утру 13 сентября полки 58-й пд получили следующие задачи: 209-й полк – выдвигаться в район севернее Константиновки и захватить ее; 154-й полк – к противотанковому рву юго-западнее Финского Койрово, захватить этот поселок и лес. 220-й полк оставался в резерве.

Таким образом, эта дивизия прорывала слабые укрепления Пулковского рубежа.

К 12 ч 30 мин 209-й пп вышел к Константиновке, но только к двум часам смог ворваться в деревню, в 15 ч 30 мин немцы овладели деревней. В ходе боя они взяли около 200 пленных. 154-й полк после часа дня вышел к противотанковому рву, но преодолеть его и взять Финское Койрово не смог, немцы отмечали присутствие 4 танков противника.

Наступление 58-й пд утром 13 сентября застало части 5-й ДНО врасплох, в этот момент происходила смена частей 2-го полка подразделениями 3-го в районе Финского Койрова, оборонительную полосу у Пулкова занимал только 1-й полк. К вечеру этого дня морские артиллеристы ушли с высоты 74,9 в Ленинград. Весь день они наблюдали беспорядочный отход сухопутных частей и колонн беженцев, спешащих в Ленинград. Не получая никаких приказов свыше, командование дивизиона решило увести людей в сторону Ленинграда. В результате на своих позициях остались только расчеты на высоте 66,6, где еще оставалось боеспособным одно орудие ⁸.

На участке, где находилась 36-я мд, события развивались следующим образом. Позиции 118-го пп вновь были атакованы, атаки немцам удалось отбить, и около 5 часов вечера по берлинскому времени немецкая разведка прорвалась в Верхнее Койрово. Вечером 118-й пп смог захватить этот поселок, теперь его главной задачей был захват высоты 66,6 (Глиняной горки) после короткого удара артиллерии.

В 17 часов по московскому времени последовала контратака 2-го полка 5-й ДНО, немцев выбили из Сосновки, вечером удалось освободить станцию Горелово и ворваться в Константиновку, подразделения 3-го полка оборонялись в районе дер. Камень, не давая немцам возможности обойти рубеж с тыла, бойцам 3-го полка удалось выбить противника из дер. Кискино и продвинуться к Русскому Койрову. Удержание этих деревень позволяло немцам развивать наступление в обход высоты 66,6 и грозило выходом в тыл всей позиции.

На участке 1-го полка наступательные операции противника успеха не имели, первый батальон полка занимал высоту с обсерваторией, второй и третий батальоны – Глиняную горку. А в ночь с 13 на 14 сентября подразделения 58-й пд захватили Финское Койрово.

В течение дня немцам не удалось прорвать Пулковский рубеж, но и плохо организованные и недостаточно хорошо поддержанные огнем артиллерии контратаки ополченцев не дали нужного эффекта.

На 14 сентября 5-я ДНО получила приказ восстановить положение и выбить немцев из Финского Койрово и Константиновки. В течение этого дня поселок Горелово переходил из рук в руки, сначала немцы выбили ополченцев 2-го полка из Горелова, но контратакой положение было восстановлено. В результате наступления удалось выйти на подступы к Константиновке (иногда говорится, что ее удалось отбить, но это не так), но выбить немцев оттуда не удалось. К 18 часам на помощь ополченцам подошли подразделения 701-го сп 142-й сд.

Этим же утром, 14 сентября, командующий 4-й ТТР доложил, что дальнейшее продвижение на север зависит от возможности взять Пулково, что при условии перегруппировки трудно будет осуществить до 20 сентября. При этом было упомянуто, что захват Пулкова приведет к большим потерям в 41-м МК, а его части должны убить под Москву как можно более боеспособными. Следствием этого стало решение сосредоточиться на помощи 28-му АК и занять сначала Пушкин и Александровскую. Таким образом, немецкое командование не особенно горело желанием тратить ценный ресурс подвижных соединений в деле, исход которого для них уже казался решенным.

Пулковский рубеж теперь охватывали и с запада. 58-я пд получила приказ нанести удар на Урицк. Создавалась крайне опасная ситуация. К этому моменту Красногвардейск уже пал, пехота 50-го АК продвигалась в направлении Пушкина. И если бы немцам удалось сломить сопротивление защитников Пулковских высот, то положение Ленинграда сразу бы осложнилось. Удержание города стало бы чрезвычайно нелегким делом.

15 сентября подразделения 5-й ДНО получили приказ наступать для того, чтобы вернуть утраченные позиции, но противник опередил их и сам нанес удар в 9 часов утра.

Целью наступления для 58-й пд был Урицк и побережье Финского залива. Наступающие полки дивизии получали усиление штурмовыми орудиями, группами саперов, зенитными пушками. Непосредственно на Урицк должен был вести наступление 209-й пп. Через час после начала наступления было доложено, что из-за

мощного фланкирующего огня с насыпи железной дороги продвижение замедлено, а далее сообщили, что оно вообще невозможно. Немцам пришлось иметь дело и с оборонительными сооружениями на окраине Урицка и Старо-Панова. Пулеметный огонь оттуда сильно мешал их продвижению.

При поддержке роты штурмовых орудий и 1-й пд, которой удалось овладеть частью позиций в Сосновке, немцы сумели сначала дойти до линии железной дороги южнее Урицка, а затем и до Старо-Панова.

На соседнем участке подразделениям 220-го полка 58-й пд удалось выйти к перекрестку в 2 км севернее Константиновки, но здесь немцев остановили, большую роль сыграл огонь артиллерии, в т. ч. морской.

209-й полк 58-й пд тем временем вырвался вперед и дошел до вокзала Урицка. Как известно из отечественных источников, удар пришелся по позициям 2-го сп 5-й ДНО и 701-го сп, оборона ополченцев была смята, полки отошли от Горелова, Константиновки, Сосновки, Ново-Панова, Старо-Панова. В Урицк отступали разрозненные группы бойцов. Скорее всего, там никакого организованного сопротивления противнику никто не оказал. Свидетельством этого является заявление, сделанное А.М. Рожковым, ветераном 21-й сд НКВД, которая занимала оборону за этим пригородом⁹. Как свидетель событий, он утверждал, что противник в буквальном смысле прорвался Урицк с его укреплениями.

Если судить по переговорам со штабом 42-й армии, у Урицка отступающих в панике бойцов попытались собрать и снова бросить в бой, для поддержки им было выделено пять танков КВ. В район Урицка и в 10-ю сд у Стрельны были посланы офицеры штаба 42-й армии для организации боя. Однако развитие паники не удалось остановить, особенно когда на поле боя появились немецкие штурмовые орудия. Под их огнем бойцы бросились на северо-восток, окончательно оставляя Урицк врагу. Немцы закрепились на восточной окраине Урицка. Закрепиться нашим бойцам удалось в Новой и Дачном.

Дальнейшее развитие обстановки на этом участке оставалось для нашего командования неясным. Контратаку на Урицк возглавил лично командир 5-й ДНО, во время нее он был ранен.

В результате судьба всего Пулковского рубежа и самого Ленинграда оказалась под угрозой. Немцы оказались на кратчайшем

расстоянии от центра города и его промышленных предприятий. Притом вышли на заранее оборудованные в инженерном плане позиции, взятые ими относительно легко. С большими усилиями была сформирована боевая группа под командованием бригадного комиссара А.Е. Халезова, которая предприняла атаку в направлении Старо-Панова. Во главе атакующих бойцов шли представители командного и политического состава. Тем не менее, выбить немцев из Урицка не удалось ни в этот день, ни на следующий... Весь этот успех и отражение советских контратак стоили немцам 35 человек убитыми и 159 ранеными ¹⁰.

Это был один из самых критических моментов сентября 1941 г. под Ленинградом. С выходом противника к Финскому залив и захватом Урицка резко осложнялось и положение войск Ленинградского фронта, и защитников Пулковских высот. Рубеж обороны был прорван, но дальше, уже в черте города, оборону занимали полки 21-й сд НКВД. Наибольшие трудности теперь испытывали защитники Пулковских высот – обойдя их с запада, немцы теперь контрролировали большую часть подъездных путей к ним.

По итогам этих боев в штабе 42-й армии происходят перестановки. Генерала Ф.С. Иванова, командующего 42-й армией, в основном, за неудачные действия на Пулковском рубеже, снимают с должности. Его место занимает И.И. Федюнинский, но и ему не удастся переломить ситуацию. Спланированные в штабе фронта контрудары, которыми предполагалось разгромить красносельскую группировку противника, не приводили к нужным результатам. А положение становилось еще более катастрофическим с выходом немцев к Финскому заливу не только у Урицка, но и у Стрельны. Теперь 8-я и 42-я армии ЛФ были отрезаны друг от друга.

Тем временем немецкие планы тоже меняются. 15 сентября приказом № 3 по ГА «Север» был установлен фронт внешнего окружения южнее Ленинграда. Его граница проходила от Невы у Ивановского – через плацдарм на Ижоре – Детское Село – Пулково – шоссе Пулково, Урицк. Часть соединений 4-й ТГР предполагалось использовать для удара на Пушкин и для выхода на рубеж Усть-Тосно (включительно) – Путролово – севернее Пушкина – шоссе Пушкин, Петергоф с переходом к обороне, а 18-я армия должна была добиться выполнения задачи по выходу на указанные позиции. Командующий 4-й ТГР Гепнер заявил, что взять Пулково в данный момент не удастся, но если 41-й МК останется еще на некоторое

время, примерно 14 дней, то эта задача может быть выполнена ¹¹. Однако корпус так долго оставаться под Ленинградом не мог, поэтому его последним усилием должны были стать действия, определенные в задачах для соединений 4-й ТГР. В течение этих двух дней стало ясно, что 28-й АК не сможет выполнить своих задач по захвату Пушкина и Павловска без усиления.

Поэтому соединения, подчинявшиеся штабу 4-й ТГР, получили следующие задачи: 28-й АК – захват Слуцка и Антропшина, плацдарма на р. Ижора; 50-й АК – захват г. Пушкина (в корпус передана 285-я охранный дивизия); 41-й МК – поддержка наступления 50-го корпуса, наступление на северо-восток и захват Александровской ¹².

Это была вынужденная мера немецкого командования, ведь свои задачи успел выполнить полностью только 41-й МК 4-й ТГР, и 38-й АК 18-й армии только 15 сентября выполнил задачу по захвату Урицка. И теперь важнейшей задачей для командования группы армий «Север» было достижение рубежей второго кольца окружения. А для этого нужно было взять еще Пушкин и Слуцк. Поэтому такое мощное средство, как подвижные соединения, предполагалось использовать там, где они смогут решить исход борьбы без больших потерь.

День 15 сентября прошел на участке 36-й мд спокойно. Ее сосед справа, 1-я тд, готовилась к наступлению. Для удара на Александровскую 1-ю тд усилили артполком 6-й тд. Но начавшееся с утра 15 сентября наступление сначала не принесло противнику успеха. Только 2-му батальону 113-го мп удалось захватить Соболево на подступах к Александровской и закрепиться там. Около полудня боевая группа Хайдебрандта смогла ворваться в Александровскую, через два часа немцам удалось перерезать дорогу из Александровской в Пушкин.

Боевая группа Вестховена, двигаясь с юго-востока, достигла Александровской, прорвала советскую оборону и ворвалась в деревню. Немцы в этот день наблюдали движущиеся в беспорядки на север советские части. Это позволило с одной стороны охватить Пушкин с запада, с другой – пулковская позиция обходилась немцами с востока. В этот же день части 50-го АК начали решительное наступление на Пушкин и к исходу 16 сентября город оказался в руках врага. Это определило исход борьбы и за Павловск, избегая окружения, наши части вынуждены были оставить его. Таким

образом, оставались только Пулковские высоты, последний не занятый врагом рубеж обороны Ленинграда на ближних подступах к городу.

16 сентября было решено захватить и Пулковские высоты силами 36-й мд. 118-й пп получил приказ захватить высоту 66,6 и продвинуться на запад, полк был усилен левофланговыми подразделениями 87-го пп. На правом фланге 87-й пп получил приказ очистить от бойцов Красной армии Бол. Виттолово (не совсем ясно, когда противник был выбит из этой деревни).

А 1-я тд после захвата Александровской должна была начать наступление на Пулково. Но 16 сентября в штаб 1-й тд пришел приказ в наступлении на Пулково не участвовать, а поддержать 50-й корпус в наступлении на Пушкин. Подразделения 58-й пд на своем правом фланге должны были прикрыть атакующих от советских танков.

В ходе вечернего наступления 118-й пп 36-й мд проник в Кискино и вел уличный бой, Верхнее Койрово было захвачено, но в районе Большого Виттолово немцы столкнулись с очень сильным сопротивлением и не смогли развивать наступление дальше на север.

Вечером передний край 36-й мд проходил по рубежу отметка 64,2 – Верхнее Койрово – центр Кискина. После наступления темноты было решено отложить наступление до утра. Утром предполагалось использовать дымовую завесу, чтобы ослепить советских наблюдателей на высотах. Заградительный огонь артиллерии должен был не допустить подхода резервов к защитникам Пулковских высот.

Однако это наступление было отменено и 36-я мд должна была готовиться к отводу из-под Ленинграда. Интересно, что эта попытка врага захватить Пулково 16 сентября проходит совершенно незамеченной по документам штаба Ленинградского фронта и исследовательской литературе. Только И.Ф. Рябинкин, участник боев на Пулковских высотах в сентябре 1941 г., упоминает о ней в своих воспоминаниях¹³. За этот день 36-я мд отчиталась о том, что было убито и ранено всего около 30 человек, но на следующий день дивизия потеряла более 100 человек, хотя активных боевых действий и не вела... Потери вечера предыдущего дня были засчитаны днем следующим.

Пулковский рубеж был теперь охвачен с востока и запада. Позиции войск Красной армии на высотах стали напоминать бастион,

окруженный неприятелем. В штабе ЛФ понимали значение рубежа, но, судя по приказу от 17 сентября, плохо владели обстановкой.

Так, 17 сентября 42-я армия получила задачу прочно закрепиться на занимаемых позициях и не допустить захвата Пулковских высот. При этом ставилась задача очистить Урицк от противника и не допустить его выхода к Финскому заливу (что уже случилось). Однако выбить немцев из Урицка не удалось, хотя по донесениям в штаб ЛФ он считался очищенным от противника уже 16 сентября (!).

В свою очередь немцы, захватив Пушкин, приступили к смене частей 41-го МК пехотой 50-го АК. В течение следующих нескольких дней 36-я мд была сменена 269-й пд, а 1-я тд менялась полицейской дивизией СС. Задачей для 50-го АК в тот момент являлось взятие Пушкина и установление взаимодействия с 28-м АК. Корпус отражал советские контратаки, в т. ч. попытки отбить Пушкин, и готовился к операции по овладению Пулковскими высотами. Действия 55-й армии, пытающейся вернуть Пушкин, заставили немецкое командование на время отложить наступление с целью овладения Пулковскими высотами.

20 сентября оперативный отдел 50-го АК подготовил оценку возможности и необходимости овладения Пулковскими высотами. Согласно этому документу, высоты являлись важнейшим пунктом обороны Ленинграда, «последним бастионом», господствующей позицией. Овладеть высотами предполагалось ударами с юго-востока и северо-запада силами двух дивизий: справа наступать на север у Большого Кузьмина и овладеть Пулковом, слева овладеть высотами между Финским Койрово и северо-западом Пулкова, а затем, ударом на юго-запад ворваться в сам поселок. В наступлении должны были участвовать по два полка от каждой дивизии.

22 сентября последовал приказ командования 50-го АК за № 62, в котором 269-й дивизии была поставлена следующая задача: захватить участок высот Койрово – Пулково. Первой целью была высота 65,5, участок северо-восточнее Койрово (469-й пп), затем – Пески и Верхнее Койрово (469-й пп) – Камень (489-й пп), затем нужно было занять западную часть Пулкова. Полицейская дивизия получила приказ захватить восточную часть Пулкова, но сначала ей предстояло овладеть деревней Большое Кузьмино, расположенной к северу-западу от Пушкина. В качестве поддержки для

269-й пд привлекалась вся корпусная артиллерия, полицейская дивизия поддерживалась батареей мортир и дивизионом тяжелых полевых гаубиц, артиллерии корпуса был подчинен 680-й тяжелый артдивизион (15-см пушки)¹⁴.

Сначала предполагалось, что полицейская дивизия СС овладеет дер. Новая и улучшит свое положение на правом фланге. Потом планировалось приступить к захвату Пулковских высот. Наступление на дер. Новая было назначено на 22 сентября, и эсэсовцы смогли захватить часть деревни, не выполнив свою задачу до конца из-за сильного сопротивления и фланкирующего огня.

Несмотря на эту неудачу, утром 23 сентября, как и было запланировано, 269-я пд и полицейская дивизия СС попытались взять штурмом Пулковские высоты и овладеть Пулкомом.

Утро 23 сентября началось с мощной артиллерийской подготовки. Однако несмотря на захват деревни Верхнее Койрово, немецкую пехоту прижал к земле мощный огонь стрелкового оружия и артиллерии. Большой помехой для них оказались и минные поля. Несмотря на поддержку с воздуха и перегруппировку, немцам не удалось переломить ситуацию в свою пользу. Бой продолжался целый день.

Около четырех часов дня командир 269-й пд докладывал, что 490-й пп смог занять часть первой линии траншей и силами одной роты ворвался во вторую линию, но сильный огонь с фланга, со стороны дер. Пески, останавливает его продвижение. 469-й пп левым флангом занимает участок восточнее высоты 66,6 и находится под сильным фланкирующим огнем. А 489-й пп вынужден отойти из района дер. Камень после сильного контрудара.

В штабе дивизии надеялись, что после дополнительного огневого налета все-таки удастся занять высоту 66,6, но, несмотря на еще один приказ наступать и мощную артиллерийскую поддержку, немцы так ничего и не смогли сделать. В конце концов, во второй половине дня 269-я пд отошла на рубеж: северный край Кокколево – высота 66,6 – северный край Верхнего Койрово – Кискино.

Дивизия СС не проявляла особого рвения в этом наступлении. Когда 23 сентября 490-й пп доложил, что со стороны дивизии СС особой помощи не ощущается, то эсэсовцам было приказано начать наступление в направлении Большого Кузьмина, силами ударных групп 1-го и 3-го полков продвинуться восточнее Пулкова.

Но эсэсовцы смогли овладеть только частью Бол. Кузьмина из-за неожиданно мощного и хорошо организованного сопротивления, а также фланкирующего огня со стороны Шушар.

В конце концов, приказом командующего 50-м корпусом, около 6 часов вечера 23 сентября, наступление было приостановлено. Эта неудачная попытка довольно дорого обошлась противнику: 269-я пд потеряла 66 человек убитыми, 212 ранеными и 53 пропавшими без вести. Потери дивизии СС были ниже – 20 человек убитыми, 70 ранеными и трое пропавших без вести¹⁵. Потери войск Красной армии неизвестны. Командующий Ленинградским фронтом объявил благодарность бывшей 5-й ДНО, а теперь 13-й стрелковой дивизии, в своем приказе.

Новое наступление было назначено на 25 сентября. Но командиры 269-й пд и дивизии СС дружно заявили, что при текущей численности боевого состава дальше продолжать наступление они будут не в состоянии. Поэтому наступление было отложено. В ходе инспекторской поездки командира корпуса в 269-ю пд командиры полков доложили, что у них слишком большие потери, крайний недостаток в опытных командирах и сильно уставшие люди. Командир 490-го пп доложил, что его полк потерял в общей сложности 1370 чел. и не готов дальше продолжать наступление.

Еще одну попытку овладения Пулковскими высотами немецкое командование планировало на начало октября 1941 г. Но это наступление было отменено из-за наступления 42-й и 8-й армий ЛФ и высадки десантов на побережье у Стрельны и в Петергофе.

Таким образом, в руках советского командования остался важнейший рубеж обороны Ленинграда, в 1944 г. оказавшийся плацдармом для наступления 42-й армии в ходе полного освобождения Ленинграда от блокады. Большое значение сыграла оборона Красногвардейска, ведь задержав на 4 дня целый корпус, немцам не дали развить успех прорыва на участке северо-западнее. Сопротивление советских войск у Пулкова оказалось неожиданно сильным, и штаб 41-го МК решил избежать больших потерь, неизбежных при продвижении вперед. Тем более, что в момент выхода к Пулковским высотам части 41-го МК были растянуты на фронте от Гатчины до самих высот. Фланги были не прикрыты, но свою основную задачу по захвату Дудергофских высот корпус уже выполнил. Именно в этом заключалась одна из причин некоторой пассивности немецких подвижных соединений. Немецкий план наступления

и создания внешнего кольца окружения Ленинграда оказался частично сорванным. Важнейшая для обороны Ленинграда пулковская позиция осталась в руках бойцов Ленинградского фронта.

В заключение автор хотел бы выразить свою признательность Кириллу Соколову, Денису Жукову и Роману Ивановичу Ларинцеву, благодаря которым стали доступны уникальные немецкие материалы.

¹ Дужников Ю.А. Пулковские высоты Л., 1964. С. 5.

² Воспоминания С.И. Красновидова публиковались не полностью и с большими лакунами. В архиве автора есть более полный вариант. Здесь использовалась следующая публикация: Красновидов С.И. Враг остановлен // Ополченцы. Л., 1975. С. 361–381.

³ Крюковских А.П. Ленинградское ополчение. СПб., 2006. С. 184–202.

⁴ Соколов В. А. Пулковский рубеж. СПб., 2002. С. 60.

⁵ Маляров В.Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны. СПб., 2000. С. 42.

⁶ NARA (Национальное управление архивов и документации. США). Т. 314. R. 980. Fr. 574.

⁷ Stoves R. 1. Panzer-Division. 1935–1945. Bad-Nauheim, 1962. S. 213–214.

⁸ ЦВМА Ф. 410. Оп. 1. Д. 15. Л. 99.

⁹ Блокада рассекреченная // Сост. В.И. Демидов. СПб., 1995. С. 75.

¹⁰ NARA. Т. 315. R. 994. Fr. 115–118.

¹¹ Ibidem. Т. 311. R. 53. Fr. 303, 304, 308, 315.

¹² Ibidem. Т. 314. R. 980. Fr. 642, 643.

¹³ Рябинкин И.Ф. У обсерватории // Ополченцы. С. 385.

¹⁴ NARA. Т. 314. R. 1230. Fr. 175.

¹⁵ Данные о потерях противника из дневных донесений дивизий 18-й армии // Предоставлено Р.И. Ларинцевым.

Е.И. Нератова (Санкт-Петербург)

**О ПОДХОДАХ К ФОРМИРОВАНИЮ
ОРУЖЕЙНОГО СОБРАНИЯ
В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ
В 1902–1940-х ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ
КАВКАЗСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ РОССИЙСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

С ОЗДАНИЮ Этнографического Отдела отводилась большая роль в колоссальном по тем временам проекте имперского музея – Русского музея Императора Александра III. Неслучайно началу его непосредственной деятельности предшествовало большое количество совещаний, прошедших в 1901 г. На них выработывались основные принципы организации и работы Отдела и принципы формирования будущих коллекций музея. Обсуждения проходили в присутствии видных ученых того времени (В.В. Радлова, Д.А. Клеменца, В.И. Ламанского, П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Н.П. Кондакова, Д.А. Коропчевского, А.Н. Пыпина, В.В. Стасова, А.И. Соболевского, А.Н. Харузина, А.А. Шахматова, П.Н. Шеффера), вице-президента Академии Художеств и будущего министра народного просвещения И.И. Толстого и августейшего управляющего Императорским Русским музеем Великого князя Георгия Михайловича.

Этнографический Отдел Русского музея (ЭОРМ) должен был с самого начала не только в целом соответствовать своей задаче (представлять и изучать народы Российской империи, сопредельных стран и славян), но и сразу быть хорошо систематизированным музеем с грамотно подобранными коллекциями и соответствующим им зданием.

Это серьезное отношение к проектируемому музею, подведение научной почвы под все стороны его деятельности, безусловно,

имело важное значение. Однако оно же имело и оборотную сторону, что проявилось еще на стадии обсуждения программы музея.

В результате, наряду с темами, которые разрабатывались детально, оказались и такие, которые предлагалось решать в каждом конкретном случае в «рабочем порядке». Практически негласно к этим вопросам было отнесено и оружие, комплектование собрания которого в фондах нашего музея происходило весьма неоднозначно и неравномерно.

Как же сложилась такая ситуация?

Уже в ходе первого предварительного совещания по вопросам об устройстве и организации Этнографического Отдела Русского музея, проходившего 30 января 1901 г., возник вопрос: «какие именно предметы материального быта должны входить в состав коллекций?»¹.

Участники совещания в целом согласились с мнением Д.А. Клеменца, что этнографический музей должен собирать предметы, обладающие начальным критерием «этнографичности», т.е. те, которые человек «делает для своего домашнего обихода, своими инструментами, для удовлетворения своих потребностей»².

На следующем заседании, состоявшемся 13 февраля 1901 г., было решено составить специальную Программу для собирания коллекций будущего музея³. Для ее разработки было предложено использовать в качестве базовой программу Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) «О собирании предметов для Этнографического музея Общества» 1864 г.⁴, а также все уже существовавшие к началу XX в. наработки в этой области знаний⁵.

Программа для собирания этнографических предметов, изданная Этнографическим Отделом Русского музея в 1902 г., включала следующие темы: поселение, постройки, жилище и его принадлежности; одежда и украшения; техника в народном быту; пища и напитки; занятия и промыслы; семейный быт; суеверия и гадания; народная медицина⁶. В дальнейшем было издано еще два выпуска этой Программы⁷, которые мало чем отличались от первого.

Оружие упоминалось только в теме «Занятия и промыслы», в разделах «Охота» и «Обработка металлов». Причем в одном разделе указывалось, что охота интересует ЭОРМ главным образом «в тех местах, где этим занимается большинство населения, где это не забава, а источник жизни» и что, прежде всего, следует обращать внимание на существующие приспособления для ловли и

охоты без помощи огнестрельного оружия⁸. В другом – об оружии было сказано лишь в напечатанном курсивом примечании: «Для некоторых народов отмечаем необходимость собирать и давать сведения об оружии»⁹.

Эта фраза в Программе явилась спасительной лазейкой для комплектования коллекций, в состав которых входило оружие. Ведь среди этнографов первой половины XX в. не было полного единодушия в степени «этнографичности» такого рода предметов.

В то время как Мануфактурные, Промышленные, Всемирные выставки XIX – начала XX в. с удовольствием экспонировали традиционное кавказское оружие, решение о том, насколько оно актуально для собрания этнографического музея, принято не было. П.П. Семенов-Тянь-Шанский как член Комитета по устройению Всероссийской кустарной выставки говорил, что «в кустарном производстве вообще есть, конечно, много этнографических предметов, но чтобы иметь этнографическое значение, предмет кустарного производства должен подходить под известные признаки, в определение которых теперь было бы лучше не входить, т.к. это может завести очень далеко»¹⁰. К сожалению, это высказывание не помогло в выработке критериев отбора для этнографического собрания предметов, относящихся к кустарному, а также ремесленному производству. Д.А. Клеменц согласился, что сформулировать их сложно и сказал, что подобные вопросы придется решать особо в каждом конкретном случае¹¹. Так научное учреждение, пытавшееся систематизировать и структурировать все области своей деятельности, после долгих дискуссий положило на случай и на «особые решения».

Более того, Д.А. Клеменц считал, что первое время в музей нужно принимать все, т.к. «провинциальные корреспонденты еще не скоро поймут, что именно нужно музею», обижать их отказами не следует, ибо «ими будет поддерживаться музей»¹².

И именно благодаря корреспондентам ЭОРМ, а также частным лицам, собрание музея в начале XX в. пополнялось образцами кавказского оружия.

Если проанализировать в целом процесс пополнения коллекций традиционным оружием в 1902–1940 гг., то можно сделать следующие выводы:

1. Приобретение оружия делалось в основном не штатными сотрудниками музея и не в плановых экспедициях, а многочисленными

корреспондентами музея. А именно: востоковедом Н.Я. Марром, студентами З.П. Валаевым, М.О. Зандукели, Г.А. Бонч-Осмоловским (впоследствии сотрудником ЭОРМ), архидиаконом С.В. Тер-Аветисяном, агрономом и заведующим управлением кустарной промышленности на Кавказе А.С. Пираловым, художницей А.Л. Млюкосевич, Харламовым, ювелиром Саидом Магомед-Оглы. Как видно, большинство этих корреспондентов не были учеными-этнографами. И все они работали как в рамках Программы музея, так и на собственное усмотрение.

2. Из штатных сотрудников музея оружие на Кавказе в начале XX в. приобреталось лишь двумя: этнографом, археологом, кавказоведом А.А. Миллером и художником К.З. Кавтарадзе. К.З. Кавтарадзе привез из своей поездки на родину в 1917 г. один кинжал и четыре сабли. А замечательный ученый, а заодно и член Императорского Русского Военно-исторического Общества А.А. Миллер за многие годы своих экспедиций на Кавказ привез в музей лишь один кинжал, одно кремневое ружье и один кремневый пистолет. В 1930–1940-х гг. оружие с Кавказа привозили сотрудники музея: Е.Н. Студенецкая, Л.Ф. Виноградова и В.П. Муратхан. Всего ими было приобретено пять кинжалов, четыре из которых изготовлены в 1930-х гг.

Складывается впечатление, что штатные сотрудники музея не отводили оружию в традиционной культуре народов Кавказа столь же значимую роль, как корреспонденты музея, и потому привозили из своих экспедиций лишь единичные предметы. И это несмотря на то, что для народов Кавказа воинская культура являлась органичной частью народной культуры! Без нее невозможно себе представить быт этих народов, их социальную организацию, многие обычаи и обряды. Оружие было атрибутом общественных отношений, неотъемлемым элементом мужского костюма и, по большей части, результатом работы местных мастеров (клиночников, серебряников, мастеров золотой насечки и многих других), а нередко и производением искусства.

Впрочем, рассматривая отчеты о приобретениях предметов в поездках, которые оставили корреспонденты музея, становится очевидным, что оружие было весьма недешево в те времена. Поэтому напрашивается вывод, что, не имея четких указаний в Программе насколько оружие является необходимым предметом для этнографического собрания, наши предшественники (сотрудники

музея) просто не рисковали делать слишком дорогие приобретения в экспедициях. А частные лица гораздо смелее тратили музейные средства на приобретение тех или иных предметов, не говоря уже о том, что местные жители не могли себе представить, что бывавшее на Кавказе оружие может быть спорным для этнографического музея.

3. Еще одним источником поступления оружия стали дары музею или продажа предметов частными лицами. Это пополнение не было ни систематическим, ни целенаправленным. Среди дарителей могут быть названы Великий князь Георгий Михайлович, Император Николай II (приобретший для музея коллекцию Ф.М. Плюшкина), П.П. Потоцкий. В оружейные части этих коллекций входило кавказское, иранское и турецкое оружие. Среди частных лиц, продававших традиционное оружие музею, были: М.В. Синегуб, А.П. Эллов, Е.М. Мартынова, Е.Е. Тевяшев и др.

Интересно, что все предложения о поступлении кавказского оружия, которые происходили непосредственно в музей, чаще всего рассматривались как подходящие тематике музея и весьма желательные для пополнения музейных коллекций. И это объяснимо. Совет Этнографического Отдела обсуждал необходимость приема в фонды предлагаемых предметов и решал оплатить их приобретение. Таким образом, оплата происходила уже на основании решения Совета (а не до оного – на свой страх и риск – в экспедиции).

4. Наконец, был такой характерный для 1920–1950-х гг. источник поступления, как передача из других учреждений и из Государственного музейного фонда. В те годы многие музеи были вынуждены безвозвратно отдавать предметы из своих коллекций (и хорошо, если в другие музеи). ЭОРМ очень пострадал во время таких передач, однако в эти же годы удалось и пополнить свои фонды замечательными предметами. Среди них было и кавказское оружие.

Если посмотреть на процентное соотношение поступлений кавказского оружия в фонд музея из разных источников, то можно обнаружить, что более 40 % поступлений приходится на частных лиц-корреспондентов музея, комплектовавших коллекции в своих поездках на Кавказ за счет музея. Около 30 % приходится на поступления от частных лиц, в том числе коллекционеров, даривших или продававших в музей предметы из своих собраний в Петербурге (Петрограде–Ленинграде). Чуть менее 20 % – на поступления

из других учреждений. И лишь немногим более 10 % предметов было привезено из экспедиций сотрудниками музея.

Отношение в нашем музее к оружию, как к чему-то второстепенному сохранялось и в дальнейшем. Казалось, что оно не совсем подходило тематике этнографического музея. И основными причинами этого для этнографов начала XX в. можно считать следующие:

Во-первых, этнография XIX в. стремилась изучать первобытные народы. И хотя исследователями признавалось, что таких «диких» (иначе: не испорченных цивилизацией) народов уже к началу XX в. было относительно немного и все они в большей или меньшей степени претерпели изменения под влиянием европейской культуры, было подспудное («инерционное») стремление к этнографическому «идеалу». И в связи с этим хотелось видеть и оружие таким же первобытным или хотя бы достаточно архаичным.

Во-вторых, мешало справедливое суждение, что оружие чаще всего является результатом работы профессиональных мастеров. Что нередко вызывало решительное расхождение между понятиями «изготовление» и «бытование», столь важными для этнографии.

В-третьих, желание ученых начала XX в., определяя круг интересов любой науки, сузить ее. От энциклопедизма XVIII в. наука шагнула к специализации. И исследователи старались оставлять себя в четких рамках своей науки, несмотря на то, что частенько касались пограничных тем.

Эти же причины стали в дальнейшем поводом для передачи части оружейных коллекций в другие учреждения.

Отношение к оружию в собрании нашего музея изменилось совсем недавно. И в настоящее время при первой же имеющейся возможности мы пополняем фонды традиционными образцами оружия народов Кавказа.

¹ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

² Там же. Л. 20 об.

³ Там же. Л. 6 об.

⁴ Этнографический сборник ИРГО. СПб., 1864. Вып. VI. Приложения. С. 1–7; Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 27–30.

⁵ Программа для собирания этнографических сведений, составленная при Этнографическом Отделении императорского Общества Любителей Естественных наук, антропологии и Этнографии. М., 1887; Программа для собирания

сведений по этнографии. Императорское Русское Географическое Общество. СПб., 1901. С. 1–9.

⁶ Программа для собирания этнографических предметов. Изд. Этнографического Отдела Русского музея. Изд. 1-е. СПб.

⁷ Программа для собирания этнографических предметов. Изд. Этнографического Отдела Русского музея. Изд. 2-е. СПб.; Программа для собирания этнографических предметов. Изд. Этнографического Отдела Русского музея. Изд. 3-е. СПб., 1904.

⁸ Программа для собирания этнографических предметов. Изд. Этнографического Отдела Русского музея. Изд. 1-е. СПб. С. 36; Программа для собирания этнографических предметов. Изд. Этнографического Отдела Русского музея. Изд. 2-е. СПб. С. 41; Программа для собирания этнографических предметов. Изд. Этнографического Отдела Русского музея. Изд. 3-е. СПб., 1904. С. 41.

⁹ Программа для собирания этнографических предметов. Изд. Этнографического Отдела Русского музея. Изд. 2-е. СПб. С. 29; Программа для собирания этнографических предметов. Изд. Этнографического Отдела Русского музея. Изд. 3-е. СПб., 1904. С. 29.

¹⁰ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 21.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 63 об.

В.О. Никитин (Санкт-Петербург)

**РУКОПИСЬ «ЗАПИСОК»
И.С. ЖИРКЕВИЧА В АРХИВЕ ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ,
ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ**

ИВАН Степанович Жиркевич (1789–1848) – офицер гвардейской артиллерии, участник наполеоновских войн, чиновник артиллерийского департамента (1824–1829), губернатор Симбирской (1835–1836), Витебской (1836–1838) губерний¹. После выхода в отставку в 1838 г. начал работу над мемуарами, которые вошли в историографию как «Записки». Опубликованные уже после смерти автора, они стали весьма популярны.

В «Записках» Жиркевича отражены многие события российской истории первой половины XIX в., даны характеристики известным историческим деятелям эпохи. Много страниц Жиркевич посвятил описанию событий наполеоновских войн. Автор подробно описывает жизнь российского дворянства и чиновничества 1820-х–1840-х гг., особенности организации службы в губернских, центральных и местных учреждениях. Благодаря своей информативности «Записки» заслуженно стали ценным источником по истории России первой половины XIX в. Мемуары И.С. Жиркевича востребованы в этом качестве до сих пор, о чем свидетельствует их современное переиздание, которое было осуществлено в 2009 г. издательством «Кучково поле»².

Впервые текст «Записок» опубликован в журнале «Русская старина» в 1874 г. благодаря стараниям и энтузиазму предводителя дворянства Дисненского уезда Витебской губернии Сергея Дмитриевича Карпова³. Карпов был знаком с сыном И.С. Жиркевича – Владимиром Ивановичем, который передал ему рукопись

воспоминаний отца. Карпов, заинтересовавшись сочинениями И.С. Жиркевича, взял на себя труд подготовить воспоминания к печати. Публикация мемуаров Жиркевича в «Русской старине» продолжалась до 1890 г.⁴ Переиздание 2009 г. полностью воспроизводит текст, опубликованный в «Русской старине»⁵.

Таким образом, сегодня воспоминания И.С. Жиркевича известны в том виде, в каком их опубликовал С.Д. Карпов в последней четверти XIX в.

В архиве ВИМАИВиВС хранится рукопись «Описание жизни генерал-майора Ивана Степановича Жиркевича»⁶. Она представляет собой два тома формата in folio, написана на листах размером 350x225 мм, переплетена в картон с кожаным корешком.

Первый том состоит из 298 листов, составленных в 24 тетради. На корешке тиснением выполнена надпись: «Описание жизни генерал-майора Ивана Степановича Жиркевича. Часть 1». На лицевой стороне верхней крышки приклеен вырезанный из бумаги ярлык в виде раскрытой книги, на котором написано черными чернилами: «Рукопись Записок генерал-майора Ивана Степановича Жиркевича Часть 1-я. Жертвуется внуком И.С. Жиркевича в Исторический музей Гвардейской артиллерии. Ал. Жиркевич. г. Вильна апрель 1892 г.». На обороте верхней крышки переплета в верхнем левом углу – светло-оранжевый ярлык 55x73 мм с надписью: «Исторический музей Л.-Гв. 1-й Артиллерийской бригады». В нижней части оборота верхней крышки переплета красным карандашом выведено: «пр34п273».

**Иван Степанович Жиркевич.
Портрет из книги П.П. Потоцкого
«История гвардейской артиллерии»**

Второй том состоит из 288 листов, составленных в 19 тетрадях. На корешке тиснением выполнена надпись: «Описание жизни

генерал-майора Ивана Степановича Жиркевича. Часть 2». На лицевой стороне верхней крышки также приклеен вырезанный из бумаги ярлык в виде раскрытой книги и написано черными чернилами: «Рукопись Записок генерал-майора Ивана Степановича Жиркевича Часть 2-я». На обороте верхней крышки переплета в верхнем левом углу, как и в первом томе, присутствует светло-оранжевый ярлык 55x73 мм с надписью: «Исторический музей Л.-Гв. 1-й Артиллерийской бригады».

Рукопись выполнена одним почерком с многочисленными исправлениями авторского характера. Есть основания полагать, что именно этот список является оригиналом «Записок» И.С. Жиркевича и написан его рукой.

По всему тексту рукописи в большом количестве встречаются карандашные пометы, сделанные почерком, отличным от авторского, и даже целые страницы, перечеркнутые карандашом. Для того чтобы сделать обоснованные выводы о роли этих помет и исправлений, необходимо провести тщательную работу по сличению опубликованного и рукописного текстов и выявить разночтения. Эта работа еще в самом начале, однако даже предварительный анализ некоторых мест рукописи позволяет говорить о том, что при первой публикации текста воспоминаний в нем сделано множество купюр.

Специфика подготовки к печати материалов подобного рода в XIX в. заключалась в том, что издатели довольно вольно обходились с авторским текстом. Поэтому первая публикация «Записок» в этом смысле типична.

С.Д. Карпов во вступительной статье прямо пишет, что «сохраняя страницы, лично до автора относящиеся, мы имели в виду лишь характеристику нравов и быта русского общества того времени; затем все, что не имеет этого значения нами опущено»⁷. Для всестороннего изучения «Записок» И.С. Жиркевича как исторического источника, прежде всего, следует по возможности восстановить их полный авторский текст.

Следует отметить, что определить жанр рукописи однозначно нельзя. Помимо воспоминаний о «славных днях минувших», «Записки» содержат места, характеризующие состояние автора и события, которые происходили во время написания произведения. Поэтому воспоминания имеют некоторый «дневниковый оттенок». Последовательность расположения тетрадей в обоих томах рукописи и

сопоставление этой последовательности с авторской датировкой дает возможность предположить, что рукопись в том виде, в котором она есть, была сформирована, исходя из хронологии и логики сюжетной линии самого текста воспоминаний, что, возможно, не соответствует изначальному авторскому замыслу.

Несомненно, как история рукописи, так и история текста требует дальнейшего подробного изучения, и цель представленного сообщения заключается лишь в том, чтобы обозначить проблему. Важно, что она ставится впервые, несмотря на то, что «Записки» И.С. Жиркевича – известный источник по истории России первой половины XIX в.

¹ О И.С. Жиркевиче см.: Брокгауз и Ефрон. Новый Энциклопедический словарь. Т. 17. С. 913; Биографический словарь. Русские писатели. 1800–1917 гг. М., 1992. Т. 2. С. 271; Жиркевич-Подлесских Н.Г. «Я имел счастье быть внуком И.С. Жиркевича...» / (Витебский губернатор Иван Степанович Жиркевич и его мемуары.) // Невельский сборник. По материалам Девярых Невельских Бахтинских чтений. № 8. СПб., 2003. С. 141–151. Кроме того, самая основательная на данный момент подборка биографических сведений о И.С. Жиркевиче содержится во вступительной статье к современному переизданию «Записок»: Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М.: Кучково поле, 2009. С. 5–15.

² Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848.

³ Записки Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. 1874. Т. IX. № 2. С. 207–244.

⁴ Записки Ивана Степановича Жиркевича // Указ. изд.; Т. X. № 8. С. 633–666; Т. XI. № 11. С. 411–450; Т. XI. № 12. С. 642–664; Т. XIII. № 8. С. 554–580; 1876. Т. XVI. № 8. С. 627–648; Т. XVII. № 9. С. 127–144; № 10. С. 251–266; № 12. С. 771–786; 1878. Т. XXII. № 7. С. 401–422; Т. XXIII. № 9. С. 33–54; 1890. Т. LXVII. № 7. С. 63–132; № 8. С. 225–277; № 9. С. 667–706.

⁵ Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. С. 15.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 51. (Сборные дела). Оп. 96\5. Д. 1. Д. 2.

⁷ Записки Ивана Степановича Жиркевича // Указ. изд. Т. IX. С. 211–212.

А.С. Николаева (Москва)

ЭКСПОНИРОВАНИЕ ОРУЖИЯ В СОКРОВИЩНИЦЕ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Д О СИХ ПОР экспозиции вооружения, как и приемам экспонирования оружия в императорской Оружейной палате в первой половине XIX в., не было посвящено специального исследования¹. Опубликованные источники этого времени, каталоги и путеводители по Оружейной палате, зачастую обходят вниманием коллекцию оружия. Так, в первом каталоге, посвященном музею, Алексея Федоровича Малиновского², историка, архивиста, почетного члена Оружейной палаты были опубликованы только государственные регалии. В следующем издании 1826 г. его автор известный журналист, издатель «Отечественных записок» Павел Павлович Свиньин³, также почетный член Оружейной палаты, описывает собрание оружия кратко, с сожалением констатирует, что «археологических» сведений об этой коллекции мало⁴. Он выделяет комплекс из государственного щита, меча и знамени, а также коллекцию булав как неких регалий воинского характера. Наряду с этим, П.П. Свиньин приводит описание здания музея и программы его архитектурного декора. Автор следующего «Краткого описания Оружейной палаты»⁵ Павел Евреинов обходит коллекцию оружия вниманием. Лишь путеводитель⁶ 1843 г. Михаила Николаевича Загоскина⁷ дает как описание коллекции оружия, так и приемов его экспонирования. В 1844 г. художник Николай Алексеевич Бурдин выполнил вид зала с экспозицией оружия и групповым портретом сотрудников музея. Это полотно служит прекрасной, но, к сожалению, пока единственной обнаруженной иллюстрацией экспозиции Оружейной палаты этого времени⁸ (рис. 1).

**Рис. 1. Н.А. Бурдин. Зала в Оружейной палате в Москве 1844.
Холст, масло. ГИМ**

Традиции экспонирования вооружения в музее сформировались в 20-х гг. XIX в., когда складывалась его первая экспозиция. Она устраивалась в специально построенном для музея здании. Его возвели в 1810 г. по проекту наследника идей Матвея Казакова, архитектора, известного к тому времени рядом построек в Москве, Ивана Васильевича Еготова⁹. Следуя классицистической традиции, И.В. Еготов спроектировал здание с ярко выраженной идейной программой. В начале XIX в. государственными идеологами Оружейная палата воспринималась и трактовалась как музей исторический, но в соответствии с панегирически-риторическим направлением отечественной историографии, самым ярким представителем которого был Николай Михайлович Карамзин. Соответственно с этими идеями и в традициях ансамблевой застройки, повышенным вниманием к которой характеризуется период

высокого классицизма, было выбрано место для музейного здания. Оно располагалось в основании треугольника, сторонами которого стали Арсенал – детище Петра I – и Сенат – дар Москве императрицы Екатерины¹⁰. Современники восклицали «оружие и закон преграждают путь к святилищу славы наших предков»¹¹.

Центр протяженного двухэтажного здания был выделен коринфским портиком. Над ним высились аттик и пологий купол. Над окнами второго этажа расположились лепные барельефы с сюжетами русской истории. В них, по отзыву П.П. Свинына, были воспроизведены «происшествия из истории нашей (русской. – А. Н.), служащие ей украшениями»¹². Такие далекие, как принятие христианства Русью в X в. и битвы с татарами. Более близкие – победы над шведами при Красной горке и Ревеле, над турками при Кагуле и Чесме. Над аттиком размещались скульптуры деятелей русской истории различных периодов¹³. Креститель Руси равноапостольный князь Владимир, герои Куликовской битвы монахи Троице-Сергиева монастыря Пересвет и Ослябя – возвращали зрителя к истокам русского государства. Покоритель Сибири Ермак Тимофеевич – символизировал начало колонизации и последовавший за этим значительный рост державы. Освободители Москвы от польско-литовских интервентов Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский – национальную независимость, начало правления династии Романовых, а видные государственные деятели XVII в. А.Л. Ордин-Нащекин, А.С. Матвеев, князь В.В. Голицын – значительные военные и дипломатические успехи России этого столетия. Подбор персонажей был осуществлен в 1808 г. А.Ф. Малиновским¹⁴. И барельефы, и скульптура должны были подготавливать зрителя к тому, что он увидит внутри музея. Автором скульптур стал художник Гавриил Тихонович Замаев¹⁵. Без аллегорий ассоциировалась с названием музея артиллерийская коллекция, выставленная вдоль фасада. В том числе и знаменитая Царь-пушка, произведение литейщика Андрея Чохова (рис. 2).

Анализ опубликованных источников показывает, что в 20-х гг. XIX в. экспозиция музея делилась на две равные части. Оружью были посвящены два зала из четырех¹⁶. В 1840-х гг. экспозиция оружия располагалась уже в трех залах из пяти. В новый экспозиционный зал между 1826–1842 гг. был преобразован обширный вестибюль второго этажа, ранее свободный от экспонатов. В этот зал посетитель попадал, как только поднимался по парадной лестнице

Рис. 2. П.А. Герасимов. Вид на старое здание Оружейной палаты в Московском Кремле. XIX в. Акварель. Музеи Московского Кремля

во второй, экспозиционный этаж. Оружие и доспехи в нем были представлены в интереснейших тематических трофеях. Таких трофеев было несколько. Два из них – вокруг портретов первых Романовых – можно назвать «мемориальными». В их составе были доспехи Михаила Федоровича (рис. 3), Алексея Михайловича (рис. 4) и предметы вооружения их времени.

«Военный» трофей был посвящен Полтавской баталии. Трудно переоценить значение первой победы русских войск в Северной войне 1700–1721 гг. для славы русского оружия и российской истории. Победоносным завершением этой войны Россия обязана своим новым государственным устройством. А российские монархи – титулом императора. Под портретом императора Петра I были расположены носилки шведского короля Карла XII, барабаны, литавры, взятые в Полтавском сражении, сигнальные трубы, серебряные офицерские знаки, холодное оружие и знамена того времени. Напротив трофея в ящике хранились пищажи Петра I. Дополняли композицию древки шведских знамен, взятых в Полтавскую баталию, но стоящие рядом с трофеем, в особых стойках¹⁷.

Рис. 3. Доспех зеркальный.
Оружейная палата, 1616.
Мастера Дмитрий Коновалов,
Андрей Тарман. Серебро,
сталь, ткань; ковка, чеканка,
травление, резьба, золочение.
Принадлежал царю
Михаилу Федоровичу

Рис. 4. Доспех зеркальный.
Оружейная палата, 1663.
Мастер Никита Давыдов.
Серебро, сталь, ткань,
бахрома, кожа; ковка, чеканка,
резьба, золочение, серебрение.
Принадлежал царю
Алексею Михайловичу

Около портрета императора Александра I был образован «политический» трофей. В своей основе он был посвящен недавнему событию (по отношению ко времени создания экспозиции) – военной операции русских войск по подавлению польского восстания 1830–1831 гг. и сложился из знамен, пожалованных польским полкам Александром I и Николаем I, и знамен польских повстанческих войск, собранных в отдельной стойке. Особое место среди них принадлежало знамени польских военных формирований, входивших в наполеоновскую армию, с соответствующей надписью по-французски. Как известно, было организовано несколько польских отрядов на юге Франции и в Италии, служивших Французской республике и ставивших своей задачей восстановление польской независимости. Эти военные формирования участвовали и в походе Наполеона в Россию. Рассказ о вероломстве поляков, попытавшихся потрясти государственные устои России, заканчивал

уникальный экспонат – бронзовый ковчег с подлинником польской конституции 1815 г. (рис. 5)¹⁸, расположенный в изножье портрета на полу. Но состав экспонатов трофея позволяет предполагать более широкое его толкование – это характеристика значительных событий русской истории, произошедших в царствование Александра I, рассказ о его особой миссии освободителя Европы от Наполеона. Под портретом императора были размещены крепостные ключи. Традиционно ключ среди военных трофеев символизировал капитуляцию города, крепости. Два крепостных ключа, входивших в этот трофей, отражали два направления российской политики александровской эпохи. Первый – от турецкой крепости Браилов – важного стратегического пункта, взятием которого за-

Рис. 5. Ларец с конституцией Царства Польского. 1917–1922. Музей Московского Кремля. Ф. 60. Д. 178. Л. 31

вершилась успешная кампания 1809 г. русско-турецкой войны 1806–1812 гг.¹⁹, был связан с войнами на Балканах, которые Россия вела с Османской империей на протяжении XVII–XIX вв. Второй – от польской крепости Замостье, взятой в 1813 г.²⁰, – с Отечественной войной 1812 г. и Заграничным походом русской армии. Рядом с портретом на столе хранился набор парадного оружия, преподнесенный в 1814 г. благодарными парижанами военному губернатору Парижа князю Фабиану Вильгельмовичу Остен-Сакену (рис. 6) за примерное поведение русских войск при оккупации французской столицы. Этот набор был передан в 1835 г. в Оружейную палату по личной просьбе Ф.В. Остен-Сакена, изложенной им в письме Николаю I²¹. Так мощным аккордом, раскрывавшим освободительную миссию Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., завершалось экспозиционное звучание этого трофея.

Вещевой состав экспозиции этого зала не позволяет дать ему четкую характеристику. Условно его можно было бы назвать «Трофейным», но описанные выше трофеи были лишь частью экспозиции,

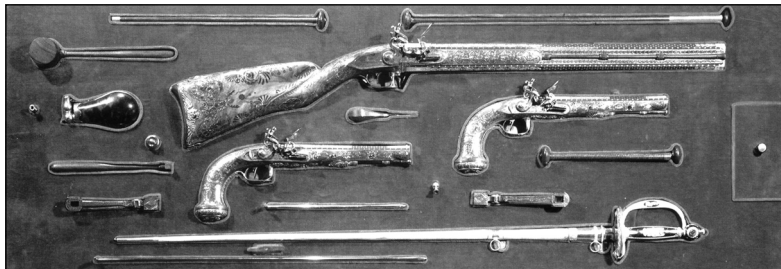

Рис. 6. Полный гарнитур парадного оружия. Франция, начало XIX в. Мастер Н.Н. Бутэ

основную массу которой составляли предметы средневекового вооружения. Доспех XVII–XVIII вв. показывали на высокой конструкции с полками – пирамиде. На ней находились две восковые фигуры в детских латах (рис. 7)²². Рядом с пирамидой была устроена многоярусная полка с шипаками и шлемами различных форм XV и XVI столетий²³. Большую выразительность демонстрации предметов вооружения придавали манекены с реконструкцией полного вооружения. В зале их было шесть. Четыре (три пеших и один конный) представляли русское вооружение и два (пеший и конный) – западноевропейское.

Около дверей в соседние залы в стойках находились «железные бердыши, составлявшие часть оружия, которыми защищались иноки Троице-Сергиевского монастыря от поляков во время шестнадцатимесячной осады их монастыря, в 1608–1609 году»²⁴. Эти и другие предметы музей получил, по инициативе Николая I, из Троице-Сергиевой лавры в апреле 1830 г.²⁵

Дополняли экспозицию живописные портреты императоров династии Романовых, развешенные по стенам. В этом и двух соседних залах нашли свое место мраморные медальоны с портретами царей династии Рюриковичей и Романовых из Чесменского путевого дворца, выполненные Ф.И. Шубиным в 1774–1775 гг. по заказу Екатерины II и переданные в Оружейную палату в 1831 г.

В следующем зале показывалось холодное и огнестрельное оружие XVI–XVIII вв. русской, западноевропейской и восточной работы, а также знамена. По стенам были развешены ружья, сделанные на русских заводах в XVIII в. Одновременно экспозиция поражала блеском парадного конского убранства и парадного вооружения

русских государей. Здесь же располагалась часть польского, но уже «культурного» трофея 1831 г.: портреты польских королей династии Пястов из варшавского королевского замка кисти придворного художника короля Станислава Августа Марчелло Ба-чиарелли.

Довольно яркие группы были сформированы из саадаков, а также наручей XVII в. восточной работы. В их числе были подлинные шедевры мастерства – саadak царя Алексея Михайловича (Стамбул, 1656), а также драгоценный доспех боярина Федора Михайловича Мстиславского (Турция, конец XVI – начало XVII вв.).

В зале демонстрировались древние стяги – Ивана Грозного 1560 г., Ермака Тимофеевича, князя Д.М. Пожарского. Последний поступил в музей в 1827 г. по предложению Николая I как ценнейшая историческая реликвия. В имении наследников князя Пожарского, селе Пурех Нижегородской губернии, он хранился в церкви. После передачи знамени в Оружейную палату его владелице М.А. Дмитриевой-Мамоновой был пожалован бриллиантовый фермуар²⁶.

Примечательной экспозиционной группой были предметы вооружения русских императриц: Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II, в том числе лейб-кампанская шапка-гренадерка Елизаветы Петровны; а также сабли знаменитых исторических персонажей: Стефана Батория, князя Мстиславского, Минина и Пожарского. Сабли – от турецких султанов Абдул-Гамида и Селима III, входившие в состав даров, присланных ими Екатерине II по заключении Кучук-Кайнарджийского 1774 г. и Ясского 1792 г. мирных договоров. Меч польского короля Станислава Августа,

Рис. 7. Полудоспех детский – шлем, нагрудник, наспинник, пара набедренников (модель). Европа, XVII в. Железо, латунь, кожа, бархат; ковка, чеканка, резьба

который использовался в похоронных процессиях в Варшаве по случаю кончины императора Александра I²⁷.

Очень интересной экспозиционной группой были различные булавы XVII–XVIII вв., собранные в одной витрине. Источник 1843 г. особо выделяет среди них всего два памятника «с титулом царя Михаила Федоровича; другая прислана в 1795 году Императрице Екатерине II от турецкого султана... прочие булавы, – читаем там же, – принадлежали боярам: Милославскому, Пушкину, Голицыну, Лыкову»²⁸. Примечательно, что ранее этот комплекс описан иначе и очень подробно. «Булавы у всех народов, – читаем у П.П. Свиньина, – были знаком повелительства, и восточными владыками употребляемы были вместо скипетра... Орудий сих разного рода, в том числе и с камнями, находится здесь великое множество. Они доставались Государям по праву владения и делались нарочно в память значительных завоеваний, также получались от покоренных стран и присылаемы были в дар от разных владельцев»²⁹. Булава великого князя Ивана Ивановича – отразила в своей легенде момент древней истории – «собрание земель» Великого князя Ивана III, когда в 1485 г. тверское княжество было передано в удел наследнику русского престола. Период строительства сильного государства с единовластным монархом во главе символизировали сразу несколько жезлов. «Новгородская» булава – наместнический знак посадника. «Острожская» – Константина Ивановича Острожского, великого литовского гетмана, взятая у него при пленении в 1500 г. «Лифляндская» 1577 г., взятая как военный трофей Иваном Грозным при завоевании латвийской крепости Кокнесе. «Казанская» – московской работы, наместнический жезл казанского царя. «Сибирская» – сибирского царя Кучума. «Касимовская» – пожалованная в 1600 г. Борисом Годуновым касимовскому царю. Время правления Романовых характеризовали булавы как завоеванных территорий, так и присоединенных к России по доброму волеизъявлению их народов. Булава Богдана Хмельницкого была получена Алексеем Михайловичем при воссоединении Украины с Россией в 1654 г. «Литовская» – сделана по повелению того же царя в память завоевания великого княжества литовского и избрания его в польские короли. «Грузинская» – поднесена «в 1658 году июля 6 Грузинским Царем Теймурашем Давидовичем, в изъявлении его подданства со всею Грузией»³⁰. «Польская конфедератская булава» – трофей графа Петра Александровича

Румянцева-Задунайского при «пленении мятежных в Польше войск у бывшего над ними главного начальника Вавржетского»³¹.

Часть из представленных булав свидетельствовали о высоком престиже русских государей на международной арене. Это были дипломатические подарки иностранных правителей. Шестопер с яшмовой рукояткой и золотой головкой, преподнесенный 23 мая 1632 г. царю Михаилу Федоровичу от султана Мурада IV турецким послом Фомой Кантакузиным. Стальной с золотой насечкой пернат от правителя Хорезма Надир-Мохаммеда 1643 г. Персидский пернат, присланный в 1658 г. от шаха Аббаса II. Две золотые булавы, подаренные царям Ивану и Петру Алексеевичам от персидского шаха в 1692 г. Турецкие, поднесенные императрице Екатерине II в 1774 и 1792 гг. от султанов Абдул-Гамида и Селима III.

Таким образом, эта обособленная коллекция, по замыслу экспозиционеров первой четверти XIX в., отражала официальную титулатуру русского государя, говорила о приращении территорий России и высоком международном престиже государства в основном в царствование династии Романовых. Очевидно, что экспозиционным замыслом она объединялась как с посольскими дарами, так и с государственными регалиями, или, как они названы П.П. Свиным «коронами побежденных царств»³², на которые возлагалась та же смысловая функция. Однако, в отличие от корон, которые использовались в церемонии коронации, воплощая собой владичество русского царя над различными территориями государства, эта функция у булав была номинальной, и в официальном государственном церемониале XIX в. они не задействовались.

Выделялась небольшая группа кортиков, по-видимому, охотничьих, западноевропейской работы, поступивших в Оружейную палату из Рюст-камеры. Обособление которых напоминало о столь значительном событии в истории музея, как слияние в 1810 г. по повелению императора Александра I двух уникальных хранилищ оружия Большой государевой оружейной казны и императорской Рюст-камеры для совместного экспонирования в Оружейной палате³³. В экспозиции музея они тесно переплелись, дополняя, обогащая друг друга, составили неповторимый облик экспозиции оружейного мастерства лучших центров России, Западной Европы, стран Востока.

Экспозиция последнего зала, такая же яркая и красочная, как предыдущего, запоминалась, в том числе, показом седел, которые

были собраны только здесь. По обе стороны от входа на подставках демонстрировались седла от посольских подарков турецких султанов Селима III и Абдул-Гамида Екатерине II. Источник 1843 г. выделяет среди прочих седла Бориса Годунова, князя Пожарского, Михаила Федоровича. Здесь же показывались части убора выводной лошади: цепи, узды, решмы. По обе стороны эркера находились два шкафа с санными полостями царя Алексея Михайловича. Как известно, сани в XVII в. были не столько зимним, сколько почетным видом транспорта. Езда в санях в некоторых случаях была исключительно прерогативой государя.

В эркере была устроена интереснейшая пирамида, экспонаты которой имели отношение к истории Оружейной палаты как хранилища оружия. В ней были собраны остатки Большой оружейной казны, сгоревшей в 1737 г. во время грандиозного пожара в Московском Кремле³⁴. Для демонстрации древних шлемов и кольчуг, в том числе принадлежавших видным деятелям русской истории, была устроена пирамида. Среди прочих на ней показывалась кольчуга князя П.И. Шуйского, которая была после смерти боярина в 1564 г. взята в казну и пожалована Иваном Грозным Ермаку Тимофеевичу. Байдана Бориса Годунова с надписью на каждом кольце «с нами бог никтоже на ны», и ныне украшающая экспозицию Оружейной палаты.

Не обошлось без трофеев и в этом зале. В углу, справа от входа, размещался военный трофей царствования императора Николая I, свидетель победоносного завершения русско-персидской войны 1826–1828 гг. – тронное кресло «Аббас-Мирзы, наследника Персидского престола, вывезенное в 1827 году из Тавриза»³⁵. Рядом с ним на стене была устроена композиция из древних шлемов и ерихонок по обе стороны от портрета императора Николая I. Этот трофей сложен в толковании, возможно, так, специальным отбором экспонатов, вокруг императора концентрировалась вся военная слава его предков. Ведь слева от портрета были размещены: шлем князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, и его кольчуга, найденные на поле Липицкой битвы 1216 г., а справа – ерихонские шлемы разного времени. Среди ерихонок особенно выделялись: «шлем Александра Невского» (шапка с Деисусом, Византия, XIII–XIV вв.); шлем Михаила Федоровича 1621 г. мастера Никиты Давыдова – воинская регалия русского царя и в то же время своеобразный символ Оружейной палаты; ерихонская шапка

боярина Федора Мстиславского (Турция, XVI в.), которая в 1654–1656 гг. сопровождала царя Алексея Михайловича в Смоленском и Рижском походах. Но вероятно и то, что император, присутствием символа Оружейной палаты, был показан как патрон музея, деятельно преобразующий свое древлехранилище.

Таким образом, экспозиция оружия императорской Оружейной палаты первой половины XIX в. составляла большую часть экспозиции музея. Пестрая и выразительная по своему составу, она была наполнена особым содержанием, выраженным специфическими средствами. Одним из основных приемов экспонирования оружия и доспехов этого времени был трофей или военная арматура (от лат. *armatura* – *вооружение*). Смысловые и художественные композиции из оружия, доспехов, знамен, симметрично скомпонованные вокруг некоего центра, были позаимствованы из ампириной архитектуры. В Оружейной палате они несли в себе различное содержание: актуально-политическое, историческое и мемориальное. Оружие демонстрировалось в закрытых шкафах, столах, открытых стойках, пирамидах, развешивалось по стенам на кронштейнах. Доспех показывали в открытых пирамидах, на полках. Использовались реконструкции вооружения на манекенах. Экспозиция оружия, созданная в 20-е гг. XIX в., на протяжении последующих двух десятилетий претерпела ряд изменений. Между 1826 и 1842 гг., в правление императора Николая I, к ней был добавлен новый зал, соавтором экспозиции которого стал сам император. Так в экспонировании оружия в Оружейной палате первой половины XIX в. особенно ярко проявилось своеобразие ее положения императорской сокровищницы и древлехранилища рода Романовых.

¹ Упоминание об экспозиции вооружения в той или иной степени подробности находим у таких исследователей ее истории, как Смирнова Е.И. Оружейная палата. XIX век // Сокровищница России: страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. Вып. XIV. М., 2002. С. 36; Столярова М.Л. Первая экспозиция Оружейной палаты // Указ. изд. С. 53–54.

² Малиновский А.Ф. Историческое описание древнего Российского Музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве. М., 1807. Впрочем, нужно заметить, что каталог вышел в свет в 1807 г., когда экспозиции музея еще не существовало.

³ Свиньин П.П. Указатель главнейших достопамятностей, сохраняющихся в Мастерской Оружейной палате. М., 1826. С. 91–109.

⁴ Свињин. С. 91.

⁵ Краткое описание Оружейной палаты / Сост. Павел Евреинов. Ч. 1. СПб., 1835. 216 с.

⁶ Краткий указатель или справочная книжка для посетителей Оружейной палаты. М., 1843. 50 с.

⁷ Авторство директора Московской Оружейной палаты установлено по РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 8. Д. 15571. Л. 5.

⁸ Николай Алексеевич Бурдин (1814–1857) – ученик Венецианова. В 1843 г. утвержден Академией художеств, по представленным работам, в звании некласного художника. Известны его картины: «Внутренний вид малой придворной церкви Зимнего Дворца» 1840 и «Зала в Оружейной палате в Москве» 1844. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. Т. 3. С. 7. Картина хранится в ГИМ. Воспроизведена см.: Государственная Оружейная палата. М., 1988. С. 12.

⁹ Зодчие Москвы / Сост. Ю. Яралов. М., 1981. С. 178–183.

¹⁰ Свињин. С. 15.

¹¹ Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М., 1824. С. 40; Свињин. С. 15.

¹² Свињин. С. 15.

¹³ Там же. С. 13–15.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Гавриил Тихонович Зама­раев (1758–1823) был известным московским скульптором. Он закончил Петербургскую Академию художеств в 1779 г., а затем пять лет был пенсионером в Парижской Академии. Там он учился у знаменитого Жана Батиста Пигаля. В 1784 г. Зама­раев приехал работать в Москву, и далее почти вся его творческая жизнь была связана с Москвой и с московской архитектурой. Он был одним из основоположников московской декоративно-монументальной скульптуры конца XVIII – начала XIX вв., его работы украсили многие особняки и общественные здания города. К его произведениям относятся рельефы на аллегорические сюжеты, прославлявшие Екатерину II для Екатерининского зала Сената. Он принимал активное участие в украшении старого здания университета. Он работал вместе со знаменитыми архитекторами того времени: М.Ф. Казаковым, Д.И. Жилярди, И.В. Егоровым, А.Г. Григорьевым и др.

¹⁶ Свињин. С. 16.

¹⁷ Краткий указатель. С. 7.

¹⁸ Возвращен Польской республике в 1921 г. по акту. Отдел печатных рукописных и графических фондов Музеев Московского Кремля. Оп. 1921. Д. 7. 69 л.

¹⁹ Взята 21 ноября 1809 г. Война 1806–1812 гг. закончилась подписанием Бухарестского мирного договора 16 (28) мая 1812 г., который значительно улучшил стратегическую обстановку для России к началу Отечественной войны 1812 г.

²⁰ Крепость Замостье капитулировала 10 (22) ноября 1813 г., в плен было взято 4 тыс. солдат. В Российской империи Замостье с 1818 г. принадлежало к важнейшим крепостям Царства Польского. Во время польского восстания 1830–1831 гг. Замостье было опорным пунктом для отряда генерала Юзефа Дверницкого.

- ²¹ ОРПГФ. Ф. 1. Д. 92. Л. 214, об.
- ²² Краткий указатель. С. 8.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 9–10.
- ²⁵ Было получено: 58 ружей, 250 бердышей, 7 кольчуг и «лакотник от лат». РГАДА. Ф. 396. Оп. 2/4. Д. 1443. Л. 95.
- ²⁶ Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 145.
- ²⁷ Краткий указатель. С. 39.
- ²⁸ Там же. С. 40.
- ²⁹ Свинын. С. 97–98.
- ³⁰ Там же. С. 106. Скорее всего, подразумевается визит царя Кахетии Теймураза I в Москву в 1658 г., где он искал поддержки русского царя в противодействии персидскому шаху Аббасу I.
- ³¹ Краткий указатель. С. 101. По-видимому, имеются в виду Томаш Вавжетский (1759–1816) – генерал армии Тадеуша Костюшко во время восстания 1794 г. и победоносный Суворов, который руководил подавлением этого восстания.
- ³² Свинын. С. 26.
- ³³ Краткий указатель. С. 40. Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 10.
- ³⁴ Павлович М.К. Оружейная палата и правители российской империи в XVIII столетии // Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 16.
- ³⁵ Краткий указатель. С. 45.

В.Р. Новоселов (Москва)

К ИСТОРИИ НАГРУДНЫХ ГВАРДЕЙСКИХ ОФИЦЕРСКИХ ЗНАКОВ ЭПОХИ ПЕТРА I ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В СОБРАНИИ Оружейной палаты Московского Кремля имеется группа редких офицерских серебряных нагрудных знаков русской гвардии начала XVIII в. Их традиционная атрибуция основывается на том, как они были записаны составителем Описи Оружейной палаты, изданной в 1884 г. Л.П. Яковлевым: 6 знаков с белым (не позолоченным) ободком и с золоченым полем, на котором закреплены накладные серебряные и не золоченные закрытая корона, с расположенными под ней Андреевским крестом, пальмовыми ветвями, ниже которых закреплены буквы и цифры, образующие дату «1700 19 №», записаны в инвентарь музея как знаки штаб-офицерские гвардии императора Петра I 1700 г.; 8 таких же знаков, отличающихся от предыдущей группы только отсутствием золочения поля знака и наличием золочения накладных корон, крестов, пальмовых ветвей и даты, были записаны как знаки обер-офицерские гвардии Петра I 1711 г. Еще 5 гладких знаков с гравированными изображениями, у одного из которых они были позолочены, были записаны как знаки обер-офицерские гвардии императора Петра I 1700 г. Оставшиеся 68 знаков значились в описи XIX в. просто в качестве офицерских, а в современном инвентаре записаны как офицерские знаки 1-й четверти XVIII в. По описям Оружейной палаты, все эти знаки впервые были упомянуты в 1711 г. В отдельной тетради – в числе вещей, оказавшихся сверх прежних описей как поступившие из судейской палаты и принятые подъячим Гаврилой Оловениковым у подъячего Афанасия Протопопова.

Знаки находились в дубовом окованном железом сундуке, «счету и весу тем знакам» не было указано ¹.

Находясь в Оружейной палате с 1711 г., гвардейские офицерские знаки можно было считать наиболее ранними известными нам образцами русских офицерских нагрудных знаков. Однако существенным обстоятельством являлось то, что они не укладывались в известную нам систему русских гвардейских офицерских знаков 1715 г., согласно которой прапорщик имел поле знака серебряное, изображения резные, корону золоченую; подпоручик – поле серебряное, изображения накладные, корону золоченую; поручик – поле серебряное, изображения накладные золоченые; капитан-поручик – поле золоченое, изображения накладные, серебряные; капитан – поле золоченое, изображения накладные серебряные, корона золоченая. Штаб-офицеры имели знаки целиком позолоченные, но украшенные только Андреевским крестом под короной ². Можно также отметить и то, что в отличие от знаков образца 1715 г. некоторые знаки из собрания Оружейной палаты сохранили тканную подкладку зеленого, а не красного цвета. В 2009 г. при публикации каталога выставки к 300-летию Полтавского сражения знаки из собрания Музеев Московского Кремля были переатрибутированы следующим образом: гладкие серебряные знаки – как знак прапорщика; серебряные знаки с гравированными изображениями – как знак подпоручика; серебряные знаки с гравированными золочеными изображениями – как знак поручика; серебряные знаки с накладными золочеными изображениями – как знак капитана; серебряные золоченые знаки с золоченой короной и серебряными остальными изображениями – как знак капитан-поручика ³. Такая градация была крайне условной и в ее основе лежала попытка структурировать ранг знаков по старшинству, исходя из числа их типов и разрядов обер-офицерских гвардейских чинов. Тем не менее, была продолжена работа по поиску архивных документов, которые могли бы пролить свет на истинное происхождение этих знаков и их принадлежность по офицерскому чину.

Первым важным свидетельством стала опись Оружейной палаты 1746 г., которая зафиксировала, что в Оружейной палате хранились 101 штаб- и обер-офицерский знак «с кресты, короны и словами резными золочеными» общим весом 37 фунтов 38 золотников. Однако помимо этих знаков и вместе с ними «с тех знаков» коронок белых 47 штук общим весом 1 фунт 30 золотников; «палмов»

(то есть накладных пальмовых ветвей. – *В.Н.*) 46 штук общим весом 1 фунт 70 золотников; «слов триста восемьдесят три» общим весом 1 фунт 16 золотников ⁴. Эта информация фиксируется позднее и в реестре Оружейной палаты 1775 г. ⁵, так, кстати, отмечено и наличие крепежных гаек к этим деталям. В описи Оружейной палаты 1808 г. информация по знакам была уже более детализирована. В ней были зафиксированы отдельно 7 знаков штаб-офицерских золоченых с золочеными коронами, белыми крестами, ветвями и датами; 7 знаков обер-офицерских белых с золочеными накладными изображениями; один знак с резными золочеными изображениями; четыре знака с резными изображениями и 81 гладкий знак. Общее число знаков (101) и их суммарный вес совпадали с указанными ранее в реестре 1775 г. ⁶ Отдельно от знаков в опись также были записаны 49 андреевских крестов с гайками общим весом 66 и $\frac{3}{4}$ золотника ⁷; 46 серебряных коронок и одна серебряная золоченая коронка (всего 47) общим весом 1 фунт 32 золотника ⁸; 46 пальмовых ветвей общим весом 1 фунт 71 золотник ⁹, а также 380 букв и цифр общим весом 1 фунт 16 золотников ¹⁰. В более поздних документах XIX в., начиная с описи 1835 г., данные о деталях со знаков уже отсутствуют, возможно, они были просто пущены в переработку как серебряный лом. Однако само их наличие позволило предположить, что серебряные гладкие знаки без изображений являются не собственно знаками, а заготовками, для монтажа на которые и предназначались эти накладные детали. Предположение, что они могли «осыпаться» со знаков, представляется крайне маловероятным, поскольку на гладких знаках отсутствуют как крепежные отверстия, так и следы пайки. Заметно уменьшилось за это время и количество самих знаков: со 101 еще в 1808 г. до 86 к середине XIX в. Но описи Оружейной палаты XVIII в., как мы видим, содержали принципиально важную для нас информацию о наличии, помимо знаков, незакрепленных деталей к ним, что свидетельствует о незавершенности процесса их изготовления. Здесь уже появилась возможность соединить информацию о том, что знаки оказались в 1711 г. (то есть в достаточно короткий срок, отделяющий первое упоминание о них от возможного момента их изготовления – даты после ноября 1700 г. – времени поражения под Нарвой) в Оружейной палате в результате передачи из Судебной палаты с тем, что большая часть этих знаков являлась заготовками и вместе с ними были переданы и имевшиеся к ним накладные

изображения. Все вместе это могло свидетельствовать о том, что знаки были изготовлены ранее непосредственно в самой Оружейной палате, а их возврат был связан либо с заменой знаков на знаки нового типа, либо с какими-то нареканиями на их качество или вскрывшимися махинациями с драгоценными металлами при их изготовлении. Следующим шагом стало обращение к документации Мастерской и Оружейной палаты за 1700–1701 гг.¹¹ И действительно, среди производственной переписки сохранился ряд документов, позволяющих окончательно решить вопрос о месте и времени изготовления всей группы знаков и их ранговой принадлежности.

Дело начинается с указания царя Петра Алексеевича, поступившего из Воронежа боярину Федору Алексеичу Головину «сделать в оружейной палате в преображенский и семеновской полки начальным людем 260 знаков серебряные к нынешнему военному походу со всяким поспешением а серебро в дело тех знаков взять в оружейную полату ис приказа большой казны»¹².

Серебро для знаков было выдано из Приказа Большой казны в виде ломаной посуды и ефимков общим весом в 6 пудов 20 фунтов. Это серебро было перелито в слитки по 10 фунтов, всего же из серебряного лома вышло 5 пудов серебра – это серебро предназначалось для изготовления самих знаков. Накладные изображения на знаки было велено делать из ефимок (1 пуд), не переливая их, и к этому серебру при отливке прибавляли из расчета 1 фунт на 10 фунтов серебра красную медь. Это было сделано по консультации со старостой и мастерами Серебряного ряда «для того, чтобы в отливке те накладки были гладки и чисты и неломки»¹³. Часть этих знаков была изготовлена иноземными мастерами серебряного дела Серебряной палаты Иваном Болдиновым¹⁴ «со товарищи», часть – русскими мастерами, вероятнее всего, Серебряного ряда. Далее встал вопрос о золочении этих знаков, поскольку из числа изготовленных 260 знаков царь Петр I велел позолотить «добрым золочением» 199 знаков по разным образцам, согласно росписи, которую государь передал в Оружейную палату через генерала Ивана Ивановича Чамбурова¹⁵. Кроме этих 199 позолоченных знаков было указано изготовить по 10 запасных знаков на капитанов и поручиков, и все эти знаки в количестве 219 должны были быть изготовлены немедленно¹⁶.

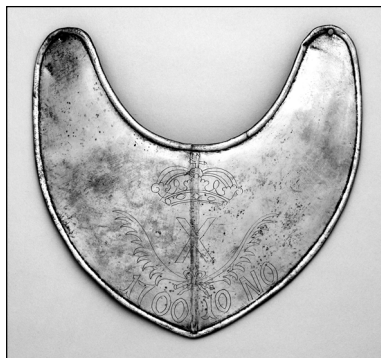
**Знак нагрудный капитана
Преображенского
и Семеновского полков. Россия,
Москва, Оружейная палата.
1701 г. (ММК. Инв. № Ор-1190)**

**Знак нагрудный поручика
Преображенского
и Семеновского полков. Россия,
Москва, Оружейная палата.
1701 г. (ММК. Инв. № Ор-1186)**

**Заготовка под знак нагрудный
подпоручика или адъютанта
Преображенского
и Семеновского полков. Россия,
Москва, Оружейная палата.
1701 г. (ММК. Инв. № Ор-1197)**

**Знак нагрудный адъютанта
Преображенского
и Семеновского полков. Россия,
Москва, Оружейная палата.
1701 г. (ММК. Инв. № Ор-1202)**

На золочение знаков было подано две сметы. Первая – от мастеров иноземцев во главе с Иваном Болдвиновым. Согласно ей, на золочение знаков требовалось 119 $\frac{1}{2}$ золотых. Вторую смету подал русский мастер Григорий Константинов, и согласно ей, на золочение знаков было достаточно 112 $\frac{1}{2}$ золотых¹⁷. Поскольку в документе в оплате работ за золочение упомянуты как русский, так и иноземный мастера, очевидно, заказ на золочение, как ранее заказ на изготовление самих знаков, был каким-то образом разделен между ними. Сверх указанного числа в 260 знаков, видимо, из части металла, оставшегося от их изготовления, мастерами дополнительно было изготовлено 63 белых знака. Всего же на знаки было израсходовано из отпущенного материала 3 пуда 26 фунтов 57 золотников с ползолотником серебра¹⁸.

**Заготовка под знак офицера
Преображенского
и Семеновского полков. Россия,
Москва, Оружейная палата.
1701 г. (ММК. Инв. № Ор-663)**

Дело изготовления знаков было настолько новым и непривычным, что при оплате произведенных работ было совершенно непонятно по каким тарифам и нормам оплачивать работу мастеров. По этому вопросу было опять запрошено мнение старост Серебряного ряда Федора Исаева и Константина Авакумова.

В итоге было принято платить за ремесло немецким мастерам по 2 р. с фунта, а русским – по рублю с полтиною с фунта, за золочение – иноземцу и русским по 8 алтын и 2 деньги¹⁹.

Какова же была роспись знакам, представленная в Оружейную палату? В ней мы видим полную градацию знаков по офицерским чинам гвардейских полков:

«1701 июня в 1 день роспись явил в оружейной полате генерал Иван Иванович Чамбурс о золочении воинских знаков:

Полковнику 2 знака все золоченые коруна и пальмы и крест и год и число финифтяные;

полуполковникам 2 знака ж все вызолоченные коруна и пальмы год и число и крест финифтяные белой финифти;

5 маеорам коруны и пальмы вызолочены, крест с финифтью черною, поле и год и число все золочено;

62 капитанам земли золочены каймы белые крест и пальмы год и число белые ж короны золочены;

4 адъютантам земля в лице, каймы золоченные, короны и пальмы и год и число и крест золоченные;

62 поручикам земля белая каймы белые ж, не в лице коруна и крест и пальмы и год и число золоченные;

58 прапорщикам земли белые, в лице коруны золоченные, крест и пальмы и год и число белые не в лице;

4 квартирмейстерам земля белая и каймы белые, не в лице каруна и пальмы золоченные, крест и год и число белые»²⁰.

Из этой росписи следует, что пальмовые ветви и памятная дата Нарвского сражения (19 ноября 1700 г.) полагались не только обер-, но и штаб-офицерам. Исходя из этой росписи, знаки, имеющиеся в настоящий момент в собрании Музеев Московского Кремля, можно атрибутировать следующим образом:

Знаки с золоченым полем с белой каймой, накладными серебряными крестом, короной, ветвями, датой и золоченой короной (инв. № Ор-215, Ор-1185, Ор-1187, Ор-1188, Ор-1189, Ор-1190) как знаки капитанов гвардии;

Знаки с белым полем и накладными золочеными короной, крестом, пальмовыми ветвями и датой (инв. № Ор-1186, Ор-1191, Ор-1192, Ор-1193, Ор-1194, Ор-1196, Ор-1198, Ор-1199) как знаки поручиков;

Знак с белым полем и гравированными золочеными изображениями (инв. № Ор-1202) как знак адъютанта, а знаки с только гравированными изображениями (инв. № Ор-660, Ор-1197, Ор-1200, Ор-1201) как заготовки знаков адъютантов или прапорщиков.

Знаки с гладким полем без изображений в количестве 67 штук уже со всей определенностью можно считать не собственно знаками, а заготовками под знаки.

Все вышеперечисленные знаки были изготовлены в Москве, в Оружейной палате в июне-августе 1701 г. группой мастеров серебряного дела во главе с Иваном Болдвиновым и Григорием Константиновым. Все полностью доделанные знаки предназначались для обер-офицеров, а именно капитанов, поручиков, адъютантов и прапорщиков гвардейских Преображенского и Семеновского полков. Гладкие серебряные знаки-заготовки, очевидно, могли

в дальнейшем быть использованы для изготовления знаков как штаб-, так и обер-офицеров, но по каким-то причинам работа над их изготовлением осталась незавершенной.

Всего по указу Петра I в 1701 г. для офицеров Преображенского и Семеновского полков было изготовлено 260 знаков и еще 63 знака дополнительной партии. Из них в войска было передано 219 знаков. Таким образом, остаток должен был составлять 41 знак из основной партии и 63 дополнительной. Вместе это составляет 104 знака. Если сравнить это с цифрой знаков, сохранявшихся в Оружейной палате с XVIII в. (101 знак), то можно уверенно предположить, что это одна и та же группа знаков, которые неизвестно пока по какой причине не были затребованы гвардейскими полками и сохранились в Оружейной палате, вероятно, благодаря какому-то разбирательству с количеством и качеством серебра и золота, использованных для их изготовления. Косвенно на это указывают дефекты золочения и плохое качество металла, который сильно шелушится на части знаков. Тем не менее, эти знаки являются уникальными реликвиями русской гвардии и редкими памятниками работы мастеров кремлевских мастерских Оружейной палаты эпохи Петра I.

¹ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. III. Кн. 2. Броня. М., 1884. С. 250–252. В настоящий момент в собрании Оружейной палаты Московского Кремля имеется 86 знаков, из них 6 офицерских знаков с золоченым полем, золочеными коронами и серебряными крестами, пальмовыми ветвями и датами (инв. № Ор-215, Ор-1185, Ор-1187, Ор-1188, Ор-1189, Ор-1190, из них знаки инв. № Ор-1185, Ор-1187 и Ор-1189 сохранили тканную зеленую подкладку); 8 знаков с серебряным полем и позолоченными накладными изображениями (инв. № Ор-1186, Ор-1191, Ор-1192, Ор-1193, Ор-1194, Ор-1196, Ор-1198, Ор-1199, из них у знака Ор-1191 отсутствует корона и крепежные следы от ее крепления, знак не доделан); 5 знаков с гравированными изображениями (инв. № Ор-660, Ор-1197, Ор-1200, Ор-1201, Ор-1202, из них у последнего знака все гравированные изображения позолочены), а также 67 гладких серебряных знаков. По указанию Яковлева, один штаб-офицерский знак при визите 7 июня 1818 г. в Оружейную палату императора Александра I прусским королем Вильгельмом III был испрошен у государя великим князем Николаем Павловичем и сдан ему под расписку. Таким образом, число гладких серебряных знаков уменьшилось с 68 до 67.

² Российская императорская гвардия. Россия. 2005. С. 57.

³ «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения. Каталог выставки. СПб., 2009. Кат. № 230–234.

- ⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1255. Л. 62 об.
- ⁵ Там же. Д. 1256. Л. 32 об.
- ⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 4009. Опись Оружейной палаты 1808 г. Ч. IV. Кн. 1. Л. 86–87.
- ⁷ Там же. Л. 208.
- ⁸ Там же. Л. 204.
- ⁹ Там же. Кн. 2. Л. 25.
- ¹⁰ Там же. Кн. 1. Л. 19.
- ¹¹ Троицкий В.И. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в. Вып. I. Л., 1928. С. 62; Он же. Там же. Вып. II. Л., 1930. С. 96, 98.
- ¹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35264. Л. 1.
- ¹³ Там же. Л. 2–5.
- ¹⁴ Иван Болдвинов – он же Пасхазиус Иван Подовинов – иноземный мастер Серебряной палаты.
- ¹⁵ Имеется в виду генерал-майор гвардии И.И. Чамберс, англичанин по происхождению, первый полковник (с 1695 г.) Семеновского полка.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 35275. Л. 1.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Д. 35264. Л. 5.
- ¹⁹ Там же. Л. 7.
- ²⁰ Там же. Д. 35275. Л. 2.

О.Я. Ноздрин (Орел)

**ВОИН, ИНЖЕНЕР, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ.
ДЕЛА И СЛУЖБА АЛЕКСАНДРА КРОФОРДА
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ**

РОССИЯ XVII в. манила европейцев, мечтавших о карьере, достатке, почестях, славе. Реальность редко оправдывала ожидания. Удача улыбалась избранным, подобно шотландцу Александру Крофорду (Craufuird, Crawford, Crawford) – Крафурту русской интерпретации, благополучно вписавшемуся в верхние слои иноземного сообщества.

18 июня 1629 г. он пересек новгородский рубеж для записи в создаваемые царем Михаилом Федоровичем полки «нового строя». Предъявленное свидетельство от февраля 1628 г. сообщало, что названный офицер служил капитаном датскому королю Кристиану IV, обучая «ратному делу мужиков... Шканские земли»¹ за 30 цесарских ефимок месячного жалованья. Вторая, «проезжая грамота», датированная 23 мая 1629 г. в Стокгольме, удостоверяла его желание посетить Москву перед возвращением в Шотландию.

Картину дополняли личные показания. Покинув Британские острова около 1613 г., приезжий несколько лет постигал «науку» в немецких землях, затем три года воевал за шведов «в Лифлянтах против литовских людей», после чего столько же служил Дании, передавая накопленный опыт пятистам новобранцам. Со временем значение прежних подвигов возросло. В 1632 г. он рекомендовался опытным командиром, дослужившимся «у разных королей» до «капитанства и квартирмейстерства над тремя тысячами человек», что объяснялось сознательным смещением этапов карьеры, а также стремлением получить от неравнодушных к внешним заслугам властей полковничью должность².

Опрошенные в Москве иноземцы ротмистр Томас Герн с товарищами подтвердили «доброту» и «честность» земляка «из отеческих детей... Шкотцкого королевства», удовлетворявшего происхождением самым взыскательным требованиям.

Согласно клановой генеалогии, отцом шотландца был «барон Крофорд оф Феддерэт» (Crawfurd of Fedret, Fedderat, Fedderate)³, хозяин величественного замка, развалины которого сохранились на севере Эбердиншира. В XVI в. понятие «барон» применялось не только к носителям титула, но и держателям «баронии» или крупного фьефа, в шотландской традиции – лэрдам. Владетели Феддерэта (Laird of Fedderat) пользовались общим уважением, хотя весной 1573 г. финансовые трудности заставили лэрда Уильяма продать замок и большую часть имущества соседям Ирвинам⁴.

Его наследник – капитан Александр Крофорд оф Энэхи (Crawfurd of Anachie, ум. 1617 г.), по материнской линии связанный с лэрдами Хэй оф Ури (Hay of Urie), в 1613 г. нанялся в шведскую армию под начало своего тестя полковника Патрика Резерфорда (Patrick Rutherford). За ним последовали сыновья, один из которых, Джеймс, 17 июня 1621 г. инкорпорировался в состав шведского дворянства⁵, тогда как другой, «Александр Александров сын», предпочел Россию.

Получив за выезд камку-куфер, сукно-лундыш, тафту, 30 рублей, да корм в 3 алтына, 4 чарки вина, 2 кружки меда и 2 кружки пива, он был принят 24 августа 1629 г. капитаном царского войска, поверстан денежным (45 годовых рублей) и поместным (650 четей) окладами, сохранив поденный корм, увеличенный до 8 алтын 2 денег, с отдельной добавкой в зимнее время на лошадь⁶.

Обстоятельства благоприятствовали Крофорду. В 1632 г. челобитная капитанов Александра Нэрна, Джеймса Эберкроми и других если и не помогла ему стать полковником, как просили челобитчики, то подняла престиж в глазах приказных, доставив 6 мая того же года командование самостоятельной ротой и чин подполковника полка Уильяма Кита, с которым он совершил Смоленский поход 1632–1634 гг.

Особенно увеличилось значение шотландца после подписания Поляновского мира 1634 г., когда отъезд из страны части иноземцев во главе с Александром Лесли открыл возможности возвышения оставшимся. Продолжив службу, он командовал полками в Туле и Белгороде, вопреки недовольству стрельцов, обучая их

тактике и строевой подготовке. Июньская роспись сбора ратных людей 1639 г. называет его полковником над 2000 солдат и 1000 драгун⁷.

Инженерные и фортификационные знания Кроффорда использовались правительством для повышения обороноспособности крепостей. В 1635–1638 гг. по его «умыслу» созданы тульские Грабороновы ворота и укрепление Завитай, прикрытые земляным валом «европейского образца» с редутами и раскатами. Поверх вала установили туры набитых землей плетеней. План готового сооружения отправили Разрядному приказу. Необходимость строительства такого типа объяснялась отсутствием вблизи города крупных лесных насаждений. В результате Тулу защитил мощный вал 5000 сажений трапециевидного сечения, включавший 16 малых и 6 больших земляных башен в виде выступов – капониров и бастионов⁸.

В 1649 г. сопровождая русское посольство к шведской королеве Кристине I, «полковник Александр» по заданию правительства изучал боевые возможности Псковской крепости, что спустя год вошло в перечень упреков, брошенных восставшими псковичами прежнему руководству. «Да мы ж, всяких чинов люди, в те ж поры извещали тому ж твоему государеву богомолцу Макарию архиепископу: как, государь, в прошлом во 157 году поехали с Москвы твои государевы послы, околничей Борис Иванович Пушкин с товарищи, в Свейскую землю, и с теми ж, государь, послы, с Москвы послан был немчин Александр полковник, и о те поры, государь, во Пскове тот немчин Александр по городской стене ходил и около всего города Пскова наряду и боев и слухов и всякой городской крепости высматривал и наряд мерил, длину и ширину, и писал, и около, государь, города щупами землю щупал, а неведомо для чего; и с теми послы тот немчин Александр и в Стеколно ездил...»

Царю пришлось оправдываться. «В челобитье вашей написано на полковника на Александра Краферта, будто он, едучи с нашими послы, во Пскове городовых всяких крепостей и наряду осматривал. И полковник Александр Краферт у нас, у великого государя, в вечном холопстве, и служит верно, и подал нам чертеж, какие во Пскове крепости и бой учинить в городе и около города, а с нашими послы, он, Александр, отпущен был для своих долгов, что ему довелось взять на свеянех по кабалам»⁹.

Стремление получить занятые графом Якобом Делагарди (1583–1652) «8500 ефимков с вершками», причитавшихся теще шотландца,

вдове «голландской земли торгового иноземца Григория Григорьевича сына Фан-дер-Гейдена Олене с дочерью ее Любовой»¹⁰, русские дипломаты использовали в качестве средства давления на шведскую сторону, сорвавшую выполнение обязательств. Включение частного вопроса в посольский наказ, как и родство с семейством богатого нидерландского хлеботорговца Геррита ван дер Хейдена (Gerritvander Heyden), показывают степень влияния Крофорда, передававшего московским властям челобитные сослуживцев и обеспечившего присутствие в своем полку реформатского пастора «магистра Андрея Гардинуса» (Andrew Gardyne) – случай едва ли типичный для середины XVII в.¹¹ Не зря ревнитель шотландской славы сэр Томас Уркарт оф Кромарти (Sir Thomas Urquhart of Cromarty, 1611–1660) открывает его именем список офицеров, прославивших «свою нацию на службе Великому князю Московскому... сражаясь против татар и поляков»¹².

Из Швеции Крофорд информировал Москву о британских событиях. Его письмо зятю подполковнику Джону Лесли, специально переведенное Посольским приказом, сообщало: «В Стеколну приехали здорово, а быт де им у королевы завтра, а вестей де из Аглинской де из Шкотские земли что в Шкотской земле советуют хотят войну вести с англичаны, а шкотские комиссары были у аглинского королевича и чают что он будет в Шкотскую землю и хочет на все стати изволити по их хотенью, а маркизы Гомелтон да Гунтли кажнены смертною казнию для того что люди их учинили смуту великую в Шкотской земле а шкотской народ оправляются что они королевской смерти не повинны; там де в Стеколне многие шкотские урядники которые добре хотят и ему де докучают безпрестанно чтоб ему их с собою взять в Русскую землю и он де не ведает что ему с ними делать и писана та грамотка в Стеколне июня в 9 де[нь]»¹³.

Высокие звания обеспечивали состояние. «А после Смоленской службы давано полковнику Александру Крафверту покаместа он был не испомещен по 50 рублей на месяц, полковнику ж Фалентину Розформу по 20 рублей...»¹⁴ 15 сентября 1547 г. шведский резидент при русском дворе Карл Поммеренинг докладывал начальству: «Москва большой и многолюдный город... Иноземных, как шведских, так и немецких офицеров здесь много, но полковников только трое, все шотландцы: Александр Краффорд, Александр Гамильтон и Мунк Кармикель. Прежде они получали разное жалованье:

первый 50 рублей, второй 30, третий 15 в месяц, но так как двое старших получили поместья, то им не выдается денег совсем, и они живут в своих поместьях, а Кармикель находится постоянно в Москве»¹⁵.

Начав «скромными» 650 четями, к июню 1646 г. Крофорд распорядился обширным поместьем в Арзамасском уезде «на тысячу на пятьдесят чети»¹⁶. Учитывая, что при первых Романовых «обычный» боярский оклад достигал 1000 четей, стольников – 750–900, стряпчих – 500–600, московских дворян – 700–900, дворян выборных из городов – 300–700, стрелецких голов и сотников – 100–250¹⁷, его надо признать одним из самых обеспеченных и высокопоставленных офицеров 40-х – начала 50-х гг. XVII в.

Поволжскими землями дело не ограничивалось. Переписные книги Москвы 1638 г. упоминают двор «полковника Олександра Крафорта», расположенный «в переулке от Большой Покровской улицы на низ к Кулишкам»¹⁸.

В ноябре 1644 г. предприимчивый иноземец выхлопотал семилетнюю привилегию жечь золу и делать поташ в Муромских лесах¹⁹, в июне 1651 г. просил пропустить в Москву выписанных им из заграницы селитренных и красильных мастеров, а в сентябре того же года получил жалованную грамоту на заведение в России маслобоен и право пользоваться ими в течение восьми лет²⁰.

21 августа 1653 г. он подал боярину и воеводе Василию Борисовичу Шереметеву «сказку... о количестве пороху, свинцу, фитилей и разных других запасов, необходимых для четырех солдатских полков», содержащую редкие сведения применения огнестрельного оружия²¹. В 1654 г. живописцы Исаак Абрамов и Детерс изготовили 40 знамен для «полковника Александра Краферта с товарищами». А летом 1655 г. посол лорда-протектора Оливера Кромвеля в Москве Уильям Придо (William Prideaux) безуспешно пытался поднять перед царем Алексеем Михайловичем вопрос разрешения денежных недоразумений, возникших из-за поташных промыслов между полковником Александром Крофордом и английским купцом Джоном Уайтом²².

Судьба шотландца после 1655 г. неизвестна. Он предпочел скорее исчезнуть из документов, чем рассчитаться с англичанином.

Дочь Александра Крофорда, Агнесс, стала супругой полковника царской армии Томаса Крофорда оф Джорданхилла (Crawfurd of Jordanhill, ум. 1685 г.)²³. Другая дочь, «мисс Крофорд», вышла

за полковника Джона Лесли, 12 барона Балкуэйна (John Leslie, 12th Baron of Laird Balquhain), погибшего 30 августа 1655 г. при взятии Ягольницкого замка²⁴.

В 1650-е – 1670-е гг. клан Крофордов достигнет новых высот. Полковники Томас, Джон, Фрэнсис, Чарлз будут воевать с Речью Посполитой и Швецией, а Дэниэл получит генерал-майорский ранг. Но уже вскоре Гордоны займут их лидирующие позиции в России.

¹ Шканская земля – название датской провинции Сконе (датское и шведское Skåne, латинское Scania), в 1658 г. отошедшей Швеции.

² Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 23–24.

³ Crawford G.A General Description of the Shire of Renfrew: including an account of the Noble and Ancient Families... To which is added, a genealogical history of the Royal House of Stewart, and of the several Noble and Illustrious Families of that name, from the year 1034 to the year 1710. Payscale, 1818. P. 73.

⁴ Illustrations of the Topography and Antiquities of the Shires of Aberdeen and Bannf. Vol. IV. Aberdeen, 1862. P. 577–578.

⁵ Anrep G.J. Svenska adelns Ättar-taflor utgifna af Gabriel Anrep. Bd. I. Stockholm, 1858. P. 466.

⁶ Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 25.

⁷ Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII веке. СПб., 1899. С. 26.

⁸ Бусева-Давыдова И.Л. Архитектура XVII века // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII в. М., 1996. С. 453; Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 44. М., 1955. С. 207. Указанные издания называют создателя тульского земляного вала «голландским инженером Крафертом», что, учитывая передовые позиции инженерной мысли Нидерландов середины XVII в., своеобразный комплимент шотландцу.

⁹ Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 342; Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 248.

¹⁰ Якубов К.И. Указ. соч. С. 124–125.

¹¹ Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. Кн. I. М., 2007. С. 349.

¹² Urquhart T. The works of Sir Thomas Urquhart of Cromarty, knight. Edinburgh, 1834. P. 245. Страницей позже автор выделяет сэра Александра Лесли, «генералиссимуса всех войск империи Российской» («generalissimo of all the forces of the whole empire of Russia»). Op. cit. P. 246.

¹³ Вести – Куранты 1648–1650 гг. М., 1983. С. 146.

¹⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. СПб., 1848. С. 223.

¹⁵ Речь идет о полковниках Александре Крофорде, Александре Хэмилтоне и Манго Кармаikle. См.: Якубов К.И. Указ. соч. С. 409.

¹⁶ Акты писцового дела (1644–1661) / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1977. С. 211–212. В 1652 г. отказавшийся принять православие А. Крофорд лишился

поместья, в 1661 г. переданного любимцу царя Алексея Михайловича дворецкому Федору Михайловичу Ртищеву (1625–1673). Сложно представить, что иноземец оставил эту потерю без компенсации.

¹⁷ Законодательные акты Русского централизованного государства второй половины XVI– первой половины XVII века. Комментарии / Под ред. Н.Е. Носова, В.М. Панеяха. Л., 1987. С. 65.

¹⁸ Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881. С. 150.

¹⁹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России по 1800 год. Ч. I. М., 1894. С. 112.

²⁰ Протоколы заседания Археографической комиссии. 1841–1849. Т. II. СПб., 1886. С. 432.

²¹ Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук / Под ред. Н.А. Попова. Т. II. СПб., 1894. С. 336.

²² «The Chancellor of Russia's answers to Mr. William Prideaux. 22 June 1655... That John White's design of making pot-ash was not of much consequence, and it was in company with his imperial majesty's colonel Alexander Crawford, and all of it was not for a thousand rubles, therefore it could not be, that mach damage should arise. And it is well known to his imperial majesty, that that English man was indebted to colonel Alexander Crawford, and he sat up that making of pot-ash on gentlemen's lands; and Alexander Crawford on his debt, and those gentlemen, on whose land the pot-ash was made, petition to his imperial majesty many times, that the English man John White pad not Alexander Crawford his debt, and those gentlemen, on whose land the pot-ash was made, petitioned to his imperial majesty many times, that the Englishman John White paid not Alexander Crawford his debt, nor them for their lands and trees, and all necessary. Therefore that business was taken from John White, it arose from his false dealing». Цит. по: A Collection of the State Papers of John Thurloe, Esq. Vol. III. L., 1742. P. 576.

²³ Adams A.M. The Crawford Peerage: with other original Genealogical, Historical and Biographical particulars relating to the Illustrious Houses of Crawford and Kilbirnie. Edinburgh, 1829. P. 38.

²⁴ Leslie C. Historical records of the family of Leslie, from 1067 to 1868–1869. Vol. III. Edinburgh, 1869. P. 95. Подробности происхождения супруги 12-го лэрда ограничены замечанием: «John Leslie of Balquhain married Miss Crawford, daughter of Colonel Crawford in Moscovy, and by her had two daughters, who with their mother, died of the pestilence». Учитывая раннюю гибель Джона Лесли в 1655 г., оставившего после себя двух дочерей, допустимо видеть в его жене дочь полковника Александра. Другие «московские» Крофорды стали полковниками позднее, незадолго или в ходе войны с Речью Посполитой 1654–1667 гг., что не исключает условности предложенной генеалогии «мисс Крофорд».

С.П. Орленко (Москва)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИДВОРНЫХ ОРУЖЕЙНЫХ МАСТЕРСКИХ ДО И ПОСЛЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

С РАННЕГО времени украшенное оружие и доспех рассматривались как часть наиболее ценного достояния великих князей Московских. В своей духовной грамоте (ок. 1358 г.) князь Иван Иванович Красный передает двум сыновьям по сабле, оправленной в золото, и по шлему, украшенному золотом, драгоценными камнями и жемчугом ¹. К 1508 г. относится первое упоминание о чине оружничего в составе двора Московского князя, а из источника 1537 г. нам становится известно, что оружничий ведал не только княжеский арсенал, но и мастеров-оружейников ². В ведении оружничего находилась и Оружейная палата – хранилище и, возможно, придворная мастерская. К сожалению, наиболее ранним упоминанием о палате мы обязаны печальному событию – московскому пожару 1547 г., когда «...Оружничая полата погоре с воинским оружием»³.

Можно предположить, что административные реформы Ивана IV – расширение числа и упорядочение системы специализированных ведомств – приказов привели к разделению функций арсенала и придворной оружейной мастерской между Оружейной палатой и новообразованным Бронным приказом. Состав и численность последнего весьма впечатляет: в начале 1570-х гг. штат Бронного приказа состоит из более, чем ста человек, среди которых – мастера 19 различных оружейных специальностей. Список начинается с оружейников, делавших доспех и сабли, а мастера, изготавливавшие огнестрельное оружие, написаны последними, что вполне объяснимо – огнестрельное оружие относительно поздно вошло в состав оружейной казны Московских государей.

Примечательно, что среди «мастеров самопальных пищалей» двое имели западноевропейское происхождение: «немчин» Михалко Семенов и Ганус Петров ⁴.

Оружейная казна Московских государей практически полностью погибла в Смутное время. Предметы, которые мы с высокой долей вероятности можем определить как изделия придворных оружейных мастерских XVI в., в российских и зарубежных музейных собраниях – единичны. Ни одной описи оружейной казны русских царей до Смутного времени не сохранилось. Исследователи вправе предполагать, что часть оружия и доспеха, фигурирующих в дошедшей до наших дней Описи имущества боярина конюшого и царского шурина Бориса Федоровича Годунова 1588 г., была изготовлена в дворцовой оружейной мастерской, но с уверенностью говорить о том, какое именно – невозможно ⁵.

По окончании Смуты Оружейная палата (Оружейный приказ) вновь объединяет в себе и придворную мастерскую, и хранилище государевой оружейной казны, и центральный арсенал Московского государства. За возрождение разоренных мастерских и утраченной оружейной казны было поручено взяться окольничему и кравчему Михаилу Михайловичу Салтыкову. Как писал Ю. Арсеньев: «По вызову последнего вернулись в Кремль многие из прежних мастеров Оружейной и Серебряной палат, которые разбрелись во время порухи. Между таковыми находился один из лучших оружейных мастеров того времени, самопального и бронного дела мастер Никита Давыдов, вызванный в Москву к государеву делу из Муром в сентябре 1613 г.»⁶. И хотя исследователь не подтверждает слова ссылками на какие бы то ни было источники, в целом с его суждениями можно согласиться. За счет «собираения» старых и привлечения новых мастеров (в том числе и иноземных) М.М. Салтыкову и его преемникам удалось достичь впечатляющих успехов. Уже в первое десятилетие правления Михаила Романова в Оружейной палате были созданы выдающиеся памятники оружейного искусства, причем в некоторых явно усматриваются черты преемственности по отношению к работам мастеров досмутного времени. Хорошо известный памятник – хранящийся в Оружейной палате в Стокгольме шлем Ивана Грозного (рис. 1). Шелом, украшенный в восточном стиле, несет на себе декоративные элементы, ранее считавшиеся нечитаемой имитацией арабской надписи ⁷. Не так давно надпись удалось прочитать как

«Аллах Мухаммед» – трактованную предположительно как неполный (сокращенный) вариант фразы «Велик Аллах, и Мухаммед пророк его»⁸.

В собрании Оружейной палаты хранятся стальные бутурлыки (поножи), выполненные на персидский манер, – косыми долами (или гранями)⁹, с насечкою «мелкими травами». В фигурном резерве и по кайме верхней и нижней части бутурлыков мы видим арабскую надпись, практически идентичную по характеру графического исполнения с надписью на шлеме Ивана Грозного (рис. 2). Мулла московской мечети в XIX в., разбиравший арабские надписи на оружии и доспехе Оружейной палаты, счел ее нечитаемой имитацией¹⁰. Современный специалист – арабист смог прочесть в надписи на бутурлыках повторение одного слова, написанного с ошибками и вариациями и означающего в переводе «принявший ислам, мусульманин»¹¹. Ве-

Рис. 1. Шлем Ивана Грозного. Москва, Оружейная палата, первая половина XVI в. Королевская Оружейная палата, Стокгольм. Инв. № 20389

Рис. 2. Бутурлыки (поножи). Москва, Оружейная палата, первая половина XVII в. Музеи Московского Кремля. Инв. № ОР-4103/1-2

роятно, при создании доспеха с декором восточного типа мастерами Оружейной палаты или Бронного приказа отдельные слова или небольшие группы слов могли воспроизводиться с относительно высокой точностью и, циклически повторяясь, создавали собой эффектные «каймы и клейма».

К украшениям подобного рода можно отнести надпись – декоративный элемент, размещенный по периметру центральной пластины зеркального доспеха – трофея Ливонской войны, взятого шведами в битве у замка Лоде в 1573 г.¹² (рис. 3). Выполненное без огласовок и точек, с отклонениями в орфографии, слово может означать «здоровый, нормальный, невредимый, настоящий, неподдельный, здравый, свободный (от чего-л.)»¹³.

Еще один великолепный русский шлем, взятый шведами в 1655 г. в Варшаве, хранится в королевской Оружейной палате с легендой «шлем царя Ивана», хотя и не имеет никаких надписей. Нижняя часть корпуса шлема украшена двумя рядами вертикальных долов-ложек, ориентированных диагонально по отношению друг к другу и через одну, гладких и заполненных плотным растительным орнаментом (рис. 4).

Аналогичным образом, только с горизонтальными доликами, декорированы пластины зеркального доспеха («Больших государевых зеркал»), выполненного для царя Михаила Федоровича мастерами Дмитрием Коноваловым и «немцем» Андреем Тирманом

**Рис. 3. Боевой топор и зеркальный доспех.
Россия, XVI в. Королевская
Оружейная палата, Стокгольм.
Инв. № 7379, 23246**

Рис. 4. «Шлем царя Ивана». Москва, Бронный приказ (?) XVI в. Королевская Оружейная палата, Стокгольм. Инв. № 7481

Рис. 5. Зерцальный доспех. Москва, Оружейная палата, 1616 г. Мастера Дмитрий Коновалов, Андрей Тирман. Музеи Московского Кремля. Инв. № ОР-124/1-2

в 1616 г. Западноевропейский мастер украсил ложки доспеха в технике травления и золочения, более характерной для западноевропейских оружейников (рис. 5).

Значительных высот достигли мастера Оружейной палаты в создании ручного огнестрельного оружия, включая так называемое «скорострельное» – конструктивно сложные и многозарядные системы, мода на которые распространилась в Западной Европе в XVI–XVII вв. (рис. 6–7).

Перечневая опись оружейной казны 1647 г. и роспись походной оружейной казны царя Алексея Михайловича 1654 г.¹⁴ убедительно свидетельствуют о том, что к середине столетия Оружейная палата была полноценным и разносторонним собранием, с разнообразными источниками комплектования, а также весьма успешно функционирующей дворцовой мастерской, обеспечивавшей потребности русского двора в парадном, церемониальном и боевом оружии и доспехе.

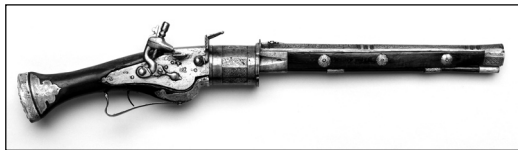

Рис. 6. Револьвер-пистолет. Москва, Оружейная палата, первая половина XVII в. Мастер Первуша Исаев. Музеи Московского Кремля. Инв. № ОР-160/1-2

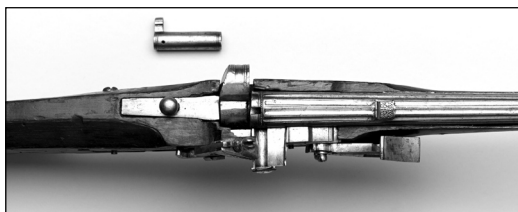

Рис. 7. Пищаль казнозарядная (казенная часть и вкладной патрон). Москва, Оружейная палата, первая половина XVII в. Мастер Иван Лучанинов. Музеи Московского Кремля. Инв. № ОР-95/1-2

К сожалению, столбцы делопроизводства Оружейной палаты первой половины XVII в. сохранились плохо. За некоторые годы можно обнаружить лишь единичные документы, освещающие деятельность дворцовой оружейной мастерской. Сведения о кадровом составе Оружейной палаты, исследования из фрагментов текущей документации приказа, приходо-расходных книг разных ведомств¹⁵, росписей оружейной каз-

ны (в том случае, если там был указан автор того или иного предмета оружия или доспеха). По подсчетам исследователя М.Н. Ларченко, в период 1613–1625 гг. в Оружейной палате трудилось до 130 мастеров разных специальностей¹⁶.

Определить численность и состав мастеров на определенный момент времени не представлялось возможным вплоть до рубежа 1650–1660-х гг. Бухгалтерская справка по челобитной, помеченной сентябрем 1659 г., сообщает, что русских оружейных разных дел мастеров числится всего 44 человека, да четверо самопальных (стрелков), да двое иконников, подьячий и восемь сторожей. Иноземных же мастеров числилось 25 человек¹⁷. Большинство последних составляли так называемые «польские» мастера – ремесленники из Смоленска, Витебска, Полоцка, Могилева, Быхова, Шклова и Вильно, в большом числе переведенные в Оружейную палату во второй половине 1650-х гг.¹⁸ Число их продолжало расти и в дальнейшем. Так, в 1660 г. в Оружейном приказе числилось «иноземцев, поляков витебских, виленских и иных» 31 человек и 10 учеников¹⁹.

Следует отметить, что середина столетия была для Оружейной палаты крайне тяжелым периодом, когда кадровый состав мастерской понес тяжелые потери от чумы и войны²⁰. Компенсировать эту убыль, по замыслу администрации ведомства, должен был массовый перевод в Москву оружейников «иноземцев». В 1663 г. получали жалованье русские мастера «Никита Давыдов и Григорий Вяткин с товарищи» – 60 человек, а «иноземцы Степан Григорьев с товарищи» – 52 человека²¹.

Номенклатура и иерархия оружейных специальностей в дворцовых мастерских второй половины XVIIв. претерпела серьезные изменения по сравнению с Бронным приказом. Написанные первыми в росписи Бронного приказа, высокооплачиваемые мастера шеломники и юшманники (юшманники) в Оружейной палате второй половины столетия не встречаются вовсе. Мастера-сабельники также при дворе Ивана IVценились весьма высоко (двое из трех имели поместные оклады), а пансырники представляли собой наиболее многочисленную группу (не считая чищельников) – 14 мастеров. Эти специальности фигурируют в росписях мастеровых людей дворцовой мастерской, хотя и уступили «верхние места» специалистам другого профиля. Вплоть до 1662 г. список мастеровых людей Оружейной палаты возглавлял «латный и самопальный мастер» Никита Давыдов. Универсал широчайшего профиля, Никита Давыдов успешно изготавливал доспех (как восточного, так и западного типа), холодное, огнестрельное (в том числе многозарядное) и даже пневматическое оружие. В 1662 г. «главным мастером» становится Григорий Вяткин²². С этого времени и до конца столетия первенство переходит к мастерам, делающим огнестрельное оружие: самопальным, ствольным, замочным, станочным (последовательно).

Сабельные мастера присутствуют в числе специалистов Оружейной палаты, но как ни парадоксально – сабель (клинков) они делают очень мало. Часть мастеров, первоначально записанных как «сабельные», оказываются «огнивщиками» или «сабельными придельщиками» – теми, кто изготавливают и монтируют прибор и готовую полосу. В 1653 г. в Оружейную палату был принят собственно сабельный мастер – Андрон Ефремов с невысокой, судя по скромному окладу (4 руб.), квалификацией²³. Нет информации, что он когда-либо участвовал в ковке сабельных клинков.

Сходная ситуация складывалась в «последующий период» и с изготовлением доспеха. В 1656 г. «на убылое место» был принят бронник – иноземец «немчин» Петр Умшан (Ушман), который проработал недолго и доспеха не делал, зато сделал единственные (по выявленным источникам) изготовленные в Оружейной палате колесные замки²⁴. В том же документе написаны четыре мастера «пансырника» с окладами в 8, 7, 6 и 3 рубля²⁵, но их дальнейшая работа состояла в чистке и чинке тех панцирей, что уже хранились в Оружейной палате, а также «вооруде» наручей и бутурлыков (изготовлении панцирных соединений).

В XVII столетии сабля являлась одним из важнейших предметов вооружения представителей русского нобилитета. Потребность русского двора в сабельных клинках высокого качества была весьма значительна, но не меньшей была потребность и в кольчатом доспехе, традиционно составлявшем часть оборонительного вооружения лиц, сопровождавших государя при выезде. Очевидно, что силами имеющихся на 1656 г. кадров эту проблему решить было невозможно.

Администрацией Оружейной палаты был предпринят ряд мер к исправлению ситуации, которые вполне можно характеризовать как экстраординарные. Поступавшему в 1657 г. на службу в Оружейную палату тульскому ствольного дела мастеру Кузьме Плотникову велено было «зделать полосу сабельную красного железа»²⁶. В 1661 г. он еще числится среди ствольных мастеров, хотя ствол его работы не известно. Позднее фигурирует в документах как «железа красного всяких дел мастер»²⁷. Переквалификация К. Плотникова вполне объяснима, но то обстоятельство, что сабель «красного железа» он больше не делал (по известным источникам), выглядит довольно странно.

В 1660 г. Из Оружейной палаты в Астрахань была отправлена группа учеников «для учения булатных сабельных полос и панцирного дела»²⁸. Однако было понятно, что быстрого эффекта от этого шага ожидать нельзя. В 1662 г. администрация палаты обратилась к Астраханскому воеводе с просьбой прислать панцирных мастеров и специалистов по изготовлению сабельных клинков из булатной стали²⁹. Но мастера «черкасы» из Астрахани так и не прибыли.

Весьма вероятно, что несколько раньше была предпринята попытка вывезти мастеров дефицитных оружейных специальностей непосредственно из Персии. В 1661 г. в Москву прибыла группа

мастеров из Ирана. Metallургов и кузнецов оружейников и бронников среди них не было. Зато были мастера другой нужной специальности «хозовые» или «гзовые» – занимавшиеся особого рода выделкой кожи, необходимой для обтяжки сабельных ножен и рукоятей. Также прибыли мастера шелкового и тесемочного дела³⁰. Они проработали в Оружейной палате несколько лет, «делая дело» и обучая русских учеников. Не известно, почему не удалось нанять оружейников «в Кизылбашской земле», препятствовали ли этому персидские власти, или сами мастера выдвинули такие условия, что затею сочли экономически нецелесообразной. Так или иначе, в Москве приняли решение: булатные полосы и броню закупать «на месте» – непосредственно в Иране.

В 1662 г. был составлен обширный список материалов, полуфабрикатов и готовых вещей, которые русскому посольству, отправлявшемуся в Персию, надлежало «купить в кизылбашской земле к оружейному делу... в Оружейную палату». В списке фигурировали: «100 полос булатных, 5 зеркал самых добрых в кольцах с наводом золотым, 50 зеркал кружчатых и четвероугольных булатных з золотым же наводом, 100 зеркал обычных кружчатых, 100 наручей булатных же легких с наводом, 100 черепов булатных мисюрак, 10 шапак ерехонских красных ... булатных с наводом золотым, пансырь доброй с воорудою доброю зате[й]чивою, 100 пансырей пообычной, а так же, 5 пуд заку, 20 пуд булату краснова самова доброго, 20 пуд булату синева»³¹. Но возвращения посольства тоже предстояло ждать несколько лет.

Среди «польских» мастеров, переведенных в Москву, многие заявляли себя как сабельные мастера. Однако, как их русские коллеги, большинство оказалось «сабельными придельщиками» и «сабельными наводчиками», а способных ковать клинки оказалось очень немного³². В 1662 г. сабельный мастер Панкратко Иевлев с тремя товарищами получили задание за 10 недель каждому сделать по 10 сабельных полос³³. С высокой долей вероятности можно говорить о том, что речь шла о простых стальных клинках, поскольку изделия из металла высокого достоинства – дамасковые (красного железа) и тем более булатные – в документах Оружейного приказа, как правило, соответственно оговаривались.

В 1664 г. прибыли из Астрахани ученики сабельного и панцирного дела. Однако администрацию Оружейной палаты ждало разочарование. «В расспросе» 8 учеников сабельного дела сообщили:

«к полосе черкасской булатной краску припускают, делают они ножны с оправой медные по черкаски и в лице поставят и вычистят, а полос булатных они не делают». А трое «пансырного дела» сказали: «новых пансырей они не делают, а починяют старые, а иного дела oprичь того ничего не делают»³⁴. Новопривывшим было дано «восемь полос сабельных зделать на образец сабельных ножны на черкасское дело»³⁵.

Потребности двора в простых саблях и саблях красного железа удовлетворялись за счет закупки и распределения заказов «по наряду» среди московских кузнецов. Так, московскому сабельнику Агапу Денисову в августе 1672 г. были выплачены деньги «от трех полос сабельных стальных... по указу великого государя ковал он и оттачивал три полосы сабельные по наряду в Оружейную палату»³⁶. А в 1673 г. «Бронные слободы тяглицу сабельного дела мастеру Оське Васильеву на железо и на уголье по иво скаске два рубли... Зделал он в Оружейную полату две полосы сабельные з долами красного железа и в том числе одна дол ширинкой, а у другой на черкасское дело с шивыком, с мелкими долами»³⁷.

Возможно, администрация после ряда попыток сознательно отказалась от намерения наладить в Оружейной палате изготовление сабель, а также кольчатого и кольчато-пластинчатого доспеха восточного типа. В составе пасхальных подносов изделий мастеров Оружейной палаты³⁸ обращает на себя внимание полное отсутствие сабель и кольчатого доспеха.

При этом другие виды холодного оружия и пластинчатый доспех присутствуют. В 1663 г. Алексею Михайловичу среди другого «ружья» поднесли: «Протазан резной золочен. Делал Бориско Михайлов. Копье калмыцкое из красного железа по местам золочено. Делал Кузьма Плотников. Шапка мисюрка ис красново железа. Делал Кузьма Плотников». В 1666 г. в подносе были «Зерцала четверные Ивашкова дела Килтыкова. По доскам клейма и каймы насечены серебром и золотом». В следующем 1667 г.: «Зерцала булатные четверные наводные и золочены местами Григорьева дела Вяткина. Оправа на золотной тесьме серебряная золоченая. Подкладка отласная»³⁹, а также «2 пратазана прорезные, по местам золочены и серебряны Борисова дела Крыгора. Ивана Килтыкова зерцала полные, насечены золотом местами. На передней цке орел, на задней цке насечены травы местами». (На одной из росписей «подносных дел» 1667 г. присутствует помета – распоряжение «Послать

государева грамота в Сибирь велеть купить сто пансырей»). В 1668 г.: «2 бутурлыки з долами. Делал Ивашко Килтыков» и два куяка бархатных красных. В 1669 г.: «Зерцала наводные четверогранные по краям каймы среди досок клейма». В 1674 г.: «Двои наручи, и в том числе одне булатные наведены золотом. Другие красного железа наведены серебром Кузьмина дела Плотникова. Наводили наводчики Иван Колтыкеев, Моисей Бобылев. Двой зерцала наведены волоченым серебром, делали и наводили Иван Колтыкеев, Моисей Бобылев. Два меча волнистых с крыжами, ножни покрыты обьерью золотною. Делал Борис Крыгор. Два копья красного железа позолочены. Делали Борис Крыгор, да Кузьма Туленин» и т.д.⁴⁰

Среди образцов высококлассного доспеха, созданных в Оружейной палате второй половины столетия, выделяется зеркальный доспех, выполненный для пасхального подноса 1670 г. самопальными мастерами Григорием Вяткиным с сыном Афанасием и бывшим учеником Игнатом Прохоровым, по образцу «государевых Больших зерцал» 1616 г. работы Дмитрия Коновалова и Андрея Тирмана.

Мы видим, что изготовлением и отделкой доспеха высокого качества занимаются не бронники, а мастера совершенно иных специальностей: самопальные, замочники, наводчики, мастера «железного дела». Включать в состав пасхальных подношений государю сабли с простыми клинками или клинками «красного железа» московской работы администрация Оружейной палаты явно считала неуместным. Что же касается булатных клинков, то, по всей видимости, в Оружейную палату они поступали только из-за границы: в дарах иностранных государей, в привозах восточных купцов или закупались на Востоке русскими дипломатами⁴¹. Почему сабли с булатными иранскими полосами, смонтированные и украшенные, не подносились царям – объяснить трудно, хотя доработанный в Оружейной палате булатный доспех иностранного происхождения в составе пасхальных подносов присутствовал.

Итак, по сравнению с Бронным приказом 1570-х гг. кадровый состав и специализация Оружейной палаты второй половины XVII в. претерпели существенные изменения. «Становым хребтом» дворцовых оружейных мастерских становятся мастера, работавшие огнестрельное оружие: самопальные, ствольные, замочные. Именно они заняли верхние места в иерархии оружейных мастеров. Лучшие из них обладали удивительной универсальностью и владели

множеством оружейных и ювелирных техник, беря на себя исполнение самых разнообразных обязанностей. И если профессиональные реалии работы Бронного приказа мы представляем себе очень слабо, то в отношении Оружейной палаты второй половины XVII в. мы вправе констатировать наличие ряда факторов, мощно влиявших на характер работы придворной оружейной мастерской.

Рис. 8. Меч двуручный церемониальный.
Москва, Оружейная палата, 1656 г. Мастер Андрон Ефремов
(клинок). Музеи Московского Кремля. Инв. № ОР-325

Рис. 9. Шлем «Шапка калмыцкая». Москва,
Оружейная палата,
вторая половина
XVII в. Музеи
Московского Кремля.
Инв. № ОР-2059

Одним из наиболее существенных факторов была подчиненность деятельности Оружейной палаты церемониальным новациям русского двора второй половины столетия. Для церемониальной стражи царя Алексея Михайловича десятками заказывались двуручные мечи и протазаны⁴² (рис. 8). Для вооружения конных сотен (жилицких, выборных московских дворян, конюшенного чину и иных), встречавших и сопровождавших иностранные посольства на их пути в Кремль, в весьма значительном количестве требовались самые разнообразные предметы вооружения, доспеха и экипировки. Количество куяков, крытых бархатом и другими тканями разных цветов, подбитых гвоздями медными, в 50–70-е гг. XVII в. составило несколько сотен. Партиями по сто штук заказывались шишаки, шлемы «шапки калмыцкие» (рис. 9) и железные щиты (рис. 10)⁴³ и пр.

Для выполнения этих работ привлекали мастеров всех «металлических» специальностей Оружейной палаты, а иногда еще и кузнецов Ствольного приказа и иных. Эта деятельность поглощала львиную долю рабочего времени мастеров и ресурсов ведомства.

Периодически группы мастеров отправляли в Ствольный приказ для технологического контроля, исправления и приемки строевого оружия. В преддверии крупных парадно-церемониальных мероприятий мастера оружейники занимались тем, что чистили «оружье и всякую бронь» и т.д. Постоянно специалистов Оружейной палаты привлекали к работам и вовсе далеким от оружейного дела: к «верховым делам» – созданию и украшению обиходных предметов для членов царской семьи, изготовлению фурнитуры для дворца, предметов церковного убранства и пр. Даже первостатейные мастера не были свободны от исполнения этих «служб».

При том, что Бронный приказ и Оружейная палата второй половины XVII в. по общей численности служащих были довольно близки, значительную часть штата последней составляли мастера не оружейных специальностей: иконописцы и живописцы, токари, резчики по дереву и кости, часовщики. Хотя изготовление оружия и доспеха являлось важнейшим направлением деятельности палаты, фактически она представляла собой дворцовую мастерскую широкого профиля. Бронный же приказ – напротив, по штату выглядит узкоспециализированным оружейным ведомством. Обращает на себя внимание, что самой многочисленной группой мастеров в Бронном приказе – 25 человек – были чищельники⁴⁴. (В Оружейной палате второй половины XVII столетия их число колебалось в пределах 4–6 человек.) Подобное обстоятельство может говорить

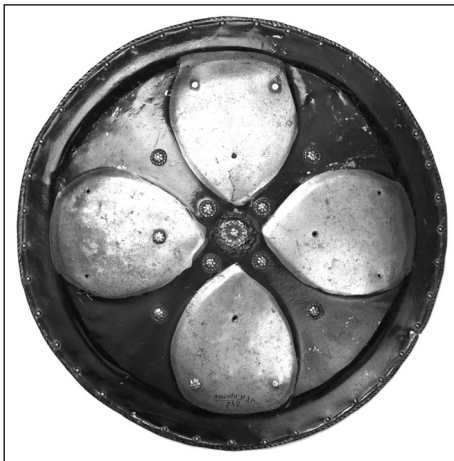

Рис. 10. Щит. Москва, Оружейная палата, вторая половина XVII в. Музеи Московского Кремля. Инв. № ОР-842

как об обширности оружейной казны при Иване IV, так и о бережном отношении администрации приказа к рабочему времени высококвалифицированных мастеров.

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950. С. 16.

² Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 44.

³ Подробно о «начале» чина оружейного и Оружейной палаты см.: Государева Оружейная палата / Вступительная статья И.А. Комарова. СПб., 2002; Ульянов О.Г. Институт оружейных и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Международная научно-практическая конференция. Ч. II. СПб., 2010. С. 351–365.

⁴ Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // Исторический Архив. Вып. 4. М.; Л., 1949. С. 14, 40–41.

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 2. Описание казны Бориса Федоровича Годунова 1588 г.

⁶ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в. // Вестник археологии и истории издаваемый имп. Археологическим институтом. СПб., 1904. Вып. 16. С. 132.

⁷ Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке. Каталог выставки. М., 2001. С. 56–57.

⁸ См.: Богатырев С.Н. Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // Петербургские славянские и балканские исследования. № 1 (9). СПб., 2001. С. 188.

⁹ Этот декоративный прием оставался популярным среди мастеров Оружейной палаты до конца столетия. В собрании Музеев Кремля хранятся ряд наручей и бутурлыков аналогичного декора. В этом же стиле выполнен и зеркальный доспех 1663 г. работы Никиты Давыдова.

¹⁰ См. Описание Московской оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. М., 1884. С. 170.

¹¹ Автор выражает глубокую признательность Игорю Викторовичу Волкову за прочтение надписи.

¹² Krigsbyte. War-booty. Livrustkammaren, Stockholm, 2007. P. 53.

¹³ Прочтение И.В. Волкова.

¹⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2948. Роспись оружейной казны царя Михаила Федоровича. См. также: Ларченко М.Н. Перечневая роспись оружейной казны царя Алексея Михайловича // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 173–181. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692. 164 (1654/55) Роспись походной казны Алексея Михайловича, которая была в Смоленске.

¹⁵ Самая ранняя сохранившаяся приходо-расходная книга Оружейной палаты относится к 1656 г.

¹⁶ Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 2. М., 1976. С. 25.

¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7120 Челобитные мастеров Оружейной палаты о жалованьи. Л. 2–3.

К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени

¹⁸ См.: Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследование. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984.

¹⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 950 Книга приходная и расходная деньгам Оружейной палаты 168 г. Л. 9–9 об.

²⁰ По мнению М.Н. Ларченко, на 1656 г. в Оружейной палате числилось около 30 мастеров, включая новопринятых на «убылые места» (Ларченко М.Н. К вопросу о работе... С. 185). Исследователь основывался на документе РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5653 О выдаче мастерам Оружейной палаты прибавочного жалования. Однако данное дело не содержит полного списка мастеров, в чем можно убедиться, сопоставив его с данными Прихода-расходной книги Оружейной палаты (Ф. 396. Оп. 2. Д. 946).

²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8490 Роспись Оружейной палаты мастеровых людей русских и иноземцев... Л. 16.

²² Орленко С.П. Оружейный мастер Григорий Никитич Вяткин (ок. 1615–1688) // Война и оружие. Международная научно-практическая конференция. Ч. II. СПб., 2011. С. 278–292.

²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4792 Челобитные мастеров Оружейной палаты о выдаче жалования. Л. 17.

²⁴ Там же. Д. 5653 О выдаче мастерам Оружейной палаты прибавочного жалования. Л. 25, 35.

²⁵ Там же. Л. 28.

²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 947 Книга расходная государевой денежной казне нынешнего 165 году... Л. 111. об.

²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 7120 Челобитные мастеров Оружейной палаты... Л. 12; Там же. Д. 13872 Челобитные о выплате жалования... Л. 40.

²⁸ Там же. Д. 6982 О посылке из Оружейной палаты ребят в Астрахань для учения булатных сабельных полос и панцирного дела.

²⁹ Там же. Д. 8004 Грамоты в Астрахань к кн. Григорию Сунчалеву Черкасскому о присылке в Москву черкас мастеров пансырного дела, сварщиков, да булатного сабельного. Л. 1–4.

³⁰ Там же. Д. 7694 Челобитные и памяти кизылбашских мастеров хозового дела. Л. 2, 3, 5, 6, 17; Там же. Д. 7751 О помещении Оружейной палаты кизылбаш нашивочного дела мастера Мадаля Айкатова с товарищем... Л. 1.

³¹ Там же. Д. 8075 О посылке из Посольского приказа к послам Федору Яковлевичу Милославскому с товарищи государева указа о покупке надобных к оружейному делу в Оружейную палату товаров по росписи. Л. 1–6.

³² Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских»... С. 190.

³³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8720 171 г. О выдаче жалования мастерам... Л. 86–104.

³⁴ Тальман Е.М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 81.

³⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8893 О выдаче жалования мастерам... Л. 239–240.

³⁶ Там же. Д. 13799 Выписки по коим выдано было денег мастеровым и торговым людям за покупные товары и материалы в Оружейную палату для всяких государских верховых и оружейных дел. Л. 73.

³⁷ Там же. Оп. 2. Д. 958 Книга приходо-расходная денежной казны Оружейной палаты 1677–1678 г. Л. 425.

³⁸ Росписи подносных дел сохранились, начиная с 1660-х гг.

³⁹ Распоряжение об изготовлении серебряной «вооруды» к «великого государя к зеркалам булатным персиким наводным Григорьева дела Вяткина» было отдано в феврале (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10743. Л. 1).

⁴⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8725 Столп, а в нем роспись мастерам и оружию сделанному государю в поднос на Пасху. Л. 10, 11; Там же. Д. 10260 Роспись подносным вещам 1666. Л. 6; Там же. Д. 10897 Роспись подносным вещам 1667. Л. 1–2, 4–5; Там же. Д. 11708 Роспись оружейным вещам которые были у государя в подносе на Пасху 1668 г. Л. 4–5; Там же. Д. 11823 Роспись мастерам Оружейной палаты которые делали... Л. 39; Там же. Д. 12267 Опись подносных вещей из Оружейного приказа... Л. 8; Там же. Д. 14946 О поднесении к Пасхе разных вещей сделанных в Оружейной палате по наряду. Л. 8.

⁴¹ См. выше. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10078. 1666 г. Об отсылке из Казенного приказа в Оружейную палату булатных сабельных полос и ручей стальных присланных в дарех к государю от Кизылбашского шаха и от Шамаханского, да от Сибирских калмыцких тайшей. Л. 1–2.

⁴² Орленко С.П. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора середины XVII в. // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. В печати.

⁴³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11392 8852 О взятии из Казенного приказа тканей в Оружейный приказ на разные оружейные дела. Л. 9, 14, 17, 22; Там же. Д. 11392 Выписки об отпуске из Казенного приказа в Оружейный приказ разных вещей к оружейным делам. Л. 7; Там же. Д. 8893 О выдаче жалованья мастерам Оружейной палаты. Л. 143; Там же. Д. 14792 Память о взятии из приказа Большого дворца гвоздей к 100 шапкам калмыцким. Л. 1; Там же. Д. 12165 О даче из Оружейной палаты разных дел мастеровым людям денег. Л. 116; Там же. Д. 15394 О полуде 80-ти щитов железных к выезду послов Персиких. Л. 1; Там же. Д. 20792 Росписи отрывочные пищалем, пистолям, луком и пр. Л. 1–29.

⁴⁴ Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах... С. 14.

А.В. Орлов (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ НАЧАЛЬНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В 1896–1917 ГОДАХ

Ц ЕЛЬ статьи – выяснение вопроса, каким образом и в какой форме происходило формирование российского ВПК еще царского времени. Прежде всего, дадим нашу формулировку этому понятию для столь давнего времени. Военно-промышленный комплекс России до 1918 г. – это структура военной индустрии при распределении оборонных заказов серийного массового производства на основе долгосрочных военных программ вооружения (перевооружения) армии и флота. ВПК царской России имел целью поддержание боевой готовности русской армии и флота в условиях гонки вооружений в Европе и принятых Россией военно-внешнеполитических обязательств по договору с Францией 1891 г. (франко-русский союз) и Великобританией 1907 г. (Антанта).

В царской России уже существовали программы вооружения, носившие долгосрочный характер, от 4-х до 20 лет. Вооружения проходили не только испытания и разработку, но и создавались в условиях все более строгой и постоянной специализации ведущих предприятий в сфере оборонных производств. Такие заводы, как Путиловский, Обуховский, Ижорский, Балтийский, Адмиралтейский, Тульский и Ижевский уже имели собственные чертежно-конструкторские отделы и служащих-специалистов, кадры рабочих и техников (инженеров-технологов), которые составляли важнейший круг организаторов и мастеров военной промышленности. Государству приходилось, чтобы не утратить эти ценные и весьма дефицитные кадры, поддерживать названных производителей в годы «финансового затишья», то есть в периоды, когда казенных заказов по стоимости и объемам было очень мало. Важным и новым

моментом в развитии ВПК было формирование банковско-промышленных групп в частной судостроительной и артиллерийской промышленности России, которые занимались реконструкцией и строительством новых предприятий в оборонных отраслях производства. Надо отметить, что при всей подозрительности и опасениях, существовавших в некоторых правительственных кругах в отношении сильной и монопольной частной промышленности в военной сфере, ни Военное, ни, особенно, Морское министерство не видели возможности отказаться от участия частной промышленности в оборонных производствах. Важным мотивом в пользу именно частной инициативы и технологий были, во-первых, возможность привлечения иностранных капиталов и специалистов, во-вторых, новые технологические решения (чертежи, конструкции, патенты, консультации, соглашения о переносе новых производств в Россию и на казенные заводы). Для характеристики общего положения России того времени следует непременно учитывать фактор значительной зависимости России от ее связей с западными союзниками по Антанте, сильную финансовую зависимость и большую уязвимость индустрии России с точки зрения мощности и снабжения сырьем и оборудованием.

В указанный период в Германии, Франции и Великобритании уже сложились национальные военно-промышленные корпорации в виде монополистов-производителей вооружения. В Германии такой фирмой был знаменитый Фр. Крупп, во Франции – Шнейдер-Крезо, в Англии – фирмы Виккерс и Армстронг. Частная промышленность на Западе уже господствовала в тех отраслях, которые составляли основу военной индустрии. Такими отраслями были: металлургия, крупное машиностроение, металлообработка, электротехника, средства связи, химическая промышленность, точное приборостроение, оптика, не считая изготовления военной амуниции и транспортное машиностроение.

Для оборонных ведомств принципиальное значение имели новейшие технологии в оборонных производствах, которые в подавляющем большинстве случаев приходилось отслеживать на заводах и в лабораториях европейских производителей военной техники. В этом смысле роль частных производителей России была особенно привлекательна для Военного и Морского министерств. Объяснялось это тем, что западные фирмы стремились к военно-техническому сотрудничеству именно с частными производителями

России и в гораздо меньшей степени – с казенными предприятиями. Частные производители готовы были больше платить за услуги и консультации. Кроме того, соглашения российских производителей с западными, частных с частными, заключались гораздо оперативнее и более широко, чем с казенными, которые крайне редко соглашались на какие-либо ограничения в своем производстве и правах в отношении перенимаемых новшеств. В европейских странах промышленное патентное право уже оформилось, тогда как в России оно делало первые шаги. Таким образом, частная военная промышленность России становилась своеобразным проводником иностранных технологий и инженерной мысли, инициативы и предприимчивости. Оборонные ведомства хорошо понимали эту тенденцию.

По мере развития частных заводов России, связанных с работами на оборонный заказ, они становились частью общей системы военной индустрии страны, несмотря на перипетии судьбы отдельных предприятий (реорганизации, биржевые спекуляции, долги, банкротства). Можно назвать целый ряд таких предприятий: Общество Путиловских заводов, Санкт-Петербургский Металлический завод, Общество Тульских меднопрокатных и патронных заводов, Невский судостроительный завод, Александровский сталелитейный завод, многие металлообрабатывающие заводы Империи, бравшиеся за производство артиллерийских снарядов. Исключительно важное значение приобретали и такие отрасли, находившиеся почти или полностью в руках частной промышленности, как электротехника, связь (телеграф, телефон), кабельное производство, проволочное производство, цветная металлургия (латунь, медь), химическое сырье для пороховых заводов, автомобилестроение и аэропланостроение. Было бы большой недооценкой считать частную промышленность России в этих отраслях незначительной только на том основании, что большое количество необходимых материалов и изделий продолжало поступать из-за границы.

В начале XX в. частная промышленность как составная часть военной индустрии России уже утрачивала характер «случайных» работ в деле обороны. Ее специализация зависела от инвестиций интернационального бизнеса. Массовое производство получало такие черты, как долгосрочное планирование, новейшие технологии, политика цен и формирование фирменной репутации.

К последней относились давность существования производителя, его многократные поставки, оценки уровня производства и необходимость сохранения данного производства. Российские фирмы подчеркивали в переписке с министерствами свои заслуги и пользу для внутреннего производства и отказа государства от крупных заказов за границей. По отношению к государственной промышленности частная составляла не только конкуренцию, но специализировала оборонную индустрию, дополняла ее такими отраслями, которые государство не могло или не стремилось монополизировать. В этом смысле частная промышленность становилась необходимой не относительно, а абсолютно для обороны страны.

«Одного только слуха о недовольстве принятой системы было достаточно, чтобы частные заводы, несмотря на значительные рискованные расходы, сейчас же снова принялись составлять новые проекты и выполнять их в действительности, неся огромные расходы не только по выделке самих изделий, но и платя огромные гонорары тем редким, в особенности у нас в России, личностям, которые по своим знаниям и талантности могли взяться за разрешение такой трудной задачи, – писал начальник Обуховского сталелитейного завода генерал-майор Г.А. Власьев Управляющему Морским министерством П. Тыртову 15 марта 1902 г., имея в виду борьбу за артиллерийские заказы. – Так, я знаю, что Путиловский завод, помимо того, что заплатил значительные суммы одновременно, за составление чертежей представленной им системы [скорострельной пушки], он обязывается такому лицу, проект которого даст возможность получить валовый заказ на орудия и лафеты – кроме того уплачивать по 5 % со стоимости всех данных нарядов. Очевидно, при таких условиях он имеет полную возможность пользоваться предложениями самых лучших и талантливых инженеров»¹. Это свидетельство стоит подкрепить и другими фактами. Общество Путиловских заводов отстаивало интересы далеко не одного лишь собственного кармана, когда на протяжении ряда лет добивалось получения заказов на полевые орудия. Путиловский завод вырос в крупнейшего производителя и сам становился крайне зависим от заказов Главного Артиллерийского управления в тех размерах, которые диктовали ему произведенные расходы для установления такого сложного производства. Любой завод, будь он частный или казенный, вел себя одинаково, когда речь заходила о заказах, способных покрыть такие большие издержки,

как производство артиллерийских орудий, а не только боеприпасов. Эпоха скорострельной артиллерии требовала конструкторских работ и таких затрат, которые ставили производителя перед необходимостью суровой борьбы за выживание: или получение достаточного заказа или убытки на грани банкротства.

Появление устойчивой и относительно разнообразной частной промышленности в сфере обороны было явным признаком того же пути, на который уже ступили великие державы Западной Европы. Гонка вооружений стимулировала эту тенденцию. Государственный контроль – ведомство, отвечающее за ревизию расходов и доходов казенных заведений (предприятий), в том числе и военных заводов, с тревогой констатировало факт передачи крупных и ответственных заказов частным производителям. Казенные заводы, Обуховский и Пермский, специально созданные для целей артиллерии, не справлялись со своими заданиями и с большим опозданием выполняли полученные заказы. Кроме того, в деле разработки новых артиллерийских систем казенные заводы хронически запаздывали, что вынуждало ГАУ обращаться за границу с заказами новейших орудий, а при даче заказов на них внутри России все чаще рассчитывать на «услуги» частной промышленности.

О состоянии казенной военной промышленности свидетельствует тот факт, что Артиллерийское ведомство (ГАУ) даже не имело собственного пушечного завода, который мог бы разрабатывать новые конструкции орудий. В марте 1895 г. во Францию был командирован генерал-инспектор А.П. Энгельгардт «для ознакомления на месте со всеми теми усовершенствованиями, какие сделаны там в полевой скорострельной артиллерии». «Эта командировка, – говорилось в отчете, – дала возможность генерал-лейтенанту Энгельгардту собрать во Франции сведения, относящиеся до 12 см. пушки на безоткатном лафете, которая вводится во французскую полевую артиллерию, а также и другие сведения о скорострельных полевых пушках, коими названный генерал воспользовался для разработки на Александровском Сталелитейном заводе для нашей артиллерии образца безоткатного лафета к 75 мм. скорострельной пушке. Пушку эту Александровский завод изготовляет в настоящее время и рассчитывает представить на Главный Артиллерийский Полигон для испытания весной настоящего года»². В 1898 г. в конкурсе на образец полевой скорострельной пушки приняли участие Общество Путиловских заводов, Александровский

сталелитейный завод, Петербургский Металлический завод и казенный Обуховский сталелитейный завод. Победа, как известно, досталась образцу Путиловского завода. Здесь опять же нельзя не отметить крупного успеха частной промышленности России, которая победой Путиловского завода впервые поколебала до этого неограниченную монополию казенной промышленности в деле капитального перевооружения российской армии. Успех этот был тем более показателен и значим, что Путиловский завод добился получения массового производства нового образца.

Отставание России в перевооружении армии новейшей артиллерией вело к поспешным, но необходимым решениям. Соревнование систем Обуховского и Путиловского заводов для выбора оптимального образца полевой пушки закончилось принятием образца Путиловского завода. Это не умаляло достоинств и преимуществ Обуховского образца пушки³.

Как относились в Государственном контроле к этой борьбе казенного и частного производителей, красноречиво свидетельствует записка от 12 февраля 1903 г. представителя Госконтроля в правлениях Обуховского и Балтийского заводов: «Как выше сказано, на первом конкурсе ни один из представленных образцов полевой артиллерии не удовлетворил требованиям Артиллерийского Ведомства. Но вместо назначения новых вызовов, последнее почему-то предпочло обратиться к одному только Путиловскому заводу, который и разрабатывал потребную систему полевой артиллерии...

Такое отношение к Обуховскому заводу едва ли должно быть признано правильным. Обуховский завод – казенный, обязанный по Высочайше утвержденному положению снабжать предметами артиллерии, как Морское, так и Военное Ведомства, а потому на этих же ведомствах должна лежать обязанность поддерживать Завод своими заказами преимущественно перед частными заводами, в зависимость от которых не должно бы вовсе быть поставлено дело изготовления предметов государственной обороны.

Что же касается цен на изделия Обуховского завода, то порядок назначения таковых указан в самом положении [положении о деятельности казенного Обуховского завода] и наблюдение за правильностью этих цен лежит на специальной обязанности представителей в Правлении Завода, как от Государственного Контроля, так и от Артиллерийского Ведомства.

В заключение считаю долгом присовокупить, что, водворяя на Путиловском Заводе орудийное производство с значительную затратою для сего казны в виде назначения высоких цен на даваемые ему заказы, Артиллерийское Ведомство имело в виду создать у нас частный Артиллерийский Завод подобно существующим в Западной Европе, от которого, по его мнению (Доклад Главного Артиллерийского Управления Военному Совету от 25 марта 1893 года за № 8395), только и возможно ожидать почина в деле усовершенствования артиллерии. Прошло с того времени 10 лет и ожидаемого почина Путиловский завод не проявлял; если же им в последнее время представлялись образцы, то таковые разрабатывались, во-первых, по указаниям и на счет Артиллерийского Ведомства и, во-вторых, не по собственным чертежам, а по чертежам, заказанным на стороне. Производство столь дорогих опытов на Путиловском Заводе, преследующего свои собственные интересы, а не интересы Государственные, казалось бы надлежало прекратить, с возложением этой задачи на Обуховский завод. Последний, как завод казенный, хотя и действующий на началах частных предприятий, не имеет права тратить свои средства иначе, как на предмет прямого исполнения данных ему заказов. Но было бы полезно разрешить ему производство из его средств постоянных опытов по всем его производствам. В этих видах мною ныне предложено Правлению Обуховского Завода попросить разрешение Управляющего Морским Министерством на внесение ежегодно в финансовую смету Завода кредитов в размере 50.000 рублей на производство постоянных опытов, с каковым предложением Правление вполне согласилось»⁴.

То, что казалось таким очевидным ревизиющему ведомству, Госконтролю, было только в самом принципе разделяемо в ГАУ и Военном министерстве. Военные соглашались видеть в казенной промышленности главную и решающую опору обороны страны, а частная военная индустрия России не оценивалась ими как ведущая в формировании военно-промышленного комплекса.

Если же обратиться к ходатайствам самих частных промышленников России, то мы едва ли встретим с их стороны удовлетворение и уверенность в получении оборонных заказов. Многие обращения промышленников, стоящих во главе руководства крупнейших в России предприятий, полны просьбами дать им крупные военные заказы или, во всяком случае, не оставлять их без достаточной работы

для поддержания уже налаженных производств. Подавляющее большинство частных заводов ВПК относились к предприятиям металлургии, судового машиностроения, механической обработки и цветного металлотития. Количественное соотношение казенных и частных заводов дает первое представление о заинтересованности последних в выполнении новых или уже знакомых им оборонных работ.

Для наглядности представим следующую таблицу поставщиков-производителей военно-промышленного комплекса России⁵.

Казенные заводы

Предмет или характер (отрасль) производства	Производитель
Заводы Военного министерства	
Производство полевых легких пушек 3-дм и 57-мм из болванок Пермского и Обуховского заводов, люльки и компрессоры 3-дм пушек, переделка 6-дм крепостных мортир Угломеры и прицельные приборы, электрические прожекторы и электролампы	Петербургский Орудийный завод
Трубки дистанционные разных типов и трубки ударные, трубки латунные капсюльные, запальные стаканы, мелинитовые взрыватели (для Военного и Морского ведомств) Монопольное производство	Петербургский Трубочный завод
Лафеты для пушек и мортир разных калибров и систем (11-, 9-, 6-дм и др.), лафеты, передки, зарядные ящики для легких и 3-дм полевых скорострельных пушек, колеса для лафетов	Петербургский местный арсенал
Лафеты, передки, зарядные ящики и колеса для 3-дм скорострельных и легких полевых пушек	Киевский местный арсенал
Лафеты, передки, зарядные ящики, колеса для полевой артиллерии и для	Брянский местный арсенал

орудий средних и малых калибров (6-дм, 3-дм и др.)	
Оружейный завод: 3-лин. винтовки и револьверы, охотничьи ружья. Сталеделательный завод: мартеновская болванка и заготовка для всех оружейных заводов ГАУ, сталь тигельная и инструментальная, стволы и коробки для винтовок и револьверов, 3-дм полевые шрапнели, черновые стволы пулеметов Максима	Ижевские оружейный и сталелитейный заводы (два взаимосвязанных завода)
3-лин. винтовки с принадлежностями, разные поверочные инструменты и приборы для приема материальной части артиллерии, угломерные и прицельные приборы	Сестрорецкий оружейный завод
3-лин. винтовки, револьверы системы Нагана, рабочий и поверочный инструмент для них, пулеметы Максима, охотничьи ружья	Тульский оружейный завод
Изготовление бездымного пороха, переделка пороха прежних лет	Охтенский пороховой завод
Капсюли всех видов: к винтовочным и револьверным патронам, к алюминиевым трубкам и втулкам для снарядных гильз, для взрывателей; снаряжение трубок, снаряжение мелинитом со взрывателями и взрывателей для фугасных снарядов всех типов	Охтенский завод взрывчатых веществ
Бездымный порох и пироксилиновая мезга	Казанский пороховой завод
Порох бездымный и трубочный, исправление пороха прежних лет, отпиривка пороха крупнозернистого и ружейного	Шостенский пороховой завод
3-лин. патроны к винтовкам и револьверам, холостые винтовочные патроны, патронные обоймы, латунь и мельхиор для гильз	Петербургский патронный завод

Предмет или характер (отрасль) производства	Производитель
3-лин. боевые и холостые винтовочные патроны и патронные обоймы	Луганский патронный завод
Заводы Морского министерства	
Пушки разных калибров и систем для морской и сухопутной артиллерии и лафеты к ним, башенные установки, стальные снаряды всех калибров и типов (фугасные, бронебойные и палубобойные), минное производство, чугунное и стальное литье. Бинокли, прицельные приспособления, оптические панорамы, стереотрубы	Обуховский сталелитейный завод
Броневые плиты, судостроительная сталь, гильзы скорострельных орудий, железные трубы сварные и цельнотянутые, рулевые и шпилевые устройства, судовые помпы, минные аппараты, миноносцы и катера, предметы вооружения и снабжения судов	Ижорские заводы
Броненосцы самых больших водоизмещений, крейсера и суда других назначений для военного флота, различные паровые механизмы, преимущественно крупные, судовые паровые котлы различных систем и назначений. Крупные чугунные и бронзовые отливки, мелкие фасонные отливки из тигельной стали	Балтийский судостроительный и механический завод
Постройка военных судов разного рода (корпусов)	Петербургский порт
Ремонт и достройка на плаву военных кораблей всех типов, работы по машинному судовому обслуживанию	Кронштадтский пароходный завод
Производство пироксилина	Пироксилиновый завод
Заводы Горного департамента	
Артиллерийские орудия и лафеты для Военного ведомства: береговые и лег-	Пермские пушечные заводы

кие мортиры, пушки Канэ и лафеты к ним. 57-мм пушки Норденфельда. Бронёбойные, палубобойные, фугасные, сегментные снаряды, шрапнели всех типов и калибров	
Артиллерийские снаряды (шрапнели стальные) среднего и малого калибров. Монопольное изготовление холодного оружия: шашки, клинки, кинжалы	Златоустовский чугуноплавильный, железоделательный и снарядоделательный завод и фабрика холодного оружия
Чугун серый, сталь пудлинговая для Обуховского и Ижорского заводов. Артиллерийские чугунные снаряды малых калибров для Военного и Морского ведомств	Саткинский чугуноплавильный и железоделательный завод
Артиллерийские чугунные снаряды малых калибров для Военного и Морского ведомств	Кусинский чугуноплавильный и чугунолитейный завод
Станины штампованные для полевых лафетов, железо полосовое, круглое, квадратное, угловое, котельное и листовое для местных арсеналов	Воткинский паровозостроительный и железоделательный завод
Чугунные снаряды средних и крупных калибров для Военного и Морского ведомств	Баранчинский чугуноплавильный и снарядоделательный завод
Чугунные снаряды средних и крупных калибров для Военного и Морского ведомств	Верхне-Туринский чугуноплавильный и снарядоделательный завод
Чугун для Ижорского завода	Кушвинский чугуноплавильный и сталелитейный завод
Чугунные артиллерийские снаряды	Каменский чугуноплавильный и чугунолитейный завод
Легкие шрапнели из обыкновенного чугуна	Александровский (Олонецкий) снарядолитейный завод

Как видно из этой таблицы, казенные заводы занимали в ряде производств совершенно монопольное положение (производство винтовок, дистанционных трубок и взрывателей, пулеметов Максима, холодного оружия, броненосное судостроение). Огромные казенные заводы (Ижорский, Петербургский патронный, Ижевский, Пермский, Адмиралтейский, Обуховский) имели многолетнюю историю и развивались вне конкуренции. Эти заводы во многих случаях оставались единственными в своем роде, укрупнялись, не меняя своего расположения. Характерной чертой для них было то, что они не имели заводов-дублеров, и новые производства открывались на старых площадках при соблюдении «экономии» в средствах на расширение. Потребности в реконструкции казенных предприятий удовлетворялись с большими опозданиями и при минимальных затратах на капитальное строительство. Строить новые заводы было дорого для казны.

Однако потребность в новых заводах на новых местах, экономически более выгодно расположенных, росла. Не говоря уже о системе управления, мощности казенных заводов все чаще страдали от перегрузки чрезвычайными заказами.

Частные заводы⁶

Предмет или характер (отрасль) производства	Производитель
Пушки, мортиры, лафеты, спусковые минные аппараты, башенные установки, разные снаряды крупных и мелких калибров, стальные бронебойные снаряды, судостроительная и инструментальная сталь	Общество Путиловских заводов (Путиловский паровозный, машиностроительный, механический и литейный завод)
Судостроительная сталь, латунные гильзы, скорострельные орудия мелких калибров, снаряды крупных и малых калибров, снарядные стаканы	Александровский сталелитейный завод (завод имел отделы: снарядный, гильзовый и оружейный)
Паровые котлы, башенные установки для военных судов, приспособления для подачи	Компания Петербургского Металлического завода

патронов корабельной артиллерии, минные аппараты, монтаж минного вооружения на кораблях, снаряды, лафеты и станки	
Судовые машины, котлы Бельвилля, листовая и болтовая медь, медные трубы	Общество Франко-Русских заводов (завод фактически работал в кооперации с Адмиралтейским заводом Морского министерства)
Миноносцы, легкие крейсера, судостроительная сталь, гребные и коленчатые валы	Товарищество Невского судостроительного и механического завода
Пояски красной меди для снарядов, листы и круги красной и желтой меди, проволока, кабели телеграфные, телефонные, сигнальные, минные	Товарищество латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина
Пояски красной меди для снарядов, листовая и прутковая медь красная и желтая, алюминий в листах и кругах	Общество меднопрокатного и трубного завода, бывш. Розенкранца
Латунные гильзы для Военного и Морского ведомств, шлопочные станки для десантных пушек, запальные трубки, приборы для снаряжения боевых патронов, жестяные гильзы	Механический и гильзовый завод наследников П.В. Барановского
Судостроительная сталь, артиллерийские снаряды разных калибров, бронебойные снаряды, зарядные ящики, лафеты	Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода
Инструментальная сталь, бронебойные артиллерийские снаряды крупных и мелких калибров, стальные отливки иковки	Рижские сталелитейные, прокатные и инструментальные заводы, бывш. «Саламандра» и Русско-Балтийская фабрика напильников «Томас Фирт с Сыновьями»

Предмет или характер (отрасль) производства	Производитель
Медные крышки к гильзам 6-дм пушек Канэ, всевозможная арматура для пара и воды (судовая арматура)	Чугуно-медно-литейный и механический завод Лангензипен и К ^о
Машинные отливки из фосфористой бронзы, сплавы: фосфористая медь, олово и проч., баббиты (антифрикционный металл)	Товарищество Гатчинского меднолитейного завода А.С. Лаврова
Латунь гильзовая	Меднопрокатный, оловянной фольги и алюминиевых изделий завод И.Ф. Чикина
Бронебойные, фугасные и чугунные артиллерийские снаряды 75-мм и 37-мм для Морского ведомства, нагонка медных поясков	Литейно-механический завод А.М. Титовой
Самодвижущиеся мины системы Уайтхеда, бортовые подводные и поворотные минные аппараты	Акционерное общество машиностроительного, чугунолитейного и котельного завода Г.А. Лесснер
Стальные минные аппараты для миноносцев	Машиностроительный и чугунолитейный завод Людвиг Нобель
Минные крейсера, миноносцы, паровые котлы	Акционерное общество В ^м Крейтон и К ^о
Стальные минные аппараты для эскадренных миноносцев	Товарищество механического и чугуно-литейного завода Беллино-Фендерих в Одессе
Военный обоз: хозяйственные двуколки	Товарищество Петербургского вагоностроительного завода
Пушечные латунные цельнотянутые гильзы, ружейные патроны, красная и желтая листовая и болтовая медь	Общество Тульских меднопрокатных и патронных заводов
Телеграфные, телефонные, сигнализационные, измери-	Общество русских электротехнических заводов Сименс

тельные и световые аппараты, динамомашинны, моторы	и Гальске
Электрические приборы различного рода, специальные приборы для электрооборудования судов, прожекторы, электроосветительные повозки, электродвигатели, ремонт динамомашин	Русское Общество Шуккерт и К ^о (с 1913 г. Сименс-Шуккерт из двух заводов: завод динамомашин и завод военных и морских приборов)
Всякого рода кабели для сильных и слабых токов, изолированные проводники, голые медные провода	Акционерное Общество «Соединенные Кабельные Заводы»
Электротехническое оборудование для судов военного флота, динамомашинны, кабели	Акционерное общество «Вольта»
Электрические лебедки патронных элеваторов для броненосцев, электронасосы, вентиляторы	Общество электромеханических сооружений, бывш. Товарищество Дюфлон, Константинович и К ^о
Аккумуляторы, элементы и батареи для полевых войск, крепостей и подводного флота	Общество Русских аккумуляторных заводов «Тюдор»
Аккумуляторы для войск	Русско-Балтийский аккумуляторный завод
Проволока катанная и тянутая всех номеров, проволочные гвозди и канаты, заклепки, стальная проволока для тросов и торпедных сетей	Общество Петербургского железопрокатного и проволочного заводов
Трубы дымогарные железные, стальные, латунные для судов военного флота	Общество Русских Трубопрокатных заводов, бывш. Ш. и Г. Шодуар
Оптические приборы для артиллерийских целей: бинокли, зрительные трубы, панорамные прицелы, перископы, призмы, объективы и окуляры для зрительных труб, фотографические объективы	«Фосс». Первый в России Опτικο-Механический завод под фирмою Александр Гинсберг и К ^о в Варшаве

Предмет или характер (отрасль) производства	Производитель
Телефонные станции, приборы для управления артиллерийским огнем для корабельной артиллерии, сигнальные приборы к минным аппаратам, для определения курса и скорости судов противника	Электромеханический завод Н.К. Гейслер и К ^о
Телефонные (военно-полевые и судовые), телеграфные и сигнализационные аппараты, измерительные приборы, приборы управления артиллерийским и минным огнем (центральной наводки)	Русское Общество «Л.М. Эриксон и К ^о » (завод имел военно-морской отдел)
Порох бездымный и черный, охотничий, минный, пироксилин, тринитротолуол, динамит	Русское Общество для выделки и продажи пороха (Шлиссельбургский пороховой завод)
Азотная и серная кислота, серный эфир для производства бездымного пороха	Тентелевский химический завод

В таблицу частных производителей вошли только наиболее крупные поставщики военных изделий и снаряжения и предметов или работ военного назначения. Многие предприятия литейного производства и арматуры при работах по оборудованию военного флота и ряда несерийных работ в интересах ГАУ не вошли в этот перечень. Особенно много постоянных клиентов-производителей в России было у Морского министерства. Несколько десятков частных предприятий Петербурга, Риги, Москвы, Финляндии и Царства Польского обслуживали своими работами порты и доки, строящиеся и находящиеся в строю корабли, выполняя заказы ГУКиС (Главного Управления кораблестроения и снабжений). Это были заводы стального и специального цветного литья, электромеханические и кабельные, арматурные, котельные и машиностроительные. Они выполняли много работ установочного и монтажного характера и массу разных механических работ по оборудованию. Выполнение таких заказов, каковыми были заказы ГУКиС, давало

исполнителям хорошую репутацию и привлекало в нашу страну первоклассные европейские фирмы. Российские производители или поставщики, выполнявшие лишь вспомогательные работы, входили в долговременные соглашения со своими главными зарубежными партнерами.

Существовала разница в снабжении металлами заводов Морского и Военного министерств. Для Морского министерства требовалась в больших количествах судостроительная сталь. Уральские казенные заводы поставляли для арсеналов ГАУ чугуны и железо и по закону снабжали и Морское министерство наравне с Военным. Однако если Военное министерство (ГАУ) удовлетворялось сталью собственных заводов (Ижевского, Сестрорецкого) и Обуховского завода Морского министерства, то последнее получало сталь не только от своего Обуховского завода. В деле снабжения сталью заводов и портов Морского министерства частные заводы Украины играли очень большую роль. Таковую же, какую в 1880-х гг. играли заводы Александровский и Путиловский в Петербурге, Новороссийский и Брянский рельсопрокатный.

В частной промышленности России была значительной доля иностранного капитала. Отрицать его влияние и заслуги в развитии военной индустрии не приходится. Правительство с беспокойством отмечало растущую зависимость государства от влияния частного капитала. Особенно сильно это влияние дало о себе знать после русско-японской войны, в связи с рассмотрением и принятием судостроительных программ 1911–1913 гг. Верфи в Николаеве, Ревеле, Риге, начало строительства гигантского завода морской артиллерии в Царицыне, учреждение частных заводов по производству пороха и дистанционных трубок, военной оптики, автомобилестроение и воздухоплавание – все эти отрасли развивались под знаком частной инициативы, прилива французских и английских капиталов и технологий. Несмотря на ухудшение русско-германских отношений, роль германского частного судостроения и фирмы Крупна в вооружении России сохранялась, сотрудничество с немцами российских производителей еще продолжалось. Общество Путиловских заводов с 1910 г. приступило к расширению своего артиллерийского отдела. Путиловский завод окончательно «вписался» в систему оборонной промышленности, занимая первую роль в перевооружении всей сухопутной артиллерии Империи. Это стало возможным во многом благодаря соглашению

с французскими банками и фирмой Шнейдер-Крезю при гарантии Военного министерства России. Морское министерство в это же время сделало принципиальный выбор в пользу приоритета частного судостроения в сравнении с казенным. Что касается сухопутных вооружений России, то военные круги Германии с большим страхом взирали на создание русской артиллерии при заметном участии Франции.

Вот предприятия, выросшие накануне Первой мировой войны:

Русское Общество для изготовления снарядов и военных припасов (снарядный и минный заводы) с Ревельским заводом (Русско-Балтийский судостроительный завод); Общество «Ноблеснер» в Ревеле; Русское судостроительное акционерное общество («Руссуд») в Николаеве; Общество Николаевских заводов и верфей (завод «Наваль»); Русское акционерное общество оптических и механических производств (с назначением производства военной оптики в первую очередь); Русское акционерное общество артиллерийских заводов в Царицыне (строящийся с 1913 г. завод корабельной и береговой артиллерии самых больших калибров); Никополь-Мариупольское горное и металлургическое общество, открывшее в 1913 г. броневой отдел по изготовлению толстой цементированной брони. Для этих же целей учреждена Путиловская верфь, переоборудовались и расширялись Невский и Петербургский Металлический заводы. Одновременно реконструкции и расширению подлежали казенные заводы Обуховский, Ижорский, Пермский ⁷.

Эти гигантские судостроительные и артиллерийские заводы требовали роста артиллерийского производства. Программой судостроения было предусмотрено наращивание производства крупной артиллерии до 1931 г. При всем этом к Обуховскому и Путиловскому заводам (не считая еще Пермского пушечного) прибавлялся новый завод Русского Общества Артиллерийских заводов в Царицыне. Помимо корабельной и крепостной приморской артиллерии, сухопутная армия ожидала прироста тяжелой гаубичной артиллерии. Все это обещало внушительные перспективы для роста военной промышленности, артиллерийской металлургии и индустрии боеприпасов.

Большим испытанием для частной промышленности был экономический кризис 1900–1903 гг. Многие предприятия в то время оказались под угрозой банкротства и закрытия. Стала очевидной отсталость казенной военной промышленности, неизбежность и

необходимость государственной поддержки частной оборонной индустрии. Появление бездымного пороха и скорострельной артиллерии вызвало потребность в развитии химической, оптической и механической промышленности, к чему казенная индустрия, без дополнения частной промышленности, оказалась не готова. Показателем слабости как государственной, так и частной промышленности России была все большая технологическая зависимость оборонных ведомств от ввоза заграничных образцов и изделий. Причинами, по которым казенная промышленность не справлялась со своим назначением, являлись: 1) борьба в правительстве по вопросам дальнейшего расширения казенных военных предприятий ввиду явной убыточности большинства государственных заводов; 2) стремление министерства Финансов к развитию частной промышленности преимущественно перед казенной; 3) несомненные успехи частной промышленности в России; 4) рискованность дальнейшего одностороннего наращивания казенной индустрии при том состоянии, какое она собой представляла (неэффективность управления, высокая затратность и низкая отдача, трудность конкуренции с частными производителями).

Вопрос о том, какому сектору промышленности отдавать предпочтение, становился вопросом приоритета в самой промышленной политике в области обороны, вопросом выбора дальнейшего развития.

Частная промышленность не только дополняла казенную. Все заметнее концентрируясь на специализации оборонных работ, она формировалась, успешно конкурируя с казенной или замещая ее. Проблемой оборонных ведомств становилось поддержание необходимыми заказами не только казенной, но и частной индустрии. Недостаток в военных заводах диктовал ведомствам дорожить кадрами рабочих частной военной промышленности, сохранять военные производства на частных предприятиях. Исходя из этого стратегического соображения, для ведомств было важным обеспечить частные предприятия, подобно казенным, непрерывными работами. Иначе говоря, надо было сохранить частную военную промышленность не только для экстренных работ по перевооружению, но и на случай ее мобилизации в условиях обычного не чрезвычайного времени.

Государственный контроль выступал за дальнейшее поощрение в расширении казенного производства, мотивируя это умеренностью цен государственных заводов в отличие от частных,

заинтересованных только в прибыли. Министерство Финансов, напротив, высказывалось в пользу частной инициативы и привлечения иностранных капиталов, которые неизменно привлекались развитием частной промышленности в России. Военное министерство и ГАУ опасались чрезмерной зависимости от частной индустрии. Морское министерство относилось к частной промышленности более благосклонно, сознавая сложность положения казенного судостроения и сомнительные перспективы его дорогостоящего роста в России. Но как бы ни были сильны аргументы сторонников экономии и дешевизны, военным компетентным лицам приходилось считаться с необходимостью все новых затрат на технологическое совершенство и модернизацию вооружений, что признавалось совершенно необходимым. Если казенные заводы были не способны отвечать требованиям времени, то единственный выход был в стимулировании частной промышленности. Так прокладывался путь к росту частной оборонной индустрии.

О зависимости, которая складывалась в отношении частной промышленности, свидетельствует такой пример. В феврале 1896 г. Артиллерийский комитет ГАУ рассматривал вопрос о получении каучуковых буферов для накатников артиллерийских орудий. «Военный Совет, – говорилось в журнале Арткома, – обратил внимание на то, что Российско-Американская мануфактура отказалась от участия в торгах, вследствие несогласия на некоторые пункты составленной Комитетом инструкции на прием каучуковых изделий»⁸. Дело тянулось с 1894 г. Отказ произошел вследствие требований ГАУ сообщать приемщику состав массы выпускаемых фирмой ТРАРМ каучуковых изделий. При этом казенные заводы не занимались изготовлением резины и полностью зависели от поставок двух фирм в России: Товарищества «Проводник» в Риге и фирмы ТРАРМ в Петербурге. В данном случае интересы сохранения коммерческой тайны и военного назначения пришли в противоречие. Фирма не желала раскрывать своих технологических тайн, так как ГАУ в интересах понижения цен могло сообщить их ближайшему конкуренту ТРАРМ в России фирме «Проводник», где также размещались заказы на резиновые буфера. В записке генерала А.П. Энгельгардта на этот счет говорилось: «Возникновение конкуренции на изделия, имеющие частный спрос, заставляет заводы, изготовляющие эти изделия, охранять особенности своих производств, если ими гарантируется прочность и через это большой спрос

на рынке. В виду этого даже при изготовлении предметов для артиллерии, некоторые отделы производств на заводах остаются закрытыми для артиллерийских приемщиков. Всем известно, например, что Крупп не показывает отливки орудий и закалки стволов и труб, улучшающей свойства стали; закалка снарядов и состав снарядных шихт оставались для приемщиков неизвестными на заводах в Эссене и Сен-Шамон; наконец, завод Путиловский держит в большом секрете способы отпуска и закаливания изделий, за которые он платит большие премии заводу Гольцера во Франции. Неоглашение состава массы для каучуковых буферов имеет тоже немаловажное значение для Петербургской Российско-Американской резиновой мануфактуры, так как из этого состава делаются не одни буфера для артиллерии, но и другие предметы для частной продажи»⁹.

Важнейшей проблемой формирования ВПК России как великой державы было достижение технологической самостоятельности и уменьшение заграничных заказов новейших вооружений, равно как и материалов оборонного назначения. Эта проблема многократно обсуждалась в правительстве и признавалась опасность подобной зависимости, особенно в условиях политических и военных осложнений. Вторая проблема – «реабилитация частной промышленности». В царской России недоверие и подозрительность к крупному частному предпринимательству не было изжито и даже возрастало. Поэтому частным лицам, среди которых было немало иностранцев русского подданства, еще предстояло получить признание «патриотов». Частной промышленности России приходилось утверждаться в роли неотъемлемого производителя оборонного комплекса Империи.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 848. Л. 8.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 360. Л. 475–475 об.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 848. Л. 10–11 об.

⁴ Там же. Л. 13–15.

⁵ Иванов П.Г., Хачко А.К. Справочная книга русских и иностранных промышленно-технических предприятий (металлургических и механических), правления и представительства которых находятся в С.-Петербурге. На 1908 год. СПб., 1908. См.: Отдел III. Арсеналы и заводы Военного и Морского Ведомств. С. 182–192. РГИА. Ф. 37. Оп. 71. Д. 56. Л. 6–7, 29–30, 127–128. Д. 34. Л. 11–40.

⁶ Иванов П.Г., Хачко А.К. Указ. соч. Отдел I. Русские металлургические, механические, машиностроительные и электротехнические заводы. С. 49–170; Отдел IX. С. 408–412, 414–420. РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 242. Л. 108–109 об., 153–153 об. Оп. 10. Д. 50. Л. 109, 129, 221, 240, 311. Д. 52. Л. 10, 25, 50, 90–93, 99, 131. Оп. 2. Д. 900. Л. 3–5 об. Ф. 1440. Оп. 8. Д. 35. Л. 56–78; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 50. Д. 209. Л. 363–365.

⁷ Биржевые известия. 1913. № 1796. 21 мая. С. 2; Деньги. 1914. № 77. 28 февраля. С. 2; Там же. № 99. 1 апреля. С. 2; Котлин. 1911. № 217. 29 сентября. С. 1; Биржевые известия. 1911. № 1297. 5 августа. С. 2–3; Деньги. 1913. № 3. 24 ноября. С. 1; Биржевые известия. 1914. № 1981. 21 января. С. 2, 4; Там же. № 2005. 20 февраля. С. 2; ЦГАНТД СПб. Ф. 264. Оп. 2–1. Д. 73. Л. 192–196; Кронштадтский вестник. 1913. № 123. 5 июня. С. 1.

⁸ Артиллерийский журнал. 1896. № 6. Извлечения из журналов Артиллерийского Комитета, состоявшихся в феврале 1896 г. С. 109–115.

⁹ Там же. С. 110–112.

В.В. Оточкин (Санкт-Петербург)

**ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕР
П.И. ШУВАЛОВ И ОБСЕРВАЦИОННЫЙ
КОРПУС В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ
1756–1763 ГОДОВ**

В ЭТОМ году исполняется 250 лет со дня смерти генерал-фельдцейхмейстера Петра Ивановича Шувалова (1711–1762) и 250 лет подписания в апреле 1762 г. мирного договора между Россией и Пруссией, основными противоборствующими сторонами в Семилетней войне 1756–1763 гг.

Хотя генерал-фельдмаршал граф П.И. Шувалов «ни в одном сражении» этой войны, как отмечал Д.Н. Бантыш-Каменский, не участвовал, но его усилиями проведены преобразования в артиллерии, названные «шуваловскими» реформами. Личный вклад Шувалова в подготовку артиллерийского корпуса и обеспечение войск проявился в организации учебы артиллеристов, в руководстве созданием вооружения, боеприпасов и поставках их в войска, в изучении результатов боевого применения.

В начальный период Семилетней войны П.И. Шувалов, с 1751 г. командовавший дивизией, назначается в мае 1756 г. генерал-фельдцейхмейстером – главой артиллерии и фортификации – и участвует в формировании Обсервационного корпуса.

Первоначально основную часть действующей армии в предстоящей кампании в Пруссии должны были составлять части дивизии П.И. Шувалова, дислоцированной вдоль границы. Конференция при Высочайшем дворе (далее – Конференция. – *В.О.*) и Военная коллегия приняли решение о повышении боеспособности армии, чтобы войска «в потребном случае немедленно в поход выступить могли». «Полевые пехотные полки ныне состоящие в дивизии

генерал-аншефа и кавалера графа П.И. Шувалова по наступлению благополучного... времени и не позднее половины мая... из нынешних винтер-квартир вывести и расположить в компаменте (лагере. – В.О.) в способных местах».

19 апреля 1756 г. следует считать состоявшимся назначением П.И. Шувалова главнокомандующим войсками на будущем театре военных действий. «Все сии корпусы как в экстракте Конференции объявлено ныне в разные места по границе располагаемые ныне ко единому главному принадлежащие до особливого указа поручить в команду генерал-аншефу и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову и как они должны быть так во всем снабдены и удовлетворены по первому указу, (чтобы. – В.О.) не токмо в поход вступить, но и военные операции предпринять могли»¹.

Из дивизии П.И. Шувалова большая часть пехотных полков была передислоцирована и впоследствии направлена в заграничный поход.

Из них – в 1-й корпус генерала В. Лопухина – полки: Киевский, Нижегородский, Воронежский (Курляндия около Митавы), Новгородский, Сибирский, Казанский, Нарвский, Белозерский, Муромский, Невский, Ладожский (Лифляндия, близ Дерпта), Архангелогородский (Эстляндия, Рогервик), Суздальский (Ревель), Смоленский (Нарва), Санкт-Петербургский (Старая Русса).

На форпосты в Псковской провинции – полки: Кексгольмский (Псков), Вологодский (Великие Луки), Азовский (Торопец), Черниговский, Углицкий и Вятский (Ревель).

В Эстляндию – 1, 2, 3-й Гренадерские полки.

Во 2-й корпус генерала В. Долгорукого вошли кирасирские полки: Его Императорского Высочества (Эстляндия), 3-й кирасирский (Курляндия, Митава), гусарский Сербский (Сольцы и Мшага).

В 3-й корпус генерала М. Ливена – конно-гренадерские – Каргопольский и Рижский (на форпосты от Смоленска до Чернигова), драгунские – Архангелогородский, Тобольский, Нижегородский (на форпосты в Смоленской и Псковской провинции).

В 4-й корпус генерала Ю. Броуна: Бутырский (Петергоф и Красное Село), Ростовский (Стрельнинская мыза), Пермский (Санкт-Петербург).

В 6-й корпус генерала Г. Мещерского: Рославский шквадрон (эскадрон. – *В.О.*), Смоленское шляхетство и два Смоленских гарнизонных полка, Великолуцкий батальон (в Смоленской провинции).

Всего в составе действующей армии от дивизии Шувалова оказалось – 32 пехотных, 5 кирасирских, 5 конно-гренадерских, 4 драгунских, 4 гусарских полка.

Внутри России частей дивизии Шувалова практически не осталось. Такой вывод сделала Военная коллегия, получив сведения от П.И. Шувалова для Конференции.

Решения 37-го заседания Конференции от 9 сентября 1756 г., на которые опирался Д. Масловский, помогают отметить и окончание периода командования Шуваловым всеми войсками, «предназначенными к походу, до назначения С.Ф. Апраксина главнокомандующим действующей армией, считавшимися под начальством П.И. Шувалова».

С 13 сентября 1756 г. мы встречаем первые распоряжения нового главнокомандующего С. Апраксина, принявшего «дела секретных, касающиеся до похода, от графа П. Шувалова». В конце сентября 1756 г. генерал М. Ливен произвел первые смотры полкам своего конного корпуса, прямо с похода и тотчас же, не зная о назначении нового главнокомандующего, донес прежнему «главному командиру» П.И. Шувалову о недостатках в обеспечении Каргопольского и Рижского конно-гренадерских, Тверского и Ингерманландского драгунских полков. На это донесение 25 сентября Ливену отвечал уже С.Ф. Апраксин².

Само решение о назначении главнокомандующего войсками в заграничном походе министры Конференции предлагали принять императрице: «по своему просвещенному проницанию и премудрости Сами усмотреть изволите, что толь великий корпус, каков для атакования короля Прусского назначен, и особливо сие самое предприятие неминуемо одного фельдмаршала главным командиром, и трех главных генералов требует; ибо сей корпус по его великости не инако как на три разделен быть может, хотя и у одного в главном управлении будет»³.

В списках старшинства и сведениях Военной коллегии о генералитете на начало войны С.Ф. Апраксин следует после А.Б. Бутурлина. Но именно он назначается в сентябре 1756 г. командующим русскими войсками в войне с Пруссией. П.И. Шувалов записан

за своим братом А.И. Шуваловым и формально по старшинству он не мог первым претендовать на эту должность.

Д.Ф. Масловский, отдавая должное вкладу П.И. Шувалова в развитие артиллерии в период Семилетней войны, критикуя за стремление решить множество проблем самого различного характера, тем не менее отмечал П.И. Шувалова в числе «выдающихся из начальников дивизий», «серьезно и плодотворно заботившихся о строевом образовании временно подчиненных им войск в мирное время»⁴.

Должность командира дивизии стала для П.И. Шувалова важным этапом его организаторской деятельности при руководстве процессами комплектования, обучения и обеспечения войск. Деятельность П.И. Шувалова в начале Семилетней войны наряду с этим была связана с созданием и комплектованием Обсервационного корпуса.

И прежде в ходе войн и военных противостояний создавались Обсервационные (запасные, наблюдательные. – *В.О.*) корпуса, участвовавшие в заграничных походах.

Анализ комплектования Обсервационного корпуса и его участия в основных сражениях Семилетней войны содержится в работах Д.Ф. Масловского, Н.Е. Бранденбурга, Л.Г. Бескровного⁵.

Обсервационный корпус был создан решением Конференции от 9 сентября 1756 г. через полгода после организации приготовлений к войне с Пруссией. «Для нынешнего нужного времени указала Ея Императорское Величество учредить вновь некоторый внутри государства обсервационный или взапасный корпус войска от двадцати до тридцати тысяч человек».

Экстракты (выписки. – *В.О.*) о создании корпуса были доведены Правительствующему Сенату, Военной коллегии, Канцелярии Главной артиллерии и фортификации (далее – Канцелярия ГлаИФ. – *В.О.*). Комплектование корпуса личным составом должно было производиться из числа «свободных и не крепостных людей» на Украине, в Курляндии, в пограничных городах. «Формирование 30-тысячного Обсервационного корпуса, осуществляемое по инициативе влиятельного конференц-министра П.И. Шувалова, – отмечал В.П. Наумов, – занимало заметное место в военной деятельности Конференции, что следует из наличия многочисленной переписки в период его формирования и участия в боевых действиях в ходе войны»⁶. Следует отметить, что этим же решением

Конференция назначает главнокомандующего, командующих корпусами и дивизиями.

Сам Петр Иванович Шувалов впоследствии отмечал: «Как вышеописанное умножение войск ни велико было, однако ж оказалось при самом начале войны недостаточным, чего ради по высочайшему повелению еще корпусом в тридцати тысячах человек армии умножить определено, и как никто на себя сего дела взять не хотел, то повелено мне оное учинить»⁷.

По утверждению М.М. Щербатова, что граф Шувалов «восхотел опричную себе армию сделать». Ему вторил создатель единого рога, приближенный к генерал-фельдцейхмейстеру М.В. Данилов, полагавший, что оставаться после сдачи дел новому главнокомандующему С.Ф. Апраксину командиром дивизии было бы для Шувалова потерей его престижа и «граф выпросил себе позволение набрать из всех полков корпус»⁸.

Н.Е. Бранденбург на основе изучения делопроизводства Канцелярии ГлАиФ сделал вывод о необоснованности нареканий по поводу Обсервационного корпуса и роли Шувалова. Корпус был сформирован «исключительно для защиты пределов России на случай неприятельского вторжения», что подтверждалось наличием большого количества артиллерии и «двойным комплектом сравнительно с армейским» корпусом – пехотных полков. Анализ структуры корпуса и его действий Д.Ф. Масловским и Н.Е. Бранденбургом это частично подтвердил.

«Повеленное от Ея Императорского Величества в 9 день сего числа месяца формирование запасного от 20 до 30 тысяч человек корпуса указала Ея Императорское Величество поручить в полную диспозицию и управление его сиятельству генерал-фельдцейхмейстеру и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову».

Идея создания Обсервационного корпуса изначально была не нова, а деятельность Шувалова по комплектованию дивизии, в том числе и по подготовке войск к заграничному походу, была предпосылкой для успеха в ее реализации.

Шувалов с присущей ему энергией, как писал Д.Ф. Масловский, взялся за комплектование корпуса, начало которому определяет с указа Сената 3 октября 1756 г.

Полки корпуса формировались: гренадерский – в Москве, мушкетерские полки: 1-й – в Калуге, 2-й и 4-й – Серпухове, 3-й – в Коломне, 5-й – Туле. В «Истории отечественной артиллерии»

правильно указывая число полков, А.П. Барбасов и А.М. Агеев ошибочно отмечали, что «Обсервационный корпус имел в своем составе три мушкетерских и три гренадерских полка».

Комплектовать корпус первоначально предлагалось не за счет рекрутов, а из «вольных» – народов окраин России, которые, как правило, состояли в иррегулярных войсках – казаки, ланд-милиция – и уже имели предварительную военную подготовку. Но набрать в ходе проводившегося в эти же сроки комплектования главной армии дополнительно тридцать тысяч солдат, имевших опыт службы, было не реально.

П.И. Шувалов выдвинул предложение укомплектовать Обсервационный корпус 17 640 военнослужащих из других частей главной армии, а недостающую часть – 18 786 чел. набрать из рекрут, доведя общую численность до 36 426 чел. Офицерами корпус комплектовался из всех пехотных и драгунских полков. Из всех пехотных полков стали отбирать для Обсервационного корпуса по 420 лучших солдат.

В октябре 1757 г. П.И. Шувалов в рапорте о формировании корпуса представляет Военной коллегии и Конференции предварительный итог комплектования. Всего набрано 29 039 чел. Из них 15 846 старослужащих, в том числе из пехотных частей – 6458, из гарнизонных войск – 3829, из ланд-милиции – 5426 чел. Ожидалось прибытие 13 193 рекрут. Некомплект к штату составил – 4000 чел.

Конференция уже в ходе ведения боевых действий в Пруссии изменяет сроки формирования корпуса. За столь короткое время комплектование корпуса удалось осуществить в основном лишь за счет рекрутов. Вероятно, такой порядок комплектования корпуса и послужил основанием для упоминания Д.Ф. Масловского, что корпус «представлял сброд людей всякого сорта»⁹.

9 июня 1757 г. решением Конференции полки начали передислокацию к границам: гренадерский полк – в Дерпт, мушкетерские полки: 1-й – в Псков, 3-й – в Вильно, 4-й – в Великие Луки, 5-й – в Торжок, 2-й мушкетерский полк перемещался в Смоленск, и далее к Москве для получения рекрутов.

Шувалов разрабатывает штаты корпуса, регулы (наставления. – В.О.) войскам. В мушкетерских полках корпуса было по четыре батальона. Причем в каждом батальоне – по три мушкетерских и одной гренадерской роте. А. Баиов считал, что из-за наличия

гренадерских рот была «нарушена однотипность пехоты», что усложнило организацию пехотных частей корпуса¹⁰.

П.И. Шувалов при помощи Военной коллегии, Сената, вместе с А.И. Шуваловым, А.Б. Бутурлиным, Я.П. Шаховским занимается комплектованием корпуса личным составом, снабжением его вооружением, в том числе артиллерией, огнестрельным и холодным оружием, обмундированием войск и их подготовкой.

По замыслу П.И. Шувалова, части корпуса должны были иметь новое вооружение. Д.Ф. Масловский считал, что это были ружья нового образца, принимавшиеся на вооружение пехотных полков всей армии¹¹. Л.К. Маковская писала, что было создано «новое пехотное ружье для мушкетерских полков Обсервационного корпуса»¹².

В июле-августе 1756 г. Воинская комиссия рассматривает уже изготовленные на Сестрорецком заводе образцы 2-х солдатских фузей и 4-х кирассирских палашей, представленные генерал-фельдцейхмейстером Шуваловым. «Для уяснения при том надобности сделанных на пробу на Сестрорецком заводе два ружья», которые, как отмечено, по поданному мнению Шувалова, «легче и по употреблению способнее со штыками для удобного заряжания при стрельбе». В письме, приложенном к образцам, предлагается учинить пробы на прочность и удобство и если «что за лучшее усмотрится и разсудится в тех фузях – во всей нашей армии быть», а о результатах Шувалова уведомить¹³.

Приводя сведения о вооружении корпуса П.И. Шувалова, Д.Ф. Масловский считал это реализацией уже в 1757 г. части общеармейского заказа, но «без предварительного утверждения образца, по личному распоряжению П.И. Шувалова», руководившего тогда и Оружейной канцелярией¹⁴. Л.К. Маковская, изучив образцы солдатских фузей из коллекции ВИМАИВиВС, выделила особенности их конструкции. «В ружье 1756 г. существенным изменениям подверглись замок, прибор и штык; несколько облегчен был ствол за счет уменьшения толщины стенок. Все части замка и железного прибора должны были тщательно полировать наждаком».

Однако на учебных стрельбах в полках обнаружались существенные просчеты в конструкции нового образца: «нарушение баланса при стрельбе и сложность разборки ружья». Тем не менее, часть фузей поступила в войска на вооружение и «подобные фузеи

состояли на вооружении мушкетерских полков Обсервационного корпуса в период Семилетней войны»¹⁵.

Полки Обсервационного корпуса	Ружья нового «маниру»	Оружие старых образцов			
		ружья солдат.	ружья драгун.	алебард	теса- ков
Гренадерский	4140	–	140	–	–
1 мушкетерск.	4044	1720	–	52	1105
2 мушкетерск.	501	2016	500	–	218
3 мушкетерск.	–	2696	–	–	–
4 мушкетерск.	–	2516	2016	–	–
5 мушкетерск.	–	2016	2028	–	–
Итого	8685	10 964	4684	52	1323 ¹⁶

Следовательно, из планировавшихся Шуваловым 24 000 новых ружей корпус был снабжен 8685 ружьями нового образца, 15 738 – старого.

Обсервационный корпус в качестве резерва с задачами «защиты пределов России на случай неприятельского вторжения» требовал, по мнению Шувалова, сосредоточения в нем большого количества артиллерии. Д. Масловский, Н. Бранденбург, А. Агеев, Л. Бескровный, изучавшие штаты корпуса, отметили роль Шувалова в комплектовании корпуса артиллерией, в том числе и вновь создаваемой.

В штатах Обсервационного корпуса	Наименование орудий	Количество орудий (штат. 1756)
Полевой артиллерии	12-фн. пушки	12
	6-фн. пушки	12
Итого		24
В шести полках	4-ствольные «близнята»	96 **
	3-фн. пушек *	24
Итого		120
Всего в артиллерии Обсервац. корпуса		144

* – до поступления единорогов.

** – в 6-ти полках по четыре 4-ствольных орудия.

Но с созданием в мае 1757 г. единорогов Шувалов предлагает новый штат артиллерии корпуса в составе 56 орудий полевой и 92 – полковой артиллерии. В основе этого решения, как считал Д.Ф. Масловский, стремление «радикально изменить состав артиллерии», разнообразив количество калибров орудий.

Другое мнение высказывал Н. Бранденбург, объясняя первоначальное большое количество орудий повышением мощности суммарного залпа полков, «какое количество их мотивировалось специально оборонительным его назначением для действий внутри империи». Он подчеркивал, что «при начале движения корпуса в Пруссию сам Шувалов предложил убавить количество в нем артиллерии до 108 полковых и 32 полевых орудий»¹⁷.

Полки Обсервационного корпуса первоначально имели на вооружении по четыре 3-фунтовых пушки каждый и шестнадцать 4-ствольных «близнят», т. е. в пять раз больше, чем в пехотных полках дивизий главной армии. Затем артиллерия корпуса получает в замену «близнят» единороги.

Объяснение авторами «Истории отечественной артиллерии» насыщенности корпуса артиллерией из-за стремления Шувалова «как командующего всей артиллерией армии и командира корпуса, усилить его большим количеством орудий, чтобы в ходе войны за счет этого усиливать полевую артиллерию действующей армии»¹⁸, вряд ли можно считать имеющим под собой реальную почву. Так, и полковые пушки и «близнята» штата 1756 г. были самого малого – 3-фунтового калибра.

Внимание Шувалова к организации корпуса проявилось в предложенных им руководящих документах. Рапортом от 7 июля 1758 г. Шувалова об удовлетворении гренадерского и мушкетерских полков Обсервационного корпуса артиллерией, жалованьем, провиантом, оружием, мундиром, аммуницией предложены на утверждение уточненные штаты и провиантские регулы.

Штаты и регулы определяли существование и деятельность корпуса. Так, 1-я часть включала общие положения о финансовом довольствии, тыловом обеспечении. Во 2-й части были продуманы расходы в ходе похода и боевых действий. 3-я часть решала вопросы потерь обмундирования в походных и боевых условиях. 5-я часть

определяла порядок полковых строевых смотров «с опросом жалоб у офицеров и нижних чинов – о полноте довольствия жалованием, мундиром, аммунициею в соответствии с тем, что положено и тем, что определено», в том числе, у солдат отдельно от офицеров¹⁹.

Большинство решений Шувалов проводил с помощью экстрактов из протоколов Конференции, предписывавших высшим инстанциям оказывать ему содействие. Но были и примеры препятствий по снабжению корпуса. Кригс-комиссар Я.П. Шаховской высказывал недовольство нецелесообразностью «по оному корпусу от прихотливых его сиятельства (Шувалова. – В.О.) и замысловатых в делании в разные места мундирных и аммуничных вещей»²⁰.

П.И. Шувалов как командир Обсервационного корпуса готовил его к убытию в Пруссию. Но в последний момент передал командование генералу П.С. Салтыкову.

Граф П.И. Шувалов обратился с письмом к императрице Елизавете Петровне. «Я до ныне льстил себя счастливым быть – намерение в победе над неприятелем исполнить, предводя сие войско. Но теперь совсем надежда моя исчезла: по продолжающимся моим болезням в такое несостояние пришел, что все дела, положенные на меня, буде я при них останусь, претерпят: того ради причину имею всеподданнейше доложить, не соизволите ль повелеть... вышеписанный Обсервационный корпус в командование препоручить другому кроме меня, кому вверить соизволите, которому я и сочиняемые планы операции, служащие к сему корпусу для одержания победы над неприятелем, сообщить могу».

Хотя решение о назначении П.С. Салтыкова состоялось, но в январе 1758 г. с началом движения корпуса за границу Шувалов попросил оставить ему права шефа корпуса: «Как де сей корпус моими трудами и стараниями учрежден и содержится во всем на другом основании, то несмотря на то, что в походе помянутый г-н и кавалер (П.С. Салтыков. – В.О.) главным командиром будет, все, что до снабжения сего всем потребным принадлежит – неотменно на моем попечении остается, так что обо всем том, еже до снабдения оногo и внутренней экономии принадлежит, он генерал и кавалер, должен мне репортовать».

Д.Ф. Масловский, не приводя конкретных примеров считал, что командирам корпуса «по каждому вопросу приходилось сводить счета лично со всеильным в то время П.И. Шуваловым»²¹. Архивные документы позволяют делать вывод, что отношения между

ними способствовали решению задач, стоявших перед корпусом, а отнюдь не спорам и распрям.

Доклады командиров корпуса генералов П. Салтыкова, а позднее Ю. Броуна, Н. Голицына графу П. Шувалову касались вопросов анализа эффективности действий войск и применения артиллерии корпуса, обеспечения всем необходимым.

Генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов руководил, главным образом, вопросами обеспечения Обсервационного корпуса, вошедшего в состав действующей армии в Пруссии, и отнюдь не формально.

Вопрос о расформировании Обсервационного корпуса был поднят лишь с сентября 1759 г. после больших потерь в личном составе в Кунерсдорфском сражении²². Часть личного состава пошла на пополнение артиллерии. Фактически закончилось существование корпуса в 1760 г., хотя по документам окончательное его расформирование завершилось в 1763 г.²³

Разбор его роли и значения как войскового соединения в боевых действиях Семилетней войны требует дальнейшего изучения. За время участия корпуса в боях Д. Масловский, Н. Бранденбург отмечали примеры потери управления полками, нарушений дисциплины – пьянство нижних чинов, что стало причиной Именного Указа императрицы Елизаветы Петровны.

Это стало предметом внимания Шувалова, который вел переписку с командующими о действиях полков и артиллерии корпуса в сражениях вплоть до окончания его расформирования.

Обсервационный корпус, созданный во многом заботами П.И. Шувалова, как его первого командира и шефа, участвовал в основных сражениях Семилетней войны, чем внес свой вклад в достижение побед российской армии.

¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 57. Л. 183, 185.

² Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. I. С. 35, 160. Прил. 9. С. 1–4.

³ Архив князя Воронцова. Из бумаг Елизаветинской конференции. 1756-й год. М., 1871. Кн. 3. С. 405.

⁴ Масловский Д.Ф. Указ. соч. С. 75–105.

⁵ Он же. Там же. С. 32; Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны // Артиллерийский журнал. 1898. № 4, 9. 1899. № 2.

⁶ Сборник Русского Исторического Общества. СПб., 1912. Т. 136. С. 225;

Наумов В.П. Организация и внутривластная деятельность Конференции при высочайшем дворе (1756–1762). Автореф. дисс... канд. истор. наук. М., 1991. С. 15.

⁷ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 316. Л. 3.

⁸ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсим. изд. М.: Наука, 1985. 173 с.; Данилов М.В. Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова. М., 1842. С. 105; Архив князя Воронцова. С. 462.

⁹ ПСЗ РИ. Т. XIV. № 10617; Масловский Д.Ф. Указ. соч. Прил. С. 25, 104–117.

¹⁰ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. Очерки. М.: Воениздат, 1958. С. 63–64; История отечественной артиллерии. М., 1960. Т. 1. Кн. 2. С. 218; Баюв А.К. Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909. Вып. 4. С. 6.

¹¹ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Прил. С. 108.

¹² Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII вв. Каталог. М.: Воениздат, 1990. С. 19, 71–72; ВИМАИВиВС. Инв. № 1/104, 1/849.

¹³ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 310. Л. 12–12 об., 78, 100–100 об.; Там же. Ф. 48. Оп. 1/202. Д. 34. Л. 1–56; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 963. Л. 1003.

¹⁴ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Прил. С. 26, 107–108.

¹⁵ Маковская Л.К. Указ. соч. С. 19, 71–72; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4161. Л. 31–32; ВИМАИВиВС. Инв. № 1/104, 1/849.

¹⁶ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Прил. Табл. 3.

¹⁷ Бранденбург Н.Е. Указ. соч. С. 280–281.

¹⁸ История отечественной артиллерии. С. 219.

¹⁹ Шувалов П.И. Регулы о состоянии в полках Обсервационного корпуса положенных чинов жалованием, провиантом. СПб., 1758.

²⁰ Он же. Записка графа Петра Ивановича Шувалова о своей деятельности // Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1963. Кн. 11. Т. 22. Прил. С. 584–588; Шаховской Я.П. Записки князя Якова Петровича Шаховского. СПб., 1872. С. 86.

²¹ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Прил. С. 25, 112, 114.

²² Артиллерия в Семилетнюю войну 1756–1763 гг. Сборник документов / Сост. З.В. Розенбецкая, И.З. Либерзон. Рукопись. Архив ВИМАИВиВС. Ф. НС. Оп. 12. Д. 20. Л. 252–256.

²³ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 64; История отечественной артиллерии. С. 219.

М.К. Павлович (Москва)

**ОТРАЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 ГОДА В ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ
МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ XX ВЕКА**

В ИСТОРИИ каждого государства есть события, которыми оно может по праву гордиться. Как правило, это с честью перенесенные суровые испытания, когда весь народ, сплотившись, сумел дать отпор сильному врагу и отстоять свою свободу и независимость. Для нашей страны одним из таких событий стала Отечественная война 1812 г., сыгравшая огромную роль в судьбе Российской империи первой половины XIX в. и оставившая свой отпечаток на деятельности практически всех государственных учреждений, в том числе и кремлевской Оружейной палаты. И это неудивительно, ведь древняя сокровищница пережила тогда спешную эвакуацию в безопасное место, дабы не попасть на разграбление врагу, а после бесславного ухода французов из Москвы более всего пострадал центр города – кремлевские храмы, монастыри и другие здания. Однако в задачу данного исследования не входит рассказ об истории палаты в то суровое время, ей и без нас посвятили немало работ. На основании архивных источников и публикаций мы постараемся проследить, как отразилась война с наполеоновской Францией на направлениях деятельности нашего музея на протяжении прошлого, XX столетия – экспозиционной, выставочной, научной и других видах работы, а также поведать о судьбе некоторых экспонатов, непосредственно связанных с историей Отечественной войны 1812 г. на протяжении выбранного нами периода.

Прежде чем перейти к заявленной теме, необходимо сказать, что уже с декабря 1812 – января 1813 г. в Московский Кремль стали

прибывать из разных мест трофейные орудия, оставленные отступавшими французскими войсками или захваченные в боях. Буквально за несколько лет в центре Москвы было сосредоточено более 870 стволов не только французского, но и австрийского, саксонского, итальянского, прусского и иного происхождения. Наряду с историческими орудиями XVI–XVII вв. они выставлены на стенах вдоль здания Арсенала. Многими ценными экспонатами, связанными с этим героическим периодом нашей истории, пополнилась и Оружейная палата. В 1835 г. по распоряжению императора Николая I в нее был передан великолепный оружейный гарнитур работы известнейшего мастера Н.Н. Бутэ, поднесенный генерал-губернатору Парижа Ф.В. Остен-Сакену от Городового совета Парижа¹. Поступали и многие трофеи, захваченные в боях – знамена как французские, так и иностранных полков, входивших в состав армии Наполеона, и т.д. Многие из этих предметов были выставлены в залах Оружейной палаты – первого московского публичного музея, располагавшегося в здании, построенном по проекту архитектора И. Еготова. Экспозиция палаты «апеллировала к патриотическим чувствам россиян, утверждая каждым памятником мысль о неизменной славе и могуществе... Отечества»², как нельзя более отвечая господствовавшим в обществе настроениям. В новой музейной экспозиции, развернутой в специальном здании, построенном по проекту архитектора К.А. Тона у Боровицких ворот Кремля, было девять залов. Из них на втором этаже находились Бронный, Оружейный, Трофейный, Коронный (или Тронный) и Серебряный, а Модельный, Портретный, Бытовой (или Образный) и Каретный залы – на первом. На нижнем этаже среди прочих экспонатов выставлялись колыбель Александра I и кровать Наполеона I. В годы правления императора Александра II в музей продолжали поступать военные реликвии и трофеи, связанные в том числе и с войной 1812 г. В основном это знамена, переданные из Санкт-Петербургского и Московского Арсеналов. Часть этих знамен выставлялась в Трофейном зале. Как отмечает в А.С. Николаева, к началу прошлого столетия Оружейная палата приобрела характер «фамильного музея» династии Романовых, естественно, что основной задачей ее экспозиции был показ богатства правящей династии. При этом существовали отдельные тематические группы, в частности – трофеи и регалии, необходимые для идеи государственной власти. Например, в Трофейном зале выставлялись

знамена Польского легиона 1812 г., входившего в состав армии Наполеона³. В конце XIX – начале XX вв. рост посетителей палаты постоянно увеличивался, достигая двух тысяч человек в день⁴.

Активизировалась тогда и выставочная работа. В 1867 г. на Всемирной выставке в Париже среди прочих экспонатов российского павильона демонстрировались и копии некоторых предметов древней кремлевской сокровищницы, а в 1900 г. на подобной выставке в Париже экспонировались уже и некоторые подлинные предметы, среди них был и знаменитый гарнитур Остен-Сакена. Для его сбережения во время транспортировки был заказан специальный бархатный футляр, «чтобы не повредить весьма ценную и хрупкую художественную отделку шпаги»⁵.

Говоря о значении Отечественной войны 1812 г. для Оружейной палаты, нельзя обойти вниманием и широкое празднование 100-летия победы над французами. Еще в 1909 г. на заседании Комитета по устройству в Москве Музея 1812 г. были высказаны предложения о сооружении памятника из трофейных орудий – одной колонны из французских пушек и второй из орудий других иностранных государств. Пьедесталы для них планировалось установить из гранита или мрамора с резными изображениями событий Отечественной войны. У одного пьедестала должна стоять фигура гренадера того времени, а у другого – казака и рядом на медной доске должно быть указано число отбитых орудий. Верх колонны предлагалось завершить пышно украшенной капителью и шаром с двуглавым орлом, держащим в клюве змею⁶. По неизвестным причинам этот проект не был осуществлен, и пушки были оставлены на прежнем месте вдоль здания Арсенала.

Не нашла воплощения и идея создания музея Отечественной войны 1812 г. Сначала собранные для него экспонаты были размещены в Потешном дворце Московского Кремля. Из Оружейной палаты в него были переданы два небольших бюста Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны из матового фарфора, несколько знамен польских войск, принимавших участие в походе Наполеона, медная табакерка с портретом казачьего атамана Платова и другие предметы⁷. В начале 1912 г. Потешный дворец распахнул свои двери для посетителей. В рождественские каникулы он был открыт девять дней подряд, а остальное время открывался два раза в неделю. За три месяца его посетило около 400 человек. Однако вскоре небольшой по площади Потешный дворец стал

тесен для поступивших в него экспонатов. Для юбилейной выставки 1812 г. были приспособлены верхние залы Исторического музея, где ее торжественное открытие состоялось 26 августа. Все экспонаты были расположены по следующим темам – первый зал был посвящен императору Александру I, второй – русской армии, третий – французской армии, четвертый – М.И. Кутузову, пятый – Наполеону, а в шестом выставлялась походная церковь императора Александра I⁸.

В статье бывшей заведующей отделом выставок Музеев Московского Кремля Т.В. Мартыновой «Музейные выставки. Прошлое и настоящее» отмечается, что подача экспозиционного материала на этой юбилейной выставке осуществлялась «...на противопоставлении личностей Александра I и Наполеона, жизни и смерти, мира и войны, счастья и горя. Конфликт во взаимоотношениях двух императоров, выявленный через прием драматизации в показе музейных предметов, был совершенно новым концептуальным подходом в выставочном деле. ...В стиле историзма оформлялись выставочные экспозиции для воссоздания среды обитания предметов. Стиль модерн применялся в показе утилитарных вещей, способствуя превращению их в театрализованные и сентиментальные детали. Такой деталью на выставке был предсмертно скомканный платок императора Александра I, оставленный на раскрытой книге в последний день его жизни»⁹.

Что касается предоставления музею 1812 г. постоянного здания, то для этих целей предполагалось использовать Арсенал в Кремле. Был даже объявлен конкурс на проект его перестройки. Однако и эта идея не нашла своего реального воплощения по самым разным причинам, не последней из которых стала начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война.

После октябрьских событий 1917 г. и переезда в марте 1918 г. правительства большевиков во главе с В.И. Лениным в Москву ситуация в Кремле была невероятно тяжелой, под угрозой находилась сохранность не только музейных, но и дворцовых и церковных ценностей. Осенью 1918 г. Оружейная палата была передана в Отдел по делам музеев Главнауки Наркомпроса, которым руководила Н.И. Троцкая, немало способствовавшая сбережению национального достояния. В тот период музей был в катастрофическом состоянии, сотрудников практически не осталось, экспозиционные залы не отапливались. И, естественно, перед новым хранителем

палаты М.С. Сергеевым и сменившим его в 1922 г. Д.Д. Ивановым (с 1925 г. директор) стояли совершенно иные, неотложные, задачи, чем изучение и популяризация трофеев и экспонатов, связанных с войной 1812 г. Разрабатывалась структура учреждения, подбирались коллектив единомышленников-энтузиастов. Главным было сохранить саму Оружейную палату единственно возможным тогда способом – ее перепрофилированием из сокровищницы в музей декоративного искусства, а также по мере сил уберечь ее экспонаты от передачи в Гохран и Помгол. В результате перепрофилирования в числе других залов был разобран и Трофейный зал¹⁰.

Позднее угроза уничтожения нависла и над собранием трофейных орудий, расположенных на стендах вдоль здания Арсенала. 9 февраля 1929 г. в Главнауку поступил запрос коменданта Московского Кремля Р. Петерсона: «В связи с встретившим надобности, сообщите мне срочное мнение Главнауки о возможности использования металла / цветных / пушки, расположенные вдоль Арсенала и казарм. Желательно получить сведения о приблизительном весе металла и состава»¹¹. Однако наряду с краткими сведениями о весе и составе пушек (всего 873 орудия, каждое весом 5–7 пудов, большинство из бронзы) была приложена и справка о недопустимости отправки этой уникальной коллекции на переплавку. В частности, в ней отмечалось, что пушки «...представляют собою собрание исключительно высокого значения в художественном, историческом и производственном отношении», что ряд из них был отлит в ту эпоху, когда отливка орудия в сотни пудов была в несколько раз труднее, чем «теперь сооружение Волховстроя и Днепростроя», что они «...живая история эпохи Французской Революции, наглядная картина всей географии и истории того времени», и даже то, что находящиеся в Кремле трофейные оружия имеют «...ценность более значительную в историческом отношении, чем, например, статуя Пушкина на Тверском бульваре»¹². Трудно сказать, какие именно из доводов оказались решающими, но орудия и поныне находятся на своих местах в Московском Кремле.

В целом же необходимо отметить, что 1930-е гг., особенно их вторая половина, стали для нашего музея одним из самых страшных периодов истории. Лишь после назначения в 1939 г. Н.Н. Захарова директором палаты вместо командира Красной армии К.Г. Маслова жизнь в музее постепенно начала входить в нормальное русло. Прекратились доносы и репрессии сотрудников¹³. Сохранившиеся

конспекты по Оружейной палате и Московскому Кремлю 1939 и 1940 гг. свидетельствуют о том, что героические события Отечественной войны 1812 г. вновь нашли отражение в музейной экспозиции. Приведем несколько цитат, дающих представление о том, как преподносились эти реликвии немногочисленным посетителям. Так, например, согласно конспекту, в 1-м зале верхнего этажа палаты в витрине № 11 помещалось «...оружие, преподнесенное барону Остен-Сакену в 1814 году французской буржуазией города Парижа», а в серебряном отделе среди предметов западноевропейской работы находилась «статуя Наполеона I, мраморная, на такой же подставке, в виде римского цезаря, работы Шодэ, оставленная в 1812 году за Москвой в селе Коломенском». В коронационном зале экспонировался «сервиз Наполеона I работы французской фабрики “Севр”» – подарок Александру I «по случаю Тильзитского мира в 1807 г.»¹⁴. Примечательно, что два из приведенных нами трех описаний были слегка подправлены в конце 1940 и начале 1941 гг. следующим образом: «Мраморная статуя Наполеона I работы скульптора Шодэ. Статую Наполеон привез в Москву в 1812 г. Он мечтал ее сам установить в Москве, но из Москвы ему пришлось бежать с позором»; «Оружие, поднесенное русскому наместнику в Париже барону Остен-Сакену Парижским магистратом в 1814 г. При оружии сохранились подлинные документы, относящиеся к этому подарку»¹⁵.

Находили свое отражение события Отечественной войны 1812 г. и в послевоенных экскурсиях по Оружейной палате и Московскому Кремлю, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы 1946 г.¹⁶

Примечательно, что и в годы Великой Отечественной войны и сразу после нее испытания 1812 г. и 1941–1945 гг., выпавшие на долю музея, часто сопоставлялись. И это неудивительно, так как кремлевские сокровища только дважды переживали эвакуацию – в войну с Наполеоном – в Нижний Новгород и после нападения фашистской Германии – в Свердловск (Екатеринбург). Находясь в эвакуации на Урале, сотрудники палаты под руководством Н.Н. Захарова занимались описанием и реставрацией предметов, составлением планов восстановления экспозиции, свято веря в победу. Писали они и научно-популярные статьи и выступали с лекциями о героях прошлого, обращаясь в том числе и к беспримерному мужеству русской армии и всего русского народа, проявленному в войне

с французами. В личном фонде хранителя оружия Н.В. Гордеева сохранились два листочка, датированных 22 июня 1942 г. Это черновики его статьи или небольшого выступления о событиях лета 1941 г. – подготовке музейных экспонатов к эвакуации на Урал. Приведем небольшой отрывок: «Для нас начались боевые часы, переставшие делиться на день и ночь. Так началось то, что когда-то переживала наша многострадальная палата в великие дни Отечественной войны 1812 г. тогда, когда Наполеон вторгся в пределы России. История пока не отметила тех лиц, которые любовно вывозили и упаковывали драгоценное имущество, которое длинными обозами тянулось на лошадях по проселочным дорогам, под охраной конных егерей в мохнатых шапках, вооруженных кремневыми ружьями и тесаками...»¹⁷.

В середине 1950-х гг., после открытия свободного доступа в Московский Кремль, в Оружейной палате была проведена довольно существенная реэкспозиция, но без закрытия музея для посетителей. Реликвии, связанные с событиями 1812 г., по-прежнему были выставлены для обозрения значительно возросшего потока экскурсантов.

Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5 февраля 1960 г., Оружейная палата и музеи-соборы были переданы из Управления комендатуры Московского Кремля в подчинение Министерства культуры СССР¹⁸. Для образованных тогда Государственных музеев Московского Кремля начался новый период истории, связанный со значительными переменами и активизацией всех направлений музейной деятельности – научной, учетно-хранительской, выставочной, реставрационной и т. д. Для развития выставочной работы трудно переоценить открытие в 1962 г. на первом этаже Успенской Звонницы выставочного зала, и поныне служащего для демонстрации временных выставок. Осенью того же года, в юбилейные праздничные дни 150-летия героических событий 1812 г., в нем была открыта первая стационарная выставка – «Кремль в Отечественной войне 1812 г.» (автор концепции А.Д. Мельникова). Об огромном ее успехе свидетельствует тот факт, что она экспонировалась почти два года, и лишь в 1964 г. ее сменила выставка, посвященная архитектуре Московского Кремля. Ни одна временная экспозиция не была открыта для посетителей в Звоннице столь длительный период. Т.В. Мартынова, анализируя позднее уроки выставочной деятельности прошлого, писала об этом так:

«Экспозиция выставки воссоздала целостный художественный образ исторических событий, происходивших в Кремле в XIX в. Она знакомила не только с мемориальными и историко-художественными произведениями, представленными на выставке, но и с архитектурными памятниками Московского Кремля, пострадавшими во время вторжения наполеоновской армии в 1812 г.»¹⁹.

В 1965 г. была начата работа по созданию дополнительной экспозиции оружия в двух залах цокольного этажа Оружейной палаты. Судя по сохранившемуся проекту тематико-экспозиционного плана, получившему одобрение Ученого совета Государственных музеев Московского Кремля, было решено, что, в частности, трофеи Отечественной войны 1812 г. будут выставлены в отдельной витрине во втором зале, в VII разделе – «Русское и иностранное вооружение XIX в.». Всего предполагалось экспонировать 54 предмета – гарнитур Остен-Сакена, а также холодное (шашки, сабли) и оборонительное (кирасы) вооружение в отдельной витрине – «Оружие времен войны 1812 г.». Для демонстрации французского оружия XIX в. отводилась соседняя витрина. Однако этот проект не был осуществлен. К пятидесятилетию юбилею октября 1917 г., в 1967 г., в залах цокольного этажа палаты была развернута сначала временная, а потом ставшая постоянной выставка «Алмазный фонд СССР», а ныне – «Алмазный фонд Российской Федерации»²⁰.

В начале 1960-х гг. Н.В. Гордеевым была начата работа над «Кратким каталогом русских и иностранных пушек XVI–XVII вв., а также трофейных пушек, мортир и гаубиц, отбитых русскими войсками и партизанами при отступлении армии Наполеона в 1812 году». В его личном фонде сохранилось дело, в котором наряду с небольшим вступлением, постеновыми списками орудий, расположенных вдоль здания Арсенала, групповыми аннотациями и отдельными описаниями находится несколько зарисовок пушек²¹. К сожалению, Николай Васильевич не успел завершить задуманное и начатое из-за выхода на пенсию. Однако уникальное собрание трофейных орудий по-прежнему продолжало привлекать к себе внимание музейных сотрудников. Так, в марте 1968 г. новым хранителем фонда оружия И. Миляковым на конференции по истории отечественного оружия был подготовлен и прочитан доклад «Коллекция орудий в Московском Кремле». В нем, основываясь на трудах предшественников, в частности, на работе В.А. Петрова «Орудия, отбитые у неприятеля в Отечественную войну 1812 года»

(М., 1911), он приводит историю этого собрания и дает его довольно подробную характеристику. В частности, Миляков делит все предметы на две части – древние орудия XVI–XVII вв. работы отечественных и частично иностранных мастеров, и группу трофейных орудий войны 1812 г. Если каждый предмет первой группы имеет свое описание, то во второй группе описания приведены сразу на несколько десятков, а то и сотен орудий – по месту изготовления²².

Интерес к артиллерийским трофеям войны 1812 г. продолжается и в наши дни. Так, в 1970-х гг. силами ВПНРК проводились работы по очистке этих орудий по специальной методике. В 1980-х гг. силами военной академии им. Ф.Э. Дзержинского была проведена комплексная реставрация уникальных древних орудий XVI–XVII вв. и лафетов под них. В этот период появляется целый ряд докладов и публикаций, посвященных памятникам литейного искусства. Их авторами были сотрудники нашего музея М.Э. Портнов и В.И. Маркова²³.

В начале 1980-х гг. артиллерийская коллекция была передана от М.Э. Портнова на материально-ответственное хранение И.А. Комарову, на протяжении более двадцати лет занимавшемуся ее хранением и изучением (в настоящее время – директор музея-усадьбы «Мураново»). Он – автор многочисленных научных докладов и публикаций, посвященных этому собранию. Так, его выступления с начала 1980-х до середины 2000-х гг. прозвучали и в стенах Музеев Московского Кремля, и в ВИМАИВиВС, и в Военно-историческом Бородинском музее-заповеднике, и в Государственном историческом музее и других местах.

В постсоветский период, в середине 1990-х – начале 2000-х гг. в Музеях Московского Кремля наблюдается подъем интереса собственно к истории учреждения в разные исторические периоды, не изученные до сих пор. Опубликовано и значительное число работ о судьбе Московского Кремля и Оружейной палаты XIX в. Особое место во всех этих исследованиях отведено судьбе музея-сокровищницы в период Отечественной войны 1812 г. Это работы Е.И. Смирновой, М.Л. Столяровой, А.С. Николаевой и особенно А.В. Петуховой²⁴.

В 2000-х гг. значительное внимание истории Кремля и Оружейной палаты уделяется в просветительской работе музея. В 2003 г. М.Ю. Харитоновой была подготовлена лекция по теме «Кремль

в 1812 году», на протяжении ряда лет она входила в лекционный цикл «Московский Кремль сквозь века (для школьников старшего и среднего возраста)»²⁵.

В марте 2006 г., накануне двухсотлетнего юбилея со дня обретения Оружейной палатой музейного статуса согласно указу императора Александра I от 10 марта 1806 г., в Кремле была развернута выставка «Российские императоры и Оружейная палата», среди ее экспонатов был и не раз упомянутый нами гарнитур Остен-Сакена, и другие предметы, связанные с событиями 1812 г., а также кубок П.С. Валуева – Главноначальствующего Экспедицией Кремлевского строения в 1801–1814 гг., в чьем ведении с 1805 г. находилась и Оружейная палата. Благодаря именно его энергии, упорству и недюжинным организаторским способностям сокровища были своевременно вывезены из Москвы, до вступления войск неприятеля.

Тема сбережения уникальных экспонатов во время войны с Наполеоном отражена и в фильме «Хранители», созданном по инициативе администрации Музеев Московского Кремля и при участии сотрудников к 200-летию музея Оружейная палата и не раз демонстрировавшемся на российском телевидении. Готовится наш музей и к празднованию 200-летия Отечественной войны 1812 г. Таким образом, очевидно, что эти героические события оказали немалое влияние на судьбу кремлевских музеев и, в свою очередь, постоянно находят и находят свое отражение в главных направлениях музейной деятельности, стимулируя к дальнейшему развитию научно-исследовательской, экспозиционно-выставочной и популяризаторской работы.

¹ Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 154–155.

² См.: Николаева А.С., Щербина Е.В. Российские императоры и Оружейная палата в 1801–1917 годах // Российские императоры и Оружейная палата. С. 91.

³ Там же. С. 96, 100.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Мартынова Т.В. Музейные выставки. Прошлое и настоящее // Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля М., 2002. С. 341 (Материалы и исслед. / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»; 14).

⁶ Миляков И. Коллекция артиллерийских орудий в Московском Кремле. Доклад на научной конференции, посвященной истории отечественного оружия. М., 1968. ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 27. Оп. «М». Д. 12. Л. 12.

⁷ Гаранина Е.Г. «Музейная жизнь» архитектурных памятников Московского Кремля в XIX – начале XX века // Кремль России. М., 2003. С. 198 (Материалы и исслед. / Федеральное гос. учреждение «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»; 15).

⁸ Там же. С. 198–199.

⁹ Мартынова Т.В. Указ. соч. // Сокровищница России. С. 342.

¹⁰ Подробнее об истории палаты 1917–1920-х гг. см.: Петухова А.В. Музей в Кремле как государственное учреждение // Сокровищница России. С. 12–28; Тутова Т.А. Директор Оружейной палаты Д.Д. Иванов и борьба за сохранение музейных ценностей в 1922–1929 гг. // Сокровищница России. С. 68–78.

¹¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 33. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

¹² Там же. Л. 2–3.

¹³ Подробнее об истории Музеев Московского Кремля в 1930-х гг. см.: Павлович М.К. Оружейная палата Московского Кремля в 1930-е годы // Сокровищница России. С. 112–121.

¹⁴ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 3, 4, 13.

¹⁵ Там же. Л. 20, 25.

¹⁶ См., например: там же. Д. 21.

¹⁷ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 33. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–1 об.

¹⁸ Подробнее см.: Петухова А.В. Указ. соч.; Павлович М.К. Оружейная палата в середине 1940-х – начале 1980-х годов (к истории экспозиции) // Сокровищница России. С. 130–142.

¹⁹ Мартынова Т.В. Указ. соч. С. 343.

²⁰ См.: ОРПГФ Московского Кремля. Ф. 33. Оп. 1. Д. 34. Л. 8, 22.

²¹ Там же. Д. 29.

²² Там же. Ф. 27. Оп. «М». Д. 12.

²³ См., например: там же. Д. 2; Оп. «П». Д. 4.

²⁴ См., например: Смирнова Е.И. Оружейная палата. XIX век // Сокровищница России. С. 30–47; Столярова М.Л. Первая экспозиция Оружейной палаты // Сокровищница России. С. 48–56; Николаева А.С., Шербина Е.В. Указ. соч. С. 89–102; Петухова А.В. П.С. Валуев и Оружейная палата // Художественные памятники Московского Кремля. М., 2003. С. 208–218 (Материалы и исслед. // Федеральное гос. учреждение «Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»; 16) и другие.

²⁵ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 2003 г. Д. 82; Оп. 2004 г. Д. 38. Л. 5 об.

И.Н. Палтусова (Москва)

НИКОЛЯ-НОЭЛЬ БУТЭ – ОРУЖЕЙНИК ИМПЕРАТОРА

КОНЕЦ XVIII в. во Франции ознаменовался глубокими социальными переменами. Летом 1789 г. во Франции разразилась революция. 21 сентября 1792 г. Национальный Учредительный Конвент упразднил монархию, а на следующий день провозгласил Францию республикой. Кардинальная трансформация политической и социальной системы Франции серьезно сказалась на состоянии и уровне жизни всей страны. Кризис не обошел стороной и Версаль, который с первых дней своего основания был тесно связан с королевским двором и в значительной степени находился в экономической зависимости от него. Большинство жителей города работали на королевский двор и обслуживали его, выполняя разнообразные и многочисленные заказы, связанные с его бытом и жизнедеятельностью. Революционные события 1792 г. резко изменили условия существования версальцев, лишили их традиционных средств жизни. Выход из сложившейся ситуации власти города видели в создании новых источников экономического развития. Учитывая, что экономическая жизнь страны активно перестраивалась на военные нужды, мэр Версаля Жан-Жак Юве и члены Генерального Совета Коммуны решили создать в городе новую оружейную мастерскую. В своих действиях они руководствовались VI и VII статьями закона от 23 августа 1793 г., которые предоставляли населению страны право открывать оружейные мастерские. В соответствии с действующим регламентом в Версаль были командированы из столицы два депутата Конвента Шарль Делакура и Жозеф Мюссе для выбора помещения для оружейной мастерской. Выбор пал на комплекс зданий Гран Коммен, располагавшийся

Рис. 1. Никола-Ноэль Бутэ (1761–1833). Иллюстрация из увража Bottet M. La Manufacture de armes de Versailles. Paris. 1903

в южном крыле Версальского дворца. По мнению Делакруа и Мюссе, «здания Гран Коммен содержат все, что только может быть нужно для оружейной мастерской и ее устройство не потребует разорительных трат»¹. На пост инспектора по надзору за работой мастерской Делакруа и Мюссе предложили кандидатуру Никола-Ноэля Бутэ, который имел репутацию талантливого оружейника и пользовался авторитетом среди специалистов оружейного дела (рис. 1).

Николя Бутэ родился 31 августа 1761 г. в Версале в семье Ноэля Бутэ и Анжелики-Франсуаз Леруа. Он был первенцем в многодетной семье Бутэ. Крестили Николая в церкви Св. Луи. Отец Николая, как и его дед Дени Бутэ, был оружейным мастером. Из сохранившихся документов известно, что Ноэль Бутэ изготавливал оружие для королевской легкой кавалерии. По традиции Николая Бутэ унаследовал профессию отца. 13 октября 1789 г. Николая Бутэ обвенчался с Мари-Луиз-Эмили Десэнт, уроженкой Версаля. Ее отец – Пьер Десэнт был королевским оружейником. Он по достоинству оценил талант и мастерство своего зятя, завещав ему, согласно условиям брачного контракта, должность королевского оружейника².

Несмотря на рекомендации депутатов Конвента, кандидатура Бутэ на пост инспектора Версальской оружейной мастерской вызвала споры в Генеральном Совете местной Коммуны. Прокурор-синдик Генерального Совета заявил, что «гражданин Бутэ вызывает у городского управления слишком мало доверия»³. Дело в том, что Бутэ в это время занимался ремонтом и реставрацией оружия, реквизированного новыми властями в ходе обысков у городских домовладельцев. И не исключено, что по инициативе «доброжелателей» из числа пострадавших в результате реквизиции или,

может быть, конкурентов Бутэ попал в список неблагонадежных лиц, «подлежащих разоружению». После долгих переговоров и под давлением Делакура и Мюссе Дирекция департамента Сена-и-Уаза 30 сентября 1793 г. утвердила кандидатуру Бутэ на должность инспектора по надзору за работами в мастерской. И тем не менее, незадолго до открытия мастерской Бутэ арестовали и депортировали в Париж. Подробности его ареста не известны. Возможно, его «благонадежность» все еще вызвала сомнения в определенных кругах. Открытие Версальской оружейной мастерской, состоявшееся 7 октября 1793 г., проходило без участия Бутэ. Торжественная церемония открытия полностью отвечала духу революционного времени. Все участники церемонии были в знаменитых фригийских колпаках, ставших символом революции и свободы.

Пока опальный оружейник находился под арестом, депутаты Делакура и Мюссе и общество «Друзья Свободы и Равенства» вели активную борьбу за его освобождение. Их усилия оказались не напрасными. 26 ноября 1793 г. суд вынес оправдательный приговор Бутэ, а Городская ассамблея постановила выдать ему «сертификат о патриотизме».

13 плювиоза II года Республики (1 февраля 1794 г.) Комитет общественного спасения принял постановление об объединении оружейных мастерских Парижа и Версаля и подчинении их единому управлению. Объединенная мастерская получила название «Национальная оружейная мануфактура Версаля». Первые месяцы после открытия Мануфактура занималась ремонтом конфискованного оружия. Но уже 1 вандемьера III года Республики (22 сентября 1794 г.) предприятие приступило к выпуску нового вида огнестрельного оружия – карабинов. Это произошло после того, как Комитет общественного спасения пришел к заключению, что карабины, находящиеся на вооружении сторонников старого режима, – это оружие, дающее преимущество врагам Республики, и распорядился снабдить ими защитников Отечества. Производство карабинов поручили Версальской мануфактуре. В связи с возложенной на нее ответственной миссией ей дали даже новое название «Версальская мануфактура карабинов». Соответственно на ее документах и официальных бумагах появился новый герб: два скрещенных карабина и пика, увенчанные фригийским колпаком⁴.

Наряду с производством строевого оружия Бутэ создал при Мануфактуре специальное «Отделение художественного оружия»,

предназначенное для изготовления парадного и подарочного оружия для государственных деятелей, военачальников, почетных гостей и дипломатов. Создание художественного оружия требовало притока новых творческих сил и прежде всего мастеров, которые могли воплощать новые идеи и замыслы. Благодаря авторитету и организаторским способностям Бутэ сумел привлечь к работе на Мануфактуре лучших оружейников, художников, граверов, ювелиров.

Для реализации возложенной на Мануфактуру задачи Комитет общественного спасения опубликовал в 1794 г. обращение, в котором «оружейные мастера, механики, часовщики, ножовщики, по шесть человек от каждого департамента, призывались на работу в оружейную мануфактуру Версаля»⁵. На призыв Комитета откликнулись сотни специалистов из Версаля, Парижа, Мобежа и других городов Франции, а также из Льежа. В считанные дни они собрались в Гран Коммен и приступили к работе. Среди них оказались не только представители перечисленных в обращении профессий, но также кузнецы, литейщики, граверы и ювелиры.

14 фрюктидора VIII года (1 сентября 1800 г.) Бутэ получил концессию на владение Мануфактурой сроком на 18 лет. Согласно условиям контракта, подписанного Первым консулом Франции Наполеоном Бонапартом, Бутэ брал на себя финансовую ответственность за предприятие и отказывался от получения в будущем правительственных кредитов. Кроме того, Бутэ был обязан также информировать Министерство иностранных дел о количестве произведенного люксового оружия и по первому требованию представлять его в распоряжение министерства.

Чтобы привлечь к работе на Версальской мануфактуре высококлассных специалистов и стимулировать их работу, Бутэ ввел для них более высокую оплату труда, чем она была у их парижских коллег. В 1801 г. Бутэ добился для работников Версальской мануфактуры освобождения от службы в Национальной гвардии. Выгодные условия труда способствовали притоку к работе на Мануфактуре квалифицированных кадров. Думая о перспективах развития оружейного дела, администрация Мануфактуры приняла на стажировку 30 учеников, которые должны были продолжать традиции лучших мастеров французской оружейной школы. Бутэ установил тесные производственные контакты с Льежской оружейной мануфактурой, где работали одни из

лучших в Европе оружейники. С 17 ноября 1803 г. Льежская мануфактура начала производить огнестрельное оружие по заказу Бутэ.

18 мая 1804 г. французский Сенат провозгласил Наполеона императором, и в день его коронации 2 декабря 1804 г. Версальская мануфактура получила новое название «Императорская оружейная мануфактура»⁶.

Период 1799–1814 г. оказался для Бутэ исключительно плодотворным в творческом отношении. Именно в это время полностью раскрылся его художественный талант и были созданы лучшие его работы. Вместе с тем Бутэ умело сочетал дар художника с активной деятельностью в качестве главы Мануфактуры, за что получил необычное для оружейника звание «Бутэ, директор-художник мануфактуры в Версале». Это уникальный случай за всю историю оружейного производства.

После вступления союзнических войск в Париж в 1814 г. Версальская мануфактура была разграблена и разорена прусскими войсками. Второй раз мануфактура оказалась в руках мародеров в июле 1815 г.

2 июля 1815 г. Наполеон навсегда покинул столицу Франции. Судьба Бутэ, сделавшего карьеру при императоре, резко изменилась. Он был отстранен от управления «Отделением художественного оружия» и ему пришлось покинуть Версаль. Бутэ переехал на постоянное жительство в Париж по адресу: улица Фий-Сан-Тома, дом № 23. Несмотря на то, что ему удалось сохранить свой магазин на улице Ришелье в доме № 87, он испытывал значительные материальные трудности, связанные с попытками продлить жизнь Версальской мануфактуры. В 1816 г. Бутэ занял 16 000 франков под залог двух своих домов: особняка д'Эквилль на улице Резервуар в Версале и особняка Ноай в Вуазене. Деньги нужны были Бутэ для погашения накопившихся долгов. Но спасти свое детище ему не удалось. 22 сентября 1818 г. Версальская оружейная мануфактура, в цехах которой за 18 лет ее существования было произведено 145 659 единиц оружия, была закрыта.

Тем не менее Бутэ не терял надежды на восстановление деятельности Мануфактуры и предпринимал практические шаги для ее возрождения. Он продал свой особняк Ноай за 70 000 франков, занял еще 5000 франков и попытался наладить работу Мануфактуры. Более того, стремясь реализовать свои планы, Бутэ старался

заинтересовать своим проектом влиятельных лиц. Он заручился поддержкой генерала Клода Пьера Пажоля, префекта департамента Сена-и-Уаза Жозефа Обернона и мэра Версаля Жоржа Клосса. Два предпринимателя Эсс и Дюка согласились профинансировать работу по восстановлению Мануфактуры, надеясь, что правительство предоставит им необходимые здания. Однако инициативы Бутэ не встречали поддержку в высших эшелонах власти. Пытаясь пробудить интерес к своему проекту во властных структурах, Бутэ составил памятную записку «Об учреждении оружейной мануфактуры в Версале без денежных вложений со стороны Правительства и о необходимости подобного учреждения» и отправил ее в Комитет по артиллерии. Рассмотрев просьбу Бутэ, Комитет высказался против его проекта ⁷.

Спустя два года, 12 октября 1833 г., знаменитый французский оружейник скончался в Париже.

Творческое наследие Бутэ в собрании ГИМ представлено 20 образцами огнестрельного и холодного оружия. Большинство из этих памятников было собрано частными коллекционерами А.А. Катугар де Бионкурром, П.И. Щукиным, В.С. Турнером и преподнесено в дар музею в начале XX в. Несколько памятников поступили из Военно-исторического музея в 1927 г.

По типологии огнестрельное оружие Бутэ, хранящееся в ГИМ, можно разделить на три группы: охотничье, строевое и дуэльное. Охотничье оружие представлено 4 гладкоствольными шомпольными кремневыми ружьями, парадным охотничьим кремневым штуцером и охотничьим кремневым карабином; строевое оружие – кремневым ружьем образца 1777 г., кремневым мушкетеном, 2 парами гвардейских кремневых пистолетов и 1 капсюльным строевым пистолетом; дуэльное оружие – 2 подарочными гарнитурами с кремневыми пистолетами.

Говоря об охотничьем оружии, следует отметить, что Бутэ, несмотря на появление в конце XVIII в. казнозарядного кремневого охотничьего оружия, отдавал предпочтение дульнозарядным ружьям. Эти ружья выпускались одноствольными и двуствольными. Стволы охотничьих ружей имели круглую форму, либо граненую. Калибр стволов варьировался от 14 до 16 мм. Каналы стволов ружей были гладкими и нарезными. Одним из новшеств, примененных мастером в нарезном оружии с целью повышения точности

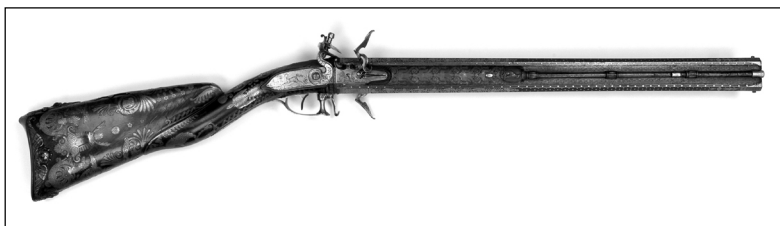

Рис. 2. Штуцер охотничий двуствольный с кремневыми замками. Франция, Версальская оружейная мануфактура, начало 1800-х гг. Мастер Н.-Н. Бутэ. ГИМ. Инв. № 47665/151 ор.

стрельбы, стало увеличение числа нарезов. Прекрасным образцом нарезного охотничьего оружия является штуцер с перевертными нарезными стволами из собрания А.А. Катуар де Бионкура (рис. 2). Верхний ствол штуцера имеет 16 нарезов, а нижний – 32 (ГИМ 47665/151 ор.). В подавляющем большинстве люксовых ружей число нарезов варьировалось от 30 до 60.

Для украшения стволов Бутэ использовал различные виды воронения. Стволы ружей покрывались черным, темно-синим, темно-коричневым и серо-матовым воронением. Именно цветовая градация вороненой поверхности стала фирменным знаком Бутэ. Вороненая поверхность стволов прекрасно сочеталась с позолотой. Казенные части стволов и дульный срез покрывались золотой насечкой. В наиболее дорогих изделиях стволы украшались сложными орнаментальными композициями, состоящими из декоративных растений, разнообразных розеток и звезд.

В технике золотой инкрустации выполнялись автографы на стволах. Обычно Бутэ подписывал свои произведения прописными буквами – *Boutet a Versailles*. На протяжении своей долгой творческой деятельности Бутэ использовал разные клейма, которые позволяют не только атрибутировать памятники, но и судить об основных этапах его профессиональной карьеры. Личное клеймо в виде монограммы «NB» в восьмиграннике Бутэ ставил в 1800–1810 гг. Как правило, это клеймо выбивалось дважды на казенной части ствола. Еще одно клеймо мастера – «Boutet» в восьмиграннике, выполненное в технике золотой насечки, также выбивалось на казенной части ствола. Это клеймо стоит на памятниках, датированных 1805–1814 гг. С февраля 1794 по декабрь 1804 гг. на стволах и замках ружей и пистолетов гравировалась надпись

«Manufnat^{le} a Versailles» или «Manuf^{te} a Versailles». В 1804 г., когда Версальская мануфактура получила новое официальное название – «Императорская оружейная мануфактура», на ее продукции появилась новая надпись – «Boutet a Versailles, Manufactu^{re} Imper^{le} a Versailles».

Как уже упоминалось, Бутэ был удостоен исключительного для оружейника звания «директор-художник». Лучшие его работы подписаны «Boutet Directeur Artiste», «Boutet Directeur Artiste, Manufacture a Versailles» («Бутэ, директор-художник, Мануфактура в Версале»). По мнению исследователя Тейлора, памятники с такой подписью следует датировать периодом консульства (1799–1804) ⁸. Однако в собрании ГИМ хранится пара офицерских пистолетов из коллекции А.А. Катуар де Бионкура с датой 1809 г. Дата выбита на казенных частях стволов (изнутри), а также стоит серийный номер – № 1140 (ГИМ 47665/153 ор.). Видимо, надпись «Boutet Directeur Artiste» на своих изделиях Бутэ сохранял и в период Империи.

С 1804 по 1816 гг. Бутэ работал вместе со своим сыном Пьером-Николя Бутэ. Поэтому на некоторых изделиях этого периода можно встретить надпись «Boutet et fils Versailles» (ГИМ 82035/ор.). Во время Реставрации Бутэ ставил на своих работах автограф «Arquebusier ordinaire du Roi et des Princes» («Оружейник короля и принцев»).

Большинство ружей и пистолетов Бутэ оснащены кремнево-ударными замками французского типа. Бутэ уделял большое внимание доводке отдельных деталей и узлов кремнево-ударного замка. В частности, он внедрил ряд технических новинок, которые в значительной степени повысили надежность кремневого замка. Так, например, он установил серьгу между концом пера боевой пружины и лодыжкой для уменьшения трения между деталями и оснастил огниво роликовым подшипником, что уменьшало трение при ударе огнива. Отличительная черта всех замков Бутэ – безукоризненная и тщательная отделка всех деталей замка. В своих изделиях Бутэ использовал два типа курков: один – в форме «лебединой шеи», другой – в форме «петушиной шпоры». Первый тип курка имел сильно изогнутую форму и был популярен на пистолетах и ружьях до 1806 г. В 1805 г. появились курки в форме «петушиной шпоры». Они отличались большей прочностью. Затравочные полки ружей и пистолетов были бронзовыми и покрыты позолотой.

Замки изготавливались из полированной стали и часто украшались гравированными изображениями собак, лошадей, грифонов, драконов, обезьян, дикобразов, медведей и львов.

Бутэ жил и творил в эпоху ампира. Стиль «ампир» или «империи» был призван прославлять величие Франции, пытавшейся установить господство над всей Европой, и возвышать императора Наполеона. Бутэ стал самым ярким выразителем этого стиля в оружейном искусстве Франции. Художественный вкус Бутэ формировался под влиянием творчества, а точнее, орнаментальных мотивов и художественных композиций двух придворных архитекторов Ш. Персье и П.-Ф.-Л. Фонтена. Сюжеты их рисунков были навеяны образцами античного искусства, которые были обнаружены при раскопках Геркуланума и Помпеи. Работавшие многие годы совместно, Персье и Фонтен познакомились в 1786 г. во время учебы во Французской академии в Риме. По возвращении в Париж в начале 1790-х гг. они занялись проектированием высокохудожественных предметов декоративно-прикладного искусства и интерьеров, заняв вскоре в этой области ведущее положение благодаря многочисленным заказам Бонапарта.

На художественный вкус Бутэ оказал также большое влияние художник-гравер, историк искусств, ученый-путешественник, участник египетских походов Наполеона, коллекционер, писатель и дипломат – Доминик-Виван Денон. Однако будучи талантливым рисовальщиком, Бутэ нашел свои средства для воплощения нового направления в искусстве декоративного оформления оружия. В отделке оружия, особенно в оформлении ложи, Бутэ произвел подлинную революцию и проявил себя истинным художником. Именно Бутэ ввел моду на украшение тонкой и длинной шейки приклада охотничьих ружей резными головами кабанов, оленей, вепрей, дельфинов.

В покоренных Наполеоном странах Европы этот декоративный прием получил широкое распространение. Лишь Англия, испытывая враждебные чувства к наполеоновской политике континентальной блокады и вызванной ею непримиримой галлофобией, не попала под влияние Франции. Английские оружейники продолжали следовать традиции украшать шейку приклада охотничьих ружей элегантной резьбой в ромбик. Еще одна деталь характерна для оформления прикладов ружей Бутэ. Мастер часто закрывал щеку кожаной подушкой, окантованной галуном. Галун закреплялся по всему

периметру медными гвоздями. Характерной чертой в оформлении прикладов являлось украшение валютой щеки приклада (ГИМ 68257/14670 ор.).

Уверенное владение сложными приемами чеканки и резьбы позволили Бутэ сделать чеканное серебро одним из наиболее выразительных приемов отделки прибора ружей. Спусковые скобы, затылники рукоятей, накладки под замочные винты, противозамочные личины отливались из серебра и украшались чеканным барельефным орнаментом, элементы которого – ликторские связки, воинские доспехи, трофеи, широкие римские мечи, секиры, колчаны, луки, стрелы, пики, фасции, знамена, лавровые венки, вазоны и рога с плодами изобилия, изображения ионических колонн с волотами, мифологические сюжеты, античные божества – характерны для стиля ампир. Орнамент ампира вбирал в себя все, что работало на главную его социальную задачу – утверждение власти империи.

В период Первой империи язык аллегорий и символов наполнился новыми смыслами. Набор аллегорических образов и эмблем, заимствованный из художественного наследия Рима, был призван прославлять величие и воинскую силу наполеоновской империи. Одним из наиболее популярных символов наполеоновской Франции стал орел. Орел как символ Рима впервые появился на знаменах римских легионов при консуле Марии в 104 г. до н. э. Со времени Августа образ этой птицы олицетворял имперскую власть, ее всеисилие и непобедимость. Неслучайно Наполеон украсил орлами знамена своей гвардии, а оружейники использовали этот образ для художественного оформления холодного и огнестрельного оружия.

Но не только изображения фауны и всевозможных орнаментов использовались для оружейного декора. Целый ряд сюжетов дал пантеон античных богов. Так, например, в декоре охотничьих ружей часто встречаются изображения Меркурия, воплощающего ум и хитрость, Минервы – богини мудрости, Юпитера, олицетворяющего величие и славу, и других героев древнегреческой мифологии.

Очень популярным был образ Амалфеи – божественной козы, вскормившей своим молоком младенца Зевса, которого его мать Рея укрывала от Кроноса на острове Крит. Когда Зевс стал главой олимпийцев, он взял козу на небо, и она стала звездой Капеллой

в созвездии Возничего. Случайно сломанный рог козы Зевс сделал рогом изобилия. Шкурой козы Зевс обтянул свой щит, который стал эгидой в борьбе с титанами.

Излюбленным мифологическим сюжетом в украшении парадного оружия является один из подвигов Геракла – «укрощение немейского льва», коварного животного, обладавшего невероятной физической силой, которого смог уничтожить Геракл (рис. 3). Еще один сюжет из греческой мифологии, который использовал Бутэ в своем творчестве, была Медуза Горгона. Изображение головы Медузы Горгоны встречается в оформлении затильников гвардейских пистолетов и в декоре прибора охотничьих ружей.

Рис. 3. Фрагмент предохранительной скобы. Изображение шкуры льва на палице (символ Геракла). Франция, Версальская оружейная мануфактура. Мастер Н.-Н. Бутэ. ГИМ. Инв. № 9866 ш/91 ор.

Кстати, голова Медузы Горгоны украшала парадный вход Версальской оружейной мануфактуры, и именно этот образ Бутэ предложил для оформления набалдашников пистолетов модели Ап XII (1803–1804). Основные характеристики этой модели были утверждены Наполеоном Бонапартом⁹. Версальской оружейной мануфактуре Бутэ, а также французским и бельгийским оружейникам Пирме, Лепажу, Гофару, Ронже и другим предписывалось следовать этому образцу. Пистолеты образца Ап XII, получившие статус люксового оружия,

предназначались для генерал-полковников, генерал-майоров, дивизионных и бригадных генералов, высших штабных офицеров. Согласно данным «Ежегодника» Бутэ, для императора было изготовлено в 1804 г. 24 пары пистолетов, в 1807 г. – 12 пар пистолетов. Заказчиками этой модели пистолетов были также маршал И. Мюрат, генерал Арман Огюст Луи Коленкур, дивизионный генерал, герцог Гуастальский, шурина Наполеона I – Боргезе Камилло-Филиппе-Лодовико, генерал Жан Туссен Арриги де Казанова – герцог Падуанский, Симон Канюэль – генерал-губернатор Вестфалии, Жан Пьер Жуффруа – начальник артиллерии 3-го армейского корпуса

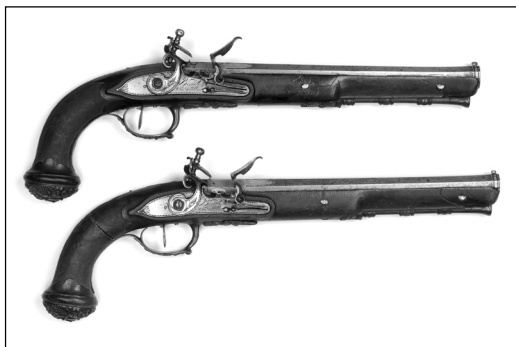

Рис. 4. Пара pistols с кремневыми замками генералов и высших штабных офицеров Вандемьера XII года (1803–1804) Республики. Франция, Версальская оружейная мануфактура, стволы 1798–1801 гг.; замки, сборка, монтаж 1803–1809 гг. Мастер Н.-Н. Бутэ. ГИМ. Инв. № 9866 щ/91 ор.

Л.Н. Даву, дивизионный генерал Жан Рапп. Как считает исследователь Уильям Рейд, примерно 55 пар pistols с головой Медузы Горгоны были изготовлены с 1802 по 1810 гг.¹⁰

Pistолеты образца An XII (1803–1804) из собрания ГИМ были приобретены известным московским коллекционером П.И. Щукиным (рис. 4). Эти pistols имеет общую длину 435 мм.

Стволы pistols граненые, немного расширенные у дульного среза. Их длина – 270 мм, калибр – 14 мм (ГИМ 9866 щ/91 ор.).

Бутэ увеличил число нарезов в стволах и довел их до 120. Стволы отличаются высокой тщательностью внутренней обработки, повышавшей дальность стрельбы по сравнению с обычными солдатскими pistols на 10 м. Первоначально pistols образца An XII оснащались курками в виде «лебединой шеи», но с 1805 г. на этой модели ставили курки и в форме «петушиной шпоры». На замочной доске выгравирована надпись «Bouteta Versailles». Головка рукояти украшена серебряной накладкой в виде головы Медузы Горгоны (рис. 5). Прибор изготовлен из серебра и помечен парижскими серебряными клеймами: пробы первого достоинства – в вертикальном восьмиугольнике изображение петуха с цифрой «1» слева; большое клеймо гарантийной пошлины – в овале изображение головы старика анфас с цифрами «5» и «8» по сторонам; и третье клеймо в ромбе – изображение неясно. Видимо, автором серебряной оправы модели An XII был Бутэ. Известно, что Бутэ предпочитал использовать серебряные и золотые оправы собственной работы. У него было личное клеймо мастера золотых и

Рис. 5. Затыльник с изображением головы Медузы Горгоны. Франция, Версальская оружейная мануфактура. Мастер Н.-Н. Бутэ. ГИМ. Инв. № 9866 ш/91 ор.

серебряных дел в виде изображения пистолета между буквами «NB» в восьмиграннике. Пистолеты образца An XII, которые Бутэ создавал первоначально как подарочную модель, заложили основы стандартного дизайна. Подарочные пистолеты отличались лишь отделкой в зависимости от финансового положения и вкуса заказчика. Стандартизация дизайна подарочного оружия была новой идеей в области производства огнестрельного оружия. Аналогичная тенденция в оформлении оружия наблюдается в это же время в Англии. Сабли Патриотического фонда (Lloyd's Patriotic Fund) были стандартными, но отличались богатством отделки в зависимости от суммы, выделенной заказчиком (50, 100 и 200 фунтов) ¹¹.

К числу подарочного, люксового оружия, созданного Бутэ, принадлежит дуэльный гарнитур (ГИМ 82200/2220 ор.). В комплект входят два пистолета, шомпол для забивания пуль и шомпол для прочистки канала ствола, молоточек, пулелейка, роговая пороховница с надписью «Boutet a Versailles» («Бутэ в Версале»), железная масленка, клещи для сжатия боевой пружины, высечка для пыжей, отвертка, наконечники для шомпола: пыжовник, предназначенный для извлечения пыжа и пули, вишер, служащий для прочистки ствола (рис. 6). Нарезные, граненые стволы пистолетов покрыты серым воронением в подражание узору «дамасской стали». Надписи на боковых гранях стволов – «Boutet a Versailles» и серийный номер «67» – выполнены золотой насечкой. На хвостовике одного ствола выгравирована цифра «1», на хвостовике другого – цифра «2». Клеймо мастера Бутэ «NB» в восьмиграннике дважды выбито в казенной части каждого ствола. Ударно-кремневые замки украшены гравированными изображениями обезьяны и дикобраза на одном пистолете и медведя со львом – на другом. На замочных досках выгравирована надпись «Boutet a Versailles». Курки выполнены

Рис. 6. Дуэльный гарнитур с кремневыми пистолетами. Франция, Версальская оружейная мануфактура, ок. 1805 г. Мастер Н.-Н. Бутэ. ГИМ. Инв. № 82200/2220 ор.

в форме «лебединой шеи». Ложи из орехового дерева инкрустированы серебром. Декоративное убранство данного гарнитура выполнено по рисункам Бутэ и художников Версальской мануфактуры. Спусковые скобы, затыльники рукоятей, накладки под замочные винты отлиты из серебра и украшены чеканным барельефным орнаментом, элементы которого – фигурки дельфинов, рога изобилия, листья аканта, венки, водоросли, морские эмблемы – характерны для ампирических изделий. Морские мотивы в отделке пистолетов и принадлежностей позволяют предположить, что данный гарнитур предназначался в качестве подарка для высокопоставленного морского офицера.

Пистолеты с принадлежностями помещены в ящик красного дерева, который украшен металлическим медальоном с гравированной надписью «Manuf^{re} a Versailles Entrepre^{se} Boutet» («Мануфактура в Версале. Предприятие Бутэ»).

Созданные на заказ работы Бутэ ценились очень высоко. Пара заказных пистолетов модели An XII стоила от 360 до 500 франков, тогда как цена обычных кавалерийских пистолетов образца 1805–1806 гг. составляла всего 30 франков. Обычное двуствольное ружье Версальской мануфактуры стоило от 450 до 1500 франков, а цена заказного аналога могла достигать 9000 франков и выше. Английский исследователь Хэйворд приводит данные, что комплект,

состоящий из карабина и пары пистолетов, предназначенный для подарка ближневосточному правителю в 1803 г., стоил 7500 франков, а цена комплекта из 9 ружей и пары пистолетов, выполненного для короля Испании Карла IV, была определена в сумму 130 000 франков¹².

Холодное оружие, созданное на оружейной мануфактуре Бутэ, представлено в ГИМ всего 5 экземплярами. Но музей является счастливым обладателем парадной сабли Наполеона Бонапарта (рис. 7). Она, несомненно, принадлежит к числу лучших произведений выдающегося французского оружейника. Впервые сабля экспонировалась в Москве в 1912 г. на выставке, посвященной 100-летию Отечественной войны 1812 г., как фамильная реликвия из собрания графини Е.А. Воронцовой-Дашковой, урожденной Шуваловой¹³. Согласно семейной версии, сабля была подарена лично Наполеоном графу П.А. Шувалову, сопровождавшему отрекшегося императора в ссылку на остров Эльба. До 1918 г. эта реликвия хранилась в семье Е.А. Воронцовой-Дашковой. После революции усадьба была разорена, и о судьбе сабли несколько лет ничего не было известно. В 1922 г. сабля поступила в Исторический музей из Музея Красной армии и флота.

**Рис. 7. Сабля парадная Наполеона Бонапарта.
Клинок – Клингентальская оружейная мануфактура
братьев Куло. Эфес, ножны и общая монтировка –
Версальская оружейная мануфактура, 1801 – июнь 1804 гг.
Мастер Н.-Н. Бутэ. ГИМ. Инв. № 68257/9076 ор.**

Сабля была изготовлена не ранее 1801 г. На обухе клинка надпись: «Manufacture de Klingenthal, Coulaux frères». На клинке, с обеих сторон, в технике дамасской стали выполнена надпись: «N. BONAPARTE PREMIER CONSUL DE LA REPABLIQUE

FRANÇAISE» («Н. Бонапарт Первый консул Французской республики»). По мнению историка оружия и военного дела В.В. Арендта, технология нанесения надписи схожа с технологией изготовления надписей на мечах эпохи Каролингов¹⁴. В средней части клинка вырубались канавки соответствующей формы, в которые затем вваривались заготовленные полоски дамасской стали. Дизайн эфеса создан Бутэ. В нем ощущается сильное влияние восточного холодного оружия, в частности сабель, привезенных во Францию после Египетского похода. Характерной чертой этого типа сабель была форма рукояти, завершающаяся набалдашником в виде головы льва, держащего в пасти цепочку, которая соединяется с загнутым концом крестовины (второй конец крестовины согнут в обратную сторону – в сторону клинка) и ромбовидным щитком в центре крестовины. Данный тип сабли получил название «а-ля Маренго», в память о сабле, которая была у Наполеона во время битвы при Маренго 14 июня 1800 г. По мнению французских исследователей Жана Лоста и Патрика Резека, все сабли типа «маренго» являются предметами роскоши¹⁵.

Для изготовления рукоятей парадного оружия Бутэ обычно использовал серебро и бронзу, однако в данном случае он отдал предпочтение перламутру. На перекрестье в ромбовидном щитке Бутэ поместил изображение головы Геракла с курчавыми волосами, покрытой шкурой немейского льва и увенчанной лавровым венком. Завершает композицию всевидящее око (рис. 8). Каждая деталь этой композиции символична: Геракл олицетворяет силу, доблесть и храбрость, лавровый венок – символ божественного происхождения верховной власти, всевидящее око символизирует сверхчеловеческое, божественное. В этой аллегорической комбинации читается тема прославления величия императора и императорской власти. Наряду с клинками из Клингенталя Бутэ использовал клинки из Золингена.

Рис. 8. Крестовина с изображением головы Геракла. Франция, Версальская оружейная мануфактура. Мастер Н.-Н. Бутэ. ГИМ. Инв. № ГИМ 68257/9076 ор.

Клинок золингеновского мастера П.В. Кнехта стоит на кавалерийской сабле периода Первой империи (ГИМ 68257/1165 оп.), а эфес, ножны и общая сборка выполнены на Версальской мануфактуре в период совместной работы Бутэ со своим сыном Пьером.

Художественные изделия, созданные Бутэ на Версальской мануфактуре, – бесценная вещественная память о ярком талантливом оружейном мастере, отразившем в своем творчестве идеологические и эстетические воззрения одного из ярких периодов истории Франции.

¹ La Manufacture d'armes de Versailles et Nicolas-Noël Boutet. Manufacture nationale, imperiale et royale. 1793–1818. Fondation de la Maison de la chasse et de la nature. 1993. P. 13.

² Ibid. P. 52.

³ Ibid. P. 14.

⁴ Ibid. P. 19.

⁵ Ibid. P. 18.

⁶ Ibid P. 50.

⁷ Ibid. P. 53.

⁸ Taylor D. The Versailles General Officer's Pistol «Avec Tete de Meduse» // Arms Collecting. Vol. 25, № 3. 1987. P. 79–90.

⁹ Raso Maryse. Pistolets & Revolvers Reglementaires Francais de 1730 a 1892. 2000. P. 96.

¹⁰ Taylor D. Ibid. P. 82.

¹¹ Hayward J.F. The Art of the Gunmaker. London, 1963. Vol. 1. P. 192.

¹² Ibid. P. 194.

¹³ Выставка 1812 года. Иллюстрированное издание под редакцией В. Божовского. М., 1913. С. 514.

¹⁴ Arendt W. Szabla Napoleona w Moskwie // Broc i Barwa. № 8. Sierpiec, 1935. S. 170.

¹⁵ Лост Жан, Резек Патрик. Сабли французской армии. Жигулевск, 2009. С. 64.

С.М. Пасхин (Санкт-Петербург)

УПРАВЛЕНИЕ И СВЯЗЬ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

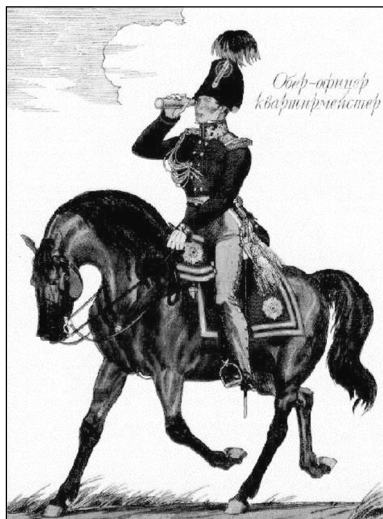
Н АКАНУНЕ Отечественной войны 1812 г. в России, используя опыт прошлых войн, все больше внимания стали уделять вопросам управления и связи в войсках. В 1811 г. были изданы: «Руководство к отправлению службы чиновниками дивизионного генерал-штаба» и положение «О должности офицеров квартирмейстерской части, находящихся при корпусах и дивизиях, для мирного времени». В этих документах четко определен круг обязанностей чинов квартирмейстерской части в вопросах управления в мирное и в военное время, требования к ним, а также порядок подчиненности и взаимоотношения со строевыми начальниками, правила составления диспозиций, ведение переписки и составления донесений. В «Руководстве к отправлению службы чиновниками дивизионного генерал-штаба» указывается, что «офицер квартирмейстерской части... по своей должности есть истинный помощник командующему генералу. Руководимый сведениями своими, ревностно к службе и расторопностью, он облегчает генералу все затруднения и prepares ему начальные основания для его предприятий и успехов» (4). Наиболее важным для офицера-квартирмейстера является «познание устройства, вождения, расположения и размещения войск, или тактика» (4) (рис. 1). Кроме того, он отвечал за переписку начальника дивизии с военным министром, главнокомандующим и генерал-квартирмейстером, касающуюся движения войск. Таким образом, начальники дивизий впервые получили в свое распоряжение «вспомогательный орган, в известной степени объединявший все отрасли управления вверенными им войсками» (4). В 1811 г. было издано и «Наставление

колонновожатым», в котором излагались не разработанные до того времени вопросы полевой службы.

27 января (8 февраля) 1812 г. введено в действие «Учреждение для управления большой действующей армией». Это был один из первых в истории уставов, который раскрывал управление армиями в военное время. Согласно этому документу, командование «большой армией» вверялось главнокомандующему, который управлял войсками при помощи Главного полевого штаба армии, включающего «главные отделения»: управление начальника Главного штаба, инженерное, артиллерийское и интендантское. Управление начальника Главного штаба делилось на две части: квартирмейстерскую, во главе с генерал-квартирмейстером, и «дежурство» армии, возглавляемое дежурным генералом. Полевые корпусные, дивизионные штабы и штабы армий были устроены аналогично. Причем начальники штабов должны были иметь «беспрерывное сношение по делам, нужным для их сведения» (4), т.е. постоянно действующую связь. В первой главе «Образование управления Начальника Главного штаба» определены функции второго отделения дежурного генерала, которому поручалось заниматься вопросами связи: «Ко второму отделению Дежурства принадлежат: Управление почтами. Получение и отправление курьеров...» (8).

В «Учреждении...» раскрыты назначение и обязанности служащих конвоя Главной квартиры, обязанности адъютантов, ординарцев, фельдъегерей, курьеров и посыльных. Определена их форма одежды и знаки отличия.

«Конвой Главной квартиры учреждается для следующих предметов... 5. Для верного и скорого доставления сношений между Чиновниками Генерального штаба.

**Рис. 1. Обер-офицер
квартирмейстер. 1812 г.**

Рис. 2. Старший адъютант. 1812 г.

Предмет служения конвоя Главной квартиры требует, чтоб Офицеры онаго были с хорошими способностями и познаниями, унтер-офицеры грамотные, и если можно, знающие язык той земли, где война происходит, рядовые расторопные и вообще благонадежные. Все служащие в конвое Главной квартиры носят на касках, шапках и шляпах зеленую ветвь.

Старшие Адъютанты при Главном дежурстве Армии управляют отделениями онаго, развозят важнейшие приказания, посылаются осматривать войски, караулы, госпитали, и исполняют разные сего поручения (рис. 2).

Важнейшие приказания как то о выступлении, движении или перемене места и тому подобныя развозят Генеральские Адъютанты. В необходимых случаях и во время сражения, с словесными приказаниями посылаются старшие Адъютанты. В опасных положениях нужные приказания посылаются вдвойне, дабы ежели один из посланных убитым или захвачен, другой мог доставить приказание. Сверх сего все старшие и Генеральские Адъютанты, которые имеют право объявлять приказания, должны иметь особенный мундир или знак» (8).

Подбору в Адъютанты уделялось большое внимание, особенно со стороны Александра I, что отмечено в «Учреждении...»: «Государь Император заметив, что к назначению в Адъютанты представляются офицеры, которые по молодости лет и по мало временному служению не могут с надлежащею исправностию исполнять сию должность, Высочайше указав соизволил: объявить по Армии циркулярно, чтобы Гг. Генералы избирали к себе в Адъютанты таких офицеров, кои уже несколько времени прослужили, и потому действительно сделались способными к отправлению Адъютантской должности; для чего Его Величество Высочайше соизволяет, чтобы в Адъютанты избираемы были не ниже Поручичьяго чина.

На ординарцы наряжаются Поручики, Подпоручики, Прапорщики и унтер-офицеры. При ординарцах наряжаются рядовые для посылок. Ординарцы наряжаются пешие и конные. Ординарцы наряжаются для скорейшаго и вернаго доставления нужных приказаний. Ординарцы никогда не должны быть посылаемы с важными словесными приказаниями.

Для рассылки важнейших приказаний, при Дежурстве должны быть всегда заготовлены печатные росписки, по форме, при сем прилагаемой.

При посылке ординарцев с важными письменными приказаниями вкладывается в пакет печатная росписка, на которой означается часть отправления; получающий, подписав ее отмечает час получения и возвращения посланного, и отсылает оную с тем же ординарцем запечатанную обратно. Полковые Адъютанты дают наряженным на ординарцы записки по форме, у сего прилагаемой, означающие, к кому они должны явиться, к какому времени, и в котором часу от полка отправлены. Ординарцы вручают записки сии тем, к кому они являются. Ординарцы, наряженные к Главнокомандующему Армиию, или Корпусным Командирам, являются прежде к Дежурному при Армии Генералу, или к Дежурным Штаб-Офицерам, которым и вручают записки своих полковых Адъютантов. При движении Армии пешие ординарцы возвращаются в свои полки, а конные следуют за теми, к кому наряжены» (8).

В «Учреждении...» большое место занимает порядок оформления, отправки, доставки и получения различных приказаний:

«Чиновники, с важными словесными приказаниями посылаемые, должны быть известны как тому, от кого посылаются, так и тому, к кому отправлены.

Предполагается, что в Армии старших Адъютантов все знают лично; но ежели бы случилось противное, а приказание, одним из них объявляемое, было важно, то получивший оное, в случае сомнения посылает с таковым своего Адъютанта, для донесения тому, от кого старший Адъютант прислан, что приступил к исполнению словесно объявленнаго приказания.

Начальники войск обязаны всегда знать, чрез кого получили они какое-либо приказание: ибо в случае ошибки, отговорка незнанием того, кто объявил ложное повеление, в извинении не приемлется» (8).

Таким образом, перед началом Отечественной войны 1812 г. были подготовлены основополагающие документы по вопросам управления и связи в войсках.

12 (24) июня 1812 г. наполеоновская армия ночью перешла реку Неман и вторглась на территорию России. Переправа французских войск завершилась к вечеру 14 (26) июня.

Армия Наполеона насчитывала 12 корпусов и, кроме французов, состояла из немцев, итальянцев, вестфальцев, швейцарцев, датчан, голландцев, неаполитанцев, австрийцев, пруссаков, баварцев, саксонцев, испанцев и поляков. Общая численность первого эшелона войск, который наступал на Россию, составляла 591 500 человек с 1420 орудиями. Им противостояли три русские армии, насчитывающие около 210 тысяч человек и имеющие всего 906 орудий. 1-й армией командовал генерал М.Б. Барклай-де-Толли, 2-й – генерал П.И. Багратион, 3-й – генерал А.П. Тормасов. Следовательно, в первые дни войны соотношение войск было в пользу Наполеона. Русские армии вынуждены были отступать. Умелая организация управления во время отступления, обеспечение связи внутри армии, своевременное доставление нужных приказаний, само отступление «...было выполнено, – как отмечал К. Маркс в статье «Барклай-де-Толли», – с замечательным искусством».

Организованное отступление и занятие позиции русскими войсками под командованием Палена в 8 км от Витебска заставило Наполеона предположить, что Барклай-де-Толли намерен дать сражение под Витебском. Поэтому он решил атаковать русскую армию 16 (28) июля. Однако М.Б. Барклай-де-Толли отправил адъютантов в подчиненные части с приказом отходить в направлении на Поречье и Рудню, где сосредоточиться к 20 июля (1 августа). Когда на рассвете 16 (28) июля французы, готовые дать сражение, увидели, что русской армии нет, Наполеон пришел в ярость. Таким образом, вовремя принятое решение и «скорейшее и верное доставление нужных приказаний» обеспечило сохранение боеспособности войск, вполне готовых для продолжения борьбы (1).

В первом периоде войны отсутствовало централизованное управление русскими армиями. Поэтому П.И. Багратион обратился к Александру I с письмом, в котором были такие слова: «Порядок и связь, приличные благоустроенному войску, требуют всегда единоначалие, а и более в настоящем времени, когда дело идет о спасении

отечества, я ни в какую меру не отклоняюсь от точного повиновения тому, кому благоугодно подчинить меня» (3).

Натянутые отношения между Барклаем-де-Толли и Багратионом «...в силу существующих между ними разногласий во взглядах на способ ведения войны не могли оставаться незамеченными» (2). Среди войск росло недовольство отступлением. Купцы и дворяне тоже были серьезно обеспокоены существующей обстановкой в России, огромная территория которой была захвачена врагом. Александр I понимал, что необходимо в данной ситуации поставить во главе армии такого человека, «...который пользовался бы авторитетом и доверием как в армии, так и среди народа» (2).

Специальный Чрезвычайный комитет, созданный для решения этого вопроса, постановил назначить единого для всех армий главнокомандующего. На заседании обсуждалось несколько кандидатур: Л.Л. Беннигсен, П.И. Багратион, Д.С. Дохтуров, П.А. Пален, А.П. Тормасов и М.И. Голенищев-Кутузов. Однако члены Комитета, вопреки желанию Александра I, утвердили М.И. Кутузова. Чрезвычайный комитет в своем решении записал, что его члены «единогласно убеждаются предложить к сему избранию генерала от инфантерии князя Кутузова» (2).

Александр I, почти одновременно с решением Комитета, пришло письмо из Москвы от генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина: «Москва желает чтобы командовал Кутузов и двинул ваши войска». 8 (20) августа 1812 г. Александр I «пожертвовал собственным убеждением» (2), утвердил решение Комитета и дал указ о назначении Кутузова главнокомандующим.

Это назначение в корне изменило весь ход войны в пользу России. Недаром среди солдат появилась поговорка: «Пришел Кутузов бить французов!». Кроме применения совершенно иной стратегической линии, четких и обоснованных решений, Михаил Илларионович большое значение придавал вопросам устойчивого управления и организации своевременной связи. Управление русскими армиями было налажено в соответствии с «Учреждением для управления большой действующей армией». Связь обеспечивалась между армиями, а также с Москвой и Петербургом. Из армий в столицу фельдъегери прибывали ежедневно, а при необходимости и до нескольких раз в сутки (рис. 3).

Особенно явно замечательно отлаженная система управления и связи в войсках проявилась в ходе сражения у Бородино, где

Рис. 3. «Фельдъегерь Н.И. Матисон вручает срочный пакет князю П.И. Багратиону. 1812 г.» Художник Чагадаев (1996)

М.И. Кутузов указал место своей Ставки и требовал от подчиненных ему генералов непрерывных донесений об обстановке через свой штаб.

Преддверием Бородинского сражения стал бой при деревне Шевардино. Кутузов, который находился на наблюдательном пункте в деревне Горки, связывался с командующим Шевардинской группы, отправляя к нему адъютантов, ординарцев, а для передачи сигналов использовались специальные ракеты.

В Бородинском сражении связь Ставки с 1-й и 2-й армиями организовывалась с помощью конных адъютантов, ординарцев и курьеров. С корпусами М.И. Платова, Ф.П. Уварова, с командирами 1-го, 2-го, 6-го пехотных корпусов – конными казаками и адъютантами.

Для управления сражением использовались и приказы. Например, начальник артиллерии 1-й армии А.И. Кутайсов указывал

артиллеристам: «Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы оне с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем господам офицерам, что отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою, пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий» (2). Русские артиллеристы выполняли этот приказ, о чем свидетельствуют донесения, отправляемые из батарейных рот в штабы бригад.

**Рис. 4. Барабанщик лейб-гвардии
Измайловского полка. 1812 г.**

управляли подчиненными, отправляя с приказами пеших ординарцев или передавая сигналы и команды с помощью труб, литавр и барабанов (рис. 4).

Хорошо продуманная и четко налаженная система управления позволяла своевременно принимать решения и доводить их до подчиненных. Вот момент Бородинского сражения, описанный в книге П.А. Жилина «Гибель наполеоновской армии»: французы, овладев деревней Семеновское, сосредоточили в этом районе 35 тысяч

Сам главнокомандующий «осуществлял управление посылкой своих представителей с широкими полномочиями, личным общением и отдачей приказов через штабных офицеров». Для доставки приказов был штат из 38 человек (1). С Москвой и Петербургом Ставка М.И. Кутузова обеспечивала связь фельдъегерями и полевой почтой. Связь с подчиненными командирами корпусов командующие армиями организовывали конными адъютантами и ординарцами. Командиры корпусов связь с дивизиями наладили конными и пешими ординарцами. Командиры дивизий

войск и около 300 орудий и готовились начать атаку на батарею Раевского. Кутузов, получив эти сведения, через ординарцев передал приказание атаманам Платову и Уварову нанести удар конницей по левому флангу противника. Этой неожиданной атакой русская конница вызвала у неприятеля панику, нанесла ощутимый урон врагу, задержала на два часа атаку на батарею. Все это дало возможность произвести перегруппировку войск и «усилить центр боевого порядка» (6).

11 (23) сентября при главнокомандующем был создан полевой почтамт. Во всех армиях и отдельных корпусах также организуются полевые почтамты. В соответствии с «Учреждением...»: «Полевой Почтамт при БДА (Большой Действующей Армии. – С. П.) на время войны учреждаемый, состоит:

1. Из Полевого Почт-Директора.
2. Из его Помощника.
3. Из Чиновников и почтовых служителей или почтальонов.

Все Чиновники и служители Полевого Почтамта назначаются от Почтового Департамента. Почт-Директор определяется особенным Высочайшим указом, по представлению Главнокомандующаго. Чиновники в Полевой Почтамт должны быть назначены из людей отличного поведения, знающие иностранные языки и все учреждения и порядок Почтовой части. Выбор сей возлагается на Министра Внутренних дел.

Получив приказания Дежурнаго Генерала о расположении Полевого Почтамта, Почт-Директор немедленно приступает к открытию онаго» (8). Кроме того, почт-директор открывал почтовые станции и определял количество лошадей на каждой из них.

Военная почта отправлялась в конкретные дни и часы, которые указывал начальник второго отделения дежурного генерала. Он же определял срочность пакета. Почтальоны доставляли пакеты с документами от одной станции до другой, где передавали их следующим почтальонам (рис. 5).

Рис. 5. Форма одежды почтальона начала XIX в.

Остановимся на вопросах управления партизанским движением в войне 1812 г. После вторжения армии Наполеона в Литву и Белоруссию партизанское движение, начавшееся стихийно, с вытуплением небольших крестьянских отрядов, с каждым днем «принимало все более активные формы и выросло в грозную для врага силу» (5).

Денис Давыдов об опыте партизанской войны в своих «Военных записках» писал: «Оно объемлет и пересекает все протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, через что, заграждая течение источника ее сил и существования, она подвергает ее ударам своей армии, обессиленную, голодную, обезоруженную и лишенную спасительных уз подчиненности. Вот партизанская война в полном смысле слова» (7). Партизаны устраивали засады на дорогах, совершали налеты на обозы и гарнизоны наполеоновской армии. Французам уже нельзя было посылать фуражиров без вооруженной охраны. «Оставшиеся жители, – отмечает А. Коленкур в своих мемуарах «Поход Наполеона в Россию», – все вооружались» (7).

В дальнейшем в ходе войны стали создаваться более крупные отряды, появились талантливые командиры партизанских отрядов. На территории, занятой французскими завоевателями, кроме крестьянских партизанских отрядов, действовало 9 созданных армейских партизанских отрядов (преимущественно из казачьих войск и гусаров численностью от 50 до 500 человек).

М.И. Кутузов в своей инструкции «Как партизану действовать» уделил внимание налаживанию связи с Главным полевым штабом и между партизанскими отрядами. Связь партизанских отрядов с Главным штабом обеспечивалась конными ординарцами, офицерами, солдатами и крестьянскими партизанами, наряженными специально. Кутузов при инструктаже командиров партизанских отрядов требовал от них своевременной, постоянно действующей связи.

Штаб русской армии ежедневно получал донесения от командиров партизанских отрядов об основных передвижениях французов, о расположении войск, о подходе резервов и состоянии французской армии.

Оставив Москву, русская армия сосредоточилась в районе Тарутино, который в стратегическом отношении был очень выгоден. Здесь располагалась Ставка. От Москвы через Тарутино проходили

три главные дороги и сеть рокадных дорог. По этим дорогам бесперебойно действовала фельдъегерская связь с императорской Главной квартирой в Петербурге и районами комплектования войск. С действующими армиями, соединениями и партизанами связь обеспечивали ординарцы, курьеры, а также работала полевая почта.

В дальнейшем, благодаря непрерывно и оперативно действующей почтовой связи и связи адъютантами и курьерами, удалось пополнить армию рекрутами (пехотой из Арзамаса, артиллерией из Нижнего Новгорода, кавалерией из Муромы, казаками с Дона). Кстати, не последнюю роль в создании русской конницы сыграла связь. В донские станицы с депешами, призывавшими казаков вступить в действующую армию, атаман М.И. Платов снарядил адъютантов и курьеров. Казаки, совершая переходы по 65–75 верст в сутки, в составе 26 казачьих полков прибыли в Тарутино.

М.И. Кутузов отправил фельдъегеря в императорскую Главную квартиру с донесением: «Такое значущее усиление иррегулярных войск приобретает верные способы причинять большой вред неприятелю» (6).

Для того чтобы обеспечить оперативное управление войсками, организовать четкое взаимодействие, Кутузов вводит в качестве одного из основных документов письменное донесение. Его следовало представлять два раза в день (утром и вечером) и обязательно указывать место, число и час отправки. Кроме того, были введены «Журнал военных действий», «Журнал входящих бумаг». О том, как четко была организована связь с разведывательными и партизанскими отрядами, свидетельствуют записи в «Журнале входящих бумаг», поступившие за 1–4 (13–16) октября в штаб главнокомандующего.

К началу контрнаступления были собраны точные сведения о противнике. Они оказались настолько исчерпывающими, что это позволило русской армии уже 6 (18) октября выступить из Тарутино, перейти в контрнаступление и разбить авангард французов, которым командовал Мюрат.

7 (19) октября 100-тысячная французская армия покинула Москву. 9 (21) октября Кутузов получил своевременное донесение о том, что наполеоновская армия отходит к Малоярославцу, и принял меры для срыва плана врага двигаться на Калугу в районы, не разоренные войной. В рапорте, отправленном с адъютантом Александром I после сражения под Малоярославцем, Кутузов пишет:

«...11-го на 12-е число в ночи генерал от инфантерии Дохтуров, с корпусом приближаясь к Малому Ярославцу, нашел часть сил неприятельских в нем. В 5 часов утра завязалось дело, которое впоследствии с приближением всех наших войск сделалось довольно значущим сражением и продолжалось по 11-й час ночи...» (6). Сражение под Малоярославцем было поворотным моментом в ходе Отечественной войны 1812 г. Отсюда началось изгнание наполеоновских войск из России.

Контрнаступление русской армии постепенно перешло в преследование врага с одновременным движением к реке Березине. Для того чтобы осуществить окружение у Березины и уничтожить армию Наполеона, было организовано четкое взаимодействие и управление войсками. Здесь основу в организации связи составляли адъютанты, ординарцы, курьеры, использовались сигнальные ракеты. В результате операции на реке Березине русская армия разгромила неприятеля, уничтожив и пленив три четверти вражеской армии. Преследование противника, организованное Михаилом Илларионовичем Кутузовым, завершило разгром армии Наполеона.

Таким образом, опыт Отечественной войны 1812 г. показал, что безукоризненная организация управления и связи в войсках имела решающее значение в победе над армией Наполеона. Донесения, письменные директивы, приказы, приказания, которые доставлялись адъютантами, ординарцами, посыльными, курьерами облегчили работу командиров и штабов, позволили обеспечить устойчивое, непрерывное, оперативное управление войсками. Сигнальные средства связи (трубы, литавры, барабаны и ракеты) также способствовали выполнению этой задачи.

-
1. Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.
 2. Гарнич Н.Ф. Отечественная война 1812 года. М.: Правда, 1949.
 3. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М.: Воениздат, 1945.
 4. Генеральный штаб Российской армии: история и современность. М.: Академический Проект, 2006.
 5. Дубровин Н.Ф. Отечественная война в списках современников (1812–1815). СПб., 1882.
 6. Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М.: Наука, 1974.
 7. Левшин А. Партизаны в Отечественную войну. М., 1912.
 8. Полное собрание законов Российской Империи. 1812–1815 гг. Т. 30, 32. СПб., 1830.

В.В. Пенской (Белгород)

ПОХОД РУССКОГО ВОЙСКА В ЛИВонию Зимой 1559 года *

ЛИВОНСКАЯ война по праву считается одним из ключевых событий русской истории. Длившаяся четверть века, с 1558 по 1583 гг., она оказала огромное воздействие и на русское государство, и на русское общество, и не случайно. «Правление Ивана раскрыло в драматической и даже страшной форме всю парадоксальность попыток создать мировую империю на незащищенной и неблагодатной земле северо-востока Европейской равнины. В военном плане Московия становилась ведущей державой. В экономическом – была весьма многообещающей благодаря своим богатым людским и территориальным ресурсам (хотя это утверждение по отношению к России XVI и даже XVII вв. довольно сомнительно. – *В. П.*). Однако уровень ее технического развития оказался слишком примитивен для мобилизации всех этих ресурсов, а расслаивающаяся, ограниченная и патримониальная природа унаследованной Русью социальной структуры препятствовала объединению ее сил...», – писал британский историк Дж. Хоскинг¹. С этим утверждением можно поспорить, однако представляется, что главное подмечено им достаточно точно – молодое Московское царство надорвалось в попытке поднять оказавшийся неподъемным для себя груз. Стремление выиграть Ливонскую войну при продолжении противостояния с Крымом, обострение которого приходится как раз на время правления Ивана Грозного, ускорило наступление в России всеобъемлющего политического, социального и экономического

* Автор выражает признательность А. Томсинову за идею обратиться к этой теме и благодарность А. Лобину за консультации в ходе работы с источниками.

кризиса. Его последствия полностью преодолеть так и не удалось, и в начале XVII в. произошел взрыв, поставивший страну на грань гибели.

Вместе с тем приходится признать, что полноценного исследования по истории Ливонской войны в отечественной, да и в зарубежной, историографии по существу до сих пор нет. Исследованию подвергались отдельные страницы ее истории, но попыток составить отдельные фрагменты мозаики в целостное повествование практически не было. Единственной отечественной работой, в которой была сделана такая попытка, является вышедшая более полувека назад книга В.Л. Королюка «Ливонская война», носящая, к сожалению, в большей степени научно-популярный, чем научный, характер². Учитывая же, что в Ливонскую войну (или, как весьма обоснованно предположил А.И. Филюшкин, Балтийские войны³) оказалось вовлечено несколько государств, то полноценное исследование ее истории невозможно без организации крупномасштабного международного проекта с привлечением историков России, Польши, Белоруссии, прибалтийских государств, Германии, Швеции и Дании. Но такой проект, если он все же и состоится, дело, судя по всему, очень далекого будущего, и поэтому остается только попытаться по мере возможностей закрывать отдельные белые пятна ее истории, и зимний поход 1559 г. русской рати в Ливонию является одним из них.

Предварительно отметим, что собственно военная история Ливонской войны также не получила достаточно полного и всестороннего освещения. Она рассматривалась или в общем контексте войн, что вела Россия при Иване Грозном, или как составная часть дипломатической борьбы в Балтийском регионе во 2-й половине XVI в. Анализ историографии вопроса не входит в наши задачи, ибо он может быть предметом отдельного исследования, отметим лишь, что даже если взять отечественных историков, то, как правило, описание этого похода крайне кратко и лапидарно⁴. Более того, можно встретить и серьезные ошибки в описании этого похода. Так, например, А.Л. Хорошкевич в своем фундаментальном исследовании по истории русской внешней политики середины XVI в. датирует эту военную экспедицию январем 1560 г., отметив при этом, что главной цели, взятия Риги, «большой» воевода князь С.И. Микулинский-Пунков и татарский «царевич» Тохтамыш не достигли (не задаваясь, впрочем, вопросом – а ставилась ли такая

цель перед воеводами?)⁵. В результате тем, кто интересуется этой страницей истории Ливонской войны, остается довольствоваться соответствующими местами в работах Г.В. Форстена и А.И. Филюшкина (обе работы, кстати говоря, не относятся к разряду легкодоступных), а также выдержками из биографии князя С.И. Микулинского, написанной Д.М. Володихиным⁶. При этом отметим, что этот поход неплохо освещен как в русских, так и в ливонских источниках – редкий случай в русской военной истории XVI в.⁷

Но вернемся к истории похода. Несколько слов о тех событиях, что предшествовали ему. Кризис в русско-ливонских отношениях, назревавший в начале 50-х гг. XVI в., в январе 1558 г. разразился войной. Стремясь «принудить» ливонцев «к миру», Иван Грозный пустил в ход «ultima ratio regis» – русское войско огнем и мечом прошло по восточной части Ливонии. Однако предпринятая военная демонстрация успеха не имела – ливонцы не вняли сделанному им недвусмысленному предложению согласиться на требования Москвы. Боевые действия летом того же года также не привели к желаемому результату. Более того, воспользовавшись тем, что царские войска, оставив во взятых ливонских городах небольшие гарнизоны, ушли на зимние квартиры, коадьютор ландмейстера Тевтонского ордена в Ливонии И.В. фон Фюрстенберга Г. Кеттлер предпринял осенью 1558 г. контрнаступление. И тогда в Москве, стремясь избежать дальнейшей эскалации конфликта, решили еще раз крепко вразумить ливонцев демонстрацией русской военной мощи.

«Того же году (7067, то есть 1558–1559. – В. П.), месяца декабря, отпустил царь и великий князь на Ливонских Немец воиною царевича Тахтамышша да бояр своих и воевод по полком», – сообщал неизвестный русский летописец⁸. Конечно, собрать рать на границах с Ливонией быстро было невозможно, и очевидно, что сбор этот был связан с действиями Кеттлера. Получив известия о его наступлении, в Разряде начали спешно готовить отпор, рассылать грамоты на места, «чтоб дети боярские были готовы и запас себе пасли на всю зиму и до весны и лошади кормили» с указанием «по которым местом государским людем збиратися и на которой срок»⁹. С завершением осенней распутицы в ноябре 1558 г. ратные люди начали стягиваться к назначенным местам сбора и, надо полагать, к концу ноября все было готово к выступлению. Однако Иван Грозный не торопился отдавать приказ о начале похода, рассчитывая

добиться своих целей без кровопролития и излишнего напряжения сил. Еще в ноябре 1558 г. он отправил ливонцам грамоту, в которой обвинил последних в том, что они не исполнили взятых на себя обязательств и теперь он, русский царь, намерен «искать с них за неправды и за нарушение крестного целования, сколько ему Бог поможет». Виновниками же пролития крови, писал царь, будет не он, а «лутчие» «ливонские люди»¹⁰.

Ответом на эту недвусмысленную угрозу было молчание. Однако и тогда Иван не сразу отдал приказ перейти границу. В ответ на обращение датских послов не доводить дело до войны Иван согласился еще раз предложить ливонцам разрешить кризис миром и отправил грамоту в Юрьев (Дерпт) к тамошнему русскому наместнику воеводе князю Д.И. Курлятеву. В ней он «велел послати от себя к маистру, чтобы государю царю бил челом и исправился во всем, а кровь бы христианская неповинная в том не разлилася»¹¹. Однако магистр ответа не дал, и тогда царь отдал приказ воеводам с ратью «йти воиюно к Риге» и «велел им государь воевати дороги и, где маистр их встретить, велел дело свое земское с ним делати, сколько им милосердый Бог помочи подаст»¹².

Каким был состав царского войска и его примерная численность? С. Хеннинг в своей хронике писал о 130 тыс. свирепых и диких воинов, вторгшихся в ливонские пределы¹³. Безусловно, это цифра ни в коем случае и близко не соответствует действительности, а является плодом вымысла хрониста, желавшего подчеркнуть апокалиптический размах бедствия, обрушившегося на Ливонию¹⁴. Также преувеличением, на наш взгляд, является и 50-тыс. войско, о котором сообщил взятый ливонцами в плен некий слуга *boуагепп'а Federin'a* и о котором писал А.И. Филюшкин, или 40-тыс. рать из письма датских послов¹⁵. Почему? Попытаемся обосновать свою точку зрения.

К сожалению, ни русские летописи, ни разрядные книги не сообщают нам, сколько детей боярских, стрельцов и казаков было в подчинении у воевод, однако в разрядах этого похода содержится точная информация не только о воеводах и полках, но и числе сотенных голов под началом каждого воеводы. Проанализируем эту информацию.

Согласно разрядам, рать составили пять полков. Перечислим их. Ядро рати составлял Большой полк под началом воевод князя С.И. Микулинского и боярина П.В. Морозова, а также «царевич»

Тохтамыш со своим двором. На усиление этого полка были посланы также раковорские воеводы князь М.П. Репнин и С.С. Нарматцкий и «наряд» (артиллерия) под командой Г.И. Заболоцкого¹⁶. Кстати, этот наряд был «лехким», что подчеркивают источники с «той» стороны. Датские послы в письме своему королю 19 февраля сообщали, к примеру, что русские в ходе своего рейда не взяли ни одной крепости, поскольку не имели никаких орудий (*geschutz*), и в орденской переписке также подчеркивается, что у русских нет настоящих пушек (*geschutz*), а есть лишь *kleine stuklein feltgeschutz* или *Falckenetell*. И еще одна деталь, касающаяся «наряда» – взятые русскими воеводами в поход легкие пушки были установлены на салазках¹⁷. Отметим также, что под началом воевод Большого полка находилось 16 сотенных голов¹⁸.

В Передовом полку, которым руководили воеводы князь В.С. Серебряный и Н.Р. Юрьев, было 9 сотенных голов. Кроме этого, в его состав входили также люди из гарнизона Острова с воеводой Ф.В. Шереметевым во главе, а также князь А.П. Телятевский с двором бывшего казанского царя Шах-Али (Шигалея) и Б.И. Сукин «с казанскими з горными и с луговыми людми». В полку Правой руки под началом воевод князя Ю.И. Кашина и И.В. Меньшого Шереметева было 8 голов, а также юрьевский воевода князь П.Д. Щепин, Р.В. Алферьев со служилыми татарами и А.Т. Михалков с татарами-новокрещенами. Воеводы полкалевой руки князь П.С. Серебряный и И.А. Бутурлин командовали 7-ю головами и еще им подчинялись другой юрьевский воевода М.П. Головин и Г.Н. Сукин «с темниковскими и с ценскими людьми». И, наконец, остался Сторожевой полк, самый небольшой по численности, в котором под началом воевод боярина М.Я. Морозова и Ф.И. Салтыкова «ходили» 7 голов и «кадомские люди» князя С.Д. Гагарина¹⁹.

Таким образом, если подвести общий итог, то выходит, что под началом 10 полковых воевод находились 47 «сотенных» голов, 5 городских воевод со своими людьми, татары и «наряд». Согласно росписям Полоцкого «государева» похода четырьмя годами позднее в «государевом» полку «сотни» насчитывали от 200 до 96 детей боярских²⁰, но это было мероприятие, несравнимое по масштабам с походом 1559 г., и очевидно, что «сотни», отправившиеся в Ливонию под началом С.И. Микулинского и П.В. Морозова, явно были меньшей численности. И если полагать, что каждого сына боярского сопровождал в походе хотя бы один послужилец (а в Ливонию

отправили лучших детей боярских, способных выступить «на государево дело и на земское» по меньшей мере о-двуконь, а то и с тремя конями, как татары в 1556 г.²¹, а также «людно и оружно»), то можно смело предположить, что поместной конницы с воеводами было порядка 9–10 тыс. (и еще с «лехким кошем с ествою», т.е. обозом, их сопровождали около 4–5 тыс. обозной челяди «с юки»).

По аналогии с Полоцким походом можно прикинуть верхний предел численности и татарских контингентов в походе 1559 г. Новокрещенов и выезжих татар под Полоцк отправилось 150 чел., «цненских князей, и мирз, и казаков, и людей их, и мордвы» 232 чел., «кадомских князей и мирз и казаков» 825, «казанских людей» 226, «свияжских» 478 и «чебаксарских» 236 чел. Шигалеев двор насчитывал в кампанию 1562–1563 г. 688 чел., «темниковские люди Еникей князь с товарищи и с их людми» 369 чел., служилые татары еще 600 чел. Остается еще двор «царевича» Тохтамышша, о численности которого в росписи нет сведений, но он явно не превышал двух, максимум трехсот человек²². В сумме мы имеем около 4 тыс. человек и совершенно точно, что больше этого числа в зимнюю кампанию 1559 г. быть не могло, и, учитывая, что татары активно участвовали в предыдущих вторжениях в Ливонию, то можно смело уменьшить полученную цифру вдвое. Таким образом, вместе с татарами и конными же детьми боярскими из Юрьева и Раковора конный компонент русской рати составлял около 12 тыс. комбатантов. Остается пехота – стрельцы и казаки, посаженные на конь (или на сани – по аналогии с кампанией 1565 г., когда из Москвы на берег были высланы стрельцы на телегах²³) для скорости передвижения²⁴. Упоминавшийся выше пленный на допросе показал, что в Передовом полку было 600 конных «hakenschutzens»²⁵, другой пленник на допросе показал, что в Большом полку было 1 тыс. «hakenschutzens» и еще 200 татар (надо полагать, что речь шла о татарах Тохтамышша). И, принимая во внимание, что Большой полк по численности примерно вдвое превышал все остальные взятые порознь, то если взятый в плен русский ратник и преувеличил численность рати князя Микулинского, определив ее как 20 тыс., это преувеличение не так уж и велико²⁶. Таким образом, можно с высокой степенью уверенности предположить, что русское войско насчитывало около 18–20 тыс. чел. вместе с кошевыми, которые также были вооружены. И хотя это не 130 тыс. «wütenden Horde» Хеннинга и не 50 тыс. слуги Federin'a, тем не менее, 20-тыс. рать

по тем временам, особенно по ливонским меркам, представляла более чем серьезный «ultima ratio regis».

Кстати, численность русского войска позволяет понять, почему оно вторглось в Ливонию 7-ю колоннами²⁷. При конном войске в 18–20 тыс. чел. должно было быть не меньше 40 тыс. лошадей, а то и больше, а обеспечить 40–50 тыс. лошадей фуражом даже в достаточно густонаселенной Ливонии было бы весьма проблематично, если бы такое войско двигалось по одной – двум дорогам, не говоря уже о том, что широкий фронт наступления, позволяя подвергнуть опустошению значительную по площади территорию, способствовал тем самым не только дальнейшему падению военного потенциала как Ордена, так и Рижского архиепископства, но и давал возможность детям боярским и татарам поживиться за счет захвата полона и «животов», а этот мотив был отнюдь не последним в их мотивации на участие в войне. Успешные, добычливые походы способствовали поднятию морального духа и еще большему рвению на службе государю. Напротив, неудачи, малая добыча или, паче того, потери, вели к снижению заинтересованности царских ратников в дальнейшем участии в боевых действиях, на что обращал внимание, к примеру, А.И. Филюшкин при анализе «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского²⁸, и, как следствие, падению боеспособности поместной конницы.

Несколько слов о времени самого похода. А.Л. Хорошкевич писала, что «военная тактика России на западе исходила из традиций антиордынских и антиказанских походов, совершавшихся исключительно в летнее время»²⁹. Ниже, правда, она оговорила, что бывали и исключения, например, лыжный поход князя С. Курбского за Урал в 1499 г., однако если проанализировать разрядные записи, то нетрудно заметить, что зимние кампании для русских отнюдь не были в новинку. Лишь несколько примеров. Еще отец Ивана Грозного Василий III зимой 1512–1513 г. предпринял грандиозную военную экспедицию против Смоленска. Зимой 1534–1535 г. русская рать предприняла опустошительный поход в пределы Великого княжества Литовского, сам Иван Грозный дважды ходил на Казань зимой, прежде чем взял ее осенью 1552 г., и, наконец, походу князя Микулинского предшествовал опустошительный набег русских и татар на Ливонию зимой 1558 г. Так что зимние походы для русских и татар вовсе не были нечто из ряда вон выходящим, и, кстати говоря, английский дипломат Р. Ченслер,

говоря о невероятной выносливости русских и их способности переносить тяготы военного времени, писал, что «никакой холод их не смущает, хотя им приходится проводить в поле по два месяца в такое время, когда стоят морозы и снега выпадает более, чем на ярд». И далее он, обращаясь к своим читателям, спрашивал: «Много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы месяц»³⁰.

И выбор времени оказался верным. Ливонцы, как и год назад, несмотря на неизбежность русского ответа на осенний контрудар Кеттлера, оказались неготовы к отпору, поскольку собрать распущенные по завершению осенней кампании отряды наемников быстро оказалось невозможным, а имевшихся в распоряжении Кеттлера крайне немногочисленных сил, разбросанных по отдельным замкам и городкам и отделенных друг от друга, как доносили датские дипломаты своему королю ³¹, 10, 20, 30 и 40 милями, сил оказалось недостаточно для того, чтобы противостоять наводнившим орденские и архиепископа Рижского земли русским и татарским отрядам.

Итак, после того, как попытки разрешить проблему путем возобновления переговоров оказались безуспешны, Иван Грозный пустил в дело свой самый веский довод. 15–16 января 1559 г. передовые отряды рати С.И. Микулинского перешли рубежи, отделявшие занятые русскими владения дерптского епископа от земель Ордена и рижского архиепископа, а 17-го числа в движение пришли главные силы «wütenden Horde»³². Вторжение началось.

Дальнейший ход событий можно проследить, взяв за основу переписку должностных лиц Ордена, письма датских послов, направлявшихся в Москву и застигнутых набегом в Ливонии, и «рапорт», отправленный воеводами царю по возвращению из похода³³. Анализ этих источников рисует следующую картину событий. Наступление шло широким фронтом – выше уже отмечалось, что, согласно ливонским источникам, русские перешли границу 7-ю колоннами. Главные силы (согласно показаниям взятых в плен одного *bawren* и двух рядовых русских ратников, 18 тыс. при 4-x *stucke kleinss geschutzes*³⁴) двинулись вдоль левого берега реки Аа (нынешняя Гауя) по хорошо известному царским воеводам так называемому Гауйскому коридору (по крайней мере, до Вендена, поскольку именно здесь русские купцы должны были выгружать свои товары, а далее русских должны были вести взятые ими прежде

пленники-проводники ³⁵) в юго-западном направлении на Ригу. Другая часть русского войска (Передовой полк, по показаниям пленных – 7 тыс. с 4-мя фальконетами ³⁶) вторглась в орденские земли восточнее, со стороны Нойгаузена, и начала продвигаться в южном направлении к Мариенбургу (совр. Ауксте) и далее к Шваненбургу (совр. Гулбене). Со стороны Изборска тремя днями после Передового полка в орденские владения вступил еще один 7-тыс. (по показаниям пленных) русский отряд, также двинувшийся к Шваненбургу ³⁷.

Судя по орденской переписке, образ действий русских мало чем отличался от классического описания зимнего татарского набега, которое дал француз Г.Л. де Боплан ³⁸. Держа главные силы в кулаке и медленно продвигаясь к намеченным целям, воеводы после перехода границы «роспустили войну» и, отправляя во все стороны небольшие, от 20 до 50, редко до сотни всадников, отряды «в зажитье», разрешили им добывать провиант и фураж, брать пленников, жечь и грабить все и вся без каких-либо ограничений ³⁹. Не имея тяжелой артиллерии, русские отнюдь не стремились штурмовать многочисленные орденские замки и укрепленные города на своем пути, что отмечали, к примеру, датские послы в своем письме королю Христиану ⁴⁰, ограничиваясь тотальным опустошением их округи. Как писали сами воеводы в своей «отписке», они со своими ратными людьми «шли в Немецкую землю к Альсту немецкому городку и к Голбину и к Чесвину и воевали поперег верстах на семидесяти, инде и на сто... Да шли к Ровному да мимо Кесь, и Кеские места воевали, да к Риге...»⁴¹. Фюрстенберг, Кеттлер и рижский архиепископ, находившиеся тогда в Риге, ничего не могли противопоставить русским, поскольку (опять же сошлемся на датчан) располагали мизерными силами – 2 сотнями «коней» и немногочисленными кнехтами, стоявшими гарнизонами в отдельных замках ⁴². Поэтому они были вынуждены эвакуировать некоторые замки и города, не в силах защитить их, а все их попытки дать отпор безжалостно опустошавшим орденские и архиепископские владения русским свелись к нескольким стычкам (scharmutzell), в которых успех сопутствовал то одной, то другой стороне ⁴³. Единственное более или менее крупное столкновение русских и ливонцев имело место в последних числах января под Тирзеном (совр. Тирза), где с ратниками Передового полка столкнулся выступивший из Зессвегена-Чествина (совр. Цесвайне)

небольшой отряд орденов рыцарей и кнехтов рижского архиепископа под началом Ф. Фелькерзама (по сообщению псковского летописца, 400 чел.)⁴⁴. Видимо, немцы попытались атаковать рассыпанные по округе отряды русских и татарских всадников, но из охотников превратились в добычу, попали под удар главных сил В.С. Серебряного и Н.Р. Юрьева и были полностью уничтожены. «И от Чествина пришли немецкие люди на передовой полк, – писали воеводы царю, – и передовым полком побили их на голову и воевод немецких Гедерта и Гануса побили, а третьего Янатува взяли, печатника арцъбискупова, и всех мызников лутчих взяли живых тритцать четыре человеки»⁴⁵. Взятые в плен немецкие рейтары и кнехты, «благородные и неблагородные», вместе с другими такими же пленниками были доставлены в Псков 12 февраля 1559 г., откуда их отправили дальше в Москву. «Помоги им Бог», – восклицал по этому поводу М. Фриснер, сообщивший эту новость герцогу Финляндскому Юхану⁴⁶.

Выполняя царский наказ⁴⁷, русские полки огненным валом («а война их (т.е. царских воевод. – В. П.) была вдоль к Риге и от Риги к рубежю на штисот верстах, а поперег на полторехъстех, а инде на двусот верстах»⁴⁸) прокатились по ливонским землям и вышли 31 января к Риге, в окрестностях которой продолжали жечь, грабить и убивать три дня, попутно спалив вмерзшие в лед под Динамюнде несколько судов, в том числе два больших любекских «купца»⁴⁹. Рижане были в панике. Еще при подходе русских они сожгли предместье-форштадт, не надеясь его отстоять, да и сами укрепления города были ветхи и слабы, равно как и его гарнизон. Одному Fahne из его состава в количестве 300 архиепископских рыцарей удалось во время одной вылазки застичь врасплох русский отряд численностью в 120 всадников, действовавший в одной миле от Риги, и разбить его, но это отнюдь не помешало другим русским отрядам продолжать опустошения⁵⁰.

Разорив окрестности Риги, русские полки повернули на восток, двигаясь «вверх по Двине по обе стороны Двины х Курконосу», при этом отдельные отряды прошлись южнее, достигнув прусской и литовской границ (согласно разрядным записям, царские полки «воевали» «за рекою за Двиною курляньские места»)⁵¹. В Риге полагали, что причиной отступления русских от плохо укрепленного города были известия о том, что на помощь магистру и рижскому архиепископу идет герцог Х. фон Мекленбург с 4 тыс. «schwartzte

Reuther» (на самом деле он пришел с 372 рейтарами)⁵². Датские послы могли приписывать спасение Риги себе, поскольку по их ходатайству Иван Грозный решил отозвать свои полки из орденских и архиепископских земель и начать переговоры с ливонцами⁵³. Однако, учитывая время, когда была подписана эта грамота, и время ее доставки в Юрьев, можно с уверенностью утверждать, что это явно не заслуга датчан – русский царь решил, что должный урок ливонцам был преподан, дело сделано, и можно предложить неприятелю переговоры.

Так или иначе, но с отходом от Риги война не закончилась – как уже было отмечено выше, царское войско повернуло домой другим маршрутом, подвергнув опустошению земли в Подвинье, и 17 февраля вышло к Опочке и Вышгороду на Псковщине «дал Бог, здорово», «а плену бесчисленно множество выведоша». В своей «отписке» воеводы похвалялись, что они не только опустошили все неприятельские земли между реками Аа, Эвст (совр. Айвиекте) и Западная Двина, но и сожгли 11 немецких «городков», которые «покинули немцы да выбежали», из брошенных «городков» «наряд и колоколы и иной всякой скарб вывезли, а городки пусты пометали, потому что не с рубежа». Список взятых городов и замков выглядит внушительно и наглядно показывает маршрут, по которому прошли русские войска – Миклин, Рекот (Трикатен, совр. Триката), Пиболда (Пебалг, совр. Вецпиебалга), Зербин (Зербен, совр. Дзербене), Скуян (Шуен, совр. Скуене), Ерль (Эрлаа, совр. Эргли), Радопожь (Роденпойс, совр. Ропажы), Нитоур (Нитау, совр. Нитауре), Сундеж (Сунцел, совр. Сунтажи), Малопольс (Лембург, совр. Малпилс), Новый городок (Нойенбург, совр. Яунпилс – ?). Успешные действия воевод и их ратников были отмечены Иваном Грозным, который «к воеводам послал с жалованием»⁵⁴.

Подведем общий итог. Как справедливо отмечал А.И. Филюшкин, зимняя кампания 1559 г., как и предыдущая такая же годом ранее, «не имела своей целью захват и освоение территории, но запугивание населения, уничтожение военной силы и экономических центров, нарушение работы местной администрации и общее опустошение и разорение»⁵⁵. Правда, согласиться с мнением историка относительно того, что ливонцы не имели опыта столкновения с подобной стратегией, на наш взгляд, нельзя. И в предыдущих конфликтах на этом ТВД обе стороны активно использовали аналогичные приемы ведения войны. Другое дело, что и в 1558,

и в 1559 гт. масштаб вторжений существенно превышал тот, с которым раньше имели дело ливонцы, потому и характер опустошений оказался более значительным. Времена Плеттенберга безвозвратно прошли, и противопоставить что-либо равнозначное этим подлинным нашествиям ни Орден, ни рижский архиепископ, ни прочие местные владетели, не доверявшие и враждовавшие друг с другом, не могли, и осознание своего военно-политического бессилия толкнуло их в объятия Литвы, Дании и Швеции. И выходит, что, одержав убедительную военную победу, Иван Грозный потерпел дипломатическую неудачу – успешная военная демонстрация не достигла своей политической цели.

¹ Хоскинг Дж. Россия и русские. Т. 1. М., 2003. С. 156.

² Королюк В.Л. Ливонская война. М., 1954.

³ Филошкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М., 2010. С. 80–94.

⁴ См., например: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 177; Королюк В.Л. Указ. соч. С. 39–40; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 132; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Соловьев С.М. Кн. III. М., 1989. С. 492.

⁵ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 238.

⁶ Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. М., 2009. С. 154–155; Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. I. Борьба за Ливонию. СПб., 1893. С. 104–106; Filjushkin A. Ivan the Terrible: a Military History. L., 2008. P. 162–164.

⁷ Из русских источников заслуживают внимания прежде всего разрядные книги (например: Разрядная книга (далее – РК) 1475–1598. М., 1966. С. 176–177; РК 1475–1605. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 38–42) и летописи (например: Лебедевская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 275–276, 278); из ливонских – материалы, собранные и опубликованные Фр. Бинеманном (Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562 (далее – Briefe). Bd. II. 1557–1559. Riga, 1867) и К. Ширреном (например: Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Curlands (далее – Archiv). Neue Folge. Bd. III. Reval, 1863; Bd. X. Reval, 1884).

⁸ Лебедевская летопись. С. 274.

⁹ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562–1563 года // Русский дипломатический. Вып. 10. М., 2004. С. 120, 122.

¹⁰ Щербачев Ю.Н. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690. М., 1893. С. 25.

¹¹ Лебедевская летопись. С. 275; Щербачев Ю.Н. Указ. соч. С. 25–26.

¹² Летописный список, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (далее – Никоновская летопись) // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 314.

¹³ Henning S. *Lifflendische Churlendische Chronica von 1554 bis 1590*. Riga, 1857. S. 36. См. также: Renner J. *Livländische Historien*. Göttingen, 1876. S. 229.

¹⁴ Правда, отметим, справедливости ради, что у Хеннинга были основания писать о таком тьмочисленном воинстве московитов. Так, кормейстер Вендена сообщал 24 января 1559 г. магистру В. Фюрстенбергу, что, согласно показаниям пленных, на границе с орденскими владениями стоит 100 тыс. татар, а Г. Кеттлер со слов пленного русского писал 5 февраля того же года о 130-тыс. войске, грабящем, сжигающем и убивающем все на своем пути (Archiv. Bd. X. S. 28; Briefe. S. 248).

¹⁵ Archiv. Bd. X. S. 27, 47; Filjushkin A. *Op. cit.* P. 163.

¹⁶ Согласно показаниям некоего Петра, взятого в плен послужилыца новгородского сына боярского Адриана Кикина, князь М.П. Репнин имел 3 тыс. ратников, но, надо полагать, пленник имел в виду численность всего гарнизона Раковора. Между тем согласно царскому наказу, Репнин вместе с Нарматцким должен был уйти в поход, а еще двое воевод оставались удерживать город (РК 1475–1605. Т. II. Ч. I. С. 31; Archiv. S. 30). Поэтому можно смело предположить, что с Репниным было не более 1–1,5 тыс. чел.

¹⁷ Archiv. Bd. X. S. 30, 47.

¹⁸ РК 1475–1598. С. 175–176; РК 1574–1605. Т. II. Ч. I. С. 39–41.

¹⁹ Там же. С. 176–177. РК 1574–1605. Т. II. Ч. I. С. 39–42. Ср.: РК 1550–1636. Т. I. М., 1975. С. 79–81. Псковская летопись упоминает еще и черкасских князей, ходивших в этот поход, а Лебедевская уточняет, что они были в Передовом полку (Лебедевская летопись. С. 275; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 237).

²⁰ Баранов К.В. Указ. соч. С. 133–134.

²¹ Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ). Т. I. СПб., 1846. С. 129. Согласно показаниям пленников, каждый русский ратник имел по две лошади и был хорошо экипирован (Archiv. Bd. X. S. 30; Briefe. S. 241).

²² Баранов К.В. Указ. соч. С. 126–128.

²³ РК 1475–1605. Т. II. Ч. I. С. 183.

²⁴ Практика передвижения пищальников, казаков, а потом и стрельцов на лошадах к тому времени стала стандартным приемом. См., например: ДАИ. Т. I. С. 130, 154.

²⁵ Archiv. Bd. X. S. 27.

²⁶ Briefe. S. 241.

²⁷ Archiv. Bd. X. S. 27; Briefe. S. 240.

²⁸ См.: Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский. СПб., 2007. С. 37.

²⁹ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 222.

³⁰ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2007. С. 76–77. «А зима 1558–1559 г. была “добре стоудена”» (Псковская 3-я летопись. С. 238).

³¹ Archiv. Bd. X. S. 39.

³² Лебедевская летопись. С. 276; Псковская 3-я летопись. С. 238; Briefe. S. 246.

³³ См., например: Никоновская летопись. С. 317.

³⁴ Archiv. Bd. X. S. 28.

³⁵ Скутанс Г. Гауйский коридор: северо-восточное направление Рижских торговых связей в XII–XVI вв. // Староладожский сборник. Вып. 4. СПб.: Старая Ладога, 2001. Ст. 54–56. О многочисленных проводниках из числа взятых ранее

пленных «немцев и не-немцев» есть упоминания в переписке должностных лиц Ордена. См., например: Archiv. Bd. X. S. 27, 30.

³⁶ Archiv. Bd. X. S. 27.

³⁷ Ibid.

³⁸ Боплан Г.Л. де. Описание Украины. М., 2004. С. 219, 221, 227, 229, 231, 233, 235, 237. Кстати, Боплан подчеркивал, что «их (то есть татар. – В. П.) вступление на вражескую землю происходит обыкновенно в начале января, всегда в зимнее время, чтобы не иметь никаких преград в дороге; болота и реки не могут им препятствовать продвигаться во всех направлениях...» (Там же. С. 227).

³⁹ См., например: Archiv. Bd. X. S. 30.

⁴⁰ Ibid. S. 47.

⁴¹ Никоновская летопись. С. 317.

⁴² Archiv. Bd. X. S. 39.

⁴³ См., например: Archiv. Bd. III. S. 103, 121; Bd. X. S. 39. Один такой эпизод, в котором где-то в Курляндии, возле границы орденских владений с землями Великого княжества Литовского (скорее всего, за Двиной, юго-западнее Риги) русский разведывательный «загон» захватил врасплох и перебил шедших из Даницга немецких наемников, положив на месте 21 кнехта и 1 взяв в плен, позднее был раздут ливонским хронистом И. Реннером до эпических размеров. В его изложении ландскнехты, вооруженные мушкетами, отразили несколько атак русских, убив при этом больше сотни нападавших, а потом, когда придорожный трактир, в котором они были застигнуты, загорелся, вышли из него и пали в рукопашной схватке с неприятелем (См.: Renner. Op. cit. S. 232).

⁴⁴ Псковская 3-я летопись. С. 238; Hiärn T. Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte // Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. I. Riga, Dorpat und Leipzig, 1835. S. 220. Часто встречающаяся датировка этого боя 17 января является, судя по всему, неточной (См., например: Волков В.А. Указ. соч. С. 177). Во всяком случае, в опубликованной орденской переписке, датированной до 26 января 1559 г., он не упоминается.

⁴⁵ Никоновская летопись. С. 317.

⁴⁶ Archiv. Bd. III. S. 122.

⁴⁷ О наказе см.: Archiv. Bd. X. S. 27, 29–30; Briefe. S. 240.

⁴⁸ Никоновская летопись. С. 317.

⁴⁹ Там же. Archiv. Bd. III. S. 120; Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. IV. Riga und Leipzig, 1844. S. CXII, 112–113.

⁵⁰ Форстен Г.В. Указ. соч. С. 106; Archiv. Bd. X. S. 39.

⁵¹ Никоновская летопись. С. 317; PK 1475–1605. Т. II. Ч. I. С. 40.

⁵² Archiv. Bd. III. S. 103–104, 120–121.

⁵³ Щербачев Ю.Н. Указ. соч. С. 29.

⁵⁴ Никоновская летопись. С. 317.

⁵⁵ Filjushkin A. Op. cit. P. 164.

А.А. Петров (Москва)

УЧАСТНИКИ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ

В РЯДАХ Белого движения сражались за традиционную национальную Россию представители нескольких поколений, участники всех войн, которые вела Российская империя в конце XIX – начале XX в. Самым старшим из этих поколений было то, что успело попасть на поля русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Во время этой войны за освобождение славянских народов Балканского полуострова Россия пережила мощный патриотический подъем; большинство молодых офицеров, ее участников, были воодушевлены идеей борьбы за свободу своих «единокровных и единоверных братьев» – сербов и болгар. Но эти же убеждения (если они не изменились с течением жизни) должны были естественным образом в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. привести их в ряды Белого движения.

С другой стороны, чисто физически, это поколение было представлено людьми, родившимися между 1850 и 1860 гг. В 1920 г. им было от 60 до 70 лет – весьма преклонный возраст. Несомненно, все представители рядового офицерства (не говоря уже о лицах, избравших мирные профессии) давно вышли в отставку; на службе оставались лишь те, кто дослужился до генеральских чинов и занимал достаточно высокие посты в армейской иерархии. На фронтах Первой мировой войны таких было довольно много, но в Гражданскую войну, в Белом движении – гораздо меньше. Это связано с тем, что организм среднего человека в 60 лет уже не мог выдерживать нагрузок походной жизни, к тому же их здоровье было дополнительно сильно подорвано на фронте Первой мировой. Чтобы понять, насколько немолоды были эти люди, достаточно отметить,

что среди признанных вождей Белого движения участником русско-турецкой войны был генерал М.В. Алексеев (1857 г. рождения, произведен в офицеры в 1876 г.), в то время как Л.Г. Корнилов (1870 г. рождения, произведен в офицеры в 1892 г.) и Н.Н. Юденич (1862 г. рождения, произведен в офицеры в 1881 г.) таковыми не являлись.

Ниже приводятся краткие биографии наиболее видных представителей этого поколения, с тем, чтобы провести хотя бы самый общий анализ основных, присущих им, черт.

Следует отметить, что сразу нескольких будущих участников Белого движения побывало во время русско-турецкой войны в ординарцах у знаменитого «Белого генерала» М.Д. Скобелева. Первым, разумеется, необходимо назвать бессменного скобелевского ординарца, а затем – адъютанта Дмитрия Константиновича Абациева.

Осетин по происхождению, Абациев родился 3 декабря 1857 г., в службу вступил в 1876 г. простым казаком и почти сразу же попал в ординарцы к Скобелеву. С ним Дмитрий Константинович прошел всю русско-турецкую войну, получил за храбрость три степени Знака отличия Военного ордена и чин прапорщика. По окончании войны выдержал экзамен на офицерский чин, сопровождал Скобелеву во время Ахал-Текинского похода, при штурме Геок-Тепе в 1881 г. был ранен и награжден Золотым оружием. После смерти Скобелева переведен в Собственный Его Императорского Величества Конвой, в котором и прослужил вплоть до 1904 г. На русско-японскую войну вышел в чине полковника и на войне командовал Уссурийским казачьим полком, за отличие был произведен в генерал-майоры. Первую мировую войну встретил генерал-лейтенантом и начальником 2-й Кавказской казачьей дивизии. Командовал Эриванским отрядом, а затем – 6-м Кавказским корпусом; за ночной штурм Битлиса в 1916 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. Был представлен к чину генерала от кавалерии, но утверждение в этом чине последовало в 1919 г. К Добровольческой армии Дмитрий Константинович присоединился в конце 1918 г., но по состоянию здоровья строевых должностей занимать уже не мог. Он участвовал в формировании новых частей из горцев и с июня 1919 г. являлся почетным представителем горских народов при Командующем войсками Северного Кавказа. Эмигрировал в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, жил в Белграде.

Приказом начальника 4-го отдела РОВС (им являлся также участник русско-турецкой войны генерал Экк) 2 апреля 1930 г. был назначен председателем суда совести и чести для генералов. Скончался Абациев 4 июня 1936 г. в возрасте 78 лет ¹.

Другим ординарцем Скобелева во время войны относительно недолгое время являлся будущий Начальник штаба Верховного главнокомандующего (с августа 1915 г.), а затем – Верховный главнокомандующий русской армии в марте-мае 1917 г., генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. В рамках данной статьи нет смысла пересказывать всю его биографию. Отметим лишь, что он родился 3 ноября 1857 г., в 1876 г. окончил Московское пехотное юнкерское училище и был выпущен прапорщиком в 64-й пехотный Казанский полк, в рядах которого и принял участие в войне с турками. Под Плевной полк действовал в составе отряда Скобелева, который и взял в какой-то момент молодого офицера к себе в ординарцы. Алексеев был ранен, по окончании войны произведен в подпоручики, а также награжден орденами Св. Анны 4-й ст. и Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом. Далее последовала Академия Генерального штаба, участие в русско-японской войне, Первая мировая и, как венец его жизни, – создание Добровольческой армии, в которой Михаил Васильевич принял на себя гражданское и финансовое управление, а также все внешние сношения. К этому времени он уже был тяжело болен, так что непосредственно вести армию в бой пришлось генералам Л.Г. Корнилову и А.И. Деникину. После гибели Корнилова Алексеев принял пост Верховного руководителя армии и продолжал нести все прежние обязанности вплоть до своей смерти 8 ноября 1918 г. ² При всей несхожести биографий Абациева и Алексева, их жизненный путь от ординарцев «Белого генерала» до белых генералов Гражданской войны представляется совершенно закономерным.

Возможно, ординарцем Скобелева являлся также и граф Федор Артурович Келлер. Родившийся 12 ноября 1857 г., он к началу 1877 г. был «выпущен из 7-го класса» подготовительного пансиона Николаевского кавалерийского училища и готовился к поступлению в это училище. Но известие о начале войны резко изменило его планы, и он предпочел вместо училища поступить вольноопределяющимся в 1-й Лейб-драгунский Московский Его Величества полк. С драгунами молодой Келлер прошел всю войну, заслужив Знаки отличия Военного ордена 3-й и 4-й степени. Впоследствии,

когда его спрашивали, за что он получил эти награды, Федор Артурович, смеясь, отвечал: «Сам не знаю за что! Первый крест получил по своей неопытности: ординарцем вез приказание и вместо штаба наскочил на турецкий окоп. Турки обстреляли меня, а начальство увидело и наградило. А второй крест за то, что проскакал горящий мост. Вот и все!»³

Однако в первом случае дело происходило в разгар сражения при Шейново, 28 декабря 1877 г. Московский драгунский полк находился в составе отряда Скобелева, начальником штаба которого являлся дядя Федора Артуровича, полковник Федор Эдуардович Келлер (погибший в русско-японскую войну). Так что ординарцем вольноопределяющийся Келлер, скорее всего, состоял либо при дяде, либо при самом Скобелеве. Если же учесть, что атака Скобелева (приведшая в итоге к полному разгрому и пленению армии Весселя-паши – 31 тысячи человек при 104 орудиях) должна была быть согласована с атакой отряда Н.И. Святополк-Мирского, обходившего турок с другого фланга, – история о молодом ординарце, промчавшемся чуть ли не по турецким позициям, но доставившем донесение в срок и по назначению, предстает в совершенно ином свете. Второй же крест Ф.А. Келлер получил за бой 2 января 1878 г., когда три полка 1-й кавалерийской дивизии генерала Струкова (включая и Московских драгун) внезапным налетом захватили станцию Семенли, отрезав армию Сулеймана-паши от Адрианополя. В полковой истории Московских драгун упоминается и эпизод с горящим мостом. Это дело произошло на следующий день, 3 января, когда рано утром Струков с авангардом в составе эскадрона Его Величества и одного взвода 4-го эскадрона Московского драгунского полка выдвинулся к станции Трнов. Оказалось, что подход к ней возможен лишь по железнодорожному мосту через р. Марицу, который к тому же прикрывает установленная на другом берегу, на кургане, турецкая батарея. При виде показавшихся драгун турки немедленно зажгли мост. Его настил занялся мгновенно, однако драгуны эскадрона спешили и бросились на мост. Им удалось не только сбить пламя, но и захватить брошенные турками пушки. Благодаря этому самоотверженному рывку мост был спасен, частично сгоревший настил быстро починен, и полк смог продолжить свое стремительное движение к г. Адрианополь, который и был занят без боя 8 января⁴.

Таким образом, подвиги молодого Келлера отнюдь не были анекдотическими. По окончании войны он был произведен в прапорщики, выдержал экзамен на офицерский чин и продолжил службу в различных полках русской кавалерии. Первую мировую войну он встретил начальником 10-й кавалерийской дивизии и с нею, а затем с 3-м кавалерийским корпусом (который возглавил в апреле 1915 г.) Федор Артурович стяжал славу лучшего кавалерийского начальника русской армии, чин генерала от кавалерии, ордена Св. Георгия 4-й и 3-й степени, Георгиевское оружие. Отличный наездник, виртуозно владевший саблей и пикой, граф Келлер выглядел гораздо моложе своих лет. Он лично участвовал в боях и в 1916 г. был ранен. Будучи убежденным монархистом, он отказался присягать Временному правительству, вышел в отставку и поселился на Украине. Те же убеждения помешали генералу присоединиться к Добровольческой армии, исповедовавшей «непредрешенство». Келлер искал возможность присоединиться к Белому движению под близким ему монархическим знаменем, поэтому он принял предложение возглавить начавшую формироваться в Пскове Северную добровольческую армию. Однако прибыть к своим новым подчиненным ему было не суждено: на Украине началось восстание против власти гетмана П.П. Скоропадского, и последний 5 ноября 1918 г. назначил Келлера Главнокомандующим всеми войсками на территории Украины. Но после первых же достаточно удачных боев гетман, поддавшись интригам своего окружения, снял Келлера с этого поста, за чем последовало быстрое крушение гетманской власти. Киев был занят войсками С. Петлюры, Федор Артурович был захвачен украинцами и 21 декабря 1918 г. убит конвоем (как было официально объявлено, «при попытке к бегству») на Софийской площади возле памятника Богдану Хмельницкому⁵.

В рядах Белого движения можно найти еще нескольких человек, кто, подобно графу Келлеру и Абациеву, пошел на войну 1877–1878 гг. добровольцем в нижних чинах и свой первый офицерский чин получил уже после войны, за боевые заслуги. Может быть, наиболее прихотливой в этом отношении оказалась судьба черногорского уроженца Йована (по русским документам – Ивана Юрьевича) Поповича-Липоваца. Он родился 14 июня 1856 г. в Черногории и в Россию приехал в 1872 г. для обучения в университете. Но три года спустя, в 1875 г., он оставил учебу, чтобы принять участие в восстании против турок в Боснии и Герцеговине. На следующий

год войну Турецкой империи объявили княжества Сербия и Черногория; Попович-Липовац в рядах черногорского войска участвовал в Вучедольской битве и в сражении при Рогамах. Затем вернулся в Россию и с началом русско-турецкой войны поступил вольноопределяющимся в русскую армию. Был направлен на Кавказ, где в рядах 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка отличился в сражении при Авлиаре, удостоившись Знака отличия Военного ордена 4-й степени. Но особенно отличиться молодому черногорцу довелось 24 октября 1877 г., во время преследования турок, разбитых в сражении на горном хребте Деве-Бойну: Поповичу-Липовацу удалось во главе отряда из сорока человек отрезать и захватить отступающую турецкую батарею – 8 орудий и 32 зарядных ящика. За этот подвиг он удостоился экстраординарной награды: минуя две степени, он был награжден сразу Знаком отличия Военного ордена 1-й степени ⁶.

По окончании войны Попович-Липовац был произведен в офицеры с переводом в Лейб-гвардии Гренадерский полк. Далее он принял участие в Ахал-Текинской экспедиции 1879 г., при неудачном штурме крепости Денгиль-Тепе 28 августа 1879 г. он возглавил команду охотников, получил контузию и удостоился награждения орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Но затем, в 1882 г., он оставил русскую службу, чтобы принять участие в очередном восстании в Боснии и Герцеговине. После его подавления вернулся на родину и поступил на службу к князю Николе Черногорскому, причем стал личным адъютантом князя, а позже – бригадным генералом черногорской армии. Вынужденный покинуть родину после личного конфликта с князем, Попович-Липовац возвращается в Россию и в 1902 г. вновь поступает на русскую службу, получив «для уравнивания со сверстниками» чин полковника. Далее ему удалось отличиться в русско-японскую войну, где он был ранен, награжден Золотым оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст. и произведен за отличия в генерал-майоры.

В 1908 г. Попович-Липовац вышел в отставку, принял участие в Балканских войнах, но с началом Первой мировой войны вновь вернулся на русскую службу и был назначен командиром бригады в 9-й пехотной дивизии. 23 апреля 1915 г. он получил тяжелое ранение в бою на Дуклинском перевале. Его здоровье было сильно подорвано, несмотря на это старый инсургент, «участник семи войн и многочисленных восстаний», принял самое активное участие

в еще одном восстании Бердянского союза Увечных воинов в апреле 1918 г. Восставшим удалось свергнуть советскую власть в г. Бердянске и продержаться до подхода отряда полковника Дроздовского, оказавшего им помощь. Год спустя, в апреле 1919 г., генерал-лейтенант Липовац вместе с семьей эвакуировался из Крыма в момент захвата красными Севастополя. Он прибыл в Париж, но два с половиной месяца спустя, 17 августа 1919 г., скончался там и был похоронен на кладбище Сен-Женевьев де Буа, в полной мере разделив крестный путь представителей русской эмиграции ⁷.

Еще одним человеком, о котором можно твердо сказать, что он остался верен идеалам молодости, был Владимир Карлович Манштейн. 1853 г. рождения, он вступил в службу рядовым 15 августа 1872 г. в 35-й пехотный Брянский полк. С этим полком он участвовал в русско-турецкой войне, получил солдатского Георгия и был произведен за отличия в прапорщики. В Добровольческую армию он пришел глубоким стариком, отставным полковником, со всей семьей, включая сыновей и внуков-кадет. Его сын Владимир, «Безрукий Черт», как его стали называть после тяжелого ранения с ампутацией правой руки, стал генерал-майором и командиром 3-го Дроздовского стрелкового полка. А сам «Манштейн-дед», как его звали в Дроздовской дивизии, заведовал эшелонами во 2-м офицерском стрелковом (затем – 1-м) Дроздовском полку. В книге «Дроздовцы в огне» ему посвящен рассказ «Дед», и в нем генерал А.В. Туркул описал Владимира Карловича следующим образом:

«Старый Манштейн, среди других стариков нашей молодой армии, <...> был для нас, можно сказать, образом наших седых отцов.

Пехотный офицер незнатного полка, командир батальона, потом полковой командир – на его ветхой шинели цветился солдатский Георгиевский крест, – Дед уже ветераном участвовал в японской войне, а в первый огонь пошел еще при Скобелеве, в освободительную войну на Балканах. Дед отзывался добровольцем на все боевые выстрелы: был в бухарском походе, умирал в Китае “Большого кулака”. С удивительной ясностью, как будто бы Горный Дубняк, Шипка, Плевна были вчерашним ясным днем, рассказывал он нам о 1877 годе. Его рассказы как-то странно и светло мешались с нашей белой войной, точно уже не было хода времени для протабаченного скобелевского солдата в балканском башлыке, и наша война была для него все той же неутраченной вечной войной за освобождение братьев-христиан.

Для нас всех Дед был ходячим судом чести. <...> Ему было близко под семьдесят, и он был для нас живой и бодрой традицией старой императорской армии, былой империи, живым Палладиумом славы российской, как сказали бы в старину»⁸.

6 августа 1920 г. В.К. Манштейн был произведен в генерал-майоры «для сравнения с сыном». Вместе с Русской армией П.Н. Врангеля он эвакуировался из Крыма, сидел в лагерях в Галлиполи, а затем остался жить в Болгарии. В 1928 г., в связи с 50-й годовщиной освобождения Болгарии от турецкого ига, он как ветеран той давней войны был награжден болгарским офицерским крестом «За храбрость». Скончался В.К. Манштейн в Софии 5 декабря 1933 г.⁹

Ветераном турецкой войны в рядах Добровольческой армии был также Эдуард Владимирович Экк. Он родился 11 апреля 1851 г., первый офицерский чин получил в 1869 г. и к началу русско-турецкой войны успел уже закончить Академию Генерального штаба. На войну он отправился поручиком, помощником штаб-офицера над колонновожатыми действующей армии, после войны еще около года служил в оккупационном корпусе в Болгарии и Румелии. Генерал-майором он стал в 1897 г., на русско-японской войне принял командование 71-й пехотной дивизией, а Первую мировую встретил генералом от инфантерии и командиром 7-го армейского корпуса в 8-й армии генерала А.А. Брусилова. За победы над врагом удостоился ордена Св. Георгия 4-й и 3-й ст. В Добровольческой армии с 1918 г., 13 июня 1919 г. был назначен председателем военно-полевого суда при штабе Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, в Русской армии – председатель высшей комиссии правительственного надзора, учрежденной приказом Врангеля 12 (25) сентября 1920 г. В эмиграции генерал Экк поселился в Белграде и с учреждением в 1924 г. РОВСа был назначен начальником его 4-го отдела (Югославия, Греция и Румыния), на этом посту оставался до 21 января 1933 г., когда передал ее генералу Барбовичу. Одновременно Экк являлся председателем совета Объединенных офицерских обществ. Скончался он 5 апреля 1937 г.¹⁰

Участником как русско-турецкой войны, так и Белого движения на Украине являлся бывший Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта в 1914–1916 гг. генерал от инфантерии Николай Иудович Иванов. Он родился 22 июля 1851 г., первый офицерский чин получил в 1868 г., в 1877 г. был уже штабс-капитаном

3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригады. Во время войны 1877–1878 г. был инструктором в румынской армии, затем состоял при Э. И. Тотлебене. Затем также участвовал в русско-японской войне, в Первой мировой руководил Юго-Западным фронтом. После отставки с этой должности оставался не у дел. Несмотря на преклонные годы и расстроенное здоровье, он в середине 1918 г. согласился возглавить Южную армию, создаваемую из неказачьего населения Дона и областей, освобожденных на тот момент Донской армией атамана П.Н. Краснова. Но Южная армия с самого начала создавалась как противовес Добровольческой, и ее формирование фактически провалилось. Генерал Иванов руководил ею лишь номинально и недолго – 11 февраля 1919 г. умер от тифа в г. Одессе ¹¹.

Наконец нельзя не упомянуть еще одного ветерана войны 1877–1878 г., хотя и отказавшегося участвовать напрямую в Белом движении, но согласившегося возглавить русскую военную эмиграцию – Великого князя Николая Николаевича Младшего. Родившись в 1856 г., он в 1873 г. окончил Николаевское инженерное училище, а в 1876 г. – Академию Генерального штаба. На турецкую войну он отправился капитаном Генерального штаба, обер-офицером для особых поручений при Главнокомандующем действующей армии – своем отце Великом князе Николае Николаевиче Старшем. За участие в форсировании Дуная он был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст., а за отличие при штурме Шипки – Золотым оружием ¹². Дальнейшую его биографию пересказывать, думается, нет никакого смысла. Умер он 5 января 1929 г. в г. Антиб на юге Франции.

Конечно, перечисленными выше личностями поколение участников русско-турецкой войны отнюдь не ограничивается. Однако большинство из них фактически были отставниками, военными пенсионерами и инвалидами, в разное время взятыми на учет в резерве чинов при штабе ВСЮР или армии адмирала А.В. Колчака.

Вообще, если обратиться к биографическим справочникам участников Белого движения, то из 328 человек, чьи биографии представлены в «Биографическом справочнике высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России», подготовленном Н.Н. Рутьчем (М., 1997), участниками русско-турецкой войны являются лишь одиннадцать. В справочнике «Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны» (Купцов И.В.,

Буяков А.М., Юшко В.Л. М., 2011) представлены биографии 728 человек, участниками русско-турецкой войны из них указаны 36 генералов. Наконец, в книге Н.Н. Рутыча «Белый фронт генерала Юденича: биографии чинов Северо-Западной армии» (М., 2002) представлены биографии 62 человек; среди них не нашлось ни одного участника войны 1877–1878 гг.

Гораздо большее количество ветеранов русско-турецкой войны стали жертвами красного террора. К примеру, во время Пятигорской бойни 18 ноября 1918 г., когда в ответ на расстрел красным Главкомом Сорокиным членов Центрального Исполнительного комитета кавказской республики были зверски убиты на кладбище г. Пятигорска 106 заложников, среди погибших было, по меньшей мере, три представителя высшего генералитета русской армии, участника войны за освобождение Болгарии: бывший Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский, бывший командующий 12-й армии генерал от инфантерии болгарин Р.Д. Радко-Дмитриев и бывший Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии В.В. Смирнов. Однако их учет и изучение далеко выходят за рамки данной статьи.

Подытоживая все сказанное выше, мы видим, что, несмотря на свою малочисленность и практически полную невозможность непосредственно участвовать в боях, представители поколения участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. внесли свой заметный вклад в Белое движение, в первую очередь тем, что они являлись моральным эталоном для поколения своих «сыновей» – непосредственных белых бойцов, живой связью времен с эпохой славы и могущества Российской императорской армии. Здесь стоит еще раз напомнить слова А.В. Туркула о том, как рассказы «деда» Манштейна «странно мешались» (мы бы добавили от себя – сливались) с идущей вокруг борьбой против красного интернационала, как будто «наша война была <...> все той же неутихающей вечной войной за освобождение братьев-христиан».

Отсюда и столь уважительное отношение к ветеранам войны 1877–1878 гг. в русской военной эмиграции, и как следствие этого, – избрание многих из них в суды чести полковых объединений. Таковым был в Белграде генерал Абациев, но и, к примеру, в Обществе бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища в 1930-х гг. членом суда чести неизменно избирали старейшего члена

общества, выпуска 1875 г., участника русско-турецкой войны поручика Г.Г. Снежкова¹³.

И в этом смысле роль Великого князя Николая Николаевича Младшего как главы и «знамени» русской военной эмиграции очень схожа с ролью Манштейна-Деда в штабе Дроздовской дивизии и с ролью поручика Снежкова в обществе бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища.

¹ Рутыч Н.Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). М., 1997. С. 17.

² Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 24–27.

³ Кручинин А.С. Генерал от кавалерии граф Ф.А. Келлер // Белое движение: исторические портреты. М., 2011. С. 297–298.

⁴ Шебякин шт.-кап. Краткая история 1-го Лейб-драгунского Московского Его Величества полка. 1700–1894 гг. (для нижних чинов). Тверь, 1894. С. 45–46.

⁵ Кручинин А.С. Указ. соч. С. 304–365.

⁶ Шабанов Д. Описание боевой жизни в минувшую войну 1877–1878 гг. 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Его Императорского Величества полка. Тифлис, 1881. С. 115–116.

⁷ Наиболее полная на настоящий момент биография И.Ю. Поповича-Липоваца содержится в книге: Петров А.А., Клевалина Н.А. Йован Попович-Липовац: воин, поэт, ученый. М., 2011.

⁸ Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Картины Гражданской войны 1918–1920 гг. в литературной обработке Ивана Лукаша. Мюнхен, 1948. С. 184.

⁹ Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 145.

¹⁰ Рутыч Н.Н. Указ. соч. С. 285–286.

¹¹ Залесский К.А. Первая мировая война: правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 116–120.

¹² Залесский К.А. Указ. соч. С. 165–168; Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2006. С. 61–66.

¹³ Общество бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища. Париж, 1935. С. 5, 21, 24.

Е.П. Петрова (Владимир)

**ОРУЖИЕ ИЗ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ
В.С. ХРАПОВИЦКОГО, ВОРОНЦОВЫХ-
ДАШКОВЫХ, ТРЕГУБОВЫХ В СОБРАНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЛАДИМИРО-
СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

ОСНОВУ собрания оружия Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника составляют образцы холодного и огнестрельного оружия XVII–XIX вв. из трех дворянских усадеб: В.С. Храповицкого, Воронцовых-Дашковых, Трегубовых.

В каждой дворянской усадьбе было оружие, в первую очередь, охотничье, так как «от царя или великого князя, до последнего дворянина охоту считали самую лучшею забавою и даже полезною в старину. Звериная охота приучала... к ловкости, гибкости и быстроте движений..., давала возможность привыкнуть к успешному управлению всякого рода оружием»¹. В усадьбы вместе со своими владельцами, вышедшими в отставку, попадало и боевое оружие. Оно напоминало о былых подвигах, свидетельствовало о военной карьере владельца усадьбы или его предков. Сейчас мы знаем о существовании в усадьбах крупных коллекций оружия и небольших собраний, насчитывающих от нескольких единиц до нескольких десятков предметов.

Самыми значительными исследованиями темы формирования частных коллекций оружия в отечественной историографии являются публикации известного оружейведа, главного хранителя оружейных фондов Военно-исторического музея артиллерии А.Н. Кулинского.

Одни усадебные коллекции создавались на протяжении нескольких поколений жизни дворянских родов, другие собирались целенаправленно, какие-то сложились за счет сохранения отслужившего

свой век боевого оружия. Некоторые дворяне проявляли интерес к созданию исторических и художественных собраний оружия². Таким образом, усадебные коллекции оружия в России к началу XX в. получили большое распространение. Но два десятилетия спустя, после событий октября 1917 г., сотни частных коллекций, в том числе оружия, прекратили свое существование, а предметы из них поступили в государственные музеи, утратив легенды и имена владельцев. Так, в начале 1920-х гг. фонды Владимирского музея пополнились предметами оружия из трех национализированных усадеб. Эти сведения содержатся в документах, хранящиеся в Государственном архиве Владимирской области, архивных учетных документах музея. К сожалению, в них дано краткое, иногда неточное название предметов.

Изучению дворянских усадеб Воронцовых, В.С. Храповицкого за последние годы посвящены многие публикации историков и краеведов, однако в них нет исследований оружейных собраний. Отдельные образцы оружия из усадеб были опубликованы автором в сборниках «Материалы исследований» научно-практических конференций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В настоящее время атрибутирован 71 образец оружия и защитного вооружения.

Единичные предметы оружия из усадьбы Воронцовых-Дашковых и Трегубовых сегодня нельзя назвать коллекциями. В начале XX в. хранение дома небольшого количества личного и охотничьего оружия, памятных военных трофеев было обычным явлением.

Коллекцией или собранием является оружие из усадьбы в Муромцево Судогодского уезда Владимирской губернии. Ее владелец – Владимир Семенович Храповицкий (1858, Санкт-Петербург – до 1925, Франция) – представитель старинного дворянского рода, полковник лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, камергер, последний владимирский губернский предводитель дворянства (1909–1917), крупный лесопромышленник. В 1894 г. был уволен со службы в отставку по семейным обстоятельствам с производством в полковники гвардии и правом ношения мундира. В этом же году он заложил в селе Муромцево в 20 верстах от Владимира дворец по проекту московского архитектора П.С. Бойцова (рис. 1). По своему великолепию дворец не уступал столичным. Строительство, начатое в 1884 г., продолжалось вплоть до 1906 г. В залах замка, который был построен в стиле псевдоготики, были размещены

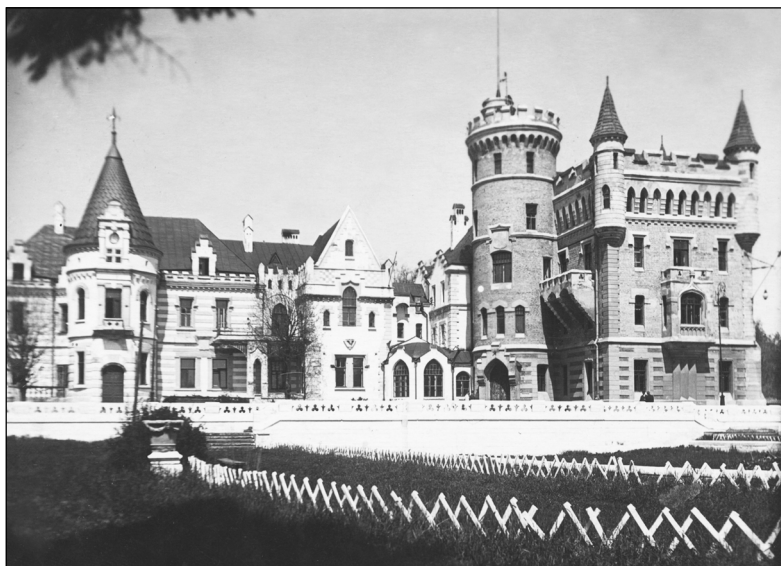

Рис. 1. Усадьба В.С. Храповицкого

многочисленные предметы декоративно-прикладного искусства, картины, гравюры, изысканная мебель, фарфор, оружие от поставщика Высочайшего двора Ивана Эберта. Интерьеры залов были украшены оружейными композициями. Однако «развешивание оружия на стенах» стало «одним из традиционных приемов украшения интерьера усадебных домов..., но к коллекционированию, это как правило, не имело отношения»³. Оружие во дворце украшало быт его обитателей, а также использовалось по прямому назначению. В имении устраивалась охота, Владимир Семенович был страстным охотником, занимался разведением собак. На право охоты «в лесных дачах В.С. Храповицкого» нужно было получить специальный билет. Не приняв революцию, в 1917 г. Храповицкий с супругой эмигрирует во Францию без багажа и без больших средств к существованию. Супруги Храповицкие закончили свой жизненный путь в крайней нужде в доме для престарелых тихого городка Мантона на побережье Средиземного моря. Усадьба была национализирована. Во Владимирский музей была вывезена часть художественных ценностей, в июне 1920 г. – коллекция оружия. В «Описи изъятых предметов» перечислено «старинное оружие из старого

кабинета»: «6 щитов с оружием старинным: 1 щит – 2 старинных пистолета, 4 – ружья, 1 – тесак, 1 – алебарда. 2 щит – 4 ружья, два пистолета, 1 тесак, 1 пицаль. 3 щит – 4 пистолета, 5 ружей, 2 тесака, 1 обломок от шашки. 4 щит – 3 ружья, 5 пистолетов, 2 шпаги, 2 тесака. 5 щит – 4 пистолета, 2 ружья, 2 шпаги, 2 тесака. 6 щит – 4 пистолета, 1 ружье, 1 монтекристо, 1 пицаль короткая, 2 тесака, 3 кинжала», ...рыцарь на подставке⁴. Из 62 предметов, значащихся в описи, в музейной коллекции 41 образец оружия и рыцарский доспех. Сейчас нельзя сказать, все ли оружие было привезено во дворец сразу. Храповицкие довольно регулярно выезжали за границу, где могли купить лучшие образцы. В собрании представлено боевое, гражданское оружие, защитное вооружение. Сейчас оно насчитывает 27 образцов огнестрельного и 14 образцов холодного оружия, выполненного в России, Франции, Англии, Бельгии, Германии, Италии, Латвии, Швеции, Турции. Основу собрания составляют предметы западно-европейского оружия XVIII в., определяющие его историческую и художественную ценность. Ранние образцы охотничьих ружей являются работами лучших английских оружейников второй половины XVIII в.: Д. Твигга, Д. Барбара; парижского мастера Ж.Л. Каза; петербургских мастеров XVIII–XIX вв.: И.К. Шульца и Г. Кнота. В коллекции также пистолеты известных мастеров середины XVIII в.: Л. Леконта из Бельгии, Ла Роша из Франции. Высоким качеством исполнения и отделки отличаются два дорожных мушкетона предположительно работы русских мастеров 1750–1760 гг. Такие ружья возили в каретах и часто называли «каретными» (рис. 2). Интересна «Сибирская»

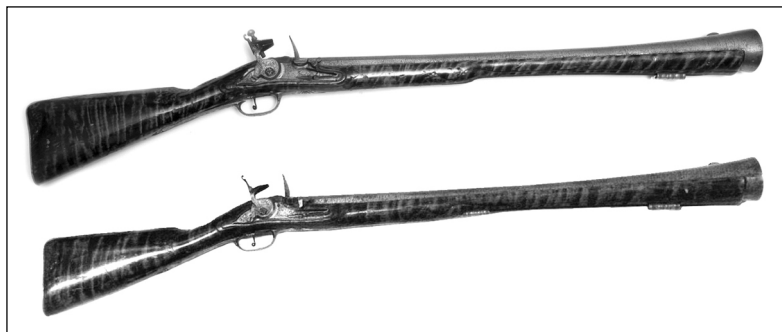

Рис. 2. Мушкетоны кремневые. Россия. Середина XVIII в.

Рис. 3. Тесак охотничий. Германия. XVIII в.

промысловая винтовка начала XIX в. с ложей, копирующей русские пищали XVII в. Холодное оружие представлено образцами строевого, гражданского и охотничьего оружия. Среди них: бердыш XVII в., две русские кавалерийские сабли образца 1798 г., шпаги XVIII–XIX вв., шашка казачья, охотничий немецкий тесак XVIII в. (рис. 3), нож, турецкие ятаганы XIX в. В соответствии с тогдашней

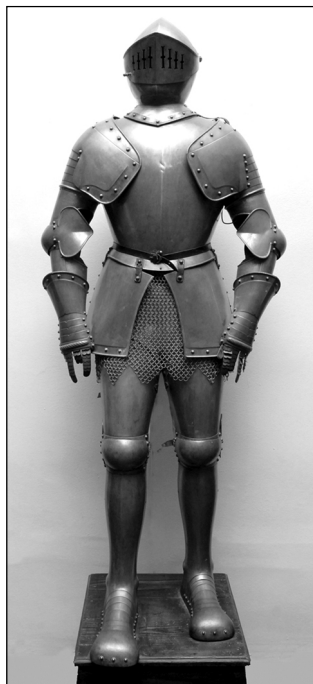

Рис. 4. Доспех рыцарский. Западная Европа. XIX в.

модой на старинные вещи, в усадьбе Храповицкого были и рыцарские доспехи. Один из них, выполненный в XIX в. (рис. 4) в Западной Европе по образцу доспеха XVI в., находится в музейной коллекции.

Несколько образцов оружия связаны с одной из замечательных усадеб Владимирской губернии конца XVIII – начала XIX в. – с усадьбой Воронцовых-Дашковых в селе Андреевском Покровского уезда (ныне Петушинский район). Эти земли в качестве приданого жены перешли в 1735 г. в собственность графа Романа Илларионовича Воронцова (1717–1783), первого владимирского наместника. При нем в усадьбе строится огромный двухэтажный каменный дворец в стиле раннего классицизма (рис. 5). Наибольшего расцвета Андреевское достигло в последние два десятилетия XVIII в., когда в нем проживал граф Александр Романович Воронцов. Один из наиболее выдающихся госу-

Рис. 5. Дворец Воронцовых-Дашковых. Фото 1929 г.

дарственных людей своего времени, он в 1793 г. вышел в отставку, покинул Петербург и почти на десять лет поселился в Андреевском. 1790-е гг. стали самыми оживленными в жизни усадьбы. Здесь бывали А.Н. Радищев, Е.Р. Воронцова-Дашкова, первый президент Российской Академии наук. Последние владельцы усадьбы – граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков и его супруга графиня Елизавета Андреевна (урожденная Шувалова) – бывали в ней редко. Имение постепенно пустеет и приходит в упадок. После национализации из усадьбы в 1921 г. во Владимирский музей поступили: «пушка медная – 1, стрел в общем колчане – 16, шпага – 5, шашка – 1»⁵. Из перечисленных предметов в настоящее время в музейной коллекции находится пушка на колоде, колчан со стрелами, три шпаги XVIII в., сабля XIX в. Отличительной особенностью оружия из усадьбы Воронцовых являются «камзольные» шпаги с гравированными клинками (рис. 6) – неотъемлемая принадлежность дворянского костюма, которые служили типичным дополнением к портретной галерее в Андреевском.

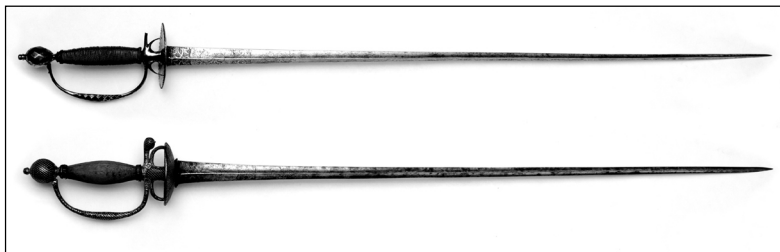

Рис. 6. Шпаги камзольные. Западная Европа. XVIII в.

Невозможно сегодня представить и оценить состав бывшей коллекции оружия из процветающей когда-то усадьбы Трегубовых в селе Лаптево Судогодского уезда (ныне Камешковский район Владимирской области). Большие земельные угодья в окрестностях Владимира еще при Иване III получил предок Трегубовых – султан Трегуб из Кабарды (из рода Тамерлана). Грамотой царя Алексея Михайловича в 1669 г. вотчины в Суздальском уезде были пожалованы Ивану Яковлевичу Трегубову. В конце XVIII в. род Трегубовых был внесен в «Дворянскую родословную Московской губернии». В документах XIX в. в этом роду значатся военные, служившие в гренадерском, гусарском, кавалерийском полках. Последний владелец усадьбы, Андрей Трегубов, в 1893 г. купил ее у своей сестры Эрнст Евдокии Алексеевны (урожденной Трегубовой). Она унаследовала ее от отца – отставного гвардии полковника Алексея Яковлевича Трегубова по духовному завещанию⁶. Андрей Алексеевич Трегубов, бывший юнкер Николаевского училища, дворянин Судогодского уезда, родился в 1869 г. в Санкт-Петербурге, был женат на княжне Марии Грузинской из рода Багратионов, после ее смерти – на фрейлине императрицы баронессе Софье Максимилиановне из дворянского рода фон дер Остен-Сакен. В 1912 г. А.А. Трегубов – судогодский уездный предводитель, действительный член Архивной комиссии, по его словам, выезжал «из Лаптева на службу в Судогду, иногда во Владимир, в остальное время сидел дома», имел коллекцию оружия.

В 1917 г. усадьба была конфискована, семья переехала сначала в Судогду, потом во Владимир, в начале 1919 г. – в Москву. В январе 1926 г. жена Трегубова выехала с сыном⁷ к родственникам в Берлин, Андрею Алексеевичу в выезде за границу было отказано. Он скончался в 1935 г. в ссылке в Орле. В Государственном архиве Владимирской области сохранилась копия заявления А.А. Трегубова в отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины от 19 июля 1919 г., где он пишет, что у него «в городе Владимире находилась коллекция старинного оружия, которое помещалось по Царицынской ул. в доме Пыльновой. Оружие это в настоящее время, возможно, оттуда изъято...» Трегубов просит также осмотреть вещи, оставленные в бывшем его имении при селе Лаптеве, «и если они окажутся ценными принять в местный музей»⁸.

В письме от 29 августа 1919 г. Владимирский губернский отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины просит губернский подотдел уголовно-розыскной милиции «сделать распоряжение о передаче в Губернский исторический музей коллекции старинного оружия, изъятой у гражданина Андрея Алексеевича Трегубова»⁹. Трудно назвать коллекцией оружия Трегубова из квартиры во Владимире предметы, принятые на хранение во Владимирский музей 17 февраля 1920 г. «от народного судьи 10-го участка»: две «шашки восточного образца», шашка с «поломанной рукоятью», «два штуцера парных двустольных немецких. На верхнем стволе гравировка золотом: “Franz Baader in Munchen”»¹⁰. Кроме того, 20 мая 1920 г. из усадьбы Трегубовых в селе Лаптево в музей были переданы: «пушка медная с надписью: “Сей единорог деланъ при Невьянском заводе 1784 г. весом 2 пуда 2 ³/₄ фунта” – 1, арбалет с деревянной ложей – 1, арбалет с деревянной ложей, украшенный слоновой костью – 1, пистолетов старинных поломанных – 4, винтовка системы Пибоди – 1, шашка восточного образца – 1, палашей – 3, шпаг военного образца – 2, рапир – 2, масок для фехтования – 2, шлем с назатыльником и наушниками – 1»¹¹. В описи музея 1925 г. перечислены 19 предметов оружия и снаряжения. В настоящее время в музейной коллекции 10 образцов русского, западно-европейского, восточного оружия и шлем. Особый интерес представляют два немецких охотничьих арбалета XVI–XVII вв. (рис. 7), единорог XVIII в. (рис. 8), неотъемлемая принадлежность и украшение дворянских усадеб, шлем крылатого гусара XVII в. Можно предположить, что Трегубов приобретал коллекционное оружие.

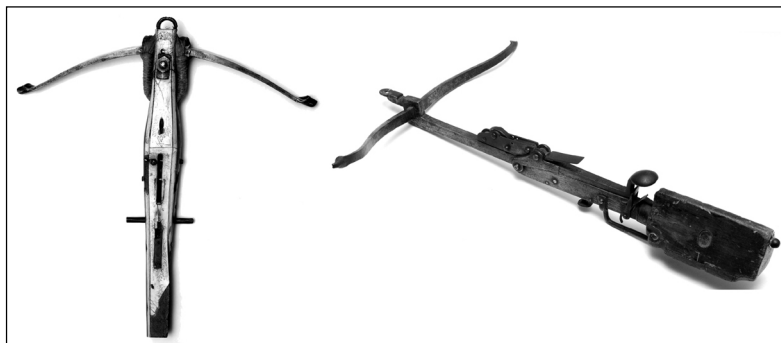
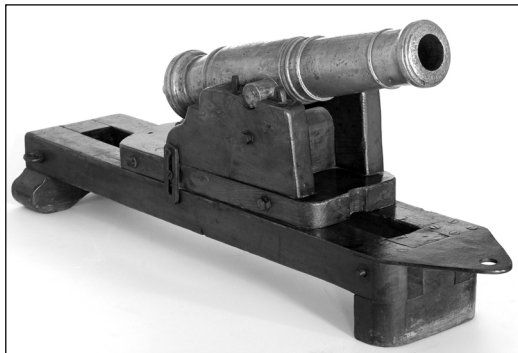

Рис. 7. Арбалеты охотничьи. Германия. XVI–XVII вв.

**Рис. 8. Единорог однофунтовый.
Россия. 1784 г.**

Например, сохранился один из парных, двухствольный охотничий штуцер середины XIX в. с клеймом придворного оружейного мастера из Мюнхена Ф. Баадера, фамильным гербом графского рода Арко-Келленбах из Баварии.

Бывшие владимирские усадьбы

отличались друг от друга. Патриархальные Андреевское и Лаптево – пример мира русской дворянской усадьбы. Муромцево – усадьба в духе средневековой готики с причудливым рыцарским замком, полным роскоши и технических новшеств. Во всех трех усадьбах было оружие, которое украшало стены домов, использовалось во время охоты, самообороны, салютов. К сожалению, разрушен дом в Лаптево, в запущенном состоянии усадьба в Муромцево, не полностью сохранился дворец в Андреевском. Изъятые из усадеб предметы оружия, скорее всего, не охватывают всего собрания, хранившегося в них. Дошедшие до нас образцы оружия – свидетельства «золотого века» и гибели усадеб, ставшие основой собрания, сегодня занимают достойное место в музейных экспозициях.

¹ Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забелиным. Репринтное воспроизведение издания 1880 г. М., 1989. С. 567.

² Шелковникова Е.Д., Ефимов С.В. Старинное оружие в России. СПб.: «Русская коллекция», 2010. С. 66.

³ Кулинский А.Н. Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М.: Галерея «Русские палаты», 2004. С. 12.

⁴ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 1826. Оп. 1. Д. 42. Л. 4 об. «Опись предметов, изъятых из совхоза Муромцево для передачи во Владимирский музей» от 15 июня 1920 г.

⁵ Там же. Д. 95. Л. 25, 25 об. «Опись вещей, переданных из совхоза Головино «Андреевское» от 10.07.1921.

⁶ Там же. Ф. 629. Оп. 1. Д. 45. Л. 1, 1 об.

Оружие из дворянских усадеб в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника

⁷ Юрий Андреевич Трегубов, 1913 г. р., получил немецкое подданство. В годы Второй мировой войны служил в армии Власова, находился в чешском плену, в 1947 г. был похищен из Берлина, приговорен в СССР к 25 годам лишения свободы. Возвращен в ФРГ в 1955 г., написал мемуары «Восемь лет во власти Лубянки», 13 романов. Скончался в 2000 г. в Германии.

⁸ ГАВО. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 42. Л. 370.

⁹ Там же. Л. 189.

¹⁰ Книга для записи жертвуемых в музей при Ученой Владимирской Архивной Комиссии различных предметов и документов. Л. 86, 86 об.

¹¹ ГАВО. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 18 об. «Опись имуществу, принятому для хранения во Владимирском музее из имения Трегубова при с. Лаптеве» от 20 мая 1920 г.

Н.Н. Петрухинцев (Липецк)

ПРОБЛЕМЫ СНАБЖЕНИЯ АРМИИ В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1735–1739 ГОДОВ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ПРОБЛЕМА материального обеспечения армии в годы русско-турецкой войны стояла перед аннинским правительством не менее остро, чем в пору других масштабных военных конфликтов в истории России. Она, естественно, не могла не оказать влияния и на развитие отечественной промышленности, хотя это влияние в силу особенностей войн XVIII в. имело свою специфику: войны эти были не столь «металлоемки», как современные.

Пожалуй, наиболее ярко воздействие войны проявилось в области легкой промышленности. Она была в гораздо в большей степени, чем металлургия, связана со снабжением армии – поэтому и влияние войны сказалось на правительственной политике по отношению к ней более ощутимо. В данной статье мы попытаемся показать, как и по каким направлениям осуществлялось это влияние в царствование, стереотипно считающееся эпохой, отмеченной ярлыком негативного влияния «бироновщины» на основные внутриполитические процессы.

Проблема обеспечения армии оружием и обмундированием в основном за счет продукции отечественной промышленности (помимо сукна и некоторых дефицитных материалов и инструментов), как убедительно доказал В.Н. Захаров, была решена еще Петром I. Уже к 1711–1712 гг. закупки военных материалов за рубежом в основном прекратились¹. Вероятно, именно поэтому на грани второго десятилетия XVIII в. фактически прекратился и первый виток петровского строительства казенных мануфактур,

ориентированный прежде всего на удовлетворение армейских потребностей.

Аннинскому правительству, сохранившему протекционистские основы торгово-промышленной политики, не было смысла ломать сложившийся порядок, что отчетливо проявилось и в годы русско-турецкой войны. Особенно ярко это было заметно в области вооружения – армия в годы войны, как и раньше, снабжалась отечественным оружием.

Практически не изменился и порядок обеспечения армии обмундированием и амуницией – оно осуществлялось заключением подрядов преимущественно внутри страны.

Аннинское царствование было отмечено лишь двумя серьезными новшествами.

Первое было связано с решениями Воинской комиссии и штатами 1732 г. – в армии вводились новые образцы обмундирования и вещей, которые предстояло освоить поставщикам.

Сбой произошел лишь в самом начале. Он был вызван тем, что предложенные Б.Х. Минихом образцы вещей реально оказались дороже утвержденных штатами цен. Но после снижения требований к их качеству и замены ряда материалов более дешевыми они благополучно нашли поставщиков (преимущественно русских)². Существенной «издержкой» при этом было ухудшение качества самого обмундирования, но это не было виной поставщиков – фактически оно оказалось заложенным в решениях, принятых комиссией.

Вторым крупным новшеством было изменение порядка поставок, связанное уже непосредственно с русско-турецкой войной.

Ключевую роль здесь сыграл указ 12 ноября 1735 г. о заключении «впредь на 6 лет постоянных, твердых и ненарушимых контрактов» о поставке на армию необходимых материалов³. Он был одним из основных актов, определивших аннинскую политику в снабжении армии.

Подтвердив некоторые основы прежнего покровительственного курса по отношению к отечественной промышленности, он послужил отправной точкой и для целого комплекса мер по государственному контролю над ней, ужесточившемуся в 1736 г. в процессе организации первой «большой» военной кампании. Кроме того, в нем была сделана попытка переложить часть «интендантских» проблем казны на промышленников и купцов.

Но главным было изменение самой стратегии поставок: аннинское правительство перешло к заключению долгосрочных (в основном 6-летних) контрактов, что уже с 1731 г. широко практиковалось в отношении откупов. Они были удобны для военного ведомства, так как обеспечивали устойчивое и стабильное снабжение армии по фиксированным на долгий срок ценам.

К сожалению, переход был осуществлен уже в условиях войны параллельно с реорганизацией Военной коллегии. Это, вероятно, не могло не отразиться на снабжении армии в начальный ее период, поскольку сама процедура заключения подрядов серьезно затянулась, а результаты новой стратегии сказались уже в последующие годы войны.

К началу лета 1736 г. был обговорен черновой 6-летний контракт с кожевенной компанией Григория Ерофеева о поставке башмаков и сапог на армию. Но утверждению его помешало появление новых претендентов: компания Петра Сырейщикова подряжалась ставить обувь дешевле; купец Лука Капустин обязался ставить одни только сапоги на более выгодных условиях (что вызвало протесты компанейщиков, надеявшихся компенсировать за счет более дешевых сапог не вполне выгодное им производство башмаков). В конце концов предпочтение было отдано компании Г. Ерофеева как более платежеспособной, но контракт был заключен лишь в *октябре 1736 г.*⁴

Контракт на поставку камзолов, штанов и лосиных вещей был заключен с московским купцом Афанасием Гребенщиковым⁵. В поставках сапог, пистолетных и патронных кожаных чехлов-ранцев и замшевых штанов участвовали также купцы А. Соколов, Ф. Богданов и владелец кожевенной фабрики Рихтер⁶; 5-летний контракт на поставку седел и сбруи был оформлен с московскими купцами Иваном Яковлевым, Владимиром Михайловым и Егором Овошниковым, но, к сожалению, тоже слишком поздно – только *23 ноября 1737 г.*⁷

Таким образом, кожаными изделиями армия снабжалась исключительно за счет русских поставщиков.

Основным претендентом на снабжение армии рубашечным и порточным холстом был московский купец Ф.И. Солодовников, но в результате вмешательства в торги купца А.И. Сайкина и дворцового крестьянина Елизаветы Петровны Г.Н. Боброва заключение 6-летнего контракта с ним растянулось *до осени 1736 г.*⁸

Пожалуй, единственная проблема возникла с амуничными вещами.

Медные и латунные детали амуниции (бляхи, пряжки ремней и т.д.) поставляла единственная в России фабрика, оказавшаяся в положении монополиста – купеческая компания Маркова (с компаньонами Бабаевым и Кузнецовым). Пользуясь этим, она резко взвинтила цены – от 13–18 до 35–48 р. за пуд разных медных вещей (при рыночной цене пуда меди в 8–10 р.). Только в этом единственном случае российское правительство попыталось найти поставщиков в Прибалтике, но иноземные мастера, прибывшие из Риги, предложили еще более высокие цены, а на 8-кратные публикации в Петербурге и в Москве поставщиков так и не нашлось.

Раздраженный А.И. Остерман 7 июля 1737 г. принял решение строить казенную фабрику по выпуску медных амуничных вещей в Туле. Но это вызвало протесты Военной коллегии и В.И. Геннина, опасавшихся заведомой убыточности нового предприятия. В конце концов удалось убедить Маркова понизить цены, но 3-летний контракт с ним был заключен лишь в *октябре 1737 г.*

Следовательно, снабжение армии большей частью необходимого ей обмундирования и снаряжения осуществлялось в годы войны *исключительно русскими поставщиками* – это было наглядной демонстрацией и прямым результатом протекционистского курса по отношению к отечественной промышленности.

Протекционизм проявлялся и в том, что в большинстве случаев подрядчики авансировались казной. Так, например, поставщики обуви с Г. Ерофеевым получали в виде аванса беспроцентную ссуду в 12 000 р., а Ф. Солодовников получал 20 % стоимости вещей вперед с рассрочкой на 6 лет.

Покровительственный курс в данном случае оправдывал себя и экономически.

Контракты были в целом успешны для военного ведомства. По данным об их состоянии на 1738 г., ни в одном случае подрядные цены не превысили штатные, а по 21 виду учтенных в номенклатуре вещей они были снижены по сравнению с штатными в диапазоне от 1 до 28 %. В подавляющем большинстве снижение составляло от почти 5 до 13,3 % штатной цены⁹.

Но аннинское правительство явно опоздало с их заключением, которое растянулось в среднем на год-полтора – в лучшем случае они утверждались уже после завершения первой кампании

«большой» войны. Поэтому значительная часть амуниционных и мундирных вещей (учитывая срок на исполнение контрактов) поступила в армию сравнительно поздно – уже к лету 1738 г., в связи с чем некоторые прежде полураздетые и полуразутые части получили сразу двойной комплект вещей. Правительство решило выйти из этого малооригинальным образом – сэкономив деньги на солдатах, которым вместо вещей выплачивалась денежная компенсация их стоимости. При этом недоплата по сравнению с штатной ценой вещей только в двух случаях составила 17–18 % – в большинстве случаев солдатам недоплачивалось от четверти до трети цены¹⁰.

Итак, отечественная легкая промышленность была в состоянии справиться с основным обеспечением армии, однако поздно начатая военным ведомством организация снабжения, несомненно, отрицательно сказалась на обеспечении армии в начальный период войны.

Нерешенной оставалась лишь одна, но очень важная проблема – проблема *обеспечения армии мундирным сукном*. Несмотря на покровительственные меры и контроль над частной суконной промышленностью, последняя не могла полностью обеспечить им армию. Это, как и прежде, вынуждало к закупкам за границей.

Но и здесь аннинское правительство продолжало придерживаться покровительственного курса, определенного Петром I: еще в 1718 г. был издан указ о подряде сукна только у русских купцов; 17-й артикул Адмиралтейского регламента 1724 г. предписывал употреблять на мундир только сукна, изготовленные на российских фабриках¹¹.

Нормы петровского законодательства продолжали оставаться юридическим руководством и для аннинского правительства. Поэтому и голицынский, и миниховский составы Воинской комиссии высказались за преимущественную поставку сукон российскими фабрикантами. Голицынский – более резко и категорично; миниховский предполагал закупить недостающее после поставок отечественных промышленников сукно у иностранцев – с условием хранения ими 1,5 годичного резерва сукна на собственных складах, чтобы избавить армию от лишних затрат¹². Курс на преимущественные закупки для армии сукна российского производства и развитие собственной суконной промышленности материализовался в первой половине царствования в двух ключевых указах – 18 ноября 1732 г. и 12 марта 1734 г.¹³

Но покупка сукна за границей была неизбежна.

Поэтому при обеспечении армии сукном возникали одновременно две проблемы: 1) стимулирование производства русских суконных фабрик и контроль за его качеством; 2) оптимальная тактика и стратегия закупок сукна у иностранных купцов.

Закупки сукна за рубежом сопровождалась острой конкуренцией между основными странами – поставщиками мундирного сукна. Последние активно боролись за сегмент российского рынка, постепенно сужавшийся в результате роста русской промышленности, и борьба принимала иногда довольно острые формы. Занимавшая здесь когда-то господствующее положение Англия к середине 1720-х гг. утратила его, и с 1726 г. основным поставщиком мундирного сукна для русской армии стала Пруссия¹⁴.

Англия в начале 1730-х гг. намеревалась вернуть утраченные позиции.

Торговая колония английских купцов в России считала восстановление поставок английского сукна основным инструментом уменьшения пассивного торгового баланса с Россией. Она поставила эту задачу в записке, приложенной к письму резидента К. Рондо от 2 октября 1732 г.¹⁵

Но, судя по представлению, сделанному английскому королю 8 августа 1733 г. лондонским руководством Русско-английской торговой компании, проблема эта была нелегкой: Англия производила мало грубошерстной шерсти, шедшей на солдатское сукно, стоимость рабочей силы в ней была высока. Поэтому достичь цели можно было только после снижения издержек и полного устранения с российского рынка прусского конкурента – англичане намеревались пресечь импорт и всех других видов прусского сукна, сопутствующих солдатскому¹⁶.

Первые усилия в этом направлении были предприняты Рондо, уже в 1731 г. добившимся возобновления английских поставок, ставших относительно регулярными¹⁷. Второй шаг был сделан в русско-английском торговом договоре, снижавшем на $\frac{1}{3}$ ввозные пошлины, что делало английское сукно более конкурентоспособным по отношению к прусскому.

Но решающий шаг был сделан в годы русско-турецкой войны.

Весной 1738 г. Военная коллегия подала доклад о низком качестве прусских сукон (совершенно не держат цветов и линяют уже через полгода; грубы, отличаются повышенной ломкостью и легко

впитывают в себя влагу) – в связи с этим 22 апреля 1738 г. последовал указ о полном отказе впредь от закупок прусского сукна¹⁸. Неизвестно, сыграли ли какую-то роль в этом закулисные ходы английской торговой колонии (английский посланник Рондо в донесении от 6 мая того же года скромно намекал на свои заслуги: «...я много лет хлопочу, [чтобы]... русский двор все сукно, нужное для обмундирования армии, покупал у подданных Его Величества...»¹⁹), но уже 18 мая 1738 г. был поставлен вопрос о закупке сукон у английских купцов Шифнера и Вульфа. Английские торговцы тут же попытались развить успех, добиваясь почти в ультимативной форме заключения 5-летнего контракта на поставку сукон, начиная с 1739 г.²⁰, однако российское правительство было в первую очередь заинтересовано в развитии собственного производства.

Как мы уже отмечали, ключевую роль в этом сыграл указ 12 ноября 1735 г.

Но он одновременно наносил удар по купеческим интересам, затрагивая как иностранных, так и русских промышленников и купцов. Развивая идею, высказанную еще в 1731 г. во мнении миниховской воинской комиссии, он обязывал русских и иностранных купцов и фабрикантов хранить сукна до приема в армию на собственных складах. Это вызвало активный протест как иностранцев, так и русских промышленников и купцов.

Еще более резкое неприятие русских купцов вызвал другой пункт этого указа. В нем делалась попытка создать своего рода временную смешанную компанию иностранных купцов и русских промышленников, чтобы гарантировать через распределение между ними квот поставку всего количества необходимого армии сукна на 6 лет. Это должно было окончательно снять с правительственных органов бремя забот о снабжении армии сукном.

Но в этих двух пунктах (1) создание складов для содержания резерва, омертвляющего купеческий капитал, и 2) попытка формирования в чисто фискальных интересах смешанной русско-иностранной компании) указ был явно утопичен. Они подверглись резкой критике всех заинтересованных сторон и так и не были осуществлены.

Русские суконные промышленники (в частности, И. Полуярославцев и В. Щеголин) уже в декабре 1735 – январе 1736 гг. говорили о полной невозможности подобных альянсов с иностранцами при отсутствии всякого опыта торгов с ними. Они отмечали и

крайнюю обременительность содержания собственных складов до поставки сукна на армию²¹. Но не менее этого их заботила жесткая фиксация размеров годовых поставок в долгосрочных контрактах, ибо они (как и предшествующее законодательство) рассчитывали на рост отечественного суконного производства.

Все это потребовало внесения необходимых корректив в правительственную политику. Но и в них последовательно проводился протекционистский курс.

Одним из его проявлений стала своего рода «скользящая шкала» поставок сукна на 1737–1739 гг., учитывающая ожидаемый рост отечественного производства. В 1737 г. русские промышленники планировали поставить 213 000 аршин сукна, оставив на импортные закупки 140 353; в 1738 г. – соответственно 238 000 и 221 276; в 1739–1743 гг. – 243 000 и 216 276 (в среднем в год)²². Следовательно, они планировали почти 12%-ный рост производства уже на следующий год, затем почему-то резко снижавшийся (вероятно, учитывался ввод в строй мануфактуры Г. Еремеева, основанной в 1736 г.).

Следовательно, и расчеты самих российских промышленников подтверждали невозможность быстро развернуть российское производство и заменить иностранных поставщиков сукна.

Реальные результаты поставок сукна отечественной промышленностью были в военные годы более скромными.

Уже в 1738 г. российские фабриканты обязались поставить 229 006 аршин, а остальные 260 083 приходились на долю Шифнера и Вульфа – следовательно, поставки иностранного сукна, планируемые на уровне 48–47 % от общих потребностей, составили в 1738 г. более половины их (53 %). Впрочем, это было существенным успехом по сравнению с концом петровской эпохи, когда до 70 % потребностей армии удовлетворялось за счет импорта сукна²³.

Но при контрактной стоимости аршина до 58 коп. это означало ежегодную утечку из страны примерно 150 тыс. р. В последующем потери были еще больше: в 1739 г. правительство вынуждено было закупить уже 350 тыс. аршин импортного сукна. Но средние потери от импорта сукна в годы войны были несколько меньшими: всего за 1736–1739 гг. было куплено 930 000 аршин иностранного сукна на 536 500 р.²⁴ (ежегодно на 134,1 тыс. р. по средней цене в 57,7 коп. за аршин).

Все это вынуждало стимулировать развитие собственной суконной промышленности.

Ситуация с обеспечением армии сукном определяла приоритеты в правительственной политике по отношению к текстильной промышленности.

Вполне очевидно, что основное внимание обращалось прежде всего на суконную промышленность. При этом, помимо недостаточных объемов производства, тут же выявился и ряд других серьезных проблем.

Первой было невысокое качество ее продукции. Оно больше всего беспокоило военное ведомство в условиях войны. И, вероятно, уже леонтьевский поход осени 1735 г. заставил обратить внимание на обмундирование армии и качество исходных материалов.

Через несколько дней после указа 12 ноября 1735 г. было решено отправить на русские фабрики голландского мастера из Лейдена Яна ван Аккера для производства суконных проб и выявления причин низкого качества российских сукон. Аккер, посланный на Путивльскую суконную фабрику И. Полуярославцева, считал главной причиной несоблюдение технологии обработки шерсти, и прежде всего то, что само сырье (т.е. шерсть) «нехорошо вымыта, не разобрана и не вычищена»²⁵. Он предложил свои образцы, однако российские фабриканты обвиняли его в отборе лучших сортов шерсти при их изготовлении. Они считали это несовместимым с массовым производством, поскольку основная часть закупаемой ими российской и импортной шерсти была худшего качества.

Проблема сырья была действительно камнем преткновения для российской суконной промышленности – в России практически не разводили тонкорунных овец, необходимых для получения качественной тонкой шерстяной пряжи и тонкого сукна. Ее пытался решить Петр I, основавший на Украине государственные овчарные заводы для разведения тонкорунных овец – ко времени правления верховников они находились в упадке и были затем ликвидированы, а оставшиеся овцы переданы частным лицам (значительную их долю при Анне Иоанновне получил фельдмаршал Миних). Перейдя в руки частных лиц, тонкорунное овцеводство не было ликвидировано окончательно – не случайно Украина и южные области России и впоследствии оставались одним из районов производства высококачественной шерсти.

Поэтому качество русских сукон во многом зависело от исходного сырья. Это не всегда принималось в расчет правительством,

предпочитавшим мелочную регламентацию и контроль серьезно-му решению проблем. Придя уже к началу мая 1736 г. к выводу о низком качестве всех видов мундирного сукна (английского, прусского и русского), оно предписало жестко следовать официально утвержденным образцам, рассылаемым во все инстанции, отвечающие за поставки сукна²⁶, взяв за основу именно образцы ван Аккера²⁷. В связи с этим появился указ 17 июня 1736 г. о секретной проверке военным ведомством качества сукон на российских фабриках. В ходе этой проверки на фабрике В. Щеголина было забраковано и пробито особым клеймом 16,5 % проверенных тканей²⁸. Это, несомненно, «подтянуло» русских промышленников, но не смогло решить проблему качества.

21 января 1741 г. правительство вынуждено было констатировать, что сукна с российских фабрик во время русско-турецкой войны не выдерживали даже одной кампании²⁹. Но, несмотря на очевидное низкое их качество, аннинское правительство отнюдь не пошло по довольно легкому пути закупки их за границей (предложение откуда заведомо превышало спрос). Оно продолжало следовать курсу на развитие отечественной промышленности, определенному Петром I.

К началу аннинского царствования текстильная промышленность России была уже исключительно частной. Существовавшие в конце петровской эпохи 5 казенных текстильных мануфактур (2 полотняных и 3 суконных) были ликвидированы в годы правления «верховников».

Это было результатом курса на приватизацию, определившегося еще в петровскую эпоху и отраженного тогда же в регламенте Мануфактур-коллегии 1723 г.

В 1726 г. были переданы в частные руки созданные для обслуживания нужд Азовского флота Тавровская и Липецкая суконные мануфактуры (Липецкая захирела, а Тавровская дала начало воронежским текстильным мануфактурам Веневитиновых и Гардениных). Полотняная и каламянковая мануфактуры в Петербурге в 1727 г. были отданы И. Затрапезнову, а примерно к концу 1730 г. окончательно пришло в упадок и бывшее крупнейшее государственное предприятие – московский Хамовный двор.

Комиссия о коммерции в 1727 г. тоже поддержала «приватизационный курс» и в 1732 г. передала И. Полуярославцеву даже конфискованную у частных лиц Путивльскую мануфактуру³⁰. В 1729 г.

И. Полуярославцеву была безденежно отдана также московская суконная мельница на р. Яузе³¹.

Поэтому в 1730-е гг. вопрос о приватизации в текстильной промышленности уже не стоял – казна давно высказалась в пользу развития частной промышленности и к этому времени ликвидировала государственные предприятия.

Тех же позиций она придерживалась и в 1730-е гг.

Предложенный в 1731 г. миниховской воинской комиссией новый виток строительства казенных суконных мануфактур был отвергнут Сенатом, сославшимся на неумение казны наладить собственное безубыточное производство, проявившееся по прежним опытам. Сенат заявил о необходимости решительно поддержать строительство новых мануфактур частными лицами и оказать им всяческую помощь³². Снабжение армии тканями на мундир и флота парусиной теперь осуществлялось исключительно путем закупок на частных предприятиях – продолжение покровительственного курса по отношению к ним было закономерно и естественно.

Этот курс отразился в указе 12 марта 1734 г. о заведении всем желающим суконных мануфактур и фабрик амуничных вещей, «дабы армию, без вывоза иностранных, российскими сукнами удовлетворять»³³. Указ предполагал оказание новым суконным промышленникам правительственной помощи (в том числе и деньгами), а также закреплял принцип преимущественного приема сукон у русских промышленников «прежде иностранных». Он ставил задачу увеличить производство сукна до уровня продажи его «в вольный торг» по удовлетворении потребностей армии. Не исключено, что он оказал прямое влияние на основание в 1736 г. еще одной крупной суконной фабрики компанией купцов во главе с Г. Еремеевым.

Покровительственный курс отчетливо просматривается и в реакции на проект И. Полуярославцева, касающийся прежде всего его путивльской фабрики. Коммерц-коллегия и сенатор В.Я. Новосильцев поддержали многие предложения фабриканта по предоставлению ему льгот (в том числе и об авансировании его деньгами под сукна для армии), за исключением тех, которые вели к новым непроизводительным расходам военного ведомства (постройка военного магазина для сукна в Путивле) или нарушали фискальные интересы казны³⁴.

Но протекционистский курс не ограничивался только одной отраслью – он распространялся и на всю текстильную промышленность.

Практика авансового кредитования частных предприятий по контрактам на снабжение армии была одним из основных его инструментов. Однако правительство отнюдь не ограничивалась только этим. Оно, как и раньше, оказывало частному производству и прямую поддержку.

Правда, возможности государства по сравнению с концом петровской эпохи были иными. Тогда одной из основных ее форм была безденежная передача казенных предприятий со всем их имуществом. В 1730-е гг. подобные операции в силу завершившийся приватизации были резко ограничены. Одним из немногих актов подобного рода была передача И. Полуярославцеву в 1732–1733 гг. Путивльской суконной мануфактуры со всем имуществом и угодьями, но правительство и дальше передавало частным мануфактурам помещения и территории «непрофильных» производств.

Теперь на первый план вышли другие формы государственной поддержки: выдача кредитов и предоставление привилегий и льгот при заведении новых предприятий не только декларировались в законодательстве, но и продолжались на практике.

Справка о правительственных льготах промышленникам за 1719–1738 гг., представленная в 1738 г. в связи с просьбой о льготах для А. Гончарова, учла в 1730–1738 гг. 7 крупных акций правительственной помощи (из 15 за весь 20-летний период).

Помимо 1) передачи Путивльской фабрики Полуярославцеву; 2) в 1731 г. был предоставлен с рассрочкой на 10 лет кредит на исправление бумажной фабрики В. Короткому; 3) в 1734 г. И. Затрапезнову был выделен 20-тысячный кредит на бумажную фабрику с погашением в 5 лет бумагой, продленный в 1738 г. еще на 5 лет; 4) в 1736 г. ему же была продлена на 6 лет беспроцентная торговля продукцией переданных ему в 1727 г. казенных полотняной и бумажной фабрик; 5) в 1735 г. курская суконная фабрика С. и И. Голиковых получила право беспроцентной закупки сырья и торговли продукцией на 6 лет; 6–7) в 1736 г. на заведение суконной фабрики Еремееву был пожалован обветшавший Кадашевский монетный двор в Москве с предоставлением 10-тысячного кредита, а Меллеру и Рихтеру на заведение волоочильной фабрики золота и серебра для производства позумента выдан кредит в 10 000 р.³⁵

Таким образом, общая сумма учтенных правительственных кредитов составила 43 тыс. р., а срок льготы в пошлинах (обычно предоставлявшейся в петровскую эпоху на 5 лет) был даже несколько увеличен.

Итак, в царствование Анны Иоанновны сохранялись и даже развивались основы петровского промышленного законодательства, а протекционистский курс проводился на практике, во всяком случае, не менее интенсивно, чем в предшествующий период.

¹ Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 229–241.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 493. Л. 543–657.

³ ПСЗ-1. Т. IX. № 6834.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1138. Л. 18–19, 46–51, 56, 141–143 об., 169, 180.

⁵ Там же. Л. 191–256.

⁶ Там же. Л. 312.

⁷ Там же. Л. 462–465.

⁸ Там же. Л. 264–310.

⁹ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1138. Л. 10–10 об.

¹⁰ Подсчитано по: там же.

¹¹ Захаров В.Н. Указ. соч. С. 235–236.

¹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 389. Л. 66 об.; ПСЗ-1. Т. 43. Ч. 1. С. 128.

¹³ ПСЗ-1. Т. VIII. № 6262; Т. IX. № 6551.

¹⁴ Захаров В.Н. Указ. соч. С. 237–238.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 66. С. 515–520.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 76. С. 78–87.

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1176. Л. 29–30.

¹⁹ Сб. РИО. Т. 80. С. 295.

²⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1138. Л. 384–387.

²¹ Там же. Л. 315–320 об.

²² Там же. Л. 376.

²³ Захаров В.Н. Указ. соч. С. 238.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1122. Л. 618.

²⁵ Там же. Кн. 1138. Л. 388–416.

²⁶ Там же. Л. 348.

²⁷ Заозерская Е.И. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20–60 гг. XVIII в. М., 1960. С. 395.

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1138. Л. 356, 360–361.

²⁹ Там же. Кн. 1122. Л. 390–391 об.

³⁰ Заозерская Е.И. Указ. соч. С. 36–39.

³¹ Сб. РИО. Т. 124. С. 204–205.

³² ПСЗ-1. Т. 43. Ч. 1. С. 126.

³³ ПСЗ-1. Т. IX. № 6551.

³⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1122. Л. 421–427.

³⁵ Сб. РИО. Т. 124. С. 204–205.

Г.Д. Пилишвили (Курск)

**ДЕЙСТВИЯ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ
И ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В БОЯХ
ЗА ГОРОД ГЛУХОВ ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА**

П О ПЛАНУ Гитлера, изложенному в директиве № 21 от 18 декабря 1940 г. под условным наименованием «Вариант Барбаросса», ставилась задача разгромить Советский Союз в молниеносной войне и превратить территорию страны в сырьевую базу для германского рейха, опираясь на которую немцы смогли бы победить Англию, а затем и США. Ставка была сделана на внезапное вторжение, прорыв обороны танковыми группировками, окружение и уничтожение основных сил РККА с тем, чтобы через дватри, максимум пять месяцев выйти на линию Архагельск – Астрахань, после чего перебросить большую часть войск на другие фронты. Гитлер был настолько уверен в своей победе в течение одной кампании 1941 г., что установил сроки проведения операций на Среднем Востоке на осень 1941 и 1942 гг. ¹

22 июня 1941 г. дивизии гитлеровской Германии без объявления войны вторглись на территорию СССР и атаковали советские пограничные заставы по всей линии границы от Баренцева до Черного морей. Началась Великая Отечественная война советского народа с фашистскими захватчиками. Как отмечал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский: «Охрана тылов была такой же важной задачей, как удержание позиций в обороне и выполнение приказа в наступлении...»². Особую роль в борьбе с различными враждебными элементами, в поддержании строгого порядка на территории прифронтовых областей играли, наряду с войсками, выделяемыми для охраны тыла Красной армии, и

органами внутренних дел, истребительные батальоны из местного населения³.

Обстановка военного времени требовала удесятерить бдительность, вести беспощадную борьбу с фашистскими лазутчиками и шпионами, провокаторами и распространителями слухов. Фашисты забрасывали в тыл Красной армии агентов, подготовленных заблаговременно на случай войны. Помимо агентурных групп, забрасывались агенты-одиночки, действовавшие под видом беженцев, выходящих из окружения, бойцов РККА, отставших от своих частей. По численности бойцы-одиночки преобладали среди вражеских разведчиков⁴.

О подрывной работе в советском тылу Гитлер говорил: «...есть более глубокая стратегия – война интеллектуальным оружием... Зачем мне деморализовать противника военными средствами, когда я могу достичь того же самого лучше и дешевле другими способами»⁵. «Другими способами» Гитлер и его окружение считали широкое применение тотального шпионажа и диверсий, распространение слухов, и пропагандистских листовок в тылу противника. В странах Западной Европы фашистской Германии удавалось таким образом значительно облегчить продвижение своих войск, и в войне с Советским Союзом немецко-фашистское командование большое внимание уделяло дезорганизации советского тыла, подрыву морального состояния его населения.

В усилении борьбы с вражеской агентурой, обеспечении надежной охраны важнейших предприятий и учреждений, укреплении общественного порядка важную роль сыграло постановление «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов», принятое 24 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП (б) и Советом Народных Комиссаров СССР⁶. В нем были сформулированы задачи истребительных батальонов – «выявление и уничтожение вражеских парашютистов и диверсантов, обеспечение охраны промышленных предприятий, железнодорожных сооружений, электростанций, водокачек, мостов и других объектов, которые могут быть подвергнуты нападению со стороны немецко-фашистских парашютистов», определялся комплекс практических мероприятий по созданию истребительных батальонов и руководству их оперативной и боевой деятельностью⁷.

В тот же день СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами, диверсантами противника

в прифронтовой полосе»⁸. Оно было утверждено Политбюро ЦК ВКП (б) и стало важным правительственным документом, регламентирующим всю деятельность истребительных батальонов в условиях военного времени. Во исполнение этого постановления Наркомат внутренних дел 25 июня 1941 г. дал указание руководителям местных органов НКВД прифронтовых областей формировать истребительные батальоны⁹.

Истребительные батальоны складывались главным образом из партийного и советского актива, из добровольцев, физически крепких и подготовленных в военном отношении, но не подлежащих призыву в действующую армию. Наряду с этим новым военизированным формированием было предложено «...создать в колхозах, совхозах и отдельных промышленных предприятиях в районах своей деятельности группы содействия. На них следовало возложить информирование истребительных батальонов (как их командиров, так и, в зависимости от обстановки, отдельных бойцов) обо всех случаях появления парашютных десантов и диверсионных групп противника в районе деятельности истребительных батальонов»¹⁰.

Первоначально истребительные батальоны создавались в западных областях СССР, затем в других районах, близких к полосе военных действий. В числе регионов, где их формирование началось уже в первые дни войны, была и Курская область. 26 июня 1941 г. бюро Курского обкома ВКП (б) и облисполком приняли постановление, обязывавшее первых секретарей райкомов партии и начальников РО НКВД немедленно приступить к организации истребительных батальонов во всех районах Курской области, проведя в трехдневный срок необходимые для этого мероприятия. Постановление во многом дублировало вышеупомянутые указания центральных органов. Численность создаваемых батальонов устанавливалась от 100 до 200 человек, исходя из конкретных условий района, при этом райкомы ВКП (б) должны были выделить в распоряжение райотделений НКВД «потребное количество членов и кандидатов ВКП (б), проверенных членов ВЛКСМ и советского актива, способного владеть оружием, из числа лиц, не подлежащих мобилизации»¹¹. Из надежных оперативных работников НКВД предлагалось подобрать и утвердить на бюро райкомов начальников истребительных батальонов, из ответственных работников РК ВКП (б) – их заместителей по политчасти. В постановлении

давались также указания по обеспечению батальонов оружием и средствами передвижения. Руководство истребительными батальонами в масштабах области было возложено на начальника УНКВД капитана госбезопасности А.И. Поташева (с 31 июля, после объединения структур НКВД – НКГБ, областное Управление НКВД возглавил капитан госбезопасности П.М. Аксенов)¹².

28 июня 1941 г. в соответствии с приказом НКВД СССР № 00821 от 26 июня при Управлении НКВД Курской области была создана оперативная группа по организации борьбы с диверсантами и парашютным десантом противника во главе с начальником – капитаном госбезопасности А.В. Борзенковым и заместителем начальника Управления НКГБ – капитаном госбезопасности В.Т. Аленцевым¹³.

Для вооружения истребительных батальонов Курской области со складов артиллерийского управления РККА, складов войск НКВД и от Осоавиахимовских организаций было получено:

1. Станковых пулеметов – 8 шт.
2. Ручных пулеметов – 20 шт.
3. Винтовок модернизированных кавалерийских и пехотных – 6668 шт.
4. АВС (самозарядных) – 2167 шт.
5. Винтовок иностранного образца – 155 шт.
6. Карабинов – 61 шт.
7. Револьверов – 15 шт.
8. Гранат РГД-33 – 10 000 шт.
9. Клинков кавалерийских – 1382 шт.
10. Боепатронов винтовочных – 1 115 000 шт.
11. Боепатронов револьверных – 3 048 000 шт.¹⁴

Помимо этого, для довооружения истребительных батальонов на местах использовались малокалиберные винтовки 345 шт. и 1174 охотничьих ружья, собранных у местного населения. Естественно, количество оружия и боеприпасов постоянно изменялось из-за участия истребителей в боевых операциях, передачи некоторой части оружия народному ополчению, частям Красной армии¹⁵.

Для обеспечения боевой подготовки личного состава истребительных батальонов был составлен план в объеме 258 учебных часов. Кроме того, на подготовку медработников отводилось 56 часов. В соответствии с учебным планом была разработана программа по всем дисциплинам, на основе которой было составлено расписание занятий на 10–15 дней. Занятия были установлены:

а) для бойцов, находящихся на казарменном положении – 10 часов в сутки; б) для бойцов, которые призывались в батальоны без отрыва от производства – 8 часов в неделю в установленные расписанием часы¹⁶. В письме облисполкома УНКВД, направленном в районы области 1 июля 1941 г., отмечалось, что «вся работа, связанная с организацией и деятельностью истребительных батальонов, не должна отрывать личный состав... от исполнения производственных и служебных обязанностей»¹⁷. Комплектование истребительных батальонов в основном было завершено к 29 июня 1941 г.

30 сентября – 2 октября 1941 г. началось наступление немецко-фашистских войск на Москву. Прежде всего они развернули действия против войск Брянского фронта (командующий генерал-полковник А.И. Еременко). 30 сентября 2-я танковая группа генерала Гудериана из района Шостки Сумской области нанесла мощный удар по левому флангу Брянского фронта. Имея значительное превосходство в силах, противник прорвал оборону советских войск, организовал и повел наступление в направлении г. Орла. 3 октября вражеские войска захватили Орел. Накануне, 2 октября, перешли в наступление главные силы группы армий «Центр» против Западного и Резервного фронтов. Так началась битва за Москву¹⁸.

В ходе этой битвы ареной боевых действий с начала октября 1941 г. стала и Курская область. На ее территории сражались 13-я (командующий генерал-майор А.М. Городнянский) и часть войск 3-й (командующий генерал-майор Я.Г. Крейзер) армии Брянского фронта. 7 октября 1941 г. командование фронта отдало приказ о прорыве кольца окружения. Днем и ночью, ведя ожесточенные бои с войсками неприятеля, советские воины упорно продвигались в восточном и юго-восточном направлениях и к 22–23 октября 1941 г. вышли из окружения, заняв оборону в районе Белева (Тульская область) – Кром – Понырей – Фатежа – Макаровка (восточнее г. Льгова)¹⁹.

Уже в сентябре 1941 г. курские истребители впервые были использованы для организации обороны ряда районов области от войск противника. Истребительные батальоны действовали по плану обороны области самостоятельно только если частей Красной армии в районе не было. А если здесь они дислоцировались, то начальники РО НКВД и командиры истребительных батальонов всю работу проводили в полном согласовании с общевойсковым командованием²⁰.

В ходе оборонительных боев, которые вели войска Брянского и Юго-Западного фронтов, между флангами 13-й и 40-й армий этих фронтов образовался разрыв шириной до 90–100 км. На этом участке оказалась лишь одна воинская часть²¹.

7 сентября немцы, отбросив части Красной армии на восток, заняли г. Глухов. Войсковая часть под командованием майора Свешникова, входившая в состав оперативного отряда Харьковского военного училища, 8 сентября заняла оборону на восточном берегу р. Обеста. Остальной состав отряда ХВО оборонял г. Путивль Сумской области.

Майор Свешников с 600 бойцами и 12 орудиями занял оборону шириной в 12 км, не имея справа и слева прикрытия флангов, он опасался окружения со стороны противника. Прибывший 8 сентября в районный центр с. Крупец заместитель начальника УНКВД Курской области капитан госбезопасности В.Т. Аленцев решил подкрепить часть майора Свешникова ближайшими подразделениями истребительных батальонов, для чего были вызваны из Рыльского 60, из Льгова – 60, из Коренево и Глушково – 58 человек²².

Кроме того, было привлечено около 40 бойцов из Крупецкого истребительного батальона. Половина прибывших людей сразу была распределена в подразделения, держащие оборону, а другая половина как резерв сосредоточена в с. Крупец. 10 сентября майор Свешников получил приказ об отходе за р. Сейм для занятия нового рубежа обороны на фронте Карыж – Теткино. Таким образом, Крупецкой, Хомутовский и Рыльский районы оказались открытыми и, как уже упоминалось выше, образовался разрыв между флангами двух армий.

Чтобы быстро закрыть эту брешь, на участок обороны к западу от райцентра с. Крупец были направлены истребительные батальоны 7 районов – Льговского, Крупецкого, Рыльского, Хомутовского, Коньшевского, Дмитриевского и Фатежского. На вооружении они имели винтовки, несколько автоматов и ручных пулеметов, гранаты, бутылки с зажигательной смесью.

С 11 сентября 1941 г., после того как В.Т. Аленцев был отозван в Курск, руководство действиями истребительных батальонов было возложено на начальника 1-го отделения 4-го отдела НКВД области майора А.Г. Климина. В течение 10 суток бойцы истребительных батальонов, заняв позиции по окраинам с. Крупец, подверглись артиллерийскому и ружейно-пулеметному обстрелу противника,

бомбежкам немецких самолетов. В эти дни они активно вели разведывательную деятельность. Ежедневно выходили в разведку 60–80 человек. Велась и агентурная разведка. Разведчики проникали в г. Глухов Сумской области, другие населенные пункты, занятые врагом, принося оттуда ценные сведения о противнике. Своими действиями бойцы истребительных батальонов создавали видимость присутствия на этом участке наших войсковых соединений, не позволяли немцам развивать наступление в направлении Крупецкого и Хомутовского районов. Собранные разведывательные данные помогли штабу Брянского фронта и руководству Курской области разобраться с создавшейся на этом направлении обстановкой. Эти сведения особенно были важны для командования 2-й гвардейской стрелковой и 121-й танковой дивизий, прибывших 19–20 сентября на участок фронта к западу и северо-западу от с. Крупец²³.

Отряд истребительных батальонов в Крупецком районе сковал боевые части противника, что позволило эвакуировать из Крупца 75 вагонов свекловичных семян, 13 т пеньки, 30 тысяч мешкотары. 22 сентября бойцы истребительных батальонов в составе воинских подразделений приняли участие в очистке от немецких автоматчиков Шалыгинского леса, расположенного на стыке Сумской и Курской областей, а днем ранее, 21 сентября 1941 г., деятельность сводного отряда истребительных батальонов была прекращена и они вернулись в свои районы.

¹ Филоненко С.И. Острогожско-Россошанская операция // Сталинград на Верхнем Дону / С.И. Филоненко, А.С. Филоненко. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж, 2005. С. 11.

² Цит. по: Доманк А.С. Тыл Огненной дуги. Воронеж, 1989. С. 131.

³ Добров П.В. Народное ополчение в годы Великой Отечественной войны: В 2-х т. Т. 1. Донецк, 1994. С. 21.

⁴ Шамаев В.Г. Партийное руководство военно-патриотическим воспитанием населения Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 1988. С. 95.

⁵ Комков Г.Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965. С. 151.

⁶ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Хроника. М., 1970. С. 17.

⁷ Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999. С. 123.

- ⁸ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало: 22 июня–31 августа 1941 года. М., 2000. С. 65.
- ⁹ Шамаев В.Г. Указ. соч. С. 96.
- ¹⁰ Шамаев В.Г. Там же.
- ¹¹ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО). Ф. П 1. Оп. 1. Д. 2609. Л. 59.
- ¹² Там же. Л. 60–61.
- ¹³ На страже порядка. Из истории органов внутренних дел Курского края. Курск, 2002. С. 113.
- ¹⁴ ГАОПИ КО. Ф. П 1. Оп. 1. Д. 2773. Л. 16.
- ¹⁵ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁶ Там же. Л. 7.
- ¹⁷ Манжосов А.Н. Нас покориться никто не заставит // Курский край: Научно-исторический журнал. Курск, 2000. № 3 (12). С. 43.
- ¹⁸ Гришков И.Г. Курская область в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1993. С. 19.
- ¹⁹ Ефременко А.И. В начале войны. М., 1964. С. 372, 374; Самсонов А.М. Поражение вермахта под Москвой. М., 1981. С. 155.
- ²⁰ Архив УФСБ РФ по Курской области (А УФСБ РФ КО). Ф. 4. Д. 128. Л. 14.
- ²¹ Ищенко А.И. Вечный бой... К 80-летию Курской милиции. Курск, 1998. С. 28.
- ²² Информационный центр УВД Курской области (ИЦ УВД КО). Ф. 38. Оп. 1. Д. 3. Л. 252.
- ²³ Гришков И.Г. Указ. соч. С. 21–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Горегляд Петр Владиславович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Ковалев Сергей Николаевич – НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Коновалов Александр Федорович – ВИМАИВиВС, младший научный сотрудник.

Коровин Владимир Викторович – Юго-Западный государственный университет (Курск), профессор, доктор исторических наук.

Коршунов Эдуард Львович – НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, начальник отдела.

Кочуков Сергей Анатольевич – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Институт истории и международных отношений, кафедра Российской цивилизации и методики преподавания истории, кандидат исторических наук, доцент.

Круглова Анна Рослановна – ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник.

Кручинин Андрей Сергеевич – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), ведущий научный сотрудник.

Крюков Виктор Григорьевич – Объединенный совет РВиА Московского комитета ветеранов Великой Отечественной войны, председатель.

Кудзеевич Леонид Владимирович – Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник.

Курсанина Наталия Леонидовна – Национальный военно-исторический музей Украины, научный сотрудник; Национальная Академия руководящих кадров культуры и искусств, старший преподаватель.

Лазарев Сергей Анатольевич – ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Ласкова Наталья Васильевна – Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), доцент, кандидат исторических наук.

Лебедева Светлана Соломоновна – Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, доктор педагогических наук, профессор.

Липина Светлана Анатольевна – Ижевский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент.

Литвин Тимур Сергеевич – Государственный историко-культурный заповедник «Поле Полтавской битвы» (Полтава, Украина), главный хранитель фондов.

Лихачева Ольга Сергеевна – Алтайский государственный университет (Барнаул), магистрант 2 курса исторического факультета.

Лобин Алексей Николаевич – Государственный комплекс «Дворец конгрессов» Управления делами Президента Российской Федерации (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук.

Ломакин Николай Владимирович – ВИМАИВиВС, научный сотрудник.

Лосик Александр Витальевич – редакция журнала для ученых «Клио», заместитель главного редактора, доктор исторических наук, профессор.

Лохматов Максим Георгиевич – Государственный мемориальный музей А.В. Суворова (Санкт-Петербург), хранитель фондов.

Лукашевич Андрей Михайлович – Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь), кандидат исторических наук, доцент.

Лукирский Александр Николаевич – Государственный мемориальный музей А.В. Суворова (Санкт-Петербург), заведующий отделом.

Лысов Михаил Юрьевич – Алтайский государственный университет (Барнаул), магистрант 1 курса.

Люттик Дмитрий Владимирович – гимназия (Гродно, Республика Беларусь), учитель истории.

Маковская Лилла Константиновна – ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник, эксперт Росохранкультуры.

Малахов Геннадий Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Марыняк Андрей Владимирович – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), старший научный сотрудник.

Мегорский Борис Вадимович – Клуб военно-исторической реконструкции «Лейб-гвардии Преображенский полк, 1709» (Санкт-Петербург), руководитель клуба.

Меньшиков Дмитрий Никитович – Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет («ЛЭТИ»), ассистент кафедры, кандидат исторических наук.

Милосердов Дмитрий Юрьевич – Государственный Дарвиновский музей (Москва), старший научный сотрудник.

Михайлов Александр Владимирович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Михайлов Андрей Александрович – НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент.

Молтусов Валерий Алексеевич – Полтавский национальный технический университет им. Ю. Кондратюка (Украина), преподаватель, кандидат исторических наук, доцент.

Мосунов Вячеслав Альбертович – ВИМАИВиВС, научный сотрудник.

Нератова Елизавета Ивановна – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), заведующая отделом.

Никитин Владимир Олегович – ВИМАИВиВС, научный сотрудник

Николаева Анна Сергеевна – Музеи Московского Кремля, кандидат исторических наук.

Новоселов Василий Рудольфович – Музеи Московского Кремля, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Ноздрин Олег Яковлевич – Орловская региональная академия государственной службы, доцент, кандидат исторических наук.

Орленко Сергей Павлович – Музеи Московского Кремля, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Орлов Алексей Викторович – Санкт-Петербургский Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (НИУ ИТМО), доцент, кандидат исторических наук.

Оточкин Вячеслав Валентинович – Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), преподаватель, кандидат исторических наук.

Павлович Марина Кировна – Музеи Московского Кремля, заведующая сектором современной документации, кандидат исторических наук.

Палтусова Ирина Николаевна – Государственный Исторический музей, заведующая отделом оружия, кандидат исторических наук.

Пасхин Сергей Михайлович – ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент.

Пенской Виталий Викторович – Белгородский государственный университет, профессор, доктор исторических наук, доцент.

Петров Александр Александрович – Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва), старший научный сотрудник.

Петрова Елена Петровна – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, хранитель фондов.

Петрухинцев Николай Николаевич – Орловская региональная академия государственной службы (липецкий филиал), профессор, доктор исторических наук.

Пилишвили Георгий Джунглович – Курский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент.

Портупеев Александр Анатольевич – ОАО АКБ «Якорь» (Москва), ведущий инженер.

Птицын Виктор Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Райконен Елена Евгеньевна – Северо-западная академия государственной службы (Санкт-Петербург), доцент, кандидат юридических наук.

Рупасов Александр Иванович – Санкт-Петербургский институт истории РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук.

Чернухин Виктор Андреевич – ВИМАИВиВС, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, профессор.

Щерба Александр Николаевич – НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, старший научный сотрудник, доктор исторических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковалев С.Н.</i> Взаимодействие Австрии и России по обеспечению похода русского вспомогательного корпуса на Рейн	3
<i>Коновалов А.Ф.</i> Патриотическое воспитание выпускников кадетских корпусов – участников и героев Отечественной войны 1812 года	13
<i>Коровин В.В.</i> Курский край и куряне в Отечественной войне 1812 года	35
<i>Коршунов Э.Л., Рутасов А.И.</i> Война за австрийское наследство 1741–1748 годов и Россия	45
<i>Кочуков С.А.</i> Проекты военной кампании против Османской империи: неизвестные архивные документы (1870-е годы)	53
<i>Круглова А.Р.</i> Новая атрибуция артиллерийского полкового знамени	62
<i>Кручинин А.С.</i> «Озерный фронт» (Партизанские операции подполковника С.Н. Булак-Балаховича в феврале – апреле 1919 года)	67
<i>Крюков В.Г., Чернухин В.А.</i> «Подтвердить от меня во всех ротах...»: К 200-летию гибели в Бородинском сражении генерал-майора А.И. Кутайсова	81
<i>Кудзеевич Л.В.</i> Служба П.П. Ласси в послепопелтавский период Северной войны (1709–1718)	89
<i>Курсанина Н.Л.</i> Попытки введения рассыпного строя и индивидуальной стрелковой подготовки пехоты (По материалам приказов 1818 года)	100
<i>Лазарев С.А.</i> Автомат Калашникова – новый геральдический символ в России и зарубежом	113
<i>Ласкова Н.В.</i> Англо-французские военные действия в Северной Америке и крах шотландской колонии Розмарин (1628–1629)	121
<i>Лебедева С.С.</i> Герой войны 1812 года на военном и социальном поприще	134

<i>Литина С.А.</i> Война и техническая модернизация: Ижевский оружейный завод в годы Первой мировой войны	141
<i>Литвин Т.С.</i> Малороссийская казацкая кавалерия в Восточной войне 1853–1856 годов	155
<i>Лихачева О.С.</i> Клинковое оружие раннего железного века из лесостепного Алтая: проблема морфологического разграничения	165
<i>Лобин А.Н.</i> Неизвестные образцы русской артиллерии 1660–1670-х годов	185
<i>Лосик А.В., Щерба А.Н.</i> Фельдмаршал Барклай-де-Толли о войне 1812 года	196
<i>Лохматов М.Г.</i> Оружие из Суворовского сборника В.П. Энгельгардта в собрании музея А.В. Суворова	208
<i>Лукашевич А.М.</i> Организация военного управления в белорусско-литовских губерниях Российской империи (1796–1812)	215
<i>Лукирский А.Н.</i> Значение суворовских походов в карьере генералов Российской армии начала XIX века	231
<i>Лысов М.Ю.</i> Модели оружия в памятниках пазырыкской культуры	236
<i>Люттик Д.В.</i> Артиллерия Гродненской крепости: организация и применение	243
<i>Маковская Л.К., Горегляд П.В., Ломакин Н.В.</i> Ударные ружья системы Иммануэля Нобеля (Из истории испытаний экспериментального ударного оружия в России в 1830–1840-х годах)	260
<i>Марьяк А.В.</i> К вопросу о привлечении на военную службу воспитанников высших учебных заведений в годы Первой мировой войны	278
<i>Мегорский Б.В.</i> Помощь осажденной крепости в теории XVII–XVIII веков и в практике Северной войны	293
<i>Меньшиков Д.Н.</i> Действия русской пехоты в сражении на Жаворонковой горе 9 октября 1633 года	308
<i>Милосердов Д.Ю.</i> Остеологические материалы рукоятей клинкового оружия XIX–XX веков в Индоиранском регионе и на сопредельных территориях	322
<i>Михайлов А.А.</i> Русско-турецкая война 1736–1739 годов: историографический аспект	332

<i>Михайлов А.В., Малахов Г.В., Портупеев А.А.</i> «Война и мир» Тульского оружейного завода (Производство, технологии, люди в 1800–1830 годах)	349
<i>Михайлов А.В., Птицын В.В.</i> Металлорежущие и измерительные инструменты Тульского оружейного завода (Памятники науки и техники из собрания Музея истории развития инструментального дела Тульского государственного университета)	360
<i>Михайлов А.А., Райконов Е.Е.</i> Комплектование личного состава Пограничной стражи в XIX – начале XX веков	364
<i>Молтусов В.А.</i> Шведская фортификация в Полтавской операции 1709 года	378
<i>Мосунов В.А.</i> Борьба за Пулковский рубеж в сентябре 1941 года	384
<i>Нератова Е.И.</i> О подходах к формированию оружейного собрания в Этнографическом музее в 1902–1940-х годах (На примере кавказских коллекций Российского этнографического музея)	400
<i>Никитин В.О.</i> Рукопись «Записок» И.С. Жиркевича в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	407
<i>Николаева А.С.</i> Экспонирование оружия в сокровищнице российских императоров в начале XIX столетия	411
<i>Новоселов В.Р.</i> К истории нагрудных гвардейских офицерских знаков эпохи Петра I из собрания Музеев Московского Кремля	425
<i>Ноздрин О.Я.</i> Воин, инженер, предприниматель. Дела и служба Александра Крофорда в Московском государстве	434
<i>Орленко С.П.</i> К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени	441
<i>Орлов А.В.</i> Проблемы начального формирования военно- промышленного комплекса России в 1896–1917 годах	457
<i>Оточкин В.В.</i> Генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов и Обсервационный корпус в Семилетней войне 1756–1763 годов	479
<i>Павлович М.К.</i> Отражение Отечественной войны 1812 года в основных направлениях деятельности Музеев Московского Кремля XX века	491
<i>Палтусова И.Н.</i> Никола-Ноэль Бутэ – оружейник императора	502

<i>Пасхин С.М.</i> Управление и связь в Отечественной войне 1812 года	519
<i>Пенской В.В.</i> Поход русского войска в Ливонию зимой 1559 года ...	531
<i>Петров А.А.</i> Участники Русско-турецкой войны 1877–1878 годов в Белом движении	545
<i>Петрова Е.П.</i> Оружие из дворянских усадеб В.С. Храповицкого, Воронцовых-Дашковых, Трегубовых в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника	556
<i>Петрухинцев Н.Н.</i> Проблемы снабжения армии в годы русско-турецкой войны 1735–1739 годов и правительственная политика в отношении легкой промышленности	566
<i>Пилишвили Г.Д.</i> Действия частей Красной армии и истребительных батальонов Курской области в боях за город Глухов осенью 1941 года	579
Сведения об авторах	587

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Третьей международной
научно-практической конференции

В трех частях

Часть 2

Редактор: *Е.М. Пожидаева, В.И. Лобачевский*

Художник: *Н.Ю. Якубовская*

Технический редактор: *В.И. Хоронко*

Верстка: *Т.И. Таранова*

Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Лицензия ПД № 2-69-528

Подписано в печать 18.04.12.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 18,6.

Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в ЦОП ГУ ВИМАИВиВС.

Санкт-Петербург, Александровский парк, 7.

Тел./факс: (812) 610-33-01, 610-33-29

ФГУКиИ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.